РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

В. Б. ЛОПУХИН

ЗАПИСКИ
БЫВШЕГО ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ

Ответственный редактор С. В. Куликов

Нестор-История
Санкт-Петербург
2008

УДК **947.083**
ББК **63.3(2)53**

Утверждено к печати Ученым советом
Санкт-Петербургского института истории РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 06-01-16171д

Рецензенты
д. и. н. А. Н. Цамутали
к. и. н. П. Г. Рогозный

Ответственный редактор к. и. н. *С. В. Куликов*

Подготовка текста *С. В. Куликова* и *Д. Н. Шилова*
Вступительная статься и именной указатель *С. В. Куликова*
Комментарии *С. В. Куликова* (реальные и текстологические)
и *Д. Н. Шилова* (текстологические)

Лопухин В. Б. Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел / Отв. ред. С. В. Куликов; вступ. стат. С. В. Куликова, подгот. текста и комм. С. В. Куликова, Д. Н. Шилова. — СПб. : Нестор-История, 2008. — 540 с.

ISBN 978-59818-7268-6

Воспоминания Владимира Борисовича Лопухина, камергера Высочайшего двора, представителя известной аристократической фамилии, служившего в конце XIX – начале XX в. в Министерствах иностранных дел и финансов, в Государственной канцелярии и контроле, несут на себе печать его происхождения и карьеры, будучи ценнейшим, а подчас — и единственным, источником по истории рода Лопухиных, родственных ему родов, перечисленных ведомств и петербургского чиновничества, причем не только до, но и после 1917 г. Написанные отменным литературным языком, воспоминания В.Б. Лопухина, впервые публикуются в полном объеме и имеют несомненный интерес, как для специалистов, так и для широкого круга читателей.

Летопись жизни страны и человека: В. Б. Лопухин и его воспоминания

С. В. Куликов

Традиционно в поле зрения историков и всех интересующихся историей оказываются воспоминания государственных деятелей первого эшелона власти, что вполне оправданно — блестящая карьера заставляет ожидать от того, кто ее проделал, и не менее блестящих литературных способностей. Однако довольно часто воспоминания выдающихся государственных деятелей не оправдывают ожидания читателя — если не формой, то содержанием. Это либо откровенные самооправдания, либо потуги на глубокомысленные рассуждения, которые отрывают автора от почвы исторической реальности, укоренение в которой как раз и является целью исследователя. В воспоминаниях важны не только общие места, но и черты лиц и детали событий, известные лишь мемуаристу, кажущиеся, на первый взгляд, малозначащими или само собой разумеющимися, а потому отсутствующие в воспоминаниях великих мира сего. С этой точки зрения выгодно отличаются мемуары представителей второго эшелона власти, поскольку их авторы, не страдая завышенной самооценкой, в большей степени склонны уделять внимание не столько своим рефлексиям, сколько окружающим людям и обстоятельствам, позволяя читателю вместе с автором почти физически погрузиться в толщу времен. Именно к такого рода историческим источникам и относятся воспоминания Владимира Борисовича Лопухина, который хотя и назвал их «Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел», на самом деле был типичным представителем второго эшелона власти. Директора департаментов входили в состав бюрократической элиты, т. е. первого эшелона власти, но наш мемуарист числился среди них менее года и на протяжении всей своей предыдущей карьеры относился ко второму эшелону.

По словам А. И. Добкина, В. Б. Лопухин — «незнаменитый человек, его судьбу нельзя назвать бурной или прихотливой»[a]. Лучше всего о происхождении, родственном окружении и жизненном пути В. Б. Лопухина рассказал он сам, од-

[a] Минувшее: Ист. альм. Вып. 1. М., 1990. С. 10.

нако позволительно более подробно обрисовать этого, в общем-то, незаурядного человека. Можно согласиться с тем, что лично В. Б. Лопухин действительно не отличался знаменитостью, но громкую славу снискал и род, к которому он принадлежал, и те роды (Оболенских[a], Протасьевых, Самариных, Свербеевых, Столыпиных, Трубецких[b], Унковских, Урусовых и других), в родстве или свойстве с которыми он состоял.

Род Лопухиных — один из древнейших родов российского дворянства[c]. Первое упоминание о его полулегендарном основателе датировано 1022 г. и встречается на страницах «Повести временных лет» — им явился касожский (черкесский) князь Редедя, женившийся на дочери князя Мстислава Владимировича и внучке крестителя Руси Владимира Святославовича. Важнейшее звено в истории рода Лопухиных — жизнь Михаила Юрьевича Сорокоума, боярина московского князя Ивана Калиты. Именно этот боярин и стал исторически достоверным родоначальником Лопухиных, а также Бобровых, Глебовых, Лаптевых, Лупандиных, Телегиных и многих других дворянских фамилий. Возвышению Лопухиных содействовало то, что в 1689 г. они породнились с царствующей династией — тогда женой Петра I стала Евдокия Федоровна Лопухина, родившая ему первенца — царевича Алексея Петровича.

Хотя дальнейшая судьба первой жены монарха-преобразователя и его сына была, как известно, весьма трагической, Лопухины и в период Российской империи входили в состав правящей элиты страны. Впрочем, во второй половине XIX в., в отличие от родственных им князей Трубецких, Лопухины оказываются в некотором отдалении от высшей аристократии. Сравнивая обе фамилии, двоюродный брат мемуариста князь Е. Н. Трубецкой вспоминал о Лопухиных: «Это была также стародворянская типическая семья, но совершенно в другом стиле. В стиле этом не было княжеского великолепия, не было той ширины барского размаха, как у дедушки Петра Ивановича, но зато было несравненно больше свободы. А главное, была недостающая старому поколению Трубецких душевная теплота, простота, естественность, жизнерадостность и та очаровательная стародворянская уютность жизни, которая нашла себе гениальное изображение в семействе Ростовых толстовского романа». Судя по всему, Лопухины второй половины XIX в. тяготели не столько к столицам, сколько к провинции, к земле, что приводило к известному демократизму семейных нравов и содействовало адаптации к реалиям пореформенной России. «Свободные отношения отцов и детей, внуков и дедов облегчали переход от старой России к новой, — подчеркивал Е. Н. Трубецкой. — Семья Лопухиных в шестидесятых годах была куда современнее, чем семья Трубецких. Благодаря этому и спор отцов и детей здесь проявился в других формах, несравненно

[a] О ветви этого рода, связанной с Лопухиными, см.: Записки князя Дмитрия Александровича Оболенского. 1855–1879. СПб., 2005.

[b] О взаимоотношениях Лопухиных с Трубецкими см.: *Трубецкой Е. Н.* Из прошлого // Россия воспрянет. Князья Трубецкие. М., 1996. С. 16–20.

[c] Подробнее о нем см.: Дворянские роды Российской империи. Т. 2. М., 1995. С. 171–180; *Краевский Б. П.* Лопухины в истории Отечества: К 1000-летию рода. М., 2001. См. также: *Островский А. В.* Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 191–214.

более мягких; несмотря на этот спор, расстояние между поколениями все-таки не превращалось в пропасть»[a]. Несомненно, что характерная для Лопухиных сравнительная бесконфликтность отношений между поколениями наложила свою печать и на детство В. Б. Лопухина.

Отцом автора воспоминаний был видный судебный деятель Борис Алексеевич Лопухин (1844–1897), женатый на Вере Ивановне, урожденной Протасьевой. В течение свой карьеры Б. А. Лопухин завязывал дружеские отношения с людьми, которые впоследствии стали выдающимися сановниками Российской империи. К их числу относились государственный секретарь и министр юстиции Н. В. Муравьев, сенатор и член Государственного совета В. В. Калачов и, наконец, государственный секретарь и министр внутренних дел В. К. Плеве. Связи отца с перечисленными лицами позднее предопределили успех карьеры сына, равно как и ее своеобразие.

Владимир Борисович Лопухин родился 27 мая 1871 г.[b] Владимир Борисович был не единственным ребенком в семье — в 1878 и 1883 г. у него появились брат, Евгений Борисович (умерший после 1940 г.), и сестра, Вера Борисовна (год ее смерти неизвестен). Судя по всему, к моменту рождения В. Б. Лопухина и даже его поступления на службу его отец был достаточно состоятельным человеком. Во всяком случае, как видно из сыновнего формулярного списка, повторявшего более ранние сведения, в 1906 г. Б. А. Лопухин, в действительности умерший девять лет назад, владел 4000 десятин земли при с. Большое Ухолово и д. Изурова Рязанского уезда и базарной площадью при названном селе[c].

Согласно «Краткому сведению» В. Б. Лопухина, документу, составленному в 1914 г. на основании позднейших формуляров в канцелярии Министерства императорского двора в связи с пожалованием его в камергеры, в соответствующей графе указано, что недвижимого имущества у него нет[d]. Сам В. Б. Лопухин, описывая ситуацию, в которой он оказался в конце 1917 г., после ухода (не по своей вине) с государственной службы, сообщал: «У меня, да и у моей жены, никакой недвижимой собственности, ни капитала никогда не было. Ни я, ни жена не успели ни от кого получить никакого наследства. Было припасено несколько сотен рублей, и то доставшихся путем учета в Обществе взаимного кредита дружеских векселей». Помимо этого, в распоряжении чиновника, занимавшего один из руководящих постов в Министерстве иностранных дел (!), имелись только 2–3 выигрышных билета внутренних займов, «кое-какие» ювелирные ценности жены, собственные ордена, золотой портсигар, подаренный сослуживцами, карманные золотые часы и столовое серебро (см. с. 320 настоящего издания). Существуя почти исключительно за счет собственного жалования, В. Б. Лопухин, таким образом, являлся типичным представителем оскудевшего, т. е. безземельного, дворянства.

---

[a] *Трубецкой Е. Н.* Из прошлого. С. 16, 19.

[b] Об источниках, содержащих информацию о вехах жизненного пути В. Б. Лопухина, см.: *Куликов С. В.* Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции // Из глубины времен. СПб., 1995. Вып. 5. С. 39.

[c] РГИА. Ф. 1162. Оп. 7. Д. 630. Данные из сохранившегося в этом деле формуляра предоставил Д. Н. Шилов.

[d] Там же. Ф. 472. Оп. 45. 1914 г. Д. 10а. Л. 209 об.

Несмотря на то, что многие безземельные дворяне, подобно В. Б. Лопухину, формально принадлежали к древнейшим аристократическим родам, столпы поместного дворянства не считали их своими собратьями. В. Н. Ознобишин заявил 21 мая 1906 г. на заседании Первого съезда уполномоченных дворянских обществ, что «истинное дворянство поместное, живущее на земле, ничего общего не имеет с теми дворянами, которые наполняют петербургские канцелярии и которые никакими традициями с поместным дворянством не связаны»[a]. Приведенная точка зрения предопределялась тем, что безземельные дворяне, действительно, как бы выпадали из своего сословия. По наблюдениям двоюродного племянника В. Б. Лопухина, князя С. Е. Трубецкого, представители дворянства, не имевшие поместий, теряли характерные черты «служилого сословия»[b]. Безземельные дворяне, захваченные течением социальной эволюции, пополняли ряды российской интеллигенции. Потомственные дворяне, «порвавшие связь с землевладением, — указывал кадетский историк А. М. Ону, — слились с интеллигенцией»[c]. Лопухин, будучи формально выходцем из потомственного дворянства, фактически по своему социальному статусу принадлежал к интеллигенции.

Принадлежность безземельных дворян к интеллигенции закреплял фактор второй социализации, т. е. получавшееся ими образование. Среднее образование В. Б. Лопухин приобрел в Ярославской классической гимназии, поскольку именно в Ярославле долгое время служил его отец. Однокашником В. Б. Лопухина являлся не кто иной, как знаменитый в будущем певец Л. В. Собинов. Позднее В. Б. Лопухин учился на физико-математическом факультете Петербургского университета, что было нетипично для представителей бюрократической элиты, в состав которой он вошел позднее. Большинство из них училось на юридических факультетах университетов и в привилегированных учебных заведениях (Александровский лицей, Училище правоведения, Пажеский корпус), и В. Б. Лопухин являл собой такое же исключение из правил, как С. Ю. Витте и П. А. Столыпин, окончившие, соответственно, физико-математический и естественный факультеты. В 1894 г., по окончании университета с дипломом 1-й степени, В. Б. Лопухин был оставлен, правда, без стипендии, при кафедре астрономии для продолжения научных занятий под руководством профессора С. П. Глазенапа. Несколько лет В. Б. Лопухин пытался совмещать занятия наукой и государственную службу, однако, в конце концов, выбрал вторую. В данном случае частный пример также подтверждал общую тенденцию.

В России в конце XIX – начале XX в. отношения власти и науки на персональном уровне протекали в рамках трех идеальных типов — «ученого во власти», «несостоявшегося ученого» и «просвещенного сановника»[d]. Несомненно, что В. Б. Лопухин воплощал второй из них — тип «несостоявшегося ученого»: он обобщал индивидуальные черты чиновников, имевших ментальность ученого, которую в силу тех или иных чисто внешних причин они не актуализировали

---

[a] Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. М., 2001. С. 49.

[b] *Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 117.

[c] *Ону А. М.* Загадки русского сфинкса. М., 1995. С. 19.

[d] Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов: Материалы междунар. науч. коллоквиума. СПб., 2003.

до конца. К научному сообществу они принадлежали поэтому не по формальному статусу, а именно по ментальности, присущей, в частности, старшему другу В. Б. Лопухина, крупному государственному деятелю Н. Н. Покровскому. «По каждому делу, — вспоминал В. Б. Лопухин, характеризуя его как товарища министра финансов, — Н. Н. вел большую подготовительную работу, изучая прецеденты, историю вопроса, научную его трактовку, соответствующее иностранное законодательство, подбирая материал для согласования проводимой новой меры с системою соприкасавшихся с нею законоположений. Большая эрудиция, начитанность Н. Н. и усвоенные им знания в области политической экономии и финансового права были поистине изумительные. Ему могли в этом отношении позавидовать квалифицированные академики и профессора» (с. 145).

Одной из причин существования прослойки «несостоявшихся ученых» являлось оскудение дворянства. Профессиональные занятия наукой, особенно для начинающих ученых, были довольно дорогим удовольствием, и если у них, вернее их родителей, отсутствовали необходимые материальные средства, как это произошло в случае с В. Н. Коковцовым, научную карьеру приходилось завершать, еще не начав. Судя по всему, в подобной же ситуации, вследствие смерти отца в 1897 г., оказался и В. Б. Лопухин.

Вроде бы убедив самого себя в неизбежности выбора им чиновничьей карьеры, мемуарист отмечал: «Однако мне не раз пришлось, особенно в старости, пожалеть о проявленном мною в этом случае малодушии. Как ни неблагоприятно сложились обстоятельства, можно и должно было претерпеть и выждать, не сходя с лучшего в жизни пути научной деятельности» (с. 57). То, чего не достиг В. Б. Лопухин, с лихвой наверстал его брат, который, также окончив физико-математический факультет Петербургского университета, стал ученым-физиком. Впрочем, в 1903–1913 гг. он, как и В. Б. Лопухин, служил в Министерстве финансов, а затем — в Министерстве торговли и промышленности. Вместе с тем, к 1917 г. Е. Б. Лопухин был приват-доцентом, преподавал физику в вузах Петрограда. В начале 1920-х гг. он являлся помощником ректора Агрономического института по административно-хозяйственной части и профессором Института гражданских инженеров в Петрограде. В 1930-е гг. Е. Б. Лопухин жил в Баку, профессорствуя в Азербайджанском университете и Нефтяном и Политехническом институтах, а затем вернулся в Ленинград, где преподавал в Технологическом институте. Е. Б. Лопухин — автор нескольких научных исследований и учебных пособий[a]. Так или иначе, но отношения В. Б. Лопухина с наукой лишний раз дают основания для отнесения его и ему подобных чиновников именно к интеллигенции.

Для самого В. Б. Лопухина наметившееся на рубеже XIX–XX вв. перемещение социально-политического центра тяжести от поместного дворянства к всесословному чиновничеству представлялось очевидным. Характеризуя это время, он писал: «Наросла оторвавшаяся от дворянского землевладения сильная бюрократия. Выдающееся положение занимали в ней многочисленные выходцы из

[a] Ионизация газов ультрафиолетовым светом. Пг., 1915; Конспект лекций по физике. Вып. 1, 2. Л., 1924–1925; Оптика. Баку, 1931; Молекулярная физика и теплота: Конспект курса. Баку, 1932; Оптика: Конспект курса. Баку, 1932; К вопросу о строении атомного ядра. [Баку], 1934; Курс физики для втузов. Ч. 1. Баку, 1934; Руководство к лабораторным работам по физике / Под общей ред. Е. Б. Лопухина. Л., 1940.

других сословий. Сословных перегородок на гражданской службе не существовало, поскольку бюрократии было жизненно необходимо привлечение талантов» (с. 81). Причины функционального порядка и привели к тому, что в начале XX в. Россией правили не поместные дворяне, а профессиональные бюрократы, многие из которых являлись интеллигентами.

Не случайно, что, подразумевая не только низшую и среднюю, но и высшую бюрократию, В. Б. Лопухин употребил по отношению ко всем им термин «служилая интеллигенция» (с. 311). С интеллигенцией бюрократическую элиту идентифицировали, независимо от В. Б. Лопухина, совершенно разные наблюдатели, в том числе и сами сановники. «Русский чиновник и интеллигент, — отмечал английский журналист Р. Вильтон, — были братьями той же семьи»[a]. Из упоминаемых В. Б. Лопухиным последних царских министров А. А. Риттих относил к «нашей интеллигенции» и «тех, кто стоял на верхах управления»[b], а Э. Б. Кригер-Войновский, формально происходивший, как и автор воспоминаний, из потомственных дворян, полагал, что по своему социальному положению принадлежит «к громадному большинству русской интеллигенции»[c]. Таков был социальный контекст, на фоне которого началась карьера В. Б. Лопухина.

По протекции министра юстиции Н. В. Муравьева В. Б. Лопухин 23 июня 1894 г. поступил в возглавляемый В. В. Максимовым Департамент железнодорожных дел Министерства финансов на должность канцелярского чиновника, причем отсчет его пребывания в ней начался с 10 июня того же года. В это время Министерство финансов считалось, пожалуй, наиболее престижным ведомством, поскольку его руководитель С. Ю. Витте являлся едва ли не самым влиятельным сановником 1890-х гг. В свою очередь, Департамент железнодорожных дел был, несомненно, одним из преуспевающих подразделений министерства, так как пользовался особым покровительством С. Ю. Витте, который не только разработал проект создания подобного департамента, но и стал в 1889 г. его первым директором. Уже 22 сентября 1894 г. В. Б. Лопухин был назначен счетным чиновником, числясь им с 1 сентября этого года, а 20 февраля 1895 г. произведен в чин коллежского секретаря, со старшинством с 10 июня 1894 г. Не прошел и первый год службы В. Б. Лопухина, как уже заявила о себе свойственная ему «охота к перемене мест», которую можно назвать наиболее характерной чертой его последующей карьеры. В отличие от большинства других бюрократов, В. Б. Лопухин неоднократно менял департаменты и ведомства, превратившись в настоящего чиновника-кочевника.

4 мая 1895 г. В. Б. Лопухин перешел в Департамент торговли и мануфактур Министерства финансов, с причислением к нему. Причиной такого шага, помимо соображений материального порядка, стало то, что данное подразделение, руководимое В. И. Ковалевским, приобрело известную попу-

---

[a] *Вильтон Р.* Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М., 1991. С. 386.

[b] А. А. Риттих — А. Н. Яхонтову. 15 июня 1922 г. // Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова: (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 432.

[c] *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера: Воспоминания, впечатления, мысли о революции // *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера: воспоминания, впечатления, мысли о революции. *Спроге В. Э.* Записки инженера. М., 1999. С. 9.

лярность, выдвинувшись на первый план в связи с подготовкой Всероссийской промышленно-художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде. В. Б. Лопухин попал в эпицентр подготовки этого важного события: 1 июня 1895 г. его сделали старшим помощником делопроизводителя Комиссии по заведованию устройством Всероссийской выставки, а уже 26 июня — старшим делопроизводителем канцелярии генерального комиссара выставки В. И. Тимирязева.

Прослужив в Министерстве финансов менее трех лет, В. Б. Лопухин решил, что его карьера несколько замедлилась, и 1 февраля 1897 г. перешел в Государственный контроль, чему способствовало знакомство с сослуживцем по Министерству финансов С. Т. Филипповым — сыном государственного контролера Т. И. Филиппова. В Контрольном ведомстве В. Б. Лопухин числился с 15 января младшим ревизором Департамента гражданской отчетности. Здесь 19 мая 1897 г. его «нагнала» награда за «особые труды» по Нижегородской выставке — он получил чин титулярного советника, со старшинством с 10 июня 1895 г.

Но служба в Государственном контроле тоже не удовлетворяла В. Б. Лопухина, прежде всего, своей рутинностью, во многом обусловленной тем, что Т. И. Филиппов, в отличие от С. Ю. Витте, относился к своему ведомству слишком формально. По наблюдениям С. Ю. Витте, Т. И. Филиппов «не занимался теми делами, которыми он должен был заниматься, т. е. контролем над всеми государственными, экономическими и хозяйственными функциями», но «всегда занимался различными вопросами, не имеющими никакого отношения к тем делам, которые ему были поручены»[a]. Яркие примеры вневедомственных увлечений Т. И. Филиппова приводит в своих воспоминаниях В. Б. Лопухин, умилившийся серьезным интересом шефа к русской народной песне, благодаря чему получили развитие такие фольклорные начинания, как, например, оркестр русских народных инструментов под управлением В. В. Андреева.

Не прошло и года после поступления В. Б. Лопухина в Государственный контроль, как 9 января 1898 г. он перешел в возглавлявшееся М. Н. Муравьевым Министерство иностранных дел на должность делопроизводителя 8 класса Департамента внутренних сношений. Неожиданной кадровой метаморфозе способствовал директор упомянутого департамента Н. А. Малевский-Малевич, с которым В. Б. Лопухин сблизился у друга своей семьи, сенатора В. В. Калачова. Н. А. Малевский, характеризовавшийся коллегой В. Б. Лопухина по МИД бароном М. А. Таубе как «умный и опытный»[b], отличался склонностью к привлечению в Дипломатическое ведомство молодых интеллектуалов. Задумав издавать «Сборник консульских донесений», по примеру аналогичных иностранных образцов, и зная о достоинствах В. Б. Лопухина как стилиста, Н. А. Малевский решил поручить это дело именно ему. Тот факт, что В. Б. Лопухин сумел попасть в МИД не в самом начале своей карьеры, да еще и из другого ведомства, свидетельствовал о незаурядности его способностей. По воспоминаниям другого чиновника дипломатического ведомства с похожей судьбой, «МИД представлял из

[a] Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. Рассказы в стеногр. записи. Рукоп. заметки. СПб., 2003. Т. 1. Кн. 1. С. 251, 252.

[b] *Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900–1917). М., 2007. С. 40.

себя всегда крайне замкнутую касту»[a], проникнуть в него со стороны мог только действительно незаменимый человек.

Еще более показательно, что двоюродный дядя В. Б. Лопухина, товарищ министра иностранных дел князь В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий, т. е. второй человек в Дипломатическом ведомстве, устранился от оказания протекции своему родственнику. «Против назначения Лопухина, — сказал он Н. А. Малевскому, — я возражать не буду. Но предупредите его, чтобы он не мечтал о дипломатической карьере. Для нее нужны личные средства, каковых у Лопухина, я знаю, нет. Ни о канцелярии, ни о посольствах и миссиях пусть не мечтает». Из этого случая В. Б. Лопухин делал справедливый вывод о том, что «в некоторых, достаточно многих случаях <...> не было в то время места для той бесшабашной протекции, о которой принято говорить». В данном случае В. Б. Лопухин имел в виду непотизм, а не протекцию как таковую. Не менее резонным является и другой вывод мемуариста — что «без денег в те времена по дипломатической службе ни-ни; это уже во всех случаях» (с. 73).

Пребывая в центральном аппарате МИД, В. Б. Лопухин 12 ноября 1898 г. за выслугу лет получил чин коллежского асессора, со старшинством с 10 июня этого года. Главным и, по сути дела, единственным служебным занятием В. Б. Лопухина стало составление «Сборника консульских донесений». Очередная кадровая метаморфоза настигла Лопухина менее чем через четыре года после его появления в МИД. Перспективы, открывавшиеся в дипломатическом ведомстве, показались ему узкими (действительно, в лучшем случае он мог рассчитывать стать консулом в какой-нибудь небольшой стране), а потому 27 февраля 1902 г. В. Б. Лопухин перевелся в Государственную канцелярию, причем это произошло по протекции ее руководителя, государственного секретаря В. К. Плеве. В Государственной канцелярии, обеспечивавшей делопроизводство Государственного совета и кодификацию, В. Б. Лопухин занял должность делопроизводителя 7 класса Отделения промышленности, наук и торговли. В 1903–1904 гг. этим отделением управлял статс-секретарь Государственного совета Н. Н. Покровский, который именно тогда сблизился со своим подчиненным.

В 1902 г. произошли изменения и в личной жизни мемуариста, ранее состоявшего в браке с Марией Дмитриевной, урожденной княжной Урусовой. Брак этот, однако, оказался неудачным и определением Синода 11/18 июля 1902 г. был расторгнут: бывшей супруге разрешили вступить в новый брак, а бывшего супруга осудили на «всегдашнее безбрачие». В. Б. Лопухину оставалось утешаться тем, что 19 ноября 1902 г. за выслугу лет он получил чин надворного советника, со старшинством с 10 июня 1902 г. Наконец, сама служба в Государственной канцелярии возвышала ее чиновников над превратностями их частной жизни, поскольку данная канцелярия именно в начале XX в. была наиболее престижным ведомством Российской империи. «Важность этого учреждения», — подчеркивал сын одного из чиновников Государственной канцелярии, — предопределялась «традициями, восходящими к Сперанскому», тем, что в ней «все дышало помпезностью старого режима» и «представлялась возможность ежедневно общаться

[a] *Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 20.

с самыми высшими сановниками империи»[a]. Отмеченные обстоятельства имели далеко идущие последствия.

Служба в Государственной канцелярии давала возможность быстро достигнуть самых высоких бюрократических должностей, прежде всего министерских. Один из сослуживцев В. Б. Лопухина по Государственной канцелярии, В. И. Гурко, даже писал, что она являлась «рассадником высших должностных лиц»[b]. Действительно, из известных государственных деятелей начала XX в. питомцами канцелярии были: главноуправляющий Собственной е. и. в. канцелярии по учреждениям императрицы Марии князь Д. П. Голицын-Муравлин, государственный секретарь барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт, министр народного просвещения П. М. фон Кауфман, министр финансов и председатель Совета министров граф В. Н. Коковцов, государственный контролер и министр иностранных дел Н. Н. Покровский, министр путей сообщения С. В. Рухлов, главноуправляющий землеустройством и земледелием А. С. Стишинский, министр путей сообщения и председатель Совета министров А. Ф. Трепов, государственный контролер и министр торговли и промышленности Д. А. Философов, государственные контролеры П. А. Харитонов и С. Г. Феодосьев, а также управляющие делами Комитета и Совета министров А. Н. Куломзин, барон Э. Ю. Нольде и И. Н. Лодыженский.

Появление В. Б. Лопухина в Государственной канцелярии объяснялось не только протекцией В. К. Плеве, но и личными дарованиями — на малоспособного чиновника государственный секретарь не обратил бы своего внимания. Подразумевая Государственную канцелярию, В. И. Гурко писал: «Фаворитизма, продвижения по протекции, по крайней мере, на ответственные должности, не было, да оно и было невозможно: работа Канцелярии требовала значительного умственного развития, большого навыка и немалого труда». Неудивительно, что большинство чиновников Государственной канцелярии образовывали, по наблюдениям В. И. Гурко, «люди с большим опытом», которые «быстро усваивали» «самые разнообразные и иногда совершенно им неизвестные перед тем вопросы»[c]. Несомненно, что к числу таких людей принадлежал и В. Б. Лопухин.

Способности В. Б. Лопухина оценили и преемники В. К. Плеве на посту государственного секретаря — В. Н. Коковцов и особенно барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт. Так, 1 января 1905 г. В. Б. Лопухин получил чин коллежского советника, со старшинством с 10 июня 1904 г., а 9 апреля 1905 г. ему поручили принять участие в обеспечении делопроизводства Особого совещания под председательством И. Л. Горемыкина о мерах к укреплению крестьянского землевладения. 8 ноября 1905 г. В. Б. Лопухин был назначен старшим делопроизводителем Государственной канцелярии. Казалось, что именно в канцелярии он наконец-таки закончит свои скитания по разным министерствам, тем более что здесь его труд и оплачивался сравнительно высоко. Как делопроизводитель, В. Б. Лопухин имел 1200 рублей жалованья, 1000 столовых и 600 квартирных, т. е. почти 3000 рублей в год. Кроме того, в награду он получал и разовые выплаты: в 1902 г. — 200, в 1903 — 275, в 1904 — 250, в 1905 — 250 рублей.

---

[a] *Любимов Л. Д.* На чужбине. Ташкент, 1965. С. 29.

[b] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 115.

[c] Там же. С. 111–112.

Новый зигзаг карьеры В. Б. Лопухина косвенно был обусловлен реформированием государственного строя Российской империи, которое происходило в 1905–1906 гг. и закончилось изданием Основных законов 1906 г. и открытием в апреле этого года I Думы. В. Б. Лопухин воспринял все эти преобразования положительно, что предопределила фамильная традиции Лопухиных. «Нигилистов и вольнодумцев между моими дядями Лопухиными не было, — вспоминал Е. Н. Трубецкой, описывая в т. ч. и отца В. Б. Лопухина, — но характерно, что, в отличие от дядей Трубецких, которые все начинали свою службу в гвардии, мои дяди Лопухины все были судебными деятелями, притом либеральными: мягкая душа и гибкий ум Лопухиных сразу восприняли облик “эпохи великих реформ”. Благодаря этому вся атмосфера, в которой мы выросли, была пропитана тогдашним либерализмом особого, судебного типа»[a]. С Е. Н. Трубецким полностью соглашался его сын С. Е. Трубецкой, двоюродный племянник В. Б. Лопухина.

С. Е. Трубецкой, упоминая про данную отцом «талантливую характеристику двух “стилей” — трубецковского и лопухинского, сочетавшихся и боровшихся в их семье», писал: «Сам Папа был более проникнут либеральным стилем лопухинской семьи, и в нашей собственной семье этот стиль чувствовался сильнее, чем стиль старотрубецковский»[b]. Понятно, что если лопухинский либерализм оказывал влияние даже вне семьи Лопухиных, то ее представители, в т. ч. и Владимир Борисович, разделяли либеральные взгляды не за страх, а за совесть. Как либеральный бюрократ он и был востребован единомышленниками из высшего чиновничества, внеся свой вклад в дело преобразований начала XX в.

Еще до начала заседаний народного представительства министерства принялись за подготовку реформаторских законопроектов, намереваясь внести их в Думу. В частности, Министерство финансов приступило к разработке законопроекта о введении подоходного налога, проходившей под руководством директора Департамента окладных сборов Н. Н. Покровского, который ранее, в Государственной канцелярии, являлся непосредственным начальником В. Б. Лопухина. Отдавая должное его способностям, Н. Н. Покровский пригласил своего бывшего подчиненного перейти в Министерство финансов для непосредственного участия в подготовке законопроекта о подоходном налоге. В результате в 1906 г. В. Б. Лопухин проявил «охоту» не только «к перемене мест», но и к «возвращению на круги своя», вернувшись 12 мая этого года в Министерство финансов и став начальником отделения Департамента окладных сборов.

Во второй период своей службы в Министерстве финансов В. Б. Лопухин в 1908 г. женился во второй раз — его избранницей явилась дочь генерал-лейтенанта Наталья Матвеевна Поливанова (1882 года рождения), мать которой, княжна Пелагея Алексеевна Кропоткина, принадлежала, как когда-то жена Редеди Касожского, к роду Рюриковичей. Второй брак В. Б. Лопухина оказался более счастливым. От этого брака у него родились сын Борис (1910) и дочь Марина (1911), впоследствии ставшая женой князя А. П. Вяземского[c].

В 1909 г. В. Б. Лопухин, как представитель Министерства финансов, участвовал в заседаниях межведомственной комиссии под председательством това-

---

[a] *Трубецкой Е. Н.* Из прошлого. С. 19.

[b] *Трубецкой С. Е.* Минувшее. С. 57.

[c] *Краевский Б. П.* Лопухины в истории Отечества. С. 611, 618.

рища министра иностранных дел Н. В. Чарыкова, занимавшейся обсуждением вопроса о реформировании штатов центральных учреждений МИД. Назначение В. Б. Лопухина в эту комиссию произошло по инициативе директора Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД барона К. К. Буксгевдена, который, услышав от В. А. Березникова, своего сослуживца и друга В. Б. Лопухина, о его редакторских талантах, решил возложить на него составление записки о реформе штатов. Пребывание В. Б. Лопухина в упомянутой комиссии стало этапом на пути к его возвращению в дипломатическое ведомство. В 1910 г. он был назначен делопроизводителем Департамента личного состава и хозяйственных дел МИД, в июне 1914 г. преобразованного в 1-й Департамент.

Помимо законопроекта о реформировании штатов центральных учреждений МИД, В. Б. Лопухин подготовил и законопроект о преобразовании заграничных учреждений ведомства. В награду в 1914 г. министр иностранных дел С. Д. Сазонов провел В. Б. Лопухина в камергеры высочайшего двора и возложил на него исполнение обязанностей вице-директора 1-го Департамента, штатным вице-директором которого он стал в 1916 г.

Несмотря на столь стремительное развитие карьеры В. Б. Лопухина, его отличала скромность. Не случайно, что в воспоминаниях Г. Н. Михайловского, давшего пространные характеристики даже второстепенным служащим МИД, В. Б. Лопухин не удостоился особого портрета. Молодому сослуживцу он запомнился своею склонностью к шуткам, а также некоторым подыгрыванием начальству. По воспоминаниям Михайловского, «личный режим», установленный в МИДе Б. В. Штюрмером, который в июле 1916 г. был назначен министром иностранных дел, вызвал «соответственное приспособление» со стороны 1-го Департамента. Выразилось это в том, что при участии В. Б. Лопухина брату С. В. Юрьева, секретаря Б. В. Штюрмера, занимавшему скромный консульский пост на Востоке, готовился дипломатический пост, «соответственный положению» С. В. Юрьева. Впрочем, Г. Н. Михайловский признавал, что «не мог бы обвинить Лопухина в сервилизме»[a], тем более что данное назначение готовилось столь медленно, что Б. В. Штюрмер в ноябре 1916 г. успел получить отставку и, потому, о Юрьеве-консуле благополучно забыли.

Преемником Б. В. Штюрмера оказался Н. Н. Покровский, отношения с которым В. Б. Лопухина во время Первой мировой войны стали еще более близкими. По приглашению Покровского В. Б. Лопухин, параллельно со службой в МИД, работал со своим покровителем в Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского и в Верховном совете под председательством императрицы Александры Федоровны по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. В. Б. Лопухин являлся управляющим делами Особой комиссии Верховного совета. Естественно, что приход Н. Н. Покровского в МИД означал упрочение служебных позиций В. Б. Лопухина. 19 января 1917 г. он был назначен директором 1-го департамента, заняв должность 4-го класса, т. е. высшую (высшими в царской России считались должности первых четырех классов), и войдя, таким образом, в состав бюрократической элиты. Классу должности соответствовал и класс чина, имевшегося к этому времени у В. Б. Лопухина — он являлся дей-

[a] *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 37, 192.

ствительным статским советником, т. е. «статским генералом», а также камергером, что для 45-летнего чиновника было показателем выше среднего.

Карьерный взлет В. Б. Лопухина почти совпал с Февральской революцией 1917 г. и падением монархии, которой он служил предыдущие 23 года. Государственные потенции новых властителей России он оценивал весьма скептически, полагая, что в результате революции к власти пришли общественные деятели, принадлежавшие в своем большинстве к числу «наименее стойких» элементов «отживавшего поместного дворянства». По наблюдениям В. Б. Лопухина, «лучшая молодежь помещичьего класса», оканчивая вузы, поступала на государственную, гражданскую или военную службу, между тем как «худший отпрыск помещичьего класса», еле оканчивавший гимназию, проникал в земство, делая более легкую карьеру по местному и дворянскому самоуправлению (с. 80). Данное мнение соотносится с точкой зрения В. И. Гурко, который считал, что в дореволюционной России «служба правительственная поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном»[a]. В развитие своей мысли В. Б. Лопухин писал о феномене «преобладавших в земствах никудышников и лодырей», которые, как правило, и пополняли прослойку «земских людей», образуя общественную контрэлиту. Именно они становились председателями уездных и губернских земских управ, уездными и губернскими предводителями дворянства, а после 1907 г. — депутатами цензовой Думы и выборными членами Государственного совета (с. 80). В том, что в феврале 1917 г. эти люди пришли к власти, В. Б. Лопухин видел главную причину падения Временного правительства.

Несмотря на сложное отношение к новому режиму, В. Б. Лопухин видел в нем меньшее зло по сравнению с его противниками слева, а потому, подумав об отставке, по совету экс-министра Н. Н. Покровского остался на своем посту. Более того, В. Б. Лопухин вошел в Комиссию по пересмотру условий прохождения службы в МИД, имевшую целью приспособление деятельности дипломатического ведомства к новым условиям. Не менее показательно и другое — после свержения Временного правительства В. Б. Лопухин, в известной мере рискуя жизнью, занял определенную гражданскую позицию, приняв участие в забастовке петроградских чиновников (именно ее В. И. Ленин назвал «саботажем»), организованной в знак протеста против захвата власти большевиками. Именно Лопухин, по свидетельству Г. Н. Михайловского, ведал казенными суммами МИД, которые тратились на содержание забастовщиков из числа чиновников этого ведомства[b]. Понятно, что об этом эпизоде своей биографии В. Б. Лопухин не написал, отметив, однако, что был уволен со службы без права на пенсию по приказу наркоминдела Л. Д. Троцкого.

Оказавшись в отставке, В. Б. Лопухин, вместе с подобными ему «бывшими людьми», попытался приспособиться к жизни в Советской России и вначале принял участие в разного рода эфемерных коммерческих предприятиях. Однако после того как «военный коммунизм» ликвидировал остатки рыночных отношений, он был вынужден превратиться в советского служащего, заняв пост помощника управляющего делами Всероссийского бюро снабжения железнодорожников, находившегося в Петрограде. Уникальность послереволюционной судьбы В. Б. Лопухина состояла в том, что он оказался единственным высшим чиновником

[a] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 241, 242.
[b] *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 299; Кн. 2. С. 48, 71.

царского МИДа, который не эмигрировал и продолжал жить в РСФСР, а потом — и в СССР, причем от расстрела во время «красного террора» Лопухина спасло то, что на какое-то время он просто сумел затеряться в человеческой массе.

Наиболее интересный эпизод из советского периода жизни В. Б. Лопухина — написание воспоминаний, названных им «Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел». Мысль о подготовке мемуаров подал В. Б. Лопухину сразу после Октябрьской революции его старший друг П. П. Гнедич, известный писатель и историк искусства. Словно готовясь к этому, В. Б. Лопухин, судя по его запискам, основательно изучил выходившие в СССР в 1920-е гг. переиздания воспоминаний и дневников Д. У. Бьюкенена, С. Ю. Витте, А. П. Извольского, Ж. М. Палеолога, М. В. Родзянко, В. А. Сухомлинова. Кроме того, В. Б. Лопухин прочитал исследование советского историка Н. П. Полетики «Сараевское убийство», изданное в 1930 г. в Ленинграде.

Что подтолкнуло В. Б. Лопухина к окончательному оформлению записок именно в начале 1930-х гг.? Несомненно, желание их опубликовать, причем именно в СССР, что видно по сделанному автором адаптированию некоторых мест воспоминаний к сознанию массового советского читателя. С другой стороны, нельзя сказать, что подобное адаптирование затронуло все содержание записок. Очевидно, двойственная природа текста воспоминаний причудливо отразила двойственный характер тогдашней власти, которая, с упрочением в начале 1930-х гг. культа личности И. В. Сталина, эволюционировала от интернационал-большевизма к национал-большевизму. Казалось, что разжигание мировой революции уступает место строительству социализма в одной, «отдельно взятой», стране, а отсюда — недалеко и до «реставраторских тенденций». Не исключено, что с обратной эволюцией большевистского режима В. Б. Лопухин связывал вероятность, в обозримом будущем, такого изменения внутриполитической ситуации в СССР, которое сделало бы возможным выход в свет его воспоминаний. Так или иначе, но надежды В. Б. Лопухина не оправдались, более того, на старости лет он подвергся репрессиям.

В феврале-марте 1935 г. в Ленинграде Управление НКВД по Ленинградской области провело операцию «Бывшие люди», нацеленную на «изъятие» из города и его пригородов «представителей эксплуататорских классов». Операция закончилась осуждением Особым совещанием при НКВД и выселением более 11 000 «бывших». Из 4 692 осужденных Особой тройкой Ленинградского УНКВД к расстрелу были приговорены 4 393, т. е. подавляющее большинство, и лишь 299 — к исправительно-трудовым лагерям. К этому времени В. Б. Лопухин, как «лишенец», и его жена являлись безработными и жили вместе с сыном, работавшим музыкантом Ленинградского радиоцентра. Арест Лопухиных последовал 27 февраля 1935 г. В. Б. Лопухину инкриминировали то, что он, «бывший директор 1-го Департамента Министерства иностранных дел», «окружен бывшими людьми» и «за свою службу имеет неоднократные награды от царского правительства», а всем членам семьи — что они «имеют связи с классово-чуждым элементом» и их квартиру «часто посещает бывший барон (о, ужас! — *С. К.*) Таубе и другие бывшие люди». Приговор, вынесенный Лопухиным, гласил: «Выслать в Тургай на 5 лет»[a]. Судя по всему, в 1940 г. В. Б. Лопухин вернулся в Ленинград,

[a] *Иванов В. А.* Операция «Бывшие люди»: Ленинград, 1935 год. (Персональный список № 1) // Из глубины времен. СПб., 1997. Вып. 8. С. 46–47, 51–52.

поскольку в ноябре этого года продал рукопись всех трех частей мемуаров Публичной библиотеке. Имеется информация, что он умер в 1942 г.

Таковы важнейшие вехи жизненного пути автора публикуемых воспоминаний. Из множества ему подобных представителей второго эшелона власти Российской империи конца XIX – начала XX в. он отличается лишь тем, что, войдя в роль чиновника-кочевника, слишком часто менял место своей службы, а также... написанием интереснейших мемуаров. Они являются, как писал А. И. Добкин, подразумевая ту их часть, которая посвящена периоду после 25 октября 1917 г., «почти уникальным источником сведений о судьбах и психологии российской бюрократии разных ведомств и рангов в первые послеоктябрьские месяцы»[a]. То же самое можно сказать и о воспоминаниях В. Б. Лопухина в целом. Они ценны тем более, что одновременно дают разнообразную информацию о деятельности таких ведомств, как министерства финансов и иностранных дел, Государственные контроль и канцелярия. Введенные в научный оборот мемуары представителей второго эшелона власти, служивших в этих ведомствах, — крайне малочисленны[b]. Известные воспоминания (это касается воспоминаний чиновников Государственной канцелярии[c], министерств финансов[d] и иностранных дел[e]), принадлежат перу представителей первого эшелона власти, либо тех, кто работал «на местах» (за гра-

---

[a] Минувшее. Вып. 1. С. 12.

[b] Подробнее о мемуарах и дневниках, отражающих историю России конца XIX – начала XX в., см.: *Ганелин Р. Ш., Куликов С. В.* Основные источники по истории России конца XIX – начала XX в.: Учеб. пособие. СПб., 2000.

[c] *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. См. также: *Покровский Н. Н.* Воспоминания о Государственном совете и его канцелярии в начале 1900-х гг. (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 38).

[d] *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. Т. 1, 2. М., 1992; *Полянский Н. П.* Нижегородские воспоминания банкира. Нижний Новгород 1909–1918. СПб., 1998; Из архива С. Ю. Витте. Т. 1, 2.

[e] *Necludoff A. V.* Diplomatic reminiscences before and during the World war. 1911–1917. London, 1920; *Гейкинг А. А.* Четверть века на российской консульской службе. 1892–1917: Исследования, наблюдения и предложения реформ. Berlin, 1921; *Набоков К. Д.* Испытания дипломата. Стокгольм, 1921; *Rosen R. R.* Forty years of diplomacy. Vol. 1–2. New York, 1922; *Савинский А. А.* 1) Recollections of a Russian diplomat. London, 1922; 2) Из воспоминаний // Источник. 1999. № 2; *Коростовец И. Я.* Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г.: Дневник. Пекин, 1923; *Таубе М. А.* 1) La politique russe d`avant-guerre et la fin de l`empire des tsars (1904–1917). Paris, 1928; 2) «Зарницы»; *Боткин П. С.* Картинки дипломатической жизни. Париж, 1930; *Нольде Б. Э.* Далекое и близкое: Ист. очерки. Париж, 1930; *Tcharykow N. V.* Glimpses of high politics (1855–1929). London, 1931; *Schebeko N. N.* Souvenirs. Paris, 1936; *Татищев Б. А.* Крушение. 1916–1917 гг. // Возрождение (Париж). 1949. Тетр. 4; *Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959; *Abrikossow D. I.* Revelations of a Russian diplomat. Seattle; Washington, 1964; *Kalmykov A. D.* Memoirs of a Russian diplomat. New Haven, 1971; *Basily N.* Diplomat of imperial Russia. 1903–1917: Memoirs. Stanford, 1973; *Трубецкой Г. Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983; *Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году // Утро Страны советов: Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде, 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л., 1988; *Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989; *Ламздорф В. Н.* Дневник. 1894–1896. М., 1991; *Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991; *Михайловский Г. Н.* Записки; *Чиркин С. В.* Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006.

ницей или внутри России). Только воспоминания В. Б. Лопухина, благодаря его кочеванию по ведомствам, удачно заполняют сразу несколько лакун.

Самое важное в записках — это интерес их автора, для которого нет мелочей, к тому, что сейчас называют «историей повседневности», т. е. к деталям, характеризующим деятелей и события точнее, чем абстракции, претендующие, подчас на мнимое глубокомыслие. Чиновничий быт конца XIX–XX в. нашел в Лопухине своего непревзойденного художника или даже фотографа. Особенно он был силен в портретных зарисовках, независимо от того, изображался ли маститый сановник или мелкий чиновник. В первом В. Б. Лопухин находит черты, обновляющие хрестоматийный облик, во втором — типичного представителя своей среды.

Впрочем, нельзя сказать, что, вследствие большого внимания к деталям, В. Б. Лопухин из-за деревьев не видел леса, наоборот, его явно тянуло к обобщениям опыта не только личного, но и коллективного — целых народов и стран, не зря же он был «несостоявшимся ученым». Эти обобщения ценны тем более, что их автор, чуждый роли невозмутимого истолкователя мыслей «абсолютного разума», чувствовал себя «маленьким человеком», сознавая не столько собственную силу, сколько слабость. Отсюда тот подкупающий своей искренностью здравый смысл, доходящий порой до житейской приземленности, которым отмечены рассуждения В. Б. Лопухина на общие, прежде всего внешнеполитические, темы. Вместе с тем, тот же здравый смысл иногда оказывается и слабым местом мемуариста. Хорошо понимая, что в условиях советской цензуры все высказывать ему просто опасно, В. Б. Лопухин явно недоговаривал, а то, что говорил, — пытался приспособить к уровню возможных читателей, прибегая, хотя и нечасто, к подгонке своих размышлений под лекало «единственно верного учения». Впрочем, сыграло роль и обстоятельство, связанное с тем, что, прожив полтора десятка лет в наглухо замкнутом континууме Советской России, В. Б. Лопухин, хотя бы невольно, должен был испытать на себе, прежде всего на бытовом уровне, влияние идей, которые до 1917 г. воспринимал как несостоятельные. Так или иначе, необходимо, однако, отдать должное В. Б. Лопухину — при всем его здравомыслии, или конформизме, он не стал переделывать себя полностью даже ради того, чтобы создать условия для публикации записок в СССР. Неудивительно, что полностью они публикуются только сейчас.

Несомненным достоинством воспоминаний В. Б. Лопухина является и их стиль, относительно которого существует и иное мнение. Подразумевая текст этих воспоминаний, их публикатор писал: «Читать такой текст трудно, но тот, кто продерется сквозь канцеляризмы и неуклюжие конструкции, будет вознагражден»[a]. Стиль В. Б. Лопухина действительно несет на себе печать его жизненного пути, а потому не столько труден для восприятия, сколько требует от читателя известной подготовки.

В настоящем издании записки В. Б. Лопухина впервые публикуются полностью, причем в качестве первой и последней глав помещены первое и второе приложение к ним. Очевидно, что по своему содержанию эти приложения вполне достойны открыть и закончить издаваемые мемуары. Разбивка текста на части, озаглавленные годами, принадлежит автору, а название их главами — публикатору. Авторские вставки и правки, как и текстологические характеристики, даны в подстрочных примечаниях.

---

[a] Минувшее. Вып. 1. С. 11–12.

Археографическое предисловие

Д. Н. Шилов

Три рукописи «Записок» В. Б. Лопухина были куплены у самого автора Государственной публичной библиотекой 5 ноября 1940 г. по акту 98/1–3 (ОАД РНБ. Ф. 2. Оп. 24/3. Д. 53. Л. 23) и переданы в Отдел рукописей, где записаны в книгу поступлений под № 185.

Основной текст «Записок» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 765/I–VI. 424 л.) был создан, согласно помещенной в конце рукописи авторской датировке, в 1927–1933 гг. О том же свидетельствуют и хронологические указания в тексте мемуаров: так, готовя главу, посвященную 1912 г., автор отметил: «Теперь 1932 г. Прошло 20 лет» (с. 207). Текст (до недавнего времени общий, ныне разделен архивистами на 6 тетрадей) представляет собой машинопись, напечатан на разных пишущих машинках на листах желтоватой бумаги с одной стороны, имеются многочисленные подклейки (иногда на другой бумаге, на оборотах бланков «Суточные сведения о работе в буровой»), зачеркивания (иногда ранее написанное трудно разобрать), правка, дописки, сделанные самим Лопухиным голубыми, фиолетовыми и черными чернилами. Первый лист рукописи — титульный, с фамилией автора и заглавием. Почерк четкий, разборчивый, мелкий. Весь текст «Записок» и приложений к ним написан в новой орфографии. Присутствует машинописная нумерация — по-видимому, первоначальная. Окончательная авторская нумерация сделана красным карандашом поверх второй, промежуточной нумерации, нанесенной простым карандашом. В 4-й тетради начинается еще одна авторская нумерация — черными чернилами в нижнем правом углу. Поправки черными чернилами сделаны автором ранее, фиолетовыми — позднее. Несколько листов рукописи написаны на оборотах бланков Ленинградского трудового производства патентованных предохранителей от взрыва примусов «ТОМ» (свидетельство ВСНХ от 31.05.1929, адрес: Павловск, Павловский пер., 1). Начиная с л. 27 6-й тетради (л. 379 по нумерации красным карандашом) текст написан от руки синими чернилами поверх синего каранда-

ша, в основном — на половинках вузовских ведомостей для учета студенческой успеваемости за триместр 193... г. и на ведомостях «Общий рабочий план по курсу» А.С.Х.И. (по-видимому, аббревиатура вуза).

Ряд сюжетов, связанных со внешней политикой, написан автором позднее, от руки, с некоторым изменением суждений и акцентов. Как пример — везде по тексту словосочетание «война 1914–1918 гг.» было заменено Лопухиным на «империалистическая война». В настоящей публикации замененные автором в рукописи куски текста выделены латинскими буквами (a–a, b–b, c–c и т. д., с приведением в сноске предыдущего написания), а зачеркнутые даны курсивом — в том случае, если в результате правки изменился смысл фрагмента. Если смысловых различий между вариантами текста нет, или когда они написаны на обрезанных или подклеенных кусках бумаги, вследствие чего первоначально написанная фраза обрывается на полуслове, — первый вариант написанного опускается.

Текст рукописи в 6-й тетради заканчивается четырьмя отрывками, по неясным причинам не вошедшими в общий текст. При публикации они были вставлены в него, с соответствующими примечаниями.

Первое приложение к «Запискам», получившее заглавие «Родство. Помещики. Губернская интеллигенция» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 767. II+51 л.), представляет собой машинописный текст, напечатанный на листах желтоватой бумаги с одной стороны, с многочисленными рукописными наклейками и поправками, сделанными черными и фиолетовыми чернилами. Рукопись помещена в черную папку с завязками. На лицевой стороне наклейка с авторской надписью черными чернилами: «В. Б. Лопухин. Приложение к запискам». На л. II надпись от руки: «В. Б. Лопухин. Приложение к запискам». Внизу помета архивиста: «К[нига] п[оступлений] № 185, 1940 г.». На последнем листе штамп: «1940 г. П. Акт № С–98/3». Нумерация листов с 1 по 51 сделана в верхнем левом углу красным карандашом. Лист 47 имеет машинописную нумерацию «88» и карандашную «467». Почти все прочие листы обрезаны сверху — по-видимому, чтобы убрать изменившиеся номера страниц.

К написанию первого приложения, судя по имеющимся в его тексте оговоркам, Лопухин приступил уже после того, как написал начальные главы основного корпуса мемуаров. С другой стороны, сообщая в последнем о состоявшихся в 1906 г. выборах, автор отметил, что в Государственный совет «прошел упоминавшийся в приведенном выше очерке местных дворян-помещиков Митя Калачев» (с. 161). Следовательно, первое приложение создавалось параллельно основному тексту, после того, как Лопухин описал начало своей службы, но до того, как он дошел до 1906 г. Первоначально, по-видимому, этим приложением он предполагал начать свои «Записки». Об этом свидетельствует продолжающаяся в основной части нумерация страниц и ссылки в ней на «упомянутые выше» факты. Впоследствии автор принял решение переместить очерк в приложение к основному тексту, вследствие чего подобные ссылки вычеркнул и сделал новую нумерацию цветным карандашом.

Второе приложение к «Запискам», озаглавленное «После 25 Октября (1917–1918 г.)» (ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 2. Д. 766. 125 л.), представляет собой автограф с редкими исправлениями и наклейками рукописного текста. Текст написан черными (бóльшая часть) и фиолетовыми чернилами с одной стороны листа в тетра-

дях в клетку и в линейку без обложек, позднее сшитых вместе. Все листы пронумерованы фиолетовыми чернилами. Рукопись помещена в голубую папку «Для бумаг» Промкомбината Смольнинского райсовета. На папку наклеено написанное рукой автора заглавие: «В. Б. Лопухин. I. Приложение к запискам» (ранее зачеркнуто: «Окончание записок»). Внизу на папке помета архивиста: «К[нига] п[оступлений] № 185, 1940 г.». На обороте последнего листа штамп: «1940 г. П. Акт № С–98/2». На внешней стороне длинной боковины папки карандашом столбиком числа: 1917/25/1942. Написано это приложение, по-видимому, около 1940 г., самым последним.

Значительные фрагменты из основной части «Записок» были опубликованы в 1966 г. историком А. П. Погребинским[a]. Им же было написано небольшое вступление к публикации и составлены примечания к ней.

Публикация эта имеет ряд существенных недостатков. Первый из них очевиден и заключается в самой отрывочности выбранных для нее фрагментов, второй же — в содержании последних. «Чтобы дать как можно более полное представление о записках Лопухина, — указывал Погребинский, — мы сохранили все важнейшие сюжеты, сократив текст лишь за счет второстепенных подробностей. Опущены, например, изложение начального периода служебной карьеры Лопухина в 90-х годах XIX в., описание балов и великосветских раутов, характеристики некоторых лиц, не сыгравших сколько-нибудь заметной роли в жизни страны, и т. п.» (№ 9, с. 120). В результате в публикацию не вошло изложение событий, в которых мемуарист был непосредственным участником. Страницы же «Записок», показавшиеся в 1966 г. «наиболее интересными», посвящены общеизвестным процессам и фактам внутренней политики, о которых В. Б. Лопухин к тому же судит иногда весьма поверхностно[b]. Не исключено, как нам кажется, что автор намеренно включил рассуждения на разного рода «актуальные» темы в свои «Записки», стремясь сделать их более интересными советскому читателю.

Третий важный недостаток публикации Погребинского заключается в не всегда корректной передаче текста оригинала. Сокращая текст, публикатор нередко исключал из него отдельные фразы, предложения, абзацы (иногда даже не помечая эти места отточием), вследствие чего в некоторых случаях искажался смысл написанного. К сожалению, целый ряд подобных «вырезок» был сделан по идеологическим мотивам. Приведем несколько примеров (опущенные публикатором места выделены курсивом).

В абзаце, описывающем забастовочное движение 1905 г. в Петербурге (№ 9, с. 131):

«В министерства заходили группами люди, агитировавшие за забастовку и уговаривавшие служащих прекратить работу. Иные начальники учреждений

---

[a] *Лопухин В. Б.* Люди и политика (конец XIX – начало XX в.) // Вопросы истории. 1966. № 9. С. 118–136; № 10. С. 110–122; № 11. С. 116–128.

[b] Сходным образом высказался и А. И. Добкин, публикатор «послеоктябрьских» записок В. Б. Лопухина: «Сокращение превратило живое мемуарное повествование в хронологический перечень “главных” политических событий, изредка прерываемый портретной зарисовкой какого-либо исторического лица. Причем отобраны персонажи настолько известные (вроде императрицы или Распутина), что автору, при всем его мастерстве, трудно сказать о них что-нибудь новое» (Минувшее: Ист. альм. Вып. 1. М., 1990. С. 11).

относились к агитации этих лиц пассивно, другие оказывали сопротивление. *Особенный отпор агитаторы встретили в Департаменте государственного казначейства со стороны бывшего в ту пору директором этого департамента Ивана Павловича Шипова. В значительное число учреждений агитировавшие за забастовку лица вовсе ни разу не зашли.* В высших учебных заведениях происходили массовые митинги, в которых принимали участие рабочие, студенты, курсистки, просто проходящая публика с улицы».

При описании шествий по городу во время политической забастовки (там же):

«Магазины, лавки все закрыты, с окнами и дверьми, заложенными ставнями или просто досками, как после 9 января. И весь Невский запружен — не только тротуары, но и улица — громадными толпами *мрачно* насупившегося, *угрюмо двигавшегося,* грозного в своем молчании народа».

При описании выборов в I Государственную думу (там же, с. 133):

«Наибольшим успехом пользовались кадеты, которые и прошли в Думу со значительным численным перевесом над депутатами от других партий. Кадеты с примыкавшими к ним мирнообновленцами и “педрами” (партия демократических реформ) представляли собою ту оторванную от жизни, безнадежно завязшую в книжных теориях беспочвенную часть российской интеллигенции, которая почитала себя передовой. *Социалисты бойкотировали думу и прошли, в небольшом числе, в нее не от своих партий, а индивидуально, преимущественно в целях использовать думскую трибуну для социалистической пропаганды*».

При описании событий 28 февраля 1917 г. в Петрограде:

«Перед моими окнами, направляясь через Потемкинскую к Таврическому дворцу, дефилировали воинские части. Шли приветствовать Государственную думу. Прошел, между прочим, Гвардейский экипаж. Во главе его верхом на лошади ехал командир вел. кн. Кирилл Владимирович. Шли отдельными кучками солдаты, ведя в Думу арестовывавшихся ими сановников и генералов. Провели соседа, жившего по Кирочной через два дома от нас, члена Государственного совета Алексея Борисовича Нейдгардта. *Как потом рассказывали, солдаты врывались в квартиры и кого арестовывали, а кого и приканчивали. Беспощадно убивались всякие жандармские и полицейские чины. О городовых, стрелявших из пулеметов, и говорить не приходится. Они были все растерзаны солдатами. Но не было пощады и таким городовым, которые не были причастны к стрельбе из пулеметов. И их уничтожали. Большую партию расстреляли на Неве, на льду. Тела бросили в прорубь.*

Среди дня раздались выстрелы у нас во дворе. Из кухни с плачем и воплями выбежали кухарка и горничная. Сообщили, что солдаты расстреливали и рубили шашками откуда-то вытащенного городового».

Встречаются в публикации Погребинского и механические ошибки, иногда существенно искажающие смысл и содержание написанного. Так, в первом из приводимых выше примеров вместо стоящего в рукописи «агитации этих лиц» напечатано «агитации этих людей». Немного ниже, на с. 132 вместо «У Технологического института собравшуюся революционную толпу демонстрантов разгоняли конногвардейцы» напечатано «толпу демонстративно разгоняли»; вместо «проведенный В. К. Плеве в должность его товарища» — «проваленный В. К. Плеве в должность», что совершенно искажает суть фразы. При описании назначения в 1915 г. князя Н. Б. Щербатова на министерский пост (№ 10, с. 115)

в предложении «Министром внутренних дел был назначен, к общему удивлению (из-за неподготовленности к этому посту по предшествующей должности)...» слово «предшествующей» заменено в публикации на «предстоящей» (прямо противоположное по смыслу!); тут же, в характеристике А. Н. Хвостова, взамен «Обладая данными общественности» видим «Обладая данными общительности»; при описании событий 1917 г. (№ 11, с. 123) вместо «Началось постепенное бегство за границу» напечатано «Началось поспешное бегство за границу»; здесь же вместо «секретаря миссии в Мексике» находим «секретаря миссии в Монако» и т. д., и т. п.

Затем, публикатор не стеснялся вводить в текст необходимые по смыслу фразы «от себя». Так, при описании убийства Д. С. Сипягина и его последствий им был опущен конец абзаца, завершающийся фамилией убитого. Поэтому в следующем предложении, вместо слов оригинала «Преемником ему был назначен Вячеслав Константинович Плеве», публикатор вставил «Преемником министра внутренних дел Д. С. Сипягина был назначен» и т. д. (№ 9, с. 124). В другом случае Погребинскому показалось, по-видимому, недостаточно корректным предложение «Незадолго до отставки Ковалевского министром финансов был внесен в Государственный совет законопроект о страховании рабочих», и он решил внести в него «уточнение», напечатав: «Весной 1902 г. министром финансов был внесен в Государственный совет» и т. д. (№ 9, с. 125).

Наконец, при публикации 1966 г. были полностью проигнорированы разные варианты слов, фраз, предложений, фрагментов текста. Все вышесказанное заставляет признать качество сделанной А. П. Погребинским публикации невысоким. Всего нами выявлено в ней до полусотни крупных и мелких натяжек, огрехов и неточностей.

Второе приложение к «Запискам» В. Б. Лопухина «После 25 октября» было полностью опубликовано в первом выпуске альманаха «Минувшее» с небольшим предисловием и обширными комментариями Л. Бурцева (псевдоним историка Александра Иосифовича Добкина)[a]. Однако и эта публикация имеет значительное число погрешностей (помимо неточно указанного заглавия), поскольку была осуществлена не по оригиналу рукописи. Как указано в предисловии, взятый для публикации текст «представляет из себя машинопись (38 стр. сплошной забивки) с незначительной рукописной правкой. С середины 1960-х он хранился у вдовы одного московского историка» (с. 12).

Ошибки и неточности в этой публикации, числом около двух сотен, носят, однако, исключительно технический характер: пропуск слов, замена одного слова другим, изменения в падежах и т. п. По-видимому, все они были допущены в процессе переписки или перепечатки текста.

---

[a] *Лопухин В. Б.* После 25 октября // Минувшее: Ист. альм. Вып. 1. Париж, 1986. С. 9–98 (репринт: М., 1990).

Глава 1.
Родство. Помещики. Губернская интеллигенция

Дед мой Алексей Александрович Лопухин был женат на княжне Варваре Александровне Оболенской. Отсюда родственная связь наша с тремя домами Оболенских, братьев моей бабки — Дмитрия, Сергея и Михаила Александровичей. Был еще четвертый брат Юрий, но он умер холостым. Ни деда, ни бабки, ни ее братьев, давно умерших, я не знал. Студентом был представлен моим отцом вдовам его дядей: Дмитрия Александровича — княгине Дарии Петровне, урожденной княжне Трубецкой, и Сергея Александровича — княгине Наталии Владимировне, урожденной Мезенцевой. Впоследствии познакомился с Оболенскими Михайловичами.

Княгиня Дария Петровна имела трех сыновей. Старший, Александр Дмитриевич, унаследовал большие средства от предусмотрительно выбранного крестного, богача Нечаева-Мальцева. И жену, Анну Александровну, взял себе из богатого дома — весьма надутого сноба Александра Александровича Половцова, бывшего в конце царствования Александра III государственным секретарем, потом членом Государственного совета, женатого на богачихе баронессе Штиглиц. Второй сын Дарьи Петровны Алексей Дмитриевич состояния не имел. Женился на княжне Салтыковой. Ее состояния хватило на обоих. Третий сын Николай Дмитриевич ни собственного состояния, ни состоятельной жены, ни вообще жены не имел. Но, не будучи богатым, все-таки своего рода капиталом обладал, и весьма по тем временам значительным, заключавшимся в личной дружбе царя Николая II, несколько охладившейся лишь в последние годы жизни рано умершего Николая Дмитриевича. Женскую половину семьи составляли сестры: Варвара Дмитриевна Бибикова, Елизавета Дмитриевна Новосильцева, княгиня Мария Дмитриевна Гагарина. Мужья первых двух только и были, что мужьями своих жен, доставивших каждому по губернаторству. Муж третьей сестры был в достаточной степени индивидуален. Назначенный, хотя и благодаря связям жены, первым ректором Петербургского политехнического института, вскоре приобрел на этом посту значительную популярность.

Милыми людьми были княгиня Дария Петровна, всеобщий любимец ее сын Николай Дмитриевич и его сестра Мария Дмитриевна Гагарина. Последняя

в ее молодые годы была *очень* хорошенькая и интересная. И Николай Дмитриевич был наружности привлекательной, с приятным открытым лицом, напоминавшим его милую сестру. Остальные были *далеко* не столь милы. Александр Дмитриевич был некрасив, несодержателен, сух и скуп, Алексей Дмитриевич внешностью и повадкою олицетворял разбитного *мелкого* купчика *или купеческого молодца самой что ни на есть* провинциальной складки — немного наглого, очень самоуверенного. Варвара Дмитриевна также страдала самоуверенностью в форме, осложненной самовлюбленностью. Была [a]неглупа, а в молодости и собою недурна[a]. Елизавета Дмитриевна была по внешности *куда* интереснее сестры[b], но чересчур деревянная и чопорная[b].

Княгиня Дарья Петровна не только поддерживала и укрепляла, пока была жива, сплоченность собственной семьи, но и являлась объединяющим центром для многочисленных родственников. Ее традиционные воскресные завтраки посещались и наиболее дикими центробежными элементами, к каковым принадлежал я. В этом объединяющем почине заключалась большая заслуга этой почтенной женщины, тем более значительная, что ее приемы, на которых она успевала уделять свое *милое* внимание всем и каждому, не могли, по ее преклонному возрасту, ее не утомлять. Но двери [c]Д. П.[c], независимо от воскресных фиксов, были постоянно открыты в любое время не только для родни, но и для всех друзей и просто знакомых. Можно было встретить у нее и влиятельного министра, и какого-нибудь совершенно скромного деревенского соседа, причем как к первому, так и ко второму она проявляла одинаково ласковое отношение без малейших разнствующих оттенков. И министры держали себя у нее просто и скромно. Припоминается и пересол простоты, проявленный однажды у меня на глазах К. П. Победоносцевым, которого я застал у Дарии Петровны лежавшим в растяжку на ковре в ее гостиной и игравшим с ее маленьким внуком, одним из сыновей Марии Дмитриевны Гагариной.

Связи семьи выдвинули Александра Дмитриевича на должность обер-прокурора Первого департамента Сената. Потом он был назначен сенатором и вскоре членом Государственного совета.

Алексей Дмитриевич долгое время на службе хирел. Помнится, как он настойчиво добивался у А. С. Ермолова в его министерстве должности инспектора по сельскому хозяйству — совершенно скромной, инструкторско-ревизионного характера, по разъездам. Ермолов затруднялся назначить Алексея Дмитриевича на эту должность, за отсутствием у него предварительного ведомственного стажа. Помог устроиться Алексею Дмитриевичу брат его Николай Дмитриевич. Большой друг Матильды Ивановны Витте, еще до женитьбы на ней Сергея Юльевича, он по этой дружбе, а особенно в силу его отношений к царю, был исключительно предупредительно и внимательно принимаем в доме министра финансов, старавшегося быть с Николаем Дмитриевичем на короткой ноге. Сергей Юльевич Вит-

---

[a–a] Вписано вместо: «когда-то молода, следовательно свежа. Мнила себя внешне обаятельною. Родилась не глупою, считала себя умною, и не просто умною, а очень умною, тонко и остро».

[b–b] Вписано вместо: «и в то же время более скромного о себе мнения. Будь она менее деревянная и чопорная, она была бы совсем милая».

[c–c] Вписано вместо: «доброй старушки».

те, никогда и ни с чем не считавшийся, когда чего-либо хотел, не постеснился, не считаясь ни с какими стажами, представить Алексея Дмитриевича к назначению на весьма в свое время приятную и достаточно высокую должность управляющего Государственным дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками на жалование *от 15 до 20 тысяч рублей*, с прекрасною казенною квартирою в доме банков на Адмиралтейской набережной. Таково было влияние Николая Дмитриевича. Алексей Дмитриевич вышел в люди. *Купеческий молодчик по типу, он недалеко ушел от этого типа по внутреннему своему содержанию.* Не глупый, с природною сметкою, но без всяких солидных знаний, ни на какую самостоятельную большую работу он, однако, способен не был. Администрировал по докладам владевших техникою дела своих сотрудников. И заведенная машина двигалась. Пробравшись в люди, Алексей Дмитриевич пошел и далее, вглубь карьеры. Попал в товарищи министра внутренних дел и даже получил портфель обер-прокурора Синода в кабинете Сергея Юльевича Витте. Давалось понять, что он весьма сведущ в церковных вопросах. На деле этого совершенно не было. Пробрался потом в Государственный совет. *Был в свое время пожалован в шталмейстеры. По-детски обрадовавшись мундиру, одевал на первых порах придворную форму кстати и некстати. Однажды я его встретил в ней на Николаевском вокзале, отъезжавшим с семьею на лето в деревню. Очевидно, хотел произвести соответствующее впечатление в уезде и на селе.*

Флигель-адъютант князь Николай Дмитриевич, выйдя из Конного полка в чине полковника, был назначен, с производством в свитские генерал-майоры, сначала начальником контроля Министерства двора, а потом начальником «Кабинета его величества». Незадолго до своей кончины получил назначение состоять при вдовствовавшей императрице Марии Федоровне. *Близости Николая Дмитриевича к супругам Витте обязан был не только его брат Алексей Дмитриевич своею карьерою, но и муж сестры, князь Гагарин, своим назначением ректором Политехнического института.*

Вдова князя Сергея Александровича Оболенского княгиня Наталия Владимировна была душевно больная. Пунктом ее помешательства было ее убеждение в том, что она стеклянная. Может разбиться и рассыпаться. Вне этого пункта проявляла себя вообще нормальною. Принимала, выезжала. Придерживалась тех же семейно-объединяющих начал, что и княгиня Дарья Петровна. Была столь же приветлива и благожелательна. Вероятно, это была особенность ее поколения, не унаследованная поколением, непосредственно следовавшим. Но, по болезни, приемы ее были не столь частые, и посещаемость их была меньшею, чем у Дарьи Петровны. Старший ее сын князь Владимир Сергеевич с головою ушел в службу при дворе, где был гофмаршалом при царе Александре III. И двор же поженил его на приближенной к императрице Марии Федоровне неинтересной и некрасивой камер-фрейлине графине Александре Александровне Апраксиной. Сам же был и красивый, и видный, и с хорошим положением. Но весь во дворе и ничего вне двора. Так и умер, неожиданно и рано, на своем посту, замещенный мужем своей сестры Веры Сергеевны, графом Александром Васильевичем Голенищевым-Кутузовым. Брат Владимира Сергеевича, князь Валерьян Сергеевич, был старшим советником Министерства иностранных дел на правах товарища министра при графе Муравьеве, а потом товарищем министра при преемнике последнего графе Ламздорфе. Честный, но ограниченный,

сухой и скупой при совершенно достаточной материальной обеспеченности, чиновник-педант и формалист крайне узкого кругозора. Третий брат, князь Платон Сергеевич, отличался только красотой и несчастливым браком на столь же, как и он, красивой супруге, урожденной Нарышкиной, которая от него ушла к флигель-адъютанту из офицеров Преображенского полка Рейтерну, лицу, по общему мнению, всего менее заслуживавшему предпочтения перед Платоном Сергеевичем. Карьеры Платон Сергеевич не делал и не сделал. Был в свое время, как и его брат Владимир Сергеевич, кавалергардом. Состоял при дворе вел. кн. Владимира Александровича.

Семья Михаила Александровича Оболенского состояла в пору моей встречи с ней из его вдовы, урожденной кн. Стурдза, сына Ивана Михайловича и двух дочерей, Елены Михайловны Чертковой и Агриппины Михайловны Панютиной. Румынская кровь Стурдза ярко сказалась на внешности князя Ивана Михайловича и отчасти Елены Михайловны. Агриппина Михайловна — Грушенька Панютина — нисколько на них не похожая, скорее олицетворяла северный тип. Была красива и интересна. Иван Михайлович, некогда мичман флота, долгие годы был не у дел. Соскучившись и созрев, решил вступить в карьеру. Был назначен губернатором в одну из южных губерний. В пору вспыхивавших то здесь, то там аграрных беспорядков кого-то где-то усмирял[1]. За усмирение на него было произведено покушение. В него стреляли. Что-то плохо помнится, не то пуля мимо прошла, не то только слегка его оцарапала. Но он все-таки попал в герои и из героев был перемещен на должность финляндского генерал-губернатора. Захотелось ему непременно генеральских эполет. И так как в юности был мичманом, то его произвели в генералы по адмиралтейству. В настоящие адмиралы бывший мичман не прошел. Не доплавал. *Память как об умном человеке по себе не оставил и, как говорят, данных на то не имел.* Елена Михайловна была образцовая семьянинка — прекрасная мать и жена, *милая,* добрая, приветливая, простая, лишенная всякого аристократического снобизма. Пользовалась общими симпатиями и уважением. И муж ее, Федор Михайлович Чертков, помещик и местный деятель Воронежской губернии, был хороший человек. Прожили большую часть жизни в провинции. В Петербург перебрались довоспитывать детей. Федор Михайлович получил в столице скромное место члена Дворянского банка. Грушенька была героинею трагического романа. Ее полюбил, долго за нею ухаживал и сделал ей предложение царскосельский гусар Панютин. Она с ним кокетничала, поддерживала его увлечение, а когда дело дошло до предложения, почему-то ему отказала. Вскоре отправилась на Кавказ. Там познакомилась и, по свойственному ей обычаю, стала кокетничать с нижегородским драгуном Лазаревым. И этот сделал ей предложение. Она согласилась. Объявлены были женихом и невестою. Снимались вместе в качестве женихов и раздавали снятую с них фотографическую карточку. Затем Грушенька передумывает. Пишет о своем согласии Панютину. Бежит с Кавказа и венчается с ним. Лазарев приезжает в Петербург, вызывает Панютина на дуэль и с первого выстрела его убивает... Виновница кровавой трагедии Грушенька действовала совершенно бессознательно, не отдавая себе отчета в возможных последствиях проявленных крайнего легкомыслия и необдуманности.

Через Оболенских мы были в родстве и с семьею Озеровых, состоявшей из приближенной к императрице Марии Федоровне ее любимицы камер-фрейлины

Екатерины Сергеевны и братьев, генералов Андрея Сергеевича, женатого на моей тетке Ольге Алексеевне Лопухиной, управлявшего двором великого князя Михаила Николаевича, и Сергея Сергеевича, бывшего командиром Преображенского полка. Андрей Сергеевич был душевный и милый человек, его же брат и сестра — неприветливые сухие люди. До мафусаиловых лет дожила их мать Наталия Андреевна. В качестве старейшего члена многочисленной семьи она являлась предметом особенного родственного почитания. Считалось обязательным являться к ней время от времени на поклон. Старуха была приветливая и добрая. Но постепенно, перевалив за 90 лет, выжила из ума. Паломничество к ней было делом в достаточной степени скучным. Последние года она настолько иссохла, что превратилась в совершенные мощи. И все думалось: этот визит будет последним. Но она пережила все предвидения этого рода. Стала по несколько раз в год болеть воспалением легких столь же часто и просто, как другие люди отбывают обыкновенный насморк. При первых ее воспалениях казалось, что должна неминуемо наступить развязка. Но после каждой болезни она только ощущала прилив новой бодрости. Окончательно всех сбила с толку. Умерла, когда окружающие всего менее этого ожидали.

Деда своего Алексея Александровича и бабку Варвару Александровну я не знал. Оба скончались в пору моего младенчества. По рассказам представляю себе деда по его времени передовым и культурным человеком. Дом его в Москве на Молчановке привлекал наиболее выдающихся людей его эпохи. Частыми посетителями и друзьями были Гоголь, Самарин, Хомяков. Тесная дружба связывала деда с поэтом Лермонтовым, увлекавшимся родною сестрою деда. Вхожи были в дедовский дом и менее крупные величины. Часто бывал писатель Маркевич, списавший действующих лиц своего известного романа «Четверть века назад» с большинства друзей и знакомых моего деда[2]. Политические тенденции дедовского кружка были прогрессивные, но лояльные. Идеология — славянофильство. Настроение — мистическое. Склонность к романтике и фатализму. Как человек культурный и передовой, дед установил в своих имениях режим исключительно мягкий и гуманный. Принципиально являлся сторонником открепощения крестьян. Событий, однако, не предвосхищал. Но когда они наступили, и воля была объявлена, то все-таки растерялся, предоставив проделать все требовавшиеся формальности своему зятю князю Трубецкому, которого и снабдил полною доверенностью[3]. Сам же лег в своем кабинете на диван, запретил кого бы то ни было к себе пускать и, отвернувшись к стене, в молчании пролежал два месяца. Пытавшийся несколько раз проникнуть к нему, чтобы переговорить о делах, князь Трубецкой был всякий раз неизменно изгоняем. Все-таки и по эмансипации состояние осталось у деда большое — имения в Московской, Рязанской и Смоленской губерниях. Тем не менее растерянность, неприспособленность, неумение жить были таковы, что бывали дни, когда в доме не оказывалось ни копейки и приходилось занимать рубля по 3, по 5, на день, на два. Сокращение расходов понималось так, что все лошади, экипажи и весь выезд были безвозмездно переданы в собственность извозопромышленнику с обязательством в течение [a]года[a] подавать, в случае надобности, экипаж за ту самую месячную плату, за которую можно было бы подрядить извозчика и без уступки *ему* целого легкового обо-

[a–a] Вписано вместо: «двух лет».

за. Сын богатых родителей, мой отец спал все четыре года своего студенчества в родительском доме на диване с вылезшими и покривившимися пружинами, впиравшимися ему в спину и бока.

Сыновей у деда было трое: старший Александр, второй — мой отец Борис и младший Сергей, дочерей — пять: София — княгиня Трубецкая, Мария и Лидия, оставшиеся девицами, Эмилия, вышедшая замуж за графа Капниста, и Ольга — супруга А. С. Озерова.

Дядя Александр Алексеевич, красавец и богатырь с густою гривою волос, седых с двадцатипятилетнего возраста, что при молодом лице придавало его наружности особую оригинальность, пользовался исключительным успехом у женщин, которых, с<о> своей стороны, был большим и тонким ценителем. И сердце его было по отношению к дамам весьма любвеобильное. При таких его особенностях и данных он совершенно неосмотрительно дал себя «по рассудку» поженить на Елизавете Дмитриевне Голохвастовой, особе по внешним качествам абсолютно неинтересной. Но она была неглупа и впоследствии показала себя хорошей матерью. Она прижила с Александром Алексеевичем пятерых сыновей. Муж был ей верен минимально короткий срок, прибегая по его прошествии к содействию жены для продолжения рода только, так сказать, мимоходом, между делом того же порядка, но в сочетаниях более для него заманчивых и приятных. Елизавета Дмитриевна относилась к этому крайне нетерпимо. Так как она была женщина с характером, настойчивая и упорная, то предпринятая ею борьба с мужем против его романических выступлений *в роли сеятеля на не принадлежащей ему земле* делала семейную жизнь Александра Алексеевича лишенною всякой привлекательности. Он счел чашу переполненною, когда однажды ночью, выйдя из клуба и садясь в свою карету, нашел в ней подстерегавшую его ревнивую супругу. Надо полагать, что Александр Алексеевич не располагал вернуться в эту ночь из клуба прямо домой. Как бы то ни было, но наутро он вышел из дому окончательно и более не возвращался, вверив Елизавете Дмитриевне воспитание своих сыновей. С этою задачею она справилась. Сыновей выходила и воспитала. Александр Алексеевич предался радостям жизни, как он понимал их, и карьере, которая развернулась перед ним достаточно широко. Образование получил не ахти какое, окончив всего только Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, переименованную впоследствии в Николаевское кавалерийское училище. Но был человек способный и обладал недюжинным природным умом. Попав в мировые судьи первого их призыва, пленил толковым и бойким разбирательством дел посетившего его камеру министра юстиции графа Палена. Последний выдвинул его по прокуратуре. Был прокурором Петербургского окружного суда, а затем Петербургской судебной палаты. Пути его карьеры ширились. Случился, однако, процесс Веры Засулич, стрелявшей в градоначальника Трепова. Оправдание ее судом присяжных под председательством А. Ф. Кони повредило не только последнему, впавшему в открытую немилость, но и Александру Алексеевичу, которому пришлось несколько отступить, получив назначение в Царство Польское, на должность председателя судебной палаты в Варшаве[4]. Вскоре у него разыгрался роман с Ольгою Федоровною Добровольской. Она ли так дело повела, он ли увлекся не в меру, но задумал во что бы то ни стало

[а] Так в рукописи. Правильно: пять.

на ней жениться. Между тем продолжал быть формально женатым на Елизавете Дмитриевне Голохвастовой. Последняя на все его просьбы о согласии на расторжение брака отвечала отказом. Отправился с Ольгою Федоровной в Болгарию и там с нею обвенчался. Оказался в строго каравшемся двоеженстве, особенно соблазнительном и нетерпимом в лице старшего представителя, на окраине, судебной власти, нарочито призванной охранять закон. Нашлись друзья, которые не преминули доложить об этом случае Александру III. На очередном докладе министра юстиции царь приказал Александра Алексеевича «убрать». Дело могло бы для него кончиться куда хуже. Уволенный со службы Александр Алексеевич остался в Варшаве, где занялся адвокатурою. Его прошлое обеспечивало его многочисленною клиентурою. Тем не менее, служебное крушение было для него тяжело. И еще страдал он от непризнания его второго брака[a] семьею и обществом.

О старшем сыне Александра Алексеевича Алексее Александровиче, бывшем директором Департамента полиции, рассказано выше — на стр. 125 записок.

Насколько отрицательною рисуется его личность, настолько хорошим человеком, *редких качеств души и сердца* был брат его Дмитрий Александрович Лопухин. *Кристаллически* честный, прямой, простой *во всех своих проявлениях*, скромный *без слюнтяйства и уничижения паче гордости*, в то же время в себе уверенный без самомнения, *отзывчивый, чуткий, добрый,* где надо — стойкий и мужественный *до бесстрашия*, он всею своею жизнью до героического ее конца в империалистическую войну являл незабываемый образ едва ли не последнего рыцаря без страха и упрека. Надо к этому прибавить, что он был образованный человек, хорошо окончив Московский университет, а в офицерских чинах пройдя Академию Генерального штаба. Он был военный по призванию. Предназначал себя к военной службе еще с гимназической скамьи. По окончании университета поступил вольноопределяющимся в Нижегородский драгунский полк на Кавказе. Вскоре после производства в офицеры женился там на *султанше* — княжне Елизавете Михайловне *Тохтамыш*-Гирей. Отец ее был магометанином, а мать, по происхождению итальянка, — католичкою. Жена Дмитрия Лопухина была также католичкою. Это обстоятельство долгое время препятствовало Дмитрию Лопухину поступить в Академию Генерального штаба. В видах недопущения в Генеральный штаб офицеров-поляков, вообще лиц польской ориентации или хотя бы только сочувствующих в той или иной мере полякам, устав академии преграждал доступ в нее католикам, а также лицам, женатым на католичках[5]. Случай жены-католички — дочери султана-мусульманина устав академии не предусмотрел. И только долгие и настойчивые хлопоты влиятельного родства раскрыли в конце концов перед Дмитрием Лопухиным, в виде совершенного исключения, двери академии. Я был всегда близок к Дмитрию Лопухину и по родству, и по взаимным пониманию и симпатии. И брак его не ослабил, как это иногда бывает, его приязненных отношений к родственникам, так как и жена его была такая же хорошая, как он сам. Особенно сблизился я с ним во время его пребывания в академии. Юрист по образованию, он с трудом разбирался в математических предметах академического курса и обратился к моей помощи. Я как раз был в то время студентом-математиком старших курсов. И помогал ему

[a] В рукописи ошибочно: «брата».

в овладении основами математических дисциплин. Во все тяжелые значительные минуты моей жизни как-то случалось, что он неожиданно появлялся передо мною (хотя по окончании им академии мы жили в разных городах) и несказанно поддерживал меня своею светлою бодрящею философиею. Именно светлую бодрость нес в себе этот *исключительно* милый, прямой и сердечный человек на всем протяжении своей жизни. В империалистическую войну[6] в чине уже генерала он командовал гвардейским Конно-гренадерским полком. В полку состоял младшим офицером его единственный*, нежно любимый им* сын Георгий, *милый, красивый юноша*. За несколько дней перед развившимися вскоре большими боями в Польше, в пору сравнительного затишья перед грозой, в отсутствие отца, шальная пуля на месте уложила Георгия. Вернувшись к вечеру к полку из поездки в штаб, ничего еще не зная, Дмитрий принимал обычный рапорт. Ранено, убито... столько-то нижних чинов. Один офицер. Убит. Кто? Корнет Лопухин... Очевидцы передавали, Дмитрий не дрогнул. А ему был нанесен такой удар, который он не мог пережить. И в то время, как в большинстве случаев другие генералы щадили в своем лице высший командный состав, Дмитрий Лопухин ринулся в бой во главе своего полка. Он искал смерти. И он ее нашел через три-четыре дня после гибели сына в бою перед Ивангородом. Смертельно раненный, скончался через несколько часов в сильных страданиях.

Следуют братья Борис, Виктор, Юрий. Борис и Юрий были люди совершенно заурядные, среднего типа вымиравшего дворянства. [а]Погибли[а] в 1918 г. в г. Орле, под которым находилось их маленькое имение, случайными жертвами революционной бури. Виктор Лопухин заслуживает несколько более подробной характеристики. В нем были ярко выражены отрицательные черты провинциального бюрократа-арривиста[6а]. Не глупый, но аморального ума, стяжательный и наглый, с юности стремившийся побольше урвать от жизни ценою наименьших усилий, еле дотянул гимназию. Поступил в б<ывшее> Николаевское кавалерийское училище, откуда был выпущен корнетом в армейский драгунский полк. Придирчиво, в оскорбительной форме подтягивал вольноопределяющихся. Проявлял несноснейший офицерский снобизм. Наружности был в молодости довольно счастливой. И имел относительный успех у женщин. Потолкавшись в полку и видя, что военной карьеры ему не сделать, так как ее могла бы дать ему, как армейцу, только недоступная ему по малому образованию академия или недоступная же по недостатку личных средств служба в гвардейском полку, Виктор Лопухин перешел на гражданскую службу, начав с должности чиновника особых поручений минского губернатора, в ту пору нашего общего дядюшки князя Николая Николаевича Трубецкого, кстати, обещавшего в свое время эту должность мне. Потом Виктор перешел чиновником же особых поручений к киевскому генерал-губернатору М. И. Драгомирову. В Киеве завел роман с замужнею еврейкою, развел ее с мужем и женился не столько на ней, сколько на ее состоянии, хотя и не чересчур большом, но для начала достаточном[7]. Побывал мировым посредником и уездным (по назначению) предводителем дворянства в Ковенской губернии. Тут с ним приключились кое-какие неприятности. *Кто-то за что-то его ударил*. Но у него уже был открытый дом и связи. Проник к виленскому генерал-губернатору князю Святополку-Мирскому (назначенному

[а–а] Вписано вместо: «были расстреляны».

после убийства Плеве министром внутренних дел). Виктору посчастливилось оказать Святополку кое-какие услуги. Святополк не оказался неблагодарным. Виктор получил место вице-губернатора в Екатеринославе и вскоре был назначен губернатором, сначала в Пермь, потом в Новгород, Тулу, после в Вологду. Завершил свою карьеру членом совета министра внутренних дел. Весьма непопулярным был губернатором, особенно в Туле. Неприятные доходили слухи о нем. Приходилось от него открещиваться, ссылаясь на отсутствие отношений, прекратившихся за полным расхождением в обычаях и взглядах еще со времени моего студенчества и его юнкерства.

Младший мой дядя Сергей Алексеевич Лопухин был значительно моложе моего отца. Поэтому я его помню еще молодым человеком, когда по окончании Московского университета он отбывал повинность в 70-х годах прошлого столетия в Сумском гусарском полку. С полком участвовал в турецкой кампании 1877–78 г. Вернулся с солдатским Георгием. Женился в Москве на графине Барановой. Поступил на службу по судебному ведомству и по прошествии некоторого времени был назначен товарищем прокурора окружного суда в Тулу. Это его особенно устраивало потому, что в Тульской губернии, неподалеку от Тулы, находилось имение его жены, полученное в приданое. Весьма не глупый, острословец и весельчак, он был человеком совершенно инертным, слабохарактерным и необычайно ленивым. Легкая служба по близости к имению представлялась ему панацеею, которую, по инертности и лени, он ни за что и ни на что променять не хотел. Всю жизнь старался играть какую-нибудь отменно веселую роль острого сатирика. Актерство, поза, обязательная потуга на остроумие в придачу к каждому жесту и слову были характерною особенностью москвичей дворянско-служилого круга. Напряженность, в большинстве случаев и у большинства москвичей, мало удачного остроумия на свежего человека действовала удручающе, вызывая чувство неловкости, а подчас тошноты. Сергей Алексеевич был остроумнее других. Но, к сожалению, злоупотреблял остроумием, не жалея, что называется, для красного словца ни матери, ни отца. Добрый по существу, он позволял себе острословие и по случаям трагическим в жизни ближнего, не отдавая себе, по-видимому, отчета в неуместной до дурного тона жестокости отпускавшихся шуток. Позу избрал благодушного лентяя, поставившего себе целью умножение рода. Жена не выходила из беременности. И по этому поводу остроумие Сергея Алексеевича не иссякало. Не считая не выживших детей, было рождено поставленных на ноги десять человек — пять сыновей и столько же дочерей. Занятый деторождением и сладостным отдыхом, между делом, в имении, Сергей Алексеевич упорно отказывался от всякого служебного перевода и без малого двадцать лет просидел товарищем прокурора в Туле. Позируя в добродушного ленивца, валялся по диванам и кушеткам и ради вящего остроумия, лежа на диване, стрелял из ружья в потолок. В конце концов избранная им благодушная роль и его утомила. Он принял назначение прокурора окружного суда в Орел. Оттуда через несколько лет был переведен прокурором судебной палаты в Киев. В позу его входил либерализм, выражавшийся в острословии по поводу действий правительства. Поэтому когда Витте в 1905 году впервые формировал объединенный кабинет министров из либеральных деятелей, то ему был назван, в числе прочих, в качестве эвентуального кандидата на пост министра юстиции (князем Алексеем Дмитриевичем Оболенским) Сергей Алексеевич, *тот самый*

либерал, который развлекался стрельбой с дивана в потолок. Витте его вызвал[8]. Достаточно было, однако, ему повидать Сергея Алексеевича и поговорить с ним, чтобы министерская кандидатура последнего отпала. В компенсацию был назначен обер-прокурором одного из департаментов Сената, а потом сенатором.

Старшая сестра моего отца Софья Алексеевна была замужем за князем Николаем Петровичем Трубецким, сыном увековеченного Лесковым орловского губернатора-самодура П. И. Трубецкого, известного эпическими битвами с епархиальным архиереем Смарагдом[9]. Николай Петрович был прекрасный человек и хороший семьянин. Долгое время был калужским вице-губернатором, потом почетным опекуном Ведомства учреждений императрицы Марии по московскому присутствию. Чрезвычайно благожелательный, всю жизнь неустанно за когонибудь хлопотал. И зачастую хлопоты его, по их настойчивости, увенчивались успехом. Отличался феноменальною рассеянностью. Перепутывал и не узнавал близких друзей и знакомых, даже собственных детей. Садился в чужие экипажи. Одевал чужие шубы. Делая визиты, развозил чужие визитные карточки. На тетушке Софии Алексеевне был женат вторым браком, овдовев после первого брака с Орловой-Денисовой. От нее у него был сын Петр Николаевич, весьма в свое время видный московский губернский предводитель дворянства, застреленный своим племянником Кристи из ревности к жене, за которой Петр Николаевич неумеренно ухаживал. Были и две дочери — Кристи и Глебова. С тетушкою Софиею Алексеевною Николай Петрович прижил трех сыновей и шесть дочерей. Старший сын Сергей, доктор философии, впоследствии ректор Московского университета, возглавлял в 1905 году депутацию к царю с ходатайством о даровании реформ управления[10]. Второй сын Евгений — тоже философ, но *значительно* меньшего калибра, профессор Демидовского юридического лицея в Ярославле, потом Киевского и Московского университетов, был членом Государственного совета по выборам от академической курии. Младший сын Григорий служил по Министерству иностранных дел и был отправлен перед самым началом империалистической войны посланником в Сербию. Ярким человеком был, собственно, один Сергей Трубецкой. Но он страдал крайнею книжностью и отвлеченностью. Живой жизни не знал. *Совершенно не ведал жизненной борьбы.* Был серьезным, умным ученым, честным по воззрениям и чистой жизни, но безнадежным теоретиком. Евгений был добродушный малый, ученый не столько по существу и по призванию, сколько по официальному цензу и из подражания брату, добившийся профессуры *лишь* трафаретным выполнением определенной официальной программы. Составил определенное число компилятивных трудов, пользуясь для этого всеми удобствами и всею неограниченною свободою во времени, которые ему предоставила обеспеченная жизнь с богатою женою, и защитил свои диссертации. Григорий был не глупый, способный, но крайне переоценивавший себя человек, большого самомнения. Также богато женатый, он в свое время бросил службу по дипломатическому ведомству, искусившись без особого блеска только на младших *совершенно субалтерных* должностях на Ближнем Востоке. По московским связям и отношениям встретился с С. Д. Сазоновым, когда последний был назначен в 1910 г. министром иностранных дел. Всегда и во всем мало основательный и весьма легкомысленный Сазонов решил, что нашел в лице Григория Трубецкого как раз нужного для ведомства человека выдающихся способностей и знаний. Вероятно, в этом убедил его сам Григорий

Трубецкой, *самоуверенно и развязно* развив перед ним какие-либо свои доморощенные политические теории и системы. Сазонов, в свою очередь, убедил Григория Трубецкого придти на помощь ведомству, предложив ему с места, невзирая на его слабый ведомственный стаж, ответственный пост начальника политического отдела Ближнего Востока. Григорий принял назначение. И*, как водится,* тотчас был проведен Сазоновым в камергеры. При ближайшем сотрудничестве совершенно, в сущности, не подготовленного Григория Трубецкого Сазонов вел плачевнейшую политику на Балканах. После вторжения в империалистическую войну австрийских войск в Сербию Григорию Трубецкому, отправленному туда посланником, пришлось поспешно эвакуироваться. Был отозван в Петербург, где оставался без дела. Когда ожидалось несостоявшееся падение Константинополя и намечалась организация международного его управления союзниками, Сазонов, верный своему увлечению Григорием Трубецким, имел в виду провести его назначение русским комиссаром этого международного управления[11]. Как-никак все трое братьев Трубецких были незаурядными личностями в среде современников своего круга. И этим они были в значительной мере обязаны своей матери Софии Алексеевне, отдавшей их воспитанию все свои силы. Достаточно сказать, что не только она сама лично подготовила сыновей в гимназию, но и на протяжении гимназического курса репетировала их, одновременно с двумя старшими проходя гимназическую программу, включительно до бывших ей ранее совершенно неизвестными древних языков латинского и греческого. Поэтому влияние ее на сыновей было громадное. Выразилось оно и в том, что ни один из них не женился по собственному почину и выбору. Всех поженила мать на *тщательно* ею подобранных невестах. Невесты все были родовитые и богатые. И что представляется совсем неожиданным, все три брака оказались удачными. Сергей женился на княжне Оболенской, Евгений — на княжне Щербатовой, Григорий — на графине Хрептович-Бутеневой. Все три брата были не чужды московских поз и московского острословия. У Сергея, как у самого умного, оно выражалось в наиболее приемлемой форме. Григорий, с годами драпируясь в позу просвещенного, основательно переросшего современников общественника-либерала, становился все менее приемлемым. Самоуверенность его сделалась совершенно несносною.

Другою сестрою моего отца была, как упомянуто, графиня Эмилия Алексеевна Капнист. [a]Она была женщиною не глупою[a]. Поэтому, будучи к тому же москвичкою, считала себя обязанною быть отменно остроумною. Позировала оппозицию правительству. *И какой тонкой, язвительной, беспощадной сатире подвергала она бедное правительство!* Делала салон и делала общественное мнение в либеральном духе. Это не мешало мужу ее графу Павлу Алексеевичу быть педантично строгим попечителем Московского учебного округа, решительно боровшимся со студенческою «крамолою». Отсюда непопулярность. Когда в конце девятидесятых годов прошлого столетия студенческие страсти разгорелись, Павел Алексеевич был отозван в Петербург с назначением сенатором. Но заменил

[a–a] Вписано вместо: «Странное имя для коренной русской женщины. Но такой уже привиделся бабушке сон, когда она была беременна Эмилиею Алексеевною. Было ей во сне повелено наречь имевшую родиться, непременно дочку, именно Эмилиею. Тетушка Эмилия Алексеевна была умною женщиною».

его уже совершенный зубр, ректор Московского университета Боголепов. [a]Очень родственные люди были Капнисты[a]. Молодые Трубецкие, Сергей и Евгений, поступив в Московский университет в то время как родители их оставались в Калуге, были взяты к себе Капнистами, у которых и провели все свои студенческие годы. Одновременно Капнисты приютили тогда же поступивших в университет Алексея и Дмитрия Лопухиных, *мать которых, довоспитывая младших сыновей, оставалась в Орле*. Впоследствии к Капнистам перешли, сделавшись студентами, и братья их Борис и Юрий. И молодые княжны Трубецкие, приезжая из Калуги повеселиться в Москву, месяцами живали у тетушки Эмилии Алексеевны. Было у нее оживленно, людно и весело. Собственных детей у Капнистов было двое — сыновья Алексей и Дмитрий. Старший Алексей был хороший человек. Начитанный, образованный, *очень неглупый,* простой и скромный, чуждый *всякой* московской позы и фанфаронства. Моряк по призванию, долго служил во флоте. Имел большой стаж дальнего плавания. В японской войне[12] не участвовал, так как незадолго перед войною был назначен морским агентом при посольстве в Риме. Там женился на [b]девушке[b] из дипломатической семьи Ольге Константиновне Лишиной. По возвращении в Россию служил в Севастополе в штабе Черноморского флота. Выйдя в отставку, хозяйничал в имении в Полтавской губернии, одновременно служа по выборам в качестве уездного предводителя дворянства. С началом империалистической войны вернулся на морскую службу, получив видное назначение в Главный морской штаб в Петербурге. В деловом отношении был ценим. В семье же и в обществе отдавалось предпочтение его брату Дмитрию, исключительно из-за чрезмерной скромности Алексея. Последний был добрый и отзывчивый человек, Дмитрий же себялюбивый сухарь, в некоторых случаях *прямо* поражавший своею бесчувственностью. Но отец и мать, а за ними некоторые ближайшие родственники несправедливо считали Дмитрия лучше, талантливее, умнее Алексея. Он, правда, был не глупый и в некоторых отношениях способный человек. Но совершенно средний. Предпочтение же себе завоевал московским острословием, которое плоско и пошло культивировал с детских лет. И он застыл в этом детском острословии. Поэтому и в зрелых годах проявлял себя мальчишкою. Никакой серьезной работы никогда не проделывал. Был членом Государственной думы III и IV созывов, при бледности и бездарности большинства *ее состава* — одним из видных членов. Материально его обеспечила приблизившая к себе бездетная тетка, сестра отца, Чичерина, вдова известного *почтенного* профессора Московского университета Бориса Николаевича Чичерина. Не забыл его и дядя, бывший директор Азиятского департамента Министерства иностранных дел сенатор граф Дмитрий Алексеевич Капнист, поделивший по завещанию свое состояние между обоими племянниками Алексеем и Дмитрием. *Были у братьев Капнистов еще и другие именитые денежные дяди — бывший посол в Вене граф Петр Алексеевич и харьковский губернский предводитель дворянства граф Василий Алексеевич Капнисты.*

Из других родственных моему отцу семей следует упомянуть о Самариных и Свербеевых. Младший из современных мне представителей семьи Самариных,

[a–a] Вписано вместо: «Милые и добрые люди были Капнисты. И исключительно родственные».

[b–b] Вписано вместо: «весьма милой особе».

Александр Дмитриевич, был призван в последние годы царствования императора Николая II на пост обер-прокурора Синода. Но он попал на этот пост уже в эпоху агонии империи, в разгар министерской чехарды, когда люди приходили к власти на несколько дней и часов и уходили ввиду безнадежной непримиримости велений совести с тем курсом, которому им предлагалось следовать и который диктовался пагубными влияниями на последнего царя, действовавшими через совершенно его поработившую императрицу[13].

[a]О Свербеевых: сенаторе Александре Дмитриевиче и бывшем после в Берлине Сергее Николаевиче упомянуто выше на стр. 69 записок[a].

Родство моей матери переносит нас из вельможных бюрократических кругов в среду поместного дворянства. Дед мой по матери Иван Александрович Протасьев, женатый на Марии Евлампьевне Кашинцевой, был во Владимирской губернии предводителем дворянства. Состояние его было большое. Но он имел неосторожность, не обладая соответствующими знаниями и опытом, поместить свои капиталы в промышленные дела. Вследствие заминки в импорте хлопка из Америки по случаю войны северных штатов с южными[14], совершенно растерявшись и не сумев преодолеть кризиса, дед за бесценок ликвидировал ткацкую фабрику. В нее же всажены были громадные денежные средства и почти все дедовские имения. Разорение усугубили крупные проигрыши в карты сыновей деда. От большого состояния остались лишь небольшие земельные владения, перешедшие к сыновьям, и писчебумажная фабрика во Владимирской губернии. Вложенный в нее капитал был распределен на паи, доставшиеся после смерти деда его многочисленным наследникам. К числу их принадлежала моя мать. Управление фабрикою было вверено сонаследниками брату матери Николаю Ивановичу. Как и дед, никаких специальных сведений он не имел. Управлял владимирскою фабрикою, сидя в Москве *и продолжая играть в карты*. Последствия сказались постепенным уменьшением дивидендов. Дело долгие годы кряхтело, пока не развалилось окончательно. Мать потеряла все до копейки, когда я еще был гимназистом. Единственно, кого миновала катастрофа, это сестру моей матери, тетушку Ольгу Ивановну, бывшую замужем за сенатором Батуриным. Желая приобрести предлагавшееся ей имение в Ковенской губернии в то время, когда Протасьевская писчебумажная фабрика еще существовала, она просила сонаследников о выделе ее из предприятия. Ее выделили, выдали причитающийся капитал, и имение она купила.

У деда и бабки Протасьевых было 19 человек детей. Но выжили девять — четверо сыновей Александр, Евлампий, Николай, Константин и пять дочерей, Надежда, Варвара, Анна, Ольга и младшая, моя мать, Вера.

Александр Иванович был женат на графине Софии Сергеевне Толстой, с которой прижил трех дочерей *Марию, Анну и Надежду*. Жена Александра Ивановича, прожив с ним лет пятнадцать, впала в душевную болезнь, от которой вскоре скончалась. Ему пришлось одному довоспитывать дочерей, что ему в совершенстве удалось, так как он был чистый сердцем, добрый и отзывчивый человек. Имел доставшееся ему от его матери небольшое имение в Рязанской губернии. Но он им не занимался, проводя с дочерьми в имении только часть летнего времени. Жил и служил в Петербурге, где был мировым судьею перво-

---

[a–a] Фраза приписана позднее на нижнем поле листа от руки.

го созыва реформированных судебных учреждений императора Александра II. Большой чревоугодник, хлебосол, любитель всего веселого, охотник послушать всякие соленые анекдоты и самому поврать, он был олицетворением беспечного сибарита. В молодости неумеренно играл в карты. И значительную часть состояния промотал. Политической физиономии не имел никакой. *Мировым судьею был добросовестным и хорошим.*

Евлампий Иванович был только всего типичным прожигателем жизни, но прожигателем *убежденным,* большого масштаба. Красивый собою, он был избалован женщинами. И отдавался любовным увлечениям не в меру. Но прежде всего он был игрок, спустивший в карты огромные средства. Это, главным образом, его пагубная страсть к картам окончательно подорвала состояние его отца, расстроенное неудачною промышленною спекуляциею. Дед много раз отказывался платить карточные долги сына. Но бабушка, которой Евлампий Иванович был любимцем, всякий раз добивалась платежа. Дед, суровый и строгий, выходил из себя. Происходили семейные сцены. Но дед платил и платил до изнеможения. В промежутках между карточною игрою Евлампий Иванович отдавался кутежам. Много пил. Женился на Марии Николаевне Вишневской. Имел от нее двух дочерей — *Марию и Евлампию*. Еще в первые годы супружества к жене приехала погостить ее сестра-барышня. Евлампий Иванович ее соблазнил и стал жить с нею. Жена накрыла любовников. Свояченица оказалась беременною. В доме водворился сущий ад. Евлампий Иванович старался сбыть свояченицу замуж как-нибудь за кого-нибудь. Но это не удалось. От создавшейся обстановки Евлампий Иванович запил. Женщины, вино, запойная игра в карты сломили его здоровье и в сравнительно еще молодые годы прожигатель жизни сгорел.

Николай Иванович, управлявший Протасьевскою писчебумажною фабрикою, был также страстным игроком. Карты поглотили все его состояние*, сгубив и вверенную ему сонаследниками фабрику*. Женат был на Любови Сергеевне Загоскиной (внучатой племяннице писателя Загоскина), от которой имел пять сыновей и двух дочерей. Старший сын Иван*, мой сверстник,* в ту пору, когда впервые образовывалось наместничество на Дальнем Востоке, с адмиралом Алексеевым во главе, был назначен в состав управления наместничества на должность комиссара по финансовой части, из податных инспекторов в Петербурге, как единственный из инспекторов, владевший английским языком, знание которого считалось обязательным для службы на Дальнем Востоке[15]. С упразднением Дальневосточного наместничества Иван Николаевич был переведен в центральную Россию управляющим Курскою казенною палатою, а затем членом Совета наместника на Кавказе, по финансовой части. Умер вскоре после Октябрьской революции.

Младший из братьев моей матери, *наиболее ею любимый,* Константин Иванович, был чужд пагубной страсти к карточной игре, отличавшей старших его братьев. Был *милым,* красивым, скромным юношею. По окончании Школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров на военной службе не остался. Скончался, не достигнув двадцатипятилетнего возраста, от скоротечной чахотки.

Старшая сестра моей матери Надежда Ивановна, настолько старшая, что ровесницею моей матери была дочь Надежды Ивановны *от ее брака с Н. И. Хри-*

стофоровым[15a] Мария Николаевна, скончалась вскоре после выхода замуж. Мария Николаевна вышла за судебного деятеля, бывшего потом сенатором, Брока, но развелась с ним, чтобы стать женою служившего в ту пору по прокурорскому надзору Леонида Михайловича Князева, впоследствии губернатора тобольского, после вологодского, костромского, курляндского, а затем иркутского генерал-губернатора и после члена Государственного совета. От брака с Броком у Марии Николаевны были сын и дочь. Дочь Наталья вышла за двоюродного брата своей матери, упоминавшегося выше Ивана Николаевича Протасьева, комиссара по финансовой части Дальневосточного наместничества. От брака с Князевым у Марии Николаевны было четверо детей. Двое умерли в раннем детстве. Выжили одна дочь и сын Владимир, офицер Конного полка, убитый в самом начале мировой войны при наступлении в Восточной Пруссии.

Наиболее близка моей матери была тетушка Ольга Ивановна. Погодки, связанные тесною дружбою, сестры задались целью устроить свою жизнь так, чтобы и по выходе замуж не разлучаться. И им действительно удалось всю жизнь за редкими лишь перерывами прожить вместе. Ольга Ивановна семнадцатилетнею девушкою вышла за вдовца, много старше ее, имевшего уже от первого брака четырех детей, Анатолия Дмитриевича Батурина. Едва ли этот брак являлся результатом сознательного, сколько-нибудь продуманного шага со стороны невесты, по молодости ее лет. Едва ли имело место и серьезное с ее стороны увлечение. Говорят, убедила Ольгу Ивановну согласиться на предложение Батурина ее мать Мария Евлампьевна, исходившая из склонности большинства матерей того времени и того круга: при мало-мальски подходящем случае сбыть поскорее дочь замуж, чтобы не засиделась в девицах. Трудная на самом деле выпала задача Ольге Ивановне в семнадцатилетнем возрасте стать мачехою четырех пасынков. Но она для них была не мачехою, а подлинною любящею матерью. И не изменила своего любовного, полного заботливости отношения к ним, когда появились у нее и собственные дети. Всего менее заботился о своих детях их родной отец, *черствый и грубый во внешних проявлениях своего отношения к ним*. Когда дети подросли и их отдали в учебные заведения, Ольга Ивановна зачастую вносила задерживавшуюся мужем плату за их обучение из своих личных средств. Черствый и грубый, Анатолий Дмитриевич был вместе с тем развратный человек, искавший удовлетворения своей чувственности в постоянной смене объектов ее приложения. Он стал изменять жене на первых же порах после свадьбы. Ольга Ивановна это знала. Чувствовала себя оскорбленною. Но терпеливо сносила обиду, отдаваясь наполнявшим ее существование заботам о детях и пасынках. Анатолий Дмитриевич служил в Петербурге, где вскоре был назначен сенатором. Отец мой после недолгой службы в Петербурге в должности товарища прокурора окружного суда был переведен прокурором в провинцию — в Новгород, потом в Варшаву, откуда был назначен председателем окружного суда в Ярославль. На зиму семьи наши были разлучены. Но лето неизменно проводили вместе, сначала на дачах под Петербургом, в Старой Руссе, в Друскениках, а с приобретением Ольгою Ивановною имения в Ковенской губернии — в этом последнем имении. Одно лето обе семьи провели в Ярославле. Таким образом ими не прерывались самые тесные отношения. Жизнь тетушки и ее детей проходила у меня на глазах. Собственных ее детей было трое: [a]сыновья Анатолий и Александр и дочь Ольга. Александр умер в раннем детском возрасте. Смерть его была первым

горем[а] Ольги Ивановны. Но источником непрерывных и все увеличивавшихся мучений был сын Анатолий. Красивый мальчик, льстивший своею счастливою наружностью самолюбию отца, он даже с его стороны, при всей черствости Анатолия Дмитриевича, встречал только *предупредительную* ласку. Мать души в нем не чаяла. Оба родителя его баловали. Баловство, но не одно баловство, а, несомненно, и плохая врожденность, привели к тому, что в 12–13 лет Анатолий совершенно перестал учиться и не подчинялся никакой дисциплине. В случае наказания буйствовал. Он последовательно был исключен из трех учебных заведений. В этом же возрасте 12–13 лет стал пить и познал женщин. 15-ти лет он был уже подлинным алкоголиком, способным в состоянии опьянения ко всякому насилию и преступлению, и заболел сифилисом. Хотя и помещенный в больницу, продолжал пить, отчего от беспощадного недуга был только подлечен, а не вылечен. Жизнь в семье стала невозможною. Если ему отказывали в деньгах на вино и на женщин, то он громил квартиру, уносил ценные вещи и их закладывал. Неоднократно вступал в драку с отцом, выходя всякий раз победителем, так как в ярости был способен *решительно* на все, вплоть до убийства. Пришлось поселить его отдельно, выплачивая деньги на содержание. Тут он опустился до дна. Когда ему минул 21 год, его взяли в солдаты в гвардейскую конную артиллерию. Пить пришлось реже. Он был поставлен под особое наблюдение и в отпуск ходил не иначе, как в сопровождении дядьки. Все-таки пил. В промежутках отчаянно тосковал. Однажды после долгого выдержанного воздержания от вина в лагерях заполучил бутылку водки. Забрался на конюшню. Запрокинул бутылку с горлышка в рот и всю ее очистил. Покачнулся и упал мертвым. По-видимому, его сразил удар на почве незалеченного сифилиса. Мать его любила тем больше, что он был несчастным, больным неудачником, за которого она ни одной минуты не могла быть спокойною, что он не попадет под уголовную кару. Что приходилось матери переживать, вызволяя его из ряда серьезных историй? Спьяна он был однажды соучастником ограбления ювелирного магазина и при задержании на железной дороге стрелял в арестовавших его жандармов. В прекращении вечной мучительной тревоги за него мать не нашла все же утешения от его смерти. А за несколько лет перед тем Ольге Ивановне пришлось окончательно разъехаться с супругом, так как Анатолий Дмитриевич вступил в открытую связь с некой семейною дамою и совершенно забросил собственное семейство. Ольга Ивановна с дочерью Ольгою Анатольевною переехала к моим родителям в Ярославль, а потом вместе с ними жила в Петербурге. Лето обе семьи проводили в ковенском имении Ольги Ивановны. Ольга Анатольевна вышла *в Петербурге* замуж за друга детства, бывшего царскосельского гусара, крупного волынского помещика Бориса Сергеевича Мезенцева. Пасынки Ольги Ивановны Сергей и Дмитрий Батурины оба были военные. Красавец Сергей, адъютант командующего войсками Одесского военного округа, рано скончался от прогрессивного паралича. Дмитрий, добрый, душевный человек, *безукоризненный джентльмен,* вышел из юнкерского училища в офицеры в Смоленский драгунский полк, стоявший под гор<одом> Ковною, постоянно бывая в имении мачехи. *В Ковно же женился*

[а–а] Вписано вместо: «сын Анатолий, на год старше меня, дочь Ольга — моложе меня на год, и младший сын Александр, умерший в пятилетнем возрасте от дифтерита. Смерть этого ребенка была первою тяжелою трагедиею».

на милой и хорошенькой барышне Ольге Александровне Скорняковой-Писаревой. Во время японской войны, командуя эскадроном Смоленского полка, остававшегося в России, отправился добровольцем в действующую армию в казачью часть. Воевал, участвовал в сражениях, но остался цел. При эвакуации заразился в Сибири тифом и скончался. Анатолий Дмитриевич Батурин, постепенно охладевая к разлучившей его с женою семейной даме, стал все более опускаться. Свое сенаторское звание он волочил по кабакам и увеселительным садам, ухаживая за проститутками. В обществе от него стали отворачиваться. Излюбленным им местом похождений был владимирский приказчичий клуб, представлявший собою в описываемое время подлинный женский базар.

* * * * *

К помещичьему быту мне довелось ближе всего присмотреться, в восьмидесятых и девятидесятых годах прошлого столетия, в губерниях Ярославской и Ковенской (ныне входящей в состав автономной Литвы).

В Ярославской губернии, как вообще в северной и средней полосе прежней России, помещичьи усадьбы преимущественно были под один шаблон. От почтового тракта или проселка идет к усадьбе непременно аллейная дорога, обсаженная березою. Упирается в ворота. Вы въезжаете в просторный двор, густо заросший крапивой, лопухом, чертополохом и изборожденный протоптанными тропками от стоящего в центре главного дома к флигелям и службам. Дом преимущественно одноэтажный, но непременно с мезонином. Подкатываете к подъезду и проникаете в дом. Большие, многооконные, светлые комнаты. Старинная мебель, большею частью красного дерева. Карельская береза. Мебель почернелая, сильно подержанная, с изъянами. В углу от пола почти до потолка старинные английские часы с огромным циферблатом. Портрет императора Николая I и батальные картины. Деревянная позолоченная люстра empire и такие же стенные бра. Это — зала, порою одновременно служащая столовою. Иногда тут же более или менее старое фортепиано. Далее гостиная, стены которой сплошь увешаны портретами предков, писанными масляными красками, или старинными дагерротипами. Из позолоченных рам выглядывают старые, молодые, красивые, безобразные, порою совершенно неопределенные средние лица. Иные портреты так от времени потемнели, что ничего в них не разберешь. Мужчины в военных, гражданских мундирах, старинных фраках, с взбитыми коками и начесанными вихрами висков. Высокие воротники. Широкие обмотанные вокруг шеи галстухи. Дамы, девицы в высоких прическах, светлых платьях, сильно декольтированные, с неизбежным цветком в манерно согнутой руке. Старинная бронза. Часы с музыкой и пляшущими фигурами. Механизм большею частью попорчен. Из гостиной стеклянная дверь ведет на веранду. От нее, поддерживая балкон мезонина, поднимаются, в числе от четырех до шести, массивные деревянные колонны. Спустившись с веранды по ступенькам широкой деревянной лестницы в сад и обернувшись назад, вы созерцаете декорацию первого действия «Евгения Онегина»[16], изображающую дом Лариных. Мы попали в совершенно такой же дом помещичьего типа, воспроизводившегося во всей средней полосе прежней России. *В доме комнат много.* Сад большой, запущенный, две-три клумбы цветов

перед верандою и обчелся. А дальше густая трава, заросшие сорными травами дорожки, еле заметные тропинки. Сад незаметно переходит в парк, а последний, по своей запущенности, столь же незаметно в лес. Попадаются следы разрушенных беседок. Подходим к широкому, близ берегов зацветшему пруду. За ним виднеется маленькая, покосившаяся баня. К парку примыкает церковная ограда. Небольшая сельская церковь, погост, дом священника.

В одном таком имении хозяйничал владелец-земец, бывший измайловский офицер князь Дмитрий Семенович Урусов. Он с шестидесятых годов прошлого века проводил в своем хозяйстве крайне своеобразно им усвоенные принципы рационализации и режима экономии. Срубил фруктовый сад, как не оправдывавшую расходы роскошь, выкорчевал и обратил в огород и пашню. Признав нерациональною дорожную аллею от усадьбы к соседней деревне, ибо отбрасывавшаяся аллеею тень задерживала рост примыкавших хлебных посевов, князь срубил и аллею. Разрушил и снес все казавшиеся ему нерациональными службы и постройки. Находил разорительным содержание в доме окон, требовавших время от времени ремонта рам и нового по мере разбития стекол остекления. Хотел половину окон замуровать. Княгиня Варвара Силовна заставила его от этого плана отказаться, категорически заявив, что если он замурует хотя одно окно, то она не переступит порога деревенского дома и будет проводить лето в городе. Разрушительные фантазии князя были куда менее вредны созидательных проектов других помещиков, фантастичнее один другого. Поэтому его имение, хотя еле-еле, держалось и сохранилось за семьею и после смерти князя. В земстве князь стремился осуществлять те же своеобразные рационализацию и режим экономии. Но ему не давали ничего разрушать, хотя бы, с его точки зрения, и нерациональное. Зато он ничего не созидал, и за время его председательства в губернской управе земство не несло, по крайней мере, непроизводительных расходов. Только уж больно он был горяч на земских собраниях. Его критика действий земских людей неизменно сопровождалась негодующим выкриком, что «такого-то земца надо спустить в отхожее место». Это, разумеется, не нравилось, и князя за такие выкрики не любили, но считались с ним. Князь был взглядов просвещенных, твердый, по отношению к власти лояльный, и на таких, как он, власть могла опираться. Жена его Варвара Силовна, из петербургской дворянской семьи Баташевых, отличалась большою манерностью и жеманством, которыми подчеркивала деликатность и тонкость воспитания. Наружно была отменно набожная, но зла на язык. Все косточки-то ближнего она перемоет. Все-то подметит и все осмеет. Свое насмешливое злоязычие она передала и трем своим дочерям — Варваре, *вышедшей впоследствии замуж за сына упоминавшегося выше сенатора Калачова, бывшего офицера, а потом земского деятеля Геннадия Викторовича,* Екатерине и Марии. Насмешливые злючки-княжны были, за всем тем, интересные. В девицах не засиделись. Екатерина Дмитриевна вышла замуж за упоминавшегося выше директора Департамента полиции А. А. Лопухина.

Из сыновей князя упоминавшийся выше в настоящих записках старший Сергей, рано женившись по окончании Московского университета, засел хозяйничать в имении жены в Калужской губернии и служил там по выборам. Впоследствии был в одной из центральных губерний вице-губернатором, а потом бессарабским губернатором, стяжавшим себе *большую* популярность среди еврейского населения. Его перу принадлежит [a]обратившая в свое время на себя

внимание[a] книжка «Записки губернатора»[17]. В губернаторах не удержался, так как был признан не в меру либеральным. В 1905 г., с образованием первого объединенного кабинета министров под премьерством С. Ю. Витте, был назначен товарищем министра внутренних дел. И здесь не удержался, опережая своими действиями развитие событий. Вступил в партию кадетов, баллотировался в первую Государственную думу и попал в число ее членов. После роспуска Думы подписал известное Выборгское воззвание, за что положенный срок отсидел и на этом закончил свою политическую карьеру[18]. Вернулся к земле. Был человек умный, остроумный и обаятельный.

Колоритную фигуру представлял собою брат князя Дмитрия Семеновича генерал-майор в отставке князь Сергей Семенович Урусов. Гигантского роста, красивый, бодрый старик с большою окладистою бородой, большими умными глазами. Из офицеров Лейб-гвардии Конного полка отправился добровольцем на защиту Севастополя, выдержав всю его одиннадцатимесячную осаду, командуя сначала полком, а потом бригадою[19]. Он поражал своим бесстрашием не только своих, но и неприятеля, сознательно его щадившего. «Ne visez pas le grand»[b], — раздавалась команда из французских окопов. По окончании войны производил смотр его героической бригады прибывший из Петербурга штабной генерал, на войне не побывавший и пороха не нюхавший. Он возмутил князя мелкою придирчивостью к солдатам по поводу недостаточно блестевших пуговиц на мундирах и других мелочей. Когда за вовсе отсутствовавшую пуговицу ревизующий генерал одного бравого ветерана ударил, князь *с восхитительною непосредственностью* приказал солдату выстрелить в ревизора, добавив к командной формуле *своим раскатистым басом*: «Стреляй в эту сволочь». Солдат команду выполнил. Находчивость побудила его, однако, выстрелить выше цели. Князя по квалификации слишком видного севастопольца за этот подвиг только «убрали». Он удалился будировать в подмосковное имение, невдалеке от Троице-Сергиевской лавры, оставленное ему в пожизненное владение рано скончавшеюся женою. Там, в опальном уединении, *он впервые* занялся высшею математикою, издав замечательные труды, частью перепечатанные в мемуарах Французской академии. Изучил древний еврейский язык, а потом весь ушел в оккультные науки. Попутно настолько усовершенствовался в шахматной игре, что приобрел, в качестве выдающегося шахматиста, [c]широкую[c] известность, и к нему приезжали в имение с<о> специальною целью с ним сразиться знаменитости из-за границы. Князь был большим приятелем соратника своего по Севастополю графа Льва Николаевича Толстого. Часто наезжал к нему. Крестил нескольких его детей. При свиданиях происходили нескончаемые споры, порою заканчивавшиеся, вследствие повышенного темперамента обоих спорщиков, временными размолвками между ними. Потом дружба восстанавливалась, горячие споры возобновлялись. Хозяйством в имении князь непосредственно не занимался и не принимал участия и в земских делах. После долгого своего затворничества в имении, стариком, хотя и *очень* бодрым, но уже около 60 лет, внезапно появился у своего брата Дмитрия Семеновича. Не избег очарования своих племянниц, явно влюбившись в двух

[a–a] Вписано вместо: «талантливо составленная».
[b] «Не целиться в большого» (фр.).
[c–c] Вписано вместо: «мировую».

старших. Ревновал ко всей ухаживавшей за племянницами молодежи. Терзался выходом каждой из них замуж. Но уже не мог оторваться от семьи брата и все последние годы прогостил частью у него, частью у замужних его дочерей, всячески их балуя, развлекая, одаривая за счет сбережений, накопленных за время сидения в подмосковном имении.

В числе ярославских помещиков был еще другой севастопольский герой, чье имя отмечено в летописях войны 1854–55 гг.[20], моряк Михаил Федорович Белкин. Ему принадлежало прекрасное имение на впадающей в Волгу реке Которосли, в стороне от московского тракта, с которого сворачивали к нему от расположенного на этом тракте села Кормилицына, невдалеке от имения поэта Н. А. Некрасова при селе Карабихе. Михаил Федорович, не только доблестный герой войны, но и редкой души прекрасный человек и хороший служака, продолжавший и после войны служить в Морском ведомстве в Петербурге, был хозяином своего имения отменно плохим. Хозяйства он не знал и им не занимался, наезжая в имение с семьею только летом на дачу. Сдавал имение в аренду основательно его грабившим местным кулакам. Дела его были в настолько плачевном состоянии, что сдавался на лето внаем под дачу и главный дом в имении, и Михаил Федорович ютился с семьею в небольшом флигельке. В другом проживал арендатор имения. В местных выборных учреждениях Михаил Федорович участия не принимал.

Ближайшим его соседом был бывший аракчеевский адъютант, старик-помещик Кузьмин, замечательный настолько крепкою старостью, что умер 97 лет от роду в поле от удара, наблюдая за полевыми работами. 93 лет он еще танцевал мазурку. Этот крепкий старик был и помещиком крепким. И име[a]

Немного дальше по Московскому тракту хозяйничал в имении Кобякове отставной гусар начала прошлого века Александр Григорьевич Высоцкий. Расчетливый был старик. И сохранил и имение, и недвижимость в самом городе Ярославле. Но постепенно и его дела расстраивались. Имение запускалось. Расчетливость не могла заменить недостававших Александру Григорьевичу и так и не усвоенных им за всю его долгую жизнь навыков и знаний в сельском хозяйстве, за отсутствием склонности к работе на земле.

В имение в Даниловском уезде вернулся в начале восьмидесятых годов прошлого столетия из долгой ссылки по политическому делу в Сибири Яков Афанасьевич Ушаков. Я его хорошо знал и был в близких товарищеских отношениях по университету с его старшим сыном Константином Яковлевичем. Однако естественно меня интересовавшие обстоятельства и причины ссылки Якова Афанасьевича мне так и не удалось узнать от него самого или от его сына[21]. Непонятная его и его семьи скрытность в этом отношении давала повод злым языкам утверждать, в умаление общественных симпатий к «пострадавшему», что пострадал он не за убеждения, каковых будто бы у него никаких и не было, не за деяния, которых не совершил, даже не за намерения, которых не имел вовсе, а лишь потому, что по легкомыслию совсем еще молодым человеком дал себя вовлечь в конспиративную организацию, не зная, что ею замышляется конспирация. Полагал, что дело сводится к либеральным разговорам, а полиберальничать он был не прочь. Дело было модное и создавало некий ореол. Однако организация

[a] Конца фразы в рукописи нет.

оказалась конспиративная. Яков Афанасьевич будто посетил ее собрание только один-единственный раз. И в этот единственный раз был со всеми участниками собрания арестован, судим и сослан. Так говорили злые языки. Так как эта их версия никем не опровергалась, то она и укрепилась. В общем она оказалась для Якова Афанасьевича полезною. Устанавливавшееся ею отсутствие «убеждений, деяний и намерений» помогло Якову Афанасьевичу восстановиться в правах состояния и определиться на службу, да еще по администрации — непременным членом губернского по земским и городским делам присутствия *(апелляционная инстанция по жалобам на решения земских начальников)*. А то обстоятельство, что за идею или без идеи Яков Афанасьевич все-таки «пострадал», возвело его в Государственный совет по выборам от губернского земства. Так как подлинной крамолы в его прошлом, тем не менее, как будто не было, то избрание было встречено сочувственно и правительственными кругами. Словом, все устроилось к лучшему. Яков Афанасьевич был безмерно счастлив своему внедрению в Государственный совет. Пытался играть в нем роль, но это ему не удалось, так как талантами все-таки не отличался. По внешности — грузный, осанистый, в очках, с большою бородою. Аграрием Яков Афанасьевич был плохим.

В Государственный же совет по выборам проник ранее Я. А. Ушакова другой ярославский помещик, Мологского уезда, Митя Калачов, именно Митя — мало кто его называл иначе, полным именем Дмитрия Викторовича. Митя был старший сын упоминавшегося в начале настоящих записок сенатора Виктора Васильевича Калачева. Образования был неважного. И поведения, как его характеризовали, туманного; но способный и ловкий был человек. И душа общества: веселый, разговорчивый, остроумия неисчерпаемого. Рано стал покучивать и огорчал родителей. Влезал в долги, родители платили. Потом суровый папаша перестал платить. Митя стал путаться и бедствовать. Достоверно известно, что стащил у отца дорогую шубу и заложил. Потом полный туман, какая-то дырка в его жизни, что-то он натворил такое, после чего надолго совсем пропал. В семье на расспросы о нем не отвечали, как будто его вовсе никогда и не было. Пронесся слух, будто Митя был вынужден, вследствие содеянных каких-то нехороших поступков, эмигрировать в Бразилию. Думаю, что эмигрировал он не так далеко, так как впоследствии при упоминании о Бразилии, при всей его словоохотливости и находчивости, о Бразилии он рассказывать затруднялся и так же о ней умалчивал, как молчала семья о нем, когда он отправился в эту самую Бразилию. Года два спустя мы застаем Митю, сына весьма достаточных почтенных родителей, в совершенно растрепанном виде скрывающимся у приютившего его добрейшего чиновника особых поручений при ярославском губернаторе Михаила Ивановича Хрущова в жалком его номерке меблированного притона, где-то на Власьевской улице в Ярославле. Митя изображает развязанность, громко хохочет, жестикулирует. Но ясно, что дела его совсем нехороши. Потом, потом все хорошо устраивается. Глядишь, Митя вернулся к родителям, и как будто никогда нигде и не пропадал, и в Бразилию не ездил. Устраивают ему вскоре какой-то ценз в Мологском уезде, и вот он уездный предводитель дворянства. Потом женится на заведомо дефективной, но богатой двоюродной племяннице, забирает себе и тещу — свою двоюродную сестру, а кстати и все состояние и жены, и тещи. Жизнь строится на широкую ногу: шампанское льется рекой, постоянные, отменно хорошие, умелые и тонные (так!) приемы и угощения у себя дома. На-

езды в Петербург и Москву, гостиницы, рестораны, обеды и ужины с цыганами, словом, благодать. С женою и тещею становится взыскателен и строг. Окончательно их обезличивает, забирает в руки и из их же денег скупо отпускает им на расходы, всячески их урезывая, копейки и гроши. Сам бросает тысячи. Он хозяин прекрасного имения близ исторического, по князю Курбскому, села Курбы. И докатывается до Государственного совета.

Стоит ли продолжать? Средние, ничем не примечательные, постепенно разоряющиеся помещики эпохи дворянского оскудения Волковы, Яковлевы, Михайловы, Макаровы, Быченские, Хомутовы и прочие. Имя им легион. Сыновья их, те, что поудачнее, уходят в столицу, похуже — оседают на земле, попадают в дворянские и земские учреждения, потом комплектуют Государственную думу или выборную половину Государственного совета. *Митя еще индивидуален. Он дошел до подлинной или хотя бы до вымышленной Бразилии и сумел шумно и красиво пожить. А не угодно ли посмотреть на Сережу Б. Он также земец и правит земским делом, но ему ни до какой Бразилии не додуматься. Он вообще ни думать, ни говорить не умеет. Только мычит и славен лишь тем, что в бытность в Тверском кавалерийском, наинизшего разряда военном училище, прыгая через деревянную кобылу, сломал кобылу, себе нисколько не повредив. Событие это долго хранилось в памяти восхищенных современников.*

Много было и помещиков-абсентеистов. Жили в свое удовольствие за счет доходов или закладов своих имений, преимущественно в столичных городах. В губернию наезжали редко. Временно оседали, если, глядишь, кого-нибудь выберут на заманчивую должность губернского предводителя дворянства. Ею обеспечивался генеральский чин и другие отличия[22]. Так промелькнули в Ярославле князь Шаховской, позже Михалков, позднее князь Куракин.

* * * * *

В Ковенскую губернию, в весеннее, летнее время, уже одна поездка из Петербурга сама по себе представляла сплошное удовольствие. Бывало, сядешь с вечера на Варшавском вокзале в вагон скорого поезда. А наутро — Вильна. Солнце. Бодрящий свежий воздух. Хороший вокзал, хороший буфет, хороший завтрак. Без малого 800 верст от Петербурга, от его деловой суеты, *служилых будней,* дурного климата, скучного, пьяного разврата, летних шато-кабаков, бесстыдных белых ночей, летней духоты, летних ремонтов*, летних ароматов, промозглых, склизких дворов и черных лестниц.* Завтрак, не спеша, сочная*, нежная* отбивная телячья котлета, бутылка пива, жареные пирожки, чай, прогулка на перроне вдоль остановившегося поезда. Много знакомых отменно петербургских лиц. Путевая непринужденность костюма. Мягкие рубашки, туфли, кепки. Скрылись в северном тумане цилиндры, котелки, чопорные крахмальные воротники и пластроны, узкая, тесная обувь. Поезд мчится по миниатюрной Литовской Швейцарии. Все повышающиеся в росте лесистые холмы, очаровательные извилины голубой Вилии. Кошедары, Жосли, Евье, Ландварово. Сбоку вдали переходящая в горы цепь холмов и внизу черное пятно туннеля, куда по крутому закруглению устремляется поезд, оглушительно свистя. Свист становится резче. Поезд врывается в туннель. Погружается во мрак. Зажигаются электрические лампочки.

Свист паровоза достигает своего максимума. Режет уши. Летит поезд во мраке туннеля несколько минут. Кажется, конца ему не будет. Брезжит свет. Паровоз вырывается, увлекая вагоны, на залитый солнцем простор широкой долины. Аллея пирамидальных тополей. Быстро надвигается сеть железнодорожных сооружений и зданий. Еще несколько взмахов колеса. Вокзал. Ковна.

К услугам прибывшего путника дребезжащая старою железною рухлядью пролетка извозчика-еврея. Сбитые рессоры скашивают пролетку набок. Старая дремлющая кляча неохотно просыпается под неистовое гиканье и кнут извозчика, надрывающегося на козлах. Еле сдвигается с места. Дряхлый шаг росинанта переходит в усталую ленивую рысь. Евреи, евреи, еврейская детвора. Солдаты, много солдат. Попадаются литовцы-жмудяки. Рослые, светловолосые, голубоглазые красавцы. Красивые женщины. Город того времени — сочетание современных улиц и построек с узкими средневековыми закоулками и архаическими зданиями древних времен. Новый город. Старый город. *Новый православный собор. Бульвар. Старые католические церкви. Синагоги.* Через базар извозчик скатывается налево к берегу Немана. Плоский берег. Плавучий мост на противоположную сторону к расположенному на высоком откосе предместью Алексотта. *Оно уже в другой губернии — Сувалкской.* Ниже моста по течению *красавца* Немана пароходная пристань. Дымит пароход. На пассажиров набрасывается толпа полуоборванных евреев-носильщиков. Из-за каждой поклажи поднимается свалка под аккомпанемент неистовой гортанной ругани. Овладевший багажом пассажира сутулый еврей в широком картузе с грязной, библейской бородой и кроткими печальными глазами *взвалил чемодан на плечо и* бежит по танцующим сходням на пароход. В пассажирской каюте всегда найдется свободное место на растянутом вдоль стен сплошном мягком диване. Пассажиров-первоклассников сравнительно немного. Нет тесноты. Преобладают *все-таки* и здесь евреи. *Расплачиваюсь с носильщиком, сажусь и терпеливо жду отхода парохода.* После нескольких отчаянно-хриплых свистков и оглушительной возни на палубе галдеж и шум стихают. Пароход трогается и выплывает на середину сверкающей под *ослепительными* солнечными лучами многоводной реки. Бежит, удаляясь, город. Нарастают вдали крепостные валы. Заново пересооруженная первоклассная крепость. Вся скрыта в высоких горообразных холмах. *Сооружалась в величайшем секрете.* Налево Сапежишки — былые владения магнатов рода Сапеги. Направо, на высоком нагорном берегу при впадении в Неман реки Невяжи Красная Мыза графов Тышкевичей с высоким, белым, как снег, костелом на вершине горы. Дальше. Излюбленная ковенскими евреями дачная местность Колотово. После виленского завтрака, под влиянием благотворного воздуха на просторе широкой реки, вновь заявляет о себе аппетит. По каюте мечется буфетная барышня. В результате переговоров — бифштекс по-гамбургски с поджаренным луком и выпущенным яйцом, пиво, кофе. Пароход частенько останавливается посредине реки, принимая пассажиров с лодок. Но нет нетерпения. Некуда спешить. Сладок отдых от нервящей столичной суеты на тихом речном просторе под ласкою летнего солнца. Но вот на горизонте растет нависшая над берегом песчаная гора. Опять костел. По скатам горы лепятся, скатываясь к реке, беспорядочно разбросанные хибарки. Это Вильки — место пересадки прибывшего пассажира — с парохода на высланный из имения экипаж. Предстоит переезд *верст в 15* на лошадях. На пароход устремляется галдеющая толпа носильщиков. *Знакомый горбун-еврей при-*

метил меня издали. Подмигивает. И я отказываю набросившейся на меня ораве других носильщиков. Впряженная в коляску четверка лошадей цугом ожидает у самых сходней. Кучер *Адам* в ливрее с пелеринкою, в фуражке с серебряным галуном гордо восседает на высоких козлах. Оглушительно хлопает бич. Толпа еврейских мальчишек стремительно разбегается в стороны. Коляска тихо поднимается в гору, глубоко увязая колесами в обильный желтый песок. Наверху, выбравшись из песчаного моря, выкатывается на гладкую, прекрасно утрамбованную трактовую дорогу и крупною рысью лошадей несется сменяющимися по бокам пути сосновым бором, полями, лугами, хуторами, приосененными кущами тополей, широковетвистых ив, дубов, фруктовыми садами. Колосится рожь. Перемежаясь с нею, синеют по бороздам васильки. Навстречу попадаются стада. Промычит задумчиво уставившаяся на коляску корова. Хрипло пролает мохнатая угрюмая шавка. Лениво оборачивается залегший под кустом пастух с корзинным плетением в руках. Вечереет. В низине над поросшим камышом болотом стелется белыми клубами туман. Скрипит дергач. Низко летит к соседней усадьбе аист. Коляска въезжает в заселенное евреями типичное местечко [a]бывш<его> Северо-Западного края[a]. В каждой избушке мелочная лавочка. Каждый еврей — купец, будь у него всего на несколько грошей товара. Почтовая станция, синагога, казенная винная лавка, костел. Мимо, мимо, коляска сворачивает в проселок налево, мчится к крестьянской жмудской деревне *Кайлава*. Еще поворот налево. Проносится через деревню. Сейчас за нею начинающееся садом имение. Вновь торжественно хлопает бич. Коляска влетает в широкие каменные ворота. *Приехали.*

Имение в полуверсте от дивной по красоте долины притока Немана — реки Дубиссы. В ближайшем соседстве польские имения. При впадении Дубиссы в Неман над местечком Средники высится великолепный Бельведер — имение Бурбы. Некогда, еще на памяти моей, имение было царственно богато — сплошной розариум, аллеи померанцевых и лавровых деревьев в катках (так!), изумрудные газоны, оранжереи с тропическою флорою, персиковыми деревьями, виноградною лозою, роскошные фруктовые сады, дворец, богатейшие конюшни с тысячными лошадьми, псарни. Но последние Бурбы, просаживая громадное состояние в Париже и Монте-Карло, в завершавшемся прогрессивным параличом разврате, пьяном угаре, разорительной игре запустили и богатое свое имение. Отцвели розариумы, опустели оранжереи, ликвидировались конюшни и псарни. Остался медленно разрушающийся, но все еще великолепный дворец Бельведер, высящийся над Неманом в горделивом, осиротелом молчании. *За Чекишками* по Россиенскому тракту, невдалеке от местечка Эйрагол, расположилось другое, но уже далеко не столь великолепное имение Бурбы, сданное в аренду крупному шляхтичу. Поодаль от Бельведера по Неману тяжело навис над рекою громадный замок Равданы, пожалованный Екатериной II последнему своему фавориту Зубову и перешедший от него по женской линии к роду Ваксель. Одним из представителей этого рода был упоминавшийся выше в записках Платон Львович, директор канцелярии Министерства иностранных дел, после непременный член совета ведомства. *Он не был женат.*

Под самыми Эйраголами, в Ковенском уезде, за вторым имением Бурбы расположилось имение русского помещика из дворянской служилой семьи Алек-

[a–a] Вписано вместо: «Чекишки».

сандра Александровича Миллера. Имение Чехово. К нему ведет от Россиенского тракта длинная, свыше полутора верст, аллея пирамидальных тополей, внушительная и прекрасная. Дом замкового типа, седой старины, но основательно подновленный и модернизированный, давил обилием просторных светлых покоев одинокого Александра Александровича *и настойчиво требовал для него семьи.* Вокруг многодесятинный фруктовый сад, солидные каменные службы. Александр Александрович был молодой*, высоко* культурный*, интересный* и обаятельный человек. По окончании Петербургского университета не бросился традиционно на службу, а поехал хозяйничать в имение, оставленное ему отцом. И был в этом отношении стократ прав. В конце концов, уже в зрелом возрасте, и он стал служить. Но после того как основательно укрепил имение, подведя под него прочную хозяйственную и финансовую базу, и когда обстоятельства сложились так, что не напрашиваться ему приходилось на службу, а лишь согласиться поступить на нее. Он близко сошелся с хозяйничавшим верстах в тридцати в имении под Кейданами Петром Аркадьевичем Столыпиным, ставшим впоследствии премьер-министром. Столыпин и Миллер, в придаток к основным своим владениям, совместно приобрели небольшое общее имение под Таурогеном с сыроваренным заводом. Столыпин долго был ковенским уездным предводителем дворянства. Когда он был назначен ковенским же губернским предводителем, то *ввиду ярких способностей и деловых качеств А. А. Миллера, при основательном его знакомстве с местными условиями и бытом, естественно желая к тому же опираться на друзей, Столыпин* уговорил Александра Александровича принять назначение на освободившуюся должность уездного предводителя. Сделавшись же премьером с портфелем министра внутренних дел, Столыпин исходатайствовал приятелю звание камергера и провел его на должность президента города Варшавы (нечто вроде городского головы по назначению) с солидным окладом и прелестною казенною квартирою неподалеку от Саксонского сада. К тому времени Александр Александрович был уже женат и с детьми. Большой женолюб, он в молодые годы отдал заслуженную дань красоте прекрасной половины местного населения. Не без успеха ухаживал и в ковенских служилых кругах. Избаловался. Немножко утратил критериум обязывающих шагов и, хотя всегда высказывался против женитьбы, за холостяцкую жизнь, оказался в один прекрасный день, в результате настойчивого флирта, женатым на [a]обладавшей[a] весьма решительным характером дочери видного военного из местного крепостного гарнизона Елене Александровне де Роберти. Появились дети. Чеховский замок превратился из пустынного приюта холостяка в оживленный семейный дом, чего так прежде недоставало обширным его покоям. Хорошо принимала гостей чета Миллер. Но недурно чувствовали себя в Чехове и прежние посетители холостого Александра Александровича. Угостит, бывало, на славу. За столом умно и умело направляемая гостеприимным хозяином непринужденная беседа тем неудержимее и веселее лилась, что было светло и тепло, и все были молоды тою молодостью, которая таит в себе неограниченные возможности и выливается в не задумывающуюся радость жизни. *Обедали. Пили хорошие, тонкие вина. А потом кофе, ликеры, сигары.*

Под Кейданами, древнейшим историческим поселением с остатками внушительных построек, возведенных еще тевтонскими рыцарями, владений и усы-

[a] Вписано вместо: «умненькой, миленькой, с».

пальницы князей Радзивилл, было расположено имение наследников [a]видного участника[a] русско-турецкой войны 1877–78 гг. генерала графа Тотлебена. Наследниками были молодой граф, гвардейский сапер, женившийся на красивой барышне Гаугер, и его сестры, из которых одна была замужем за бароном Будбергом, ставшим впоследствии, после Д. С. Сипягина, управляющим Комиссиею прошений, а другая за первым секретарем нашего посольства в Берлине Василием Яковлевичем Фан дер Флитом.

Неподалеку находилось имение Калнабержи Петра Аркадьевича Столыпина, женатого на весьма надменной Ольге Борисовне, урожденной Нейгардт, сестра которой Анна Борисовна была замужем за Сергеем Дмитриевичем Сазоновым, в ту пору советником посольства в Лондоне, впоследствии, в 1910 г., назначенным министром иностранных дел.

Под Кейданами же было расположено маленькое имение многократно упоминавшегося в записках Николая Николаевича Покровского — последнего царского министра иностранных дел — являвшего личность исключительно светлую, редкую по сочетанию качеств ума, души и сердца, при выдающихся способностях и *исключительной* просвещенности. Это был впоследствии единственный министр в составе правительства последних дней царского режима перед Февральскою революциею 1917 г., про которого разгневанная, приведенная в отчаяние Государственная дума выразилась устами одного из своих лидеров, при общем одобрении ее собрания, что это единственный в правительстве «кристаллически чистый» человек[23]. Он действительно был таким. В описываемую пору, накануне большой карьеры, Н. Н. был вице-директором Департамента окладных сборов Министерства финансов, директором которого был тогда Н. Н. Кутлер. Раньше Н. Н. Покровский был начальником отделения в канцелярии Комитета министров, выдвинутый за трудолюбие и способности справедливо их оценившим управляющим делами Комитета Анатолием Николаевичем Куломзиным. Служба в Петербурге позволяла Николаю Николаевичу бывать в Борткунишках (так называлось его имение) только летом, и то приезжая на какой-нибудь один месяц. Но с начала лета до его конца жила в имении семья Н. Н. — жена Екатерина Петровна, урожденная Волкова, и трое сыновей, тогда еще в раннем детском возрасте. По своей бабке Н. Н. имел родственников среди поляков, ценивших его и любивших. Благодаря этим связям *и тому обстоятельству, что Н. Н. свободно говорил по-польски, хотя в польской помещичьей среде, принципиально избегавшей в неофициальных сношениях русский язык, можно было вполне заменить его французским, на котором поляки-помещики, как и Н. Н., изъяснялись в совершенстве,* с Николаем Николаевичем, несмотря на то, что он был русский и притом русский бюрократ, поддерживали отношения и польские круги, оказывавшие ему заслуженное уважение. *О нем и о его роли в правительстве речь, однако, впереди, когда в порядке хронологического изложения придется коснуться того времени, когда он перешел к высшим должностям. В описываемую пору, хотя много доброго и хорошего я о Н. Н. неоднократно слышал, главным образом в Петербурге от общих друзей, служивших вместе с ним в канцелярии Комитета министров, но лично с ним знаком я еще не был. Познакомиться, а познакомившись, связаться совместною работою и на долгие годы сдружиться пришлось, впрочем, вскоре.*

[a–a] Вписано вместо: «героя».

* * * * *

Литовцами в прежней Литве, до отделения ее впоследствии мировой войны от России, считали себя и таковыми подлинно являлись местные крестьяне, мелкие шляхтичи и тонкая прослойка молодой, не успевшей ополячиться интеллигенции из крестьянства и шляхты. Помещичий же класс, если не считать немногочисленных русских, проникших в край в связи с мерами ограничения польского землевладения после польского мятежа, был представлен исключительно поляками или ополячившеюся литовскою знатью, к которой, например, принадлежали Огинские (от литовского Огайтис), Тышкевичи (Тышкас) и т. п. Духовенство, и литовского происхождения, было преклонно полякам, и ксендзы литовцами себя не признавали. Лишь в среде молодежи, воспитанников римско-католических семинарий и духовной академии, а также молодых викарных ксендзов возникло в последние годы прошлого столетия националистическое литовское движение, всячески, однако, подавлявшееся католическими верхами. Совпадение делений сословного и национального — польские верхи и литовская низовая база — являлось наследием далекого прошлого. Феодалами-панами в крае были поляки, а литовцы являлись их быдлом, и быдлом не только жестоко эксплуатировавшимся, но и подвергнутым сугубо жестокому крепостному режиму, перед которым бледнел крепостной режим старой России. Во многих панских замках сохранились подвалы-казематы со вделанными в стены концами цепей, в которые заковывалось несчастное быдло, подвергавшееся всяческим истязаниям и без конца томившееся в мрачных подвальных тюрьмах. Угнетенное литовское население, естественно, ненавидело угнетателей-поляков. Ненависть традиционно сохранилась и по освобождении населения от крепостной зависимости. Пришедших в край после польского мятежа русских помещиков, с которыми старых счетов у литовских крестьян не было, население встретило в общем приязненно. Отношения установились бы и совсем хорошие, если бы не разжигаемая католическим духовенством религиозная нетерпимость к православным, являвшимся в глазах католиков схизматиками и еретиками. А ксендзы держали в крепком подчинении религиозное сознание крестьян. Женская половина населения проявляла, под влиянием духовенства, крайнюю религиозную экзальтированность и фанатизм. Как-никак, с крестьянами у русских отношения наладились, и многим втайне прощалась их принадлежность к схизматикам и еретикам. Не так обстояло дело у русских с польскими панами. Последние, вне официальных сношений, систематически бойкотировали русских после подавления польского мятежа. И время, смягчающее всякую злобу и гнев, поколебать эту враждебную настроенность поляков к русским оказывалось бессильным. Во взаимоотношениях помещичьего класса к крестьянству русские помещики вели себя куда культурнее поляков, уважая человеческое достоинство в мирном, спокойном, рассудительном и хотя медлительном, но трудолюбивом крестьянине-литовце. Для заносчивого же и гонорливого польского пана и особенно выскочки-шляхтича крестьянин оставался прежним быдлом. Это давалось ему чувствовать, и только для расправы с ним панские руки были уже коротки. Местечковое еврейство, застывшее в своей расовой обособленности, в запутанных требованиях и формах своеобразного, пережившего самого себя быта, мирно гешефтмахерствовало

среди гоев-русских, литовцев, поляков без различия национальностей. Добродушный крестьянин-литовец с евреем сжился и, если бы еврея от него отняли, то еврей ему недоставал бы. Мирная настроенность литовского населения по отношению к евреям *совершенно* исключала возможность еврейских погромов. Два слова о русской администрации. Верхи были удовлетворительные, более того, за редкими исключениями, хорошие. Но низы оставляли желать много лучшего. И не удивительно. Проштрафится какой-нибудь мелкий или средний чиновник на службе в центральной губернии, и начальство не придумает ничего лучшего, как в наказание, либо для исправления перевести его на окраины, в ту же Литву. Это была система. И сколь вредная и нелепая! Именно на окраинах требовалось сосредотачивать лучший служилый элемент. Посылались отбросы, своим поведением дискредитировавшие власть и питавшие центробежные сепаратические тенденции. За всем тем в крае жилось хорошо. Ровный, мягкий климат обеспечивал постоянный хороший урожай. Не бывало шальных переизбытков. Но не случалось <и> недородов, тем паче голодовок. Обилие овощей и фруктов. Хорошее скотоводство. Молочное хозяйство. Пчеловодство. Птицеводство. К осени, предварительно подкованные смешанным со смолою мелким гравием, тучные гуси сотнями и тысячами гнались по почтовому тракту к немецкой границе. Неподкованные до границы не дошли бы. Шел в Германию сплавом лес, строительный и для переработки в бумажную массу. Шел хлеб. Шел скот.

* * * * *

Губернская интеллигенция? Замечательным ее представителем в Ярославле, но не губернского, а куда более широкого масштаба был Евгений Иванович Якушкин, сын известного декабриста Якушкина. Евгений Иванович был человек *совершенно* выдающегося ума, колоссальной эрудиции, энциклопедических знаний, составивший себе крупное имя обстоятельными трудами в области обычного права. Работою своею он был связан с Академиею, университетами и другими учеными и научными учреждениями. При этом редко простой, доступный человек. Добрый, благожелательный, широко открывавший свои двери всякому посетителю без различия к общественному положению, полу и возрасту. Влияние его на местную интеллигенцию было огромное. От него не выходила профессура Демидовского юридического лицея, преподаватели гимназии и других учебных заведений, врачи. Собирались к нему и с ним советовались местные земцы. Ухаживала и администрация. Сменявшиеся губернаторы все старались завязать с Евгением Ивановичем возможно приятельские отношения. Но не на все авансы он отвечал. Судьба, например, наградила Ярославль таким губернатором, как печальной памяти Б. В. Штюрмер, впоследствии распутинский премьер-министр[24]. Ясно, что на авансы такого человека *кристаллически честный* Е. И. Якушкин отвечать не мог. Шли к нему и студенты и гимназисты. И всегда занятой, неустанно работавший в своем кабинете над крупными вкладами в науку, Евгений Иванович умудрялся находить время, чтобы подогнать того или иного гимназиста по предмету, по которому он не успевал. А приходилось Евгению Ивановичу подгонять и профессоров, и весьма часто.

Евгений Иванович был вдовый. Имел сыновей — профессора Московского университета Вячеслава Евгеньевича и преподавателя одной из московских гимназий Евгения Евгеньевича, а также дочь, бывшую замужем за начальником статистического управления Министерства внутренних дел Тройницким.

Оригинальным, по меньшей мере, было вступление Евгения Ивановича уже стариком во второй брак с девицею лет под пятьдесят Мариею Александровною Бизеевой. Что привело Евгения Ивановича к этому браку, над этим [a]приходилось только руками разводить[a]. Она была не только стара, но и нехороша собою и неумна. Это не мешало ей считать себя большою умницею, а по внешности особою очаровательною. Особенностью была ежедневная мигрень, начинавшаяся у Марии Александровны с раннего утра и удерживавшая ее в постели много за полдень. К обеду она оживала, а к вечеру расходилась настолько, что если попадала на вечеринку, где танцевала молодежь, то и сама пускалась в пляс с гимназистами. Преимущественно же любила играть с солидными мужчинами в карты, в винт, нещадно дымя папиросами. За ужином бойко пила вино и, ни на минуту не умолкая, молола всякий вздор. Молчаливый Евгений Иванович изредка добродушно пытался ее останавливать. Она на минуту умолкала, а потом разбалтывалась еще пуще.

Любопытно, что Евгению Ивановичу нашелся соперник — другой претендент на перезрелые руку и сердце Марии Александровны — старичок помещик-гусар, упоминавшийся выше Александр Григорьевич Высоцкий. Мария Александровна преуморительно напропалую кокетничала с обоими претендентами. Когда она остановила окончательный свой выбор на Евгении Ивановиче, Александр Григорьевич грозил застрелиться. Однако быстро успокоился и поспешил построить на своем земельном участке в городе рядом с имевшимся старым домом новый деревянный дом специально для будущих молодых, куда и поселил их после вскоре состоявшейся их свадьбы.

Брак Евгения Ивановича с Марией Александровной находит себе единственное объяснение во французской поговорке о том, что крайности соприкасаются. Действительно, во всем супруги были противоположностями, что не помешало им вместе прожить в добром согласии и, насколько возможно, счастливо. Единственно, что в них было сходно, это отличавшая обоих доброта. Мария Александровна, несмотря на порою злой, из-за дурашливой болтливости, язык, была, в сущности, очень доброю. Это она доказала, с любовью и нежною заботливостью воспитав сирот своей покойной сестры Шиповой, при оставшемся совершенно никудышном, полуюродивом их отце Павле Ивановиче. Сирот было трое — мальчик Иван Павлович, сделавшийся впоследствии министром финансов в кабинете С. Ю. Витте, и две девочки. Помню Ивана Павловича еще в коротких штанишках, высоких сапожках и детской красной рубашке с пестрым кушаком. Девочки были болезненные и очень некрасивые. Ослепленная нежность Марии Александровны признавала их интересными. Но все-таки, несмотря и на блестящую карьеру брата — после поста министра финансов он получил через некоторое время портфель министра торговли и промышленности, а Октябрьская революция 1917 г. застала его управляющим Государственным

[a–a] Вписано вместо: «приходится только руками разводить и теперь, по прошествии без малого полувека».

банком — все-таки не нашлось желающего ни с одной из девочек сочетаться браком. Девочки болели и старели. Мария Александровна не оставляла попечения о них и продолжала называть их «девочками».

Большим приятелем Евгения Ивановича в Ярославле был директор ярославского юридического Демидовского лицея Михаил Николаевич Капустин, бывший профессор Московского университета, впоследствии попечитель учебных округов, сначала Рижского, а потом Петербургского. В бытность царя Николая Александровича наследником, Михаил Николаевич преподавал ему юридические науки. Ученый был Михаил Николаевич не ахти какой. Но исключительно был хороший человек. Призванием его, реально проявлявшимся во все дни его жизни, было творить добро, притом по возможности так, чтобы правая рука не знала о том, что делает левая. Хотя благодетельствовать человечеству представляется лучшим способом нажить себе беспощадных врагов — благодеяния не прощаются — тем не менее, Михаил Николаевич осуществлял врожденное свое призвание настолько незаметно, что [a]был[a] любим и ценим. Оставил по себе светлую память у огромного большинства студентов, профессоров, вообще лиц, с которыми соприкасался по службе или в общественных своих отношениях. В интимном кругу был словоохотлив и занимателен. Семьи не имел. Женат был на девице из московской профессорской семьи Топоровой, сестра которой была замужем за моряком Бирилевым, бывшим впоследствии короткое время морским министром. Жена вскоре после брака оставила Михаила Николаевича. Детей у них не было.

После перевода Михаила Николаевича из Ярославля в Ригу его сменил в должности директора юридического лицея добродушный, но очень тусклый профессор Н. А. Кремлев, а последнего — некто Шпилевский. Об его ученых заслугах не принято было говорить. Директор лицея в самом лицее и в обществе, Шпилевский выдавал себя за аптекарского ученика по вечерам на бульваре тем особам прекрасного пола, за которыми пытался ухаживать «инкогнито». Ни дать ни взять, губернатор из «Периколы»[25]. Низко надвинутая на лоб широкая шляпа, поднятый воротник. *Неузнаваем и только. А наутро инкогнито оказывается вскрыто: «Шпилевский опять охотился вчера на бульваре»*. Шпилевский был женат, и хорошо женат, на весьма достойной даме, урожденной Мосоловой, имел шалую дочь Аню, по-институтски поочередно влюблявшуюся во всех знакомых молодых дам, и племянницу Любовь Александровну Домелунксен, за которою поголовно ухаживали все посещавшие Шпилевских мои гимназические и университетские товарищи, в том числе сделавшийся впоследствии всемирно известным артистом-певцом Л. В. Собинов. Пококетничав с ними, Любовь Александровна вышла замуж за гродненского гусара богача Дервиза. Шпилевские устраивали у себя вечеринки и балы в прекрасной казенной квартире директора лицея. Было на этих вечерах и балах оживленно и весело. Танцевали преимущественно на рождественских праздниках, к которым съезжались из столиц учащаяся гражданская и военная молодежь и гвардейские офицеры.

Танцевали и у радушного губернатора генерала Алексея Яковлевича Фриде, переведенного в Ярославль из военных губернаторов Туркестанского края. *Это был самый милый губернатор в Ярославле в описываемую эпоху*. Отличало его от-

[a-a] Вписано вместо: «теми, по крайней мере, кому не благодетельствовал, был искренне».

сутствие обычного напыщенного губернаторского важничанья, простота, обходительность и честность. Сменил он скоропостижно скончавшегося на своем посту губернатора Владимира Дмитриевича Левшина, недурного человека, но сухого и чопорного чиновника-карьериста. Перед Левшиным был в Ярославле губернатором очень [a]надутый[a] генерал Николай Александрович Безак, впоследствии начальник Главного управления почт и телеграфов. Несколько лет ранее губернаторствовал стяжавший себе *большую* популярность адмирал Иван Семенович Унковский, бывший командиром фрегата «Паллада», рейс которого в 1867 г. вокруг Африки и Азии описан И. А. Гончаровым в известном его классическом труде «Фрегат “Паллада”»[26]. Ивана Семеновича я только однажды встретил в бытность его почетным опекуном Ведомства императрицы Марии по московскому его присутствию. Знаком же был впоследствии, после смерти Ивана Семеновича, с его вдовою Анною Николаевною, с дочерью Екатериною Ивановною, вышедшею замуж за моего приятеля и родственника Сергея Дмитриевича Евреинова, всех же их ранее познакомился с сыном Ивана Семеновича Семеном Ивановичем, с которым в гимназические годы и дружил, когда он гимназистом наезжал из Москвы погостить в Ярославль, в семью Урусовых. Семен Иванович по окончании гимназии поступил на морскую службу и участвовал в путешествии царя Николая Александровича, в бытность наследником, на Восток[27]. Анна Николаевна Унковская всегда тянулась к Ярославлю, в котором не только вышла замуж за Ивана Семеновича, но и воспитывалась и родилась. Поэтому вскоре после смерти мужа перебралась в Ярославль из Москвы, исхлопотав себе назначение на должность начальницы Ярославского женского епархиального училища.

* * * * *

В судейском мире в Ярославле, достаточно мне знакомом, так как отец мой был председателем Ярославского окружного суда, я не нахожу в своих воспоминаниях лиц, на которых было бы интересно в каком-либо отношении остановиться, за исключением недолго служившего в Ярославле прокурора суда Николая Валериановича Муравьева, впоследствии обвинителя в процессе *по делу* 1 марта 1881 г.[28], затем государственного секретаря, министра юстиции и, наконец, императорского посла в Риме. О нем несколько раз упоминается в настоящих записках.

Никаких индивидуальностей не выделили и остальные губернские ведомства, кроме казенной палаты, управляющим которой некоторое время состоял Евгений Иванович Якушкин. Неяркость людей не мешала, однако, в порядке губернского управления, всем ведомствам действовать согласованно и налажено. Плох был, как и повсюду, нововводившийся институт земских начальников. Но он и задуман был настолько нелепо, что ничего хорошего не могло получиться из него. С другой стороны, и комплектовался этот институт не прошедшими какую-либо предварительную ведомственную подготовку службистами, а совершенно случайными людьми из незадавшейся земско-помещичьей общественности, теми самыми неудачниками, которые заполняли собой земские учреждения.

[a–a] Вписано вместо: «способный».

И в массе шли в земские начальники армейские офицеры, совершенно ни к какому делу, кроме строевой службы, не подготовленные, преимущественно из тех же незадавшихся *общественных* элементов[29].

Из представителей военной власти не могу не упомянуть о начальнике местной пехотной дивизии Василии Павловиче Данилове, как о хорошем службисте, проявлявшем большую заботливость о солдатах и умело и эффективно подтягивавшем командный состав. Хороший был и семьянин Василий Павлович, примерный муж и отец. Милая и умная жена его Ольга Николаевна своею приветливостью и гостеприимством придавала особую привлекательность посещениям их дома многочисленными друзьями и знакомыми. Но лучшим украшением этого дома была старшая дочь Василия Павловича [a]Ольга Васильевна, вышедшая замуж за ямбургского помещика, бывшего местного уездного предводителя дворянства графа Георгия Николаевича Сиверса[a].

Из местных красавиц, также военной среды, вспоминается величаво красивая, но слишком уж большого роста, дочь командира полка Ольга Ляпунова, в замужестве Халкионова.

В. П. Данилова, по выходе его в отставку с производством в генералы от инфантерии, сменил маленький, щупленький, нервно-порывистый генерал А. Ф. Риттих. Порывистостью слова и движений он производил впечатление *совершенно* припадочного. Однако ученый был генерал — Генерального штаба. Женат был троекратно. В Ярославль попал вдовым, после третьего брака. Старший его сын Александр Александрович, лицеист по образованию[30], начавший службу в Департаменте полиции, сделал видную карьеру. Февральская революция застала его только что назначенным министром земледелия.

Начальником местного гарнизона в Ярославле был генерал Курлов — отец известного в связи с обстоятельствами убийства П. А. Столыпина и многими другими громкими делами Павла Григорьевича Курлова[31], которого в 1907–1916 гг. мы последовательно видим во главе Департамента полиции, начальником Главного тюремного управления, командиром Корпуса жандармов, товарищем министра внутренних дел. По Ярославлю припоминаю П. Курлова молодым красивым офицером Лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, приезжавшим на побывку к родителям. Его и красивую его сестру Екатерину Григорьевну я встречал в доме Даниловых, где бывала и ставшая женою Павла Григорьевича дочь крупного коммерсанта, ярославского городского головы Вахрамеева. В супружестве с Курловым счастлива она не была. Общий голос винил в этом Курлова. Прожили вместе супруги недолго. Вскоре разошлись.

[a–a] Вписано вместо: «Ольга Васильевна. Красивая, голубоглазая блондинка, нежная, женственная. Душевные ее качества не уступали внешним. И думается, что счастливым смертным должен был себя почитать удостоившийся стать мужем этой прелестной девушки граф Георгий Николаевич Сиверс, петербургский помещик, бывший уездным предводителем дворянства Ямбургского уезда».

Глава 2.
1894–1896 годы

Я окончил Петербургский университет [a]в 1894 г. Стал искать службу[a]. Из лиц, которые могли мне в этом помочь, имелся ход к Н. В. Муравьеву, бывшему в то время министром юстиции. Отношения завязались лет 15–16 перед тем в Ярославле, где мой отец был председателем окружного суда, а Н. В. Муравьев — прокурором. В самом Министерстве юстиции я устроиться, однако, не мог, не имея юридического образования, так как окончил физико-математический факультет. Но от Н. В. Муравьева ожидались хлопоты перед министром финансов С. Ю. Витте. Отец отправился со мною на прием к Н. В. Муравьеву. Отнесся он к нам приветливо. Взял заготовленную памятную записку с изложением ходатайства, обещал срочно передать С. Ю. Витте и посоветовал, не откладывая, пойти к нему на ближайший прием.

Через несколько дней отправились мы с отцом в Министерство финансов на Мойку. Как водится, пришлось подождать. К собравшейся публике вышел Витте и стал обходить посетителей. Дошел до нас. Отца он знал. Сказал, что предупрежден о нашей просьбе Н. В. Муравьевым. Принял от меня прошение, передал секретарю и направил меня к директору Департамента железнодорожных дел финансового ведомства В. В. Максимову.

Отдохнув после выпускных экзаменов в университете с месяц, я был определен в тарифное отделение железнодорожного департамента счетным чиновником на оклад в 50 руб. в месяц. Одновременно был оставлен при университете по кафедре астрономии у профессора С. П. Глазенапа, без стипендии.

Департамент, в ту пору недавно учрежденный, казенного помещения не имел и ютился над рестораном Кюба, в угловом доме на Большой Морской ул<ице>, по левой ее стороне, у Кирпичного переулка[1]. Начальником отделения, в которое я попал, был некто Бяловеский, ревностный служака, начальством ценимый, но совершенно невоспитанный человек, покрикивавший на своих сослуживцев

[a–a] Вписано вместо: «27-го мая 1894 г. Дата запомнилась потому, что пришлась на день моего рождения. Мне исполнилось 23 года. Дела моих родителей были в то время достаточно плохи. Надо было позаботиться о службе, чтобы снять с семьи материальную заботу обо мне».

иногда в крайне грубой форме. Далеко ли я от него стоял или по другой причине, но мне не пришлось испытать на себе грубости его обращения. Впрочем, я заранее приготовился к самому резкому отпору. *Столоначальниками были сын известного художника-живописца А. И. Крамской и П. П. Бельковский, помощниками столоначальника — Н. П. Дорофеев и женатый на дочери нововременского критика Буренина А. Г. Ковалев.* Меня засадили за расчеты впервые вводившегося в ту пору поясного пассажирского тарифа и за проверку стоимости проездных пассажирских билетов[2]. Приходилось заполнять тарифными ставками целые простыни, склеивая бумажные листы по частям на полу, так как на столах места не хватало. Я ожидал работы, требовавшей хоть сколько-нибудь соображения. Недовольный порученным делом, задавался вопросом: для того ли требовалось проходить интегрирование дифференциальных уравнений и небесную механику? С бо́льшим основанием я задавался тем же вопросом, работая над записями С. П. Глазенапа по производившимся им наблюдениям переменных звезд без применения какого-либо измерителя яркости, на глаз. Наблюдения, не имевшие ни малейшего научного значения. Скучная была работа.

Поклеив тарифы, проверив расчет нескольких серий проездных билетов, я переходил в служебные часы, когда не было работы, к решению ребусов, шарад и других головоломок из «Петербургской газеты»[3], прислушивался к беседам сослуживцев, изредка и сам участвуя в них. Смеялись, шутили, пока не появлялся Бяловеский. Тогда разговоры умолкали. Чиновники зарывались в бумаги, как застигнутые за шалостями школяры.

* * * * *

Осенью в Крыму неожиданно, после недолгой болезни, скончался император Александр III. В департаменте нас приводили к присяге новому царю Николаю II. Вслед за похоронами Александра III, состоявшимися в Петербурге в Петропавловском соборе, Николай II вступил в брак с принцессой Гессен-Дармштадтской Алисой (имп<ератрица> Александра Федоровна)[4].

* * * * *

На службе в Департаменте железнодорожных дел я чувствовал себя умеренно хорошо. Стали поговаривать, что особенно приятно, а по размеру содержания и более выгодно служится в Департаменте торговли и мануфактур, где директором был в ту пору *модный,* даровитый, кипучей деятельности человек — В. И. Ковалевский.

Я был вхож к сенатору В. В. Калачеву, играя с ним в винт, когда не составлялось для него лучшей партии. Однажды пришлось играть с зашедшим к Калачеву В. К. Плеве, бывшим в ту пору государственным секретарем. Не помню, кто был четвертый. По молодости моей и скромности положения присутствие Плеве меня немало смутило, и играл я плохо. Калачев дулся и ворчал. Любопытно, как сделал В. В. Калачев свою карьеру. Ловкий оппортунист, он из либеральных предводителей дворянства пробрался в царствование Александра III в губер-

наторы и был губернатором весьма реакционным сначала в Харькове, а потом в Костроме, куда просил его перевести вследствие испугавших его в Харькове беспорядков. В Костроме позастрял. Стал мечтать о высших должностях в Петербурге. Случилось, что освободился пост директора Департамента земледелия. Решили взять не бюрократа, а испытанного сельского хозяина. Министру Островскому рекомендовали действительного знатока сельского хозяйства, рязанского крупного помещика и земского деятеля, брата Виктора Васильевича Калачева — Владимира Васильевича. Но Островский перепутал. Провел назначение не Владимира Васильевича, а губернатора Виктора Васильевича, знакомого с сельским хозяйством лишь постольку, поскольку сумел промотать не только собственное имение, но и земли и большое состояние своей жены. Назначенный директором Департамента земледелия по ошибке, В. В. Калачев на этой должности по некомпетентности не засиделся и был вскоре переведен в Сенат, а затем, благодаря умело использованным связям, в Государственный совет. Так вот этот самый В. В. Калачев предложил мне переговорить с В. И. Ковалевским и просить его взять меня в Департамент торговли и мануфактур. Хлопоты Калачева увенчались успехом. Я был назначен весною 1895 г. в делопроизводство по устройству Всероссийской выставки 1896 года в Нижнем Новгороде[5]. Содержание мое сразу повысилось до 100 р. в месяц. Начальником делопроизводства был Иван Николаевич Лодыженский, пожилой, маленький, редко некрасивый, но умный и образованный человек, говоривший и писавший на нескольких европейских языках, имевший все данные для крупной бюрократической карьеры, но ее не сделавший по причинам, доподлинно оставшимся мне неизвестными. Вредили ему, вероятно, его весьма дурной характер и, по-видимому, что-то в его прошлом, связывавшее его, между прочим, с Ковалевским, в молодости пострадавшим за «красноту» и сидевшим в крепости[6].

В выставочном отделении я попал на спешную, кипучую работу преимущественно редакционного свойства. Приходилось редактировать журналы выставочной комиссии и ее подкомиссий и писать исполнения по журналам. Работы было много. Постепенно я отходил от переменных звезд С. П. Глазенапа. Искал оправдания в том, что интересовала меня преимущественно теоретическая часть астрономии — небесная механика, отнюдь не составлявшая специальности С. П., преимущественно популяризатора-астронома и в некоторой степени астронома-практика. Но хозяином кафедры был С. П. Хочешь не хочешь, ориентируйся на него. А к практической астрономии я склонности не имел. Не примиряла меня с работою при С. П. и оценивавшаяся мною лишь с комической стороны сантиментально-поэтическая его настроенность. В результате я окончательно отошел от астрономии, которую мне навязывали взамен астрономии, которую я любил и которою занимался в бытность мою студентом под руководством профессора Жданова, впоследствии попечителя Московского учебного округа. Однако мне не раз пришлось, особенно в старости, пожалеть о проявленном мною в этом случае малодушии. Как ни неблагоприятно сложились обстоятельства, можно и должно было претерпеть и выждать, не сходя с лучшего в жизни пути научной деятельности.

Возвращаясь к воспоминаниям о службе и о людях, с которыми она меня свела, упомяну, что помощником Лодыженского по его должности заведующего временным выставочным делопроизводством при Департаменте торговли и ма-

нуфактур был некто Бобовкин. Делопроизводителей было 6 — *Бильбасов, Депрерадович, Мей, Фелькнер, фон Крузе, я — шестой.* Я был последний по времени назначения. Прикомандирован был к делопроизводству и состоявший одним из младших чиновников особых поручений при министре финансов камер-юнкер С. Т. Филиппов — сын государственного контролера, весьма в свое время популярного Тертия Ивановича Филиппова. Бобовкин не справлялся с редактированием журналов комиссий и наиболее сложных делопроизводственных бумаг, перегружая этим работу Лодыженского. Притом он отличался *крайнею* рассеянностью и неаккуратностью в ведении делопроизводства. В результате очередной оплошности, переполнившей чашу терпения *злого и* раздражительного Лодыженского, Бобовкин был смещен и, хотя по времени поступления я был последним вступившим в делопроизводство, [а]Лодыженский настоял на замене Бобовкина[а] мною. Для меня новое назначение представлялось большим служебным успехом. Не говоря о иерархическом повышении, я выиграл вдвое на жаловании — со 100 рублей в месяц до 200 рублей.

Выставке я обязан встречами и знакомством со многими известными в ту пору людьми, в том числе с людьми выдающимися. Организация и заведование художественно-промышленным отделом выставки были поручены писателю Д. В. Григоровичу, морской отдел — адмиралу Скрыдлову, отдел русского Севера — П. П. Семенову-Тянь-Шанскому и т. д. Генеральным комиссаром намечался председатель Русского технического общества М. И. Кази, не попавший на эту должность вследствие происков нижегородского губернатора, бывшего с<анкт>-петербургского градоначальника генерала Баранова. Комиссаром был назначен скучный, бездарный В. И. Тимирязев, бывший в то время русским финансовым агентом в Берлине, а впоследствии, в годы кризиса власти, дважды пробравшийся на короткие сроки на пост министра торговли. Кази все же не оставил выставки и принял живое участие в ней. В организации выставки участвовал и член совета Министерства финансов Д. Ф. Кобеко, впоследствии член Государственного совета и директор Публичной библиотеки. Строителем выставки был близкий к С. Ю. Витте инженер путей сообщения Э. К. Циглер, помощником генерального комиссара — помощник начальника Монетного двора инженер Добронизский. Со всеми этими людьми приходилось часто встречаться и беседовать. По выставочным же делам довелось встретить Д. И. Менделеева. Познакомился и с известным оперным певцом Н. Н. Фигнером, с певцом и учредителем известного русского хора Агреневым-Славянским, видными представителями русского купечества Бугровым, С. Т. Морозовым, Крестовниковым и *многими* другими.

В начале весны 1896 года организовалось и переехало в Нижний управление генерального комиссара выставки, куда я не вошел, так как В. И. Ковалевский пожелал оставить меня при себе в Петербурге в качестве секретаря по делам выставки, а также для заведования делопроизводством по участию России в постоянно то здесь, то там устраивавшихся международных выставках в иностранных государствах. В управление комиссара вошли все мои товарищи по выставочному делопроизводству и назначенный из Министерства путей сообщения начальником канцелярии комиссара В. В. Прилежаев, впоследствии товарищ министра

[а–а] Вписано вместо: «Бобовкина летом 1895 г. заменили».

торговли, специализировавшийся на работах по заключению международных торговых договоров.

С поручением мне делопроизводства по международным выставкам пришлось заходить время от времени в Министерство иностранных дел и там вести переговоры с встречавшимся мною у В. В. Калачева вице-директором Департамента внутренних сношений Н. А. Малевским-Малевичем. Деловые беседы скрепили частное знакомство. Впоследствии Н. А. Малевский-Малевич, сделавший большую дипломатическую карьеру, имел существенное влияние на мою судьбу.

Более важные доклады по выставочному делопроизводству направлялись на утверждение министра финансов; доклады же по более мелким делам шли к его товарищам Иващенкову или Антоновичу. А. П.[a] Иващенков, опытный и почтенный государственный деятель, пользовался общим уважением, и с ним считались. Антоновича же директора департаментов держали в черном теле. И если какой-либо доклад от него возвращался неутвержденным, то, не объясняясь с ним, представляли доклад либо С. Ю. Витте, либо Иващенкову. Такое третирование Антоновича объяснялось разочарованием в нем самого С. Ю. Витте, призвавшего его к себе в товарищи из провинциальных профессоров, притом самых посредственных. Сам провинциальный деятель, проделавший свою выдающуюся карьеру начиная с должности начальника полустанка, С. Ю. Витте на первых порах работы на посту министра финансов полагал, что для освежения и улучшения центра нужны именно местные деятели. Но он неправильно исходил из собственного примера. Упустил, что работа в центре не имела ничего общего с работою на местах. *Одно дело творить закон, направлять работу, другое — исполнять директивы.* И если такой *исключительно* выдающийся человек, как Витте, не делается, а рождается министром и успевает на любом посту, где бы и как он ни начинал работать, то для человека среднего отсутствие исключительных дарований может компенсироваться, и то, конечно, лишь отчасти, только основательною подготовкою и накоплением опыта в сфере именно той деятельности, в которой ему предстоит занять руководящий пост. *Поэтому из местных деятелей пригодны для работы в центре только люди действительно выдающиеся. Если же таких людей нет, то надо довольствоваться для замещения высших должностей в центре наиболее даровитыми работниками центра же из числа обладающих соответственным служебным стажем.*

Кроме вызвавшего быстрое в нем разочарование Антоновича, С. Ю. Витте призвал еще из местных деятелей в центр на должность директора Департамента неокладных сборов, для проведения питейной реформы, начальника акцизного округа на Кавказе С. В. Маркова. Назначение это явилось вторым разочарованием для министра[7]. Пришлось за Маркова работать С. Ю. Витте самому. И, как говорят, Витте поклялся больше местных деятелей в центр не призывать. Действительно, все последующие его ближайшие сотрудники по Министерству финансов приглашались им из центральных установлений.

Надо было отделаться от Антоновича, да и от Маркова. В крайнем случае, от одного Антоновича, с тем, чтобы его заменить товарищем министра, способным руководить работою, возложенною на Маркова.

Витте остановился на мысли заменить Антоновича В. Н. Коковцовым (бывшим в то время товарищем государственного секретаря) с оставлением Маркова.

[a] В рукописи ошибочно: «А. И.»

Мысль эта была *исключительно* удачная. Коковцов, опытный петербургский бюрократ, достаточно сведущий в финансовом управлении, так как был в свое время статс-секретарем Департамента экономии Государственного совета, конечно, был бы неизмеримо более на месте товарища министра финансов, нежели окончательно провалившийся Антонович. И на него же возможно было бы возложить работы по проведению питейной реформы. Но одновременно обезвреживался главный нерв творившейся в Государственном совете оппозиции Витте. Коковцов в должности товарища государственного секретаря обслуживал эту оппозицию умелыми техническими советами, доставляя необходимый для выступлений против проектов Витте материал с усердием исключительным и ревностью необычайной. По-видимому, уже тогда он мечтал сесть на кресло С. Ю. Витте. И, по свойственному самомнению, значительно переоценивал себя, пытался свалить Витте, не дожидаясь естественного завершения карьеры этого большого человека, влияние которого в ту пору только крепло и росло. Как бы то ни было, но если не парализовать, то ослабить оппозицию привлечением к себе вредившего ему в Государственном совете Коковцова было для Витте во всех отношениях желательным. Министр финансов располагал возможностью увеличить содержание своего товарища добавочными назначениями к штатному окладу до цифры весьма соблазнительной. И Витте соблазнил Коковцова. Убежденное одухотворение Коковцовым оппозиции Витте в Государственном совете было сломлено тяжестью предложенных рублей. Из врагов Витте Коковцов стал на время его послушным товарищем. Антоновича устроили членом совета министра народного просвещения, где он увял окончательно, настолько, что все о нем позабыли, и что с ним далее сталось, этим никто никогда не интересовался. Местный деятель в центре не удался. Другой местный деятель, С. В. Марков, продолжал работать, но уже не самостоятельно, а под руководством Коковцова. С преобразованием Департамента неокладных сборов в Главное управление неокладных сборов и казенной продажи питей Марков был автоматически переименован начальником этого управления, а затем, во внимание к большому возрасту, сановности и заслуженной репутации *доброго, милого и* во всех отношениях почтенного человека, был назначен некоторое время спустя членом Государственного совета.

С Коковцовым я *без всякого удовольствия* встречался у общей знакомой Е. К. Мамоновой, вдовы директора бывшего Медицинского департамента Министерства внутренних дел. Самовлюбленный, чванливый, болтливый, сам себя слушавший, говоривший гладко, но с резким неприятным тембром голоса, Коковцов производил несимпатичное впечатление. Да и деловые качества его были не так уже высоки. Хороший стилист, недурной оратор, хотя, по многословию, и невыносимо скучный, с кое-какими знаниями, но без солидного их фундамента, — вот и все, что можно было сказать о нем положительного. Ловкий, крупного масштаба карьерист. С другой стороны, полное отсутствие творчества и инициативы. Панический страх всякого новшества. Если бы не умелый, а быть может, лишь счастливый подбор сотрудников, Коковцов был бы совершенно немыслим на тех высоких постах, которые ему готовила его карьера.

У Маркова я бывал. Мы состояли в свойстве. Его брат был женат на моей тетке. В обществе он был заслуженно ценим, любим и уважаем. Любезный, благожелательный, хлебосольный, он очаровывал и интересною беседою, в которой отражались отчетливые впечатления его богатой наблюдениями жизни.

Возвращаясь к Нижегородской выставке, упомяну, что незадолго до ее открытия В. И. Ковалевский, отправляясь в Нижний, предложил и мне ехать с ним. Поехали и Д. Ф. Кобеко и Д. В. Григорович. Прихватили, для обозрения заканчивавшихся устройств выставки и для отзыва о ее перспективах, пожелавшего к нам присоединиться известного журналиста-писателя А. В. Амфитеатрова. Путешествовали в салон-вагоне, где каждому было предоставлено полукупэ. Сидели преимущественно вместе в салоне. Беседы велись оживленные на самые разнообразные темы. Наиболее интересным, увлекательным собеседником был *милейший* В. И. Ковалевский. Д. Ф. Кобеко, чопорный и злой, представлялся в достаточной степени скучным. Д. В. Григорович не столько рассказывал, сколько злословил и ядовито шутил. Блестящий стилист и остроумный писатель А. В. Амфитеатров оказался чрезвычайно тяжел в живой речи. Огромен, черен и грузен был он и по внешнему своему облику. Говорил нескладно, грубо. Силился быть на слове остроумным. Но это ему не удавалось. Его надо было читать, но не слушать.

Выставка раскинулась на левом берегу Оки недалеко от впадения ее в Волгу. *Центр города, расположенного на Волге, занимает, как известно, правый берег Оки.* Выставочные здания, внушительные и изящные, были закончены. Производилась разгрузка и установка экспонатов. На самой территории выставки были построены *прекрасные* барачные гостиницы с уютно обставленными номерами и уже функционировавшими ресторанами.

Я попал в Нижнем в атмосферу чрезвычайного бюрократического напряжения. Баранов интриговал против Ковалевского и Кази. На выставку ожидался приезд царя из Москвы после предстоявшей церемонии коронации. Ожидались и царские гости, имевшие присутствовать на коронационных торжествах. В порядке охраны Баранов был облечен чрезвычайными полномочиями. Пользуясь ими, он тормозил все начинания Ковалевского и Кази, взяв в подозрение все выставочное управление. Для ознакомления с выставочными делами он перлюстрировал *всю деловую* корреспонденцию выставки. Еще задолго до нашей поездки в Нижний В. И. Ковалевский разработал со мною шифр для сношений с генеральным комиссаром. Но нет шифра, который не поддавался бы раскрытию. Наш же шифр был простенький. К тому же Тимирязев сам интриговал против Ковалевского и, весьма вероятно, просто-напросто передал Баранову шифр. Вставление палок в колеса проделывалось со всем свойственным Баранову искусством.

Уже по моем отъезде из Нижнего, почему я об этом догадался только впоследствии, а подтверждение своим догадкам получил лишь много лет спустя, с Барановым решили договориться. Ему была обещана крупная денежная награда после посещения выставки царем и его гостями. Баранов, будто, запросил 200 000 руб. Но столь крупные денежные назначения тогда не производились. Как-то летом Ковалевский поручил мне составить от имени министра финансов доклад царю о выдаче Баранову в награду за его труды по содействию проведению выставки 20 000 р. Когда я выразил удивление по поводу и этой награды, и казавшегося мне преувеличенным размера выдачи, Ковалевский посмеялся и сказал мне: «Вы думаете, он останется доволен? Поверьте — будет сердит». И действительно, разгневался очень. Во время моего пребывания в Нижнем, пока еще не договорились, ощущалась крайняя нервность в верхах выставочного управления. Ковалевский сменял изысканную любезность во внешних от-

ношениях к Тимирязеву вспышками открытого гнева. Холодный, деревянный Тимирязев был неизменно внешне корректен. Но он всею душою ненавидел Ковалевского и ненависть к нему перенес и на меня, ввиду близости моей к Ковалевскому. Холодность проявлял леденящую. Меня она забавляла. Но наиболее забавна была проявлявшаяся по отношению ко мне сдержанность со стороны сделавшихся подчиненными Тимирязева некоторых бывших моих товарищей, думавших сдержанностью этою угодить Тимирязеву, а быть может, и действовавших по его указанию. Даже на деловые мои вопросы я получал только уклончивые ответы. *Я не настаивал.*

Вернувшись из Нижнего, я все лето 1896 г. работал в Петербурге. Отпуска не имел. Ковалевский несколько раз ездил в Нижний и зачастую подолгу оставался там. В круг моих обязанностей входило, между прочим, содействие проезду в Нижний представителям прессы. Однажды я получил распоряжение озаботиться предоставлением купэ «видной» корреспондентке берлинских газет Шабельской. Распоряжение было исполнено, и она поехала. Потом до меня стали доходить слухи, рисовавшие Шабельскую в образе Мессалины, покорившей своими чарами и Кази, и Ковалевского, и одновременно с ними многих других. Одно достоверно — это сделавшаяся в достаточной степени открытою связь Шабельской с Ковалевским, завершившаяся через несколько лет нашумевшим процессом по делу о подделке векселей Ковалевского. Процесс этот в свое время привел к падению Ковалевского и к его выходу в отставку с поста товарища министра финансов[8]. Во время же выставки неожиданно, в расцвете здоровья и сил, скоропостижно умер в Нижнем М. И. Кази, почти на руках у В. И. Ковалевского. Злая молва связывала смерть Кази с именем Шабельской и с особенностями ее темперамента. Но Ковалевский представлял дело иначе. С Кази давно не ладил Баранов. Были у них счеты в прошлом, с того времени, когда оба служили во флоте. Баранов рьяно воспротивился назначению Кази генеральным комиссаром выставки, заявив, что в случае такого назначения он слагает с себя ответственность за порядок в Нижнем и за безопасность в нем имевшего прибыть на выставку царя. Назначение Кази, как упомянуто, поэтому не состоялось. Но он все-таки прибыл на выставку и играл на ней видную роль. Баранов не скрывал своего раздражения. Стал с Кази на ножи. Но он боялся Кази. Опасался каких-то компрометантных с его стороны разоблачений. Совпадение или что, чему не хочется верить... Баранов неожиданно приглашает Ковалевского и Кази к себе на обед. Ковалевский уговорил Кази поехать. Вернувшись с обеда, Кази стал жаловаться на нездоровье. Ковалевский и Кази жили в гостинице в двух смежных номерах. Утром Ковалевский пришел к Кази и нашел его мертвым. Днем приезжал Баранов и театрально манифестировал не вытекавшие из его отношений к покойному *слишком* шумные сожаления. Ввиду невыясненности причины смерти, Ковалевский настаивал на вскрытии тела. Но этого не было сделано.

* * * * *

К концу лета выставка была закрыта. Осенью выставочное управление вернулось в Петербург, и было приступлено к ликвидации дел выставки и к составлению по ним отчета. Приближалось время исчерпания кредитов на содержание

персонала выставки, и в том числе на мое содержание. На этот случай я имел в перспективе обещание Ковалевского назначить меня на составлявшую предмет моих вожделений должность чиновника особых поручений Департамента торговли и мануфактур, недавно освободившуюся за получением занимавшим ее лицом другого назначения. Я терпеливо ждал, тем более что не исчерпались еще выставочные кредиты. Но в конце ноября — начале декабря выяснилось, что я жду напрасно. Обещанное мне место понадобилось брату окончательно забравшей В. И. Ковалевского в свои руки Шабельской. Я был расстроен и озабочен своим будущим. Не скрывая от сослуживцев своих забот, поведал о них и Сергею Филиппову, сыну государственного контролера Тертия Ивановича Филиппова.

Вскоре, поднимаясь однажды к тетушке кн. Д. П. Оболенской в квартиру ее в доме графа Протасова-Бахметева на Невском против Троицкой улицы, встретил на лестнице Тертия Ивановича. «Вас, — говорит, — обижают в Министерстве финансов. Идите ко мне. Будьте только мудры. Последуйте примеру евреев при их исходе из Египта. Уходя, они захватили с собою собранные у египтян вещи серебряные и вещи золотые, и одежды[9]. Приближается Рождество, а с ним выдача наградных денег. Заберите наградные в Министерстве финансов и тогда идите ко мне». Смеясь, я благодарил и обещал поступить по указанию Тертия Ивановича. Наградные выдали до праздника. Я подал прошение о переводе в Государственный контроль к Тертию Ивановичу. Он распорядился назначить меня младшим ревизором в Департамент гражданской отчетности на годовой оклад содержания вместе с наградными в 2000 р. Тем временем кто-то из моей родни, полагаю, кн. Николай Дмитриевич Оболенский, полковник конной гвардии, впоследствии управляющий «Кабинетом его величества», через кого-то, вероятно, через супругу С. Ю. Витте Матильду Ивановну, пристыдил В. И. Ковалевского за его поведение по отношению ко мне. Ковалевский меня вызвал и, явно будируя за высказанный, хотя и не по моему почину, упрек, предложил мне соответствующую должности младшего ревизора должность столоначальника в его департаменте. Так как она была ниже обещанной мне в свое время должности чиновника особых поручений, и тон предложения мне не понравился, то я отказался. «Ваши требования чрезмерны, — с раздражением заметил Ковалевский. — В тридцать лет (мне шел 26-й год) вам будет мало и должности министра». Мы расстались. Хотя я был обижен Ковалевским, но дурного чувства не сохранил, настолько, все-таки, он был обаятельный человек и служилось мне с ним в свое время легко и приятно.

Глава 3.
1897 год

Я был назначен в Государственный контроль в конце декабря 1896 года. Тертий Иванович Филиппов направил меня к генерал-контролеру Департамента гражданской отчетности Д. Е. Белаго, а последний — к старшему ревизору Яковлеву. Яковлев предложил мне основательно проштудировать правила счетоводства и отчетности и лишь после этого, недели через две, явиться на службу. Таким образом, служба моя в контроле началась с отпуска.

Трагическим оказался этот отпуск в личной моей жизни. В начале января 1897 г. скончался мой отец.

Тем не менее, в середине января я явился в контроль и вступил в исправление самой моей скучной в течение всей долгой служилой жизни должности младшего ревизора Департамента гражданской отчетности по ревизии расходов Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. Работа была отменно скучная. Не в виде анекдота, а в качестве правдивой справки упомяну, что пришлось много времени убить на переданное мне для окончания разросшееся в толстую папку во много сотен страниц дело «об 1 р. 13 к. убытка от боя стеклянной посуды». Это с одной стороны, а с другой — в порядке копания в архивах пришлось столкнуться с беспоследственно законченным производством, за миновавшей давностью, дела о миллионных хищениях в связи с поставками печальной памяти фирмы «Горвиц, Коган и К°» на действующую армию в турецкую войну 1877/78 г.[1] Держал в руках и прекращенное по докладу царю дело о миллионном начете на строительство Ташкентской ж<елезной> д<ороги> ген<ерала> Анненкова. Речь шла о перерасходе, будто бы неизбежном при исключительно трудных условиях данного сооружения. Но все было так в работе Государственного контроля того времени: мелочная одуревающая переписка о грошовых начетах, с доведением в таких случаях дела до конца, и сдаваемые в архив без взысканий и репрессий дела о крупном перерасходе или о воровстве, прекращаемые «за давностью» или «по докладу». Бесполезный в делах о крупных недочетах и злоупотреблениях, жалкий *и смешной* в вопросах, подобных попавшемуся мне об 1 р. убытка от боя казенной посуды, тогдашний Государственный контроль проявлял уже определенно вредную деятельность в *делах*

средних, т. е. в численно преобладавших и рядовых делах текущего государственного строительства. Тут, чтобы только оправдать свое существование, контроль педантично и формально вмешивался во вся и во все, являясь помехою всяческих творческих начинаний, лишним препятствием к достижению поставленной цели, требующим для его преодоления затраты значительных усилий и труда. Жизнь, однако, выдвигает компромиссы. Подотчетные места выхлопатывали себе предварительный фактический контроль, т. е. предварительную санкцию расходов, дававшуюся специально к ним командированными представителями контроля. Такие представители командировались к подотчетным учреждениям на их содержание. Последним они, естественно, дорожили. С другой стороны, за ними ухаживали. И устанавливалась комедия контроля. Штамп контроля на расход давался. И все устраивалось к лучшему в этом лучшем из миров. Но зачем при таких условиях было развивать значительную, какая имела место, экспансию контроля? Расход на его содержание как-никак составлял без малого 10 миллионов руб. Аппарат сам по себе был нужен, поскольку существование его служило началом, сдерживавшим недобросовестного расходчика. Но при данной обстановке аппарат мог бы быть до минимума сжат.

Скучным делом занимались и скучные, мелочные люди. Никого яркого, за исключением главы ведомства, я в этой среде не нашел. Чрезвычайно колоритный и своеобразно яркий Тертий Иванович Филиппов текущими ведомственными делами занимался мало. Заведование ими возложил на своего товарища, в ту пору В. П. Череванского, мужчину, известного образцовой постановкой контроля в Туркестане, а главное, своею замечательною бородою, точь-в-точь такою, какую подвязывали в «Руслане» чародею Черномору, отчего и Владимира Павловича называли то «Череванский», а то и «Черномор». С его мелочностью мне пришлось столкнуться лично в первые же дни моей службы в контроле. Оказывается, он был возмущен моим назначением сразу, без предварительного стажа в Контрольном ведомстве, на казавшуюся ему несоответственно для меня высокою должность младшего ревизора. Это на 2000 р. годового содержания, на должность простого субалтерна, непосредственно подчиненную старшему ревизору, т. е., в сущности, совершенно не ответственную, притом после четырех лет службы в должности ответственного секретаря в Финансовом ведомстве. Как-никак, Череванский назначения моего не одобрил и, по-видимому, возроптал Тертию Ивановичу. Последний меня вызвал и, не поясняя, в чем дело, просил представиться его товарищу. Череванский принял меня прилично. «Очень рад, — заявил он мне. — Но имейте в виду, что назначены на ответственную работу. Для нее нужна основательная подготовка. Не окажитесь в положении институтки, которая знает, что есть сливки и есть молоко. Но не знает, что из чего получается: сливки из молока или молоко из сливок». Я ответил, что рассчитываю разобраться в основах ревизионной работы и не оказаться в затруднительном положении институтки, о которой упомянул Череванский. — «В таком случае желаю успеха, желаю успеха», — заявил он, вставая, протягивая руку и этим давая понять, что «представление» мое окончено. Череванский меня развеселил, и я рассказал о его отеческом напутствии Сергею Филиппову. Тут только я узнал, что Череванский был моим назначением недоволен. «Плюнь, — пояснил Сергей, — это выпад не столько против тебя, сколько против отца. Череванский в последнее время что-то стал к отцу в оппозицию. Как бы ему, однако, шеи не сломать». Шеи он не сло-

мал, но с контролем Черeванскому все же вскоре пришлось расстаться. Поводом опять-таки послужили его несогласия с Тертием Ивановичем по части назначений. В контроле особенно близким к Филиппову лицом был чиновник особых поручений, из старших, некто Алмазов. Долгою своею службою совершенно личного характера при Филиппове он стал по отношению к нему в такое положение, что Филиппов справедливо считал себя ему обязанным и захотел своевременно о нем позаботиться, заменив Алмазову службу при главе ведомства, покоившуюся главным образом на личных отношениях, более прочною должностью в кадрах Государственного контроля. По своему рангу (V класс должности) Алмазов мог претендовать на состоявшую в том же классе должность управляющего контрольною палатою в провинции, тем более, что и менее заметною и хуже оплачиваемою должностью в центре принято было вообще больше дорожить, чем более видною службою на местах. Тертий Иванович назначил Алмазова управляющим контрольною палатою на открывшуюся вакансию в Кишинев. Череванский стал на дыбы. Как это? Из чиновников особых поручений? Без специального делового стажа в ревизорских должностях? Оппозицию проявил чрезмерную. Пересолил. И получил без предупреждения со стороны Тертия Ивановича указ о назначении в Сенат. Назначение весьма недурное для товарища государственного контролера и менее всего обидное. Но Череванский стал всюду кричать о нанесенной ему обиде, считая себя по форме состоявшегося назначения выброшенным из ведомства. Нашлись влияния, которые, не столько в дружбу Череванскому, сколько чтобы насолить Филиппову, добились назначения Череванского всего через несколько дней членом Государственного совета. Череванский на своей оппозиции выиграл. *А все-таки мелочный и скучный был человек.*

Выразившееся в поддержке Череванского отрицательное отношение к Филиппову со стороны некоторых влиятельных кругов мотивировалось не прощавшимися ему скромностью происхождения и перелицовкою из «красного» в молодые годы в реакционера и святошу перед перспективами карьеры[2]. И, говорили, неясным представляется происхождение появившейся у Филиппова, по достижении высших должностей, крупной земельной собственности, доставшейся ему, между тем, совершенно легальным путем, частью унаследованной.

Религиозная настроенность проявлялась Тертием Ивановичем чрезвычайная. И лицо выработал он себе иконописное. И поступал соответственно. Припоминается по этому поводу один достаточно курьезный случай. Однажды, как снег на голову, сваливается ко мне некто Лебедев. Рекомендуется гимназическим товарищем одного из моих двоюродных братьев. Слышал от них, что я вхож к Филиппову. Лишился службы. Бедствует с семьей. Видит сон. Явился, будто бы, к нему с крестом в руке Тертий Иванович. Говорит: «Иди за мной». *И исчезает.* Из провинциальной глуши Лебедев скачет ко мне в Петербург и просит о доведении его сна до сведения Тертия Ивановича. Самому Тертию Ивановичу поведать о сновидении Лебедева я воздержался. Но сыну его Сергею Тертиевичу о посещении «сновидца» рассказал. Лебедев был вызван в контроль и получил место.

Из другой области курьезов, творившихся Тертием Ивановичем. При встрече с георгиевским кавалером, здороваясь с ним, целовал его орден, красовавшийся на шее или в петличке. Этим каждый раз и каждого кавалера повергал в великое смятение. Еще особенность Тертия Ивановича. Афишировал крайнее нерасположение к Петру Великому.

Оригинальный был человек Тертий Иванович. Нельзя того же сказать о его сотрудниках. О Чereванском упомянуто. Теперь о других. В большинстве они наводили тоску. Очень скучен был *милейший* генерал-контролер Д. Е. Белаго. Славный был у него помощник А. А. Горенко — верзила-хохол из бывших моряков, симпатичный, обходительный, но пороха не выдумавший. Этим единственно я могу себе объяснить, что при чрезвычайно живом темпераменте он не сбежал из контроля без оглядки. Впрочем, он был занят не столько убийственно скучною текущею ревизионною работою, сколько участием в качестве представителя контроля в многочисленных междуведомственных комиссиях. Мое непосредственное начальство старший ревизор Яковлев был умен, но сух до такой степени, что самого себя иссушил, вогнав в горловую чахотку. Приверженность к контролю этого, несомненно, неглупого человека приписываю исключительно его сухости, наводившей ту же тоску, которая веяла от большинства его сослуживцев[a]. Счастливое среди них исключение представлял однокашник мой по университету, бывший студентом другого факультета Н. Н. Кузнецов. Этот попал в контроль по семейной традиции. Она удержала и укрепила его на службе в этом ведомстве. Он был отменно интеллигентный человек, большого развития и солидного образования. Впоследствии, много лет спустя, жизнь свела меня с ним на ином поприще совместной работы...

Не одним, однако, ревизионным делом жил Государственный контроль времен Тертия Ивановича Филиппова. Жил он и широкою русскою песнею, которой его научил, которую собирал и которую побуждал своих чиновников петь выдающийся мастер и тонкий знаток песни Тертий Иванович. Иллюстрациею данных Тертия Ивановича в этой области служит замечательный рассказ, переданный мне упоминавшимся выше членом Государственного совета С. В. Марковым. Тертий Иванович, уже в должности государственного контролера, объезжал как-то контрольные учреждения по Волге. Попал в Казань. По своему высокому положению являлся, конечно, предметом особенного внимания со стороны местной администрации, всюду его сопровождавшей и следовавшей за каждым его шагом. Но с раннего утра в день, назначенный для отъезда Тертия Ивановича из Казани, он неожиданно для всех запропал. Пока хватились, прошло порядочно времени. Пропал государственный контролер. Шутка сказать. Стало известно, что он спозаранку укатил на Волгу, чтобы, переправившись через нее, сесть на поезд *на станции Зеленый Дол*. Власти вскачь полетели на берег Волги*, порядочно отстоящий от города*. Подъезжая, усмотрели на берегу *большую* толпу народа, из которой раздавалось стройное хоровое пение. Протиснулись и видят Тертия Ивановича в кругу поющих бурлаков дирижирующим их хором плавными жестами обеих рук, припевающим *вполголоса* собственным своим некогда богатым тенором. Оказалось, бурлаки пели не так, как следует. И Тертий Иванович тут же на волжском берегу наставлял их на правильную песню. Примкнули подошедшие грузчики. И образовался громадный импровизированный хор, поразивший слушателей стройностью исполнения.

В Петербурге Тертий Иванович образовал из своих чиновников выдающийся церковный хор, обслуживавший домовую церковь Государственного контроля на Мойке. Этот же хор пел светские песни, народные и лучших русских компо-

[a] Далее в рукописи полстраницы текста заклеено.

зиторов. Среди чиновников особых поручений имелись специалисты по собиранию песен. И командируя их по делам службы по России, Тертий Иванович обязывал их попутным собиранием песен. Злые языки уверяли, что чиновники Тертия Ивановича никакими контрольными делами в поездках не занимаются, а за счет командировочных кредитов только и делают, что собирают песни. Это, конечно, было не совсем так. Но если бы оно так и было, то именно в этом заключалось бы наиболее целесообразное использование командировочных контрольных сумм. Песня росла и множилась во славу никем другим, кроме Тертия Ивановича, в ту пору не поддерживавшегося старинного русского вокального искусства. А мертвенные дела об 1 р. убытка от боя казенной посуды и им подобные прекрасно справлялись и местными органами контроля. Для подталкивания таких дел командировок не требовалось. Деньги на командировки бросались бы всуе. А тут за счет тех же средств, хотя и не по назначению, получалась польза непосредственная и немалая.

Тертий Иванович был вообще выдающимся меценатом русской музыки. Достаточно основательно забыто, что в нужную минуту именно он поддержал и своими хлопотами довел до возможности осуществить большое дело талантливого творца великорусского оркестра В. В. Андреева. Помнится, как Андреев только начинал свою блестящую артистическую карьеру, выступая в первом балалаечном трио в «Аквариуме»[3]. Какое это было маленькое, хрупкое начало, как бы талантлива ни была игра исполнителей. Но сколько надо было преодолеть предвзятости, *сколько шумного* невежественного презрения к балалайке, пока дело оказалось достаточно оценено. И трудно сказать, как бы сложились обстоятельства, если бы не вмешательство Тертия Ивановича.

Но Тертий Иванович умело выдвигал и других талантливых артистов. Многие известные певцы обязаны ему поддержкой при их первых, наиболее трудных шагах артистической карьеры, в их числе Ф. И. Шаляпин. Затем следуют не столь крупные имена — Мравиной, Яковлева, Майбороды, Морского и др. Всех не припомню, но знаю, что выдвинутых Тертием Ивановичем русских артистов было много. Названных же лиц у Тертия Ивановича я встречал. У него же встречал незабываемого артиста-рассказчика И. Ф. Горбунова, композитора Балакирева, известного пианиста Гофмана и др.

Помню я прекрасные артистические вечера Тертия Ивановича. Бывали вечера случайные. Но раз в год уже обязательно справлялся вечер 4-го января в день «сорока мучеников», на который приходились именины хозяина. Прекрасная казенная квартира государственного контролера на Мойке близ Синего моста пленяла чисто семейным уютом, чуждым всякой официальности. Чувствовали себя съехавшиеся к Тертию Ивановичу гости *на редкость* свободно и непринужденно. Вечер *сразу* начинался с концерта выступавших солистов. Следовали рассказчики, потом Андреев с ансамблем избранных артистов великорусского оркестра. «Фавн», «Грезы», «Воспоминание о Гатчине» сменялись в череде упоительных мелодий. Повсюду велась оживленная беседа. Настроение было неизменно веселое и приподнятое. Ужинать садились в двух смежных залах, соединенных аркой. В одном за особым столом располагался хор Государственного контроля, и с места лилась чарующая песня. Помнится дивное исполнение серенады Апта «Ночь сошла на землю». Пел прекрасный тенор Крылов, однокашник мой по Ярославской гимназии. А хор аккомпанировал. Оркестр челове-

ческих голосов и сольный богатый тенор создавали впечатление незабываемое. Пели и всевозможные застольные песни. Только наступившее утро разгоняло гостей. И не хотелось уходить в мглистые серые будни с яркого, насыщенного песнею праздника.

* * * * *

В ту же примерно пору несравненный художник-рассказчик Иван Федорович Горбунов привлекал (к сожалению, слишком редкими выступлениями) ценителей своего таланта в другой салон — приятеля артиста сенатора Александра Дмитриевича Свербеева.

Александр Дмитриевич, приходившийся мне дядюшкою в весьма отдаленной степени родства, к тому времени, когда обосновался в Петербурге, на Фурштадтской ул<ице>, был уже давно одинокий человек, покинутый женою, вышедшей замуж за бывшего императорского посла в Мадриде Шевича. Были у А. Д. от нее дети — сын и дочь, люди исключительно бесцветные. Но и они давно вышли из родительского дома, жили каждый своею жизнью в провинции и только изредка посещали отца[4]. Отсутствие семьи А. Д. восполнял экспансиею общественных отношений. Сам повсюду бывал. И всячески привлекал к себе родственников, друзей, просто знакомых и в большом количестве родственную и знакомую молодежь — молодых чиновников, офицеров, студентов, правоведов, пажей, юнкеров. К нему охотно собирались на его воскресные завтраки, четверговые обеды и почти ежедневную вечернюю чашку чая. Преобладала собственно молодежь, устроившая себе у добродушного А. Д. даровой веселый клуб, место встреч с друзьями, своего рода сходбище для сговора о дальнейших выступлениях в местах общественных увеселений. Распоряжалась молодежь у А. Д. как у себя дома, заказывая блюда для следующих завтраков и обедов и истребляя в неимоверном количестве подававшееся дешевенькое удельное вино. Посещали А. Д., однако, и солидные, видные люди, с крупным служебным и общественным положением, аристократические дамы, начинающие артисты. Создался салон, имевший и политический оттенок — солидный легитимизм, умеренная либеральность воззрений, выдержанный юмор в критике действий и лиц. Приносились и обсуждались все последние новости. В Петербурге в так называемом «обществе» мало кто не знал А. Д. и хотя <бы> раз у него не побывал. Его гостеприимство, его салон памятны и поныне[5].

Все и вся по захватывающему интересу покрывали у А. Д. обеды с незабвенным Иваном Федоровичем Горбуновым. Это был сплошной, непрерываемый художественный рассказ. Иван Федорович начинал «рассказывать», еще снимая шубу в передней, куда мы гурьбою устремлялись ему навстречу, и тут же начинался неизменно аккомпанирующий горбуновские рассказы дружный, раскатистый смех. Рассказ продолжался и за закускою. Первая рюмка водки служила темою для эпических рассказов о русском пьянстве. Иллюстрировали их бесподобные жесты и мимика артиста: как он брал рюмку со стола, как любовно рассматривал содержимое на свет, как приподносил рюмку ко рту, как ее опрокидывал, проглатывал водку и какую изображал при этом красноречивую, полную содержания и юмора гримасу. Потом переходил на другие бытовые темы.

Горбуновских рассказов в письме и в печати не воспроизвести. Это не удалось и исключительному таланту А. Ф. Кони. Изданная им запись этих рассказов передает их крайне бледно[6]. Рассказы Горбунова нужно было слушать. Чтение без горбуновской мимики, интонации, высоко художественного воспроизведения разных голосов, даже звуков (напр<имер,> перезвон московских колоколов в известной горбуновской передаче) дает лишь слабое отражение горбуновского творчества. От закуски шли к обеденному столу, и рассказы широкою рекою лились до самого конца обеда. Уже кофе остывал в чашках, а Иван Федорович все не умолкал. Болели челюсти от смеха. Но хотелось слушать еще и еще, без конца. Рассказы оканчивались только когда захлопывалась парадная дверь за уходившим Горбуновым.

* * * * *

Насколько хорошо чувствовал я себя у Тертия Ивановича Филиппова в его домашней обстановке, обласканный и им, и его сыном, и неизменно любезно встречаемый невесткою Верою Мстиславовною, урожденною кн<яжною> Голицыною, граф<инею> Остерман, — настолько мне нетерпимо скучно служилось в возглавлявшемся Тертием Ивановичем ведомстве.

Поэтому, когда в конце первого же года (1897) моей службы в Государственном контроле мне было сделано предложение перейти на службу в Министерство иностранных дел, я тотчас этим предложением воспользовался.

Глава 4.
1898 год

Министром уже с год, с конца 1896 г., был граф М. Н. Муравьев, бывший посланник в Копенгагене. Сменил он князя Лобанова, скоропостижно скончавшегося перед поездкою царя и царицы во Францию, куда Лобанов должен был сопровождать царскую чету[1]. Не назначая второпях, тотчас преемника скончавшемуся министру, царь предложил сопровождать его товарищу министра Н. П. Шишкину — человеку весьма посредственному и оказавшемуся в царскую поездку далеко не на должной высоте.

Князь Лобанов считался трудно заменимым. За него говорил его большой служебный опыт. Он был и дипломатом, и одно время губернатором, и товарищем министра внутренних дел, и опять дипломатом, в последнее время — послом в Вене. Импонировали его *широкий ум,* большая самостоятельность и независимость богатого человека *и большое барство. Перечисленного было более чем достаточно, чтобы создать ему солидный престиж.* Петербург был в восторге, когда узнал, что Лобанов круто повернул министра финансов Витте, приехавшего к нему предложить услуги для испрошения у царя соответствовавшего видам Лобанова содержания по случаю назначения министром иностранных дел. Лобанов спровадил Витте, *резко и* сухо заметив, что ни в каком содействии в этом отношении не нуждается, будет довольствоваться тем, что ему как министру полагается *по закону*. Он был не совсем прав, т. к. в определенной цифре оклад содержания был закреплен за должностью министра иностранных дел только впоследствии. Ранее же, не в пример прочим министрам, у которых были штатные оклады, содержание министру иностранных дел присваивалось персональное*, по усмотрению царя, в порядке доклада министра финансов*. Притом богатому Лобанову было легче, чем кому-либо, проделать жест столь эффектного бескорыстия. Аристократический Петербург был рад ущемлению «барином», князем Лобановым «неизвестно откуда вылезшего проходимца» Витте, каким аристократические круги долгое время совершенно неосновательно третировали даровитого[a] главу финансового ведомства, имевшего,

[a] Далее в рукописи оставлено место для одного слова.

между тем, в своей родословной достаточно именитые корни[2]. Говорили об этом случае, а также о том, что когда в прежнее царствование Лобанову предложили должность товарища министра внутренних дел, то он отвечал, что, считая себя к этой должности неподготовленным, желал бы сначала поучиться делу на посту губернатора. Было это как будто и хорошо. Но нехорошо то, что это Лобанов, заручившись поддержкою Германии и Франции, опрометчиво вырвал из рук Японии *все и без остатка* плоды ее побед над Китаем в войну 1894/95 г.[3] Это он настоял на заключении мира без территориальных приобретений на материке для задыхавшейся в тесноте своих островов, переросшей свою территорию Японии. Не допустил и протектората ее над Кореею. Денежная компенсация в виде контрибуции и о. Формоза заведомо не могли удовлетворить Японию. И с этой именно минуты, столкнувшись с нами в преследовании своих целей, она начала оттачивать свой зазубренный на полях Китая меч для нападения на Россию. Ответственность за нашу политику в этом случае не может быть *всецело* переложена на царя со ссылкою на его враждебную предвзятость к Японии за удар, нанесенный ему японским полицейским в Отсу, во время поездки Николая II в бытность наследником на Восток[4]. Авторитетность и независимость Лобанова такое переложение ответственности исключают. Но как стара истина, что управлять — значит предвидеть. Для блестящего министра, каким почитался Лобанов, предвидеть последствия подобного нашего образа действий на Дальнем Востоке было обязательно.

Как бы то ни было, имя князя Лобанова всюду вообще, а в правительственных кругах в особенности, всем и каждому настолько импонировало, что явиться преемником ему было задачею весьма нелегкою даже для талантливого человека, тем более для лишенного всяких талантов графа М. Н. Муравьева. И назначен-то он был министром только потому, что был посланником в Копенгагене, куда заезжала навещать своих родителей императрица Мария Федоровна. Она и рекомендовала его царю совершенно неосмотрительно, так как за ним решительно не было ничего, кроме отличавшего большинство дипломатов светского лоска и лично его, Муравьева, забавной способности одним движением бровей схватывать на лету подброшенный к глазу монокль. Директора департаментов, Азиятского граф Д. А. Капнист и внутренних сношений барон Ф. Р. Остен-Сакен, хорошо знавшие Муравьева со стороны его исключительной бездарности при большой самоуверенности, решили с ним не служить и с его назначением ушли почти демонстративно. Третий директор, Департамента личного состава и хозяйственных дел, Никонов оставался лишь до весны 1897 г. Ушел и товарищ министра Шишкин, назначенный в Государственный совет. На место переведенного в Сенат директора Азиятского департамента графа Капниста был назначен никакими особыми достоинствами не обладавший генеральный консул в Будапеште приземистый, смуглый, *тупой* левантинец[5] Базили. Трудно сказать, почему на нем именно остановились. Разве только по столь же у него явному отсутствию талантов, какое отличало нового главу ведомства. Впрочем, он был богатый человек. На места директоров департаментов внутренних сношений барона Остен-Сакена и личного состава и хозяйственных дел Никонова были посажены их вице-директоры: на место первого — Н. А. Малевский-Малевич, о котором я упоминал выше в связи с моим хождением в Министерство иностранных дел по выставочным делам Министерства финансов, и на

место второго — барон К. К. Буксгевден. Тут хоть сказалась преемственность службы. Товарищем министра был назначен с должности старшего советника министерства на правах товарища министра граф Ламздорф, а на его место старшим советником, в сущности, вторым товарищем министра — директор канцелярии министерства князь В. С. Оболенский-Нелединский-Мелецкий. Последнего в канцелярии заменил ее вице-директор Ваксель. Так сконструировались верхи министерства, при оставлении на прежнем своем посту одного лишь директора Государственного и С.-Петербургского главного архива министерства барона Стуарта.

Предложение перейти в Министерство иностранных дел я получил от Малевского-Малевича. Задумано было издавать «Сборник консульских донесений»[6]. И требовался редактор-стилист, которого под рукою в министерстве не было. Казенный стиль за мною признавался. К тому же донесения консулов посвящались преимущественно вопросам внешней торговли, с которыми, предполагалось, я был знаком по моей службе в Департаменте торговли и мануфактур. Назначение зависело от министра. Чтобы обеспечить его согласие, надо было заручиться поддержкою одного из товарищей. Малевский остановился на князе Оболенском, приходившемся двоюродным братом моему покойному отцу. И вот в чем в данном случае выразился пресловутый протекционизм *так называемого* старого режима. «Против назначения Л<опухина>, — сказал Малевскому Оболенский, — я возражать не буду. Но предупредите его, чтобы он не мечтал о дипломатической карьере. Для нее нужны личные средства, каковых у Л<опухина>, я знаю, нет. Ни о канцелярии, ни о посольствах и миссиях пусть не мечтает. Он может продвигаться по вашему департаменту и, по выдержании дипломатического экзамена, перейти, если пожелает, на консульскую службу, — но не более». Отсюда две морали: одна здоровая — не было в то время места для той бесшабашной протекции, о которой принято говорить, не было — хотя бы в некоторых, достаточно многих случаях. А другая мораль прямо больная — без денег в те времена по дипломатической службе ни-ни; это уже во всех случаях. Будь ты прирожденный Талейран, но если у тебя или у твоих родителей нет нескольких тысяч рублей в год тебе на твое содержание, то отходи в сторону. Отечество обойдется без Талейрана[7]. Помимо денежного ценза, круг аспирантов в дипломаты был ограничен сословными рамками. Сочетание же обоих условий — дворянское происхождение и деньги, при поголовном почти оскудении русского поместного дворянства, преимущественно сосредотачивалось в России в балтийских баронах. Отсюда и неимоверное, сделавшееся притчею во языцех, засилье немцев в русском Министерстве иностранных дел. В силу каких условий и обстоятельств они не были талантливы, сказать не берусь. Но ни одного таланта балтийцы в ведомстве не выдвинули.

Я занялся моим маленьким делом издания «Сборника консульских донесений». В конце января 1898 г. выпустил первый его номер. Выпускался журнал аккуратно через каждые два месяца по шесть книжек в год. Работал я самостоятельно. Имел дело только с директором Малевским-Малевичем. Была, впрочем, образована маленькая, преимущественно цензурного значения редакционная комиссия, собиравшаяся перед каждым новым выпуском для утверждения по моему докладу выбиравшегося мною материала для печатания. Но она ставила на мой доклад лишь формальный штамп.

* * * * *

По части внешней политики правительство тем временем, не задумываясь, шагало по проторенному пути.

На Западе мы крепили союз с Франциею, подтвержденный манифестациями посещения республики в 1896 г. царем и царицею и ответного визита в Петербург в 1897 г. президента Феликса Фора[8].

На Дальнем Востоке Россия занялась углублением содеянных ошибок. Вырвав из рук Японии ее завоевания в Китае, мы потянулись к оккупировавшимся Япониею во время войны Печилийским портам и в *марте* 1898 г. официально заняли Порт-Артур и Талиенван[9]. Можно ли было настолько недооценивать только что выдержавшую экзамен победоносной войны Японию, рискуя столкновением с ней за тридевять земель от нашего центра? Мало того, мы заняли явно враждебную Японии позицию в Корее, протектората над которою Япония так настойчиво добивалась, и который мы также вырвали из ее рук[10]. Печкою, от которой танцевал гр<аф> Муравьев, была простодушно усвоенная им вера в несокрушимость «русского медведя», которого, в сущности, он абсолютно не знал и о самом существовании которого в качестве внушительного аргумента, по-видимому, впервые услышал за границею, представляя его себе со слов иностранцев. Опираясь на этот непроверенный аргумент, гр<аф> Муравьев весело бежал по пути авантюр, навстречу царскому настроению, навеянному льстивыми выступлениями в Сибирском комитете[11] на тему о высокой миссии царя на Дальнем Востоке.

События показали, к каким роковым для России последствиям привела наша тихоокеанская экспансия. Нехорошую мы повели активную политику. Но сугубо неправильным был и внутренний курс. Новый царь не осознал момента. От начала реакции мартовских дней 1881 г. нас отделяло уже целое царствование. А в конце его и Александр III был, по-видимому, готов вступить на путь хотя бы некоторых выдвигавшихся эпохою реформ[12]. Витте докладывал ему о своевременности проведения, между прочим, ряда мероприятий в области рабочего законодательства и первее всего об установлении страхования рабочих *работодателем.* Александр III, по словам Витте, согласился. Победоносцев, заключение которого являлось обязательным для обеспечения успеха законопроекту политического значения в Комитете министров и в Государственном совете, притворился не понимающим. «Рабочие? Рабочий класс? Я такого класса в России не знаю. И не понимаю, о чем вы, Сергей Юлиевич, говорите. Есть крестьяне. Они составляют свыше 90% населения. И из них те, относительно совершенно немногие, утопающие в массе населения, которые работают на фабриках и заводах, все-таки остаются крестьянами. Вы искусственно хотите создать какое-то новое сословие, какие-то новые социальные отношения, России совершенно чуждые. В этом отношении вы, Сергей Юльевич, опасный социалист». Витте по неопытности, как он впоследствии говорил, возвращаясь к рабочему вопросу перед самым своим уходом с поста министра финансов, на этот раз отступил. «Но, — добавлял он, — государь Александр III упрекнул меня впоследствии за это: “Напрасно вы сдались, я бы вас поддержал”»[13]. Николай II не улавливал изменения обстановки, гигантского роста страны, осложнившихся экономических отношений, разраставшихся классовых и национальных противоречий, не созна-

вал отсталости порядков и форм управления, считал за парадокс ту азбучную истину, что и консерватизм как руководящий принцип для того, чтобы устоять, не должен быть бескомпромиссным, а актуальным и гибким в применении, должен быть приспособляем к живой жизни — жизни именно сегодняшнего дня, так как та жизнь, которая была вчера, сегодня уже не живая, а мертвая. Ему представлялось наиболее легкою, а вместе с тем наиболее достойною задачею управления охранение существовавших порядков и установлений. Всякого новшества он по малодушию боялся, и новаторы были ему ненавистны. Поэтому, держа [a]в начале[a] 1895 г. ответную речь на приветствие земских депутаций по случаю его вступления на престол, он и огрел земства крылатым словом о «бессмысленных» (в подготовленной речи значилось «беспочвенных») «мечтаниях», которыми охарактеризовал высказанные в приветствии пожелания земств[14]. Отсталость от условий современности аппарата управления при отсутствии у руководивших лиц спасительного страха перед бестемпераментным главою государства привели к катастрофе на Ходынке[15]. Последняя стала сопоставляться с аналогичным событием во Франции в царствование Людовика XVI. И впервые пророчески заговорили об общности судьбы Николая II и несчастного французского короля. В происшедшей катастрофе, мыслилось, содержался императив предостережения. В интересах самой власти требовалась хотя бы некоторая ее перестройка, необходимый ремонт и замена обветшавших устоев и частей. Отказ от такого ремонта осуждал все здание на разрушение, в облегчение задачи тех нараставших взаимодействий и сил, которые стремились государственное здание вовсе смести и построить на его месте новое. Проявлявшийся властью бескомпромиссный консерватизм был направлен своим острием против самой же власти. В этом отношении он не мог не осуждаться и ее приверженцами. Враждебные же течения, естественно, использовали это противоречие между властью и ее же идейными охранителями в свою пользу. Революционное движение, в предыдущее царствование притаившееся, вышло на свет и из проявлявшегося спорадически стало постоянным и повседневным фактором текущей действительности. Фабрики, заводы, высшие учебные заведения, вообще всякие организованные группировки людей, за исключением пока что лишь воинских казарм и государственных учреждений, глухо волновались, увлекаемые пропагандой социалистических учений. Поскольку власть, бесстрастная и пассивная, уживалась с видимо приобретавшим права гражданства, исключающим ее, именно эту власть, революционным началом, власть была уже обречена — еще тогда, за 20 лет до фактического ее падения, отсрочивавшегося громадною инерциею колоссальной страны.

Как-никак, но до открытого наступления на власть, вскоре выразившегося в организованной системе террористических актов, дело тогда еще не доходило. Забастовочное движение на фабриках и заводах, беспорядки в высших учебных заведениях вспыхивали и утихали. И так как они утихали, то, казалось, все складывается к лучшему в этом лучшем из миров. Где-то вдалеке происходила не вызывавшая в нас почти никакого к себе интереса война Северо-Американских Соединенных Штатов с Испаниею[16].

---

[a] Вписано вместо: «17 января».

* * * * *

Какой был в ту пору состав правительства?

Выдающееся положение занимал пользовавшийся исключительным влиянием *и авторитетом умный, высоко образованный* крайний консерватор, синодальный обер-прокурор К. П. Победоносцев. Другую яркую фигуру представлял *исключительно* одаренный, сильный, полный *живой* инициативы*, прирожденный реформатор-прогрессист* министр финансов С. Ю. Витте[17]. Министром внутренних дел был в первый раз тогда назначенный на этот пост трижды к нему призывавшийся и от него отзывавшийся совершенно посредственный, типичный бюрократ-оппортунист И. Л. Горемыкин[18]. Министерство иностранных дел было вверено упомянутому выше графу М. Н. Муравьеву, а Министерство юстиции — его однофамильцу и родственнику Н. В. Муравьеву, выдвинувшемуся процессом 1 марта 1881 г.[19], человеку [а]талантливому[а], но отменно беспринципному. Министром земледелия и государственных имуществ был А. С. Ермолов, человек большой эрудиции*, солидных знаний* в области сельского хозяйства, *кристаллически* честный, прогрессивно настроенный, но без малейших данных для крупного административного поста. Лишали его этих данных слабость характера и излишние податливость и скромность, настолько ему вредившие, что с ним не считались, держали его в черном теле и ведомство его всегда во всем урезывали. Стоит ли называть морского министра? Должности этой как бы не существовало в то захватывавшее и данный период долгое время, в течение которого полномочным и безответственным хозяином морского ведомства был поставленный выше морского министра генерал-адмирал — в свое время вел<икий> кн<язь> Константин Николаевич, а потом вел<икий> кн<язь> Алексей Александрович. По спискам в ту пору, о которой идет речь, значился морским министром пользовавшийся в обществе репутациею вообще почтенного человека вице-адмирал П. П. Тыртов. По особенности своего положения он, как и его предшественники, никакой роли в правительстве не играл. Военным министром был только что назначен, взамен ушедшего в Государственный совет генерал-адъютанта Ванновского, генерал А. Н. Куропаткин. Умный, *честный,* основательный и образованный, знаток военного дела, он, на свое несчастие, явился объектом преувеличенных надежд в качестве бывшего начальника штаба популярного боевого генерала М. Д. Скобелева. По этой причине он был неосновательно заподозрен в талантах полководца. В действительности он этими талантами *ни в малейшей степени* не обладал. Другим новым лицом в правительстве был недавно в то время назначенный на пост министра народного просвещения с должности попечителя Московского учебного округа Н. П. Боголепов, сухой, непопулярный профессор Московского университета, которого был когда-то и ректором. Рекомендован был царю московским генерал-губернатором, великим князем Сергеем Александровичем. Говорили, был обязан карьерою высоким связям жены, урожденной светлейшей княжны Ливен. Направления был реакционного. Много данных, чтобы представить колоритную в правительстве фигуру, имел министр путей сообщения князь Хилков. В прошлом гвардейский офицер. Запутавшись

[а–а] Вписано вместо: «яркого таланта, несомненно государственной складки, умному, ловкому».

в долгах, отправился в Америку. Там *имел редкое мужество и терпение*, начав с кочегара, [a]дошел[a] до инженера путей сообщения. Гвардейский офицер, долгие годы рабочий, инженер. Казалось, яркая индивидуальность. А в правительстве совершенно бледная, безличная посредственность. Хороший техник путейского дела, он недурно правил путейским ведомством. Вот и все. Всю свою инициативу он, по-видимому, целиком и без остатка израсходовал в Америке на разрешение личного своего вопроса: как из прожигателя жизни сделаться человеком. Он и сделался человеком, но не государственным деятелем. Политической физиономии не имел никакой. По списку министром следует государственный контролер Т. И. Филиппов. О нем много говорено выше, но мало об его участии в правительстве. В нем он проявлял себя в качестве народника, церковника, приверженца самодержавия, славянофила.

Это были министры, так или иначе делавшие политику. Но были и такие, которые непосредственно ее не делали, отчасти по внеполитической компетенции, отчасти по личным свойствам. Но влияние на общее направление дел по близости своей к царю в той или иной степени они, разумеется, могли иметь, и некоторые имели. К числу этого особого рода министров в первую очередь принадлежал председатель Комитета министров, — не премьер, ибо объединенного кабинета в ту пору не существовало, а председатель образованного из министров законовещательного органа, сосуществовавшего с Государственным советом, для рассмотрения простейших, наиболее срочных, так называемых текущих законодательных дел. Председателем Комитета в то время был бывший министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново (не смешивать с Петром Николаевичем Дурново, более поздним министром внутренних дел в первом объединенном кабинете — Совете министров, образованном в 1905 году С. Ю. Витте под его председательством в качестве премьера). Почтенный был Иван Николаевич человек и очень сановный, большого роста, хорошей фигуры, солидного возраста, приятный в обращении. Добавить к этому нечего. Разве только, что его выдвинула благоволившая к нему вдовствовавшая императрица Мария Федоровна, близко знавшая Ивана Николаевича по ведомству женских институтов[20]. Далее следовал министр двора и уделов граф (в то время еще барон) В. Б. Фредерикс, [b]честный, прямой,[b] близкий к царю, но никогда этою близостью не злоупотреблявший, старавшийся ни во что непосредственно его не касавшееся не вмешиваться. Затем шли: главноуправляющий ведомством учреждений императрицы Марии (женские институты) генерал граф Н. А. Протасов-Бахметев, [c]особа совершенно[c] безличная, — высокий, скелетической наружности человек с застывшим лицом египетской мумии; главноуправляющий «собственною его величества канцеляриею» (инспекторскою, по назначениям, производствам в чины и по наградам) А. С. Танеев, консерватор, маленький, толстенький, ядовитый старичок, педант, музыкант-композитор, отец весьма исторической дамы А. А. Вырубовой; главноуправляющий Канцеляриею по принятию прошений (приносимых на имя царя) Д. С. Сипягин, весьма к царю приближенный, реакционер-царедворец, *барин-аристократ,* упрямый, властный, но прежде всего *крайне* ограниченный

[a–a] Вписано вместо: «дойти».
[b–b] Вписано вместо: «в высокой степени честный, порядочный человек, чрезвычайно».
[c–c] Вписано вместо: «фигура столь же высоко аристократическая, сколько».

человек; наконец, государственный секретарь (секретарь Государственного совета) В. К. Плеве — человек *яркого,* сильного темперамента, *большого опыта и веса,* приверженец реакционного курса.

Какие политические группировки образовывали перечисленные лица? Формально все они были консерваторами. Иначе не были бы призваны к власти. Но с оттенками, которые, однако, давали всего лишь две друг от друга отграниченные группы: 1) умеренных консерваторов, признававших эволюцию консерватизма в приспособлении к современности, и 2) крайних консерваторов, принципиально не допускавших компромиссов. К первой группе принадлежали С. Ю. Витте и А. С. Ермолов. И, пожалуй, идейно примыкали А. Н. Куропаткин, князь М. И. Хилков, барон В. Б. Фредерикс, в значительной мере бессознательно примыкал — гр. М. Н. Муравьев. Во вторую группу входило большинство: К. П. Победоносцев, Д. С. Сипягин, Н. П. Боголепов, В. К. Плеве, Т. И. Филиппов, И. Л. Горемыкин, Н. В. Муравьев, А. С. Танеев, И. Н. Дурново, граф Протасов-Бахметев.

Таким образом, большинство в правительстве составляли крайние консервативные элементы. Прогрессивный элемент сводился, в конце концов, к одной яркой индивидуальности С. Ю. Витте. А. С. Ермолов, как упоминалось, никакого веса в правительстве не имел. А. Н. Куропаткин был, как он сам любил себя называть, прежде всего солдатом, а барон В. Б. Фредерикс при его системе невмешательства мог считаться, на лучший конец, лишь сочувствующим умеренным прогрессивным течениям.

Такое правительство в его целом менее всего удовлетворяло условиям момента. Проводившийся политический курс находился, как уже упомянуто, в непримиримом противоречии с общественными настроениями.

Активным прогрессивным министром был, как указывалось, один С. Ю. Витте. И он дал России того времени ряд полезных реформ. Как, однако, ему удавалось осуществлять намечаемые им мероприятия при наличии столь крайне консервативного большинства в правительстве? На это отвечает поговорка: нет худа без добра. Не было объединенного правительства. Этот несомненный дефект в построении аппарата власти послужил в данном случае на пользу стране, дав ей использовать в возможно полной мере инициативу талантливого министра. При объединенном правительстве такой его состав, который оказывался в ту пору у власти, инициативу Витте, несомненно, парализовал бы — просто организованностью коллективного противодействия, тогда как разрозненным усилиям противников министра финансов опрокидывать его начинания не удавалось. Это им удалось только тогда, когда в равноценных с Витте положениях в рядах активных министров, делавших политику ex officio[a], оказались люди, равноценные ему и по силе темперамента, и по значительности удельного их веса в правительстве. Таким равноценным по положению и по значению лицом пока что был один только К. П. Победоносцев. Т. И. Филиппов соответствующим темпераментом не обладал и считал целесообразным поддержание с Витте кордиальных отношений, Н. В. Муравьев, как оппортунист par excellence[b], — тоже, а В. К. Плеве не мог выступить активным противником Витте по своему совершенно с ним неравно-

[a] По должности (лат.).
[b] По преимуществу (фр.).

ценному в ту пору положению, будучи не министром, а государственным секретарем. Об остальных министрах говорить не приходится. К. П. Победоносцев кое в чем осаживал Витте. И Витте отступал. Но до открытой борьбы влияний с Победоносцевым дела не доводил. В свою очередь, и последний кое в чем уступал Витте, отдавая, как умный человек, справедливую дань уму и таланту даровитого министра финансов. Достигнуто было и поддерживалось устойчивое равновесие влияний[21]. Оно было нарушено впоследствии с появлением у власти В. К. Плеве в должности министра внутренних дел. С этого момента положение Витте стало колебаться, и начавшаяся борьба влияний привела к первому падению Витте.

* * * * *

Когда говорилось о прогрессивности Витте, то последняя либеральною общественностью обычно оспаривалась ссылкою на предпринятую Витте в свое время кампанию против земств, выразившуюся в составлении по его поручению записки, содержавшей резкую их критику[22]. В ту пору земства были популярны quand même[a], поскольку непопулярно было правительство и его органы, которым земства противопоставлялись. Этого было достаточно, каковы бы ни были земства сами по себе, чтобы, ругая правительство, земства во что бы то ни стало превозносить. Поэтому всякое выступление против земств уже заранее презумптивно осуждалось как заведомое мракобесие. Нечего говорить о том, насколько непозволительно пристрастно было такое отношение к земствам со стороны даже той общественности, которая выделяла из себя земства. Пусть плохо было правительство, но если плохи были и земства, то об этом следовало не только писать, но и кричать наивозможно громко ради самих земств. А что греха таить, земства, фактически находившиеся в большинстве губерний преимущественно в руках отживавшего поместного дворянства, притом наименее стойких его элементов, были, за редкими исключениями, весьма плохи. Это окончательно доказал провал после Февральской революции руководящей общественности дореволюционной России[23]. Но это бросалось в глаза всякому сколько-нибудь беспристрастному наблюдателю русской жизни и задолго до революции, и ранее появления записки Витте. В самом деле, каковы были в огромном их большинстве руководящие земские люди и каковы земские дела в описываемую эпоху конца минувшего века? Сначала о людях. Руководящую в земствах роль играло поместное дворянство. Какие элементы оно выделяло в земства? Уже такова была традиция той удивительной страны, которая называлась Россиею, что помещичьи дети готовились родителями не к работе на земле, которая кормила дворянство, не к общественной деятельности на местах, а непременно к государственной службе. Окончил юноша гимназию или кадетский корпус, прошел университет или военное училище, и вот он чиновник или офицер и ушел и от земли, и от земства. И это была лучшая молодежь помещичьего класса. Не одолел другой молодой человек латинских исключений и греческих предлогов, либо квадратного уравнения и подобия треугольников, сорвался с традиционного пути, не нашел себе иного применения, ибо либо он малодушный и слабый, либо вовсе

[a] Несмотря ни на что (фр.).

дефективный, и начинается мука с его «устройством». Год, другой живет просто недорослем. На сельское хозяйство все-таки не натаскивается. При первой возможности поступает в полк вольноопределяющимся. Посылается в какое-нибудь второразрядное юнкерское училище и возвращается оттуда по прошествии некоторого времени с угольным галуном на рукаве шинели. Портупей-юнкер или что-то в этом роде. Он почти офицер, но прежде всего лодырь, ломающийся перед уездными барышнями. На этом кончается его военная карьера. Иногда на короткое время пробивается в младшие офицеры гарнизонного батальона. И снова на шее родителей. Вздыхает, мучается папаша. «Поддержимте такого-то, господа, — заявляет в кругу земских гласных какой-нибудь сердобольный сосед-помещик, — проведемте его сынка в управу». Сказано — сделано. Конкурентов нет. Преуспевший юноша сидит помощником столоначальника в казенной палате, в департаменте в Петербурге, или он, глядишь, гвардейский подпоручик или корнет и тянется к военной академии. Он в управу не пойдет. И худший отпрыск помещичьего класса, неудачник, лодырь проникает в земство. Через год-другой мы уже видим его на кресле председателя управы уездной, а погодя — губернской. Не одолев школы, не обладая никакими хозяйственными навыками, он, понятно, совершенно не оказывается на месте в роли заведующего обширным земским хозяйством. Больницы, школы, дороги, агрономическая помощь населению? Что ему до них и им до него? Заметьте, он и собственным хозяйством либо вовсе никогда не занимался, либо если занимался, то его расстроил или промотал. Земское хозяйство само по себе, а он сам по себе. А если попадется молодец, нечистый на руку, то он такую политику поведет, что, бывало, переплюнет первоклассного казенного растратчика и взяточника. Тут дело семейное. Папашины друзья пожалеют и покроют. Случится и так, что в земство попадет не никудышник и лодырь, а лишь не выдержавший дороговизны военной службы в гвардейском полку, в свое время закончивший военное образование и на службе преуспевавший во всех отношениях хороший офицер, интеллигентный, умный, порядочный. Но его участь горькая. Его готовили только и только к военной службе. И в помыслах не было, что, раз придется когда-нибудь хозяйничать на земле, то для этого надобно хоть сколько-нибудь знать и понимать хозяйство. Ничему по этой части его не обучали. И вот, с места, стащив с коня эскадронного командира, жизнь сажает его на землю и заставляет работать на земле. Но он ничего о земле не знает, и пока научится, сколько причинит своему хозяйству ущербов и вреда? Можно ли говорить о возможности для него с пользою служить земскому делу? А насколько такой офицер был выше и лучше преобладавших в земствах никудышников и лодырей. Так вот, они, за незначительными исключениями, — земские люди — будущие члены цензовой Государственной думы и Государственного совета по выборам — руководящая дореволюционная русская общественность! А земские дела? Приходилось ли вам разъезжать по дорогам и весям необъятной старой России прежних довоенных границ? Мне лично довелось изъездить в этих границах порядочные концы и в разных местностях широкого русского простора. Были губернии земские и неземские, казенного хозяйственного управления. Если вас трясло на ухабах, сваливало с повозкою с косогора, в страхе и трепете подбрасывало на упруго и весело танцевавшем настиле свайного моста или в объезд развалившегося моста проносило глубоким бродом, и вы, чудом уцелев, безнадежно застревали в невылазной трясине дорожной гря-

зи, вы смело, не справляясь, где едете, могли утверждать, что попали в земскую губернию. В неземской ваш путь был лишен красочных переживаний. Ехали вы и доезжали без закаливавших и обогащавших опыт приключений. В неземских губерниях и школы, и больницы были на приличной высоте. Сеть их была относительно густая и частая. В земских? В земских относительный порядок был в четырех восточных губерниях. Витте это казалось мало. Находил, что земское хозяйство должно быть в порядке везде. Упрекал за недостаток хозяйственной инициативы, за плохое хозяйство. И еще находил, что земские бюджеты свидетельствуют о несоответствии ничтожным результатам земского строительства и хозяйства затрачивавшихся земствами средств. Казна хозяйничала продуктивнее и *несоизмеримо* дешевле. Было это так. И отрицать земские неустройства не приходится. Прав или неправ был Витте? И следовало ли ему закрывать глаза на земские пороки? Он поднял голос отнюдь не против института, а против непорядка. Записку о земствах ему составлял в земских делах и в постановке земского дела компетентный, работавший в этой области профессор б<ывшего> Демидовского юридического лицея в Ярославле М. А. Липинский.

* * * * *

Каковы были в описываемую эпоху последних годов конца XIX века политические настроения того общественного слоя, который являлся так называемым правящим классом дореволюционной России?

Самые разнообразные. Начиная от абсолютного индифферентизма и от крайне правых до реформистски левых, в зависимости от разных социальных и профессиональных группировок, на которые разбился этот слой, при отсутствии единого руководящего классового сознания. Ибо не было уже в ту пору сословного правящего класса как организованного целого. Хозяином положения становился торгово-промышленный и финансовый капитал.

Некогда был в России правящим дворянский класс. Но в описываемые годы дворянство как сословная организация перестало существовать. Процесс дворянского оскудения в эти годы уже завершился — подозревавшеюся, но в момент ее наступления оставшеюся незамеченною современниками смертью сословия. Производившиеся попытки его оживить были потому именно безрезультатны, что производились не над умирающим, а над трупом. Остались люди, имевшие свидетельство о приписке к дворянскому сословию, и окраинное прибалтийское дворянство, но российского дворянского сословия не было. Остались дооскудевавшие помещики заложенных и перезаложенных имений, из дворян обратившиеся в приказчиков земельных банков. Удержавшие состояние аристократические верхи, весьма немногочисленные, в значительной части представленные балтийскими немцами, сгруппировались вокруг трона. Образовали касту царедворцев, использовавших близость к верховной власти в обслуживание и ограждение личных своих интересов. Наросла оторвавшаяся от дворянского землевладения сильная бюрократия. Выдающееся положение занимали в ней многочисленные выходцы из других сословий. Сословных перегородок на гражданской службе не существовало, поскольку бюрократии было жизненно необходимо привлечение талантов. Однородно-целостным было гвардейское офицерство, пополнявшееся

исключительно лицами дворянского происхождения. В армии офицеры из дворян не преобладали. Оторвавшиеся и полуоторвавшиеся от дворянского землевладения помещики достойно украшали собою академии и профессуру высших учебных заведений. Были среди них выдающиеся ученые, писатели, художники, артисты, врачи, инженеры и др. Дворяне, доживавшие на земле в качестве, как упомянуто, приказчиков земельных банков, представляли собою наиболее инертный, наименее стойкий и жизнеспособный элемент, оставшийся от прежнего сословия. Заполняя местные земские и городские учреждения, они представляли собою российскую «общественность». Российское купечество выдвинуло в городах новое просвещенное, европеизированное поколение. Но просвещенность его была чисто внешнею. В основе его деятельности в описываемую эпоху все же лежала унаследованная от отцов и дедов свойственная вообще торгово-промышленной экспансии жажда стяжания. Просвещенности не хватало умерять эту жажду. Перед наступлением революции это модернизированное поколение русских купцов уже не подчиняло себе приобретавший гипертрофическое развитие капитал, которым владело, а под влиянием осложнившейся экономической обстановки и нездоровых авантюристских финансовых воздействий само оказалось во власти капитала, утратив инициативу и уносясь по течению.

В основе всего лежали эгоизм и зависть. Круги, обязанные своим благосостоянием старому строю, поддерживали его. Люди подальновиднее задумывались над тем, насколько их обеспечивает данный строй на будущее время. Однако в то время, о котором идет речь, были лишь предвозвестники потрясений, и они не были убедительны для большинства в качестве угрозы строю, аргументированному веками. Поэтому из людей, которых этот строй кормил, большая часть не только стояла за него, но, отгородившись от вопроса о реформах, поставленного в конце царствования Александра II, всем царствованием Александра III и началом царствования Николая II, считала нежелательными и вредными какие бы то ни было изменения в формах и порядках управления. К числу людей, обязанных своим благосостоянием именно данному строю, принадлежали образовавшие касту царедворцев аристократические верхи и верхи бюрократии и офицерства. Большинство лиц этих состояний были настроены политически консервативно. Также были настроены, в силу преимущественно кастовой сплоченности, далеко не во всех случаях сытые при прежнем строе офицерские низы. Немногие более дальновидные люди, стоя принципиально за данный строй, признавали необходимыми в целях его сохранения подсказывавшиеся ростом страны и изменившеюся обстановкою реформы. Многие, усыпленные видимостью спокойствия, проявляли абсолютный политический индифферентизм.

Оппозиционно были настроены профессора, писатели, художники, артисты, врачи, инженеры. К этому их обязывала принадлежность к определенным профессиональным группировкам, оппозиционным par excellence.

Земская и городская общественность? На то она и была общественностью, чтобы быть непременно оппозиционною. Валить режим эта общественность не хотела. Крайности ее пугали. Но реформы подавай. И такие, которые диктовались завистью общественников к бюрократическим верхам. Хотим занять ваши кресла! Старое, но куда как жизненное: ôte-toi pour que je m'y mette[a].

[a] Уйди прочь, чтобы я занял твое место (фр.).

Модернизированные промышленники также были настроены оппозиционно. Этого требовала европейская просвещенность. И также завистливо смущали курульные кресла. Хотели участвовать в законодательстве и в управлении. Но направленных к улучшению рабочего быта законодательных мер не желали, ограничиваясь мелкими подачками рабочим в порядке хозяйской милости.

Между тем рабочий вопрос стал перед властью крайне остро и настойчиво требовал разрешения. Рабочие пропагандировались и волновались. Учащаяся молодежь тоже. Крестьянин хотел земли. В некоторых местностях сказывался подлинный земельный голод. И надо было во что бы то ни стало его утолить. Но ничего в этом отношении не предпринималось. Больными были вопросы окраинных национальностей, еврейский вопрос и др.

Недовольною из-за относительно скудного заработка, а потому оппозиционною была масса мелких служащих государственных установлений, для которой низкий образовательный ценз преграждал доступ к лучше оплачивавшимся старшим должностям. Численно эта масса была значительна. И к ней примыкали находившиеся приблизительно в одинаковых условиях мелкие служащие земских, городских и других общественных организаций, частных установлений и предприятий.

* * * * *

Возвращаясь к событиям 1898 г., отмечу, что правительство деятельно занялось дальневосточною экспансиею в связи с занятием Порт-Артура и Талиенвана и состоявшимся соглашением с Китаем о проведении нами через Маньчжурию железной дороги, имевшей связать эти пункты с нашею Сибирскою магистралью (Восточной Китайской жел<езной> дор<оги>)[24]. Мы занялись и Кореею, стремясь, как это пытались объяснить, обеспечить ее независимость от посягательств Японии. Для охраны корейского императора мы даже «дружественно» ввели в Корею наши войска. Но неблагодарный корейский император остался этим недоволен. Согласно выраженному им желанию мы вывели войска из Сеула[25]. Помню, как в Петербурге в обществе чрезвычайно по этому поводу возмущались: и черной неблагодарностью корейского императора, и коварными происками японцев, и чрезмерной нашей деликатностью и уступчивостью.

Глава 5.
1899 год

Проникновение в Маньчжурию. Работа по постройке Восточной Китайской жел<езной> дор<оги>. Первая сдача в архив министра Горемыкина. Замена его на посту министра внутренних дел реакционером, главноуправляющим Комиссиею прошений Д. С. Сипягиным. Две смерти: брата царя наследника Георгия Александровича и государственного контролера Т. И. Филиппова. Наследником объявляется младший брат царя Михаил Александрович. *Новым государственным контролером назначается член Государственного совета генерал П. Л. Лобко, личность совершенно тусклая. Нового слова в Государственном контроле не произнес. Вокальными данными чинов вверенного ему ведомства не заинтересовался*. Внимание русского общества сосредоточивается на южно-африканских республиках «буров», в связи с нажимом на них со стороны пожелавшей аннексировать их Англии. Вспыхивает англо-бурская война[1]. Все симпатии на стороне *отважных* буров. Нет пределов негодования алчной и бесчеловечной политике Англии. Первые успехи буров восторженно *и шумно* приветствуются. Поражения англичан в начале войны вызывают *столь же* шумное злорадство.

В тот этап франко-русских нежностей было еще далеко до комбинации тройственного согласия при участии Англии[2]. Другом дома в ее лице Франция и Россия еще не обзавелись. Мы еще не любили Англию любовью позднейших лет, предшествовавших и сопутствовавших мировой войне. Напротив, традиционно убежденные, что Англия в своем столь же коварном, сколько великолепном одиночестве всем и повсюду традиционно «гадит», русские были настроены определенно враждебно по отношению к англичанам. Но императрица Александра Федоровна, внучка и воспитанница умершей английской королевы Виктории, была весьма привержена к Англии и близка к английскому королевскому дому. Вдовствовавшая императрица Мария Федоровна была родною сестрою английской королевы, супруги короля Эдуарда. Следовательно, царь Николай II был племянником английской королевской четы. Отношения между царствовавшими домами были кордиальные и близкие. Обстоятельство это нейтрализовало враждебную настроенность к Англии русских общественных кругов. Между тем, при всей несоизмеримости сил великодержавной Англии и маленьких бурских

республик, далекая от английской базы война вызывала со стороны Англии чрезвычайное напряжение. Англия испытывала затруднения, давно не бывалые. Поколебалась, чего никак не ожидалось, от казавшейся пустяковой военной экспедиции устойчивость финансов Соединенного Королевства. *Золотое обеспечение английского банка понизилось против нормального соотношения к комиссии.* Систематические поражения в начале войны, с большими потерями, потребовали не ожидавшейся мобилизации чрезвычайных комплектований. И настроение отправлявшихся войск, деморализованных поражениями английских сил на театре войны, было неважное. Если уверенность в окончательной победе над южно-африканскими фермерами не покидала великодержавного английского правительства, справедливо рассуждавшего, что успех всякого дела зависит от размера вложенного в него капитала, и что в конце концов английские фунты обставят войну таким внушительным оборудованием, при котором предприятие свою задачу все-таки выполнит, то отправлявшиеся в Южную Африку английские новые комплектования этой уверенности не разделяли.

Англия была затруднена. Всецело сосредоточена на южно-африканской войне, и для иных внешних воздействий руки Англии были связаны. Моментом этим могли бы воспользоваться те, которым Англия систематически вставляла палки в колеса, для того, чтобы от этих палок колеса освободить. Естественные соседи Персии, мы были стеснены в нашем экономическом проникновении в страну теми границами, которые императивно ставила нам Англия. В сопредельном нам Афганистане Англия не допускала даже консульского нашего представительства. Мы покорялись. И чтобы иметь хоть какое-нибудь политическое наблюдение на границе, какой-нибудь орган политического осведомления, оказывались вынужденными прибегать к унизительной уловке переодевания наших политических агентов в санитары устроенного нами на афганской границе противочумного кордона. Англия была вообще к нам строга и чрезмерно, не по нашей простоте, подозрительна. Можно было бы воспользоваться моментом для некоторого ослабления режима, усвоенного по отношению к нам Англиею в сфере соприкосновения ее и наших интересов. Когда доведенное до соответственных размеров оборудование Англиею войны, закончившейся в 1900 г. разгромом и захватом англичанами бурских республик, стало давать Англии перевес на театре военных действий, германский император Вильгельм II проектировал было совместное с нами дипломатическое «дружественное» вмешательство в англо-бурский конфликт *в целях его мирной ликвидации во спасение буров*[3]. Соответствующее выступление явилось бы поводом для «доверительного» обмена мнениями с Англиею по ряду вопросов, интересных и для России, и для Германии. Но в силу приязни нашего двора к английскому и отсутствия симпатий (по меньшей мере) у царя к императору Вильгельму, мы от предложенного выступления уклонились. Не поддержанный нами император Вильгельм один на вмешательство в английские дела не пошел.

* * * * *

Явно разбойничья, со стороны Англии, англо-бурская война была первым и по времени немедленным ответом великих держав на лицемерно ими поддер-

жанный «великодушный почин русского императора», в том же 1899 г. предложившего учредить в Гааге международное судилище для третейского разбирательства международных конфликтов[4].

Упразднявший войну «почин» успеха не имел. «Мирные» конференции собирались, заседали. Произносились хорошие слова; но им не верили прежде всего те, кто слова эти произносил. И никто серьезно к «почину» не относился. О нем мало и говорили. Если же упоминали, то преимущественно с насмешкою, и не добродушною, а злою.

Летом 1899 г., *так же как и в 1898 г.*, я ездил за границу. В поезде, от пограничной станции Эйдкунен на Берлин, разговорился с подсевшим в Кенигсберге пруссаком-помещиком. Узнав, что я русский, он заговорил сначала осторожно, но с явною ирониею о нашем мирном «почине». Мне было интересно дать ему высказаться. Репликами моими я вызывал его на откровенность. Постепенно разгорячась, перейдя от иронии к сарказму, он набросился на почин с нескрываемым ожесточением. «Упразднение войны? Вы ее не выкинете из оборота народов вашими детскими бреднями. Прежде всего, мы войну хотим. У меня пять сыновей, и если завтра у нас будет война с Россиею, то я всех сыновей до одного брошу на войну с вами». Это был крик души. И говорил со мною немец не единичный, не случайный, а насквозь пропитанный милитаризмом собирательный немец. И не имело значения то обстоятельство, что это был немец-помещик, а не пролетарий. В сознании и немецкого пролетариата преобладал в то время воинствующий национализм. Интернационалистов было относительно мало, и они *совершенно* не отражали настроения страны[a].

Берлин — город утонченной культуры, идеальной опрятности и чистоты, великолепных зданий, роскошных садов, сказочной налаженности необычайного комфорта, доступности, дешевизны всех благ совершенной цивилизации. От него мой путь лежал через величавые красоты саксонской Швейцарии к богемской курортной группе Карлсбада, Франценсбада, Мариенбада. Удобно, хорошо налажено, но как далеко этим излюбленным европейским курортам до великолепия наших бальнеологических устройств Пятигорска, Кисловодска, Ессентуков *и даже Железноводска*. Посетил близлежащий к Франценсбаду городишко Егер с единственною его достопримечательностью — старинным замком Валленштейна, убитого в Егере в XVII веке. Постройка замка, видимо, относится к значительно более ранней эпохе. Каким могильным холодом, какою кладбищенскою тоскою веет от мрачных его стен. Неужели жили в нем живые люди?! Неужели жила молодость, радость, любовь, раздавался смех, звучали поцелуи и песни? Не осталось и безмолвных свидетелей радостей жизни. Но остались *казематы со вделанными в стены концами тяжелых цепей,* люки-ублиетки, разверзавшие перед обреченною жертвою свою черную пасть из тьмы глубоких подземных колодцев. От сырой их затхлости веет по сейчас ужасом бесчеловечных пыток и казней. Карлсбадский Шпрудель. Ресторан Пуп'а у подножья вертикального отвеса густо заросшей лесом горы. Разнообразие военных форм лоскутной Австрийской империи вплоть до совершенно маскарадных нарядов. Своеобразный

[a] Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (один абзац), приложенный к основной их рукописи и относящийся, по-видимому, к данному путешествию.

убор монахов в средневековых широченных плоских шляпах. Евреи в лапсердаках до пят, меховых шапках, с длинными пейсами. И музыка, музыка без конца, с шести часов утра, собирающая курортников на утренние ванны и гремящая до поздней ночи в садах и курзалах. Неважные обеды, недурное вино, кофе, шоколад с пирожным и великолепный нежный schinken в крошечных аппетитных окороках. Прага, Вена — прелестный город ровного серого гранита, роскошных парков, желтого от песочной мути Дуная. Карпаты, синеющие облаком на фоне горизонта, Тржбиня, наше (бывшее) Александрово, свирепый таможенный осмотр, какого не бывало нигде за границей и даже в нашем (также бывшем) Вержболове. Поезд в Варшаву. Утро в Варшаве. Я жил в ней ребенком в семидесятых годах, когда Уяздовская аллея была действительно аллеею с садами, пустырями и плацами для маневрирования войск по бокам. Теперь — роскошная сплошная застройка, утопающая в цветниках и садах. Бельведер, Лазенки — совершенно Берлинский Тиргартен. В центре города — прелестный Новый Плац, Саксонский сад, цитадель, дворцы, цукерни на открытом воздухе, столичного типа гостиницы, магазины. Брест, Смоленск, Калуга, отдых в имении в гостях в Калужском уезде, Москва, и круг смыкается в Петербурге.

Глава 6.
1900 год

Буры разгромлены. Насилие доведено до конца. Мы хозяйничаем в Китае. Лихорадочно сооружается южная железнодорожная ветвь от Харбина к Мукдену и далее к Порт-Артуру. Организована Восточная компания океанского пароходства. Закладывается город Дальний. Все по договору с китайским правительством[1]. Но народу Недвижного Китая наша экспансия не по нраву. Загадочный народ по-китайски вежливо улыбается, но за улыбкою нарастает клокочущий гнев. Боксеры...[2] Они вступают в Пекин. Громят иностранные концессии. Нападают на посольства, осаждают их. Германский посланник убит. Если не явится скорая помощь — беспощадная, беспримерная по жестокости китайская расправа угрожает всему дипломатическому корпусу с семьями, с охраною.

В Петербурге министр иностранных дел граф Муравьев всполошился, чует, что доигрался. В течение многих уже лет пьет много шампанского. От расстройства чувств приналегает на него не в меру. Надорванное шампанским режимом, преждевременно состарившееся сердце эксцесса не выдерживает. Наутро министр внезапно умирает от удара[3]. *Падает монокль. Беспомощно вытягиваются одетые в светлые гамаши ноги. Министра нет.* Воплощенного недоразумения, лихо набедокурившего, не стало. Управляющим ведомством назначается товарищ министра, кабинетный человек, никогда за границею по ведомству не служивший, по образованию камер-паж, *по склонности гомосексуалист,* балтийский помещик граф Владимир Николаевич Ламздорф. Товарищем министра становится князь Валериан Сергеевич Оболенский-Нелединский-Мелецкий, старшим советником на правах товарища министра — директор Азиятского департамента, упоминавшийся выше левантинец Базили, вскоре, за смертью, замененный совершенною уже бездарностью, посланником в Тегеране Кимоном Эммануиловичем Аргиропуло.

Боксеры обстреливают иностранные суда в Таку. Производят нападение на охрану нашей строящейся железной дороги. Теснят генерала Стесселя. На помощь ему спешит английский адмирал Сеймур. Под начальством Стесселя организуется из европейского десанта с участием японских войск международный отряд, отбрасывающий боксеров от Тяньцзина и форсированным маршем на-

правляющийся в Пекин на выручку иностранных миссий. Еле-еле поспел отряд. Боксерское восстание пока что благополучно подавлено. Для безопасности дороги и наших учреждений в Китае мы оккупировали Маньчжурию[4]. Усмирители боксеров пошарили и пограбили страну.

* * * * *

Еще зимою по заранее вырабатывавшемуся годовому расписанию дипломатических курьерских отправлений выпала на мою долю поездка в июле курьером в Берлин, Париж и Лондон. Курьеры из чиновников центрального ведомства в порядке очереди по двое выезжали из Петербурга каждые две недели, один по пришедшемуся на меня маршруту, другой — от Берлина на Вену и Рим. Почта по другим назначениям передавалась далее нашими посольствами в перечисленных столичных городах. Заокеанская экспедиция сдавалась на океанские пароходы.

Накануне отъезда являюсь за инструкциями к директору канцелярии министерства Платону Львовичу Вакселю. «Дипломатический паспорт и курьерскую дачу деньгами на 1000 руб. на оплату в оба конца как вашего пути, так и багажа, сколько его окажется, вы получите сейчас. Разница идет на ваше содержание по командировке. Дипломатическая вализа и квитанция на сданный дипломатический багаж будут вам вручены курьером канцелярии на Варшавском вокзале перед отходом вашего поезда завтра в 11 час. вечера. Озаботьтесь только железнодорожным билетом. Возьмите его сами или поручите взять курьеру. Вализу с депешами иметь при себе. За нее вы отвечаете. Часть экспедиции будет от вас взята в Берлине, часть в Париже, остальное отвезете в Лондон. Там вы остаетесь три дня, чтобы забрать тамошнюю экспедицию нашего посольства, которую сдадите посольству в Париже. В Париже вы остановитесь на обратном пути на две недели. Предоставьте себя в распоряжение посольства на случай экстренных работ, в которых понадобилось бы ваше участие. *От посольства получите, сверх дачи, за время пребывания в Париже по 4 р. 50 коп. суточных. Остальное скажут в Париже*». Вся эта тирада выпаливается Вакселем скороговоркою на французском языке. «Ясно?» — «Все ясно, — отвечаю я. — Но кому сдать вализу в Берлине? Я туда попаду в 6 час<ов> утра, а в 8 должен ехать дальше в Париж. Посольство вследствие раннего времени будет, очевидно, закрыто. Как добраться хотя бы до одного из секретарей?» Ваксель делает круглые глаза. «Как, вы собираетесь будить этих господ? Что вы! Вализу вы сдадите на вокзале, по прибытии, рассыльному посольства Юлиусу, который будет вас встречать. Все знают Юлиуса». — «Но я-то ведь еду в первый раз. Юлиуса не знаю. Слышу о нем впервые. Я его не найду». — «Но он-то найдет вас и признает по вашей вализе, с которою хорошо знаком». — «А предъявит ли он мне хоть какой-нибудь документ, удостоверяющий, что я сдаю вализу именно Юлиусу, а не какому-нибудь немецкому шпиону? Мне ведь будет беспокойно». — «Милый друг, вы беспокоитесь понапрасну. Сотни раз дипломатические курьеры сдавали так вализу и именно Юлиусу, и никогда никаких недоразумений не происходило. Поезжайте с миром. Всяких благ. Сейчас распоряжусь выдачею вам денег и паспорта. И то, и другое получите в казначейской части. Всего хорошего».

Задумчиво шествую в казначейскую часть, где получаю 1000 руб. На паспорт — большой лист пергаментной белой бумаги с государственным гербом — накладывается штемпельная государственная малая печать, и паспорт мне выдается. Иду на городскую станцию железных дорог, покупаю билет. Купил и все раздумываю о Юлиусе. Как это так, секретная переписка, *которую не решаются доверить даже шифру при условии передачи по почте или телеграфу,* и вдруг я должен сдать ее в Берлине какому-то совершенно неизвестному мне лицу, да еще немцу. Хоть бы русский был рассыльный у посольства! А то так вот и будет! Подойдет ко мне некий немец, скажет: а подайте-ка мне вашу ализу с наисекретнейшими документами*, интересными для немцев.* И я отдам. Прекрасно, пусть, в конце концов, подойдет ко мне и отберет ализу именно Юлиус. Мне представится возможным в этом убедиться, если то же самое лицо сдаст мне через час, через полтора ализу обратно*, соответственно облегченную изъятием почты, адресованной в Берлин,* и будет провожать меня далее в Париж. Но какая же*, уж не у меня, а* у русского Министерства иностранных дел гарантия в том, что, получив от меня ализу, немец Юлиус по дороге в посольство не зайдет в германское Министерство иностранных дел, где все документы будут вмиг сфотографированы. Ведь это может не произойти единственно в том только случае, если немцы знают наверно, убедились в том, что пересылаемые с дипломатическою ализою наши секреты ровно ничего не стоят. Последнее мне представляется невероятным. Поэтому я никак не могу признать опасения мои неосновательными. Хороши, за всем тем, были порядки, при которых высылался русским посольством отбирать ализу от дипломатического курьера немец-рассыльный Юлиус, а не ответственный секретарь посольства, хотя бы и в 6 часов утра, всего-то один раз в две недели, да хотя бы и каждый день. Секретари могли бы чередоваться. «Что вы, что вы, — припоминается возглас удивленного и перепуганного П. Л. Вакселя, — как можно будить этих господ!»

На Варшавском вокзале встречает меня курьер канцелярии с пресловутою ализою в руках. Ализа представляет собою простой, но весьма объемистый брезентовый портфель с замком, закрытый на ключ, очень тяжелый. Бумаг, видимо, уйма. Курьер просит дать ему денег на отправку дипломатического багажа. «Сколько?» — «До Берлина. Там новая отправка. Много ящиков. Дайте 100 р. Может быть, будет сдача». Даю. Курьер уходит, оставляя мне ализу. У носильщика мой чемодан. *Задумываюсь*. Только до Берлина за багаж 100 р. А дальше? А обратный багаж? Сколько же мне останется от дачи на мои личные расходы по командировке за оплатою дорого стоящего проезда? И какой такой я должен везти багаж? Что, собственно, он собою представляет? *Спросить уже на вокзале у курьера счел неудобным.* Только в Лондоне, уезжая обратно, я получил ответ на последний вопрос. Мне любезно объяснили, что оттуда пойдут со мною два тяжелых ящика охотничьих ружей для великого князя Владимира Александровича, ящик с седлами и конской упряжью, отправляемый в Петербург послом бароном Стаалем его дочери, графине Орловой-Давыдовой, посылки разных дипломатов в Россию своим родным и друзьям и все в этом роде. Посылалось это именно с дипломатическим курьером, а не как-нибудь иначе, главным образом потому, что багаж, следующий с дипломатическим курьером, за дипломатическими печатями, повсюду пропускается на всех таможнях без осмотра и беспошлинно, во-вторых, по той причине, что, поскольку оплачивать провоз багажа должен дипломатиче-

ский курьер, отправителю багаж может ничего не стоить. От доброй воли отправителя зависело возместить или не возместить дипломатическому курьеру расход за провоз подобного совершенно частного, отнюдь не дипломатического багажа. Я заплатил за багаж в оба конца что-то около 350 р. Говорили, мне не повезло. А получил в Петербурге через канцелярию министерства в возмещение моих издержек какие-то несчастные 10 р. от оставшихся мне неизвестными каких-то особо совестливых лиц. Остальной багаж, включая ружья великого князя и седла посла, прокатился за мой счет без возмещения. Из России за границу я, очевидно, вез аналогичный багаж великокняжеским родственникам, вельможный и дипломатический — родным, друзьям, просто знакомым отправителей.

Еду с тяжелою вализою, с тревожными мыслями по поводу предстоящей встречи в Берлине с Юлиусом, *далеко не в том приподнятом настроении, в котором всего какой-нибудь месяц тому назад ехал по той же дороге в деревню, в Ковенскую губернию, отдохнуть*. Проезжаю ночью Лугу, Псков, за день Двинск, Вильну, Ковну. К вечеру прикатываем к Вержболову. Осмотр паспортов. Эйдкунен, таможня. Предъявляю паспорт. Любезно пропускают, не осматривая и лишенного дипломатической неприкосновенности личного моего чемодана. Выезжаем из Эйдкунена уже незадолго до сумерек. Утром, без нескольких минут в 6 часов выхожу из вагона на Central Bahnhof у Фридрихштрассе с вализою в руке. Приближается ко мне партикулярно одетый, без пальто, в соломенной шляпе рослый светловолосый индивидуум с усами без бороды, военной выправки. Рекомендуется Юлиусом. Тянется к вализе. Я ее отдаю ему. Просит багажную квитанцию. Тоже даю. Советует зайти куда-нибудь выпить кофе, погулять. Времени еще много. 6 часов. А на Париж поезд идет с того же вокзала в 8 час<ов>. Просит только вернуться на вокзал не менее как за четверть часа до отхода поезда. Обещаю вернуться за полчаса. Интуитивно чувствую, что встретил меня именно Юлиус, а не кто-либо другой, предварительно изъявший Юлиуса. А что будет делать Юлиус с моею вализою до возвращения ее мне, это становится для меня уже безразличным. Опасения свои Вакселю я высказал, встретив с его стороны лишь недоумение по поводу показавшегося ему неуместным и наивным моего желания сдать секретную почту в надежные руки. И не мне, в ту пору маленькому чиновнику ведомства, было ломать издавна и прочно установленный канцелярией министерства беспорядок, впоследствии, несколько лет спустя, все-таки обративший на себя внимание кого следует и в конце концов устраненный. Повидимому, однако, более приличия ради, ибо по существу, как довелось во благовремении осведомиться, пересылавшиеся с дипломатическою вализою наши секреты действительно мало чего стоили. Подлинные секреты шли шифрованными депешами, передававшимися по телеграфу.

Выпил кофе. Погулял по Фридрихштрассе и Унтер ден Линден. Порядок и чистота всюду образцовые. Вернулся на вокзал. Вскоре пришел Юлиус. Пошел сдавать багаж. Следую за ним. Вижу целую гору ящиков. «Дайте таллер (три марки)». Даю. Юлиус сует таллер весовщику. Шепчет мне: «Багаж пойдет за половину веса». Взятка. Немцы, стало быть, берут. Идем с Юлиусом наверх к рельсам. Примчался поезд. Останавливается ровно на одну минуту. Юлиус вручает мне вализу, наполовину уменьшившуюся в объеме, багажную квитанцию. Носильщик водружает в вагон мой чемодан и сажает меня на мое место. Локомотив свистит. Мчимся к Парижу.

В Париже утром меня встречает местный, парижский Юлиус. Тот немец. Этот француз. Опять никого из чинов посольства не вижу. Должен в это же утро ехать далее в Кале, оттуда пароходом в Дувр и из Дувра в Лондон на Викториястэшен. Уже беспрекословно, не расспрашивая и сам не задаваясь никакими недоуменными вопросами, сдаю вализу парижскому Юлиусу. *Несет он ее в посольство прямо, или предварительно зайдя во французское Министерство иностранных дел, этого я уже не касаюсь.* Переболел берлинским Юлиусом, и с меня довольно. Парижский Юлиус возвращается ко мне с еще похудевшею вализою. Отобрана почта на Париж. Сдает мне вализу и спроваживает в Кале. Кале ничего интересного собою не представляет. Довольно грязный и неряшливый порт. Сажусь на пароход. Обычно пугают беспокойным переходом из-за морского волнения со всеми неприятными последствиями. Но погода дивная. Море спокойное. Сижу на палубе. Как только скрывается на горизонте, постепенно превращаясь в тающее облачко, французский берег, тотчас с противоположной стороны выплывает едва заметная полоска английского берега. Она быстро увеличивается и вырастает в высокий, нависший над морем откос Дувра. Поднимаемся. Наверху стоят наготове два поезда по одному и тому же назначению в Лондон, но в разные части города. Настолько он велик, что эти разные его части представляют собою отдаленные друг от друга как бы разные города. Сажусь в поезд по назначению на Виктория-стэшен у Виктория-стрит. Начинается бешеная скачка. Невозможно удержать в неподвижности ног своих. Их бросает из стороны в сторону. Поезд летит так, что, кажется, скатывается в бездну. Не замедляет хода и на закруглениях пути, настолько крутых, что вы вдруг видите мчащимся сбоку паровоз вашего же поезда. Вначале, с непривычки к такой сумасшедшей скачке, мысленно готовишься к представляющейся неминуемою катастрофе. Потом уравнодушиваешься. И тупо ждешь конца мучений. Читать невозможно. Если и ног не удержать, то тем менее удержишь в руках книгу. Да из-за тряски и глаз не остановишь на строках. Но всему приходит конец. Оканчиваются и два часа безумной скачки поезда. Влетаем в Виктория-стэшен. Появляется лондонский Юлиус в виде маленького скромненького старичка. Сдаю ему вализу и багажную квитанцию. Уж вечер. Обещаю зайти в посольство завтра поутру. Юлиус рекомендует пожаловать не ранее третьего часа.

Останавливаюсь в гостинице близ Виктория-стрит. Наскоро обедаю, беру ванну и заваливаюсь спать. Встаю поздно. После завтрака и небольшой прогулки беру кеб и еду в посольство. Посла в городе нет. Застаю советника Лессара, вскоре затем назначенного посланником нашим в Китае, умного, способного, дельного. Секретарей и атташе по случаю летнего времени и отсутствия посла никого нет. Кроме Лессара один только какой-то нештатный служащий, да старичок — лондонский Юлиус. После непродолжительной беседы с Лессаром покидаю посольство с тем, чтобы уже не возвращаться. На послезавтра поутру к поезду в Дувр назначается моя встреча на Виктория-стэшен с лондонским Юлиусом, который придет меня проводить, сдаст мне вализу и отправит следующий со мною багаж.

Остаток дня и весь следующий день посвящаю прогулкам по Лондону в кебе, проезжая по лучшим улицам, объезжая парки, сады, любуясь величественными историческими зданиями, памятниками, утопающими в зелени берегами Темзы, перекинутыми через нее замечательными мостами. Погода дивная. На небе ни облачка. Не верится, чтобы этот залитый солнцем сияющий город мог в другую,

осеннюю либо зимнюю пору быть ввергнут в темную ночь непроницаемых мглистых туманов.

Из Лондона в Дувр поезд несся не с тою безумною скоростью, с которою примчал меня в великобританскую столицу. В Кале я садился на английский пароход. В Дувре меня принял на борт пароход французский. Переезд совершился и на этот раз в условиях прежней прекрасной погоды. Не было ни малейшей качки. В Париже на вокзале меня встретил знакомый уже мне парижский Юлиус.

Остановился в Hotel du Helder, на улице того же наименования между бульварами des Italiens и Hausmann, в самом центре города. Хорошо пообедав и переночевав, я на следующий день отправился в посольство. Посла Моренгейма в это время в Париже не было. Он отсутствовал, как отсутствовал в Лондоне его тамошний коллега барон Стааль. Но персонал посольства был почти весь налицо. Я застал в посольстве являвшегося в отсутствие посла поверенным в делах советника Нарышкина, первого секретаря Свечина, второго секретаря графа Бреверна де ля Гарди, нескольких атташе, в числе их молодого, словоохотливого Юрьевича. Вся компания из-за жаркой погоды в одних цветных рубашках, сняв пиджаки и жилеты, сидела на лишенных малейших признаков работы канцелярских столах. Не было на них и какой-нибудь одной завалящейся бумажки. А ведь накануне к вечеру я привез кое-какие бумажки из Лондона. Впрочем, бумага, как дичь, только тогда хороша, когда основательно вылежится. И на все свое время. Припоминается рассказ посла в Вене графа П. А. Капниста. Возвращаясь как-то утром в посольство после раннего выхода из него, встречает в дверях выходящего секретаря, хотя не умного, но отнюдь не наглого Н. Н. Столыпина. Посол извлекает из кармана полученную им депешу. Останавливает секретаря и просит сделать срочное исполнение. «Милый граф, сейчас это совершенно невозможно. От 11 часов до 12 я гуляю, а сегодня собираюсь к тому же взять после прогулки ванну. Распорядился, чтобы мне ее приготовили. Когда с прогулкою, ванною и завтраком покончу, отдамся в ваше распоряжение». Дипломатические нравы были, в виде общего правила, за редкими исключениями, столь утонченно любезны, столь чужды напрашивавшегося в настоящем случае всего менее любезного внушения, что остолбенелый посол не нашелся и, промолчав, поручил срочное дело другому своему сотруднику. Так вот было и сейчас. Собрались, сели на столы. Бумагами займутся потом. Сидели, болтая ногами, перебрасываясь замечаниями о вчерашних выходах в свет, о перспективах сегодняшнего совместного выступления где-то и у кого-то. Какие это выступления, мне не объясняют. Принять участие в разговоре о совершенно чуждых мне предметах не могу. И сразу делается скучно. Экстренною работою, которая требовала бы моей помощи в усиление переобремененного состава посольства, как видно, и не пахло. Поэтому, дабы не возбудить веселья, разделить которое с приличною искренностью мне было бы трудно, я от предложения сотрудничества воздержался. Завелся у меня разговор об общих знакомых со Свечиным и Юрьевичем. Поговорили о министерстве. Затем я перешел к недавно открывшейся в Париже всемирной выставке, на которой имелся богато представленный русский отдел[5]. Выразил желание подробно осмотреть выставку, а так как двумя делами заниматься одновременно нельзя, то заявил о намерении посетить вновь посольство только к концу моего пребывания в Париже. Оставил на всякий случай свой адрес, распрощался и ушел. Они продолжали сидеть на столах и болтали ногами.

Но они все были средне-достаточно образованы, прекрасно воспитаны, хорошо вымыты, подстрижены, подбриты, умели превосходно, со вкусом одеваться. Им был привит с детства изысканно-хороший тон. При этих их свойствах и качествах принадлежность к дипломатическому корпусу открывала им все двери. В этом отношении они представляли собою в глазах ведомственных верхов определенную ценность, потенциальную силу, умелое использование которой в дипломатических целях способно было давать результаты реального значения. Предполагалось, что, имея доступ в круги, в которых делается политика, они используют при случае возможность сойтись в этих кругах на приятельскую ногу с мужчинами, сблизиться с женщинами, влиять через них на их мужей, все доступное видеть и слышать, недоступное распознавать и все понимать. Ум выше среднего и таланты редки. Здесь они были в некоторой степени представлены одним только Свечиным. Но когда и они оказывались в сочетании с теми свойствами и качествами, о которых говорено выше, то обладатель их, если у него сверх того имелись еще опыт дипломатической работы, сила воли и настойчивость, представлялся начальству дипломатом, отвечающим требованиям призвания в исчерпывающей полноте. Не всем, правда, дано столь счастливое сочетание перечисленных свойств и качеств. За всем тем и того, чем данный персонал располагал, было в глазах начальства достаточно, чтобы признать за этим персоналом право на существование в ожидании умелого использования.

* * * * *

Париж конца прошлого столетия. Вновь выношу впечатление великолепия и красоты, сказочного богатства, доведенного до совершенства изящества и тончайшего вкуса во всех их многообразных проявлениях. И тут же вкраплены в закоулках, в боковых ответвлениях главных артерий в целых кварталах уродства, грязь, *свидетельства свойственного нации неряшества,* деградация, нищета. Неряшливость грязнит великолепие и центральных роскошных авеню, садов, парков, бульваров. С утра умытые, вычищенные как под скребницу, они поражают чистотою и свежестью. К вечеру повсюду выплески, плевки, мятая, рваная бумага, битое стекло, окурки, обгрызки фруктов, корки, шелуха, весь наслеженный сор пронесшихся людских потоков*, превращающие Париж в громадную плевательницу. В жаркое время к вечеру со дворов несет удушливою претящею вонью свиного хлева*. Но, опять, ночной Париж в спасаемых от загрязнения *и дурных запахов* местах общественных собраний и увеселений чарующ и великолепен. Город неги, изящества, красоты, опьяняющих и пленяющих чувства эффектов.

Прогулки повсюду и без конца. Не упущена поездка *в фиакре* в Булонский лес, в летнее время представлявший собою в ту пору агломерат сконфуженно поникших деревьев, чахнувших под густо покрывавшим их листву слоем городской пыли. Вид унылый и явление в значительной степени непонятное. В центральных парках Парижа такого явления не наблюдалось. Создавала впечатление картина не Булонского леса, отступавшего перед красотою петербургских островов, а традиционная прогулка в нем парижан. Великолепные экипажи. Изящные, красивые женщины в блеске богатых нарядов удивительного вкуса и красоты. Прогулки, прогулки. Сады, бульвары, чарующие и упоительные. Рестораны, от

стяжавших себе мировую известность и бессмертные имена до скромных Bouillons Дюваля, рассеянных в разных частях города. Кафе на бульварах. Кафе на улицах. Театры, Лувр, Трокадеро, Пале-Рояль, кабаки, шато-кабаки, кабачки, все, что полагается посетить в Париже, и всемирная выставка. Много, чересчур много выставки, до усталости и пресыщения. Прощальный визит в посольство. Две недели пронеслись. Уезжаю.

В Берлине не останавливался. Следуя точному и к исполнению обязательному расписанию курьерских поездок, должен был лишь, пересев в другой поезд, тотчас ехать в Петербург.

Приехал и впрягся в свою повседневную работу. Незаметно окончилось лето. Наступила и пронеслась осень, перешедшая в мокрую, слякотную зиму. Конец заканчивавшегося столетия традиционно связался с ожиданием светопреставления. Но *ждали его на этот раз вяло и бестрепетно,* господствовала интуитивно создавшаяся уверенность, что оно и на этот раз не состоится.

Глава 7.
1901 год

Центральные учреждения Министерства иностранных дел состояли в ту пору из канцелярии, Первого департамента (бывшего Азиятского), Второго департамента (бывш<его> внутренних сношений), Департамента личного состава и хозяйственных дел, Петербургского главного архива (сочетавшегося с Государственным архивом) и Московского архива.

Канцелярия, по аналогии с посольствами и миссиями, состояла из секретарей, первых, вторых и третьих (первые — старшие), и из атташе, или «причисленных». Возглавлял канцелярию директор, и в помощь ему имелся вице-директор. Канцелярия — питомник будущих послов, гвардейская по родовитости и личным достаткам служащих часть министерства — шифровала и расшифровывала депеши. Исключительно этим занимались вторые, третьи секретари и причисленные. Для расшифровки депеш, поступавших за ночь, устраивалось ночное дежурство. Первые секретари составляли, помимо того, сводки политических донесений для информации посольств и миссий выписками из подлинников. Директор, вице-директор ретушировали эти немудреные труды. Порою редактировали проекты депеш. Но зачастую получали для шифрования и отправки готовую редакцию депеш от министра или его товарища. Школою для подготовки будущих посланников и послов канцелярия, как видно, являлась неважною. Работа не требовала ни инициативы, ни знаний, ни каких-либо соображений. Не практиковалось самостоятельное составление хотя бы простейших записок и бумаг. Тем не менее, молодежь канцелярии, не в меру себя переоценивая, преисполнена была сознания собственного достоинства и высокомерно относилась к персоналу департаментов министерства. Плохою школою, отсутствием технической подготовки объясняется преимущественно малоудовлетворительный состав высшего заграничного представительства дореволюционной России последних лет из бывших питомцев канцелярии. Попадались, разумеется, в числе их недурные дипломаты, но в виде исключения. И соответствием своим требованиям службы они были обязаны отнюдь не служебному стажу в недрах канцелярии министерства или в сходственных канцеляриях посольств и миссий, а прирожденным способностям и воспитанию и образованию в семье, в усо-

вершенствование и пополнение образования, дававшегося лицеем, из которого преимущественно выходили будущие дипломаты[1]. Дипломатов получше подготовляли департаменты министерства, несшие работу не столь механическую и требовавшую все-таки соображения, главным образом Первый департамент, бывший Азиятский, ведавший дела Востока, Ближнего и Дальнего, и Средней Азии. Именно канцелярия вырабатывала каламбурный тип молодых людей «étrangers aux affaires» в министерстве «des affaires étrangéres»[a]. За всем тем, как упоминавшийся персонал посольства в Париже, все «чины» канцелярии были прекрасно воспитаны, безукоризненно одеты, чисто вымыты, хорошо причесаны и подбриты и не только изъяснялись на прекрасном французском языке, но и думали по-французски. В памяти проносятся образы изящных молодых людей типа иллюстраций модного журнала. Но не на ком остановиться. Некого назвать. До такой степени за прекрасно сшитым фраком, порою блестящим камер-юнкерским мундиром не видать было сколько-нибудь оригинального содержания. Индивидуальнее других среди своих сослуживцев был весьма в свое время известный Петербургу по его чересчур шумной карьере некто А. А. Савинский. Сын ковенского мелкого землевладельца и дельца, красивый собою, ловкий арривист, он по окончании Петербургского университета и отбытии воинской повинности в фешенебельном Конногвардейском полку был устроен на службу в канцелярию министерства заботами земляка по Ковенской губернии П. Л. Вакселя. Представленный Вакселем графу Ламздорфу, он был чрезвычайно оценен последним. С назначением Ламздорфа министром перед Савинским настойчиво расчищается путь к дипломатической карьере. Он уже первый секретарь канцелярии, вскоре вице-директор, еще погодя — директор. Министр всячески его приближает к себе. Ламздорф и Савинский неразлучны. Дает министр раут — Савинский встречает, приветствует, провожает гостей. Едет министр к царю в Крым, в финляндские шхеры или с царем за границу для присутствования при официальных встречах царя с иностранными монархами, Савинский всюду сопровождает Ламздорфа. Ввиду особенной склонности министра весьма интимного свойства, близость Савинского к Ламздорфу порождает злые слухи. Они приобретают широкое распространение, используются для создания вокруг Савинского заведомо враждебной атмосферы. Некоторые сослуживцы Савинского стали от него отворачиваться. И в обществе многие лица стали сторониться Савинского. В отношении к сослуживцам нужны были отличавшие Савинского [b]особенная «гибкость» и[b] самообладание, чтобы, стараясь, что только можно было, не замечать, не дать окружавшей неприязненной настроенности вылиться в открыто оскорбительные формы. *Савинскому нужно было во что бы то ни стало избежать гибельного для его карьеры скандала.* Годами выдерживая нараставшую неприязнь, Савинский с этою задачею справился. А бывало трудно! В порядке выдвижения Савинского Ламздорф исхлопотал ему назначение в должность церемониймейстера императорского двора, с оставлением на службе в ведомстве. Обер-церемониймейстер граф Гендриков *возмутился,* стал шуметь и заявил было просьбу об отставке. Ему было предложено остаться и успокоиться. Дело обошлось[2]. Положение Савинского в министерстве и в обществе

---

[a] «Странных дел» ... «иностранных дел» (фр.).

[b–b] Вписано вместо: «исключительный такт и большое».

улучшилось с уходом графа Ламздорфа с поста министра иностранных дел. Все ожидали, что вновь назначенный министр А. П. Извольский *немедленно* удалит Савинского. Но, видимо, у Савинского были все-таки кое-какие положительные качества — не деловые (не было в канцелярии стимула их выработки), но природная сметка, ловкость, исполнительность. И эти качества оценил и Извольский, и он Савинского удержал. Савинский оставался директором канцелярии в течение всего времени, что Извольский был министром. Дурная молва о причинах успехов Савинского умолкла. И он стал далее успевать, продвигаясь в дипломатической карьере. Когда сменившему А. П. Извольского С. Д. Сазонову захотелось иметь директором канцелярии своего бывшего секретаря по миссии при Ватикане, несносного*, скучного, бездарного* барона М. Ф. Шиллинга, бывшего в ту пору первым секретарем посольства в Париже, Савинский был назначен посланником в Швеции, потом в Болгарии.

Возвращаясь к структуре министерства, упомяну, что выработкою и изменением время от времени шифров секретной переписки занималась подчиненная канцелярии «цифирная экспедиция». Во главе ее стоял кроткий и бесхитростный барон Константин Фердинандович Таубе, человек с гробовым голосом, непокорными торчащими волосами и запущенной бородой.

С экспедициею был связан имевшийся у нас, как и у всех иностранных дипломатических ведомств, весьма замаскированный так называемый «черный кабинет» — по раскрытию иностранных шифров и перлюстрации секретной переписки пребывавших у нас дипломатических представительств иностранных государств. Мало было шифров, которые не удавалось кабинету так или иначе раскрыть. Депеши в копиях передавались почтамтом министерству. И в большинстве случаев оно было осведомлено о содержании секретной переписки иностранных посольств и миссий. Помимо общей ценности информации, этим облегчались и переговоры. Когда иной иностранный дипломат, бывало, зайдет к министру с каким-либо поручением от своего правительства, министр уже наперед знает, о чем дипломат поведет речь и уже соответственно подготовлен к переговорам, успев обдумать вопрос, а порою и посоветоваться с сотрудниками.

Помимо «цифирной экспедиции» (с «черным кабинетом») при канцелярии же состояла «газетная экспедиция», впоследствии преобразованная в самостоятельный центральный орган ведомства под наименованием Отдела печати. Возглавлял эту экспедицию в пору моего поступления в министерство почтенный старец Ниве, большой, грузный, благообразный. В числе сотрудников числился племянник барона Константина Фердинандовича, талантливый и умный барон Михаил Александрович Таубе, впоследствии видный профессор международного права, один из советников министерства, заведовавший юрисконсультской частью ведомства, после — товарищ министра народного просвещения (при министре Л. А. Кассо).

Первый, бывший Азиятский, департамент был наиболее деловой. Помимо шифрования и расшифровки депеш по территориальному ведению департамента, велась в нем обширная переписка как с аккредитованными при русском дворе иностранными послами и посланниками, так и со своим заграничным дипломатическим и консульским представительством, с другими министерствами в России и высшею администрациею восточных окраин. Однако и эта переписка была узко специальная. Отсутствовали горизонты общего государственного управ-

ления. Не было осведомленности в области законодательных норм, структуры и порядков власти. Закона совершенно не знали. Руководствовались во всех случаях интуициею. Директором после назначения левантинца Базили старшим советником министерства был Николай Генрихович Гартвиг, впоследствии посланник в Сербии, *исключительно* некрасивый, неприятный, но умный и талантливый[a]. Вице-директором был Сементовский-Курилло, также неприятный, но также не глупый человек, бывший впоследствии короткое время посланником в Болгарии, рано скончавшийся, небольшого роста брюнет с резкими чертами лица сильно выраженного семитического типа. Старшими чиновниками была целая плеяда впоследствии выдвинувшихся на видные посты дипломатов: Анатолий Анатолиевич Нератов, высокий брюнет, всегда ровного спокойного характера, приятного обращения, хороший техник дипломатических сношений и переписки, товарищ министра при министрах Сазонове, Штюрмере, Покровском и при Временном правительстве вплоть до Октябрьской революции; Иван Яковлевич Коростовец, талантливый, умный, впоследствии посланник в Китае и Персии; Георгий Антонович Плансон — по внешности не то бурят, не то сиамец или японец — комиссар по иностранным делам при учрежденном в 1903 г. и вскоре же с японскою войною упраздненном наместничестве на Дальнем Востоке, потом участник делегации С. Ю. Витте по заключению мира с Японией[3], после — наш дипломатический представитель в Сиаме.

При Первом департаменте состояло, будто бы для усовершенствования младших служащих ведомства в знании восточных языков, учебное отделение этих языков с громоздким штатом преподавателей, директором в их главе, всех снабженных, помимо хороших окладов, прекрасными казенными квартирами. Быть может, был момент, когда нужда в таком отделении и ощущалась, и оно оказывалось целесообразным. Но в последние годы направлявшиеся в отделение питомцы факультета восточных языков Петербургского университета или Московского Лазаревского института восточных языков только позабывали и утрачивали в отделении практические и теоретические знания, приобретенные на факультете или в институте. Предполагалось отделение упразднить. Но оно досуществовало до Октябрьской революции. Директором отделения долгое время был коротенький, толстенький, по типу не то турок, не то грек, Н. И. Иванов[3а]. Сменил его скучный, тусклый декан факультета восточных языков профессор В. А. Жуковский.

Второй департамент, в составе которого я служил (бывший Департаментом внутренних сношений), обслуживал переписку внешнюю и внутреннюю по делам Западной Европы, Америки и колоний европейских держав. В данной территориальной подведомственности работа Второго департамента была тождественна с работою Первого департамента по Востоку, за исключением секретной политической переписки депешами, выделенной канцелярии. Директором был упоминавшийся выше Николай Андреевич Малевский-Малевич, недурной человек, но не тактичный и напускавший на себя совершенно несносные напыщенность и надменность, которые создали ему многочисленных недоброжелателей. Как начальника Малевского сослуживцы определенно не любили. Вице-директором был прежний судебный деятель, перешедший в консульский корпус,

[a] Далее в рукописи три строки текста закрашены чернилами.

дослужившийся до генерального консула в Вене, с должности которого и был взят в центр, Сергей Михайлович Горяинов, пожилой, добродушный, трудолюбивый, создавший несколько громоздких справочников преимущественно по консульской практике, милый, но ограниченный человек.

Департамент личного состава и хозяйственных дел постепенно сосредоточил в себе законодательную часть министерства, бюджетную, финансовую, заведование недвижимостями в России и за границею, заграничными церквами ведомства, инструктированием заграничной службы, специальными вопросами личного состава — назначениями, производством в чины, наградами. Директором после влиятельного при министре Гирсе властного Никонова был красивый барон Карл Карлович Буксгевден, очень представительный сановник, в обращении предупредительный и приятный человек. Немного педант. Требовательный в делах службы. Но всегда неизменно корректный. В департаменте его не любили. Объективно говоря, он этого не заслуживал. Его не любили потому, что он был требователен и подтягивал сослуживцев. Подтягивать же приходилось. Таков был состав. Не было в нем дисциплины труда и сознания ответственности работы. Одни проявляли недопустимую на службе рассеянность, приводившую к ошибкам в актах и документах, другие — леность, третьи — бестолковость. Кого не нужно было, барон не подтягивал. Но всем цену отчетливо знал. Если не очень ухаживал и поощрял, то потому, что не было для этого оснований. Вице-директором был Михаил Иванович Муромцев, немножко подпрофессор, читавший лекции по международному праву в отделении восточных языков, фанатический поклонник поддерживавшего его известного международника профессора Мартенса, сам в достаточной степени бесцветный человек, тупой и упрямый. Плохим он был помощником своего директора. Заведовал совершенно второстепенною трафаретною трухой. Когда же ему пытались поручать составление законодательных записок, то ничего из этого не выходило. Языков не знал. По внешности и внутреннему содержанию представлял собою тип земского статистика. Плоховато был воспитанный, простоватый и грубоватый. Муромцева сослуживцы любили. И он подтягивал их, но со свойственною ему грубоватою простотой. Она почему-то больше нравилась выдержанного, корректного, но холодного подтягивания барона Буксгевдена. И еще любили Муромцева за то, что он не любил барона. Барон же относился к Муромцеву совершенно безразлично. Давно сознал, что помощи себе в Муромцеве не найдет. Но по большой деликатности не пытался отделаться от Муромцева.

Во главе Петербургского архива министерства с давних лет находился весьма почтенный сановной внешности человек барон Стуарт, замечательный преимущественно тем, что всех, кого только встречал из желавших поступить на службу в ведомство, всячески от этой службы отговаривал. Сподвижников его, стоя в описываемую пору далеко от архива, я совершенно не знал. Не знал никого и из состава Московского архива министерства.

Не представляет, по воспоминаниям, интереса останавливаться на многочисленном штате чиновников особых поручений при министре, ни на еще более многочисленных «состоявших» в ведомстве лиц, ранее служивших по ведомству, перешедших на другую службу, но пожелавших сохранить связь с министерством, а потому оставленных по их просьбе в списках ведомства.

* * * * *

Положительною стороною моей службы в министерстве, заключавшейся в совершенно маленьком деле издания «Сборника консульских донесений», была большая самостоятельность работы. Я собирал материал, отбирал из него для печатания наиболее интересное, получал на печатание одобрение редакционной коллегии и затем обрабатывал материал. Консулы за редкими исключениями были настолько плохими стилистами, что требовались основательные переделки текста. Во многих случаях приходилось «переводить» донесения с пестревшего иностранными выражениями и оборотами речи «консульского» языка на русский. А зачастую, прочтя и с трудом уразумев содержание материала, я вынуждался к переложению донесений своими словами. Издавая русский «Сборник консульских донесений», заинтересовался аналогичными иностранными изданиями. Попался интересный материал. На основании его я составлял газетные статьи, порою небольшие заметки, которые помещал в «Торгово-промышленной газете», издававшейся при Министерстве финансов. Брали у меня статьи и московские «Русские ведомости» через проживавшего в Петербурге видного их сотрудника В. Ю. Скалона. Однажды меня посетил на моей квартире редактор-издатель «Московских ведомостей»[4] Грингмут, сменивший в руководстве газетою умершего известного М. Н. Каткова. Сладенький во внешних проявлениях, *очень любезный* старичок Грингмут просил меня наладить работу с его газетою периодическим доставлением составляемых по заграничным материалам финансово-экономических очерков. Но очень уже определенная была у Грингмута репутация рептильного газетира и в ту пору непревзойденного черносотенца[5]. Работать с ним мне не подходило. *А побеседовать с Грингмутом, на него посмотреть представилось интересным.*

Во внутренней политической жизни год ознаменовался возобновлением, после продолжительной передышки, [a]террористических актов[a]. В начале года был убит министр народного просвещения Боголепов[6]. Вслед за тем было произведено покушение на К. П. Победоносцева. Боголепова был призван сменить престарелый генерал-адъютант, член Государственного совета, бывший военный министр П. С. Ванновский. Жесткий в свое время в управлении военным ведомством, Ванновский проявил себя на посту министра народного просвещения чрезвычайно мягко. Курс был им взят на благожелательность и доверие. Прежний строгий генерал приобрел у учащейся молодежи, да и у профессорского и педагогического персонала, значительную популярность. Чувствовалось, что насыщенный властью в прежнюю свою большую карьеру, уставший от власти, он отнюдь не искал ее вновь. Всего менее дорожил ею и, вернувшись к власти в критический момент, приносил этим стране, в сущности, немалую жертву.

Во внешней политике мы не оставляли дальневосточную экспансию. Продолжали оккупировать Маньчжурию. По линии казавшегося наименьшим сопротивления нарастали опасные авантюристские течения. Успехи мародерства при подавлении боксерского движения мелких разрозненных конквистадоров разожгли аппетиты грабителей большого масштаба. Под флагом империализма организовывалась проклятой памяти разбойничья «безобразовская» шайка[7].

[a–a] Вписано вместо: «красного террора».

* * * * *

Зимою мне довелось присутствовать на малом «концертном» балу в Зимнем дворце, дававшемся по случаю приезда в Петербург наследника австрийского престола Франца-Фердинанда[8], того самого, чья и чьей супруги трагические смерти от руки убийцы в 1914 г. явились ближайшим поводом к разгоревшейся вслед за тем мировой войне. На концертные балы было принято командировать в качестве переводчиков для обслуживания иностранного дипломатического корпуса двух чинов Министерства иностранных дел по выбору министра. На самом деле в переводчиках никто не нуждался. Не существовало иностранного дипломата, не владевшего французским языком, которым, в свою очередь, за редкими исключениями, в совершенстве владели и присутствовавшие на балах русские, в том числе лица, причастные к церемониальной части императорского двора. Но установленный с давнего времени обычай посылать переводчиков сохранился. Присутствовать на балу выпало на этот раз на мою долю и на долю служившего в одном департаменте со мною сына товарища синодального обер-прокурора Саблера. Отправились на бал мы вместе. Великолепие и красота поражали во дворце с первого шага. Величественные по размеру, роскошные по убранству покои. Незабываемую картину представлял уже военный караул перед входом в большую залу. В тот вечер он был от Конного полка, в великолепном подборе вытянувшихся в две шеренги красавцев-великанов в белых колетах, кирасах, касках, увенчанных массивными орлами с распущенными крыльями. В руках обнаженные тяжелые палаши. Караулом командовал стройный, красивый поручик граф Нирод. Выше среднего роста, он казался миниатюрным перед солдатами-конногвардейцами. У каждой двери по двое дворцовые «арапы» — в цветных тюрбанах, атласных куртках и широких шароварах, опоясанные красными шарфами. Бальный зал был уже почти полон толпою приглашенных. В сверкании бриллиантов, переливах жемчуга, белой пене *тончайших* кружев и шелка красовались на первом плане группы придворных и городских дам и девиц. Гвардейское офицерство было представлено царскосельскими гусарами в белых, отороченных соболями ментиках с золотыми шнурами. В глубине зала длинною лентою вытянулся дипломатический корпус. В стороне толпились министры и другие высшие сановники. Быстрыми шагами спешат присоединиться к ним запоздавшие Николай Валерьянович Муравьев и граф Ламздорф. Все гражданские чины в вице-мундирных фраках, составлявших форму одежды концертных балов, в отличие от больших балов, на которые приглашенные являлись в шитых золотом мундирах. Появились царь и царица. За ними следовали эрцгерцог Франц-Фердинанд и царская свита. Царь в гусарском ментике в окружении трех церемониймейстеров с жезлами начал с обхода дипломатического корпуса. Первым в ряду дипломатов, склонившись, приветствовал царя французский посол граф Монтебелло. Дальше — другие послы, посланники. Рукопожатие, два-три приветственных слова. Японский посланник задерживает протянутую ему руку царя. Царь ее оттягивает. Посланник о чем-то просит, быстро, но многословно. По политическому моменту японцу есть о чем поговорить с русским царем, попытаться чего-то от него добиться. Царь слушает бесстрастно. По лицу пробегает тень нетерпения. Царь бросает короткий ответ. Очевидно, отсылает японца к своим министрам и, кивнув головой, отходит. Им-

ператрица занята с представляющимися ей дамами. [a]Внешность ее приковывает внимание[a] и фигурою, и ростом, и красивыми еще в ту пору чертами. Портит излишний румянец. Резкий контраст представляют эмоционально-пылающие щеки и каменное, неприветливо-холодное выражение лица. Видно, что многолюдие волнует и тяготит императрицу. [b]Из других присутствующих женщин выделяется красотою молодая княгиня Абамелек-Лазарева, рожденная Демидова Сан-Донато[b]. Франц-Фердинанд — длинный белесый верзила со внешностью тупого немецкого унтера. Грянул дворцовый оркестр, расположившийся на высокой эстраде, сбоку, перед входом в зимний сад. Оригинальные красные кафтаны оркестрантов. Прекрасный «ensemble». Блестящее исполнение. Увлекательный вальс. Закружились пары. Смешались гусарские ментики с шелками дамских нарядов. Мягко звенят шпоры, сливая свою серебряную дробь с богатыми аккордами оркестра. В быстрой череде один танец сменяется другим. Незаметно подошло время ужина. Прекрасный зимний сад, весь залитый светом искусно скрытых электрических ламп. Стройные пальмы, другие экзотические деревья, настолько уходящие своими сплетающимися вершинами в далекие своды невидимого потолка, что получается иллюзия тропического сада под открытым небом. Иллюзия в такой степени полная, что не верится в снег и мороз нависшей над столицею холодной северной ночи. Иллюзию дополняют смешивающие свою зелень с широколиственною зеленью пальм, мягкою хвоею кипарисов и лиственниц деревья-кустарники и *роскошные* клумбы цветов, окаймляющие искусно проложенные садовые дорожки. И над этим садом льется неведомо откуда мелодия где-то притаившегося невидимого оркестра. На несколько возвышающемся над цветочными клумбами помосте, под сенью нависших ветвей деревьев-великанов, за роскошно убранным столом ужинает царица, имея по правую руку Франца-Фердинанда. За столом наиболее почетные, высокопоставленные гости. Остальные, мы с Саблером в том числе, расположились за расставленными во множестве поодаль и в примыкающем к зимнему саду следующем за ним зале отдельными столиками, по восемь человек за каждым. Царь за ужин не садился, а обходил ужинавших гостей. Кончился ужин. Царь и царица удалились в свои покои. Потянулась к выходу и густая толпа гостей. *Волшебная картина померкла. Разъезд на морозе. Укутавшись в медвежью шубу, я перебежал Дворцовую площадь и вернулся в Министерство иностранных дел, в здании которого занимал маленькую казенную квартиру на самом верху.*

За концертным балом в Зимнем дворце последовал раут у министра иностранных дел графа В. Н. Ламздорфа. Приглашения были разосланы, помимо дипломатического корпуса, сановного, придворного Петербурга и петербургской знати, также и всем чинам министерства. Поэтому в число приглашенных довелось попасть и мне. Квартира министра в крайнем левом крыле обращенного фасадом к Зимнему дворцу большого полуциркульного здания Главного штаба, с серединною аркою на Большую Морскую улицу, выходила окнами и парадным подъездом на площадку перед Певческим мостом, имея напротив левую

[a–a] Вписано вместо: «Она величественно хороша».

[b–b] Вписано вместо: «Внешностью своею она все-таки красивее всех присутствующих женщин, не исключая молодой княгини Абамелек-Лазаревой, рожденной Демидовой Сан-Донато. Она лучше других, не уступает императрице в фигуре и в росте».

сторону Штаба войск гвардии и Петербургского военного округа, обращенного лицом на Дворцовую площадь, а другою, правою стороною — на Миллионную улицу. Квартира представляла ряд обширных зал изящной архитектуры, богато убранных стильною мебелью, великолепною бронзою и редкими картинами из Императорского Эрмитажа. Залы различались цветом обивки мебели и портьер. Первый, направо от входа, украшенный легкими мраморными колоннами, был убран в желтый цвет и назывался Желтым. За ним и по другую сторону от него следовали залы, убранные в другие цвета, едва ли не до исчерпания основных цветов спектра. Анфиладу зал отделял от внутренних комнат квартиры министра длинный и широкий коридор, представлявший собою сплошную галерею писаных масляными красками портретов, в массивных золоченых рамах, канцлеров, вице-канцлеров, министров иностранных дел и других высших сановников, начиная от эпохи императора Александра I. В аванзале, выходящем на парадную лестницу, встречал гостей неизбежный Савинский. Во внутренних покоях небольшого роста, с зачесанными волосами над полыселым лбом, маленькими усиками под тонким классической формы носом, приветливо улыбавшийся граф Ламздорф переходил от одной группы гостей к другой и из одной залы в другую. Задерживался в короткой беседе с наиболее значительными лицами. Не упускал, однако, подарить крепким рукопожатием и ласковою, почти радостною улыбкою каждого и из нас, своих многочисленных сослуживцев. Вот его «друг» — массивный, огромный, нескладный Сергей Юльевич Витте, с холодным блеском громадной силы гипнотизирующих глаз над искалеченным луесом носом, в овале лица, удлиненного трепаною русскою бородкою. Сергей Юльевич и гр<аф> Ламздорф — «друзья», друзья настолько, что и всю официальную переписку на имя министра финансов от имени министра иностранных дел было предписано начинать, вместо стереотипного титула «Милостивый государь», ласково дружеским обращением «Дорогой Сергей Юльевич!» Рядом с Сергеем Юльевичем его супруга Матильда Ивановна, шавельская еврейка, обладавшая в молодости, по свидетельству современников, привлекательною красотою, умело ею использованною в блестяще завершенном восхождении со ступени на ступень по лестнице больших успехов. К ней протягивалось много рук с предложением опереться на них на подъемах. Она выбирала сильнейшие. *Числом же их не смущалась*. От прежнего своего мужа Лисаневича вышла за Сергея Юльевича только после получения им первого его министерского портфеля — путейского ведомства. Из известных мне лиц была близка двоюродному брату моего отца князю Николаю Дмитриевичу Оболенскому. Казалось, всего достигла. Одного добиться не удалось, несмотря на настойчивое желание, это быть принятою ко двору. Ей одной из всех жен министров упорно в этом отказывалось. Матильда Ивановна была женщина незаурядного ума. И при всем выдающемся уме Сергея Юльевича в значительной мере влияла на него. Занялась его воспитанием. У Сергея Юльевича совершенно не было так называвшихся манер. И он любил сквернословить, не стесняясь соответственно «выражаться» в официальной служебной обстановке. Сергей Юльевич не знал языков. Матильда Ивановна настояла на воздержании супруга от «красочных» *народных* выражений, обучила Сергея Юльевича, насколько умела, языкам. Он стал их понимать. И хоть кое-как, с плачевным акцентом, но мог все-таки связать по несколько слов по-французски и по-немецки. Лишь после этого ему представилась возможность официальных

больших, по его роли и значению, выездов в Европу. А манеры? Не успел Ламздорф отойти от четы Витте, как, наблюдая за происходившею беседою друзей, я вижу огромного, тяжелого Сергея Юльевича согнувшимся над оброненным дамским платочком. Вот он его поднял и, склонившись, протягивает обронившей его даме. Ни дать ни взять, французский маркиз эпохи королевского Версаля. Поодаль — военная группа. В центре популярный умница — генерал М. И. Драгомиров, киевский генерал-губернатор и командующий войсками Киевского военного округа. Большой рост. Широкая, коренастая фигура. Некрасивое, умное лицо, скуластое, монгольского типа. В соседнем зале беседуют небольшого роста мужичок в генерал-адъютантской форме, со спутанными волосами и бородкою, и большой, длинный франт в штатском, очень холеный, с лысою яйцеобразною головою, обладающий большим, скошенным набок носом. Это министры: военный — Куропаткин и внутренних дел — Сипягин. В стороне, в окружении составившейся из неведомых мне лиц небольшой аудитории, о чем-то разглагольствует издатель «Гражданина»[9] кн<язь> Мещерский, высокий старик отталкивающей внешности и отменно плохой репутации. «Гражданина» мало читают, но читает его царь. А потому издатель «Гражданина» делает политику и имеет влияние. *Он клеветник. Его били. Он не укрывающийся гомосексуалист. Любовников проталкивает в карьеру*. Иностранный дипломатический корпус представлен полным составом посольств и миссий до молодых секретарей и атташе включительно в сопровождении дипломатических дам — супруг и дочерей дипломатов. Своеобразную группу представляет китайское посольство в национальных костюмах. Иностранцы флиртуют со своими и с русскими дамами. Кое-где играют в бридж на расставленных в нескольких залах карточных столиках. Лакеи разносят чай со сладостями, бокалы шампанского. В колонном зале роскошный буфет со всевозможными холодными блюдами, кондитерскими тортами, печеньем, конфектами, мороженым, разнообразными фруктами и шампанским, льющимся рекою. В залы вливается новый поток приглашенных. Прибыли запоздавшие гости из театров и концертов. Становится настолько многолюдно, что, несмотря на обширность помещения, ощущается теснота. Царит полная непринужденность. Сходятся группами лица, давно и хорошо знакомые друг с другом. Поэтому им весело. И чувствуют они себя на этом дипломатическом рауте как у себя дома. Играет прекрасный оркестр. Музыка еще поднимает настроение. Курить собираемся в крайнем зале, в конце анфилады, примыкающей к служебным помещениям министерства и обычно служащем приемною перед кабинетом министра. Курим и в коридоре, со стен которого на нас явно неодобрительно смотрят высокомерно-строгие лики александрийских вельмож. Расходимся неохотно. Но оркестр умолк. Шампанское иссякло. Залы наполовину опустели.

Глава 8.
1902 год

Я попал в тупик. Незаметно прошло четыре с половиною года, как я исключительно сосредоточился на издании «Сборника консульских донесений». Дело это представлялось настолько оторванным от общей ведомственной работы министерства, что надо было либо совершенно отказаться от перспектив другой, более широкой и интересной деятельности, связывавшейся и с лучшим служебным положением, и безнадежно застрять на этом в достаточной степени однообразном и по своей рутинности уже порядочно наскучившем мне деле, либо уйти от него. В центральном ведомстве мне не находилось вакансий. Приходилось выставить кандидатуру на какую-нибудь должность в консульский корпус. Представлялась возможность добиться назначением вице-консулом в Гаммерфест на севере Норвегии. Пост мне улыбался в том отношении, что летнее полугодие консульская работа в Гаммерфесте была оживленная в связи с рыбными промыслами наших поморов, на зимнее же полугодие жизнь по условиям крайнего Севера замирала. *Наступала бесконечно долгая полярная ночь*. Состав консульства прикомандировывался до весны на усиление центрального ведомства в Петербурге. О своем намерении проситься в Гаммерфест я предупредил мою мать, о которой не переставал заботиться со смерти моего отца, ведя ее дела и оказывая ей всяческую моральную поддержку, в которой она нуждалась, не успев свыкнуться с постигшей ее тяжелою утратою. Мать моя всячески меня отговаривала от заграничной службы, считая, что она нас разлучит навсегда. Гаммерфест, связываемый с зимовкою в Петербурге, наверное, вскоре мне будет заменен другою резиденциею. А тогда я буду совершенно отрезан от родных. Я настаивал на невозможности продолжать загнавшую меня в тупик службу по редактированию «Сборника консульских донесений». Мы приняли совершенно неожиданное решение. Мать будет просить Вячеслава Константиновича Плеве, бывшего в ту пору государственным секретарем, перевести меня на службу *к себе* в Государственную канцелярию. Мать знала Плеве еще с девичьих своих лет по Владимиру, где Плеве начал службу по судебному ведомству. Впоследствии мои родители с ним встретились *и часто виделись* в Варшаве, где Плеве был прокурором судебной палаты, а мой отец прокурором окружного суда. От-

ношения поддерживались в течение и последующих лет. Плеве навещал время от времени мою мать.

Она ему написала. Не прошло недели, как я получил повестку, приглашавшую меня на следующий день явиться к Плеве на его казенную квартиру к 9 час<ам> утра. На Плеве было недавно перед тем возложено совмещение должности государственного секретаря с должностью статс-секретаря по делам «Великого княжества Финляндского», и он переехал из занимавшейся квартиры по первой должности на Литейном пр<оспекте>, против Симеоновской ул<ицы>, в представлявшуюся ему более удобною квартиру финляндского статс-секретаря на Екатерингофском пр<оспекте>, на углу ул<ицы> Глинки, напротив Николы Морского[1].

К назначенному часу, не опаздывая ни на минуту, в вице-мундирном фраке с белым галстухом я входил к Плеве. Солидный, украшенный медалями пожилой курьер провел меня в кабинет Вячеслава Константиновича. Плеве уже сидел за письменным столом и прочитывал бумаги. *Есть люди, при взгляде на которых, порою смутно, порою странно отчетливо, возникает перед вами образ того или иного представителя животного царства. Передо мною в глубоком кресле за министерским столом сидел лев.* Крепко посаженная на широкие плечи голова, львиная грива, топорщащиеся усы под прямым коротким носом, бритый подбородок, обнажающий крепость челюстей и яркую выпяченность чувственного плотоядного рта. Немигающий взор *подлинно львиных, величаво* спокойных, умных глаз, *потоком* изливающих лучи непреклонной *покоряющей* воли. Высокий рост. Большое, крепкое тело. Мимо такого человека, не заметив его, не пройти, даже если бы он не был носителем власти.

— Садитесь. Матушка ваша мне писала. Я разделяю ее соображения о том, что вам лучше остаться здесь. И позаботился об осуществлении ее желания. Вы назначены делопроизводителем в отделение Государственной канцелярии, обслуживающее Департамент промышленности, наук и торговли Государственного совета. Благоволите, не откладывая, представиться статс-секретарю, заведующему этим отделением, Сергею Константиновичу Тецнеру. Поезжайте к нему на квартиру. Он введет вас в круг ваших обязанностей. Желаю успеха.

Я поблагодарил и уехал. Государственная канцелярия! Попасть в нее считалось большою удачею. А еще сразу на штатную должность — исключительным счастьем. Аспиранты, принимавшиеся на службу лишь в качестве причисленных без жалованья, выжидали назначения на первую штатную должность по несколько лет. Немногие могли позволить себе роскошь столь длительного выжидания. При отсутствии жалованья требовалось наличие порядочных собственных средств. Принадлежностью к высшему в империи государственному установлению служба в Государственной канцелярии обязывала известным представительством. Служба была интересная и обставлена исключительно приятными условиями. Интерес заключался в том, что служащие являлись свидетелями, а работою своею и участниками совершавшихся важнейших государственных актов. Перед ними в заседаниях Государственного совета проходили все министры. Обсуждались все требовавшие законодательной санкции мероприятия правительства. Сессия Государственного совета ежегодно прерывалась на лето в конце мая — начале июня до 1 октября. На это время распускались и служащие Государственной канцелярии. Им, таким образом,

ежегодно предоставлялся четырехмесячный вакант. Ни одна другая служба такого преимущества не давала. По самому своему характеру служба ничего общего с обычными бюрократическими ее формами не имела. Не приходилось бессмысленно отсиживать положенное число часов за столом в присутственном месте — есть работа или нет. Работа сводилась к составлению журналов по каждому делу, слушавшемуся Государственным советом. Каждый департамент совета заседал по одному разу в неделю. На каждое заседание заблаговременно составлялся статс-секретарем список подлежавших рассмотрению дел. Дела распределялись между служащими канцелярии. Каждому поручалось, в зависимости от сложности, одно или несколько дел для изучения, проверки соответствия с общим законодательством, обсуждения с точки зрения необходимых поправок и последующего составления журнала. Нужным, а следовательно, обязательным для служащих являлось, таким образом, присутствие в составе канцелярии на данном заседании департамента. За два дня перед заседанием служащие еще собирались в канцелярии для доклада результатов изучения порученных дел статс-секретарю. Доклад был совместный с другими служащими, носил чисто товарищеский характер. Дела докладывались по списку. Доклад каждого служащего подвергался обсуждению сослуживцев. Каждый мог вносить, и это было желательно, свои дополнительные замечания к законопроекту. Статс-секретарь резюмировал замечания, со своей стороны дополняя их для передоклада на следующий день, накануне заседания, председателю департамента. После заседания служащие еще собирались для обсуждения по каждому делу плана составления журнала. Самые журналы писались на дому. Как видно, прикованности к определенному столу, отсиживания за ним обязательных часов по самому существу дела не требовалось. Служащие приходили в канцелярию вне дней докладов и заседаний, когда им вздумается, повидаться с товарищами, побеседовать, проверить печатные корректуры журналов, выпить чашку чая, порыться в законах, зачастую подолгу разыскивая понадобившийся законодательный материал. На дому работа была зато [a]большая[a]. В зависимости от объема дела приходилось писать порою ночами. На большие дела, занимавшие несколько заседаний департамента, требовался месяц и более работы. Легкая в стенах *прелестного* Мариинского дворца, работа переходила на дому в тяжелую и страдную. Но насколько все-таки приятнее было проделывать такую специфически кабинетную работу именно на дому. Служащие канцелярии представляли *очень* сплоченную товарищескую среду. Традиция смешивала ранги. Статс-секретарь был не столько начальником, сколько старшим товарищем. На Олимпе восседал один государственный секретарь. Помощники статс-секретаря, старшие и младшие делопроизводители, причисленные различались только классами должностей и окладами содержания. Но в отношениях к ним со стороны начальства никакого различия не проводилось. К тому же и дела, мелкие и большие, сложные и попроще, распределялись между служащими не по рангам, а по способностям. Вполне естественно, что при таких привлекательных условиях службы в Государственной канцелярии по сравнению со службою в других учреждениях всякая открывавшаяся вакансия на штатную должность являлась предметом вожделения многих лиц, в конце концов, цело-

[a–a] Вписано вместо: «прямо зверская».

го хвоста аспирантов. Назначение со стороны не могло быть встречено иначе, как неприязненно. При наличии исключительной сплоченности, характеризовавшей отношения служащих Государственной канцелярии, требовались особые старания со стороны вторгшегося в их среду чужака, чтобы не быть встреченным враждебно.

Мало было явиться по приказанию государственного секретаря статс-секретарю Тецнеру. Надо было подготовить почву, чтобы быть без гнева принятым будущими сослуживцами, нанести предварительно каждому традиционный визит и лишь после этого вступить в должность. Предстояло и проститься и откланяться в Министерстве иностранных дел.

Тецнер жил в собственном доме на Кирочной между Знаменской и Преображенской. Видный, красивый мужчина. Лицо знакомое. Я его раньше встречал. Не знал только, кто именно он такой и что собою представляет. Тецнер — богатый, счастливо одаренный, очень неглупый. Муж будущей жены будущего министра юстиции, позже председателя Государственного совета Ивана Григорьевича Щегловитова. Мария Федоровна Тецнер интересная дама, окруженная сановными поклонниками. За нею ухаживают и Щегловитов, и Коковцов, и другие. Мать интересных дочерей. Тецнер принял меня сухо. Можно было подумать, что не младшим его сослуживцам, а ему самому я перебежал дорогу. С другой стороны, Тецнер — чиновник Государственной канцелярии с первых шагов службы. Традиции и особенно школу учреждения ставит чрезвычайно высоко. Убежден, и правильно, что, не пройдя этой школы, журналов писать нельзя. Ему, по-видимому, досадно, что придется меня заново всему учить. А дела у него и без того достаточно. Работу все-таки дать мне надо, направил меня Плеве. А я — Тецнер в этом уверен — буду работу гадить. Ему придется ее исправлять. Он откровенно, не без раздражения заявляет: «Вам многому придется подучиться. Нашею работою сразу овладеть нельзя. Я вам пошлю дела на дом. Ознакомьтесь с ними, а потом зайдете в канцелярию. Поговорим».

По спискам Государственной канцелярии, помещенным в адрес-календаре[2], в составе отделения, куда я определен, значится И. И. Шидловский. Я его знаю по университету. Он на один выпуск старше меня. Очень снобистый парень *и хотя немного наглый*, но не дурной. Студентами мы в свое время вместе выступали «в свете». Не опереться ли на него? Я засылаю общего друга, чиновника канцелярии Комитета министров, впоследствии новороссийского губернатора А. А. Березникова. Он настраивает Шидловского в мою пользу. Шидловский, являющийся среди сослуживцев лидером отделения, милостиво соглашается меня поддержать. «Пусть *только* объедет товарищей. А я их обработаю».

Объехал, начиная с самого Ивана Иллиодоровича Шидловского. Все, кого застал, приняли меня любезно. Лед еще не сломан. Но быть поднятым на рогатину мне все-таки уже не предстоит.

В министерстве Николай Андреевич Малевский-Малевич меня «понял». И «благословил». Мало того, спекулируя на «Сборнике консульских донесений», каждый выпуск которого преподносился царю, и не желая перелаживать налаженное уже дело передачею в другие руки, он предложил мне продолжать издание частным образом. Меня это во всех отношениях устраивало. Не прерывалась связь с министерством, с которым я все-таки свыкся и которым дорожил.

С другой стороны, обеспечивался приработок к совершенно скромному моему содержанию по Государственной канцелярии.

Откланялся графу Ламздорфу. «Мы не расстаемся», — сказал он мне, имея в виду мое приватное продолжение «Сборника». К «дядюшке» Валериану Сергеевичу Оболенскому я не пошел.

С первых же шагов моей службы в Государственной канцелярии мне пришлось очень серьезно приналечь не только на работу, но, по специфическим ее особенностям, и на самообучение новому ремеслу. Первый же мой журнал — помню, по делу о частичном пересмотре устава Военной медицинской академии[3] — мне доказал потребовавшимися многочисленными исправлениями Тецнера, что я абсолютно не умею писать. Признанный недурным редактором в министерствах финансов и иностранных дел, я оказался мальчишкою и щенком в Государственной канцелярии. Да, там и только там, путем постепенного, со времен Сперанского, усовершенствования форм делового изложения, выработались традиционно передаваемые от поколения к поколению приемы казенного писания и канцелярский стиль, поистине образцовые. Богатство содержания в немногих словах. Преимущественно короткие предложения. Всяческое воздержание от мало-мальски длинных периодов. Много точек. Мало запятых. Умелые переходы от одной мысли к другой. И умение связывать отдельные абзацы в непрерывной текучести изложения. Тщательная всесторонняя разработка основной темы, краткая, но сильная аргументация деталей. Стиль достойный, строгий, но простой, отнюдь не выспренний, не архаический, не смешной, как бывала смешна канцелярская бумага. Воздержание от повторения в близких предложениях одних и тех же слов. Строгость, убедительность и в то же время образность слова. Умение привести в стройную систему правила редактируемого закона и формулировать каждое правило настолько ясно, чтобы не могло возникнуть сомнений в его понимании и толковании. Писание, основанное на тщательном изучении прецедентов, опирающееся на солидное знакомство со всем действующим законодательством. Я раздобыл комплекты журналов Государственного совета от времен великого мастера казенного стиля статс-секретаря Железнова до работ последних художников письма Государственной канцелярии. И я вчитывался в их труды, стараясь уловить приемы составителей, приводивших к созданию того безукоризненно стройного и стильно-красивого целого, которое выливалось из-под их пера. Постепенно систему я прозревал, шаг за шагом расшифровывая и проходя трудную школу письма. Эта работа меня надолго поглотила. Теория была распознана. Но предстояла еще практика. Она, однако, выдвигалась текущею работою. Составление каждого нового журнала являлось для меня упражнением в практическом применении уловленных теорий. Журналы мои становились лучше. И Тецнер их все меньше исправлял. Прошло, однако, еще много времени, пока я не овладел работой окончательно.

Весенняя сессия не выдвинула по нашему департаменту особо интересных дел. Проходили преимущественно дела финансового ведомства по еще не выделенным от него в ту пору вопросам промышленности и торговли и, в частности, торгового мореплавания. По этим вопросам в Государственном совете выступал в качестве товарища министра финансов Владимир Иванович Ковалевский. Рассматривались дела и Министерства народного просвещения. Объяснения дава-

ли товарищи генерала Ванновского Зенгер и Мещанинов. Были случайные дела и других ведомств, но все второстепенные. Министры по этим делам в департамент не ходили, а посылали товарищей.

Председателем департамента был совсем уже старый бывший морской министр адмирал Н. М. Чихачев, седой как лунь, с гробовым скрипучим голосом, по-видимому, совершенно не вникавший ни в одно из рассматривавшихся дел. Он ограничивался тем, что открывал заседания и, когда у него просили слова, то в знак согласия кивал головой, наклоняя ее при этом с таким видом, будто собирался бодаться. Члены департамента были также малодеятельные. Припоминаю бывшего начальника военно-учебных заведений, круглолицего, молчаливого, за несколько лет присутствования в Государственном совете ни разу не открывшего рта генерала Махотина, далее жадного даже на односложные реплики старого бывшего иркутского генерал-губернатора генерала А. Д. Горемыкина. Позже в департамент вступили: обер-прокурор Первого департамента Сената князь Александр Дмитриевич Оболенский и упоминавшиеся уже в настоящих записках Виктор Васильевич Калачов и Сергей Владимирович Марков. По делам, затрагивавшим компетенцию других департаментов — государственной экономии, законов, гражданских и духовных дел — созывались, помимо нашего департамента, и эти последние департаменты — все три, или один или два, в зависимости от содержания дела. Устраивались заседания «соединенных департаментов». Из участвовавших в них членов Государственного совета от других департаментов помимо нашего назову председателя Департамента законов Эдуарда Васильевича Фриша, далее умного и дельного, бывшего короткое время управляющим Министерством народного просвещения Андрея Александровича Сабурова, не умного брата его, бывшего посла Петра Александровича Сабурова, далее выдающегося умницу, исключительного знатока гражданского права Ивана Яковлевича Голубева, бывшего товарища министра юстиции Ивана Ивановича Шамшина, бывшего киевского генерал-губернатора графа Алексея Павловича Игнатьева, Сергея Сергеевича Гончарова, Владимира Владимировича Верховского, бывшего члена Совета министра финансов, потом директора Публичной библиотеки Дмитрия Фомича Кобеко, бывшего товарища министра финансов Тернера, бывшего товарища государственного контролера Владимира Павловича Череванского. Следует иметь в виду, что далеко не все члены Государственного совета назначались к присутствованию в департаментах. Многие входили лишь в общее собрание совета. С другой стороны, заседания соединенных департаментов, устраивавшиеся данным департаментом, посещались не всем составом других департаментов, а только некоторыми членами. Департаменты заседали в *большом* зале Мариинского дворца, выходящем окнами на Мариинскую площадь в бельэтаже, с обширным балконом, увенчивающим большой крытый подъезд дворца. Общие же собрания происходили в круглом колонном зале, представленном на известной картине Репина, изображающей торжественное заседание Государственного совета по случаю столетнего его юбилея[4]. Впоследствии, с реформою Государственного совета пополнением имевшегося состава по назначению членами по выборам, круглый зал оказался тесен[5]. Это совершенно выдающееся произведение архитектурного искусства было уничтожено. Освободившаяся площадь соединена с площадью примыкавших помещений. И построен новый зал, увенчанный обширным стеклянным куполом.

* * * * *

Государственным советом и обслуживавшею его Государственною канцелярией была занята центральная часть Мариинского дворца. В левом крыле помещалась Комиссия прошений, а в правом — Комитет министров и его канцелярия. Мы, следовательно, работали с комитетчиками под одною кровлею.

Войдя однажды (раннею весною 1902 г.) в помещение своего отделения Государственной канцелярии через ворота Мариинского дворца, выходящие на Новый переулок, т. е. в ближайшем соседстве с Комитетом министров, я застал во дворце переполох, всеобщие взволнованность и растерянность. Оказалось, только что был убит в вестибюле комитета министр внутренних дел Дмитрий Сергеевич Сипягин[6]. Несколько моих товарищей собрались на месте катастрофы тотчас после того, как она произошла. Видели и убитого, и убийцу. Передавали подробности. Происходило заседание комитета, на котором присутствовал Сипягин. К подъезду на извозчике подъехал офицер, вошел в вестибюль и, обратившись к швейцарам, просил вызвать по срочному делу министра внутренних дел. Офицер добавил, что ему поручено передать министру непременно из рук в руки привезенный исключительной важности служебный пакет. Сипягину доложили. Недоумевающий министр вышел. Подходит к офицеру. Последний быстро выхватил револьвер и произвел в министра несколько выстрелов в упор. Пораженный насмерть, Сипягин упал. Его перевезли в соседнюю Максимилиановскую больницу, где, не приходя в сознание, он почти тотчас скончался. После выстрелов офицер, растерявшись, даже не пытался скрыться. Но растерялись и все присутствовавшие, и все сбежавшиеся на звуки выстрелов. Прошло несколько минут, пока люди бросились к убийце и схватили его. Тут только обнаружилось, что убийца, назвавший себя спрашивавшему его Петру Семеновичу Ванновскому Балмашовым, каковым впоследствии он действительно и оказался, вовсе не офицер, а плохо, не по форме перерядившийся в офицера студент. Это признали и швейцары, бывшие все в свое время солдатами. Но люди задним умом крепки. На неправильности обмундирования, на взволнованность прибывшего молодого офицера, на необычность его требования обращено внимания не было. Не проявил необходимой осторожности и почивший министр, бывший более чем кто-либо в курсе возобновившейся деятельности террористов, жертвою которых уже пал Боголепов и от которых лишь совершенно случайно спасся Победоносцев. А кому надо было особенно беречься, как не министру внутренних дел, да еще такого реакционного направления, как Сипягин.

Преемником ему был назначен Вячеслав Константинович Плеве, а на место последнего государственным секретарем — Владимир Николаевич Коковцов.

Возглавление ведомства внутренних дел после Д. С. Сипягина министром Плеве знаменовало усиление реакции, поскольку взятый на нее курс, отвечавший направлению обоих министров, перешел от ограниченного и бестемпераментного предшественника к умному и обладавшему железною волею преемнику. Вместе с тем обострялась борьба с прогрессивными реформистскими течениями в среде правительства, проще говоря, персонально с Сергеем Юльевичем Витте. В лице Плеве последний впервые встретил в составе правительства противника, не уступавшего ему в волевой энергии и силе темперамента. При различии политических программ будущее должно было принадлежать кому-нибудь одному. Неприязнь царя и оппозиция к министру финансов, творившаяся как в прави-

тельственных и придворных кругах, так и в Государственном совете, ослабляли позицию Витте. Перевес сил заранее склонялся на сторону Плеве. Близкое падение Витте стало неизбежным.

Его, как говорили люди, близкие к придворным кругам, органически не переваривал царь, вообще не терпевший лиц, подавлявших его своим превосходством. Одним из первых объектов завистливой ненависти Николая II явился германский император Вильгельм II. Витте своим блестящим управлением также подавлял царя. Поднятие на высоту, по тому времени небывалую, финансов России, производительных ее сил и хозяйства справедливо приписывалось общественным мнением не мудрости верховной власти, а личным качествам популярного министра. Царь это прекрасно знал. И не прощал этого Витте. Своею беспощадною логикою, неотразимою настойчивостью Витте подавлял царя и в собственном кабинете Николая II во время мучительных для него докладов несимпатичного ему главы финансового ведомства. Хотя и упрямый, но слабовольный царь все-таки не решался по собственной инициативе лишить Витте его портфеля. Оппозиция же министру финансов, бездарная, а потому неубедительная, нейтрализовалась находившимися благоразумными голосами. Они предостерегали царя от риска устранения даровитого государственного деятеля. Чтобы побудить царя решиться на этот шаг, требовалось усиление враждебных министру влияний. Они и нарождались вокруг царя. Как доказали последовавшие события, роковая и в ее происхождении неразгаданная особенность в характере Николая II с каждым годом все более властно подчиняла его темным влияниям. В данное время царем овладевала становившаяся вторым его правительством, внушавшим ему больше доверия, нежели официальное правительство, преступная «безобразовская» шайка. Ее разбойничья политика, недвусмысленно преследовавшая личные цели возвеличения и обогащения, сразу выдвинув эвентуальность войны с Япониею, не могла не вызывать противодействия со стороны Витте. Считаясь с обстановкою, а потому мягко и осторожно, он стал это противодействие проявлять. Шайка не замедлила ответить штурмовою интригою перед царем против Витте. И хотя безобразовцы интриговали и против не поддававшегося им Куропаткина, последний также стал интриговать против Витте. Таким образом, с момента вручения Плеве портфеля министра внутренних дел равновесие влияний за и против Витте было уже нарушено перевесом сил, противных министру финансов. Плеве приходилось Витте уже не ломать, а доламывать.

Назначение государственным секретарем Коковцова ничего не знаменовало, кроме того, что недюжинность сменили посредственностью и становился в хвост на министерские вакансии искушенный в политической интриге бюрократ, *посредственного ума, абсолютно* лишенный всяческой творческой инициативы, *нудный болтун,* гладким, но скучным словоизвержением пытавшийся прикрывать отсутствие живой мысли. Забавно в нем было то, что он мог говорить часами. И ничего не сказать.

* * * * *

Сослуживцами моими в Отделении промышленности, наук и торговли Государственной канцелярии, возглавлявшемся статс-секретарем Государственного

совета Тецнером, были — из старших — помощники статс-секретаря князь Дмитрий Петрович Голицын и Сергей Васильевич Безобразов.

Голицын был писателем, известным в свое время в литературе под псевдонимом Муравлина. В эти дни он творил имевшую потом кратковременный успех ультранационалистическую пьесу в стихах «Услада» — времен Великих Новгорода и Пскова[7]. Ставил ее в «своем» в ту пору Малом театре издатель «Нового времени»[8] Алексей Сергеевич Суворин. Сослуживцы автора, конечно, в полном составе присутствовали на премьере. Театр *бешено* рукоплескал резюмировавшим центральную тему словам героя: «Русь создалась своим домашним строем. Им дорожить как кладом мы должны». Требовали повторения. Артист повторил. Зайдя в антракте приветствовать автора за кулисы, мы присутствовали при том, как режиссер Евтихий Карпов распекал артиста за повторение монолога, беспримерное и неуместное — горячился Карпов — в драматических представлениях. *«Это вам не оперетка и не опера»*. Суворин вступился за артиста, возражая против рутины, доказывая, что жизнь ее ломает. Голицын был простой, милый человек, мягкий, благожелательный. Литературная работа отвлекала его от самоусовершенствования в писании журналов Государственного совета. И писал он их неважно. Поэтому ответственных работ ему не давали, и он имел мало шансов попасть в статс-секретари. Вскоре, обойденный назначением на освободившуюся вакансию лица со стороны, он устроился членом совета министра народного просвещения. А немного погодя оказался на высоком, равном министерскому посту главноуправляющего ведомством учреждений императрицы Марии (ведомство женских институтов).

Сергей Васильевич Безобразов с атаманом безобразовской шайки ничего общего, кроме фамилии, не имел. Это был честный, умный и обладавший солидными знаниями человек, ранее служивший в бывшем Кодификационном отделе. Со слиянием этого отдела при государственном секретаре Н. В. Муравьеве с Государственною канцеляриею Безобразов оказался автоматически вступившим в эту последнюю. В составе Государственной канцелярии Кодификационный отдел был переименован в Отделение Свода законов. Сергей Васильевич был впоследствии назначен статс-секретарем Государственного совета, заведующим этим отделением, после известного профессора Петербургского университета по кафедре уголовного права Сергиевского. О Безобразове у меня сохранилась память как о человеке не только умном, но и умевшем удивительно правильно охарактеризовать сущность и оценить значение всякого сколько-нибудь приметного события, проникновенно предвидя его последствия. Поразительно разбирался в обстановке. Отчетливо знал, куда мы идем. В области законодательной работы был большим ее знатоком. Побеседовать с ним было всегда интересно и приятно. А всякий его совет, всякое разъяснение по порою встречавшимся в нашей работе недоуменным вопросам имело большую ценность, отличаясь ясностью и исчерпывающею полнотою.

Другим умницею в числе моих сослуживцев был старший делопроизводитель Михаил Иванович Неклюдов, впоследствии статс-секретарь реформированного в 1906 г. Государственного совета. Образованный, обладавший большою эрудициею в области права, трудоспособностью и усидчивостью, вполне овладевший законодательною работою и, в частности, умением писать журналы, он был справедливо ценим, и ему открывались широкие карьерные возможности.

Но он не был честолюбив. Некрепкое здоровье и прирожденная стоическая философия склоняли его к скромности, уединению и тишине. Не с той отчетливостью предвидения, которая отличала Безобразова, он также умело разбирался в политической обстановке и правильно расценивал события и людей.

Председателем Государственного совета был в то время дядя царя, брат его деда императора Александра II великий князь Михаил Николаевич. Председатели департаментов: законов — Фриш и промышленности, наук и торговли — Чихачев уже названы выше. Председателем Департамента государственной экономии был маститый старец граф Дмитрий Мартынович Сольский, возведенный в графское достоинство Николаем II за рекордно длительное состояние в высших государственных должностях с шестидесятых годов прошлого столетия. Должность председателя Департамента гражданских и духовных дел была как будто временно вакантна.

Товарищем государственного секретаря был при Плеве и остался при Коковцове опытный в делах Государственной канцелярии, служивший в ней с младших должностей барон Юлий Александрович Икскуль фон Гильденбандт, тихий, тщедушный и хромой. Статс-секретарем Департамента государственной экономии был приятель Коковцова, бывший его сослуживец по тюремному ведомству, перемещенный оттуда в Государственную канцелярию стараниями Коковцова, когда последний был товарищем государственного секретаря, Сергей Васильевич Рухлов, происхождением из крестьянской семьи и сохранивший и тип, и облик крепко скроенного крестьянина-пахаря[9]. Статс-секретарем Департамента законов был чопорный, сухой, худой и черный барон Роман Александрович Дистерло, а Департамента гражданских и духовных дел — *такого же крестьянского облика, как Рухлов,* короткий, пузатый, внешне простой, но лукавый Петр Алексеевич Харитонов. Он вошел в Государственную канцелярию со слиянием с нею бывшего Кодификационного отдела, где служил под начальством возглавлявшего отдел Эдуарда Васильевича Фриша. Эдуард Васильевич покровительствовал Харитонову и в Кодификационном отделе, и в Государственной канцелярии. Перед назначением председателем Департамента законов Фриш председательствовал в Департаменте гражданских и духовных дел, на должность статс-секретаря которого и провел Харитонова. Кроме четырех статс-секретарей четырех департаментов Государственного совета (четвертый — промышленности, наук и торговли со статс-секретарем Тецнером), были еще два статс-секретаря, заведовавшие отделениями Государственной канцелярии: свода законов (бывшим Кодификационным отделом) и общих дел, обслуживавшим общие собрания Государственного совета и ведавшим делами личного состава, а также общего заведования учреждениями совета и канцелярии. Статс-секретарем, заведовавшим Отделением свода законов, был упоминавшийся выше профессор уголовного права Сергиевский, громоздкий, неуклюжий, прозванный студентами за свирепость на экзаменах и крестьянскую внешность «уголовным мужиком». Должность же статс-секретаря, заведовавшего Отделением общих дел, занимал Николай Федорович Дерюжинский. Я его знал еще со времен моего детства по Ярославлю, где он служил, при прокуроре Николае Валериановиче Муравьеве, товарищем прокурора, часто бывая в доме моих родителей. Его любили в Ярославле за приятный нрав и хороший тенор, который он культивировал и впоследствии. В Ярославле выступал на благотворительных концертах и имел успех. Не-

достаток чересчур маленького роста скрашивался в нем *пропорциональностью фигуры и* приятностью черт выразительного и умного лица. Муравьев его ценил и дружил с ним. Когда Муравьев был назначен государственным секретарем, он не замедлил провести Дерюжинского на должность помощника статс-секретаря Государственного совета. Из помощников статс-секретаря других отделений Государственной канцелярии, помимо нашего, уже очерченного в своем составе, упомяну в качестве наиболее примечательных об Александре Федоровиче Трепове, ставшем впоследствии министром и даже председателем Совета министров; о Николае Павловиче Гарине, занимавшем недолгое время должность директора Департамента полиции, а потом в звании сенатора специализировавшемся на сенаторских ревизиях; о Владимире Иосифовиче Гурко, сыне известного по анналам турецкой войны генерала Гурко, человеке *очень* умном, способном, но во мнении современников *цинически* беспринципном, взятом Плеве, ввиду его способностей, управляющим Земским отделом, затем бывшем некоторое время товарищем министра внутренних дел; наконец, о Дмитрии Николаевиче Любимове, сыне известного профессора Московского университета по кафедре физики, также *очень* способном и также взятом Плеве с собою в Министерство внутренних дел директором канцелярии министра.

Если принять во внимание, что, помимо государственных секретарей Муравьева, Плеве и Коковцова, и другие старшие чины Государственной канцелярии Рухлов, Харитонов, Трепов, далее предшественник Тецнера по должности статс-секретаря Департамента промышленности, наук и торговли, состоявший в описываемое время товарищем государственного контролера Дмитрий Александрович Философов, наконец, вскоре затем вступивший в Государственную канцелярию преемником того же Тецнера по той же должности Николай Николаевич Покровский, — все стали в свое время министрами, князь Голицын (Муравлин) — главноуправляющим равного министрам ранга, а многие другие бывшие служащие канцелярии выдвинулись на посты товарищей министров и на другие высшие должности, — бывшую Государственную канцелярию приходится, как ее в шутку и называли, признать подлинною академиею министров. Нечего говорить, лишь немногие из перечисленных лиц соответствовали полученным высоким назначениям. Но, надо отдать справедливость Государственной канцелярии, по *широким* ее горизонтам, по требовавшейся от служащих эрудиции, трудности школы, беспощадно проваливавшей отстававших и неуспевавших, ни одно другое учреждение не способно было выдвигать персонал, более подходивший, в смысле бюрократической подготовки, к занятию высших государственных должностей.

* * * * *

Близилась к концу весенняя сессия Государственного совета. Мы собирались на доклады в кабинете статс-секретаря, более напоминавшем салон, нежели кабинет, в роскошных апартаментах Мариинского дворца. Мягкая мебель, тяжелые портьеры, ковры, картины, бронза. В стороне одинокий письменный стол. Садились на мягких креслах вокруг крытого тканною скатертью другого центрального, круглого стола. Непринужденно курили. Дворцовые служители

в ливрейных фраках с позументами и аксельбантами, в чулках и башмаках обносили нас чаем с печением. Дружно и весело проходил доклад.

В дни заседания собирались к часу дня. Спешно переодевались в хранившиеся в канцелярии наши фрачные вице-мундиры, сменяли цветные галстухи на форменный черный и с папками дел и бумагами спешили в зал. Прибывали члены Государственного совета, министры или их товарищи, государственный секретарь или его товарищ. Пробирался к председательскому креслу адмирал Чихачев. Заседание открывалось. Крытый бархатом стол был устроен покоем. Спиною к окнам садился председатель, имея напротив себя рядом сидевших государственного секретаря или его товарища и статс-секретаря департамента. Направо от председателя, огибая стол, рассаживались по старшинству члены Государственного совета. Налево садились министры или их товарищи. Внутри покоя ставились два маленьких столика для чинов канцелярии. На переднем располагалось лицо, чье дело в данный момент слушалось, а второй занимали младшие делопроизводители и причисленные, которым поручалось, при обсуждении наиболее сложных дел, вести протокольную запись заседания. Ожидавшие своей очереди чиновники канцелярии, которым были поручены другие дела по повестке, садились за длинный стол, поставленный вдоль задней стены зала заседаний.

Крупных дел не было, департамент спешил покончить с накопившимися мелкими законопроектами. Прений по существу они не вызывали. По делам, требовавшим денежных ассигнований, если не было предварительно достигнутого соглашения испрашивавших кредиты ведомств с Министерством финансов и Государственным контролем, происходила мелкая торговля представителей ведомств, в которую Государственный совет обычно не вмешивался. И соглашение достигалось. В законопроекты вносились по докладу статс-секретаря преимущественно формальные замечания канцелярии, и тем дело оканчивалось. Члены Государственного совета преимущественно сосредоточенно молчали. Граф Игнатьев, как только садился, тотчас принимался зарисовывать кого-нибудь из присутствовавших. Эскизы его были талантливые. По зарисовке каждого, он их пускал циркулировать по рукам своих высокопоставленных сотоварищей. Диверсию еще составляли выступления Владимира Ивановича Ковалевского. Оппозиция Витте наглела и не пропускала случая ломать его в лице ближайшего и талантливейшего его сотрудника. Способствовала завистливая ненависть к талантам Ковалевского со стороны сделавшегося государственным секретарем Коковцова. Не было пустяшного дела, по которому выступал Ковалевский, чтобы оппозиция за это дело не ухватилась и не начала злопыхать. Особенно неистовствовал терявший перед Ковалевским голос от душившей его злобы лидер оппозиции Кобеко. В свое время он был очень взыскан министром финансов, когда состоял членом его совета и пользовался его подачками, за которые очень низко кланялся министру. Ковалевский корректно, тонко, но со всею беспощадностью свойственных ему остроумия и находчивости отшвыривал своими возражениями злобствовавшего старика.

При всем обилии дел, накопившихся под конец сессии, мы, за их мелочностью, от работы не изнемогали. Трафаретные по таким делам журналы пеклись как блины. Встречаясь в канцелярии в перерывах между докладами и заседаниями, часто беседовали. Темою для разговоров, под свежим впечатлением смены

государственного секретаря, служили воспоминания о Плеве. Мы ему сделали обычное коллективное подношение в виде, насколько я помню, *очень* изящного *и дорогого* письменного прибора. Получили каждый в благодарность за память и подарок фотографическую карточку Плеве с его надписью. Карточка была удачная. И воспроизводила внушите<ль>ные твердость и строгость нового министра. Как он их проявлял в судебном ведомстве, в Департаменте полиции, которого был директором, и потом в должности товарища министра внутренних дел, об этом личных воспоминаний в нашей среде не было. Приводились случаи проявления Вячеславом Константиновичем твердости и строгости в должности государственного секретаря. В канцелярии, при установившейся, в силу особых условий ее работы, системе отбора персонала, произошло отнюдь не являвшееся редким назначение на освободившуюся вакансию через голову лица, считавшего себя кандидатом на эту вакансию. Обиженный служащий объявил, что такому порядку надо положить конец, и он пойдет объясниться с Плеве. И он пошел. И объяснился. Плеве вскоре позвонил и предложил вошедшему курьеру оказать помощь объяснившемуся служащему. Ему от краткой, но внушительной отповеди Плеве сделалось дурно*, и он впал в обморочное состояние*. Таков был эффект холодного, отчетливо скандировавшегося слова и острого, насквозь пронизывающего взора жестких глаз. Внушительным, очевидно, оказалось и содержание отповеди. Объясняться с Плеве по аналогичным случаям больше уже никто не решался. Он был взыскателен и по отношению к любимцам. Одним из них был некоторое время служивший в младших должностях канцелярии, впоследствии видный «кадет», Владимир Дмитриевич Набоков, сын бывшего министра юстиции Набокова. Считая себя по какому-то поводу обязанным отцу, под начальством которого в свое время служил, Плеве был исключительно благожелателен по отношению к сыну. Не только быстро назначил его на штатную должность в канцелярию, но и провел в камер-юнкеры. Набоков, хотя способный, но самовлюбленный и не в меру себя переоценивавший, тяготился медленностью карьеры и, поработав и показав, что может работать, стал от работы отлынивать, отдавшись другим перспективам, отчасти в области научного дилетантизма, отчасти общественной деятельности. В конце концов, он вовсе бросил работать в канцелярии, продолжая, однако, оставаться в штате и получать жалование. Плеве его призвал. Отчитал в следующих примерно выражениях: «Владимир Дмитриевич, — сказал он, — вы, бесспорно, являетесь ценностью, но по отношению к канцелярии ценностью, к сожалению, лишь декоративного свойства. Мне думается, что как ни высоко учреждение, в котором вы фактически не служите, а которое только украшаете своим редким присутствием, вы все-таки и для него представляетесь роскошью непозволительною. *Прошу вас сделать соответствующий вывод из этих слов*». Набоков подал прошение об увольнении. Примеров твердости и строгости Плеве не перечесть. Его поголовно боялись все чины Государственной канцелярии, не исключая статс-секретарей. Последние дрожали перед ним, пожалуй, более других, поскольку чаще с ним соприкасались, и было у них больше поводов навлечь на себя неудовольствие грозного начальника. Считались с Плеве и члены Государственного совета, завися от него по части испрошения очередной награды, денежных пособий (аренд), отпусков, перемещений из департаментов в общее собрание и т. п. И с ними Плеве бывал крут. Хотя мои родители давно с ним были знакомы и отношения ими поддер-

живались, я лично знал его мало. Был момент — я был тогда студентом университета — когда Плеве вздумалось сблизить меня со своим сыном, моложе меня на год и только собиравшимся поступить в университет. Я стал бывать у Плеве. Он был тогда товарищем министра внутренних дел и жил на казенной квартире на Большой Морской, в последнем доме, там, где Морская обрывается выходом на Мойку, *напротив реформатской церкви*. Семья состояла, помимо Плеве, из его жены Зинаиды Николаевны, сына Николая, дочери Елизаветы и престарелого тестя Вячеслава Константиновича. Мне было не по себе у Плеве. Хотя и отменно любезный, хозяин меня подавлял всем тем, что делало его внушительным и строгим и мало ослаблялось подчас шутливым его тоном. Зинаида Николаевна была бесцветная, безличная и скучная женщина, с давних пор подавленная бесчисленными изменами мужа. Менее всего она была способна внести оживление в их дом. Николай Вячеславович был крайне в себе замкнутый человек и, хотя неглупый, но, как и мать, бесцветный и физически, и морально, с которым, как я ни старался, установить что-либо общее было совершенно невозможно. Он хорошо учился. Был даже относительно способный человек, что помогло ему впоследствии сделать именем отца большую карьеру. Но он всю жизнь составлял отчаяние Вячеслава Константиновича своею именно какою-то отчужденностью от всего человеческого и живого. И с родным отцом у Николая Вячеславовича не было ничего общего. Слишком разительны были контрасты. И это сказывалось на их отношениях. Тесть Плеве бессловесною тенью скользил по комнатам и исчезал, создавая смутное впечатление расплывчатого серого пятна. Всех теплее в этой семье (этим, однако, немного сказано) была дочь Плеве, его любимица, Елизавета Вячеславовна. В ней сказывались некоторые, значительно, впрочем, смягченные, черты Вячеслава Константиновича. И в смягченном виде они создавали их обладательнице относительную привлекательность. Ради дочери Плеве устраивал у себя время от времени вечера. Вскоре Елизавета Вячеславовна вышла замуж за сенатского чиновника Вуича. Тогда дом Плеве окончательно заледенел. Я стал обмениваться с Николаем Плеве редкими визитами. Потом и они оборвались.

* * * * *

Кончилась сессия. И мы разъехались. Я отправился, по обычаю, в имение моей тетки О. И. Батуриной в Ковенской губернии, где и провел показавшиеся мне с непривычки чересчур затянувшимися четыре месяца ваканта. Работу по изданию «Сборника консульских донесений» вел, сидя в имении. Статьи и корректуру отправлял в типографию по почте.

На 1-е октября сессия Государственного совета возобновилась. Проводили всякие дела — и малые, и большие. Но интересных дел вплоть до конца года не было.

Глава 9.
1903 год

Супруг сестры царя Ксении Александровны великий князь Александр Михайлович был моряк. Хотелось быть набольшим в Империи моряком, а именно генерал-адмиралом. Но пост был занят великим князем Алексеем Александровичем, родным дядею царя. Было признано справедливым компенсировать Александра Михайловича. Не представлялось возможным сделать его главою военного флота. Решили возглавить им торговое мореплавание. Соответствующего отдельного ведомства не существовало. Для Александра Михайловича его создали — царским рескриптом на имя великого князя, помимо Государственного совета, которому, между тем, принадлежало обсуждение всяких вообще предположений об учреждении не только целых ведомств, но и отдельных должностей.

Так создалось Главное управление торгового мореплавания и портов в составе канцелярии и двух отделов, образованных из соответствующих делопроизводств Министерства финансов (той его части, которая ведала дела промышленности и торговли) и Министерства путей сообщения (по портовому управлению). Были переданы в новое ведомство и подчиненные влившимся в него частям министерств местные учреждения[1].

Новому министру понадобился товарищ. Рекомендован был и в январе 1903 г. назначен товарищем к великому князю статс-секретарь Департамента государственной экономии Государственного совета Сергей Васильевич Рухлов. Рекомендовал Коковцов.

На место Рухлова был переведен Тецнер, а к нам назначен статс-секретарем из Министерства финансов Николай Николаевич Покровский, с должности вице-директора Департамента окладных сборов. Это был первый случай назначения вице-директора на статс-секретарскую должность, по рангу соответствовавшую должности товарища министра. Государственная канцелярия нахмурилась. Но Коковцов, хорошо знавший Николая Николаевича по его службе в Министерстве финансов и правильно его оценивший, был стократ прав, остановив свой выбор на Покровском и проведя его на пост статс-секретаря. Выдающиеся способности будущего государственного контролера, впоследствии министра иностранных дел, его исключительная образованность, ум и громадная

трудоспособность снискали ему на первых же шагах службы в Государственной канцелярии всеобщее уважение. А его скромность, приветливость и доброта завоевали ему и всеобщие симпатии. Не смог только усидеть при нем на своем месте князь Дмитрий Петрович Голицын (Муравлин). Покровский был настолько его моложе, что при всей тактичности Николая Николаевича, ни в малейшей степени не проявлявшего себя начальником не только по отношению к князю, но и к канцелярской молодежи, самолюбие князя все-таки страдало от сознания формальной подчиненности такому молодому статс-секретарю. С другой стороны, назначение Покровского через голову князя, бывшего в то время первым по старшинству помощником статс-секретаря, особенно подчеркивало всю безнадежность дальнейшего продвижения Дмитрия Петровича по Государственной канцелярии. Этим, конечно, князь был обязан только и только самому себе, ибо, лишь снисходя к делам Государственной канцелярии, он настолько всегда поверхностно и нехотя занимался ими, что совершенно не был подготовлен к должности статс-секретаря. За всем тем оставаться ему было тяжело. Это было понято. И князю удалось устроиться членом совета министра народного просвещения. На его место был назначен начальник отделения канцелярии Комитета министров Николай Леонидович Петерсон, впоследствии директор канцелярии, а потом помощник наместника на Кавказе. Петерсона же перевели в Государственную канцелярию из канцелярии Комитета министров потому, что место его понадобилось*, чтобы при первом случае быть продвинутым на должность помощника управляющего делами комитета,* недавно перед тем женившемуся на дочери В. К. Плеве Н. И. Вуичу, бывшему до того одним из обер-секретарей Сената.

С Покровским меня связывали общие друзья и соседство по Ковенской губернии. Мы давно знали друг друга понаслышке. Но до этого случая, когда он совершенно неожиданно оказался назначенным моим начальником, ни разу еще не встречались.

Встретившись с Покровским, трудно было вообще с ним не сойтись. Связывавшая меня с ним общность интересов особенно располагала к сближению. Оно быстро укрепилось между нами. И много способствовало ему то обстоятельство, что совершенно случайно мы друг к другу подошли и методами, и формами работы. Она завязалась у нас согласная, дружная. Встретившись зимою, мы сразу заговорили о лете в Ковенской губернии и заранее обещались друг друга летом посетить.

* * * * *

В начале весны в суде слушалось дело Шабельской по обвинению ее в ряде мошенничеств, которые она учинила, используя свою связь с В. И. Ковалевским. Фигурировали векселя с подложною подписью Ковалевского. В достаточной степени скандальное дело основательно нашумело в печати и в обществе. Его злорадно подхватила оппозиция Сергею Юльевичу Витте, чтобы сломить ближайшего и талантливейшего его помощника, да кстати лишний раз ударить по самому министру финансов. Скандал, дискредитировавший его сотрудника, использовался, чтобы скомпрометировать самого Сергея Юльевича.

Атака, в связи с усилением оппозиции, была основательная. Чтобы отсрочить собственное свое падение, Витте пожертвовал Ковалевским. Владимиру Ивановичу пришлось уйти в *чистую* отставку. Он никогда не мог простить этого Витте. Но он был неправ. Если бы Витте не уступил, то пришлось бы уйти обоим. Ковалевский все равно не мог бы остаться.

В преемники ему Витте провел Василия Ивановича Тимирязева, бывшего в то время финансовым агентом в Берлине. По поводу этого назначения Витте говорил: «Они (оппозиция) добились удаления человека талантливого, умного *и остроумного*, полного *кипучей* энергии и *творческой* инициативы. Я им дам взамен деревянную куклу, от одного взгляда на которую мухи со скуки дохнут».

Незадолго до отставки Ковалевского министром финансов был внесен в Государственный совет законопроект о страховании рабочих[2]. Назначено было дело к рассмотрению вскоре после ухода Владимира Ивановича. Защищать проект явился Витте. Воспользовавшись случаем, чтобы опровергнуть распространившуюся клевету о том, будто Витте сам предал Ковалевского, отводя лично против него, Витте, направленный удар, тогда как Ковалевского персонально никто будто бы и не думал ломать, Сергей Юльевич заявил соединенным департаментам, что он извиняется за недостаточную подготовленность к представлению объяснений по подробностям проекта. «Их должен был доложить Государственному совету только что оставивший свой пост по обстоятельствам, от меня не зависевшим, — подчеркнул С. Ю. Витте, — мой товарищ».

Подготовленность на самом деле оказалась, разумеется, полная. Витте возвращался к делу, которое пытался провести еще в царствование Александра III и от которого тогда отказался лишь вследствие проявленного им малодушия, как он сам охарактеризовал причину своего отступления, перед противодействием всесильного советника царя К. П. Победоносцева. Витте повторил — на что не раз указывал — что Александр III по этому поводу ему заметил: «Напрасно вы отступили; я бы вас поддержал». «Я был тогда неопытен, — продолжал Сергей Юльевич, — но теперь не отступлю. Теперь отступать нельзя. И без того я вношу предлагаемую меру со значительным опозданием». Действительно, страна стояла в ту пору уже перед *правильно* организованным, *широко* распространенным и быстро возраставшим революционным движением на фабриках и заводах. Оно перекидывалось из города в деревню, вглубь страны, особенно в тех местностях, в которых крестьянство терпело земельный голод. Витте обрушился с резкою критикою на действия Министерства внутренних дел. Как известно, ведомство это уже несколько лет перед тем завело свою оригинальную агентуру в лице продававшихся ему предателей и провокаторов из революционных кругов. Оно думало через посредство их овладеть движением и, овладев, парализовать[3]. При этом не отдавало себе отчета в том, что закупленные им лица, чтобы отвести подозрения товарищей, работали не только на него, но и на революцию, и на последнюю едва ли не больше, чем на него. Министерство внутренних дел играло с огнем. В этом отношении и во многих других, в препятствовании всяким разумным, умеренным домогательствам общественных организаций, всяким начинаниям других ведомств, направленным к предотвращению революции, Витте находил «поддерживавшийся Министерством внутренних дел порядок хуже всякого беспорядка». «Революцию, — продолжал министр, — надо предотвращать своевременными мерами, устраняющими повод к недовольству

революционно настроенных масс. Предлагаемая мера не только диктуется требованиями справедливости, но и преследует именно эту цель. Касается она наиболее восприимчивого ко всяким революционным учениям общественного слоя фабрично-заводских рабочих. И надо эту меру провести!»

После этого общего выступления Сергея Юльевича Витте, дополненного некоторыми другими его соображениями преимущественно детального свойства, с возражениями министру от лица крупной промышленности выступил сам заводчик-фабрикант князь Александр Дмитриевич Оболенский. Прерывающимся от волнения голосом, *глубоко вдыхая и выдыхая воздух, от чего слово выливалось в рыдающий звук,* князь бессвязно, нескладно нес самого его конфузившую чепуху. Дело все-таки сводилось к тому, что не хотелось поступиться частицею прибылей на уплату причитавшейся по проекту с нанимателя доли страховых взносов за рабочих.

Задача Александра Дмитриевича выступить застрельщиком оппозиции по данному проекту была вообще неблагодарная. А его багаж возражений был настолько скудный, что, быстро его исчерпав, он увял и, красный от волнения и конфуза, сел на свое место. Витте не удостоил его ответом. Лениво развалясь в кресле, он рассеянно слушал выступавших одного за другим прочих оппозиционеров. Все они по неубедительности их бессодержательных доводов были отменно жалки. После насторожившего внимание *блестящего* вступительного слова Сергея Юльевича сановная аудитория стала скучать.

Диверсию внес приглашенный в заседание для дачи объяснений мой двоюродный брат, директор Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин. Свойственный ему мальчишеский темперамент, лишавший его сплошь и рядом чувства меры, занес его и на этот раз. Не испросив инструкций своего принципала В. К. Плеве, Алексей Лопухин стал болтать о том, что происходило на самом деле, но раскрывать что *во всей обнаженности* отнюдь не входило в виды Министерства внутренних дел. Слово «революция» не сходило с языка Алексея Лопухина. Он напугал старцев Государственного совета до полусмерти. Скука прошла. Старцы жадно ловили каждое его слово. Витте [a]ликовал[a]. Враждебное ему ведомство лило воду на его мельницу. Мало того, настаивая на наличии революции à outrance[b], сотрудник В. К. Плеве утверждал предпосылку к брошенному министру внутренних дел политическим его противником Сергеем Юльевичем Витте обвинению в том, что насаждаемый Плеве порядок хуже всякого беспорядка.

Сенсация была произведена значительная. Перепуганные старцы ходили к председателю Государственного совета вел<икому> князю Михаилу Николаевичу. Решено было на следующее заседание пригласить В. К. Плеве. И великий князь, сам встревожившийся не на шутку, обещал, что и он придет на заседание соединенных департаментов послушать Плеве. Обычно вел<икий> князь присутствовал и председательствовал только в общих собраниях Государственного совета.

Памятно мне это заседание. Большое стечение членов Государственного совета. Михаил Николаевич расположился в сторонке на одном из маленьких диванов, расставленных вдоль боковых стен зала заседаний. По левую руку от председателя Чихачева, рядом с ним, сел Плеве. Алексей Лопухин на этот раз вызван не был.

[a–a] Вписано вместо: «чуть-чуть улыбался».
[b] В преувеличении (фр.).

«В предшествовавшем заседании, — начал Плеве, — соединенным департаментом были представлены объяснения о внутреннем положении в империи директором Департамента полиции. Освещение им этого положения не воспроизводит действительной его картины и не отвечает тем совершенно точным сведениям, которыми я располагаю в исчерпывающей полноте. Как мне передавали, было произнесено слово, которое я лично не произношу за отсутствием к тому поводов. И не могу произнести иначе, как с чувством глубокого отвращения. Это слово — революция. Надо называть вещи своими именами. А в нашей действительности отсутствует то, что разумеется под этим понятием. Происходят, правда, время от времени бьющие по нервам *возмутительные* террористические акты. Убийство министра. Убийство губернатора. Но они не характеризуют того, что разумеется под тем неудачно произнесенным словом. Акты эти врываются в жизнь, мгновенно нарушая мирное ее течение. Но оно столь же мгновенно восстанавливается. Они не вносят глубоких потрясений. Не оставляют возмущенной стихии. Напрашивается сравнение с гладкою поверхностью пруда, мирно покоящегося в своих берегах. Брошен камень. Поверхность возмущена. От места падения камня разбегаются концентрические круги все меньшей волны по мере удаления от места возникновения, и замирают у берегов. Перед нами вновь спокойное зеркало пруда. Так и в нашем положении. Нет элементов, способных не то чтобы разрушить, но и поколебать наши освященные веками устои. Нет поводов для опасений. И мы лишь не гарантированы, по крайней мере, на ближайшее время, от повторения единичных политических преступлений».

Так говорил В. К. Плеве всего примерно за год перед тем, как был в клочья разнесен бомбою Сазонова, и за два года перед лишь не опознанными в качестве подлинной революции революционными событиями 1905 г. Но Плеве не был искренен. Он знал, конечно, все и более того, что знал Алексей Лопухин. И выводы последнего были, конечно, выводами самого Плеве. Самые эти выводы, очевидно, делались по докладам и на докладах директора Департамента полиции министру внутренних дел. Но Алексей Лопухин по свойственному ему легкомыслию выболтал то, чего не хотел высказывать его начальник. Плеве же, ведя определенную политику и естественно желая, чтобы вести ее ему не мешали, за лучшее и испытанное к тому средство почитал трафаретные заверения: по вверенной мне части все обстоит благополучно.

Плеве успокоил Государственный совет. Ему была тут же заявлена благодарность присутствовавших за «ценные и вполне убедительные» разъяснения, и соединенные департаменты перешли к обсуждению подробностей проекта. Вел<икий> князь Михаил Николаевич и Плеве удалились. Удивительным представляется, что Плеве, определенно дисквали<фи>цировав Алексея Лопухина, притом в таком высоком собрании, как Государственный совет, все-таки оставил его в должности.

* * * * *

Однако впоследствии А. Лопухину все-таки пришлось «пострадать». До сих пор не изгладилось из памяти современников нашумевшее в свое время «дело» А. Лопухина. Чтобы не возвращаться к А. Лопухину, посвятим ему тут

же, в отступление от хронологического изложения, несколько опережающих события строк.

А. Лопухин, делавший хорошую карьеру благодаря связям отца и его отношениям к бывшим сослуживцам Н. В. Муравьеву и В. К. Плеве, был продвинут последним с видной уже должности прокурора Харьковской судебной палаты на пост директора Департамента полиции. Плеве сделал этим назначением большую ошибку, оказавшуюся для него роковою. Алексей Лопухин был способный человек, но крайне легкомысленный, чрезвычайно себя переоценивавший и глубоко беспринципный. То он просвещенный либерал, то распинается против института суда присяжных и требует коронного суда. Сегодня он руководит Департаментом полиции. Происходят еврейские погромы. В них общественное мнение усматривает если не прямую инициативу департамента, то умышленное попустительство. Назавтра А. Лопухин обвиняет департамент в погромной деятельности за то самое время, в течение которого был его директором. В должности директора пользуется услугами Азефа в качестве заведомого провокатора. А потеряв службу и будируя правительство, разоблачает в Азефе провокатора. Если беспринципность и почиталась совместимою с руководством Департаментом полиции, то легкомыслие и переоценка себя очевидно были для этого дела непригодны. Удивительно, что такой осмотрительный человек, как Плеве, эти недостатки А. Лопухина проглядел. В конце концов он их обнаружил, но поздно. Легкомыслие же А. Лопухина было совершенно мальчишеское. Переоценка своего значения — просто глупая, не вязавшаяся с несомненною природною сметкою. Кружилась голова. *И лаял моською на слона.* В еще скромной должности прокурора Петербургского окружного суда, при наличности на месте старших лиц прокурорского надзора — прокурора судебной палаты и генерал-прокурора в лице министра юстиции, пытался сразиться сначала с градоначальником генерал-адъютантом Клейгельсом, а потом с комендантом Кронштадта адмиралом Макаровым. Оба раза был вынужден, конечно, позорно отступить. Между тем, если имелся повод, то воздействия мог бы добиться через свое начальство. Дни Плеве были сочтены. Он был, конечно, обречен революциею. За всем тем существовала призванная его оберегать охрана. И охрана была вверена директору Департамента полиции. Остается невыясненным, сознательно ли А. Лопухин вел дело к тому, чтобы освободилось кресло министра внутренних дел, мечтая, кто знает (вожделения честолюбца беспредельны), самому сесть на это кресло, или просто не сумел солидно организовать охрану. Плеве был убит. Привлечение А. Лопухина на пост директора Департамента полиции оказалось роковым для Плеве. После его убийства положение А. Лопухина поколебалось. Последовавшее же вскоре убийство вел<икого> кн<язя> Сергея Александровича карьеру А. Лопухина прикончило[4]. Директоров Департамента полиции было принято, и смещая их, обхаживать и щадить. Слишком много они теряли и на высоком содержании, и положении, если не поднимались выше. И в то же время слишком большими располагали секретами, *чтобы можно было не считаться с возможностью выдачи ими этих секретов из мести за нанесенную обиду*. Поэтому минимум, на который мог рассчитывать спускаемый директор, было назначение в Сенат. А. Лопухин был назначен эстляндским губернатором. Это было уже явною немилостью. Но и на губернаторском посту Лопухин не удержался, проявив крайнюю растерянность в дни революционных событий 1905 г. Пришлось вовсе

оставить службу. У власти был С. Ю. Витте, который помнил учиненную за ним шпионскую слежку и перлюстрацию его корреспонденции Департаментом полиции, когда его директором был А. Лопухин в дни министерства Плеве. Связывал со сосредоточенным вниманием Департамента полиции на своей особе и произведенное на него покушение попыткою взрыва в доме Сергея Юльевича на Каменноостровском проспекте наискось от «Аквариума»[5]. Прибывшему в Петербург, еще не знавшему о своем увольнении А. Лопухину министр внутренних дел в кабинете С. Ю. Витте П. Н. Дурново с первых же слов, не здороваясь, заявил: «Вы уволены по прошению». — «Я прошения не подавал...». — «Все-таки, вы уволены по прошению». Увольнение без указания причин было равносильно выдаче волчьего паспорта. Поэтому формула увольнения «по прошению» как-никак смягчала суровость принятой меры. Некоторое время спустя в газетах появилась заметка о ведении А. Лопухиным по поручению Департамента полиции каких-то таинственных переговоров с пресловутым Гапоном. Выходило, что А. Лопухин опустился до роли простого агента Департамента полиции. После поступил на частную службу. По появлении у власти Столыпина у А. Лопухина что-то с ним произошло. Они были близки в годы юности. И была и родственная связь через Оболенских. Думается, что А. Лопухин обратился к Столыпину с просьбою восстановить его на государственной службе в высших должностях, и Столыпин отказал. Тогда появляется в газетах открытое письмо А. Лопухина к Столыпину с разоблачениями погромной деятельности Департамента полиции. Столыпин возмущен. *Устанавливается определенно отрицательное его отношение к А. Лопухину*. Идут разговоры об ожидающих А. Лопухина репрессиях. Но к ним не прибегают. Инцидент с письмом ликвидируется без репрессий. Позже происходит не имеющая никакой связи с этим делом таинственная история с дочерью А. Лопухина, отправившейся с гувернанткою в поездку в Англию. Получается оттуда известие, что в Лондоне дочь А. Лопухина какими-то людьми похищена и куда-то заточена. Догадки строятся всевозможные. Говорят, что это дело рук революционеров. Высказывается и предположение о романической подкладке этого случая. А. Лопухин сломя голову летит в Англию. Дочь, столь же неожиданно, как пропала, водворяется к нему. В Лондоне происходят какие-то встречи А. Лопухина и ведутся им какие-то беседы с революционерами. Связываются с предметом этих бесед предшествовавшие его встречи и разговоры с Бурцевым. Следуют разоблачение Азефа А. Лопухиным, арест А. Лопухина, предание его суду и ссылка его в Сибирь, где он долгое время бедствует, потом оправляется, получив частную службу от заинтересовавшихся его судьбою банкиров-евреев[6]. Возвращения его из ссылки добивается обращенною к царю личною просьбою брат А. Лопухина Дмитрий Александрович Лопухин — в ту пору полковник Генерального штаба, командир одного из армейских кавалерийских полков, командовавший впоследствии, во время войны, *в чине генерала* гвардейским Конногренадерским полком и на войне убитый[7]. А. Лопухин возвращается в Петербург и устраивается на службе в частных банках. Потом перебирается в Москву, в отделение Сибирского банка. Резюмируя сказанное об А. Лопухине, нельзя придти к благоприятным для него выводам. Его поступки и дела рисуют его личность во всяком случае в невыгодном свете. И в нашумевшем его деле с разоблачением Азефа отнюдь нет признаков идейного мученичества, совершенно неправильно и тенденциозно некоторыми усмотренного в этом деле. Сводится оно к злобному,

сколь и легкомысленному сведению личных счетов с властью, которой А. Лопухин не без удовольствия в свое время служил, за то, что она, эта власть, впоследствии *совершенно* заслуженно его выбросила, по несоответствию А. Лопухина занимавшейся должности. А ранее им были произведены попытки шантажирования этой власти. Заслуги перед революциею? Менее всего сознательные. Что побуждало А. Лопухина к ним? Симпатии к революции? Нет. Простой перебег ошибшегося в расчетах приказчика от одного хозяина к другому.

* * * * *

Из дел протекавшей сессии Государственного совета в памяти сохранилось еще одно — это проект положения об учреждениях мелкого кредита, давший красочный пример расправы Сергея Юльевича Витте с его оппозициею[8].

Тактикою ее было нагромождать возражения на всякое предложение министра финансов. Задача эта была крайне неблагодарная. Так как очень умный министр выдвигал предложения продуманные и основательные, то возражения оппозиции не могли не быть в существе совершенно слабыми. Не укреплял их и ложный пафос, в который они облекались. Тем легче было умному и к тому же редко находчивому министру удивительно спокойно, без малейшего напряжения начисто сметать бездарную оппозицию *в беспощадном ее лае обезумевших шавок на невозмутимо шествовавшего своею дорогою слона*.

Речь зашла о порядке ревизии учреждений мелкого кредита на местах. Исходя из особенностей кредитного дела, при котором малейший повод к недоверию к кредитному учреждению со стороны вкладчиков может его поставить в критическое положение, и имея в виду, что самый факт ревизии может явиться поводом к заподозрению благополучия учреждения, если не будут соблюдены все необходимые предосторожности, проект министра финансов вверял ревизию только совершенно компетентным и опытным в кредитном деле финансовым органам. Оппозиция требовала предоставления права ревизии учреждений мелкого кредита местной административной власти, по распоряжениям губернаторов. Член Государственного совета, бывший губернатор барон А. А. Икскуль фон Гильденбандт указывал, что изъять проектируемые местные учреждения, хотя бы и кредитные, от надзора местной власти лишением последней права ревизии этих учреждений значило бы умалить значение губернского начальства, дискредитировать его в глазах местного населения. Говорили на эту тему и другие бывшие администраторы, отстаивая ту же точку зрения. Но с особенным пафосом эту тему подхватил и развил товарищ министра внутренних дел Александр Семенович Стишинский — он говорил и о колебании престижа, и о подрыве власти, и о принципиальной недопустимости предположения финансового ведомства.

Витте дал оппозиции выпустить весь заряд своей артиллерии[a].

Когда Стишинский кончил, Витте его поблагодарил за то, что своею речью он удержал его, Витте, от необдуманного шага. «Хорошо, что я не высказался, — пояснил Витте, — до того, как заговорил Александр Семенович. Ведь я готов был уступить. А теперь уже ни в каком случае не уступлю. Я все-таки допускал, что

[a] Далее в рукописи следуют пять строк, закрашенных чернилами.

у губернской власти существует какое-нибудь понятие о кредитном деле. А в таком случае, почему бы и не допустить эту власть до ревизии мелкого кредита? Но после речи Александра Семеновича мне стало ясно, что я ошибался. Ведь из этой речи видно, что Александр Семенович не только ничего абсолютно о кредитном деле не знает, совершенно его не понимает, но никогда и не думал о нем! А ведь Александр Семенович — человек высокого служебного положения, большого государственного опыта, товарищ министра внутренних дел, бывший товарищ государственного секретаря. И он ничего, так-таки ничего в кредитном деле не понимает. Чего же можно ожидать от губернаторов? Теперь, благодаря Александру Семеновичу, я совершенно убежден в том, что им ни в коем случае не может быть предоставлено право ревизии мелкого кредита. И от этого я уже не отступлюсь. Лучше возьму свой проект назад, как бы остро ни ощущалась на местах надобность в проектированной мере».

Стишинский сидел красный как рак. И вся оппозиция застыла в бессильном молчании. В лице Стишинского и ей была дана «по способу наведения» совершенно недвусмысленная квалификация.

* * * * *

Но Витте доламывали более сильные влияния. Работало под его председательством и руководством образованное по его же инициативе Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, ближайшею задачею которого ставилось разрешение земельного крестьянского вопроса[9]. В совещании видное место Витте уделил представительству земств. Земцы вносили в работу совещания поддерживавшиеся министром финансов определенно либеральные по тому времени тенденции. Они, конечно, шли вразрез с реакционным курсом Министерства внутренних дел. В разрезе с его политикою находилось и то, что Витте вел обсуждавшийся, по мнению министра внутренних дел — вовсе еще не назревший, вопрос к определенному разрешению. Политика же правительства в то время была такова, что когда подобный вопрос выдвигался жизнью более или менее остро, то созывалась комиссия будто для его разрешения, а на самом деле для похорон. Обществу давалось понять, что правительство не спит, а действует. Работает комиссия. Следовательно, вопрос будет разрешен. Но так как признавалось, что разрешить его вовсе не следует, то комиссии придавалась лишь видимость работы. Ее запутывали сетью ведомственных противоречий. Люди просиживали часы, дни, месяцы и годы в бесплодных словопрениях. Нагромождались речь за речью. Все записывалось. Редактировались и печатались журналы. Выделялись подкомиссии, в свою очередь печатавшие обширнейшие труды. Они складывались на полки. Общество уставало ждать. Внимание его отвлекалось другими злободневными вопросами, и данный вопрос на время забывался. Комиссия, не придя ни к какому определенному решению, похоронив вопрос, сама себя вслед за ним хоронила. Такая тактика признавалась мудрейшею. И вдруг беспокойный министр финансов задумывает и в самом деле разрешить, да еще радикальнейшим образом, такое вовсе к тому же неподведомственное ему преждевременное дело по связанной с ним ломке налаженного порядка, как земельный крестьянский вопрос. Плеве представлялась возможность, — как по-

казали последствия, им использованная[a], — убедить царя, что затея министра финансов не только радикальная, но и опасная по самому способу обсуждения: вредно само по себе вовлечение в работу совещания земских деятелей, способное внедрить в них преждевременные надежды и внести смуту в их умы[10].

Безобразовцы со своей стороны усилили свои атаки против Витте, выставляя его перед царем в качестве гасителя всякой не в нем зародившейся творческой мысли, деятеля, уже пережившего самого себя, растерявшегося перед грандиозностью планов царя по экспансии на Дальнем Востоке, не способного отвечать этим планам и потому их тормозящего. «Адмирал Тихого океана», как льстиво называл царя в то время император Вильгельм, *когда пытался чего-нибудь от него добиться,* в этих последних доводах почерпнул силу для увольнения Витте.

В августе [b]Витте[b] был назначен на совершенно безличный в ту пору пост председателя Комитета министров[11].

На его место был посажен весьма посредственный управляющий Государственным банком Плеске — длинный, тонкий, худой. Он уже был болен, когда оказался призванным в преемники Витте. По-видимому, непосильность задачи заменить столь яркий талант налегла на бедного Плеске таким тяжким бременем, что, фактически не вступая в должность, проболев, он через каких-нибудь 5–6 месяцев скончался. *Он все-таки успел переехать с Екатерининского канала, где помещался банк и в нем квартира управляющего банком, в казенную квартиру министра финансов на Мойке. Этим он дал повод неким остроумцам подивиться в стихах удивительному происшествию, как один петербургский канал «доплескался» до параллельного ему другого. И на этом лишь зиждется уже у немногих сохранившаяся память о Плеске.*

* * * * *

В августе же 1903 г. состоялись учреждение наместничества на Дальнем Востоке и назначение наместником адмирала Алексеева[12]. Дело определенно шло к войне. Но она расценивалась обществом как эвентуальность совершенно ничтожного значения: где-то на краю света, с кем — с японскими макаками! Министерство иностранных дел никакого ровно влияния на политику нашу на Дальнем Востоке не имело. Ее вели безобразовцы, подчиняя своей бесстыдной и безумной воле царя. С учреждением наместничества Министерство иностранных дел перестало служить даже передаточною инстанциею для сообщения распоряжений по делам Дальнего Востока. Царь сносился с Алексеевым через свою дальневосточную канцелярию, составленную из безобразовцев. Граф Ламздорф узнавал о том или ином распоряжении post-factum, а о многом и вовсе не узнавал. Другой министр, пожалуй, подал бы в отставку. Но Ламздорф рассуждал, что в России неограниченного самодержавия внешнюю политику ведет царь. А как он ее ведет, в это входить не дело верноподданного министра[13].

[a] Совещание было вскоре распущено, не окончив своей работы (*Прим. авт.*).

[b–b] Вписано вместо: «талантливейший в истории императорской России министр финансов».

* * * * *

Еще весною предпринял поездку в Японию военный министр Куропаткин[14]. Посланник наш в Токио барон Розен доносил о таившем в себе непосредственную угрозу войны крайне тревожном настроении Японии в связи с нашими действиями в Корее и Маньчжурии. Куропаткину поручалось: проверить правильность этой информации, разъяснить государственным деятелям Японии сущность нашей политики на Дальнем Востоке и отсутствие в ней факторов, нарушающих японские интересы (?), установить взаимные между Россиею и Япониею доверительные отношения и тем ликвидировать самую возможность их столкновения, ознакомиться попутно с наличием японских вооруженных сил и со степенью подготовленности Японии к войне с Россиею.

Первые три поручения поражают своею наивностью. Дело шло о том, кому, выражаясь мягко, «хозяйничать» в Корее и Маньчжурии. Японцы хотели поделиться, выговаривая себе исключительное право хозяйничанья в Корее и предоставляя Маньчжурию России. Мы же хотели хозяйничать и там, и тут, ограничивая японцев в Корее и вовсе не допуская в Маньчжурию, из которой упорно не выводили наших войск после боксерского восстания, несмотря на многократные торжественные наши обещания Китаю. Не стоило посылать человека из Петербурга в Токио, чтобы констатировать недовольство японцев такою нашею политикою и их желание защищаться. Невежественно было настолько недооценивать выдвинувшую высокий интеллект быструю цивилизацию Японии и издревле присущие японскому народу сметливость и хитрость, чтобы считать возможным втереть японским государственным деятелям очки и заставить их верить, что, грабя сама, под носом Японии, на Ялу, устроив там подлинно разбойничьи безобразовские заставы, стремясь захватить всю Северную Корею и корейские железные дороги, Японию же в Корее ограничивая, а в Маньчжурию вовсе не пуская, Россия не нарушала этим японских интересов[15]. Трижды наивно было рассчитывать на доверие Японии к нам, когда на ее многократные просьбы поделиться, отказом от Кореи, мы упорно продолжали наш корейский разбой, систематически отделываясь уклончивыми ответами, раздражая этим Японию и тем ее толкая на увеличение ее притязаний. И, по-видимому, нами было совсем забыто, что занятые Россиею в 1898 г. Порт-Артур и Талиенван были ведь не чем иным, как в свое время вырванными Россиею же, при поддержке Германии и Франции, плодами японских побед над Китаем в войну 1894–1895 гг., и что, все-таки, Япония задыхалась в тесноте своих островов.

Возвращаясь к данным Куропаткину поручениям и останавливаясь на четвертом, заключавшемся в том, чтобы ознакомиться с военною мощью Японии, раз уже дело дошло до признания решительно всеми эвентуальности войны, а очень многими — ее неизбежности, следует заметить, что лишь это последнее поручение являлось действительно дельным.

По части первых трех поручений Куропаткину пришлось лишь констатировать и без того очевидную правильность донесений барона Розена. К попыткам убедить японцев в том, что наша политика не противоречит их интересам, и добиться их доверчивого отношения к ней Куропаткин, как умный человек, вероятно, и не приступал. Что же касается последней задачи — выяснить военные силы Японии и степень ее подготовленности к войне, то в этом отношении Куропаткин

дал себя японцам постыднейшим образом одурачить. Он ничего не увидел и не узнал. События показали, что силы Японии были весьма внушительные и подготовленность полная. Если бы военный министр их не проглядел, то, быть может, успел бы предупредить катастрофу, настояв на прекращении безобразовских разбоев и на нашем отказе от посягательств на Корею. Но он все проглядел. И не были достаточно убедительно представлены им царю ни наша неподготовленность к войне на столь отдаленном плацдарме, ни весьма эффективная помощь к подготовке войны с Россиею, оказывавшаяся японцам в первую очередь Англиею, а также другими иностранными державами, заодно с Япониею восстановленными против нас вследствие нарушения Россиею в Маньчжурии принципа открытых дверей[16].

* * * * *

Лето я провел в Ковенской губернии. Побывал у Покровского под Кейданами в его маленьком имении Борткунишках, познакомился с его женою Екатериною Петровною и тремя сыновьями, тогда еще в раннем детском возрасте. И Николай Николаевич посетил нас в имении моей тетки Кайлаве. Оставался дня три. Восхищался видами красавицы Дубиссы в ее гористых и лесистых берегах, в глубине живописной широкой долины. Мы много гуляли. Много беседовали. Удивительно располагал к себе этот добрый, умный и всесторонне образованный человек. Особенно подкупали его ясная простота и *абсолютная* естественность.

По возвращении в Петербург мы продолжали работать во все возраставшем вследствие взаимного понимания контакте. Но вскоре совместная работа наша оборвалась. В декабре от воспаления в легких неожиданно скончался Сергей Константинович Тецнер. Покровский был переведен на его, более ответственный пост статс-секретаря Департамента государственной экономии. К нам был назначен статс-секретарем, из помощников статс-секретаря другого департамента, Александр Григорьевич Тимрот. *Я был с ним знаком, в свое время встречаясь у упоминавшегося в настоящих записках сенатора Александра Дмитриевича Свербеева.*

* * * * *

В конце декабря, заходя в Министерство иностранных дел за материалами для «Сборника консульских донесений», я столкнулся в дверях с выходившим из них вице-директором Второго департамента Альфредом Карловичем Бентковским. «Eh bien, cher ami! Ça sent en plein la poudre»[a]. Сердце упало. Внезапною интуициею я прозрел войну. И несчастную войну. Охватило предчувствие великих бедствий.

---

[a] «Ну вот, приятель! Здесь уже вовсю пахнет порохом» (фр.).

Глава 10.
1904 год

Она пришла. В головокружительно быстрой череде от 24 до 27 января произошли: отозвание японской миссии из Петербурга, нападение японцев, без объявления войны, на наши крейсер «Варяг» и канонерскую лодку «Кореец» в Чемульпо и на русский флот в Порт-Артурском рейде, с выводом сразу из строя трех наших броненосцев. Мы проспали это нападение, не приняв никаких мер предосторожности. Так крепка была наша уверенность в том, что «макаки» не осмелятся поднять на нас руку.

Поразительны были вообще неосведомленность наша о силах нашего противника, недооценка значения происходивших событий.

Дня через два, через три после несчастной для нас первой атаки японцев на наш флот прибыл в Государственный совет защищать какой-то свой проект по торговому мореплаванию вел<икий> кн<язь> Александр Михайлович. Собравшиеся в чайную комнату перед заседанием члены совета его обступили и стали расспрашивать о войне. Случилось мне в это время проходить через чайную комнату. «Война, — услышал я уверенно разглагольствовавшего вел<икого> князя, — какая это война? С нашей стороны это будет карательная экспедиция. До лета еще мы продиктуем японцам наши условия в Токио».

Нашелся человек — Сергей Васильевич Безобразов, — который в тот же день утверждал обратное: что мы вступили в подлинную войну и в несчастную для нас войну, что, в сущности, мы ее уже проиграли, допустив застигнуть себя врасплох в Порт-Артуре. И будем окончательно разбиты.

Командующим Маньчжурскою армиею для действий против Японии был назначен Куропаткин, а на его место военным министром — начальник Главного штаба Сахаров. При самом назначении Куропаткина командующим армиею всеми чувствовалось, что он неподходящий для этого человек. Естественно было по этому поводу бить тревогу. Но по свойственному нам обычаю мы шутили. Остроумцы спрашивали: «Но, все-таки, при ком же он будет состоять? Где Скобелев?» Куропаткин был в свое время начальником штаба генерала М. Д. Скобелева.

Куропаткин без конца собирался в отъезд. В качестве средства победы рекомендовал всем и каждому «терпение, терпение и терпение». Куропаткинское «терпение» вошло в русскую речь синонимом первоисточника неудач, гибели и поражения.

Военные неудачи наши сменяли одна другую в непрерывной череде. Нагромождение их являло убедительную картину поражения и делало и без того трудно оправдываемую войну крайне непопулярною. В тылу усиленно заработала отрицавшаяся министром внутренних дел революция. Недовольство питалось и ведением войны не сосредоточенными кадровыми частями, а преимущественно запасными пополнениями высоких возрастов, что отрывало от земли военнообязанное население, не только наиболее отвыкшее от оружия, но и в вящей степени привязанное к крестьянскому хозяйству и нужное в нем. Не выяснено, руководствовалась ли в этом отношении власть целями удержания кадровых частей на месте для противодействия возможному наступлению «внутреннего врага» или эвентуальностью осложнений на западной границе. *В последовавшую великую войну 1914 г., когда для спасения Парижа мы уложили в Восточной Пруссии наши лучшие гвардейские кадры, соображениями «поддержания внутреннего порядка», во всяком случае, мы не руководствовались*[1].

Поверхность тихого пруда, о котором год тому назад говорил в Государственном совете В. К. Плеве, еще раз возмутилась. На этот раз бомбою, брошенною в самого министра. Он был ею разорван буквально в клочья 15 июля 1904 г. в конце Измайловского просп<екта>, направляясь на Балтийский вокзал, чтобы следовать в Петергоф на очередной доклад царю. Революция наступала.

Несмотря на войну, в достаточной степени приковывавшую к себе общественное внимание, убийство Плеве всколыхнуло общественность всею беспощадностью аргумента террора в применении к столь внушительной, сильной и в силе своей казавшейся неуязвимою фигуре, какую являл покойный министр внутренних дел. Вместе с тем элементы, опасавшиеся сокрушительных потрясений, а такие элементы в общественности преобладали, содрогнулись от сознания наличия войны на два фронта — внешнего и внутреннего.

Но настороженность общественности в связи с убийством Плеве все-таки достаточно быстро миновала. Отвлекло шумно отпразднованное рождение 2 августа 1904 г. наследника Алексея Николаевича, на десятом году брачной жизни царя и царицы, дарившей до того времени своего супруга одними только дочерьми[2].

Осенью в Государственном совете появился красивый генерал-адъютант. Я его видел в группе членов совета, мягко, застенчиво улыбавшимся. *Сам он молчал*. Я догадался, и мне подтвердили, что это новый министр внутренних дел князь Святополк-Мирский.

Газеты болтали о «весне». Вспоминали о «диктатуре сердца» другого генерал-адъютанта (императора Александра II), графа Лорис-Меликова. Улыбавшаяся в красивом лице нового министра весна шла также от сердца. Но ее не удалось установить в осеннюю бурю слабым силам мягкотелого и посредственного Святополка. Он утомился от одних поисков практического разрешения вопроса, конкретно не придумав ровно ничего[3]. Снизойдя к поразительно быстро наступившему его переутомлению, царь уже в начале 1905 г. освободил Святополка от возложенного на него бремени, назначив министром внутренних дел, по рекомендации московского генерал-губернатора вел<икого> кн<язя> Сергея Александровича, бывшего калужского, а потом московского губернатора Булыгина — высокого, плотного мужчину важной осанки с глазами навыкате, придававшими ему выражение неживое и загадочное.

* * * * *

Еще в феврале осуществилась давняя мечта Владимира Николаевича Коковцова сесть на кресло Витте. Пришлось, правда, предварительно подпустить к этому креслу покойного Плеске. Но последний так поспешил умереть, что не успел до конца ожесточить против себя сердце Владимира Николаевича. Говорили, Плеске понимал задачу управления финансовым ведомством после Витте так, что надо не только бережно охранять наследие, оставленное даровитым предшественником, в виде до отказа набитых золотом казенных сундуков, хорошо по тому времени построенной финансовой системы и прекрасно налаженного аппарата, но и продолжать творческую инициативу Сергея Юльевича Витте. От непосильности последней задачи [a]честному человеку заурядных способностей[a] нельзя было, по меньшей мере, не растеряться, что и постигло, как говорили, скромного и добросовестного Плеске. Владимир Николаевич, *очень честный и абсолютно добросовестный,* скромностью ни в малейшей степени не отличался, счастливо смешивая в своем сознании с гениальностью бюрократизм того высокого класса, который он с блеском прошел и дисциплинами которого овладел в совершенстве. Поэтому задача замещения Витте, которому в признававшихся за ним выдающихся дарованиях Коковцов завистливо отказывал, нисколько последнего не смущала. Да и подошел он к делу проще. Неспособный к творческой инициативе, он самую ее надобность из задач управления финансовым ведомством исключил. Решил честно и бережно охранять унаследованные им и финансовую систему, и аппарат, а главное — казенные сундуки. В роли именно хранителя не им созданных ценностей и материальных богатств Коковцов на протяжении 10 лет, с кратким лишь перерывом от осени 1905 г. до весны 1906 г., и был номинальным лишь министром финансов. В существе, министром финансов он не был никогда. Был не названным государственным казначеем. И мог зачесть в плюс финансовой работы только оформление не им, а его сотрудниками соображенных кредитных операций и другими ведомствами навязанных частичных налоговых реформ. В минусе казначейской деятельности значатся последствия тупой и упрямой скупости — недостаточность военного снаряжения и плачевная редкость стратегистической (так!) железнодорожной сети к войне 1914 г.

Коковцова на посту государственного секретаря заменил хроменький барон Юлий Александрович Икскуль. А освободившаяся вакансия товарища государственного секретаря была замещена статс-секретарем Департамента гражданских и духовных дел Харитоновым. В конце ноября в Государственной канцелярии произошла еще одна перемена. Ушел Н. Н. Покровский с должности статс-секретаря Департамента государственной экономии. Его переманил Коковцов обратно в Министерство финансов на должность директора Департамента окладных сборов, освободившуюся вследствие назначения занимавшего эту должность Н. Н. Кутлера товарищем министра финансов.

[a–a] Вписано вместо: «лицу, не отмеченному печатью гениальности».

* * * * *

После того, как японцами была сведена почти на нет наша Тихоокеанская эскадра, в печати была поднята и настойчиво проводилась газетиром-моряком Кладо кампания в пользу снаряжения из наскоро подремонтированных старых балтийских судов новой эскадры для отправления на театр военных действий[4]. Эскадре этой, так как ей было не пройти кратчайшим путем через Суэц, предстояло обогнуть всю Африку при невозможности куда-либо зайти по дороге, чтобы отстояться и оправиться. И в отношении снабжения углем можно было рассчитывать на одну только Германию. Франция держалась нейтралитета. Не в пример ей *нейтральная* Англия не стеснялась снабжать японский флот не только своим углем, но и судами, снаряжением и даже инструкторами. Благоразумные люди из специалистов справедливо указывали, что при таких неравных условиях и принимая во внимание утомительность многомесячного перехода эскадры, почти безнадежным представляется вступление ее в бой с японским флотом, который, очевидно, будет подстерегать эскадру на подступах к театру военных действий. Успех был бы мало вероятен и в том случае, если бы эскадра состояла из крепких, новых судов. И такие суда после столь длительного перехода нуждались бы в ремонте. Наскоро же подправленные старые суда, несомненно, будут подходить к месту встречи с японским флотом в самом плачевном виде. Такое их состояние и утомление экипажа вследствие длительного перехода поставят эскадру в исключительно неблагоприятное положение по сравнению с противником, который будет вступать в бой со свежими силами, при полной исправности судов ввиду близости базы. Тем не менее, из нашего балтийского старья были снаряжены даже две эскадры — адмиралов Рожественского и Небогатова. Первая вышла раньше. Вторая — вслед за нею. Эта шла через Суэц. В пути они соединились. Мы провожали их в крайне подавленном настроении. Чувствовалось, что представленные цветом наших моряков экипажи идут на верную смерть. Мы уже успели убедиться в подготовленности, силах и мужестве нашего противника.

И, несмотря на то, невзирая на непопулярность войны в народе, не умалявшую, однако, героизма наших солдат в бою, война все-таки вызвала и в тылу в определенных кругах взрыв героического энтузиазма. Офицерская молодежь частей, не подлежавших отправлению на войну, воспитанники высших учебных заведений *наперебой* записывались добровольцами, шли на войну, и многие сложили свои головы на кровавой ниве.

Наблюдалось и обратное явление. Находились лица, состоявшие в запасе армии, которым предстояло быть призванными в боевые части, но которые менее всего этого хотели. Они выказали исключительный интерес к Красному Кресту и к другим образованным по случаю войны организациям того же рода, служба в которых освобождала от призыва в войска. И многие устроились в этих организациях. Некоторые остались на службе в них в России. Другие оказались вынужденными отправиться на театр военных действий. Хотя от непосредственных опасностей войны они отгородились, их все-таки чествовали и провожали, как на подвиг ратный.

Глава 11.
1905 год

Под влиянием войны и усилившегося революционного движения 1905 год начался в Петербурге с внушительной рабочей забастовки, постепенно втянувшей в себя свыше 100 000 рабочих разных фабрик и заводов во главе с Путиловским. И не было в этом году и впоследствии такого дня, чтобы не произошла в одном только Петербурге, не говоря о прочих местностях и городах, какая-либо, хотя бы частичная, забастовка.

6-ое января ознаменовалось загадочным событием. Происходило в присутствии царя обычное крещенское водосвятие на Неве у Зимнего дворца. Петропавловская крепость салютовала обычными пушечными выстрелами. Они полагались и были, разумеется, всегда холостые. На этот раз на Иордань и фасад Зимнего дворца посыпалась картечь. Царь не был задет ею. Заряд главною массою пронесся выше. Были разбиты картечью стекла в окнах бельэтажа Зимнего дворца. Тем не менее, рассыпавшимися пулями несколько человек было ранено. Напрашивалась мысль, что картечный выстрел определенно целил <в> царя. Произведенное дознание, однако, не выяснило, умышленно или случайно был положен в стрелявшее орудие заряженный патрон. Дело было сведено к случайности, к недосмотру производивших салют офицеров. Им было сделано соответствующее внушение. И тем дело ограничилось.

9 января! [а]Дней подобного ужаса и трагизма не приходилось раньше переживать ни нам, ни отцам нашим[а]. День этот оставил по себе обширную литературу, обогащаемую по настоящее время в годовщины «кровавого воскресенья» личными воспоминаниями участников событий и их свидетелей. К описанию событий нечего добавлять[1]. В краткой реляции дело сводилось к тому, что был такой священник Гапон, явившийся организатором Общества русских фабрично-заводских рабочих. Существованию этого общества правительство не препятствовало, рассчитывая признанием такой явной рабочей организации парализовать развитие тайных конспиративно-революционных объединений

[а–а] Вписано вместо: «Переживать после этого дня дни, ему подобные, стало трагическим уделом нашего поколения. Но раньше таких дней не бывало, ни на нашей памяти, ни в памяти наших отцов».

рабочих. Так вот, этот самый Гапон организовал и 9 января повел к Зимнему дворцу многотысячную процессию рабочих с петициею к царю о политических свободах. Полиция и призванные на помощь ей войска пытались задержать процессию еще на заставах. Но скопление рабочих было таково, что передним рядам под напором надвигавшихся задних не было куда поддаться (так!). Войска стреляли. Двигавшиеся по разным артериям массы рабочих все-таки проникли в центр города и дошли до площади Зимнего дворца. И по пути, и на самой площади манифестация подверглась расстрелу.

Столица обагрилась кровью рабочих. Кровавый день сменился тревожною ночью. Часть войск, не возвращаясь в казармы, расположилась бивуаками на улицах и площадях. Повсюду разъезжали патрули. Жизнь замерла. Население притаилось. И на следующий день, и на третий магазины, лавки, места общественных собраний оставались закрытыми, с окнами, заложенными ставнями или заколоченными досками. Столица была объявлена на военном положении и производила впечатление города, осажденного неприятелем. Вследствие забастовки рабочих электрических станций город был погружен во тьму.

Обыватель плохо разбирался в сущности и значении происшедшей катастрофы. Помимо ужаса, она содержала в себе элементы не отмеченной обывателем новизны. Подвергшаяся расстрелу манифестация рабочих была первым на памяти современников организованным выступлением столь внушительных по своей численности объединенных масс. Раньше приходилось иметь дело со спорадическими выступлениями рабочих, преимущественно на отдельных фабриках и заводах. Инертно расценивая новое по-старому, обыватель видел в катастрофе кровавое подавление очередных «рабочих беспорядков», лишь небывало крупного масштаба. Не отдавал себе отчета в том, что, выступая со своею петициею, в ее объеме и политическом значении осознанною далеко не всеми рабочими, ибо большинство все-таки поднялось просить царя лишь о непосредственно этому большинству понятных и нужных улучшениях условий труда и повышении заработной платы, рабочая манифестация была в своей массе настроена мирно. И полно было рокового значения именно то обстоятельство, что была расстреляна мирная манифестация. Что организованно объединенными массами рабочих небывалой численности расстрел был воспринят как свидетельство невозможности мирного сговора с властью. Что с утра на вечер 9 января удерживавшееся еще в сознании многих в рабочей среде доверие к власти сменилось, впоследствие расстрела, ненавистью к ней. Что в России на смену революционному движению родилась в этот кровавый день революция.

Она пошла и пошла. В столице по внешности наступило временное затишье. Но петербургские выстрелы 9 января детонировали по всей России. То здесь, то там вспыхивали приобретавшие все более грозное значение рабочие беспорядки. Революция перекинулась в деревню. Запылали громившиеся крестьянами помещичьи усадьбы. Ширился террор. Мельчали, а потому множились в числе объекты террористических актов. После министров и губернаторов жертвами их стали второстепенные агенты администрации вплоть до городовых, полицейских урядников и сельских стражников. 5 февраля Каляевым был убит московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. Царь командировал на места для руководства мерами успокоения населения своих генерал-адъютантов. Из них были убиты бывший кратковременно военным министром после назначе-

ния Куропаткина командующим Маньчжурской армиею генерал Сахаров и член Государственного совета граф А. П. Игнатьев. Около того же времени был убит в Петербурге начальник Главного тюремного управления Максимовский, почти только что перед тем назначенный на этот пост с должности помощника начальника управления. Раньше он служил в Государственной канцелярии.

Энергическое наступление революции в условиях военного времени смутило верховную власть. В феврале рескриптом на имя сменившего Святополк-Мирского лупоглазого Булыгина была учреждена под председательством последнего комиссия для выработки положения о законосовещательной Думе[2]. Впредь до ее учреждения и созыва выпущенною в форме указа Сенату декларациею о праве петиций все население поголовно приглашалось участвовать в законодательной работе страны присылкою по почте законодательных предположений для рассмотрения правительством. Полагалось, что мерами этими, всенародно объявленными, общественность будет удовлетворена.

Однако минимум ее пожеланий сводился к конституции, с правительством, ответственным перед народным представительством. «Законодательство по почте» было сочтено мыслью, на которой не стоило останавливаться даже для ее осмеяния. Общественность прошла мимо нее. Булыгинская законосовещательная Дума с негодованием отвергалась.

Другою мерою верховной власти было учреждение в марте, взамен распущенного «крамольного» Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности С. Ю. Витте, комиссии И. Л. Горемыкина по выработке мер к укреплению крестьянского землепользования[3]. Комиссия должна была успокоить крестьян, разрешив аграрный вопрос и утолив крестьянский земельный голод. Но отнюдь не так радикально, как это задумывал развенчанный министр, а по такому хитрому способу, чтобы крестьяне успокоились, а в основном все осталось по-старому. Комиссию И. Л. Горемыкин образовал специфически бюрократическую. Из пыльных архивов крестьянской реформы императора Александра II живою реликвиею был извлечен сотрудник деятелей этой реформы член Государственного совета Петр Петрович Семенов, за географические заслуги снабженный неуклюжим придатком к фамилии: «Тянь-Шанский». Он был относительно скромным работником при деятелях крестьянской реформы. Но как живой свидетель их работы вытаскивался во всех случаях, когда нужно было вещать о великих ее преданиях. И на этот же предмет был вытащен в горемыкинскую комиссию. Полагалось, что он был знатоком крестьянского вопроса и в позднейшем его развитии. Специалистом в не меньшей, если не в большей степени в крестьянских делах почитался сам Иван Логгинович — по той причине, что был в свое время обер-прокурором ведавшего крестьянские дела Второго департамента Сената и не то сам написал, не то «руководил» написанием сенатского труда по крестьянскому законодательству[4]. Совещание показало, что в существе крестьянского вопроса не разбирались ни Иван Логгинович, ни Петр Петрович. Оба плохо помнили: первый — крестьянское законодательство, отойдя от сенатской практики по крестьянским делам, а второй — крестьянскую реформу шестидесятых годов, за значительною ее давностью. В качестве знатока крестьянского вопроса в его актуальной злободневности в комиссию был вовлечен Владимир Иосифович Гурко, в ту пору — товарищ министра внутренних дел, управлявший Земским отделом — умный, циничный, *абсолютно* аморальный.

В качестве представителя не то земли, не то поместного дворянства был приглашен богатый помещик, в большей, однако, степени богатый промышленник и делец Меллер-Закомельский. Еще несколько совершенно тусклых бюрократов. Несколько представителей ведомств. Комиссия численно маленькая. Если не считать вливавшего в нее некоторую живую струю, хотя и весьма мутную, В. И. Гурко, комиссия получилась в своем составе на редкость бездарная, мертвая, скучная до тошноты, импотентная до бесстыдства. И в противопоставление либеральному совещанию С. Ю. Витте — сугубо реакционная.

Для выдержания стиля Горемыкин пригласил управляющим делами комиссии Николая Плеве, сына Вячеслава Константиновича. Вскоре после назначения Плеве-отца министром внутренних дел с должности государственного секретаря сын его, служивший до того времени в Переселенческом управлении ведомства внутренних дел, был переведен друзьями отца к нам в Государственную канцелярию, где, благодаря высокому положению Вячеслава Константиновича, получил быстрое движение. Вячеслав Константинович, не очень увлекавшийся достоинствами сына, по этому поводу, как говорили, иронизировал: «Оказывается, мой сын обладает блестящими способностями. Я этого не замечал. Мне раскрыла глаза Государственная канцелярия». Незадолго до учреждения комиссии Горемыкина Николай Плеве был проведен на должность помощника статс-секретаря.

К участию в работах по делопроизводству горемыкинской комиссии Николай Плеве пригласил служившего в Государственной канцелярии своего школьного товарища Лодыженского, а также меня. Мы оба, как и Николай Плеве, оставались в должностях по Государственной канцелярии. Занятия в комиссии, заседавшей, кстати сказать, в Мариинском дворце, в помещениях Государственного совета, совмещались нами по особому приказу государственного секретаря с основною нашею службою.

Комиссии, подобной горемыкинской, я за мою уже 11-летнюю к тому времени службу никогда еще не наблюдал. И о такой комиссии не слыхивал. И после, до конца империи, не доводилось ни слышать, ни наблюдать. Знал о комиссиях, заключения которых не получали осуществления, а подшивались к делам и складывались на полки. Но там все-таки были именно заключения, решения, резолютивные выводы. Здесь ничего. Так-таки ровнехонько ничего. Одни слова. И ни одного решения, ни одного вывода[5]. Когда после первого или второго заседания Николай Плеве просил меня составить заметку о работе комиссии для печати, представители которой обратились к нам за информациею, я был поставлен в невозможность исполнить эту просьбу. Лгать не хотел. А что бы ни сказать о работе комиссии, все было бы ложью. Работы не было. Не было даже плана работы. Сидели люди за столом. И болтали. Болтали скучно, вяло, бессистемно. Председатель, болтавший больше всех, прениями не руководил, вопросов не ставил, ничего не резюмировал, ни к чему конкретному не приходил. В конце концов я убедился, что Горемыкин вел дело так нарочно. Он еще не впал в тот старческий маразм, который мы у него наблюдали впоследствии, когда он был председателем Совета министров в годы мировой войны, перед крушением империи. И как ни был он бездарен, ленив и перед задачами, требовавшими инициативы и творчества, импотентен, все-таки мог и программу кое-какую обсудить, и вопросы комиссии поставить, и прениями руководить, и резюмировать прения. Но он этого не хотел делать, считая мудрым ограничиваться одною инсцениров-

кою работы по разрешению крестьянского земельного вопроса. Самой работы отнюдь не проделывать. И уже во всяком случае ни к каким реальным предложениям не приходить. Крестьяне временно успокоятся от одного сознания, что ими занялось правительство. Время будет выиграно. Война с Японией закончится. Руки у правительства окажутся развязанными. И тогда будет легко окончательно успокоить крестьян внушительностью аргумента сильной власти.

* * * * *

Из мероприятий власти в начале 1905 г., вызванных наступлением революции, следует упомянуть об учреждении еще двух мертворожденных комиссий: члена Государственного совета Н. В. Шидловского и министра финансов В. Н. Коковцова[6]. Комиссии Шидловского поручались выяснение и выработка мер к удовлетворению нужд рабочего населения, при непосредственном участии выборных от рабочих. За невозможностью соглашения с рабочими об объеме их участия в работах комиссии и о порядке выборов в комиссию рабочих делегатов комиссия эта, учрежденная в конце января, была менее как через месяц распущена, не дав никаких результатов, кроме вящего обострения отношений между рабочими и правительством. На учрежденное в самый день роспуска комиссии Шидловского совещание Коковцова возлагалась разработка тех же мероприятий, но уже без участия рабочих делегатов. Совещание Коковцова не только также ничего ровно не дало, но даже не удосужилось поспешить собраться. Первое его заседание состоялось только в середине мая — почти через 3 месяца после созыва совещания. Со второго заседания ушли представители промышленности, заявив, что не могут продолжать занятия ввиду создавшегося крайне напряженного политического положения. Совещание увяло, сошло на нет. Больше о нем не приходилось слышать.

* * * * *

На войне дела наши шли все хуже и хуже. В январе при атаке Сандепу из возглавлявшихся Куропаткиным в звании главнокомандующего трех маньчжурских армий Линевича, Гриппенберга и Каульбарса потерпела сильнейшее поражение 2-я армия генерала Гриппенберга. Совершенно был разгромлен входивший в эту армию корпус генерала Штакельберга. В конце февраля произошло общее отступление всех трех наших армий от Мукдена перед силами японцев в беспорядке беспримерном и до того времени в нашей военной истории небывалом, с потерею 2-ю и 3-ю армиями обозов, орудий, зарядных ящиков. Войска отступали неорганизованными толпами людей, потерявших всякую связь со своими частями. Гриппенберг, непосредственно сам виноватый в разгроме и беспорядочном отступлении своей армии, самовольно бросил ее и бежал в Петербург жаловаться на бездарность командования Куропаткина. Бывший начальник штаба генерала Скобелева действительно оказался военачальником ниже всякой критики. Когда силы японцев в тот или иной момент, на том или ином участке фронта уступали нашим силам и можно было наступать, Куропаткин медлил

и не решался. Японцы получали подкрепления, и тогда, имея перевес, наступали они и нас громили. Стали совершенно ясными полнейшая непригодность Куропаткина для верховного командования армиями и безнадежность расчетов на него, чтобы задержать японцев. Был поставлен вопрос о смещении Куропаткина и назначении ему преемника. Обсуждалась кандидатура вел<икого> кн<язя> Николая Николаевича. В начале марта главнокомандующим был назначен командующий 1-й маньчжурской армией генерал Линевич, а на его место перемещен Куропаткин.

* * * * *

События шли своим чередом. Обреченные эскадры адмиралов Рожественского и Небогатова, соединившись после *непродолжительной* остановки первой эскадры у Мадагаскара, шли навстречу своему зловещему року.

15 мая происходило очередное заседание горемыкинской комиссии. Во время перерыва дошла до Мариинского дворца страшная весть. Накануне, 14 мая, у острова Цусимы эскадра Рожественского целиком уничтожена японским флотом, эскадра Небогатова сдалась. Подробностей не сообщалось. Они пришли потом.

Как ни были мы подготовлены к катастрофе, размеры бедствия потрясли нас в непередаваемой степени. Казалось, все, что было раньше — постепенное уничтожение нашего флота, сосредоточенного на Дальнем Востоке до начала войны, беспримерные поражения наших армий в Маньчжурии, падение Порт-Артура — все бледнело перед ужасами Цусимы. Погибла эскадра в составе многочисленных судов мгновенно, сразу, в первую, единственную свою встречу с неприятельскими силами. Воображение дополняло трагическую весть. Как впоследствии подтвердилось, ураганным огнем изрешеченные суда стремительно шли ко дну с<о> своими экипажами. После многомесячного страдного перехода молниеносным ударом сметены, убиты, потоплены все от нас ушедшие на верную гибель, героически встретившие смерть. И другая целая эскадра сдалась неприятелю.

Петербург — тот Петербург, который веселился в весеннюю и летнюю пору на островах и в шато-кабаках в центре города — не облекся в траур по погибшим морякам. Весть о Цусиме не прервала его обычных поисков развлечений, еженочного пьяного разгула. Увеселительные сады были переполнены. Оперетка неистовствовала. На открытых подмостках шел похабный аттракцион. Страстная цыганская песнь, чувственный надрыв румынского оркестра, обильная, жирная пища на переполненные, сытые желудки гнали к вину, лившемуся рекою, к пьяной оргии, к [a]блуду[a]. Наглая белая ночь, сменившая прозрачные сумерки, озаряла великий разврат столицы, равнодушной к беспримерным ужасам Цусимы.

В следующие дни рабочие требовали на сходках прекращения войны и созыва Учредительного собрания. В Павловске произошла вызвавшая вмешательство полиции интеллигентская демонстрация против войны.

[a–a] Вписано вместо: «заключительному эротическому спазму».

* * * * *

Приехал около этого времени из Москвы периодически оттуда наезжавший в Петербург Леонид Виталиевич Собинов, известный оперный певец, мой одноклассник по ярославской гимназии, с которым у меня сохранились близкие приятельские отношения. К нему как ни приди, всегда была у него толчея народа. Зайдя как-то вечером, я и на этот раз застал у Собинова многочисленную компанию. Пили чай, закусывали. Хозяйничала состоявшая в ту пору официальною властительницею дум Л. В. красивая (напоминавшая Лину Кавальери), но сумрачная и мало приветливая артистка Коралли. Обсуждали злободневный вопрос о заполучении конституции во что бы то ни стало. Вел беседу пользовавший Собинова и при приездах его в Петербург неизменно напутствовавший Л. В. на каждое вокальное выступление врач Ф. П. Поляков — выдающийся специалист по болезням уха, горла и носа. Поляков рассказывал как о деле решенном о предстоявшей осенью всеобщей забастовке, которая вынудит власть уступить требованиям народа. Большинство присутствовавших впервые тогда услышало от Полякова об этой генеральной революционной мере. Эффективность ее в случае осуществления представлялась несомненною. Но скептическое отношение встретила возможность единовременного вовлечения в забастовку обслуживавших государственное хозяйство громадных масс служащих, рабочих, ремесленников, представителей либеральных профессий на всем пространстве огромной страны. И сколь ни расхлябанною представлялась власть, высказывалось мнение, что предупредительными встречными мерами она не допустит всеобщей забастовки. Как бы то ни было, последняя была серьезно задумана и организованно подготовлялась. Поскольку о ее подготовке говорилось во всеуслышание, ясно было, что о ней прекрасно было осведомлено правительство[7].

* * * * *

Наши крайние военные неудачи выдвинули вопрос о мире. С предложением посредничества выступили Северо-Американские Соединенные Штаты в лице президента Рузвельта. Предложение совпало с моментом, когда нам удалось сосредоточить на театре военных действий наибольшее с начала войны количество войск, дававшее нам перевес над силами японцев[8]. Но одновременно усилилось революционное движение внутри страны, приобретшее особенное развитие на юге, — события на «Потемкине», восстание, возглавленное лейтенантом Шмидтом[9], и др. Революционное брожение перекинулось и в тыл действующей армии. С другой стороны, перевес сухопутных сил не компенсировал совершенную потерю нами нашего флота, делавшую беззащитным тихоокеанское наше побережье. Если прибавить крайнюю непопулярность злосчастной войны в народе и его утомление военными неудачами, то следует признать, что предложением Рузвельта благоразумие повелевало воспользоваться. Усиление же наших сосредоточений на театре военных действий должно было сыграть для нас роль того единственного нашего козыря, который дал бы нам возможность заключить мир на наименее невыгодных для нас условиях.

Заключать непостыдный мир для великодержавной России, оказавшейся побежденною маленькою, долго почитавшеюся ничтожною Япониею, являлось задачею настолько нелегкою, что для нее требовалась личность исключительного таланта. Такою личностью в правящих кругах тогдашней России был один и только один развенчанный неблагодарным царем, ненавистный ему и окружавшей его завистливой сановной своре Сергей Юльевич Витте. Никто не мог назвать другое лицо. И никто не решался взять на себя выполнение предстоявшей исключительной трудности задачи. Царь долго колебался из-за его ненависти к Сергею Юльевичу и пытался заменить его для ведения мирных переговоров Николаем Валериановичем Муравьевым, бывшим министром юстиции, недавно перед тем назначенным нашим послом в Риме. В конце концов царь оказался вынужденным уступить. Заключать мир был послан Витте. Сергей Юльевич, который при его большом уме не мог не отдавать себе яснее, чем кто-либо, отчета в трудности возлагавшейся на него миссии, ни одной минуты не поколебался взять ее на себя. Его угнетала бездейственная роль председателя Комитета министров, сводившаяся при отсутствии объединенного кабинета к руководству в собраниях министров обсуждением лишь совершенно второстепенных дел, по маловажности изъемлевшихся (так!) от рассмотрения Государственного совета. Кипучий темперамент и выдающиеся дарования прирожденного крупного государственного деятеля повелительно звали Сергея Юльевича к иным ответственным делам, к привычной для него борьбе и к увенчавшим его усилия победам. Он отправился в Америку в июле. В помощь ему, вторым делегатом, был назначен бывший наш посланник в Японии, в то время посол в Вашингтоне барон Розен. От Министерства иностранных дел сопровождали Витте старший чиновник Азиятского департамента И. Я. Коростовец, бывший комиссар по дипломатической части упраздненного наместничества на Дальнем Востоке Плансон, секретарь канцелярии министерства К. Д. Набоков[10].

* * * * *

Одним из последствий наших морских поражений явилось упразднение в июле месяце должности генерал-адмирала флота с увольнением от нее сделавшегося за время войны особенно непопулярным дяди царя вел<икого> кн<язя> Алексея Александровича[11]. Морским министром, в качестве уже полновластного начальника морского ведомства, был назначен адмирал Бирилев, маленький, не умный, но хитренький, порывистый старичок, подыгрывавшийся чудаковатыми выходками под генералиссимуса Суворова. Припоминаю его на одном из заседаний Государственного совета проводившим какие-то дополнительные штаты Морского кадетского корпуса. Ни к селу ни к городу, единственно, по-видимому, ради отвлечения присутствовавших от начавшихся было возражений, он стал распространяться с забавными ужимками и неприсущим теме юмором об онанизме среди морских кадетов. Настаивал на этой теме столь длительно и с такими подробностями, что председатель адмирал Чихачев наконец ему заметил, что дело достаточно освещено, а что касается онанизма, то он не имеет непосредственного отношения к штатам Морского корпуса. Время, однако, прошло

и, торопясь закончить заседание, оппоненты адмирала Бирилева к возражениям своим не возвращались. Штаты были приняты.

Суворивший маленький адмирал пользовался временным успехом у царя. На него возлагались надежды. Более, нежели на его прошлом, мало о чем говорившем, надежды эти основывались на живости темперамента Бирилева. Последняя противоставлялась (так!) мертвенной флегме его коллеги — военного министра генерала Редигера, бывшего начальника канцелярии Военного министерства, мужчины представительного, но бесцветного, типичного военного бюрократа.

* * * * *

Лето я проводил по обычаю у тетушки в Ковенской губернии. Погостил опять у бывшего своего статс-секретаря по Государственной канцелярии Н. Н. Покровского, урвавшего себе месячный отпуск после страдной зимы. И Н. Н. опять погостил у нас. Он основательно утомился в новой должности директора Департамента окладных сборов. Такая уже была судьба Н. Н., что куда бы его ни привела служба, всегда и везде, на всех должностях ему приходилось [a]страдно[a] работать. Усидчивость и работоспособность его были изумительные. Он мог писать, не отходя от стола днями и ночами. Как сейчас помню первые его шаги в Государственной канцелярии в должности статс-секретаря. После памятного одного заседания, на котором проходил особо спешный законопроект, Н. Н. безотлагательно принялся за составление журнала в служебном кабинете, не думая о возвращении домой, в Царское Село, где он в то время жил с семьею. Просидел за работою весь день и всю ночь до утра, пока не закончил объемистый обстоятельный журнал. По каждому делу Н. Н. вел большую подготовительную работу, изучая прецеденты, историю вопроса, научную его трактовку, соответствующее иностранное законодательство, подбирая материал для согласования проводимой новой меры с системою соприкасавшихся с нею законоположений. Исключительная добросовестность Н. Н. сама по себе умножала и осложняла его работу. Он много и усидчиво работал в нашем департаменте. И еще более напряженно пришлось ему работать по Департаменту государственной экономии, в связи с войною, по проводившимся через Государственный совет вопросам об ее финансировании. Летом 1904 г. из-за спешной работы по военным кредитам Николаю Николаевичу не пришлось даже воспользоваться традиционным вакантом по Государственному совету. Переход на должность директора Департамента окладных сборов, вследствие особого настояния Коковцова, не облегчил работу Н. Н. Департамент, по широкому кругу его ведения и обилию дел, равно как по многочисленному служебному персоналу, представлял собою почти целое ведомство. Много времени и труда требовало управление им и в обычных, нормальных условиях исполнения одних лишь текущих дел. Война же, при всем блестящем состоянии Государственного казначейства, до которого его подняло *бесподобное* управление финансами России С. Ю. Витте, не могла все же не поколебать устойчивости ресурсов казны и не внести в них значительного напряжения. Приходилось изыскивать новые источники государственных доходов

[a–a] Вписано вместо: «зверски».

и преобразовывать и улучшать прежние. Подкрепить в посильной мере государственный бюджет предполагалось, между прочим, соответствующими реформами в области прямого обложения. Поэтому ведавшему этим обложением Департаменту окладных сборов предстояло пересмотреть всю действовавшую налоговую систему. Нечего говорить о том, насколько одни подготовительные действия к выполнению столь обширной и ответственной задачи увеличили объем работы департамента и его нового, исключительно трудолюбивого руководителя. Переход с должности статс-секретаря Государственного совета на должность директора Департамента окладных сборов Министерства финансов связался, в конце концов, для Н. Н. с сугубым отягощением работою. И еще он потерял с этим переходом на ранге должности. Статс-секретари Государственного совета [a]по рангу были выше директоров департаментов[a]. Сослуживцы Н. Н. очень неодобрительно отнеслись к принятию Покровским предложения Коковцова, считая, что своим согласием на него Н. Н. роняет должность статс-секретаря. Но поскольку Н. Н. считал себя связанным с Коковцовым, будучи именно ему обязан назначением статс-секретарем, он считал правильным и в дальнейшем не расходиться с Коковцовым, почему и принял несколько необычное его предложение, не придавая значения, в качестве человека прежде всего умного, вопросам такого порядка, как достоинство того или иного ранга. Компенсировался Н. Н. несколько бо́льшим содержанием по новой должности. Обстоятельство же это представлялось для него ценным в том отношении, что служебный заработок для него являлся источником средств не только для существования его семьи в тесном смысле этого слова, т. е. жены и детей, но и для поддержания его родителей, а также матери жены, и для оказания посильной помощи, равным образом, другим близким людям. Небольшая земельная собственность в Ковенской губернии служила лишь подспорьем к заработку. Доход от нее преимущественно шел, как это обычно водилось в то время, на уплату процентов в земельный банк, в котором земля была заложена. Дело в конце концов сводилось к наличию собственной самоокупавшейся дачи на летнее время. Благодарный сын прекрасно воспитавших его родителей, Н. Н. поддерживал их исключительно служебным своим заработком. И за счет этого же заработка помогал другим своим близким, себе лично во многом отказывая и ведя самый скромный образ жизни. Заработок же давался Н. Н. нелегко. Служба, вопреки столь же распространенному, сколько глубоко неверному в обобщениях и несправедливому мнению о синекурах бюрократии, была для Н. Н. отнюдь не синекурою, а упорным, подчас непосильным, надрывным трудом. И отдавал Н. Н. этой службе все свои силы, все свое разумение и способности.

Большая эрудиция, начитанность Н. Н. и усвоенные им знания в области политической экономии и финансового права были поистине изумительные. Ему могли в этом отношении позавидовать квалифицированные академики и профессора.

Но не был Н. Н. ни замороженным ученым, ни надутым бюрократом. Прекрасный семьянин, он был и хорошим товарищем, веселым, остроумным собе-

[a–a] Вписано вместо: «состояли в III-м классе наравне с сенаторами и товарищами министров, а должность директора департамента была положена в меньшем IV классе, к которому были отнесены, например, должности губернаторов».

седником, охотником порою кутнуть с друзьями, большим ценителем тонкого юмора. Страстно любил музыку и изящную литературу.

Что было особенно ценно в Н. Н., это проявлявшееся им исключительное уважение к человеческой личности. Предупредительно вежлив был он со всеми и каждым, безразлично к положению, полу и возрасту. И в равной мере ко всем был благожелателен. Все, что только от него зависело, он для ближнего делал, не жалея ни хлопот, ни усилий.

И кристаллически он был честный человек. Так впоследствии, в разгар борьбы с правительством, куда он со временем вошел в качестве министра, охарактеризовала его Государственная дума в лице оратора, громившего поголовно весь состав последнего императорского правительства, за исключением одного только Н. Н.[12]

* * * * *

Совместно проведенные с Н. Н. в это лето часы деревенского нашего досуга протекали не с прежним жизнерадостным подъемом. Угнетала напряженность общего политического положения.

Прочли в газетах о прибывшей к царю в Петергоф московской депутации, возглавленной моим двоюродным братом, ректором Московского университета князем Сергеем Николаевичем Трубецким. Как передавали, Трубецкой, не обинуясь, высказал царю, в качестве убеждения передовой русской общественности, мнение о том, что Россия переросла формы своего управления и, во избежание серьезных потрясений, нуждается в безотлагательном даровании конституционных реформ. Царь [a]выслушал депутацию[a], обещал рассмотреть и обдумать ее записку. По существу же вопроса со свойственной ему уклончивостью высказаться воздержался[13].

* * * * *

Ожидался очередной призыв на войну запасных старших возрастов. Настроение населения было подавленное.

И вдруг пришла весть о заключении мира, подписанного 20 августа. Сергей Юльевич Витте его заключил[14]. О том, в какой степени выгодно или невыгодно для России он его заключил, можно было судить по той оценке условий мира, которую им дал японский народ. В Японии, когда условия мирного договора стали известны, вспыхнули с трудом подавленные беспорядки. Казалось бы, в России должны были поэтому остаться довольны заключенным миром. Как-никак, в войне мы были побеждены. И Витте добился для нас мира без контрибуции и аннексий, за исключением половины Сахалина, который мы совершенно не использовали, если не считать устроенной на этом острове каторги. Мы уступали занятую нами чужую китайскую территорию, из которой были вытеснены победителем, отказывались от разбоя в Корее и лишались порт-артурской ветки Китайской Восточной железной дороги. Нельзя было помышлять для побежден-

[a–a] Вписано вместо: «отнесся к депутации любезно, спокойно выслушал ее и».

ной страны о лучших условиях мира. Однако льготность выговоренных условий не была нами сразу осознана. Признана она была значительно позже. Царь возвел Витте в графское достоинство, но принял его по возвращении из Америки сухо[15]. Общественность не сумела усмотреть в Витте единственного русского победителя японцев и ставила ему в вину пол-Сахалина. Либеральная печать замолчала заслугу Витте по тактическим соображениям, считая принципиально недопустимым выразить одобрение бюрократу, хотя бы он того заслуживал. Рептильная печать воздержалась воздать должную хвалу лицу, имевшему несчастье не нравиться царю. Похвалил Витте за заключенный мир один нововременский публицист Меньшиков. Витте ездил к нему благодарить.

На позициях мирный договор вступил в силу 3 сентября. Началась безобразная, беспорядочная эвакуация войск с театра войны, продолжавшаяся несколько месяцев.

* * * * *

Когда я вернулся в Петербург, я застал водворившегося там ранее меня Н. Н. Покровского за новою большою работою. В числе мер, изыскивавшихся для подкрепления поколебленных войною ресурсов казны, Государственный контроль остановился, между прочим, на предположении о введении подоходного налога и еще с весны настойчиво навязывал финансовому ведомству эту меру[16]. Коковцов, как органически ни ненавидел всякое новшество, как, в частности, ни был предубежден именно против предполагавшейся меры вследствие присущего ей социалистического характера и как поэтому ни предпочитал отделаться в настоящем случае пересмотром положений о действовавших налогах, не вводя нового налога, — Коковцов оказался все-таки вынужденным уступить настояниям Государственного контроля. Департамент окладных сборов получил предложение разработать соответствующий законопроект. Н. Н. еще до отъезда своего в отпуск успел собрать для этой цели обширный исторический, научный и справочный материал, включая иностранное законодательство о подоходном налоге с относящимися к нему инструкциями. Материал этот был сведен в отдельные обстоятельные записки, иностранные законы и инструкции переведены на русский язык, и все было отпечатано для обсуждения законопроекта в ведомственных комиссиях и для последующего законодательного рассмотрения проектируемой меры. Н. Н. приступил теперь к самой разработке законопроекта. План его построения должно было обсуждать особое совещание под председательством Н. Н. из наиболее опытных и знающих его сотрудников по департаменту при участии налоговых практиков из лучших податных инспекторов. Редакторов закона и общей и постатейной его мотивировки намечалось трое, по числу разделов проектировавшегося положения: о субъектах и объектах обложения, о ставках обложения и об органах и порядке взимания налога. Редактирование вводной части закона, обоснование проектировавшейся меры, изложение ожидавшихся финансовых ее результатов *для казны* Н. Н. брал на себя. Редакторов разделов проектировавшегося закона Н. Н. привлек пока двух: начальника Статистического отделения Департамента окладных сборов Сырнева, которому поручалась разработка ставок обложения, и начальника Отделения промыслового налога

Курило, на которого возлагалось составление и обоснование правил об органах взимания подоходного налога и о порядке его взимания. Недоставало третьего редактора для первого раздела законопроекта о субъектах и объектах обложения. Этот раздел, являясь органическим, наиболее требовал для его редактирования и убедительного обоснования опытности в законодательной работе. Среди новых своих сослуживцев Н. Н. не находил лиц, специально работавших по этой части. Поэтому он предложил мне взять на себя эту часть работы в порядке совместительства с моей службою в Государственной канцелярии, так как не имел в то время в Департаменте окладных сборов такой вакантной должности, которую я мог бы заместить. Я охотно согласился, так как соскучился по совместной работе с Н. Н., прервавшейся с его уходом с должности статс-секретаря Департамента промышленности, наук и торговли Государственного совета. Я тотчас принял участие в работах образованного Н. Н. Покровским совещания, собиравшегося когда в департаменте, на Конногвардейском бульваре, а когда на квартире у Н. Н. на Надеждинской ул<ице> против Ковенского переулка. Познакомился с вошедшими в совещание ближайшими сотрудниками Н. Н. — вице-директорами Тергукасовым и Палечеком, несколькими начальниками отделений *Сырневым, Ровинским, Филипповичем, Курило* и податными инспекторами *Иевреиновым, Питановым и др*. Привлечено было в совещание и другое, помимо меня, постороннее финансовому ведомству лицо, некто Гейман, устроенный впоследствии Н. Н. Покровским на должность чиновника особых поручений Департамента окладных сборов. Н. Н. оригинально объяснял привлечение Геймана к участию в совещании: «Он не любит и не умеет работать, но у него есть мысли». Я не мог, однако, отметить у Геймана за время его участия в совещании по подоходному налогу и при последующих встречах особо оригинальных мыслей, которые не могли бы придти на ум куда как более умному и не страдавшему недостатком воображения Н. Н. Покровскому. Не богатством мыслей отличался на самом деле Гейман, а аффектированностью, желанием казаться не тем, кем он был на самом деле. Он был вечно нуждавшимся, обиженным судьбою [a]маленьким человеком[a], скорбным, больным чахоткою, чуть-чуть по интеллекту выше средней посредственности. А представлялся материально независимым, не стеснявшимся в средствах *родовитым немцем пламенного темперамента*, развязным до наглости, непринужденностью третирования (на словах) авторитетов пытавшимся поставить себя на одну доску с ними. И на старуху бывает проруха. Н. Н. ввелся в заблуждение саморекламированием Геймана. И пока Гейман и его жена чрезмерно не надоели своею назойливостью сначала супруге Н. Н. Екатерине Петровне, а потом ему самому, Н. Н. благоволил к Гейману, много и долго возился с ним и всячески «устраивал» его по службе. В совещании Гейман проявлял несносную суетливость и болтливость, подхватывая уже принятые мнения и с пафосом повторяя высказанные в их пользу чужие соображения, от кого-то эти мнения защищая, как будто кем-то они оспаривались. Ничего ровно в работу совещания Гейман не внес. А держал себя так, как будто он один вел всю работу.

Соображали, разрабатывали законопроект, а не только его редактировали, по правде сказать, лишь Н. Н. Покровский и привлеченные им к работе редакторы разделов составлявшегося положения. Дельные замечания, преимуще-

[a–a] Вписано вместо: «евреем».

ственно практического свойства, высказывал хороший практик налогового дела С. И. Тергукасов. Отвлекаемый, однако, обильными текущими делами по должности вице-директора, он лишен был возможности посещать совещание систематически. Присутствовавшие податные инспектора отвечали на задававшиеся им вопросы. Собственную инициативу проявляли слабо. Остальные лица, приглашенные к участию в совещании, в значительном числе случаев по их же просьбе о том, в карьерных соображениях, являлись статистами, не приносившими делу никакой пользы.

* * * * *

Собирались мы почти ежедневно. Так как одновременно я был занят делами по основной службе в Государственной канцелярии и еще редактировал «Сборник консульских донесений» Министерства иностранных дел, то оказывался настолько перегруженным работою, что не успевал вникать в подробности становившегося все более напряженным внутреннего политического положения.

Между тем надвигалась предсказанная весною у Собинова доктором Поляковым всеобщая политическая забастовка[17]. Значительно разрослись, вовлекая в забастовочное движение все большее число рабочих, не прекращавшиеся с начала года частичные забастовки. В течение первой половины октября постепенно втянулись в Петербурге во всеобщую забастовку все фабрики и заводы, железные дороги узла, почта, телеграф, телефон, аптеки. В министерствах забастовка, хотя ее пытались организовать, не прошла. В некоторых учреждениях служащие было разошлись. Но потом вернулись и принялись за работу, узнав, что в других учреждениях забастовка была сорвана. В министерства заходили группами люди, агитировавшие за забастовку и уговаривавшие служащих прекратить работу. Иные начальники учреждений относились к агитации этих лиц пассивно, другие оказывали сопротивление. Особенный отпор агитаторы встретили в Департаменте государственного казначейства со стороны бывшего в ту пору директором этого департамента Ивана Павловича Шипова. В значительное число учреждений агитировавшие за забастовку лица вовсе ни разу не зашли. В высших учебных заведениях происходили массовые митинги, в которых принимали участие рабочие, студенты, курсистки, просто проходящая публика с улицы. Ораторы призывали к вооруженному восстанию в целях свержения самодержавия и созыва Учредительного собрания. Рекомендовались нападения на полицию и жандармерию для их разоружения и овладение арсеналом. Указывалось, что большая часть войск на стороне революции.

Последнее утверждение не отвечало действительности. Как показали дальнейшие события, определенно и организованно примыкали к революции матросы. Сухопутные же войска, особенно гвардейские, за исключением лишь отдельных, относительно немногих частей (если не говорить о далеких маньчжурских армиях, находившихся в стадии демобилизации), не были революционизированы настолько, чтобы организованно поддержать революцию. Этому именно обстоятельству весьма в ту пору распространенное мнение приписывало частичный лишь успех революции 1905 г. — недоведение ею дела до конца. Понадобились еще 12 лет, безумие и позор распутиновщины и фактор такого колоссального значения, как им-

периалистическая война, чтобы войска передались революции и чтобы, опираясь на этот раз на войска, революция восторжествовала в полной мере.

Однако в описываемые дни первой половины октября 1905 года власть далеко не была уверена в войсках и воздерживалась от испытания их надежности призывом на помощь полиции. Последняя же по бессилию своему и не пыталась оказывать какое-либо противодействие повсеместным митингам, открыто призывавшим к вооруженному восстанию. Тревога и растерянность власти были чрезвычайные. В силу серьезности положения было принято решение пойти на уступки и избрать и облечь диктаторскими полномочиями лицо, способное преодолеть кризис и внести успокоение в страну. Обсуждался соответствующий манифест. Диктатором намечался вел<икий> кн<язь> Николай Николаевич. Но он от диктаторства уклонился, считая его для себя непосильным ввиду чрезвычайности кризиса. Выдвигались другие кандидатуры, и в конце концов царь опять, как и при выборе уполномоченного для заключения мира с Японией, вынужден был остановиться на талантливейшем и сильнейшем в окружении царя, по-прежнему царю ненавистном Сергее Юльевиче Витте. Последний и на этот раз не испугался ответственности, согласился принять власть и тотчас взялся за составление манифеста, предварительно договорившись о главных его положениях с царем. Редакцию устанавливал, по просьбе Витте, Владимир Иванович Ковалевский. Параллельные проекты составлялись для Витте и другими лицами. Но, говорили, принята была Витте, за частичными лишь изменениями, редакция Ковалевского[18].

Напряженность положения росла. На Неве наготове стояла императорская яхта, чтобы в случае непосредственной опасности вывезти царя и членов императорской фамилии за границу. На митингах распространялись слухи о будто бы уже состоявшемся бегстве царя.

Политическая забастовка совершенно изменила внешний вид и характер уличной жизни столицы. Я как-то возвращался в описываемые тревожные дни со службы из Государственной канцелярии с сослуживцем М. С. Неклюдовым. Вышли через Морскую на Невский. Ни одного экипажа. Ни одной конки. Магазины, лавки все закрыты, с окнами и дверьми, заложенными ставнями или просто досками, как после 9 января. И весь Невский запружен — не только тротуары, но и улица — громадными толпами мрачно насупившегося, угрюмо двигавшегося, грозного в своем молчании народа. По одежде и облику — все рабочие. «Мне страшно, — говорит Неклюдов. — Я сверну». Он говорит это так убедительно, что, хотя до этих его слов я страха не испытывал, мне вдруг самому становится жутко. Молча пожимаю ему руку и также сворачиваю в другую сторону.

Дома я на всякий случай запасся рассчитанным на несколько дней продовольствием и керосином. Опасаясь приостановки работы водопровода (попытки повреждения его были), я наполнил водою ведра, кувшины и ванну. Если забастовка чрезмерно не затянется, то продержимся. Я проживал в то время с братом на квартире матери. Сидим дома. Вечером не выходили никуда. Заходил домовладелец, занимающий квартиру по той же лестнице. Он интеллигент-еврей. Опасается еврейского погрома в ответ реакционных элементов на забастовку. Просит, если начнется погром, укрыть его с женою у нас. Изъявляем полную готовность, успокаивая его, однако, насчет погрома, который представляется нам маловероятным.

17 октября был опубликован известный манифест «о свободах». Говорили, что когда он был передан Витте подписанным царем, то Витте ужаснулся — до такой степени переработан оказался представленный проект; изменены не только редакция, но и самые основные положения акта[19].

Тем не менее, многие полагали, что и в том виде, в котором манифест увидел свет, он удовлетворит широкую общественность и наступит успокоение.

Заблуждались в этом отношении и умные люди, как, например, Н. Н. Покровский. Когда на следующий день, 18 октября, я явился на очередное заседание совещания по подоходному налогу, Н. Н. встретил меня словами: «Ну, теперь беспорядкам конец. Теперь все успокоится».

Он не ожидал, что в тот же день «беспорядки» вспыхнут с новою силою. Не учел, как многие, того обстоятельства, что манифест в качестве компромисса, притом объявленного в неясной, декларативной форме, открывавшей возможность сужения впоследствии провозглашенных свобод, удовлетворит далеко не все общественные круги и, во всяком случае, не те, которыми вдохновлялась и делалась революция. Что даже если бы и они пошли, ввиду исторгнутых уступок, конечно, не на мир с властью, а хотя бы на передышку в борьбе с целью подготовления нового решающего натиска, то и в таком случае закон инерции не допустит немедленного прекращения движения вовлеченных в него громадных масс. Что, между тем, растерявшееся, а потому бездействовавшее правительство выйдет из состояния оцепенения с призывом к власти личности, обладающей такой сильною волею, как С. Ю. Витте, и будет себя проявлять противодействием революционным выступлениям. Что, опираясь на хотя немного окрепшее правительство, проявят себя реакционные силы и войду в коллизию с революционными массами.

Манифест, как и следовало ожидать, не удовлетворил не только крайние политические партии, имевшие перевес влияния и сил в революционном движении, но и такие, которые являлись относительно умеренными.

Тем не менее, как стало впоследствии известно, руководивший движением Совет рабочих депутатов решил прекратить ввиду манифеста политическую забастовку, но, в виде демонстрации, не сразу, а с 21 октября.

А 18 октября произошли столкновения между манифестациями — революционными, несшими красные флаги и продолжавшими настаивать на вооруженном восстании, и реакционными толпами народа, дефилировавшими с национальными флагами и певшими гимн. Раздались выстрелы. Пролилась кровь. Против революционных манифестаций выступили в разных частях города войска. И опять были выстрелы, и были жертвы этих выстрелов. У Технологического института собравшуюся революционную толпу демонстрантов разгоняли конногвардейцы. Корнет Фролов ранил палашом в голову «левого» приват-доцента Тарле.

Демонстрации, контрдемонстрации, столкновения их между собою и столкновения воинских нарядов с революционерами продолжались и в следующие дни. Продолжалась и забастовка. К ней примкнули в эти дни электрические станции.

21 октября политическая забастовка прекратилась.

Казалось, что вот теперь наступит успокоение. Но дня через два вспыхнуло восстание матросов в Кронштадте, продолжавшееся до конца месяца. Вследствие предания матросов по подавлении восстания полевому суду и объявления пра-

вительством военного положения в Польше в первых числах ноября всеобщая забастовка возобновилась, опять захватив все отрасли промышленного труда и все виды обслуживания государственной жизни[20a].

Мать моя еще оставалась с моею тетушкою и моею сестрою в Ковенском имении тетушки. После прекращения первой, октябрьской забастовки, я им писал, советуя скорее вернуться в Петербург, так как не доверял наступившему по внешности успокоению и полагал, что если предстоят новые чрезвычайные события, то их будет безопаснее переживать в большом городе, нежели в деревне, особенно ввиду происходивших во многих местностях разгромов помещичьих имений. Подготовив наших к выезду письмом, я потом им телеграфировал после подавления Кронштадтского восстания, чтобы они выезжали немедленно, так как в Петербурге заговорили об эвентуальности новой политической забастовки и надо было успеть нашим проскочить в Петербург до возможной новой приостановки транспорта. Если бы они выехали вслед же за получением моей телеграммы, то действительно успели бы проскочить. Но что-то их задержало. Они выехали не в конце октября, а в начале ноября. Доехали благополучно до Пскова. И тут им сообщили, что поезд дальше не пойдет, так как объявлена вновь всеобщая забастовка. Она не коснулась, однако, на этот раз телеграфа. Наши мне телеграфировали о своем псковском сидении в вагоне. Просидели они в нем под Псковом четыре дня до прекращения ноябрьской забастовки. По счастью, пассажиров все время обслуживал в полной мере буфет железнодорожного вокзала. У кого оказались близкие или просто знакомые в Пскове, те завязали отношения с ними. Пассажиры ездили визитировать в город. Горожане посещали пассажиров в их поезде. *К нашим приезжал с семьею псковский губернатор граф Адлерберг, предупрежденный об их псковском сидении телеграммою от общих знакомых. Я обменивался с нашими телеграммами.*

* * * * *

С. Ю. Витте по требованию охраны и для удобства сношений с исполнительными органами засел в Зимнем дворце. Занялся организациею правительства.

Как известно, попытка Витте вовлечь общественных деятелей в возглавлявшийся им впервые учрежденный объединенный кабинет не увенчалась успехом[21]. Общественные деятели мыслили правительство, составленное всецело из общественных элементов, а не коалиционное в смешении с бюрократами и возглавлявшееся бюрократом. Витте пришлось перейти к попытке лишь освежить состав правительства новыми людьми, в конце концов, служилого же круга, лишь зарекомендовавшими себя передовыми взглядами. Такие взгляды он, между прочим, приписал в силу добрых личных отношений продвинутому им в бюрократические верхи двоюродному брату моего отца князю Алексею Дмитриевичу Оболенскому. Он поспешил вручить А. Д. портфель синодального обер-прокурора. Говорили, А. Д. был подготовлен к этому предложенному ему и со свойственным ему легкомыслием им принятому посту лишь посещения-

[a] Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (один абзац), приложенный к основной их рукописи.

ми время от времени богослужений и усвоенным знанием нескольких наиболее употребительных молитв. Очевидно, С. Ю. из любезности не экзаменовал А. Д. на синодальную квалификацию. Но других кандидатов на освежение правительства он экзаменовал обстоятельною беседою. Так он проэкзаменовал, сочтя испытание не выдержанным, рекомендованного ему Александром Дмитриевичем в министры юстиции малообразованного и ленивого дядюшку моего Сергея Алексеевича Лопухина, бывшего в то время прокурором судебной палаты в Киеве. Экзаменовал на министра народного просвещения двоюродного моего брата, профессора Московского университета князя Евгения Николаевича Трубецкого. В этом очень милом человеке, философе-дилетанте С. Ю. без труда распознал гоголевского Манилова. От вовлечения его в правительство С. Ю. воздержался. Экзаменовал С. Ю. на министра внутренних дел земца, бывшего короткое время бессарабским губернатором, отличенным местными евреями за доброе к ним отношение поднесением свитков Торы, князя Сергея Дмитриевича Урусова (также рекомендованного Сергею Юльевичу Александром Дмитриевичем Оболенским). Урусов испытания на министра также не выдержал, но был назначен товарищем министра внутренних дел. Кого еще испытывал С. Ю. на освежение правительства, не знаю. Но в конце концов, со стороны, из лиц, не принадлежащих к узкому кругу министрабельных бюрократов, были вовлечены в кабинет только два лица: считавшийся общественным деятелем левого направления бывший петербургский городской голова граф И. И. Толстой[22] и управляющий принадлежавшими в ту пору акционерной компании Юго-Западными железными дорогами инженер путей сообщения К. С. Немешаев; первый — министром народного просвещения, а второй — министром путей сообщения. Остальные назначения в кабинет были специфически бюрократические. На пост министра внутренних дел был приглашен Петр Николаевич Дурново, умный, но *совершенно* неприемлемый по условиям момента человек, не соответствовавший ни в каком отношении политическому курсу С. Ю. Витте, как завзятый реакционер, бывший в царствование Александра III директором Департамента полиции, потом сенатором, проведенный В. К. Плеве в должность его товарища. Министром финансов был назначен директор Департамента государственного казначейства Иван Павлович Шипов и главноуправляющим землеустройством и земледелием — Николай Николаевич Кутлер. Главное управление торгового мореплавания, созданное в 1903 г. в качестве отдельного ведомства специально удовольствия ради пожелавшего быть министром великого князя Александра Михайловича, было упразднено. Из него и из выделенных из Министерства финансов учреждений по части торговли и промышленности и из Горного департамента Главного управления землеустройства и земледелия было образовано Министерство торговли. Министром был назначен упоминавшийся выше нудный и бездарный бывший товарищ министра финансов Василий Иванович Тимирязев. Бывшего министром юстиции после Муравьева Сергея Сергеевича Манухина сменил весьма реакционный и грубый человек сенатор Акимов. Пост государственного контролера получил служивший ранее в финансовом ведомстве *отвратительный и* ничтожный Шванебах, *витиевато-слащавый* интриган и болтун, находившийся в подозрительной близости к австро-венгерскому посольству[23]. Остались на своих постах бывшие министрами до образования кабинета С. Ю. Витте министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф, военный

министр генерал Редигер и морской министр адмирал Бирилев. Из ушедших министров особенно раздраженно ушел В. Н. Коковцов, назначенный в Государственный совет.

Состав новообразованного кабинета в целом не решились бы назвать блестящим даже льстецы. Небольшую помощь мог оказать подобный кабинет Сергею Юльевичу в его труднейшей задаче внести успокоение в страну и привести ее через объявленные реформы к возвещенной манифестом законодательной думе. В разрешении своей задачи Витте оказался одинок. Озабоченный и хмурый, он бродил вечерами по бесконечным анфиладам Зимнего дворца, теряясь в их неприветливой пустыне, вызывая время от времени исполнявшего обязанности управляющего делами Совета министров Н. И. Вуича, женатого на дочери В. К. Плеве, чтобы спросить, как он, Вуич, думает, поступил бы в таком-то и таком-то затруднительном случае его покойный тесть.

Смятению духа подвержены, как видно, и незаурядные умы. Но были к такому смятению достаточные основания. Было и над чем призадуматься. Закончилась всеобщая забастовка. Миновала и сменившая ее такая же забастовка ноябрьская. Но частичные забастовки с сопровождавшими их революционными выступлениями рабочих вспыхивали ежедневно то здесь, то там.

Взбаламученная стихия не затихала. На юге проносилась волна погромов. Бушевали аграрные восстания. Громились и пылали помещичьи усадьбы. И нет-нет возникали беспорядки в отдельных войсковых частях. Параллельно с правительством Витте существовало другое правительство — Совет рабочих депутатов под председательством Хрусталева-Носаря. Так как длительное сосуществование двух друг друга исключавших правительств не мыслилось возможным, то обыватель себя спрашивал, какое правительство арестует другое: правительство Витте арестует правительство Хрусталева или, наоборот, правительством Хрусталева будет арестовано правительство Витте.

В конце ноября был арестован Хрусталев-Носарь, а в начале декабря задержаны Совет рабочих депутатов и исполнительный его комитет. Последствием явилось объявление третьей, декабрьской, всеобщей забастовки. Она протекала примерно в тех же формах и проявлениях, что и первые две. Потом вспыхнуло московское восстание. Подавление его было кровопролитное и беспощадное. Участие в нем принял присланный из Петербурга гвардейский Семеновский полк, признанный правительством из петровских полков наиболее благонадежным ввиду произошедших частичных волнений в некоторых ротах первого петровского полка — Преображенского[24].

Тем временем под грохот революционной бури обсуждалась реформа порядка законодательства. Намечена была двухпалатная система законодательных учреждений: нижняя палата — выборная Государственная дума и верхняя палата — Государственный совет, в половинном составе по назначению монарха и в другой половине куриально выборный[25].

* * * * *

С этою реформою законодательная работа в ее важнейшей основной стадии переходила к Государственной думе. Работа обслуживавшей Государственный

совет Государственной канцелярии в значительной степени утрачивала свой интерес. Поэтому я стал охладевать к Государственной канцелярии.

Между тем подвигалась моя работа по составлению проекта положения о государственном подоходном налоге. Так как в законченных и принятых совещанием частях она была признана удовлетворительною, то сотрудники Н. Н. Покровского высказали ему мысль о желательности окончательно прикрепить меня к проектированному налогу переводом на службу в Министерство финансов для участия в проведении законопроекта через законодательные учреждения, последующего осуществления реформы и самого заведования взиманием налога. Мысль эта, ввиду наших близких отношений и прежней совместной службы, еще ранее пришла самому Н. Н. в голову и ему было лишь приятно, что ее высказали первыми его сотрудники.

Подсказывалась эта мысль и несоответствием своему посту начальника того отделения Департамента окладных сборов, на которого приходилось возложить делопроизводство по подготовительным действиям к проведению нового налога. Начальником этого отделения был некто Ровинский, беспочвенный мечтатель и болтун из земских деятелей типа вырожденцев оскуделого поместного дворянства. Ленивый и неспособный, он ровно ничего не делал и только болтал, перелагая всю *текущую* работу по отделению на своих столоначальников. Его имелось в виду перевести на какую-либо менее ответственную должность.

Уговаривая меня перейти на место Ровинского, Покровский говорил, что если я откажусь, то Ровинский все равно будет перемещен. Должность его будет предложена другому, более молодому чиновнику Государственной канцелярии Феодосьеву, зарекомендовавшему себя своими способностями и за которого, кстати, просил Коковцов, подчиняясь каким-то для него обязательным к исполнению дамским требованиям. Н. Н. с трудом убедил Коковцова не настаивать на кандидатуре Феодосьева, ссылаясь на мое преимущественное право занять должность Ровинского, поскольку я уже работаю по данной налоговой реформе. Охладевая к Государственной канцелярии, я принял предложение. Н. Н. Феодосьеву пришлось подождать. Но он не потерял на этом. Он сделал исключительно блестящую карьеру, завершенную назначением в совершенно молодом еще возрасте *в 1916 г.* на должность государственного контролера.

Устройство Ровинского требовало времени за отсутствием подходящей вакансии. Со своей стороны, я не торопился занять его должность. Реформа Государственного совета не являлась перспективою завтрашнего дня. Спешить уходить не было поэтому смысла. Назначение мое затянулось на несколько месяцев. Я продолжал работать над проектом подоходного налога по совместительству.

* * * * *

В Государственном совете на заседаниях появились новые министры: мальчикообразный И. П. Шипов, неуклюжий, косматый Н. Н. Кутлер, благообразный, с открытым, умным лицом К. С. Немешаев, небольшой, сильно щурившийся, с короткими, словно приклеенными бочками (так!) и подбритым подбородком П. Н. Дурново, смуглый, цыганского типа граф Толстой, пухлый, белесый, отменно непривлекательной внешности Шванебах, длинный, сухой, ходульно-деревянный Тимирязев.

На одном из заседаний соединенных департаментов, сидя как-то за столиком чинов Государственной канцелярии, я встретился глазами с земляком по Ярославлю Сергеем Дмитриевичем Урусовым. Мы обменялись в виде приветствия кивками головы. В перерыве заседания дружески беседовали. Искренно или нет, не знаю — в свойства этого умного и симпатичного человека входила основательная доля скрывавшей его мысли хитрости — он выражал недовольство своим новым положением, говорил, что не засидится и уйдет.

Так оно и вышло: он оказался искреннее, чем я думал. Мы имели доказательства его расхождения во взглядах с его начальником П. Н. Дурново. Рассматривался подписанный Урусовым за министра законопроект об отмене какого-то одного из многочисленных ограничений в правах евреев. Законопроект был отнюдь не общего значения, а устанавливал лишь частичную и по существу маловажную льготу для евреев, имевших соответствующий образовательный ценз. Защищать законопроект явился Урусов. Он его и отстаивал, причем со стороны соединенных департаментов особых возражений не последовало. На следующее заседание прибыл П. Н. Дурново. Он просил вернуться к законопроекту. Заявил, что последний был внесен без его ведома, по неопытности его товарища. Что по существу он, Дурново, является противником предположенной меры, как пробивающей брешь в систему (так!) действующего законодательства в отношении евреев в ее целом ранее того, как возбужден общий вопрос о пересмотре этой системы. По сложности же этого вопроса он не может быть поставлен без предварительной подготовки, так как подходить к нему следует с особливою осторожностью и обдуманностью. Поэтому он, Дурново, просит вернуть ему обратно проект его ведомства.

После этого инцидента Урусова в Государственном совете я больше не встречал. Тем временем, в связи с подвинувшимися работами по учреждению Государственной думы и наступившею оживленною деятельностью политических партий вокруг вопроса о предстоявших выборах в Думу, в обществе усиленно заговорили об этих выборах. Когда я затем встретил случайно Урусова на углу Большой Морской и Исаакиевской площади и спросил его, что он теперь поделывает, он мне мечтательно отвечал: «Дума меня интересует». Вскоре после этой встречи он ушел или его ушли с поста товарища министра внутренних дел. Уехал в Калугу поставить свою кандидатуру в депутаты в Государственную думу от кадетской партии.

Пришлось «заинтересоваться думою» и Н. Н. Кутлеру, уволенному с должности министра земледелия за признанные слишком радикальными предположения по аграрному вопросу[26].

Революционное движение затихало. На время правительство победило. Рабочая партия выпустила в конце года прокламацию: «Горе победителям».

Глава 12.
1906 год

До войны с Япониею у нас была там миссия с посланником во главе. После войны представительство потребовалось возвысить в ранге. Было учреждено посольство. Послом был назначен бывший мой начальник по службе в Министерстве иностранных дел Николай Андреевич Малевский-Малевич[1]. Незадолго перед тем он оставил пост директора Второго департамента (бывшего Департамента внутренних сношений) министерства по случаю назначения сенатором в Первый департамент Сената. В должности директора его заменил продвинутый им в свое время в вице-директоры после С. М. Горяинова Альфред Карлович Бентковский.

Как за мною по моем уходе из Министерства иностранных дел в 1902 г. было оставлено редактирование министерского «Сборника консульских донесений», так и за Малевским после его назначения в Сенат было оставлено руководство изданием «Сборника». Получился курьез. Руководство ведомственным изданием и его редактирование оказались порученными ушедшим из министерства, сделавшимся, в сущности, посторонними ему лицам. Если Малевский формально не потерял связи с ведомством, занесенный в списки лиц, состоявших в ведомстве, то у меня и такой формальной связи с министерством не осталось. Теперь Малевский уезжал в Японию. Руководить оттуда изданием «Сборника» он уже не мог. Правда, руководство сводилось к приглашению двух-трех чиновников министерства, а также меня раз пять-шесть в год на чашку чая к Н. А. Малевскому-Малевичу. Мы беседовали на всяческие злободневные темы. Потом я весьма кратко докладывал содержание материала, намеченного мною к напечатанию в очередном номере «Сборника». Доклад неизменно одобрялся. Мы допивали наш чай и мирно расходились. Все-таки считалось, что какое-то ответственное руководство изданием «Сборника» существует. Что будет теперь? Я опасался, что с отъездом Малевского, бывшего инициатором «Сборника», издание его прекратится, либо если и будет продолжаться, то редактирование его будет от меня отнято и передано другому лицу из числа служащих министерства. Связь моя с ведомством как-никак держалась в то время одним Малевским. А мне не хотелось расставаться со «Сборником». Я к нему привык, и при скромном окладе

содержания по основной должности в Государственной канцелярии вознаграждение за редактирование «Сборника» являлось для меня подспорьем далеко не маловажным. Однако все устроилось к лучшему. Малевский как-то вызвал меня к себе. «Уезжая в Японию, — сказал он мне, — я не остаюсь безразличным к судьбе моего детища, которым не без основания считаю наш “Сборник”. Мне хотелось бы, чтобы его издание продолжалось, и чтобы редактирование его не выходило из ваших рук. Мы вместе с вами создали это дело. И, я знаю, вы его ведете с любовью. Уеду я, отойдете от “Сборника” вы, и он захиреет. В министерстве некому им заниматься. Поэтому я уговорился с графом Владимиром Николаевичем (Ламздорфом), что вы будете продолжать редактировать “Сборник” и руководить его изданием. Выполнение всяких формальностей по этому делу поручается за особое вознаграждение чиновнику департамента Гибнеру. Вам предстоит только время от времени указывать ему, что надо сделать для “Сборника”, и изредка заходить к Бентковскому, который к вам очень расположен, чтобы держать его в курсе дела».

* * * * *

Малевский уехал. Сотрудничество с ним вне министерства после назначения его сенатором прервало мои деловые сношения по изданию «Сборника» с прежними моими сослуживцами по Второму департаменту. Теперь я эти сношения возобновил с директором А. К. Бентковским и вице-директором Владимиром Александровичем Березниковым, давним моим другом и земляком по Ярославлю. До назначения вице-директором В. А. проходил службу по консульской части. Вице-директором был назначен с должности генерального консула в Стокгольме. Мы часто виделись и друг у друга бывали.

* * * * *

С Н. Н. Покровским и его сотрудниками мы гнали вовсю работу по составлению проекта положения о подоходном налоге. Мы вели эту работу с таким расчетом, чтобы проект мог быть внесен правительством в Государственную думу тотчас по ее открытии, намечавшемся на май месяц. А ранее надо было еще провести проект через междуведомственную комиссию и через Совет министров.

В Государственном совете сессия была по нашему департаменту вялая и бледная. Интересных дел не попадалось. Старый Государственный совет умирал.

Помню последнее или предпоследнее заседание общего его собрания в бывшем круглом колонном зале Мариинского дворца, увековеченном на картине Репина, изображающей торжественное заседание Государственного совета по случаю его столетнего юбилея. Этот зал был впоследствии перестроен. Агонию старого совета символизировал его ветхий паралитичный председатель граф Сольский, введенный в зал и посаженный в председательское кресло двумя рослыми камер-лакеями. Члены Государственного совета, министры и присутствовавшие чиновники Государственной канцелярии были, как полагалось на общих собраниях совета, в мундирах. Выступал С. Ю. Витте. Это был последний раз, что

мне довелось его слушать. Выступал он по вопросу, касавшемуся одного из его творений — казенной винной монополии. Не помню, по какому поводу, но ему пришлось ее защищать. Доказывал он, по порядку прений, важное бюджетное значение этой меры, как будто предвидя запрет вина во время империалистической войны и появление такого неожиданного министра финансов, как Барк, взявшегося ликвидировать монополию, не продумав, чем ее реально заменить в бюджете[2]. С. Ю. говорил, что всякий министр финансов, хоть сколько-нибудь сознающий свою ответственность за бюджет, очень и очень призадумается перед тем, как начнет ломать монополию.

* * * * *

Еще в начале года появились в газетах заметки, разоблачавшие в организовавшем манифестацию рабочих 9 января 1905 г. священнике Гапоне агента полиции и провокатора. После событий 9 января Гапон скрылся. В местечке Кейданах, близ которого было расположено имение Н. Н. Покровского, содержал извоз еврей Завируха. Помимо явного извозного промысла он тайно промышлял контрабандою и переправлял через границу лиц, нуждавшихся в нелегальном ее переходе. Когда я был летом 1905 г. в Кейданах, возвращаясь к своим от Н. Н. Покровского, мне положительно утверждали, что Завируха переправил за границу скрывшегося после 9 января Гапона. Как впоследствии подтвердилось, с ведома ли, без ведома ли полиции, Гапон действительно скрылся за границу после этого ужасного дня. Теперь газеты сообщали, что Гапон вернулся в Петербург. И промелькнула заметка, будто по поручению Департамента полиции с ним ведет какие-то переговоры бывший директор этого департамента А. А. Лопухин. Последний был смещен с поста директора Департамента полиции после убийства великого князя Сергея Александровича и назначен, с понижением, эстляндским губернатором. Но и с этой должности он был уволен после октябрьских событий 1905 г. по настоянию нового министра внутренних дел П. Н. Дурново, инкриминировавшего Лопухину, помимо непротивления разгоревшимся в Ревеле с особою силою беспорядкам, освобождение им, по первому требованию революционеров, всех заключенных в тюрьмах. Теперь Лопухин опустился до роли агента Департамента полиции, ведущего переговоры с лицом, уличаемом в провокаторстве! С Гапоном дело повернулось быстро. В конце марта он был убит рабочими в Озерках.

* * * * *

В марте происходили выборы в Государственную думу. Только и было разговоров, что о политических партиях. Наибольшим успехом пользовались кадеты, которые и прошли в Думу со значительным численным перевесом над депутатами от других партий. Кадеты с примыкавшими к ним мирнообновленцами и «педрами» (партия демократических реформ)[3] представляли собою ту оторванную от жизни, безнадежно завязшую в книжных теориях беспочвенную часть российской интеллигенции, которая почитала себя передовой. Социали-

сты бойкотировали Думу и прошли, в небольшом числе, в нее не от своих партий, а индивидуально, преимущественно в целях использовать думскую трибуну для социалистической пропаганды. Были правые. Были октябристы, положившие в основание своей программы манифест 17 октября, — партия по своему составу специфически буржуазная[4]. Октябристы по относительной их малочисленности в первой Думе не играли в ней сколько-нибудь заметной роли. Были еще небольшие национальные группы. И было много, очень много болтавшихся между партиями крестьян с вкрапленными в их массу батюшками. Составители закона о выборах в Государственную думу, присваивая в ней крестьянам едва ли не преобладающее положение, думали обеспечить этим короне наличие в Думе консервативного большинства. [a]Крестьянин[a] мнился прожектерам выборного закона преданным и послушным царю и церкви, несмотря на причинявшиеся им верховной власти огорчения разгромом помещичьих усадеб. Между тем крестьянин достаточно убедительно доказал, что ему хочется прирезки земли, почему именно и стал громить помещиков, когда дрогнула ослабленная войною и революцией царская власть. Поэтому не очень трудно было предвидеть, что в Думе крестьянин пойдет за теми, кто пообещает ему землю, и что пообещают ее ему оппозиционные партии, которые поэтому и будут усилены в Думе всею или почти всею наличною массою крестьянства. Так оно и вышло. Лишь только кадеты поставили в Думе вопрос о земле, крестьянское большинство тотчас примкнуло к кадетам и стало и по другим вопросам поддерживать их. При слабости правых и численном ничтожестве умеренных Дума получилась ярко оппозиционная. Прожектеры просчитались. На крестьянина первым поставил ставку сочинитель несостоявшейся законосовещательной Думы, лишенный талантов Булыгин. Когда составлялся закон о законодательной Думе, сотрудники Витте использовали, между прочим, материалы булыгинской комиссии и преемственно восприняли ставку Булыгина до известной степени, вероятно, совершенно механически. *Трудно допустить, чтобы последствия не были ясны государственному деятелю такого выдающегося ума, как С. Ю. Витте. Но нет ответа на вопрос, каковы были сокровенные мысли С. Ю. насчет ставки Булыгина*[5]. Неудачу ее прожектеры впоследствии пытались приписать тому обстоятельству, что, как оказалось, но ранее не приходило в голову никому, крестьяне шли в первую Думу вообще неохотно. Оторваться от дела, от земли представлялось крестьянину перспективою мало заманчивою. И в ту пору у него не было еще того стимула к этому, который явился лишь впоследствии в виде проведенного Столыпиным крупного депутатского оклада. Деревня будто бы выбирала поэтому во многих случаях и посылала в Думу наиболее беспокойные, досаждавшие ей элементы, преследуя этим главным образом ту цель, чтобы только как-нибудь от них избавиться. Так объяснили дело просчитавшиеся прожектеры. Они, однако, не учитывали, что мираж земли неминуемо сплотил бы в Думе с оппозиционными партиями и наименее беспокойную часть крестьянства.

Открытие Думы состоялось в начале мая приемом депутатов в Зимнем дворце[6]. Оттуда они отправились в предоставленный Думе великолепный Таврический дворец, *без опоздания, к сроку превосходно* переоборудованный для устройства в нем парламента. Заседание открыл *старейший* член Государствен-

[a–a] Вписано вместо: «Загадочный “сеятель наш и хранитель”».

ного совета Эдуард Васильевич Фриш. Председателем Думы был тотчас избран кадет Муромцев, «юрист, общественный деятель». Говорили, выдающегося ума человек и столь же выдающихся государственных способностей. К стыду нашему, мы о нем раньше не слышали. Он начал с того, что грубо выгнал из зала заседания чиновников Государственной канцелярии, работавших по делам Думы еще ранее ее открытия и командированных для дальнейшего ее обслуживания за неимением еще у Думы собственной канцелярии. Дума начала жить и действовать. В нее вошли из лиц, обративших на себя внимание своими выступлениями с думской трибуны: от кадетов — Герценштейн, Винавер, Петрункевич, Родичев, кн<язь> Шаховской, от мирнообновленцев и «педров» — Кузьмин-Караваев, Максим Ковалевский, от октябристов — Гучков, Дмитрий Шипов, Стахович, из социалистов — Аладьин. С кадетами прошел в Думу и кн<язь> Урусов, столь заинтересовавшийся Думою после его кратковременного бюрократического эксперимента в роли товарища министра внутренних дел. Прошел и бывший любимец В. К. Плеве в Государственной канцелярии, бывший камер-юнкер Владимир Дмитриевич Набоков. В ту пору он уже не был камер-юнкером, исключенный из придворных списков за какую-то маловажную, но признанною несовместною с придворным званием либеральную выходку. На это исключение он неумно ответил публикациею в «Новом времени» о продаже «за ненадобностью» камер-юнкерского мундира[7].

Государственный совет был пополнен избиравшимися в течение апреля выборными членами от академии, университетов, высшего духовенства, дворянства, торговых и промышленных объединений. Вошли в совет: академик кн<язь> Б. Голицын, профессора Таганцев, Гримм, кн<язь> Евгений Трубецкой, от торговли и промышленности — Крестовников, Авдаков и т. д., много дворян. *В числе их совершенно анекдотического типа от Ярославской губернии прошел упоминавшийся в приведенном выше очерке местных дворян-помещиков Митя Калачев; впоследствии был выбран в Государственный совет Я. А. Ушаков.*

* * * * *

Перед открытием Думы, считая свою миссию оконченною, подал в отставку С. Ю. Витте. Его отпустили. Председателем Совета министров был назначен И. Л. Горемыкин. Война была ликвидирована; революция временно преодолена. Назначением Горемыкина царь как бы подчеркивал, что с открытием вырванной от него революциею законодательной Думы он сворачивает на реакционный путь. И добро бы назначенный им новый глава правительства был только реакционером. Горемыкин был бездарен и отличался возмутительным je m'en fiche[a]'измом[8] ко всему, что бы могло случиться завтра, лишь бы сегодня он угодил «всемилостивейшему» монарху, как он умилительно называл царя.

С Витте ушли почти все министры его кабинета. Остались лишь Редигер, Бирилев, Шванебах и, насколько помнится, Тимирязев, во всяком случае вскоре же, если не в тот же момент, замененный бывшим товарищем государственного контролера Дмитрием Александровичем Философовым[9]. Министром финансов

[a] Мне наплевать (фр.).

был восстановлен В. Н. Коковцов. Назначены: министром иностранных дел — посланник в Копенгагене А. П. Извольский, внутренних дел — бывший ковенский губернский предводитель дворянства, потом саратовский губернатор П. А. Столыпин, юстиции — видный судебный деятель сенатор И. Г. Щегловитов, народного просвещения — сочувствовавший просвещению, но в делах его неискусный придворный и чиновный балтиец П. М. Кауфман, путей сообщения — железнодорожный деятель с необыкновенно сложною фамилиею Шафгаузен-Шенберг-эк-Шауфус, главноуправляющим землеустройством и земледелием — реакционер, бывший товарищ министра внутренних дел при Плеве А. С. Стишинский, синодальным прокурором — тоже реакционер, вице-председатель Палестинского общества кн<язь> А. А. Ширинский-Шихматов. Управляющим делами Совета министров И. Л. Горемыкин, верный своему обычаю выдерживать стиль, провел Николая Вячеславовича Плеве, бывшего короткое время после ухода осенью 1905 г. из Государственной канцелярии управляющим Отделом сельскохозяйственной экономии и статистики ведомства земледелия.

* * * * *

У правительства Горемыкина или, вернее, у Горемыкина, в качестве председателя Совета министров назрел конфликт с Государственною думою с первых же ее шагов.

Рожденная революциею, Дума тактически не могла не проявить себя революционною, какова бы ни была идеология ее большинства. Это следовало понять и постараться все-таки найти какой-нибудь общий язык с Думою. Следовало, во всяком случае, попытаться сразу ввести дебаты Думы в деловое русло. А для этого следовало озаботиться заблаговременным внесением в Думу проектов хотя бы важнейших из обещанных реформ.

Между тем были внесены одни мелочи. И из мелочей едва ли не самою важною являлось испрошение ведомством народного просвещения кредита на устройство и содержание паровой прачечной при Юрьевском университете. Внесение подобных проектов первыми на рассмотрение впервые созванной Государственной думы было непростительным недосмотром правительства, хуже того — глупостью. Лучше было бы ничего не вносить[10].

Дума оказалась поставленною в необходимость взять на себя разработку законодательных предположений, на что у нее не было ни аппарата, ни опыта. Ответила на тронную речь самого общего декларативного содержания адресом, содержавшим требования политических свобод, широкой амнистии, ответственного министерства, упразднения Государственного совета, отмены исключительных положений и сословных привилегий, передачи крестьянам кабинетских, монастырских и др<угих> земель, частичной экспроприации в пользу крестьян крупной частной земельной собственности[11]. Вслед за тем Дума приступила к составлению соответствующих законопроектов, из них в первую очередь аграрного, об амнистии и об отмене смертной казни.

Ответ на адрес Государственной думы давал Горемыкин — в чуть ли не единственное свое посещение Думы, в сопровождении всего состава кабинета. Декларация его содержала отказ на все предъявленные Думою требования.

И, говорили, прочитана была Горемыкиным в вызывающе высокомерном тоне[12]. Приведенная в негодование Государственная дума вотировала недоверие правительству, требуя отставки кабинета.

Горемыкин в дальнейшем стал на путь игнорирования Государственной думы, более ни разу не посетив ее и отговаривая от ее посещений и министров. Законопроекты крупного значения не вносились, хотя, несомненно, имелись в портфеле совета, как, например, наш проект подоходного налога, проведенный через междуведомственную комиссию еще при И. П. Шипове. Дума забросала правительство запросами. Давать ответы на них министры преимущественно посылали своих товарищей или других представителей ведомств. Из министров выступал сам в ту пору в Думе едва ли не один Столыпин, державшийся со спокойным достоинством, проявляя уважение к Думе, *без малейшего, однако, заискивания перед ней,* и давая ей ответы ясные и прямые.

Игнорирование Думы Горемыкиным и другими министрами его кабинета вызывало в Думе крайнее раздражение. Представители ведомств, дававшие ответы на запросы, провожались зачастую оскорбительными замечаниями и выкриками. Страсти разгорались. На аграрные проекты Думы Горемыкин, порвавший непосредственные сношения с нею, отвечал через печать — отказом в принятии предлагавшихся Думою радикальных способов разрешения аграрного вопроса. Раздосадованная Дума обратилась через печать же с воззванием к народу, содержавшим критику правительственного сообщения и отстаивавшим думскую точку зрения на аграрный вопрос.

Этот шаг первой Думы решил ее судьбу. Горемыкину удалось склонить царя к роспуску Думы. Она была распущена в начале июля после всего двухмесячного существования[13].

* * * * *

Незадолго до роспуска Думы дворцовый комендант Трепов вошел в переговоры с кадетами об образовании кабинета из их среды. Представлялась непонятною инициатива в этом деле Трепова, завзятого реакционера, бывшего короткое время в 1905 г. генерал-губернатором в Петербурге, а ранее — обер-полицеймейстером и градоначальником в Москве[14], служившего до того в Конном полку. Переговоры велись вначале настолько успешно, что кадеты уже распределяли между собою министерские портфели. Еще тогда предполагалось, что главный кадетский лидер П. Н. Милюков будет министром иностранных дел (Милюков, между прочим, не попал в первую Думу по отводу его правительством по какому-то формальному поводу[15]). Министрами называли и кн<язя> С. Д. Урусова и В. Д. Набокова. Одновременно, по почину Столыпина и Извольского, делались попытки образования коалиционного кабинета с участием общественных деятелей из числа членов Думы. Ни та, ни другая комбинация не удались. Не знаю, за обсуждением которой из них я, как-то отдавая визит С. Д. Урусову, застал его в оживленной беседе с членом Государственного совета, бывшим министром земледелия А. С. Ермоловым. При моем появлении они прекратили разговор с весьма конспиративным видом. Этот их вид, дни, в которые происходил разговор, наконец, фамилии обоих, называвшиеся в связи со слухами о реформе кабинета, выдавали их секрет на-

столько красноречиво, что не приходилось сомневаться относительно темы разговора. Вопрос сводился лишь к тому, треповская или столыпинская комбинация обсуждалась. Склонен думать, без особой, однако, уверенности в том, что вторая. Первая не исключалась абсолютно потому, что хотя в целостно-кадетском кабинете Ермолову места как будто не находилось, но в разговоре о треповской комбинации он мог все-таки участвовать в качестве честного маклера, будучи видным членом умеренно-либеральной группы Государственного совета. В столыпинскую же комбинацию коалиционного кабинета Ермолов мог войти уже министрабельным лицом. Его эвентуально называли даже председателем коалиционного кабинета[16]. Вот и думается мне, по той эмоции, следы которой я обнаружил на лице Ермолова, прервав моим появлением его беседу с Урусовым, что он обсуждал вопрос отнюдь не в качестве посредника, что как будто бы не давало повода к эмоции, а как непосредственный участник комбинации. Я, вероятно, видел перед собою эвентуального премьера, сговаривающегося с одним из намечавшихся министров проектированного коалиционного кабинета. Но этот кабинет не состоялся. Общественные деятели отвергли коалиционный кабинет как таковой. Они требовали создания ответственного кабинета в составе исключительно представителей общественности. Кадетский кабинет, хотя портфели положительно уже распределялись кадетами между собою, не образовался потому, что, несмотря на всю куртуазную предупредительность Трепова по отношению к кадетам, он в конце концов не смог добиться для них принятия всех поставленных ими условий. На компромисс они не пошли. «А счастье, — как впоследствии над ними иронизировали, — было так близко, так возможно!»

Какими побуждениями руководствовался Трепов, именно Трепов, этот ультра-реакционный жандарм, проводя Милюкова и его присных к власти? Он, должно быть, лучше, нежели другие его современники, раскусил кадетов, прозрел их книжную оторванность от жизни, политическую близорукость и никудышность, приведшие к жалкому провалу, когда они участвовали в держании власти в 1917 г. вместе с другими политическими импотентами и словоблудами. Соблазняя кадетов властью в 1906 г., Трепов определенно вел их к провалу. Мнилась капитуляция кадетов перед крайними, более действенными и темпераментными революционными течениями. А тогда создалась бы обстановка, последствием которой явилась бы идеологически и в личных целях Трепову желательная диктатура. Трепов, следовательно, определенно провоцировал кадетов[17]. Говорили, довести задуманную провокацию до конца помешал Трепову Столыпин.

* * * * *

Распустив Думу, царь одновременно освободил Горемыкина от премьерских тягот. Председателем Совета министров был назначен Столыпин с сохранением портфеля министра внутренних дел. Он настоял на удалении из кабинета представлявшихся ему наиболее неприемлемыми по чрезмерной реакционности взглядов главноуправляющего землеустройством и земледелием Стишинского и синодального обер-прокурора кн<язя> Ширинского-Шихматова. Они были заменены: первый — крупным помещиком, бывшим новгородским губернским предводителем дворянства кн<язем> Васильчиковым и второй — какими-то

судьбами пробравшимся перед тем в товарищи министра народного просвещения братом вновь назначенного министра иностранных дел Александра Петровича Извольского Петром Петровичем Извольским. Если Столыпин привлечением этих двух лиц в свой кабинет преследовал только ту цель, чтобы найти Стишинскому и кн<язю> Шихматову преемников, которые не были бы столь же неумеренно реакционны, как их предшественники, то цель эта была достигнута. Васильчиков и Извольский «сочувствовали» умеренным либералам. Но больше-то ничего не приходится сказать о них, кроме того разве, что Васильчиков обладал высоким ростом и представительною наружностью, а Извольский-младший был наружности неопределенной. Сидели они на министерских креслах незаметно и недолго и ушли без следа. Выбор Столыпина был средний. А что было упущением выше среднего, это что Столыпин оставил в кабинете *гадкого* Шванебаха.

Роспуск Думы повлек за собою ряд революционных выступлений и возобновление террористической деятельности. По почину кадетов члены распущенной Думы собрались в числе до двухсот человек в Выборге, где подписали известное «выборгское» воззвание к народу, обвинявшее правительство в уклонении от проведения обещанных реформ и в роспуске Думы из-за нежелания согласиться на проектированные ею аграрные мероприятия. Народ призывался к бойкоту власти, неплатежу податей и отказу от пополнения армии новобранцами[18]. Вслед за тем произошли восстания в Кронштадте и в Свеаборге. Произведено было покушение на Столыпина на отведенной ему казенной даче на Аптекарском острове, причем взрывом брошенных снарядов было убито и ранено до тридцати человек посетителей и состоявших при министерстве лиц[19]. Сам Столыпин и его семья, за исключением одной оказавшейся раненою его дочери, не пострадали. Вслед за тем один за другим были убиты: командир участвовавшего в подавлении московского восстания Семеновского полка генерал Мин, петербургский градоначальник фон дер Лауниц, главный военный прокурор Павлов, генерал Козлов, ошибочно принятый за генерала Трепова.

* * * * *

Еще в конце апреля я был назначен начальником отделения в Департамент окладных сборов, помещавшийся по Конногвардейскому бульвару на углу Замятина переулка в бывшем флигеле бывшего дворца великого князя Николая Николаевича (старшего), в ту пору занятого Ксениинским институтом. Это был один из самых больших департаментов министерств, едва ли не самый большой по многочисленности своего состава. Поэтому для заведования текущими делами в нем имелись три вице-директора, в то время как в других департаментах полагался один, много два.

Старшим из вице-директоров по времени назначения был Александр Александрович Вишняков, являвший пример самовлюбленности и самодовольства при отсутствии всяких к тому оснований. Мало того — при наличии данных, побуждавших относиться к нему со скорбным сожалением. Но таково было счастливое ослепление Вишнякова. Небольшого роста, плохо сложенный, веснушчатый, рыжий, с некрасивым асимметричным лицом, на котором в беспорядке были просверлены маленькие глазки, плохой рот и насажена вместо носа неболь-

шая аморфная картофелина, Вишняков был уверен, что он неотразим. Хвастался, что может «взять» любую женщину. И что меня особенно в нем огорчало, настолько это к нему не шло, вызывающе нагло носил на поросшей рыжим волосом веснушчатой руке массивный золотой браслет. Свои умственные и деловые качества Вишняков также переоценивал, считая их высокими и выдвигавшими его на *самые* видные посты. В действительности качества эти лишь с натяжкою можно было признать приближавшимися к средним. И очень был ленив. Карьеру строил на том, что вышел из Училища правоведения и ему ворожил его папа — сановник средней руки, но все-таки сановник. Умный и не злой в душе, другой вице-директор, из армян, почтеннейший Соломон Исаевич Тергукасов, говоря о Вишнякове, иначе его не называл, как «рыжий», произношением этого слова и сопутствовавшею мимикою вкладывая в него всю доступную Соломону Исаевичу экспрессию презрения. Сам Тергукасов был косой, в степени большей, нежели это вообще допустимо. Надо было долго привыкать к Тергукасову, чтобы не ощущать беспокойной неловкости в разговоре с ним, тщетно пытаясь встретиться с его взглядом. И еще был у бедного Соломона Исаевича один физический недостаток. У него были холодные и потные руки. Он этот недостаток сознавал. И перед тем, как поздороваться за руку, обтирал свою правую руку об обшлаг рукава левой руки. Но он был милый человек, благожелательный, простой и очень остроумный. Меткие его замечания и характеристики, тонкий добродушный юмор, неистощимый запас живо и образно передававшихся наблюдений делали желательною и приятною всякую встречу с Соломоном Исаевичем, всякую беседу с ним. В деловом отношении он был одним из лучших практиков и знатоков налогового дела. И еще: ведая вопросы личного состава, он, благодаря его превосходной памяти и счастливому свойству распознавать человека до тончайших извилин его души, в совершенстве знал до подноготной почти каждого управляющего казенной палатою, каждого начальника отделения, каждого податного инспектора на всем необъятном просторе прежней России. Поэтому в большинстве случаев он имел решающее влияние на назначения по налоговой части, давая заключения взвешенные и нелицеприятные.

Третий вице-директор, Осип Осипович Палечек, был, прежде всего, что называется, добрый малый, хороший, честный товарищ, всегда ровного, спокойного характера, весело улыбавшийся оскалом крепких белых зубов под густо нависшими хохлацкого типа усами. Он привлекал к себе добрым своим нравом, доступностью, простотою и скромностью. Был хорошим служакою, не только исполнительным, но и способным к инициативе. Происхождением был чех. Отец его, выходец из Чехии, имел в свое время видное положение на службе в императорских театрах. Родственными отношениями Осип Осипович был связан с бывшим товарищем государственного секретаря П. А. Харитоновым, ставшим после Шванебаха государственным контролером[a].

Из начальников отделений припоминаются почтенный, серьезный Михаил Николаевич Шарый, приветливый, дельный Алексей Николаевич Веснин, темпераментный, болтливый, вплотную наступавший в разговоре на собеседника и неприятно дышавший ему в лицо Петр Иванович Рудченко, вечно недоволь-

---

[a] Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (пять абзацев), приложенный к основной их рукописи.

ный и на всех обиженный, ибо, хотя лицеист, безнадежно застрял в начальниках отделения, Сергей Дмитриевич Михайлов, умный, остроумный, порою ядовитый, в существе прекрасный человек Владимир Осипович Шпаковский, знаток Устава о гербовом сборе, непонятного даже авторам его, прямодушный Густав Адрианович Филиппович, маленький, черненький как жук, грубоватый, но способный и хитрый хохол Григорий Митрофанович Курилло, утрированно изящный в манерах, хотя и мало изящной внешности правитель канцелярии департамента Владимир Яковлевич Загорский. Как он здоровался! Он не только сгибал полукольцом свою руку почти на уровне лица, но весь свертывался в дрожащую приветливостью спираль, изображая во взгляде и улыбке неописуемый восторг от встречи. Следуют другие, менее примечательные начальники отделений. Их всего было до двадцати. И еще податные ревизоры — институт, ревизовавший деятельность податных инспекторов. Благодатная была должность. Весною и летом ревизоры разъезжали от края до края великой страны, получая хорошие прогонные, от которых порядочно сберегали. А осенью и зимою, не спеша, не утомляясь, с прохладцею составляли отчеты о ревизии, изучали, уподобляясь бессмертному вояжеру Чичикову, коловращение людей, преимущественно сосредотачиваясь на податных инспекторах. И благодушествовали. Из ревизоров помню очень видного и представительного, левантинского типа человека Павла Михайловича Кантакузина, князя Сперанского, приятного в обращении со всеми, за исключением податных инспекторов, с которыми, горя преувеличенным служебным рвением, П. М. был не всегда корректен. Помню умного, разностороннего и в беседе приятного и интересного Дмитрия Львовича Киреевского, не менее умного Константина Николаевича Нардова. Помню старого немца Андрея Андреевича Блау, с которым служил еще в первые мои служебные годы в Департаменте торговли и мануфактур. Блау был замечателен тем, что не умел объясняться ни на одном человеческом языке, издавая протяжные лающие звуки, не связывавшиеся ни в какое определенное понятие. Как он производил ревизии — мне так же непонятно, как все, что он только пытался когда-либо мне дать понять при наших встречах. Самым симпатичным ревизором был дельный, милый, большой души человек барон Николай Владимирович Тизенгаузен.

В отделении, начальником которого я был назначен, я застал столоначальниками двух Митрофанов: Митрофана Григорьевича Крониковского и Митрофана Петровича Волковинского. Крониковский, при ближайшем с ним знакомстве — хороший человек, был ходячим анахронизмом, от внешности до глубин внутреннего содержания. Был исполнителен, но узок, неспособен отойти от трафаретов, служивших ему тою печкою, от которой он танцевал. И тяжеловесною была редакция его громоздких бумаг, особенно громоздких — по жалобам, приносившимся в Сенат. Тем не менее, поскольку он составлял эти бумаги, и они, хотя и за соответствующими исправлениями, *иногда по существу и всегда в редакционном отношении,* скреплялись и подписывались начальствующими лицами, приобретая этим значение решения, Крониковский считал себя уже давно созревшим для высших должностей. Застряв в столоначальниках в возрасте свыше 50 лет, он не выходил из состояния хронической обиды за то, что его не назначают начальником отделения, ввиду им не сознаваемого, но за ним установленного отсутствия инициативы, необходимой для оригинальных работ, не поддававшихся трафарету. Все-таки он был, как упомянуто, хороший человек. И хотя мое назна-

чение со стороны, явившись для него новым обходом в повышении, возмутило его до глубины души, и он уже вперед воспылал ко мне негодующею ненавистью, тем не менее, ввиду того, что я понял его обиду и всячески старался сгладить ее остроту, отношения у меня с Крониковским сложились мирные, а погодя приобрели даже характер взаимной приязни. За его трудолюбие, большой служебный опыт и честность я уважал Крониковского и мое уважение ему доказывал. Мое назначение я ему объяснил тем, что, как оно и было в действительности, я был приглашен для работ законодательного характера. Последние же требовали техники, усваивавшейся лишь работою в законодательном учреждении, из которого я и пришел. Если бы я не принял назначения, то было бы приглашено другое лицо из той же Государственной канцелярии, где я служил. Кем же либо из департаментского состава вакансия все равно не была бы замещена. Все-таки мне от души хотелось видеть Крониковского начальником отделения департамента. Но начальство было непреклонно. В конце концов (много было приложено усилий и затрачено времени), мне удалось вырвать согласие начальства на назначение Крониковского начальником отделения в казенную палату одной из самых радостно-солнечных южных наших губерний. Материально это назначение лучше его обеспечивало. К тому же жизнь в провинции, особенно на юге, была дешевле, нежели в Петербурге. Но Крониковский отказался. Не хотел расстаться с департаментом и, главное, со столицею. Таково было нелепое пристрастие к Петербургу людей, в нем обжившихся и свыкшихся с этим великолепным, но неприветливым и злым городом с отвратительнейшим в мире климатом. Добро бы за Петербург держались те, кому жилось в нем легко и без забот. Но нельзя было от него оторвать и тех, для которых столица была не матерью, а мачехою.

Митрофан Петрович Волковинский был современнее Крониковского, хотя также рутинер и танцор от печки. Но в нем было больше приспособляемости. Работник он был толковый и старательный.

Помощниками столоначальников были: Георгий Александрович Тулубьев, Александр Дмитриевич Мордухай-Болтовской, Александр Иванович Бенескриптов. Было еще несколько причисленных, являвшихся кандидатами для занятия штатных должностей, и двое-трое *низшего разряда* канцелярских чиновников.

Родители Тулубьева любили принимать. Отец его некогда служил в канцелярии бывшего Комитета министров и, сохранив связи с бывшими сослуживцами, не только сверстниками, но и более молодыми, широко открыл им свои двери. Посещать Тулубьевых в собственном их доме в Дмитровском переулке бывало приятно. Кормили хорошо. А хозяйка дома, умная и всегда веселая, обставляла свои приемы таким непринужденным оживлением, что развязывала языки самым сдержанным и застенчивым посетителям. Завсегдатаем был «друг дома», бывший помощник управляющего делами Комитета сенатор Брянчанинов. Из более «молодых» бывали бывшие в свое время начальниками отделений Комитета Н. Н. Покровский, Н. Л. Петерсон, князь С. В. Гагарин, князь Чегодаев, брат моего приятеля из дипломатического ведомства В. А. Березникова Алексей Александрович Березников и другие. Бывали не только комитетчики. Замкнутого кружка не было. Попал к Тулубьевым и я, по приглашению и просьбе моего молодого сослуживца познакомившись с его родителями.

В поисках новых источников государственных доходов мы остановились, между прочим, на мысли привлечь к налогу с недвижимых имуществ строения в дачных

местностях и наиболее крупных поселениях, не имеющих городского устройства. До того облагались этим налогом недвижимости только в городах, посадах и местечках. Составление проекта соответствующего законоположения было поручено мне. Сообразить его в практическом отношении мне хотелось с практиками налогового дела — податными инспекторами города Петербурга и его окрестностей. Для этого я завязал сношения с Петербургскою казенною палатою. Познакомился с бывшим в то время управляющим палатою почтеннейшим Н. Н. Васильевым, отнесшимся ко мне исключительно внимательно и предупредительно и устроившим мне ряд собеседований, при личном его участии, с податными инспекторами и из бывших инспекторов с начальниками отделений палаты. Наиболее ценные сведения я получил из бесед с инспекторами: Михаилом Ивановичем Степановым, Андреем Андреевичем Макаровым и ставшим впоследствии, в иные времена, в иной обстановке, близким моим другом, умным, очень образованным и культурным, прекрасным человеком Максимилианом Петровичем Васильевым.

С управляющим Петербургскою палатою Н. Н. Васильевым и петербургскими податными инспекторами мне приходилось встречаться и впоследствии по ряду возникавших дел за время моей службы в Департаменте окладных сборов. Об этих встречах я храню наилучшие воспоминания. Личный состав податной инспекции, представленный почти полностью, за редкими исключениями, лицами с высшим образованием, был повсеместно превосходный, даже на окраинах, куда люди отправлялись вообще неохотно, и было неосмотрительно принято, особенно по другим ведомствам, «спускать для исправления» худшие элементы. Налоговое дело настолько тонкое, требует такой гибкости, широты взгляда, проницательности и такта, что его невозможно вверять людям недостаточно развитого интеллекта. Это было хорошо понято финансовым ведомством, и в результате институт податных инспекторов, благодаря соответствующему подбору, стоял высоко и внушал к себе вполне заслуженное уважение.

* * * * *

На очередь была поставлена и разрабатывавшаяся до моего поступления в Департаменте окладных сборов реформа налога с городских недвижимых имуществ. В империи, кроме губерний Царства Польского, налог этот был раскладочный, из исчислявшегося по бюджету контингента. В губерниях Царства Польского налог был окладной. Имелось в виду распространить на всю империю порядок его взимания, установленный для польских губерний, ввиду как большего совершенства окладной системы, так и более ощутительных финансовых ее результатов[20]. И по этому налогу пришлось совещаться с практиками налогового дела — петербургскими податными инспекторами, а то и с приезжавшими провинциальными деятелями по налоговой части — управляющими казенными палатами и инспекторами. В ту пору пришлось мне встретиться и вместе поработать с управляющими: Киевской палатою — Ласточкиным, Ярославскою — Ивероновым, Одесскою — Стрекаловым. Это были лучшие управляющие. Кроме них, были в финансовом ведомстве в чести управляющие: Петербургскою палатою — почтеннейший Н. Н. Васильев, Московскою — Урсати, Курскою — мой двоюродный брат Иван Николаевич Протасьев, назначенный в эту палату после раскассирования на-

местничества на Дальнем Востоке, при котором состоял комиссаром по финансовой части, далее управляющий *Тифлисскою палатою Джунковский,* Варшавскою палатою — очень милый, более милый, чем деловой, старый камергер Манжос, наконец, сменивший впоследствии в Москве Урсати брат своего брата Павел Николаевич Кутлер. Этот был в чести не сам по себе, *как человек на самом деле совершенно посредственный,* а благодаря фирме своего брата. «Блистал» Николай Николаевич, а Павел Николаевич лишь отражал его блеск. Братья физически были похожи друг на друга. Та же обильная, дико растущая спутанная шевелюра, *заставлявшая, глядя на братьев, тосковать о парикмахере,* тот же насупленный взгляд из-под очков, та же кряжистая, тяжелая фигура. Но физическою стороною сходство братьев и ограничивалось. По таланту Павел Николаевич был Павел Николаевич, а не Николай Николаевич. Был еще молодой управляющий палатою одной из центральных губерний, получивший не по возрасту рано эту должность, по дамской протекции, Николай Алексеевич Маклаков[21]. Но его всерьез не принимали. Не думалось, что он будет вскоре вознесен сквернейшего тона капризом судьбы на пост министра внутренних дел империи.

* * * * *

Летом я уехал в отпуск. И в отпуску прочел в газетах о назначении Николая Николаевича Покровского товарищем министра финансов[22].

На должность директора Департамента окладных сборов Коковцов провел «рыжего» — Вишнякова — по старшинству по линии вице-директоров. Наметив для этого назначения Вишнякова, Коковцов все-таки предварительно спросил мнение Покровского, предупреждая его, что общее руководство деятельностью департамента останется за ним, Покровским. Покровский, превращавший всегда по его громадному трудолюбию всякое руководство в непосредственную личную работу, рассудил, что она не умалится, кто бы ни был назначен директором. И, не желая перечить властолюбивому министру с достаточно неприятным характером, заявил, что против назначения Вишнякова возражений не находит. Этого никогда не мог ему простить несомненно в большей степени подходивший к назначению директором почтенный Соломон Исаевич Тергукасов.

«Рыжий», получив крупный оклад директора, завел одноконный выезд и стал на нем ежедневно катать на острова, непринужденно развалясь на мягких подушках пролетки и заложив ногу на ногу.

Николай Николаевич никогда никакого выезда не имел. С назначением товарищем министра, как это ни было нелепо, изрядно потерял на окладе. Изредка и я с Николаем Николаевичем, желая сами подышать свежим воздухом островов после удушливой городской пыли, скромно трусили на Стрелку на плохоньком извозчике. Вишняков нас обгонял и, раскланиваясь, кривил снисходительную улыбку.

* * * * *

Между Россиею и Германиею пробежала черная кошка. Германия проявляла крайнее раздражение по отношению к нам. Германская пресса разразилась резки-

ми нападками против России. Германские банки отказались участвовать в подписке на заключавшийся нами заем[23]. Мы пытались такое настроение Германии объяснить себе тем, что неожиданно быстро для нас самих стали оправляться в экономическом отношении от последствий войны и революции. Немцы, рассчитывавшие на длительное наше ослабление от перенесенных потрясений, на котором Германии можно было бы поспекулировать, не могли будто бы простить нам слишком скорого восстановления наших экономических сил. Отчасти раздражение Германии объяснялось и явно демонстративным поддержанием нами французских притязаний на Алжезирасской конференции по марокккскому вопросу[24]. Но степень раздражения Германии свидетельствовала о наличии более веского повода к ее недовольству нами. Лишь через несколько лет стала известною широкой общественности истинная причина нашего разлада с Германией. Летом 1905 г. Вильгельм II при встрече с Николаем II на морских путях к Биорке склонил царя подписать оборонительный союз с Германией с тем, чтобы Россия постаралась вслед за тем вовлечь в этот союз Францию. Царь это соглашение подписал[25]. Некоторое время таил его от [a]Ламздорфа. Когда же пришлось открыться, Ламздорф стал горячо убеждать царя отказаться от Биоркского договора. Вовлечь к участию в нем Францию ни под каким видом не представлялось, по уверению министра, возможным. Без этого же условия оставление договора в силе знаменовало собою аннулирование франко-русского союза. Что же касается этого последнего, то министр сумел настоять на признании его паки и паки не подлежавшею пересмотру незыблемою основою нашей политики. Выслушав аргументы своего министра, только что перед тем уступивший убедительности противоположных доводов императора Вильгельма, царь поручил Ламздорфу всеми доступными последнему наиискуснейшими дипломатическими способами аннулировать Биоркский договор. Что и было сделано. Но не соответствующею откровенною декларациею, а демонстративным игнорированием договора. Ламздорф решил постепенно свести его на нет, начав с усиленного поддержания интересов Франции против германских притязаний в Алжезирасе. Тактика России была, конечно, тотчас разгадана в Германии. Отсюда и гнев Германии на Россию, кампания, поднятая против последней в германской печати, с умолчанием, однако, об истинной причине германского гнева.

* * * * *

Ламздорфа сменил Извольский — надменно самоуверенный, хлыщеватый министр с неизбежным моноклем в мигающем глазу и позою сгибающего плечи под бременем ответственности усталого сноба. Извольский продолжал охранять незыблемость франко-русского союза. При нем Россия вовлеклась Франциею в сближение с Англиею. Образовался противопоставленный Тройственному союзу сильный блок[26]. Роль Извольского в создании Тройственного согласия была, однако, совершенно пассивная. Какой-либо инициативы он в этом отношении отнюдь не проявил. Уносился течением. Но делал вид и сам силился думать и верить, что творит какую-то свою самостоятельную политику. В воспоминаниях своих уверяет, будто на эту его политику получил благословение наиболее

авторитетных наших послов: в Париже[a] А. И. Нелидова, в Риме Н. В. Муравьева и в Лондоне графа А. К. Бенкендорфа[27].

[a]Если эти авторитетные послы и благословили на франко-английскую ориентацию Извольского, то ведь следует иметь в виду, что ничего другого им не оставалось делать. С Биорке было покончено и возврата к нему не было: настолько убедительно мы доказали Германии, что верить нам нельзя. А оставаться одинокими было страшновато, в особенности после отказа от Биорке, решительно восстановившего против нас Германию.

Однако имелись весьма опытные, почтенные русские дипломаты, которые, не сочувствуя не то что англо-французской, но и только французской ориентации, считали, что с окончанием японской войны наступило для нас время пересмотреть наши союзнические отношения[28].

Действительно, Франция себя повела по отношению к нам в эту войну не совсем по-дружески. В то время как Англия, несмотря на нейтралитет, не стеснялась снабжать Японию всем необходимым военным снаряжением, Франция нам ни в чем не оказала ни малейшей помощи, кроме совершенно формального содействия к улажению с Англиею Гулльского инцидента, когда эскадра адмирала Рожественского при проходе через Северное море, приняв за японцев, стреляла в английских рыбаков[29]. Мало того, придерживаясь строжайшего нейтралитета, Франция всячески выпроваживала нашу эскадру из мадагаскарских вод, куда в изнеможении от беспримерно долгого безостановочного перехода наши суда зашли передохнуть и оправиться перед ожидавшими их ужасами Цусимы. Сблизившись, с другой стороны, с нашим извечным врагом — Англиею, только перед тем поднявшею и вооружившею против нас Японию, Франция вместе с Англиею повела враждебную нам политику на Балканах. А когда по случаю войны мы искали у Франции займа, она отказала нам в нем, не доверяя России из-за возникшего у нас революционного движения[30].

В то же время Германия, выговорив себе от нас хотя и нелегкие, но все-таки переносные уступки в торговом договоре[31], обеспечила нам на все время войны полнейшее спокойствие на нашей западной границе и, невзирая на нейтралитет, оказала нам существеннейшую поддержку услугами своего торгового флота.

Вот наши не сочувствовавшие французской ориентации дипломаты и задались по окончании войны вопросом: а не пора ли нам, покончив с показавшею, чего она стоит, дружбою с Франциею, вернуться к стародавним добрососедским отношениям с Германиею и по возможности углубить их.

Сторонники незыблемости франко-русского союза (а этих лиц, послушных благовоззрению власти, было среди дипломатов большинство) возражали, утверждая, что Германия стремится к гегемонии в Европе. Вступив в союз с Германиею, мы будем ею порабощены. Станем в подчиненное положение, утратив наше великодержавие. С другой стороны, если бы мы, тем не менее, захотели порвать с Франциею, то мы бы этого сделать не могли из-за значительной нашей задолженности нашему союзнику.

Но германофилы не дали убедить себя этими доводами. Они находили, что такую страну, как Россия, даже сильнейшей державе не так-то легко себе подчинить. Великодержавие при нас останется. Пока что не так-то уж обезличены Германиею

[a–a] Текст написан от руки синими чернилами.

и ей подчинены даже нынешние ее союзники — Австро-Венгрия и Италия. Если говорить о гегемонии, то союз наш с Франциею, обозначая, после ее сближения с Англиею, войну с Тройственным союзом, выдвигает в случае разгрома Германии скорее французскую гегемонию на континенте, нежели нашу, поскольку после русско-японской войны престиж наш значительно упал. А что было бы для нас лучше: французская или германская гегемония — это еще большой вопрос. Что же касается нашей задолженности Франции, то следует иметь в виду, что неминуемое при сохранении нашего союза с Франциею, после сближения ее с Англиею, военное столкновение наше с Германиею, представляющеюся первостепенною военною державою, связывается для нас, несмотря ни на какие военные союзы, со столь громадным риском, что для избежания его мы не должны останавливаться ни перед чем, пойти на какие угодно финансовые компромиссы. Частично задолженность нашу Франции в случае нашего союза с Германиею, вероятно, покроет на едва ли не более легких условиях Германия. На остальное надо ответить умелым проведением соответствующих кредитных операций и широким, как это ни нежелательно, предоставлением концессий иностранному капиталу. Но, может быть, этого и не понадобилось бы. Не так давно искали помещения у нас своих капиталов Северо-Американские Соединенные Штаты. Говорили, ими ставились условием отмена в России ограничений, действовавших по отношению к евреям. Но пойти на эту меру было бы пора даже и в том случае, если бы не заходила речь о предотвращении опасности угрожающего неисчислимыми бедствиями военного столкновения. Тем более, в этих видах следовало бы покончить с отсталыми и лишь углубляющими смуту в России еврейскими ограничениями. Так или иначе, задолженность наша Франции не является препятствием, непреодолимым для изменения нами нашей внешней политической ориентации.

Когда сторонники ставки на Германию осведомились о заключении и поспешном вслед же за тем аннулировании нами Биоркского договора, они, поскорбев, высказали убеждение, что царь стократ был прав, подписывая этот договор, и непоправимо, самоубийственно ошибся, согласившись на отказ от договора[a].

* * * * *

Столыпинский кабинет усиленно занялся подготовкою законопроектов для внесения в Государственную думу предстоявшего второго созыва. До созыва же Думы в порядке указа была проведена аграрная реформа, преследовавшая цель открепления крестьян от общины и насаждения крестьянской мелкой частной земельной собственности. Впоследствии, в 1910 г., Государственная дума третьего созыва вотировала подтверждение указа об этой реформе, после чего он получил силу закона[32].

В 1906 г. заговорили о Распутине. Он пристроился ко двору с конца 1905 г., приведенный «августейшими» черногорками Анастасиею и Милицею Николаевнами.

[а–а] Текст написан от руки черными чернилами, с отдельными поправками синими чернилами.

Глава 13.
1907 год

Государственная дума второго созыва. Выборы в январе и феврале. Открытие Думы в конце февраля[1]. За совершенною ничтожностью теряющегося в оппозиционном большинстве Думы правого ее крыла состав резко оппозиционный. Нет фракций в большинстве Думы умереннее кадетов. Но и они не в большинстве. Крестьянами окончательно разбита иллюзия предполагавшегося их консерватизма. Правых среди крестьянских депутатов нет и 10 %. И те требуют экспроприации земель от помещиков. Сессия — сплошная атака правительства. Делового обсуждения законодательных предположений с правительством нет. Дума представляет собою революционный митинг. Думская трибуна обслуживает исключительно революционную пропаганду. Революция, затихшая в стране, бушует в Думе. В июне правительство предъявляет обвинение социал-демократической фракции Думы в военном заговоре и требует выдачи участвовавших в нем депутатов. Вследствие отказа в их выдаче Дума распускается[2].

Вслед за тем обнародуется столыпинский закон об изменении порядка выборов в Государственную думу, обеспечивавший преобладание в Думе помещиков над крестьянами.

Страна безропотно приемлет этот coup d'Etat[a]. Инерция спада революционной волны непреодолима для нового подъема, пока не пробьет новый для него час.

В стране наружно тихо. И эпопея второй Думы не нарушила тишину передышки.

Из событий внешней нашей политики следует отметить подписание Россиею в 1907 г. соглашения с Англиею, касавшегося вопросов Центральной Азии[3]. Акт этот сам по себе второстепенной важности, так как им лишь закреплялся ранее создавшийся status[b], имел значение в том отношении, что являлся прелиминарием к установлению союзнических отношений между Россиею и Англиею, в которые Россия вовлекалась в качестве союзницы Франции, только что перед тем вошедшей в entente cordiale[c], *попросту говоря, в военный союз* с Англиею.

---

[a] Государственный переворот (фр.).

[b] Положение (лат.).

[c] Сердечное согласие (фр.).

Франко-русский союз превращался в направленное против Германии и ее союзников «Тройственное согласие». И надо было, чтобы Англия и Россия, перед тем как стать союзниками, урегулировали свои взаимоотношения по отдельным второстепенным вопросам, не касавшимся большой европейской политики. *Итак, императорскую Россию, остававшуюся, на ее беду, союзницею Франции, бросали в вящее ее несчастие, в еще более вероломные объятия — Англии. А перед тем заключалось Англиею с Россиею азиятское соглашение.*

Что же устанавливало наше азиятское соглашение с Англиею? Что-нибудь выгодное для нас? Изъятие Афганистана из сферы влияния России, с обязательством России сноситься с Афганистаном по каким бы то ни было вопросам не иначе, как через Англию. Надо было обладать беззастенчивостью английских министров, чтобы, входя в дружбу с Россией, предложить такой тезис соглашения, и всю талантливую гибкость Извольского, чтобы принять его. Чем мы компенсировались? Обязательством Англии «не вмешиваться во внутренние дела Афганистана».

Обязательство при бывшем в то время крепком влиянии Англии в Афганистане совершенно иллюзорное, и которое можно было Англии в каждом случае и по любому поводу обходить. Компенсации, следовательно, не было никакой. Получалось сужение наших прав без компенсации! Готовя нас в свои союзники, *чтобы использовать для разгрома Германии в качестве пушечного мяса,* Англия заранее приучила нас к роли послушного приятеля. Единственным для нас утешением в получении довольно-таки бесцеремонного пинка, отбрасывавшего нас подальше от Афганистана, являлось то примечательное обстоятельство, что мы и до того только терлись около его дверей, отнюдь не осмеливаясь перешагнуть порога из страха перед Англиею, ревниво оберегавшей от нас Афганистан. Мы были столь робки, что для того, чтобы иметь хоть какую-нибудь информацию об этой стране и о происходивших в ней событиях, переодели наших консульских агентов в санитаров устроенного нами на границе Афганистана противочумного кордона. Явного же представительства иметь в Афганистане, вследствие нежелания Англии, не осмеливались. Теперь же мы приглашались формально признать этот status и еще его углубить. Мы не только не могли прокатиться в Афганистан, хотя бы с визитом, но даже лишались права писать эмиру или его правительству. Если бы мы захотели что-нибудь написать, то должны были адресоваться к опекуну Афганистана, не иначе как в шутку обещавшему нам впредь опекать эту страну, «не вмешиваясь во внутренние ее дела».

Другой тезис соглашения касался Тибета. Тут — шутка сказать — мы становились в равное положение с Англиею. И Россия, и Англия, обе подтверждали суверенитет Китая над Тибетом. И Россия, и Англия обязывались сноситься с Тибетом не иначе, как через Китай, и не вмешиваться во внутренние дела Тибета[4].

Соглашение, наконец, устанавливало разграничение сфер влияния России и Англии в Персии.

В остальном 1907 г. ничем замечательным себя не ознаменовал. Продолжался восстановительный подъем страны. Наружно было достигнуто относительно устойчивое временное спокойствие.

Глава 14.
1908–1909 годы

В эти два года сказались первые ощутительные последствия происшедшего охлаждения Германии к России. Недовольство ее нами развязывало руки Австро-Венгрии для активной политики на Балканах. Габсбургская монархия приобрела уверенность, что Германия не будет препятствовать ей в действиях, нарушающих интересы России. С другой стороны, Австро-Венгрия знала, что не восстановившей еще своей военной мощи России после несчастной войны с Япониею самой за себя не постоять. И вот новый министр иностранных дел Австро-Венгрии барон Эренталь, которого я хорошо помню еще в начале его большой карьеры советником австро-венгерского посольства в Петербурге *(потом он был у нас короткое время австро-венгерским послом)*, задумал воспользоваться такою счастливою для Австро-Венгрии политическою конъюнктурою, чтобы аннексировать находившиеся во временной оккупации Габсбургской империи Боснию и Герцеговину, отторгнутые Россиею от Турции в войну 1877–78 гг.

Недостаточные, по несоответствию с понесенными жертвами, результаты для нас нашей победы в эту войну заставили И. С. Аксакова в публичной речи, подводившей итоги войны, прослезиться и [a]обмолвиться горьким словом «одураченный победитель»[a]. За это слово Ивану Сергеевичу пришлось на некоторое время порядочно отъехать от Москвы, где он сердился, прослезился и издавал свою *последнюю* газету «Русь»[1]. Иван Сергеевич, однако, выражал господствовавшее русское общественное мнение. Мы не могли тогда переварить, в числе поставленных нам Берлинским конгрессом других тяжелых условий, передачу отвоеванных от Турции русскою кровью Боснии и Герцеговины во «временную» оккупацию Австро-Венгрии[2]. Понятно, нам не могла улыбаться перспектива в данный момент окончательного закрепощения этих славянских земель за Австро-Венгриею *в явное издевательство над Россиею.*

Извольский встретился в сентябре 1908 г. с бароном Эренталем в Бухлау. Австрийца отличал начинавшийся с половины лица под небольшим и острым носом и маленькими усиками огромный бритый подбородок. Подбородки столь необы-

[a–a] Вписано вместо: «назвать императора Александра II “одураченным победителем”».

чайного развития являются, говорят, показателем повышенной волевой энергии. Русский министр, из польских выходцев, противоставлял (так!) внушительному подбородку барона Эренталя расплывчатые черты славянского лица, отражавшие неустойчивость темперамента от польской заносчивости до польского же «падам до ног». Австриец предупредил русского, что будет аннексировать Боснию и Герцеговину. Русский только просил дождаться ответа на это заявление, который будет дан немедленно после доклада царю о намерении австрийца[3].

Эренталь не дождался этого ответа. Вряд ли и обещал он Извольскому ждать. В начале октября последовал формальный акт об аннексии, одновременно с провозглашением Болгариею своей независимости от Турции[4].

Зачем понадобилось Эренталю аннексировать Боснию и Герцеговину? Земли эти и без того были весьма прочно закреплены за Австро-Венгриею режимом «временной» оккупации. И известно, что нет ничего прочнее временных положений и институтов. Стремительно свалившееся потому, что оно было гнилое от рождения, «временное» правительство в 1917 г. в России в счет не идет, явившись тем исключением, которое только подтверждает общее правило. *Эренталь преследовал, по-видимому, личные цели. Он хотел отметить историческим актом дни своего управления австрийским Министерством иностранных дел, одержав над Россиею эффектную при всей ее легкости дипломатическую победу*.

Однако Австро-Венгрия мечтала о захвате Сербии. Здесь-то и была зарыта собака. Империя видела в этом захвате, помимо экономических выгод, средство положить конец подогревавшимся самим существованием самостоятельного сербского государства, *не говоря о непосредственном его враждебном воздействии,* сепаратическим тенденциям сербских народностей, входивших в состав Габсбургской монархии. С другой стороны, через Сербию Австро-Венгрия выходила к Салоникам и через них — к Средиземному морю. Аннексия Боснии и Герцеговины диктовалась Австро-Венгрии планом этой экспансии в качестве подготовительного этапа к его осуществлению. Захват Сербии не был бы прочен, если бы оставлялись родственные народности на режиме, хотя бы лишь номинальном, временной австрийской оккупации, а не владения по аннексии. Если же аннексировать Боснию и Герцеговину, то надо было это сделать Австро-Венгрии, как она и сделала, именно в данный момент, пользуясь временным ослаблением военной мощи России.

Сербия с объявлением аннексии пришла в сильнейшее брожение. Справедливо усматривая в этой мере угрозу собственной независимости, она стала готовиться к войне с Австро-Венгриею, в расчете, разумеется, на активную военную помощь России. Воинственный пыл охватил и маленькую Черногорию.

Нас ударили по нашему престижу. Мы стояли перед угрозою вящего его умаления в случае, если бы возгорелась война между Австро-Венгриею и балканскими славянами, и мы бы в эту войну не вступили. Но, только что выйдя из войны с Япониею и революции, мы не могли воевать. Об этом категорически было заявлено военным министром Редигером в заседании Совета министров в присутствии царя в начале 1909 г.[5] Оставалось только предотвратить войну между Австро-Венгриею и Сербиею воздействием на последнюю и удержанием ее от вызывающих действий по отношению к Австро-Венгрии. Мы и прибегли к такому воздействию. Когда мы осведомили Сербию, что воевать не можем и не будем, пыл ее остыл.

По боснийскому вопросу мы апеллировали к *нашим друзьям* Франции и Англии, *любезно* обсудившим положение на конференции, которая, однако, вынесла по этому вопросу лишь платонические решения[6]. *Ничем реальным наши друзья этих решений не подкрепили.* Со значительным промедлением мы обратились к Германии. Она холодно ответила нам, что мы опоздали. Следовало начать переговоры с Берлина, а не тратить время на беседы через его голову с Парижем и Лондоном. И все-таки Германия способствовала в ту пору мирному разрешению кризиса. В то время, как мы наставляли на путь благоразумия *besновавшуюся* Сербию, Германия рекомендовала всяческую сдержанность приступившей было к военным приготовлениям Австро-Венгрии.

* * * * *

В pendant[a] к бухлауской встрече Извольского с Эренталем (в которую Извольский не победил) припоминается последовавшая вслед же за тем другая встреча — Извольского же с Греем в Лондоне[7]. В одном иллюстрированном журнале мне попался фотографический снимок этой встречи, изображавший обоих министров в беседе за письменным столом. Иллюстрация безжалостно устанавливала расстояния. Не два министра. А министр и проситель. Холодный элегантный Грей с торсом, вытянутым в струнку, *точеными чертами классического правильного лица,* со скучающим видом слушает Извольского, глядя не на него, а под прямым углом в сторону. А сутулящийся, полусогбенный Извольский пожирает глазами начальство. Смотрит на Грея в упор, как бы стараясь уловить впечатление от своих слов на бесстрастном лице английского министра. *Характерная иллюстрация взаимоотношений. До каких унизительных мы дошли положений в нашей англо-французской ориентации.*

Отношения наши с Германиею вызывали беспокойство в собравшейся в 1908 г. третьей Государственной думе. Извольскому пришлось выступить в ней с успокоительными заверениями о том, что «русская политика не имеет острия против Германии»[8]. Забавное и не совсем по-русски построенное «заверение». Не дающее притом исчерпывающего ответа на вопрос об отношениях между сторонами. «Не имеет острия»? Надо полагать, что этим давалось понять об отсутствии в ту пору у России каких-либо злых умыслов против Германии. Но ведь этим освещалась лишь одна сторона отношений. Ничего не было сказано о том, как реагировала Германия на эту самую не имевшую против нее острия русскую политику. Как относилась к тому, что помимо вящего укрепления (после аннулирования Биоркского договора) своего союза с Франциею, находившеюся в весьма натянутых отношениях со своих восточным соседом, Россия еще сблизилась с Англиею в момент сильнейшего обострения соперничества последней с Германиею, когда Англия искала всяких способов и путей, чтобы сломить свою соперницу. Вряд ли такая политика России приходилась по нраву Германии. И не исключена была как будто возможность, что если Россия и «не имела острия против Германии», то Германия «имела острие» против России за ее политику, направленную, в конце концов, хотя бы и без «острия», но против

[a] Здесь: дополнение.

Германии, в укрепление противных Германии течений. Эту сторону вопроса Извольский обошел. И Дума, не вдумавшись в несоответствие ответа заданному вопросу, легкомысленно успокоилась на успокоительном «заверении» министра иностранных дел. Припоминается остроумная характеристика, данная Думе Владимиром Ивановичем Ковалевским: «Бездумная дума!».

Да, она была бездумная. Влилась в нее незадачливая поместная земская Россия — те самые люди, которым либо школа, либо служба не задались. И осели они на земле лишь потому, что не могли урвать лучшего жребия, каковым мнилась им, по понятиям их и традициям, чиновничья либо военная карьера. Влились и беспочвенные говоруны из городских общественных управлений. Недюжинные люди были в ничтожном меньшинстве. И те поражали проявленным ими непониманием переживавшейся обстановки — Милюков, Шингарев, Василий Маклаков, Шульгин, Пуришкевич, Кутлер, перводумцы Муромцев, Максим Ковалевский, Кузьмин-Караваев, Петрункевич, Винавер. Едва ли, пораздумавши, можно причислить к недюжинным людям убежденного, как он себя называл, «конституционалиста» А. И. Гучкова. Он брал только смелым *и наглым* темпераментом, никогда не доводя, однако, дела до конца и «смываясь», как только перед его натиском вырастали сколько-нибудь трудно преодолимые преграды. Заварив кашу круто и напористо, он предоставлял расхлебывать ее смене. А сам отходил в поисках других авантюр. Нельзя назвать недюжинными ни мягкотелого, ленивого славянофила по традиции Н. А. Хомякова, ни самовлюбленного, неумного, слонообразного М. В. Родзянко, ни талантливого, но совершенно беспочвенного оратора, неизменно бывшего на взводе, Ф. И. Родичева, ни декоративного Стаховича, имевшего относительный успех в качестве политического деятеля преимущественно в дамских салонах, ни, наконец, приобретшего себе скандальную известность неумеренно правыми выступлениями чрезвычайно плохо воспитанного Н. Е. Маркова, смахивавшего на Петра Великого, разжалованного в мещане. Дальше шли посредственности без всякого колорита. И ниже посредственностей надо поставить истеричного молодого человека или, вернее, по внешности *недоразвившегося* дегенеративного недоноска с некрасивым геморроидальным лицом А. Ф. Керенского[9]. Это был «левый». Настоящие левые по тактическим соображениям в Думу не пошли. Попали «керенские». Но до чего он был смешон и жалок, этот истеричный дегенерат. Помню первую встречу с ним, значительное, однако, время спустя после описываемых событий в бюджетной комиссии Государственной думы. Проходил какой-то совершенно пустяковый вопрос вроде учреждения для какой-то окраины дополнительного штата двух-трех полицейских урядников. Встает небольшого роста геморроидальный юноша с блуждающими сумасшедшими глазами и, бия себя в грудь, с места начинает истерически вопить. «Кто это?» — спрашиваю я соседа. — «Керенский». Разошедшийся недоносок грозит пальцем представителям правительства. Схватывается за сердце. Качается, подавленный захватывающим ему дух негодованием. Он близок к обмороку. Становится жалко истеричного молодого человека и неловко за него, ужасно неловко — до такой степени не соответствует обсуждаемому ничтожному вопросу его стоградусный пафос. До обморока он на этот раз не дошел. В обмороки стал впадать впоследствии, когда [a]попал в «правители» России[a].

[a–a] Вписано вместо: «в России, которою одно время правил Тушинский вор, попал в правители А. Ф. Керенский».

* * * * *

Извольский задумал реформировать штаты центральных учреждений Министерства иностранных дел. Ему захотелось присвоить политическим частям этих учреждений устройство канцелярий посольств в составе секретарей разных рангов с советниками во главе[10]. Этим он полагал, помимо удобства распределения и прохождения дел, облегчить постоянный сменный переход служащих из заграничных установлений ведомства в центральные и обратно. Последнею же мерою имелось в виду, с одной стороны, устранить нежелательную оторванность заграничных чинов от отечественного центра, а с другой — восполнить вредный для дела пробел, заключавшийся в незнакомстве центральных чинов с условиями заграничной службы. Канцелярия министерства уже издавна была устроена по образцу канцелярий посольств. Оставалось преобразовать Первый, бывший Азиятский департамент, разбив его на три политических отдела: Ближнего Востока, Средней Азии и Дальнего Востока и придав каждому отделу устройство канцелярии посольства. Попутно реформировались частично департаменты Второй и личного состава и хозяйственных дел; учреждался Юрисконсультский отдел и преобразовывалась в Отдел печати Газетная экспедиция. Для соображения проекта реформы была образована комиссия под председательством товарища министра иностранных дел Н. В. Чарыкова. Были приглашены для участия в ее работах представители заинтересованных ведомств — Министерства финансов, Государственного контроля и «собственной его величества» канцелярии. Проект наметывался. Но некому было писать проект, придать ему форму убедительно мотивированного представления в законодательные учреждения. Не нашлось в составе Министерства иностранных дел лица, знакомого с законодательною работою. Раньше проводились пустяки, и с ними кое-как справлялись вице-директор Муромцев и глухой и косноязычный камергер Казнаков. Теперь предстояло представить генеральную, большую реформу, да еще впервые в такую критически относящуюся к правительству законодательную палату, как Государственная дума. Для этого был нужен специалист. Директор Департамента личного состава барон К. К. Буксгевден, отчаявшись найти специалиста в ведомстве, стал его искать на стороне. Мой приятель, вице-директор Второго департамента В. А. Березников напомнил барону обо мне. Барон обрадовался. Я был не только специалистом, но еще служил ранее в Министерстве иностранных дел и продолжал вести его «Сборник консульских донесений». Выходило так, что специалист нашелся «почти» в собственной среде, хотя и был начальником отделения чужого ведомства — Министерства финансов.

Так как уходил Казнаков, то барон Буксгевден пригласил меня совсем перейти в Министерство иностранных дел на должность Казнакова, оставив Министерство финансов. Но в ту пору Вишняков мне еще не надоел и не надосадил настолько, чтобы я задумал уходить из-за него из Департамента окладных сборов, к которому привык, наладив в нем свою работу и сотрудничая по законодательным делам, ввиду необычайной лености Вишнякова, через его голову непосредственно с Н. Н. Покровским. К тому же я был близок в Министерстве финансов к вице-директорскому посту. Я отказался поэтому от предложения барона Буксгевдена. Тогда он стал меня просить взять на себя частным образом составление записки по проекту изменения положения и штатов центральных

учреждений Министерства иностранных дел, приняв участие в заседаниях комиссии по соображению этого проекта. На место же Казнакова просил рекомендовать кого-либо из бывших моих товарищей по Государственной канцелярии, так как было признано необходимым заместить вакансию Казнакова во всяком случае специалистом по законодательным делам. На эти просьбы Буксгевдена я согласился. Взялся написать законопроект и для этого участвовать в заседаниях комиссии. На место же Казнакова рекомендовал согласившегося на переход в Министерство иностранных дел бывшего моего сослуживца по Государственной канцелярии Михаила Сергеевича Неклюдова.

В Чарыкове, большеголовом, маленьком человечке с некрасивым калмыцкого типа лицом и тонкими опущенными книзу усами, я без труда узнал раненого в турецкую войну гусара с рукою на перевязи, которому в 1878 г. за обедом у моей тетушки О. И. Батуриной тетушка и моя мать поочередно нарезали кушанья в тарелке. Он вежливо благодарил и что-то такое рассказывал, работая вооруженною вилкою здоровою рукою. Я любовался его гусарскими жгутами и восхищался его геройством. Тому прошло более 30 лет. Сейчас обе руки Чарыкова были здоровые. И на героя он не походил.

В комиссии под председательством Чарыкова принимали участие: барон К. К. Буксгевден, А. А. Нератов, Е. А. Плансон, А. А. Савинский, А. К. Бентковский, М. И. Муромцев, заведовавший Газетной экспедицией Соловьев[11] и др. От Министерства финансов присутствовали вице-директор Департамента государственного казначейства В. В. Кузьминский и начальник отделения того же департамента П. М. Гришкевич-Трохимовский, от Государственного контроля — бывший мой принципал, в то время помощник генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Яковлев и старший ревизор Сакович, от танеевской канцелярии — кто-то из старших ее чиновников.

Мне пришлось выше отметить, что вследствие своеобразного ведомственного воспитания чины Министерства иностранных дел в значительном их большинстве страдали незнанием общего законодательства страны. Поэтому они не понимали отстаивавших нормы этого законодательства представителей других ведомств. Последние же, чуждые порядков весьма специальной, ни на какую другую не похожей дипломатической службы, не понимали чинов Министерства иностранных дел. Получалось впечатление, что сошлись существа, свалившиеся с разных планет и не находившие общего языка. На этой почве в комиссии происходило немало курьезов. Обсуждение реформы протекало медленно и тяжело. После первого же заседания ко мне подошел потерявший голос от горловой чахотки представитель Государственного контроля Яковлев и, наклонившись, прохрипел: «Совсем особенные люди. За всю жизнь я подобных людей не встречал».

Как бы то ни было, комиссия кое-как формулировала согласованные с представителями ведомств свои пожелания. Руководителям отдельных частей министерства было поручено составить по каждой части мотивированные записки о круге дел и желательных преобразованиях, придерживаясь общих заключений комиссии. Материал этот должен был быть передан мне, и лишь по его получении мне предстояло приступить к составлению ожидавшегося от меня законопроекта. Комиссия заседала весною 1909 г. Материал, недостаточно все-таки обстоятельный и потому потребовавший дополнительных переговоров и справок,

я получил только в начале зимы. Работу все же закончил до конца года. Барон Буксгевден мне сообщил, что Извольский, вообще требовательный и капризный, остался моею запискою доволен. Он быстро провел ее через Совет министров и в начале 1910 г. внес в Государственную думу.

* * * * *

По службе моей в Министерстве финансов на меня навалилась работа по участию в ряде комиссий. Самою громоздкою была комиссия при военном ведомстве под председательством глубокого старца Нестеровского, бывшего долгие годы управляющим канцеляриею туркестанского генерал-губернатора. Намечалась общая реформа управления Туркестанского края, затрагивавшая все части государственного управления[12]. Поэтому в комиссию влились представители всех ведомств. Заседали в обширном зале в здании Главного штаба, выходившем на Дворцовую площадь. Работать по этой комиссии мне пришлось много. Большинство вопросов соприкасалось с вопросами финансовыми. К тому же видное место занимала реформа местного налогового обложения. Как представителю финансового ведомства, которого теребили на каждом заседании, мне приходилось к каждому же заседанию готовиться, прочитывая по печатному проекту реформы очередные статьи, формулируя по ним замечания, соображая, какие могут быть мне заданы вопросы по этим статьям, наводя по ним справки в соответствующем законодательном материале и т. д. В комиссии я встречал энергическую поддержку моим замечаниям со стороны представителя Министерства юстиции, члена консультации этого министерства Алексея Александровича Живковича. Поддерживал меня и представитель Министерства внутренних дел, член совета министра, бывший некоторое время помощником петербургского градоначальника Владимир Эдуардович Фриш. От Министерства иностранных дел встретил в комиссии заведовавшего делами Средней Азии Василия Оскаровича Клемма. Заседали мы почти два года. Высказали массу полезных мыслей. Исписаны были по нашим замечаниям целые фолианты протоколов. Рассмотрели, по крайней мере, три четверти проекта. И все-таки комиссия не была доведена до конца. Занятия ее были прерваны, и труды положены на полку. Предполагалось пересмотреть реформу закона в связи с результатами намеченной сенаторской ревизии Туркестанского края.

Работал я и в комиссиях по Главному управлению по делам местного хозяйства под председательством надменно-глупого начальника этого управления С. Н. Гербеля, фигурою немного смахивавшего на С. Ю. Витте. Заседал и под председательством не в пример Гербелю симпатичного и любезного помощника его Н. Л. Пшерадского. Обсуждалась реформа городового положения в губерниях Царства Польского[13]. Был я, наконец, назначен представителем финансового ведомства в какое-то постоянное совещание при Земском отделе Министерства внутренних дел, собиравшееся, к счастью, довольно редко.

Пришлось мне заседать и в финансовой комиссии Государственной думы — то в качестве сопроводителя начальства, а то и одному. Помню, как однажды, когда я оказался в думской комиссии один, защищая мною же составленный проект положения о налоге с недвижимых имуществ в уездных поселениях, с за-

мечаниями против проекта выступил присутствовавший в заседании в качестве члена Государственной думы Н. Н. Кутлер, великий знаток и практик налогового дела, поскольку начав службу с податного инспектора, он ее проходил по налоговой линии вплоть до должности директора Департамента окладных сборов. Следует при этом иметь в виду, что Кутлер был талантливый человек и в налоговом деле считался авторитетом. Я испугался, считая проект похороненным. Предвидел злорадство Вишнякова: потому — скажет он — провалили проект, что слаб был защитник. Одно обстоятельство спасло проект. Кутлер стал возражать не по убеждению, что проект плох и не нужна проектируемая мера, а потому, что выступил от кадетской фракции, оппозиционной по всякому поводу в силу ее тактики. Неправый в своем выступлении по существу, а потому неискренний, Кутлер приводил против проекта возражения исключительно слабые. Поэтому в предоставленном мне слове, несмотря на то, что по сравнению с Кутлером я был в налоговом деле, что называется, мальчишка и щенок, мне удалось разбить доводы этого крупного налогового специалиста *в пух и прах*. Кутлер не возвращался к высказанным им соображениям против проекта. Мои доводы в его пользу были признаны убедительными. И комиссия приняла проект.

* * * * *

Николай Николаевич Покровский расхворался. У него протекал какой-то процесс в легких при высокой температуре. Болезнь не поддавалась лечению из-за ослабления организма вследствие переутомления. Между тем, был назначен к рассмотрению в общем собрании Государственной думы прошедший через финансовую ее комиссию наш большой законопроект о реформе налога с городских недвижимых имуществ[14]. Защищать проект должен был министр или его товарищ. Так как Коковцов был совершенно не в курсе налоговых реформ, полностью предоставив проведение их Н. Н. Покровскому, то последний, несмотря на болезнь, решил поехать в Думу. Просил меня его сопровождать, чтобы помочь в защите проекта подсказом соответствующих соображений в ответ на выслушанные прения. Мы отправились и засели в министерскую ложу, в которой застали в тот день из других представителей правительства одного только помощника морского министра Григоровича (ставшего впоследствии министром). Н. Н. крепился. Но чувствовал себя, по-видимому, настолько плохо, что жалко было на него смотреть. А между тем до нашего дела Дума не доходила. Шли валом мелкие дела, так называвшаяся законодательная вермишель, ни нас, ни Григоровича не касавшаяся. Так дело шло до перерыва. Покровскому становилось все хуже. В перерыв пошли пить чай с Григоровичем в министерский павильон. Здесь, вне напряженной атмосферы думского заседания, в непринужденной беседе с красивым и занимательным стариком-адмиралом Николаю Николаевичу стало легче. «Какая может быть у вас температура?» — спросил я его. «А вот посмотрим, — ответил Н. Н., — я захватил градусник». Подержал его Н. Н. сколько полагается, и градусник показал около 39°. Вот какова была синекура высокопоставленных бюрократов, о которой любили говорить малоосведомленные небюрократы[15]. И вот как, в частности, смотрел на свою службу Н. Н. Покровский*, готовый, казалось, из гроба встать на при-*

зыв служебного долга. После перерыва Государственная дума сразу приступила к нашему законопроекту. Выступали с трибуны многие и говорили много. Н. Н. слушал внимательно, отмечая карандашом на бумажке существо каждого возражения. Выступил и Н. Н. Кутлер с довольно бестактною критикою проекта, который сам выдвигал в недавнюю сравнительно бытность его директором Департамента окладных сборов. На это выступление Кутлера отвечал с трибуны В. М. Пуришкевич. Он заявил, что вынужден констатировать аналогию между атакою законопроекта Кутлером и поведением героя известной крыловской басни, подрывавшего корни дуба[16]. Ведь Кутлер вышел в люди, работая над им же в настоящее время опорочиваемой системою обложения. Весьма еще недавно он считал ее и целесообразною, и правильною. После значительно затянувшихся речей других думских депутатов попросил слова Н. Н. Покровский и, взойдя на трибуну, совершенно больной, едва держась на ногах, в речи, продолжавшейся более часа, блестяще опроверг все высказанные возражения твердым, ясным голосом, крепнувшим по мере развития его соображений, убедительно и со спокойным достоинством отстаивая все подвергавшиеся критике положения законопроекта. И законопроект значительным большинством собрания был принят, за ничтожными поправками, не имевшими значения существа. Мы уехали. Когда Н. Н. вернулся домой, он свалился в постель, и температура прыгнула почти до 40°. Болезнь ухудшилась. Не желая лишаться нужного ему сотрудника, Коковцов устроил Николаю Николаевичу требовавшуюся врачами поездку на Ривьеру, выхлопотав пособие на дорогу и лечение. Н. Н. уехал с женою в Ниццу, откуда вернулся значительно поправившимся благодаря, главным образом, тому, что основательно и в наилучших климатических условиях отдохнул.

* * * * *

В числе поставленных на очередь законопроектов мне пришлось разрабатывать проект положения о налоге с богарных земель в Туркестане[17], в котором я никогда и не был, и о хозяйственных условиях которого имел лишь книжное, неживое представление. Чтобы не попасть впросак, я просил вызвать в Петербург для сотрудничества со мною в предстоявшей работе кого-либо из туркестанских податных инспекторов, выбрав наиболее близко присмотревшегося к условиям края, наиболее сведущего и дельного. Мы написали управляющему Туркестанскою казенною палатою Ипатову. В результате недолгое время спустя в мой служебный кабинет *стремительно* вкатился, раскачиваясь на коротких толстых ногах, с приветливою улыбкою под ласково смеющимися серыми глазами и добродушным картофельным носом небольшой коренастый человек, отрекомендовавшийся Александром Александровичем Фреем. Он, оказалось, в совершенстве знал свой Туркестан, попав туда сразу после отбытия по окончании университета воинской повинности в гвардейской, как он мне подчеркнул, конной артиллерии. И прекрасно знал богарные земли, места их расположения, условия обработки, урожайность и т. д. Он привез с собою богатый статистический материал об этих землях. Из беседы с Фреем я убедился, что вижу перед собою того самого человека, который мне нужен, притом человека симпатичного, с которым будет

приятно работать. Работу мы наладили. Я просил Фрея выработать ставки обложения по установленной совместно с ним схеме. А на себя взял изложение текста соответствующего представления в Государственную думу. По этой работе приходилось встречаться часто. Фрей неоднократно заходил ко мне на квартиру. Много рассказывал о близкой к его семье артистке Комиссаржевской. Впоследствии она и скончалась у него и у его жены на руках в квартире А. А. Фрея в Ташкенте. Она была известна в качестве выдающейся драматической артистки. Но я хорошо помнил еще ее вокальные эстрадные выступления вместе с ее отцом, известным в свое время тенором Императорской оперы, и ее сестрою. Выступления эти сопровождались значительным успехом. В неторопливых дружеских беседах Фрей весьма красочно рисовал мне Туркестан. Нарастали образы и картины настолько живые, что, казалось, проносились воспоминания виденного и пережитого. Возвращаясь к входившим в круг моих служебных занятий вопросам о Туркестане, я перестал представлять его себе отрезком географической карты Средней Азии. Стал ощущать живую страну загадочного, чарующего Востока, с которым, между тем, пришлось познакомиться на другой далекой окраине лишь много лет спустя. Беседуя о Туркестане, Фрей мне говорил, что настолько обжился в нем, что не мыслит с ним расстаться и вернуться в Европейскую Россию. Об одном мечтает, основательно засидевшись в податных инспекторах, это о том, чтобы быть при случае назначенным на *поставленную одним лишь классом выше и* немного лишь лучше оплачиваемую более спокойную должность члена Совета туркестанского генерал-губернатора от финансового ведомства. Случилось, что эта должность освободилась к моменту окончания нашей совместной работы. Сославшись на полезное участие в ней А. А. Фрея, я настоятельно просил Н. Н. Покровского провести его в совет генерал-губернатора. Н. Н. исполнил эту просьбу. Надо было видеть радость милейшего А. А. Он запомнил мне оказанную услугу. И долгое время из своего далекого солнечного Туркестана писал мне. Я, конечно, отвечал. Но так как все на свете кончается, то и переписка наша как-то внезапно оборвалась.

* * * * *

В описываемые годы произошло несколько перемен в Совете министров. После заявления Редигера по случаю боснийского конфликта с Австро-Венгриею о нашей неготовности к войне Редигер был уволен, и на его место назначен генерал В. А. Сухомлинов, бывший перед тем начальником Генерального штаба, а ранее киевским генерал-губернатором[18]. Должность морского министра после Бирилева занял адмирал Диков, остававшийся, однако, в этой должности недолгое время. Его сменил адмирал Воеводский. На место ушедшего с должности главноуправляющего землеустройством и земледелием кн<язя> Васильчикова был назначен А. В. Кривошеин, бывший начальником Переселенческого управления Министерства внутренних дел, а потом управляющим Дворянским и Крестьянским поземельными банками в должности товарища министра финансов, ловкий карьерист и столь же искушенный в бюрократической интриге, что и В. Н. Коковцов, но более способный и в большей степени государственный деятель, чем он. Сочувствовавшего лишь просвещению, но чуждого ему Кауфмана сменил

Шварц, заядлый классик, бывший одно время директором 5-й московской гимназии, учеников старших классов которой доводил до такой степени классического совершенства, что они свободно говорили по-латыни. Министр народного просвещения получился все-таки более компетентный, нежели Кауфман. Министром путей сообщения был назначен С. В. Рухлов, бывший статс-секретарь Государственного совета, потом товарищ главноуправляющего торгового мореплавания и портов. Скоропостижно скончавшегося в расцвете сил министра торговли Д. А. Философова заменил наш старый знакомый И. П. Шипов, бывший министром финансов в кабинете Витте. Государственным контролером после Шванебаха был назначен еще в 1907 г. член Государственного совета, бывший товарищ государственного секретаря П. А. Харитонов.

Глава 15.
1910 год

Благополучно прошедший через Государственную думу наш законопроект о реформе налога с городских недвижимых имуществ был назначен к рассмотрению в комиссии Государственного совета. Н. Н. Покровский затащил меня и на ее заседание. Это было первое мое посещение Мариинского дворца после моего ухода из Государственной канцелярии. С тех пор прошло четыре года. Заседание комиссии происходило в выходившем окнами на площадь том самом зале бельэтажа дворца, в котором раньше собирались департаменты старого Государственного совета. Все как будто по-прежнему. Но много новых лиц — члены по выборам. И нет традиционных вицмундиров. Как члены совета, представители правительства, так и чиновники Государственной канцелярии — все в партикулярных сюртуках. В форменных сюртуках одни только военные. Народу набралось много. Говорили по проекту: П. Н. Дурново, В. И. Тимирязев, неведомые мне 2–3 члена совета по выборам. И много говорил известный профессор-криминалист, член Государственного совета, сенатор Н. С. Таганцев — преимущественно по предусматривавшим нарушения проектированного закона карательным статьям. Секретарствовал бывший мой начальник статс-секретарь А. Г. Тимрот. Серьезных возражений не было. Законопроект благополучно прошел через комиссию Государственного совета, что заранее обеспечивало ему одобрение общего собрания совета. Когда мы уходили с Покровским, мы встретили пробиравшегося в зал заседаний нового товарища министра иностранных дел Сергея Дмитриевича Сазонова. Он был недавно перед тем назначен на место Н. В. Чарыкова, отправленного послом в Константинополь. Небольшой рост, солидная лысина, темная бородка клинышком. И громадный семитический нос, приемлемый с фаса, но совершенно непозволительный с профиля. Утрированный тип еврея. Некрасивая, но культурная внешность. Выхоленно чист и приглажен. Элегантный сюртук. Приятный голос мягкого баритонального тембра. Сазонова сопровождал среднего роста сутуловатый блондин в пенсне. «Наш новый заведующий делами Дальнего Востока Григорий Александрович Казаков», — назвал его Покровскому Сазонов. Я слышал про этого умного и талантливого человека по его службе в консульском корпусе в Корее и Японии и «помещая его» в «Сборнике консуль-

ских донесений». Покровский назвал меня. Обменялись любезностями. Раскланялись. Разошлись.

Премьер Столыпин и С. Д. Сазонов были женаты на родных сестрах, урожденных девицах Нейгардт, Столыпин — на Ольге Борисовне, Сазонов — на Анне Борисовне. Единственно этому обстоятельству мало заметный до того времени Сазонов был обязан своим назначением на пост товарища министра иностранных дел с должности резидента при Ватикане. Выдвигая Сазонова, Столыпин преследовал две цели — порадеть «свояку», а с другой стороны, внедрить своего человека в верхи дипломатического ведомства. Столыпину это было нужно потому, что по конструкции правительства министр иностранных дел вел внешнюю политику по непосредственным «указаниям» верховной власти, вернее, по непосредственным докладам царю, не согласовывая своих действий с Советом министров[1]. Властному премьеру такой порядок был не на руку. Для полноты власти желательно было подчинить себе руководство такою важною отраслью государственного управления, как внешняя политика. Поэтому Столыпин мечтал о том, чтобы иметь своего человека на посту министра иностранных дел. С должности товарища министра додвинуть Сазонова до поста министра было не так уже трудно. Приходилось лишь дождаться ухода Извольского. Но последний не скрывал, что только ждал случая, чтобы проситься в крупное посольство. Запутанный в долгах Извольский почти не выиграл материально с назначением министром с должности посланника в Копенгагене. Оклад же посла его удовлетворил бы. Все это было известно Столыпину. Он и не ускорял событий, находясь к тому же в хороших отношениях с Извольским. Со своей стороны Извольский прекрасно уяснял себе игру Столыпина, не препятствуя ей, поскольку она ему не мешала и даже могла пригодиться при случае, когда придет время уходить. Сазонов был взят Извольским определенно с целью подготовить себе преемника. Сазонова в роли товарища министра иностранных дел Столыпин имел в виду использовать для информации о работе дипломатического ведомства.

* * * * *

Проект реформы налога с городских недвижимых имуществ был принят общим собранием Государственного совета и утвержден царем. Приходилось спешно выработать инструкцию по применению положения о налоге. Реформа заключалась в переходе от раскладочной системы взимания налога к системе окладной. В окладном порядке налог уже много лет как взимался в губерниях Царства Польского. Надо было воспользоваться накопившимся в них опытом и практическими приемами взимания налога. Для собрания соответствующего материала на месте путем совещаний с управляющим казенными палатами и податными инспекторами я был командирован в польские губернии. Наметил себе для порученного обследования, с одобрения Покровского и Вишнякова, гор<од> Варшаву как столичный центр, гор<од> Лодзь как центр промышленный, из рядовых губернских центров — гор<од> Петроков, близкий географически к Лодзи, входившей в состав Петроковской губернии.

Командировка представлялась интересною, да и материально приятною, так как прогоны по сохранившемуся архаическому порядку исчислялись поверстно

по количеству полагавшихся по чину лошадей, как будто железных дорог не существовало. [a]По моему тогдашнему чину[a] мне полагалось разъезжать на шестерке лошадей. Прогонных, ввиду относительной дальности расстояния, пришлась по расчету на два конца весьма кругленькая сумма. И не обидными были маленькие прогонные[b] и копеечные суточные. В конце июня я выехал в Варшаву.

Варшава! Передо мною проносится рой детских воспоминаний. В 1876–77 гг. отец мой был прокурором Варшавского окружного суда. Мы жили в прекрасном доме поблизости к Уяздовской аллее, которая была в то время подлинною аллеею, не застроенною, далеко тянувшеюся к Лазенкам и Бельведеру наподобие широкого почтового тракта. Ничего похожего не было с пышною, утопающею в цветниках авеню с роскошными домами-дворцами Варшавы позднейшего времени. По обе стороны старой аллеи были расположены обширные площадки, использовавшиеся для обучения войск. Я ежегодно шагал по этой чудной аллее, направляясь в Ботанический сад, где играл с хорошенькими беби — сестрами Стааль, впоследствии прославившимися красотой и светскими успехами. Мы делали пироги из песка. Когда он был влажный, прорывали туннели и строили дворцы с башнями. Перед входом в сад сидели за лотками старухи, торговавшие вкусными медовыми пряниками. О Лазенках сохранилось воспоминание как о феерической картинке, выхваченной из волшебной сказки — замок в сказочном саду с бассейнами, фонтанами, с перекинутыми через прихотливые каналы в изумрудных берегах горбатыми мостиками. Припоминались цитадель, собор Святого Креста с распростертыми перед папертью девотками (так!), Саксонский сад, людные улицы, цукерни. Вспоминались в передней в нашей квартире два великана-казака в лихо скошенных на головах клеенчатых киверах. Это были конвойцы, сопровождавшие генерал-губернатора Коцебу, приехавшего отдать визит моему отцу и сидевшего у него в кабинете. В квартире по одной лестнице с нами наверху жил герцог Альтенбургский, командовавший гродненскими гусарами. Вспоминалось, как через дверную щелку я наблюдал поднимавшегося к герцогу наследника Александра Александровича, будущего императора Александра III. Он сопровождал приехавшего в Варшаву императора Александра II. Вспоминалась поднявшаяся чрезвычайная суета по случаю начавшейся войны с Турциею. Все дамы, моя мать в том числе, облеклись в белые передники с нашитым на груди красным крестом. Приготовились ухаживать за ранеными. По вечерам щипали корпию. Появились раненые, а за ними — турецкие пленные.

Я приехал в Варшаву вечером. Остановился в Европейской гостинице в Новом Свете. На следующий день отправился к управляющему казенною палатою почтенному старику — камергеру Александру Алексеевичу Манжосу. Он жил царьком в великолепном казенном доме с тенистым садом, служившем в эпоху самостийной Польши обиталищем польских министров финансов. О моем приезде Манжос был предупрежден департаментом. Сообщена была ему и цель моей командировки. Принял он меня любезно. Обещал созвать на послезавтра под своим председательством совещание варшавских податных инспекторов. На следующий день просил к себе обедать. По моей просьбе взялся устроить мне, по случаю служебной

[a–a] Вписано вместо: «Я был тогда статским советником. И».

[b] По-видимому, здесь в рукописи ошибка — имеется в виду какой-то иной вид довольствия для командированных чиновников.

командировки в губернии Царства Польского, прием у генерал-губернатора Георгия Антоновича Скалона. А пока что повел меня вечером в цукерню с музыкой, где на хорошем французском языке долго распространялся на тему о чарах полячек. Я не мог признать преувеличенными его восторженные похвалы, ибо нет, по моему убеждению, женщин более женственных, нежели польки. А именно в женственности и заключаются женские чары. Припомнилось красивое слово Гейне: польки — ангелы земли; ангелы — польки неба.

Обедая на следующий день у Манжоса в его маленьком финансовом дворце, чествуемый его любезною, но мало интересною старою женою, я залюбовался счастливою резиденциею удачливого старца, привлекательною своею изящною красотою и редко встречаемым комфортом. К невыгоде для Петербурга сопоставил его ужасный климат с ласкающей природою Варшавы, чахлые деревца северных садов с великанами-тополями, тянувшими могучие свои ветки к окнам столовой, в которой мы трапезовали, спокойную уравновешенную жизнь устоявшегося порядка с суматошною сутолокою бюрократического центра, терзавшею нервы, надрывавшею силы, сокращавшею век. И я впал в завистливый грешный соблазн. Как хорошо бы мне было сесть на место старика. Я так замечтался, что плохо слушал своих амфитрионов и отвечал невпопад[a].

<Назавтра> утром ко мне ввалился в мой номер в гостинице толстенький, лысенький, суетливый, подделанный под испанца армянин Богдан Георгиевич Питанов, помощник управляющего Петербургской казенной палаты. Оказалось, что, прослышав о моей командировке, он пожелал присоединиться ко мне и убедил свое начальство в совершенной необходимости его присутствия на устраиваемых для меня совещаниях податных инспекторов в тех видах, чтобы к моменту введения в действие реформированного налога Петербургская палата оказалась на высоте положения, во всеоружии тех данных, которые Питанов почерпнет на совещаниях. В сущности, командировка Питанова была совершенно нелепая. Вооружать инструкционными данными все палаты, а не одну Петербургскую, было обязанностью центра, который и прислал меня собрать необходимый для этого дела материал. Невозможно же было пригнать в Варшаву изучать налог всех управляющих казенных палат в России или их помощников, где таковые имелись. Выделять же одну палату, хотя бы и столичную, не приходилось. Как бы то ни было, Питанов командировку получил, а с нею и прогонные. И можно было ему повеселиться в Варшаве, что я добродушнейшим образом ему и посоветовал, пообещав разделить при случае его веселье. Пока же спешно его направил к Манжосу, чтобы он успел попасть на первое же совещание податных инспекторов, имевшее состояться в тот же день после полудня.

На следующий день состоялось первое наше заседание с инспекторами. Состав податных инспекторов был хорош повсеместно. И в Варшаве оказались люди, прекрасно знавшие свое дело, культурные и симпатичные. В департаменте в числе других налогов я ведал и налогом с городских недвижимых имуществ в губерниях Царства Польского. Поэтому в беседе с податными инспекторами об этом налоге мы понимали друг друга с полуслова. Я приехал ознакомиться с практическими приемами применения положения о налоге. Открыто заявил,

[a] Ниже помещается не вошедший в окончательный текст отрывок воспоминаний (один абзац), приложенный к основной их рукописи.

что как чиновник центра практики дела не знаю, и просил присутствовавших поучить меня этой практике. Построенный по принципу польского налога новый общеимперский закон о налоге с городских недвижимых имуществ мы разбирали по статьям и толковали о практических приемах применения каждой статьи в отдельности. Дело хорошо наладилось и пошло скоро. В первое же заседание мы отхватили большое количество статей. Манжос председательствовал умело.

Утром следующего дня я получил записку от Манжоса, уведомлявшую меня, что в тот же день мне назначен прием у генерала Скалона в Бельведере. Заседание совещания с инспекторами переносилось на завтра. Позавтракав в гостинице, я поехал в Бельведер. Проехал чудную, сказочно-роскошную Уяздовскую аллею, по обе стороны сплошь застроенную, на месте прежних пустырей, изящными дворцами. Повсюду за прихотливым узором решеток цветы и цветы, целый водопад цветов. Изяществу аллеи берлинский Tiergarten мог бы позавидовать. В Бельведере я был принят адъютантами Скалона. Специально мною занялся граф Бобринской, брат члена Думы от Тульской губернии графа Владимира Алексеевича, стяжавшего себе известность (кто как умеет ее стяжать) не вынимавшеюся изо рта курительною трубкою. Мы поговорили. Но время тянулось. Перебрав всех общих знакомых, коснувшись всего, что только нашлось между нами общего, мы оказались вынужденными мучительно измышлять новые темы для беседы. Скалон все меня не принимал. Граф Бобринской и я окончательно увяли, устав занимать друг друга. Граф стал от меня убегать, а потом прибегать, постепенно удлиняя свои отлучки. Скалон не принимал. Прошло без малого часа три со времени моего приезда. Наконец принял. Я не встречал более красивого генерала. Очень высокий рост. Внушительная изящная фигура. Красивые черты безбородого, типично гвардейского лица с небольшими усами. Приветствовал меня генерал почему-то на французском языке и на том же языке вел и заключил столь же любезную, сколько кратковременную беседу пожеланием успехов в выполнении возложенного поручения. Я раскланялся и уходил. «А знаете, почему вас так долго заставили ждать? — смеясь, говорил догонявший меня граф Бобринской. — Охрана разыскивала по телефону Манжоса, чтобы проверить вашу внешность: то ли вы именно лицо, которое должно было прибыть. Все опасаются покушения. Манжоса никак нигде не могли доискаться. Наконец нашелся и описал ваши приметы».

Вечером веселились с Питановым и двумя-тремя наиболее предприимчивыми податными инспекторами в кафе-концерте. Со следующего дня продолжали совещания в казенной палате.

* * * * *

Президентом города Варшавы был в это время мой давнишний приятель, сосед по имению тетушки О. И. Батуриной в Ковенской губернии Александр Александрович Миллер. Привлеченный Столыпиным на службу на должность предводителя дворянства Ковенского уезда, после того как занимавший эту должность Столыпин был назначен ковенским губернским предводителем, А. А. заместил его и на этом последнем посту после назначения Столыпина губернатором. Когда же Столыпин сделался министром внутренних дел и вскоре

премьером, то он провел Миллера на должность варшавского президента и исхлопотал ему звание камергера. Я с самого начала, как приехал в Варшаву, отправился к Миллеру, испытывая потребность в обществе близкого человека, притом такого приятного и интересного, как А. А. Миллер, чтобы разделить с ним мои досуги от занятий по командировке. Но оказалось, Миллер уехал за границу за находившеюся там с весны его семьею. Вернулись Миллеры почти накануне моего отъезда из Варшавы для следования далее в Петроков. Все-таки я успел их повидать и пообедать у них. У них оказалась великолепная казенная квартира в здании Варшавского магистрата, только со слишком уже обширными и высокими покоями, поэтому не такая уютная, как у Манжоса, лишенная к тому же поэзии примыкающего сада. Елена Александровна заняла меня, по ее обыкновению, «умственными» разговорами. Александр Александрович был не совсем тот беззаботный и жизнерадостный, каким я его знал и привык видеть на берегах Немана, в богатых преданиями дубравах ласковой Литвы. Что-то понижало его настроение, заботило, угнетало. Не обжились еще Миллеры в Варшаве, не вошли в тесный круг «русской служилой колонии». А окружавшая стихия была определенно враждебная. «Помилуйте, — возмущался А. А., — даже к детям нашим относятся здесь как к зачумленным. Стоит им зайти в Саксонский сад и начать играть с польскими детьми, как сопровождающие детей взрослые, узнав, что наши дети русские, отводят от них своих детей и запрещают им играть с нашими. И такое отчуждение проводится по всей линии. В обязательных официальных сношениях с нами корректны и вежливы, но неизменно холодны. Вне этих сношений — нас систематически бойкотируют. Привыкнуть к такой обстановке трудно. На меня она действует удручающим образом».

Такова была оборотная сторона медали. Пленительная роза таила болезнетворные шипы. Мне, конечно, и ранее было известно отношение поляков к русским в губерниях б<ывшего> Царства Польского. Но я не представлял себе, как мне лишь тогда стало вдруг проникновенно ясно, насколько эта политическая неприязнь являлась повседневным, неустранимым фактором, отравлявшим жизнь русского, особенно русского должностного лица, в Польше. Мне уже не столь страстно хотелось сделаться преемником Манжоса.

На следующий день рано утром я выехал в Петроков. По приезде, с первых же шагов я был поражен дешевизною жизни в ту пору в этом городе. И красивый оказался город. Чистый-пречистый, с небольшими каменными домами изящной архитектуры типа коттеджей и вилл. Вокруг палисадники. Дома все в белую краску. Хорошие мостовые. Хорошие тротуары. Бедные предместья, кольцом охватывающие город со всех сторон.

Управляющего казенною палатою я застал в зале заседаний палаты, расположившимся за столом, крытым зеленым сукном, с красовавшимся на столе зерцалом. Отдельного кабинета у управляющего за недостатком помещения не было. Управляющий оказался симпатичным и приветливым человеком. Познакомил меня со своими начальниками отделений и со случившимися в палате податными инспекторами. Между ними был один приехавший из Лодзи. Я уговорился с ним о поездке в Лодзь и просил предупредить его коллегу — второго податного инспектора, чтобы он не отлучался из города до моего приезда. В Петроковской палате я наладил такие же совещания с податными инспекторами, как в Варшаве, только по сокращенной программе. Исключались общие вопросы, достаточно

выясненные на варшавских совещаниях. К материалу, собранному в Варшаве, прибавилось много существенных деталей.

В Лодзи на вокзале меня встретил податной инспектор, с которым я познакомился в Петрокове, отвел меня в совершенно неважную гостиницу — лучшую в городе, на громадной квадратной площади, застроенной по краям довольно скверными грязными домами местечкового типа. От нее в одну сторону тянулась длинною лентою Лодзь, почти без боковых ответвлений. В другой стороне скучивались фабричные сооружения. Тянувшийся без конца проспект представлял собою специфически торгово-промышленную артерию — дома-магазины, дома-мастерские. Попадались магазины столичного типа в несколько этажей. И, наряду со скверными местечковыми домишками, порою лачугами, высились богатые особняки. Чувствовалась финансовая мощь этих особняков, крупных магазинов и вытянувших вдали свои трубы больших лодзинских мануфактур. Но наводила уныние неряшливая запущенность проспекта на большем его протяжении и совершенное отсутствие растительности — ни деревца, ни кустика, ни самой жалкой грядки цветов. Бежал трамвай маршрута на Побианицы. Я зашел в два-три магазина мануфактуры и готового платья. Ошеломила баснословная дешевизна товара. В Лодзи вообще все было поразительно дешево. Вечером, после деловой беседы с податными инспекторами (я познакомился и со вторым из них), новые мои знакомцы затащили меня в местный увеселительный сад, разнообразием аттракционов не только не уступавший, но превосходивший петербургские аквариумы, буффы и т. п. Мы сели ужинать. Пили заграничное шампанское. [a]По сравнению с петербургскими ценами ужин обошелся пустяки[a].

Проведя в Лодзи два дня, я вернулся через Варшаву в Петербург.

Здесь привезенный мною материал мне пришлось докладывать в комиссии, созванной под председательством Вишнякова для выработки инструкции по применению нового положения о налоге с городских недвижимых имуществ. В комиссии принимали участие Тергукасов, управляющие казенными палатами: Киевской — Ласточкин, Одесской — Стрекалов, Ярославской — Иверонов, несколько податных инспекторов *и податных ревизоров* — петербургских и случившихся в Петербурге провинциальных. Материал был рассмотрен, всякие недоуменные вопросы были легко разрешены, и инструкция соображена в мельчайших подробностях.

Новый налог значительно увеличивал мою работу. Я настаивал на усилении личного состава. В сущности, из одного отделения надо было сделать два. Инициатива усиления штата должна была исходить от Вишнякова. Он упрямо уклонялся от каких-либо шагов в этом направлении. Я не мог в этом не усмотреть проявления недоброжелательства лично ко мне. Дело в том, что отношения наши, с внешней стороны совершенно корректные, были в своей основе плачевные. Хотя я этого не показывал, но не переваривал в Вишнякове бездельника, лентяя, самовлюбленную посредственность. Он меня плохо выносил потому, что, в сущности, по его же вине, по никудышности Вишнякова и его лености, Покровский вынуждался вести законодательную работу не с ним, а через его голову непосредственно со мною. Сознавая неестественность такого положения,

[a–a] Вписано вместо: «С бутылки с нас взяли всего по 3 р. 50 коп. В Петербурге мы заплатили бы по 10 р.».

я всякий раз, как Покровский меня вызывал по какому-либо департаментскому делу, предупреждал об этом Вишнякова. Он не мог поэтому заподозревать меня в интриге, в какой-либо потаенной игре. В конце концов, он был доволен, что отдуваюсь за него я, а он в это время может развлекаться. Тем не менее, за мою работу с Покровским через его, Вишнякова, голову Вишняков на меня злобствовал. И злобствовал еще потому, что любил подчеркивать иерархические расстояния и любил, чтобы младшие по рангу сослуживцы становились перед ним в почтительную позу. А я признавал дисциплину только деловую, а не в манере себя держать. Тут никаких иерархических расстояний для меня не существовало. И позы мои никакой почтительности не изображали. Если к этому прибавить, что я развязно колебал в разговоре с Вишняковым все им созданные себе авторитеты, то станет понятным, что Вишняков меня в своем сердце не носил. И вот теперь, назло мне, не хотел по моей просьбе сделать то, чего требовала польза дела.

Я обдумывал, как мне реагировать на действия Вишнякова: смириться, войти в конфликт с Вишняковым и апеллировать к Покровскому или уйти. Смиряться я не любил. Покровский, великий миролюбец par exellence, не любил встревать в конфликты. Уйти — мне больше всего улыбалось.

Всю мою жизнь, когда я переживал какой-либо кризис, мне приходил на помощь заботливый рок. Министерство иностранных дел совершенно для меня неожиданно повторило сделанное мне год тому назад предложение вернуться на его лоно. Заболел рекомендованный мною взамен себя Неклюдов и выходил в отставку. Барон Буксгевден, с разрешения Извольского, которому я был известен понравившеюся ему моею запискою о реформе центральных учреждений министерства, заслал ко мне посредниками для переговоров моих друзей — вице-директора Второго департамента Березникова и уходившего Неклюдова. Я согласился и возвратился в дипломатическое ведомство.

* * * * *

Так уже любопытно складывались для меня обстоятельства в те годы, что стоило мне перейти с одной службы на другую, как я попадал в новое учреждение почти накануне ухода из него нового моего начальства, с которым я так или иначе связывал свою судьбу. В самом деле, когда я поступил в Государственную канцелярию, не прошло двух месяцев с моего назначения, как ушел назначенный министром внутренних дел государственный секретарь Плеве. Не успел я позднее утвердиться в Департаменте окладных сборов, привлеченный в этот департамент его директором Покровским, как примерно через два же месяца ушел Покровский, переведенный на должность товарища министра финансов. На этот раз вслед же за моим переводом в Министерство иностранных дел ушли один за другим Извольский и барон Буксгевден.

Скончался почтеннейший посол наш в Париже Александр Иванович Нелидов. Извольский, который спал и видел сделаться послом, тотчас по получении телеграммы о кончине Александра Ивановича поскакал в Царское к царю и испросил себе немедленное назначение на должность посла в Париже. Министром иностранных дел, как это было предрешено, был назначен Сазонов, что обозна-

чало фактический переход руководства дипломатическим ведомством к премьеру, министру внутренних дел Столыпину.

Товарищем министра на место Сазонова был назначен по его представлению Анатолий Анатольевич Нератов, товарищ Сазонова по лицею, руководивший в должности вице-директора Первого, бывшего Азиятского, департамента делами Ближнего Востока. Должность директора Первого департамента не замещалась после Гартвига, назначенного посланником в Сербию. Впредь до осуществления реформы центральных учреждений министерства, намечавшей разделение Первого департамента на три политических отдела, кредит на содержание директора использовался вместе с другими небольшими ассигнованиями на содержание заведующих делами Дальнего Востока и делами Средней Азии. Заведующим делами Дальнего Востока был Г. А. Казаков, числившийся чиновником особых поручений V класса при министре, а заведующим делами Средней Азии — В. О. Клемм, формально состоявший непременным членом совета министерства. С назначением А. А. Нератова товарищем министра заведование делами Ближнего Востока перешло к вновь назначенному вице-директором Первого департамента старшему сыну покойного посла в Париже Дмитрию Александровичу Нелидову.

Назначение товарищем министра А. А. Нератова нельзя было по всей справедливости не приветствовать в том отношении, что из всех старших чиновников центрального ведомства он был наиболее деловой и притом наиболее опытный и сведущий в делах именно центрального ведомства. Поскольку министром было лицо, проведшее всю службу, если не считать самых начальных должностей, за границею и потому незнакомое с работою центра и порядками прохождения дел по сношениям с другими ведомствами, в Сенате и в законодательных палатах, такой помощник главы ведомства был совершенно необходим. И не представляло неудобств, что Нератов не проходил заграничной службы. Этот его пробел должен был восполняться предполагавшимся заграничным опытом Сазонова. Нератов, высокий, начинавший лысеть брюнет со скудною бородкою и жидкими усами, отличался завидною ровностью характера с сопутствующими этому ценному качеству уравновешенностью, сдержанностью и спокойствием, не покидавшими его и в наиболее волнующие моменты. В работе был старателен и трудолюбив, в обращении — приветлив и приятен. Если к этому добавить, что это был умный человек, добрый, честный и очень тактичный, получается законченная характеристика человека самых положительных качеств. Нератов по заслугам попал на свой ответственный пост и работал на нем не за страх, а за совесть.

* * * * *

Перед самым назначением Извольского послом была решена поездка царя на свидание с императором Вильгельмом в Потсдам. Царя должен был сопровождать в этой поездке Извольский. С назначением его послом сопутствовать царю пришлось Сазонову[2].

Потсдамское свидание ложно манифестировало скрепление между Россиею и Германиею старых добрососедских отношений. Урегулированы были, в сущности, кое-как лишь вопросы, связанные с экономическою экспансиею Германии в Азиятской Турции, конкретно — вопросы Багдадской жел<езной> до-

роги. И это послужило основанием к лицемерному заверению сторон, будто ни одна не вступит в комбинацию, враждебную другой стороне. Как будто Россия и Германия не находились уже в союзах, явно противопоставленных друг другу. Не ковали друг против друга мечи! *Миновала лишь острота взаимной травли в печати, общественного негодования, вызванных в Германии изменою России Биоркскому соглашению, а в России — попустительством Германии, если не прямым подстрекательством к направленной против России и едва не вовлекшей ее в войну аннексии Австро-Венгриею Боснии и Герцеговины.* Нет, жребий был брошен. И не комедиями дипломатического лицемерия было предотвратить последствия [a]создавшейся международной обстановки[a]. События неудержимо и властно нас влекли к неотдаленной уже катастрофе.

И в это же время, помимо [b]тревог, внушавшихся внешнею политическою ситуациею[b], помимо угроз, таившихся в нездоровом, несмотря на наружное спокойствие, внутреннем нашем положении, нарастал еще омерзительный и бессмысленный новый гибельный фактор в нашей государственной жизни. Развратный низкий проходимец, вор и хлыст Распутин, успев настолько приблизиться к царской семье, что сделался в ней своим человеком, начинал протягивать свои воровские руки к самой власти, подчиняя своей темной силе больную истеричную царицу и болезненно неустойчивого царя[3]. Однако гром еще не гремел. Буря не разразилась. Даже тучи не нависли еще над нами в таящем угрозу их мраке. Лишь прозорливому глазу видны были тревожные темные точки на горизонте. Небо было ясное. Солнце светило. Довольный собою и германским канцлером Бетман<ом>-Гольвегом, возвращался Сазонов из Потсдама в Петербург. Как будто им были одержаны дипломатические победы.

* * * * *

Вступив в исправление своих новых обязанностей еще до отъезда Сазонова в Потсдам, я работал с директором Буксгевденом душа в душу. Все у нас спорилось и ладилось. И были мы друг другом отменно довольны. Идиллическое сотрудничество наше продолжалось, однако, всего какой-нибудь месяц. Буксгевден получил назначение на должность посланника в Копенгагене. Стремясь к освежению центрального аппарата заграничными служащими, Сазонов, проездом через Берлин после Потсдама, пригласил на должность директора взамен Буксгевдена генерального нашего консула в Берлине Владимира Антоновича Арцимовича. Назначение Арцимовича на эту должность было тотчас проведено. Одновременно он был сделан камергером.

Назначение было удачное. Арцимович был прекрасный службист и превосходный практик консульского дела, наладивший у себя в генеральном консульстве порядки образцовые. Надо было насадить такие же порядки во всех вообще частях в значительной степени расхлябанного консульского аппарата. Надо было и подтянуть консулов, в некоторых резиденциях до такой степени забытых

[a–a] Вписано вместо: «тягчайшего исторического преступления — упрямой глупости в политике».

[b–b] Вписано вместо: «трагической ложности нашего пути во внешней политике».

центром, что они дошли до крайних пределов непорядка и распущенности. Обоим этим целям отвечал Арцимович и своим опытом, и отличавшею его большою настойчивостью.

Арцимович вскоре же перебрался в Петербург. Первая моя встреча с ним в департаменте в присутствии других чиновников убедила меня в его изысканной корректности — не больше. Особенность эта была, впрочем, свойственна большинству чинов ведомства. Внешнее впечатление было благоприятное. Правильные черты лица, маленькие седые усики. Гладко выбритый подбородок. Голова седеющего брюнета. Некоторую дисгармонию представляли широкие плечи и грудь, требовавшие несколько большего роста. Живой взгляд. Мягкая, почти женственная улыбка. Порывистость движений, изобличавшая сангвинический темперамент.

Сговорились мы и поняли друг друга при встрече с глазу на глаз в его кабинете. Он был, очевидно, предупрежден о том, в каких целях и видах я был привлечен в министерство. Арцимович с подкупающею искренностью заявил мне, что совершенно незнаком с работою центра, особенно с законодательною работою, приобретшей в последние годы первостепенное значение в ведомстве в связи с назревшею потребностью в ряде реформ. Намечалась, между прочим, генеральная реформа заграничной службы, в продолжение уже внесенной в Государственную думу реформы центральных учреждений[4]. «Незнакомы мне, — добавил Арцимович, — и сношения с другими ведомствами, в первую очередь, с Министерством финансов, от которого зависят наши кредиты. Вы — специалист по части законодательной работы. Работали в ряде междуведомственных комиссий. А в Министерстве финансов вы как у себя дома после того, как долго служили в этом ведомстве. Заключимте союз. У меня много мыслей, основанных на заграничной практике, о том, что нам нужно сделать. Но как осуществить эти мысли, я не знаю. Я буду ими делиться с вами, а вы не откажите облечь их в форму технически правильно построенных проектов и помогите нам провести их в жизнь. Почти лишнее уверять вас, что министерство будет знать, чьей работе оно будет обязано проведением той или иной меры. *Я себе не присвою ни одного вашего труда». «Как я, — отвечал я Арцимовичу, — никогда не присвою себе вашей инициативы*».

Договор был заключен. И честно выполнялся сторонами. Мне пришлось убедиться в том, что, представляя к подписи Сазонова составлявшиеся мною записки, Арцимович с редким благородством называл всякий раз меня в качестве их составителя, не присваивая себе в некоторых случаях и инициативу их составления, так как мне приходилось много работать и по вопросам, выдвигавшимся не Арцимовичем, а политическими отделами. В свою очередь, и я всякий раз, как разрабатывал какую-либо тему, данную мне Арцимовичем, подчеркивал, что авторство этой темы принадлежит ему.

Совместная согласная работа скрепила между Арцимовичем и мною совершенно дружеские отношения. О четырех годах этой совместной работы я храню наилучшие воспоминания. Согласие наше ни разу не омрачилось ничем. И это в тем большей степени примечательно, что добрейший Владимир Антонович, очень легко возбудимый по пламенности своего темперамента, бывал раздражителен, особенно [a]когда у него обострялась болезнь печени, от которой[a] он порою

[a–a] Вписано вместо: «когда, по его выражению, у него “проходили камешки” и».

сильно страдал. С другими сослуживцами бывал в такие минуты неприятен, за что многие, в сущности, неосновательно, его невзлюбили. А мне Арцимовичем прощался даже огорчавший его мой упорный обычай: как только закончу текущую дневную работу, незаметно исчезать из департамента. Другие выжидали ухода Арцимовича. Меня же, бывало, он хватится после 5 часов, а мой и след простыл. Он пенял на меня за это сослуживцам. Но мне лично своего недовольства ни разу не выражал. Зато я много работал, когда того требовало дело, дома по вечерам.

Арцимович был женат на американке, которою пленился в бытность свою консулом в Сан-Франциско. Она была замужем, но неудачно. И имела двоих детей. Браку ее с Владимиром Антоновичем предшествовал пылкий роман. Когда я познакомился с Арцимовичами, я уже не нашел в его жене обоснования былой пылкости ее мужа. Оно было стерто рукою времени. Говорила о нем, пожалуй, привлекательность несколько напоминавшей мать дочери, изящной и душевно милой мисс Мирьям. От Владимира Антоновича у его супруги не было детей. Сын ее от первого брака, столь же неудачный, как его отец, жил где-то в стороне за границею. О нем не принято было говорить. Супруга Владимира Антоновича, хотя и американка, отнюдь не была миллионершей. Жили Арцимовичи скромно. Но умели поддерживать связи в обществе, преимущественно в иностранной дипломатической среде. У жены и падчерицы Владимира Антоновича завязались наиболее близкие отношения с семьею английского посла Бьюкенена.

Николай Николаевич Покровский не рассердился на меня за мой уход из финансового ведомства. Он слишком хорошо знал Вишнякова, чтобы не понимать всех неприятных сторон сослужения с ним, особенно в условиях зависимости от него в служебном отношении. В качестве моего друга Покровский был даже рад за меня моему переходу в дипломатическое ведомство, считая, что с этим переходом для меня открываются перспективы, лучшие ожидавших меня в Министерстве финансов.

Я поселился в маленькой казенной квартире в доме, принадлежавшем Министерству иностранных дел на Морской улице (от Невского по направлению к Исаакиевской площади по левой стороне Морской, второй дом от угла Кирпичного переулка). Было близко к службе — в главном корпусе министерства, представлявшем собою крайнее правое крыло полуциркульного здания Главного штаба, выходящее на Дворцовую площадь, на проезд от этой площади к Певческому мосту и на набережную Мойки. Был у министерства еще третий дом с квартирами для служащих, расположенный на противоположной стороне Мойки за Певческим мостом, через дом от Певческой капеллы. Морская была в ту пору едва ли не лучшею улицею в городе, излюбленным местом для прогулок, средоточием прекрасных магазинов, лучших домов, роскошных зданий банков, местом расположения таких притягательных центров, как «деловой» ресторан Кюба, фешенебельный «Яхт-клуб» с живыми силуэтами великих князей за зеркальными окнами бельэтажа[5], далее — недавно выросшая громада гостиницы «Астория» и т. д. Наш двухэтажный старой и безвкусной постройки казенный дом являлся пигмеем среди великанов, пятном в узоре соперничавших в красоте архитектурных сооружений. Но жилось в этом доме хорошо. Мне лично в моей маленькой квартирке было тесновато — появились и росли дети. А все-таки было тепло, уютно, а главное, удивительно как тихо и спокойно.

Глава 16.
1911 год

Год о Столыпине. С начала этого года и до его конца только и было разговора, что о Столыпине.

О его политике во внутренних делах так много говорено и писано, что добавлять ничего не приходится. Не говорилось и <не> писалось, насколько известно, лишь о его руководстве внешнею политикою, хотя ровно год — с осени 1910 г., когда ушел Извольский и министром иностранных дел был назначен свояк Столыпина Сазонов, и до осени 1911 г., когда был убит Столыпин, именно он фактически руководил нашею внешнею политикою, руководя действиями номинального главы дипломатического ведомства Сазонова. И надо отметить, что в этот год новых, по крайней мере, промахов в направлении внешней нашей политики содеяно не было. Это *несомненная* заслуга Столыпина.

Справедливости ради, позволю себе еще отметить одно его качество, как хотите, привлекательное в сознании человечества поныне с самых отдаленных времен. Это бесстрашие. Достаточно известен эпизод, когда Столыпин в относительно скромной роли саратовского губернатора в ту пору, когда губернаторов расстреливали, как куропаток, врезывается в бунтующую толпу. На него наступает человек с явно агрессивными намерениями, с убийством во взгляде. Столыпин бросает ему на руки снятое с плеч форменное пальто с приказанием, отданным так, как умеет повелевать одно только уверенное в себе бесстрашие: «Держи». Ошеломленный презумптивный «убийца» машинально подхватывает губернаторское пальто. Его руки заняты. Он парализован. И уже мыслью далек от кровавой расправы. Столыпин спокойно держит речь загипнотизированной его мужеством толпе. И он и она мирно расходятся. Этот «прецедент» убеждает в правдивой искренности сделавшейся историческою реплики премьера-Столыпина левому крылу Государственной думы: «Не запугаете»[1]. Бесстрашен был Столыпин и когда его «взрывали» на Аптекарском острове. И после того, как его «взорвали», до самой смерти от руки все-таки нашедшегося, настигшего его убийцы. Бесстрашен был и перед царем, и в начавшейся борьбе с Распутиным, а также чиновною и придворною оппозициею.

В начале 1911 г. Столыпин достиг кульминационного предела своего возвышения. Позади уже были и выборный coup d'etat, и меры «успокоения», и «ставка

на сильного», и «вам нужны великие потрясения, а нам великая Россия», и вызов на дуэль пьяного, растерявшегося вследствие вызова и жалко извинявшегося думского депутата Родичева — за выкрик с трибуны о «столыпинских галстухах»[2]. «Успокоение» необычайно возвысило премьера. Окончательно потеряла голову его весьма бестактная жена. «Представьте себе, — рассказывал мне побывавший у Столыпина на рауте Покровский, — Ольга Борисовна подавала вчера руку только министрам и лицам равного положения. Приветствие товарищам министров ограничивала кивком головы».

Ревнивый к превосходству и популярности сотрудников, царь начал ненавидеть Столыпина едва ли не такою же мучительною ненавистью, какою был одержим по отношению к Витте. Столыпин, с помощью вновь назначенного в 1910 г. синодального обер-прокурора С. М. Лукьянова, разоблачил в Распутине развратного хлыста, чья близость к царской семье представлялась недопустимой, помимо его низостей и грязи, еще по причине предпринятой торговли своим влиянием при дворе, выражавшейся в проведении за соответствующую мзду ряда постыдных дел и в устройстве на разные посты мерзавцев и проходимцев. И настоял на удалении Распутина. Последний должен был выехать на родину в Сибирь. За разоблачение и удаление Распутина, вскоре, впрочем, возвращенного отправившеюся за ним А. А. Вырубовою, возненавидела Столыпина царица. И еще разожгла неприязнь царя к премьеру. Потом случилось, что одобренный Государственною думою столыпинский проект введения земских учреждений в Юго-Западном крае был отклонен Государственным советом. Столыпин потребовал и добился от царя роспуска совета на три дня для утверждения проекта единоличною царскою санкциею в порядке проведения срочных законодательных мер во время перерывов законодательных сессий[3]. И настоял на временной высылке из Петербурга члена Государственного совета, бывшего министра внутренних дел П. Н. Дурново, явившегося главным зачинщиком провала столыпинского проекта в совете. Такая «расправа» с высшею законодательною палатою и с одним из ее лидеров *глубоко* возмутила высшие чиновные и придворные круги. В них создалась начавшая ломать Столыпина сильная оппозиция. Общий был голос: «Столыпин зазнался».

Но Столыпин не считался с этою ополчившеюся против него оппозициею. Капитулировать перед врагом куда более опасным было не в обычае премьера. Но звезда его меркла и закатывалась перед таким фактором, непреодолимым даже для Столыпина, как неприязнь царя и царицы. При наличии и росте этого фактора надо было уйти. Можно было рассчитывать на наместничество на Кавказе. Царь сам намечал назначение Столыпина на должность наместника, чтобы отделаться от него в качестве премьера[4]. Великая мудрость — уйти вовремя. Препятствует, однако, сладость власти, вкусив от которой, говорят, трудно от нее отказаться. Столыпин вовремя не отпросился на кавказский пост, *не успел*. За эту ошибку властолюбия он заплатил своею жизнью.

Царь отправился в Киев на открытие памятника императору Александру II и для присутствования на больших маневрах войск Киевского военного округа. Его сопровождал Столыпин. На парадном спектакле в театре во время антракта Столыпина смертельно ранил выстрелом из револьвера охранник Богров. Столыпин через несколько часов скончался[5].

Охрана была вверена генералу Курлову. Провокаторы-террористы типа Азефа использовались до того времени Департаментом полиции именно в качестве

провокаторов и главным образом осведомителей. Теперь они оказались допущены в состав охраны. Это представилось настолько ошеломляющим, что действия ген<ерала> Курлова были взяты под подозрение. *Открыто говорилось не то что о непредупреждении, даже не о попустительстве, а о непосредственной организации им убийства Столыпина.* Было назначено следствие над его действиями и командированного в помощь ему в гор<од> Киев вице-директора Департамента полиции Веригина. Вскоре по повелению царя, отнесшегося к убийству Столыпина поразительно равнодушно, следствие было прекращено. Прекращение его никого, однако, не убедило. Общество не сняло с ген<ерала> Курлова самых тяжких обвинений.

Столыпина я знал мало, но с давних пор. Встретился с ним впервые в девятидесятых годах прошлого столетия у общей нашей тетушки Дарьи Петровны Оболенской. Он был в ту пору ковенским уездным предводителем дворянства. Высокий худощавый брюнет с больною (сухою) правою рукою, которую он подавал неловким броском, лишенною координированного движения. Лицо открытое. Выражение сосредоточенное, серьезное. Я не видал улыбки на его лице. Особенностью был большой рот с преувеличенным рельефом окаймлявших его губ. Но он скрадывался темными усами и небольшою темною бородой. Прочие черты лица были правильные. Взгляд спокойный и ясный. Общее впечатление получалось от наружности Столыпина, во всяком случае, благоприятное. Нельзя было вообще не признать его видным и даже красивым. В беседе был сдержан. Не словоохотлив. Ничто не указывало на проявившее себя впоследствии блестящее ораторское его дарование. Встречал я его потом в Ковенской губернии. Последний раз встретил на узловой станции Кошедары под Ковною. Я пересаживался на поезд маршрутом на Радзивилишки, направляясь в Кейданы к Покровскому. Столыпин приехал из Кейдан и направлялся в Петербург. Он был тогда ковенским губернским предводителем. Ни губернатором, ни министром, ни премьером я его уже не встречал. Бывая относительно часто по делам службы в Государственной думе, я и там ни разу не имел случая видеть Столыпина и присутствовать при его выступлениях.

* * * * *

С премьерством Столыпина связывается появление его брата Александра Аркадьевича в роли публициста на страницах суворинского «Нового времени». Бездарностью своею новый публицист только срамил своего брата. Бездарность, в особенности претенциозная, а тут была заведомая претензия, притом на такой исключительно трудный жанр, как тонкая сатира, никогда и никому не прощается. А. А. сделался посмешищем в читающих кругах крайнею незадачливостью своих бесплодных потуг на остроумие. Он был особенно жалок от представлявшейся невыгодности сравнений, выступая в такой распространенной в свое время газете, в которой печатались такие признанные таланты, как, на нашей еще памяти, Терпигорев (Сергей Атава), известный отменно злой критик Буренин, позже Амфитеатров (Old Gentleman), Сыромятников (Сигма), П. П. Гнедич (Старый Джон), Меньшиков и др<угие>. А. А. Столыпина вскоре же перестали читать. Но вышучивали его. И ставилось в вину Петру Аркадьевичу, что он до-

пускает такой семейный скандал, как бездарные публицистические эксперименты своего брата, бесцеремонно использовавшего положение и влияние премьера для проникновения в печать. Не будь он братом своего брата, его, конечно, ни одна газета в число своих сотрудников не приняла бы. Его звали в насмешку «августейшим братом» при жизни Петра Аркадьевича и «вдовствующим братом» после смерти премьера.

* * * * *

На похороны Столыпина были снаряжены в гор<од> Киев многочисленные депутации от ряда ведомств и учреждений. От Министерства иностранных дел хотели командировать меня. Но я уклонился. Только перед тем родилась моя дочь. Жена еще лежала. И я не решался ее оставить. Отправился мой сослуживец Е. А. Висконти.

Премьерство перешло к Коковцову с сохранением им портфеля министра финансов. Министром внутренних дел был назначен государственный секретарь А. А. Макаров. Раньше он был товарищем министра внутренних дел (при Столыпине).

Коковцов был в упоении власти. Наступила для него эра никем и ничем не стесняемой и не ограничиваемой свободы болтовни, составлявшей преобладавшее его пристрастие. Пока он был только министром, поток его бессодержательных речей все же сдерживался хотя бы в Совете министров председательствовавшим, руководившим прениями. Сделавшись премьером, он стал мучить своими бесконечными речами коллег уже без всякого удержа, без всякой меры. И он окончательно свел свою финансовую политику к одной непроизводительной охране казенного сундука, всячески урезывая испрашивавшиеся ассигнования на самые неотложные нужды. Не разбираясь в международной обстановке, неспособный прозреть таившуюся в ней опасность войны, Коковцов беспощадно сокращал и военные кредиты — на восстановление боеспособности армии и флота и на укрепление обороны страны. Сдерживал и железнодорожное строительство. Отказывал в отпуске средств на расширение совершенно недостаточной стратегической нашей железнодорожной сети.

* * * * *

С освобождением вакансии государственного секретаря, за назначением министром внутренних дел Макарова, ожидалось, что Коковцов, пользуясь своим влиянием в качестве главы правительства, проведет на эту вакансию своего наиболее достойного товарища Н. Н. Покровского. Николай Николаевич до крайности переутомился от эксплуатации его Коковцовым, взвалившим на него непомерную тяготу работы. И материально терпел, получая содержание меньшее, нежели в предшествовавшей должности директора Департамента окладных сборов. Эгоистический и черствый Коковцов был чужд всякой заботы о своих сослуживцах. И в то время как С. Ю. Витте обставлял своих товарищей так, что им неведома была никакая материальная забота, Н. Н. в качестве товарища Ков-

цова порою, по своей многосемейности, остро нуждался. Пост государственного секретаря был бы для него как нельзя более кстати. Работа на этом посту была куда менее трудная и нервная, нежели в должности и в положении Н. Н., а содержание значительно больше, при прекрасной казенной квартире на Литейном против Симеоновской. Коковцов на одном из докладов Покровского заявил ему, что ему известны разговоры об эвентуальности назначения Н. Н. на пост государственного секретаря. «Мне стоило бы сказать слово, — самоуверенно продолжал Коковцов, — и вы получили бы это назначение. Но я этого слова не произнесу по той причине, что вы мне еще нужны на вашей настоящей должности. Потерпите. В свое время я о вас позабочусь».

Государственным секретарем был назначен хотя и не такой хороший человек, как Н. Н., но также *большой* умница и *очень* талантливый товарищ министра внутренних дел Сергей Ефимович Крыжановский.

Из других перемен в составе правительства следует отметить замену еще в 1910 г. вторично призванного на пост министра торговли *(после И. П. Шипова)* В. И. Тимирязева управляющим Государственным банком С. И. Тимашевым. Тимирязев был вскоре после вторичного назначения уволен, учинив что-то темное по части нефтяных концессий. Тимашев был совершенно средний человек, но *очень* честный, наружностью напоминавший немецкого пастора. Я был знаком с ним через семью его невестки, урожденной Евреиновой. Когда я еще не перешел в Министерство иностранных дел из Департамента окладных сборов, заходила речь о моем переходе в Министерство торговли, но место, предложенное мне Тимашевым, меня не удовлетворяло. Я уклонился от его принятия, сославшись на ожидавшиеся мною лучшие перспективы в Министерстве финансов.

На место морского министра взамен адмирала Воеводского был назначен симпатичный и красивый старик — адмирал Григорович. В синодальные оберпрокуроры был проведен Распутиным взамен С. М. Лукьянова В. К. Саблер. Министра народного просвещения Шварца сменил директор Московского (Катковского) лицея Лев Аристидович Кассо, левантинец, большого состояния, большого роста, большого восточного сластолюбия и большой реакционной твердости. По внешности — почти страшный румын из оркестра. Утро и день в делах. К вечеру министр облачался во фрак, вдевал цветок в петличку и летел на острова к Эрнесту[6], где назначал свидание лицам, нуждавшимся в неотложной встрече с ним.

Он переманил к себе в товарищи своего однокурсника по университету, заведовавшего юрисконсультскою частью Министерства иностранных дел, доктора международного права *умного и симпатичного* барона Михаила Александровича Таубе. На место последнего был назначен другой международник, также барон, Борис Эммануилович Нольде.

Помимо этой перемены в личном составе нашего ведомства Сазонов провел давно ожидавшуюся замену другим лицом директора канцелярии Савинского. Последний был назначен посланником в Стокгольм. Заместитель ему был выбран Сазоновым нельзя сказать, чтобы особенно удачно. Новый министр остановил свой выбор на состоявшем при нем секретарем, когда Сазонов был резидентом при Ватикане, совершенно заурядном чиновнике ведомства бароне Маврикии Фабиановиче Шиллинге, переведенном из Рима на должность первого секретаря посольства в Париже. *Шиллинг, сухой, худой, среднего роста блондин рыжеватого оттенка, посадкою откинутой назад головы напоминавший приведенного в беспо-*

койство индюка, являл собою одержимую самомнением безнадежную бездарность. Если прибавить голос, воспроизводивший треск раскалываемых орехов, то получается впечатление, менее всего внушавшее расположение к обладателю этих малопривлекательных свойств. Что нашел в Шиллинге Сазонов, известно[a] было едва ли и самому Сергею Дмитриевичу. При большой лености Сазонова, надо полагать, ему было просто лень выбрать себе действительно подходящего директора канцелярии. Он и остановился на бывшем своем сотруднике, лишь бы долго не думать. *А с Савинским ему надо было так или иначе расстаться.*

Так как вице-директор канцелярии Н. В. Погенполь был значительно старше Шиллинга по годам службы, то, щадя его самолюбие, его назначили советником посольства в Риме. На должность же вице-директора Сазонов, по рекомендации Шиллинга, назначил служившего с последним в Париже в должности второго секретаря Н. А. Базили, сына покойного Базили, бывшего директора Азиятского департамента, потом старшего советника министерства. Н. А. Базили, обладавшему счастливою наружностью и хорошим состоянием, нельзя было отказать в некоторых способностях. Но не менее способного можно было подыскать другого дипломата, постарше Базили. Последний же был еще совершенно мальчиком и отнюдь не вундеркиндом, что могло бы еще оправдать не по годам раннее его назначение на относительно видную должность вице-директора. Первые секретари канцелярии были по годам все старше его.

Со смертью Столыпина raison d'être[b] Сазонова в качестве послушного орудия в руках его умершего властного свояка миновала. Предоставленный самому себе, Сазонов был на посту министра иностранных дел досадным недоразумением, оставленным по недосмотру. Поверхностность образования, прирожденные леность и легкомыслие при отсутствии опыта ответственного управления не окупались у Сазонова его честностью и не выше среднего умом. Упрямство не заменяло отсутствовавшей твердой воли, как проявлявшиеся в направлении политики непоследовательность и противоречия не имели ничего общего с планомерною, разумною настойчивостью в переговорах и делах. Понимание обстановки, объективная оценка событий, политическое предвидение были совершенно чужды Сазонову. *Никакого политического плана у него не было. Ошибок своих предшественников он не сознавал. Трагической неправильности принятого политического курса не понимал и не видел.* Неспособный влиять на события, он уносился их течением. Подходя ко всякому вопросу без предварительного его изучения, чему препятствовала его отменная лень, Сазонов руководился исключительно интуициею, ни разу, на беду, не оказавшеюся счастливою. Он не давал себе труда ни в чем обстоятельно разобраться. Не разобрался и в том, что, похоронив Столыпина, должен был уйти. Остался министром иностранных дел обреченной императорской России на приближавшиеся моменты ответственнейших решений, когда трагически были нужны стране не сазоновы, а титаны государственной мысли, люди ясного проникновения и непоколебимой воли.

---

[a] В рукописи ошибочно: «неизвестно».

[b] Причина бытия (фр.).

Глава 17.
1912 год

По случаю собравшегося в Петербурге международного конгресса, не припоминается, какого именно[1], Сазонов устроил у себя раут в честь иностранных делегатов. Я не присутствовал на подобных раутах министра иностранных дел со времен гр<афа> Ламздорфа. Подкупающим отличием было, что взамен всегда и всюду всем афишировавшегося гр<афом> Ламздорфом Савинского, на этот раз в том же аванзале вместе с Сазоновым встречала и приветствовала гостей симпатичная и по внешности привлекательная дама. Первое впечатление — решающее. В эффектном платье скромных темных цветов, *под стать и красивой темно-русой прическе,* в уборе немногочисленных, но отменного благородства камней Анна Борисовна Сазонова произвела на меня именно привлекательное впечатление. И хотя при последующих встречах и во время совместной нашей работы впоследствии по части благотворительности она представлялась в будничной обстановке не столь яркою, тем не менее, Анна Борисовна с того первого раза осталась навсегда в моей памяти женщиною симпатичною и привлекательною. При ближайшем знакомстве она оказалась человеком прекрасной души. Насколько выгодно она отличалась от родной сестры — неприятно надменной, выцветшей до полинялости Ольги Борисовны Столыпиной!

Раут разворачивался с удачливостью, присущею всем подобного рода многочисленным собраниям, где каждый чувствует себя свободным, если соскучится, нестеснительно уйти и остаться, если ему приятно и весело. В желтом колонном зале играл итальянский струнный оркестр. Большого роста, старчески тучный, с приятным открытым лицом военный министр В. А. Сухомлинов в венгерке гусарского образца Офицерской кавалерийской школы, которою некогда командовал, оживленно беседовал с иностранным военным делегатом. Напыщенный, небольшого роста коротконогий Коковцов, с покатым продолговатым лбом, создававшим ему овоидную голову, громко перорировал *своим неприятным гортанным голосом* в группе окружавших его сановников и дипломатов. Другие министры, сановники, иностранные дипломаты, их дамы, делегаты конгресса, чиновники министерства оживленною толпою растеклись по всей анфиладе зал прекрасной квартиры министра. В последнем зале, обычно служившем кабине-

том министра, традиционно играли в бридж. Приемная министра, примыкавшая к присутственным помещениям министерства, была обращена в курительную комнату. Успехом пользовался открытый буфет с шампанским, холодными блюдами и сладостями, фруктами, мороженым.

* * * * *

В Государственной думе Сазонову настойчиво напоминали, что от министерства ожидается реформа заграничных установлений ведомства. Некоторые посты утратили свое былое значение. Их своевременно было понизить в ранге или вовсе упразднить. С другой стороны, изменившиеся политические и экономические отношения требовали учреждения новых постов в других выросших в своем значении центрах. Настояла (так!) потребность и в пересмотре самой постановки заграничной службы, в ревизии устарелых штатов и окладов содержания и т. п. Сазонов предложил нам заняться реформою, сообразить которую предстояло комиссии, а облечь в мотивированный законопроект поручалось мне.

Комиссия образовалась под председательством Нератова в составе директоров департаментов Арцимовича и Бентковского, заведовавших политическими отделами Нелидова, Клемма, Козакова, директора канцелярии Шиллинга и меня. Принялись за дело ретиво. Собирались часто. Но запутались в общих соображениях, не дававших ничего конкретного. Я подучил Арцимовича предложить комиссии потребовать от каждого ее участника письменного изложения пожеланий, касавшихся территории его ведения, на основании материалов, полученных с мест от заграничных наших установлений. <По> запискам участников комиссии была бы сделана сводка, которая и была бы предложена к обсуждению пленума комиссии. Эта мысль была принята. И на время составления записок заседания комиссии были прерваны.

Кроме Дмитрия Александровича Нелидова, всех остальных участников комиссии я знал хорошо. С некоторыми знакомство мое насчитывало по несколько лет. Дмитрий Александрович Нелидов был для меня лицом совершенно новым. Я присматривался к нему с интересом тем большим, что он был старшим сыном такого почтенного русского дипломата *(которым мы справедливо гордились)*, как покойный Александр Иванович Нелидов, бывший последовательно русским послом в Константинополе, Риме и Париже.

Признаюсь, я не нашел в Дмитрии Александровиче отражения выдающихся достоинств его крупного отца. Затрудняюсь к этому что-либо добавить.

Счастливою противоположностью являлся брат его, заведовавший Отделом печати нашего ведомства, Юрий Александрович Нелидов — большая умница, содержательный, способный и талантливый человек, обязательный, приветливый, весьма приятный в обращении. *Симпатические флюиды влекли к нему с непреодолимою властностью.*

Дмитрий Александрович Нелидов был вскоре назначен министром-резидентом при Ватикане, а затем — посланником в Брюссель. Сазонов его заменил в центре состоявшим в ведомстве моим двоюродным братом князем Григорием Николаевичем Трубецким.

* * * * *

1912 г<од>! Год этот выгравирован на бронзовой полоске, приделанной к мрамору моего письменного прибора. На той же полоске значится надпись: «Благодарные на память». [а]Сколько с тех пор прошло лет?[а] И каких лет? Насыщенных событиями, какие не умещались в прошлом в иные века. Но память о «благодарных» во мне жива. Я как сейчас их вижу перед собою, принесших мне этот письменный прибор в подарок в одно солнечное весеннее утро 1912 г. В полукафтанах с красными воротниками, с серебряными пуговицами по борту. Бритые подбородки, усы, у многих седые. Курьеры и сторожа Министерства иностранных дел. У меня среди них были давние приятели со времен еще первой моей службы в министерстве до перехода в Государственную канцелярию. Я прислушивался к их печалям и заботам. Знал их нужды. И мне удалось заинтересовать ими Арцимовича, склонить его получить согласие министра на возбуждение ходатайства об улучшении материальных условий курьеров и сторожей, об увеличении им содержания и о том, чего они особенно добивались, о надбавках за выслугу лет. Сазонов согласился. Я составил соответствующую записку. Хлопотал в Министерстве финансов об отпуске потребного кредита без практиковавшихся этим ведомством урезок. В результате курьеры и сторожа получили увеличение содержания до того самого размера, который сами себе наметили, и те самые надбавки за выслугу лет, каких добивались. Они знали о моих хлопотах за них. И вот теперь пришли благодарить. Подарок мне передал старейший курьер, служивший в канцелярии министерства, почтенный, седоусый, украшенный медалями старик Федоров. Этот подарок — единственная оставшаяся у меня вещественная память о прежней службе.

Лето семья моя второй уже год как проводила в Териоках. За относительною дальностью расстояния я ездил туда, пока не наступало время отпуска, не чаще раза в неделю. Получив же месячный отпуск, засаживался в Териоки безвыездно. Мы нанимали хорошую, комфортабельно обставленную дачу в «Новых местах» неподалеку от гостиницы «Ривьера», на обширном земельном участке, засаженном высокими соснами и низкорослыми яблонями. В двух шагах тянулся широкий пляж, постепенно суживавшийся к западу там, где была расположена наиболее скученно заселенная часть Старых Териок. Наш пляж по его ширине и чистоте песчаного берега был превосходный. Можно было часами лежать на мягком тонком песке, греясь лишь в теплых, отнюдь не обжигающих лучах летнего северного солнца. Под живительною их ласкою, на сухом песке, вдыхая проносившийся бризом терпкий запах сосны и ели, дети набирались здоровья и сил. В туманной дымке напротив чуть белел светлым облачком Кронштадт. По морю стелились белыми чайками паруса рыбачьих лодок. Вечером на юго-западе зажигался и мигал отдаленный маяк. На востоке горели огни Сестрорецкого курорта. За пляжем на холмистой возвышенности раскинулся хвойный лес, изобиловавший черникою, брусникой, голубикой. В Старых Териоках в лавках продавались славившиеся в Финляндии дешевизною *хорошего качества* трикотаж, туалетное мыло, заграничный табак, *спички* и т. д.

По воскресеньям приезжали к нам из Петербурга родные и друзья. Мы гуляли с ними по берегу моря и в лесу. Потом обедали у нас на даче.

[а–а] Вписано вместо: «Теперь 1932 г. Прошло 20 лет».

* * * * *

В августе происходили юбилейные Бородинские торжества. Царь ездил на Бородинское поле и в Москву[2].

* * * * *

Сазонов осенью отправился в Париж и Лондон подкрепить манифестациею личных переговоров нашу верность *гибельной для нас* комбинации Тройственного согласия[3].

* * * * *

В октябре, заключив военный союз, Болгария, Сербия, Черногория и Греция объявили войну Турции. Развивая энергическое наступление, союзники вторглись в турецкие владения.

Говорили, война была подстроена нами. Мы организовали балканский союз. Мы же бросили союзников на Турцию, стремясь к завладению Константинополем и проливами. Цель эта была положена Сазоновым в основу его политики[4].

Так говорили. Но верно из того, что говорили, только одно. Мы правда работали над созданием балканского союза, преследуя цель противопоставить Австро-Венгрии и Турции на Балканах взамен разрозненных балканских государств внушительную силу сплоченного их блока. Не без нашей поддержки Болгария, Сербия и Черногория еще в конце 1905 года заключили таможенное соглашение, устранявшее экономическую их зависимость от Австро-Венгрии. Наши же советы привели теперь те же балканские государства, а вместе с ними Грецию, к заключению военного союза. Но на использование этого союза *немедленно* для нападения на Турцию и именно в данный момент мы союзников отнюдь не толкали. Возвратившись из поездки в Западную Европу, Сазонов уверял, что братушки, усыпив нашу бдительность, ускользнули от нашего внимания и напали на Турцию не только без нашего ведома и согласия, но и не предупредив нас и поставив перед лицом совершившегося факта. Возможно допустить, что посланник наш в Белграде Н. Г. Гартвиг, проводивший на своем посту свою собственную политику, а не политику своего правительства, мог лично от себя подстрекнуть сербов к войне. Но болгар, которые, между тем, по причине своего военного превосходства верховодили в союзе, наш посланник в Софии А. В. Неклюдов уже никоим образом на Турцию не натравливал, не имея на то директив из Петербурга.

Уверять, что Сазоновым что-то было положено в основу его политики (завладение Константинополем и проливами), значит переоценивать Сергея Дмитриевича, у которого никакого политического плана не было. Было одно желание — наивозможно спокойно продержаться положенный судьбою срок на посту министра иностранных дел, избегая всяких требующих напряжения осложнений. Константинополь и проливы составляли предмет весьма распространенных мечтаний среди российской интеллигенции. Мечтал о них, очевидно, и Сергей

Дмитриевич, увлеченный, как в свое время все мы, красивым, как сказка, преданием о водруженном на вратах Цареграда Олеговом щите[5]. Но мечтал лишь как один из многих россиян, а отнюдь не как министр иностранных дел, ценя больше и прежде всего собственный покой. А завладение Россиею Константинополем и проливами нормально мыслилось не иначе, как через куда как для Сазонова беспокойную, а потому нежелательную войну, которую повела бы сама Россия. Лишь после того, как балканская война началась, и наступавшие на Турцию союзники достигли значительных успехов, стали говорить о том, будто болгарский царь Фердинанд собирается в случае овладения Константинополем поднести его ключи русскому царю. Об этом официально заявлял приехавший в Петербург с депутациею в 1913 году, накануне взятия союзниками Адрианополя, болгарский генерал Радко-Дмитриев. Но Сазонов такому альтруизму Фердинанда не верил. Он был убежден, что коварный болгарский царь стремится овладеть Константинополем не для России, а для Болгарии (недаром, говорили, Фердинанд снялся в мантии византийского императора). С другой стороны, Сазонов усвоил себе проводившуюся его сотрудниками мысль о том, что пока России не суждено овладеть Константинополем и проливами, пусть лучше продолжает владеть ими вековой их хозяин Турция, а не какая-либо другая держава. Иметь у ворот Черного моря, превращенного для России в каземат, такого стража, как эвентуальный византиец Фердинанд, представлялось для Сазонова перспективою до такой степени неприемлемою, что Сергей Дмитриевич решился на мало кому известный шаг, характеризующий его чрезвычайное легкомыслие. Когда союзники с болгарами во главе, победоносно продвигаясь к Адрианополю, уже подступали к нему, Сазонов по телеграфу предложил нашему посланнику в Болгарии Неклюдову остановить наступление болгар. Замечательно, что распоряжение такой не умаляемой его нелепостью исключительной важности Сазонов отдал Неклюдову proprio motu[a], не испросив санкции царя. Неклюдов, по достоинству оценив нелепость и невыполнимость сообщенного ему министром приказа, нашелся и ответил Сазонову, что затрудняется передать содержание его депеши болгарскому правительству, пока не последует на это «высочайшее повеление». Сазонов одумался. К царю не пошел. Инцидент оказался исчерпанным, не выходя за пределы ведомственного сношения. Избегая вовлечения самой России в войну, грозившую при вмешательстве России развернуться в войну мировую, не веря в возможность получения Россиею константинопольских ключей от балканских союзников (на что потребовалось бы еще согласие великих держав), Сазонов отнюдь не мог видеть в войне союзников с Турцией средства овладения Россиею Константинополем и проливами.

Не нами подстроенная война шла своим чередом.

Наши «моменты» (так называли офицеров Генерального штаба), посещавшие наше министерство, точно рассчитали, сколько времени могут продержаться в состоянии войны балканские союзники. Ученые авгуры исходили из имевшихся у них сведений о материальных средствах союзников, финансах, запасах снаряжения, о реальных возможностях их пополнения и из других косвенных показателей допустимой длительности кампании. По их расчетам, союзники ни в каком случае не могли ее вести далее конца года. События показали, какую

[a] По собственному побуждению (лат.).

цену имеют подобные теоретические расчеты штабных «моментов». Война продолжалась до весны следующего года. И «материальных возможностей» союзникам хватило, чтобы после войны с Турцией начать и довести до конца новую войну между собой[6].

* * * * *

Возвращаясь к внутренним нашим делам, следует отметить назначение царем в конце года министром внутренних дел на место уволенного А. А. Макарова Николая Алексеевича Маклакова.

Податной инспектор, продвинутый дамскими влияниями в управляющие казенною палатою, а потом в губернаторы, Маклаков сумел взять на этом последнем посту, в Черниговский губернии, угоднический курс, наиболее соответствовавший царскому настроению. Курс приблизительно исходил из следующих соображений. В 1905 г., воспользовавшись минутною слабостью царя, «крамольная интеллигенция» и «революционер» Витте вырвали у монарха направленные к ограничению самодержавия свободы. Столыпин осадил не в меру разошедшуюся крамолу. Но недостаточно. Он стал на неверный путь ориентации на общественность, проникнутый глубоко вредным ее духом. Наступило время показать, что царь в единении с народом, в его большинстве совершенно чуждым всяким конституционным идеям, продолжает осуществлять унаследованное от предков неограниченное самодержавие. Думу, как институт, хотя и в минуту душевной слабости, но как-никак учрежденный царем, приходится оставить. Но необходимо постепенно свести ее значение на роль простого советника царя, чье мнение можно выслушать, но получение чьего одобрения на ту или иную государственную меру отнюдь не должно почитаться обязательным для ее проведения. Умелым воздействием на выборы нужно обеспечить власти такой состав Думы, чтобы она дегрессировала в законосовещательный орган незаметно и безропотно. Такой приблизительно «profession de foi»[a] Маклаков успешно подчинял свои административные действия, а представляясь царю в его приезд в 1911 г. в г. Киев, проявил не только подчеркнутые верноподданнические чувства, но и молитвенное обожание. Этим Маклаков произвел на царя, уже предрасположенного к нему как к ратоборцу неограниченного самодержавия, впечатление отменно благоприятное. И ростом он не подавлял царя, что, в конце концов, царь не любил. И лицом был пригож. Лихого вида усы и полувоенная выправка выгодно оттеняли внешние его качества. Царь уже тогда в Киеве его отметил. Теперь, «освободив» Макарова, он призвал Маклакова. Очаровав царя своим докладом и искусно в него вплетенным подтверждением своих ультрамонархических чувств, Маклаков быстро завоевал и симпатии царицы. Допущенный в интимный круг царской семьи, Маклаков использовал для ее развлечения присущий ему дар имитации. Когда он представлял Коковцова, царь и царица смеялись до слез. Наследника Маклаков привел в восторг, катаясь по полу, рыча и, говорят, бесподобно изображая резвящуюся пантеру. После В. К. Плеве, П. А. Столыпина, да и всех других предшественников Маклакова министр внутренних дел

[a] Исповедание веры (фр.).

в роли пантеры представлял собою явление во всяком случае новое. Принятый «пантерою» на посту министра курс был ярко реакционным.

Говоря о горе-министре Маклакове, нельзя не упомянуть о его брате Василии Алексеевиче — члене Думы кадетской ее фракции, обратившем на себя внимание его полными достоинства и корректности, обстоятельными *и умными* оппозиционными речами. Я слушал блестящего, смелого в своем слове трибуна — Маклакова. Прошло несколько лет. И когда все полетело, я встретился с обанкротившимся политиком Маклаковым, издрожавшимся от страха перед предвозвещенным приходом большевиков. Жалко волнуясь, он просил меня об ускорении отправления его за границу. Он был назначен Временным правительством послом в Париже. Оформление его назначения и отправление к посту зависели от департамента, которого я был последним директором, назначенным при царском правительстве. Беда поддаться такому страху, который овладел тогда Василием Алексеевичем Маклаковым. Ничего не осталось в сидевшем против меня человеке от возвышавшего его прошлого. В беспокойных его глазах читалось безнадежное будущее.

Глава 18.
1913 год

Балканские союзники продолжали наступать на турок и основательно били их. Нервничавшая с начала балканской войны Австро-Венгрия насторожилась. Успех, последствием которого явилось бы чрезмерное усиление Сербии и Черногории, нарушал бы планы Австро-Венгрии, в которые в конечном итоге входил захват этих смежных с габсбургскою монархиею автономных государств для присоединения к ее славянским владениям. Такого успеха союзников Австро-Венгрия считала жизненно для себя необходимым не допускать. И при предстоявшем дележе союзниками добычи Австро-Венгрия решила энергично настаивать на установлении лишь допустимых с ее точки зрения границ. На случай, что ей придется отстаивать свои интересы в балканском конфликте силою оружия, Австро-Венгрия стала готовиться к войне. Чрезмерные успехи союзников, каковыми с точки зрения нашей дипломатии являлось бы овладение союзниками Константинополем и проливами, не входили, как объяснено выше, и в наши виды. В этом вопросе поводов для столкновения с Австро-Венгриею у нас как будто не было. Но чрезмерные урезки границ союзников при дележе завоеванных территорий не могли бы не вызвать протеста со стороны России в качестве «державы-покровительницы». И по этому поводу Россия могла бы с Австро-Венгриею сцепиться. Между обеими державами определенно встал призрак войны. На приготовления Австро-Венгрии мы отвечали, чтобы не быть застигнутыми событиями врасплох, принятием соответствующих мер предосторожности в наших юго-западных военных округах. Эвентуальность войны вытекала для нас не из одного угрожающего положения, занятого Австро-Венгриею по отношению к балканскому кризису. Толкали нас на войну и внутренние течения. Некоторые влиявшие на царя круги, а также думская общественность настаивали на присоединении России к балканским союзникам, чтобы помочь им доконать Турцию, а самой России овладеть Константинополем и проливами. Нечего говорить о том, что в условиях существовавшей международной обстановки вступление России в войну, вынужденное ли вмешательством в нее Австро-Венгрии, предпринятое ли Россиею по собственному почину в целях осуществления ее цареградской мечты, угрожало пожаром мировой войны. Но час ее еще не пробил. Сазонов, ссылаясь на заявления военного и морского своих кол-

лег о недостаточной еще нашей подготовленности к войне, особенно такой, которая угрожала развернуться в войну мирового масштаба, докладывал царю о необходимости воздержаться от активных действий. В момент особого напряжения Коковцов ездил в Ливадию, где находился царь, отправившийся в Крым с семьею для восстановления сил болевшего перед тем наследника. Возвращаясь, встреченный на Николаевском вокзале товарищами своими по финансовому ведомству и некоторыми другими сановниками, Коковцов тут же на перроне во всеуслышание им объявил: «Господа, спешу прежде всего вас успокоить насчет войны. Войны не будет. Ее не хочет Распутин». Такое решение фактического правителя России, каким в то время, к позору ее, стал бесчестный и развратный сибирский проходимец, исключало самововлечение России в войну. Что же касается принуждения России к войне агрессивностью Австро-Венгрии, то оно было предотвращено концертом великих держав. По-видимому, всеми ими признавалась еще несвоевременною в том 1913 г. всеобщая драка. Было образовано в Лондоне совещание послов великих держав, как Тройственного союза, так и Тройственного согласия, для выработки согласованных решений по всем вопросам, касавшимся балканского кризиса[1]. Делу помогло <то>, что после взятия Адрианополя приостановились дальнейшие успехи боровшихся с Турциею союзников. Нервность Австро-Венгрии умерилась в своей остроте. Совещанию послов удалось предотвратить столкновение великих держав между собою по вопросам, вытекавшим из отношения их к событиям и к ликвидации не только войны союзников с Турциею, но и последовавшей затем второй войны союзников между собою по дележу добычи. В эту вторую войну вмешались Румыния, захотевшая урвать и себе кусок пирога, и Турция, вернувшая себе обратно Адрианополь. Союзники получили приращения территорий за счет отобранных от Турции областей, и за счет тех же областей было образовано новое государство — Албания.

В вопросе о новых границах балканских государств России принадлежал веский голос. И от ее настояний зависело не дать обобрать и унизить Болгарию при дележе завоеванных территорий. Пусть притязания Болгарии, приведшие ко второй балканской войне, были чрезмерны. Но они имели за собою то оправдание, что война с Турциею главною своею тяжестью легла именно на Болгарию, как на обладавшего военным превосходством и поэтому наиболее мощного члена балканского блока. Усилиями главным образом Болгарии были достигнуты успехи союзников в войне. Болгария же понесла в войне наибольшие жертвы. Сазонов по лености своего ума не вник в эти простые соображения. По лености же он не искал в политике путей напряжением собственного мозга, а пользовался мыслями, подсказывавшимися ему сослуживцами из признававшихся наиболее умными и опытными. К числу их принадлежал честолюбивый Н. Г. Гартвиг, посланник наш в Сербии, сумевший благодаря своим способностям занять в этой стране положение фактического ее правителя. Таким положением, служившим рекламою его отменного дипломатического искусства, Гартвиг дорожил, рассчитывая через него добиться портфеля главы русского дипломатического ведомства. Дорожа положением «правителя Сербии», Гартвиг, естественно, вынуждался заботиться о ее благе. Он рекомендовал Сербию особо благожелательному вниманию императорского правительства. Подсказал Сазонову ту мысль, что в политике нашей на Балканах ставка должна быть взята на Сербию преимущественно перед другими балканскими государствами, как на надежнейший, после

«ликвидации» Обреновичей[2], оплот и проводник русского влияния на Балканах. Настаивал на наивозможно большем приращении территории Сербии. Сазонов придерживался ранее ставки на Болгарию. Но он в Болгарии разочаровался и на нее вознегодовал за зажженный ею пожар братоубийственной брани между бывшими союзниками. И это несмотря на сделанное нами Болгарии и Сербии напоминание о том, что связывавший их договор обязывал их все возникающие между ними споры представлять на разрешение России. Подхватив мысль Гартвига о ставке на Сербию, Сазонов решил Сербию возвеличить, а Болгарию унизить. Склоняли Сазонова к унижению и ослаблению Болгарии и продолжавшиеся его опасения, как бы Болгария, если она будет сильна, не перехватила Константинополь и проливы. «Пока я министр, — говорил не доверявший Болгарии и ею недовольный Сазонов, — великой Болгарии не будет». И Сазонов способствовал тому, что Болгария была при дележе территорий обездолена, а Сербия возвеличена в значительной степени в ущерб Болгарии. Сазонову пришлось потрудиться, чтобы добиться такого результата, преодолевая сопротивление Австро-Венгрии чрезмерному усилению Сербии.

Вот когда Сазонов показал, что ему не следовало оставаться министром иностранных дел после смерти Столыпина. Нельзя было избрать для России более нелепой линии поведения в вопросе о ликвидации балканского кризиса.

Какие в самом деле разумные цели должна была преследовать Россия на Балканах? Укрепление своего имевшего историческую базу влияния на народности, населяющие Балканский полуостров. Удержание их в орбите этого влияния. Предупреждение ориентации на другие, особенно на враждебные России великие державы.

Если бы мы и не проявили чрезмерной заботливости о Сербии, противоречия которой с Австро-Венгрией обострились с 1903 г. настолько, что не могло зайти и речи о возврате ее к сближению с Габсбургскою монархиею (к которому, в противность духу и интересам народа, привела в свое время страну предательская политика Обреновичей), Сербия все равно, хотя бы и не столь довольная нами, осталась бы верной ориентации на Россию. В случае мирового конфликта Сербия выступила бы на нашей стороне, вполне отдавая себе отчет в том, что победоносная Австро-Венгрия неминуемо поглотила бы Сербию, хотя бы последняя и помогла Австро-Венгрии победить.

Не было поэтому практических оснований строить возвеличение Сербии на унижении Болгарии.

Были практические основания к тому, чтобы не унижать Болгарию.

Обделенная, униженная с соизволения и при прямом участии России, в лице ее незадачливого министра иностранных дел, Болгария не имела после ликвидации балканского кризиса непримиримых противоречий с враждебными России Австро-Венгриею и Турциею. И весьма, естественно, негодуя на Россию за свое унижение, одинокая в окружении ограбивших ее «братских» народов, Болгария обратилась, ища опоры, к врагам своей прежней покровительницы, заключив союз с Турциею и войдя в сближение с принявшеюся ее вооружать Австро-Венгрией. Не приходилось поэтому удивляться, что в мировую войну[3] Россия увидела Болгарию в рядах своих противников. Такою изменою Болгарии славянству, представляющею собою фактор, значение которого отнюдь нельзя преуменьшать, Россия была в значительной степени, если не всецело, обязана

безрассудной политике Сазонова. Другим результатом той же политики было то, что проявлением вящего, подчеркнутого, чрезмерного благоволения к Сербии Россия заранее предопределила приведшее к мировой войне отношение свое к предъявленному Сербии австро-венгерскому ультиматуму 1914 года[4]. Нельзя было, особенно в такое тревожное время, когда только что была едва избегнута опасность мировой войны, обязываться векселями, расплата по которым угрожала России тою же опасностью.

* * * * *

В этот этап первой балканской войны, когда пал Адрианополь и Государственная дума мечтала о присоединении России к союзникам для овладения Константинополем и проливами, Сазонов пригласил к себе членов Думы*, двумя партиями, в разные дни правых и левых,* на чашку чая[5]. Предполагалось, Сазонов даст гостям исчерпывающие объяснения на тему о злобе дня. Но Сазонов не умел говорить в больших собраниях. Когда ему в редких случаях приходилось выступать с речью, она ему заранее составлялась, и он ее читал по записке. Прибегнуть к шпаргалке на чашке чая было неудобно. Чашка чая свелась к богатому угощению. И обворожительною была любезность хозяина, угощавшего гостей. Они настолько обворожились любезностью Сазонова и его конституционализмом, выразившимся в доказанном желании интимного сближения с членами законодательной палаты, что не настаивали на политической теме. Она в беседе хотя и затрагивалась, но обходилась Сазоновым за неумением с нею справиться. Гости удовольствовались общими местами и чашкою чая, сделавшею Сазонова совершенно приемлемым для Думы. Как нетрудно было в те дни той Думе угодить!

* * * * *

В начале года торжественно праздновался трехсотлетний юбилей царствования Дома Романовых[6]. Юбилей наводил на мысли о будущем царского дома. Перспективы представлялись грозными. Влияние и гнусность поведения Распутина росли. Столыпиным и другими преданными монархии лицами неоднократно делались соответствующие предупреждения царю. Коковцову пришлось ему повторить, что, по убеждению благомыслящих людей, в России дальнейшее оставление Распутина в допущенной близости к царю и к его семье угрожает существованию династии. Угрожала ее существованию и вся политика власти. Но ясно сознавалось, что царь ни распутинского наваждения не найдет сил с себя стряхнуть, ни политики не изменит. *Значит, династия обречена.*

Общество не сосредотачивалось на мыслях о неустойчивости режима, не отдавало себе отчета в напряженности международного положения, не сознавало, какой опасности избегла страна в тревожные моменты балканского кризиса. Общество напропалую веселилось, объедалось, опивалось. Дельцы, промышленники, коммерсанты делали большие дела, быстро и легко наживая деньги. Вовсю работали банки. Деньги проживались. Зря сыпались. И от мала до велика, кому только было не лень и у кого были хотя небольшие средства, все играли на бирже.

Глава 19.
1914 год

Можно с достаточною степенью вероятности допустить, что если бы Англии не удалось сблизиться с союзною нам Франциею и через Францию вовлечь в англо-французскую комбинацию Россию, то не было бы, в ближайшем, по крайней мере, историческом этапе, мировой войны, вспыхнувшей летом 1914 г.[1]

Отсюда, конечно, не следует, что не надо было создавать «антанту».

Рост вооружений Германии, ее агрессивность и заносчивое высокомерие были таковы, что само собою напрашивалось противопоставление Тройственному союзу не уступающей ему силы. Равновесие сил должно было явиться фактором, предотвращающим войну. Устрашающею мнилась перспектива смертельной схватки двух могущественнейших в мире коалиций.

Плохо, однако, было то, что, создавая «антанту», инициатор ее Англия преследовала цель отнюдь не предотвращения, а напротив, поджога войны при первом подходящем случае. Англии, как будет видно, нужна была война, война Тройственного согласия с Германиею, т. е. презумптивно с Тройственным союзом, притом в наивозможно близкие сроки.

При такой же предпосылке к созданию «антанты» именно создание ее привело в 1914 г. к войне.

В самом деле, не будь «антанты», не оказался бы народившимся в Европе новый, настолько могущественный блок, чтобы стимулировать решимость его участников не отступать из страха перед Германиею от вовлечения в конфликт, угрожающий войною с Тройственным союзом. При наличии же такого блока принадлежность к нему вооружала, при случае, участников подобною решимостью. Англия оставляла за своею весьма искусною дипломатиею соответствующую обработку настроений своих союзников в критический момент.

Позволительно думать, что не будь создана «антанта», не сделайся реальною не мыслившаяся ранее возможность вооруженного выступления Англии на стороне Франции и России, Франция по данному именно поводу (австро-сербский конфликт лета 1914 г.[2]), хорошенько пораздумав и взвесив, быть может, и воздержалась бы от военных приготовлений, вызвавших нападение на нее Германии. И, может быть, Россия, оказавшись в таком случае одинокою (маленькая

Сербия в великодержавной схватке в счет не шла), остереглась бы мобилизоваться?.. Несмотря на угрозу захвата Сербии Австро-Венгриею! Несмотря на то, что, воздержавшись от выступления в защиту Сербии, Россия изменила бы этим своей традиционной политике на Балканах! Не было бы, однако, другого выхода (спасовали же мы в 1908 г. по боснийскому вопросу). Слишком было очевидно, что одной России помериться силами с Тройственным союзом представлялось делом слишком уже заведомо безнадежным. Сила солому ломит и против рожна не попрешь. Было бы и оправдание благоразумному воздержанию России. В данном конфликте с Австро-Венгриею Сербия, как это совершенно установлено, была кругом виновата. Не приходилось распинаться за нее. Воздержись тогда Россия от мобилизации, и мировая война в данный момент, по данному поводу была бы избегнута[3].

Но «антанта» существовала. И кому-то нужна была война по первому возникшему поводу. Австро-сербский же конфликт представлялся поводом неплохим. Кому нужна была война? Да не кому иному, как именно создателю той обстановки, при которой суждено было безмолвствовать стимулам сдержанности Франции и России, создателю «антанты» — Англии. Угрожающим стало для нее торгово-промышленное соперничество Германии. На экономическом поприще Германия побивала Англию всюду везде, даже у нее дома, вплоть до внутренних английских рынков. Завоеванием мирового рынка и колониальною своею экспансиею Германия заняла по отношению к Англии настолько угрожающее положение, что единственным средством для Англии отстоять мировое господство мыслился ей военный разгром Германии.

Нечего говорить о том, что Англия одна никогда не решилась бы напасть на Германию, представлявшую собою первоклассную военную державу, да еще подкрепленную союзом с Австро-Венгриею и Италиею. Надо было противопоставить Тройственному союзу большие реальные силы, использование которых дало бы возможность разгромить Германию при минимальных усилиях и наименьшем количестве жертв со стороны Англии. Отсюда сближение с Францией. Но одной Франции мало. Сближение с Россией. Комбинация Тройственного согласия. Наше вступление в него. Франция, мечтавшая о реванше за войну 1870–71 гг.[4], лишенная уверенности в завтрашнем дне из-за постоянной агрессивности и вызывающего образа действий по отношению к ней со стороны Германии, пошла на сближение с Англиею, рассчитывая найти в ней могущественного союзника против общего врага. Франция только благоразумно усиливала этим те свои гарантии безопасности и защиты от нападения, которые ей давал франко-русский союз. Россию толкал в объятия ее прежнего извечного врага, непосредственно перед тем поднявшего и вооружившего против нее Японию, окончательный после Биорке разрыв с Германиею[a], когда угрожающее значение приобрели для нас наши противоречия с западными нашими соседями, Германиею и Австро-Венгриею. Мы не оставляли традиционной тяги нашей на Ближний Восток; мерещились нам Константинополь и проливы, в то время как через Балканы к Турции тянулась и Германия, развивая широко задуманную экспансию в Малой Азии. Австро-Венгрия после беспрепятственно и безнаказанно удавшейся ей аннексии Боснии и Герцеговины мечтала о дальнейшем продви-

[a] Здесь и далее подчеркнуто автором.

жении на Балканах путем захвата Сербии и Черногории, между тем как нашею задачею нами ставилось всяческое охранение самостоятельности этих стран, рассматривавшихся нами в качестве проводников и оплота русского влияния среди балканских народов и потому объектов попечительных забот «державы-покровительницы младших славянских братьев». В отношении тяги нашей на Ближний Восток неустойчивое внутреннее положение России, предостерегающий голос опыта русско-японской войны при недостаточном все-таки восстановлении нашей боевой готовности, правда, повелевали России, основательно научившейся долго ждать Константинополя и проливов, еще отсрочить попытки осуществления ее цареградской мечты. Тем более, что в тот момент, когда завязывалась наша дружба с Англиею, мечта эта не воспрянула еще перед нами с новою силою под грохот балканской войны. Но приходилось считаться со ставшею в последние годы чересчур активною политикою Австро-Венгрии на Балканах. Чтобы застраховать себя от всяких случайностей в этом собственно отношении, да и других возможных неожиданностей впоследствие (так!) разрыва с Германиею после Биорке, Россия и рассудила не упускать случая усилить, подобно Франции, свои гарантии безопасности и защиты от нападения той же Германии приобретением второго после Франции солидного союзника. Поэтому и приняла предложение вступить третьим членом в англо-французскую «антанту».

Так создалось противопоставленное Тройственному союзу Тройственное согласие. Так создались условия, делавшие при данной политической конъюнктуре возможною и близкою мировую войну.

России, как видно, принадлежала в создании этих условий лишь пассивная роль. Ей было сделано предложение присоединиться к так счастливо наладившемуся «сердечному согласию» ее друга Франции с новым другом этой последней Англиею. Россия это предложение приняла, вынужденная обстоятельствами его принять. Обстоятельства сложились так, что от Биоркских вод русскому государственному кораблю не стало пути иного, как через дружественные французские воды к английским берегам.

Войдя в «Антанту», опираясь на нее, Россия неосновательно пошла на риск вступления в неожиданно перед нею вставший австро-сербский конфликт. Обстоятельство это послужило началом мировой войны, вспыхнувшей летом 1914 г.

В том, что Россия встряла в тот конфликт, бесспорная вина русского императорского правительства того времени. Вина достаточная, но в рамках данного вопроса — об ответственности за войну — вина единственная.

Между тем, вслед за окончанием войны появилась литература, пытающаяся взвалить на это злополучное правительство еще и другой, отнюдь не содеянный им грех. Высказывается мнение, будто в 1914 г. Россия не только разожгла поддававшийся локализации австро-сербский конфликт в пожар мировой войны, но и создала повод для самого австро-сербского конфликта. Мнение это определенно приписывает подстрекательству России организованное сербами убийство австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда.

В чем, в чем, но в этом приписываемом ей преступлении Россия нет, не повинна.

Надо было бы русскому правительству крепко желать в ту пору войны, чтобы пойти на такое подстрекательство.

В самом деле, сербы настолько солидно себя зарекомендовали специалистами по части политических убийств систематическою заговорщическою работою как у себя дома, так и на австрийской территории по организации ряда покушений на должностных лиц австрийской администрации, что подстрекательство к убийству Франца-Фердинанда именно сербов ни в каком случае не могло рассчитывать на то, чтобы от зоркого и испытанного ока австрийских властей ускользнула, скрываясь за спиною убийц — австрийских подданных, сербская наводящая рука. Отсюда конфликт с Сербиею, а дальше все как по писаному, как оно и разыгралось. Война!

Но ведь Россию ничто решительно в весну и лето 1914 года не побуждало желать войны. Не следует забывать, что не прошло и года с того времени, как нам удалось в 1913 году избежать войны с Австро-Венгриею, следовательно, с Тройственным союзом, благодаря усилиям не желавшего создавать себе лишней ответственности и лишней работы Сазонова. Отрицательно отнеслись к эвентуальности войны заявившие себя еще не подготовленными к ней наши военное и морское ведомства. Не желал, наконец, войны, по свидетельству Коковцова, Распутин.

Не изменилась обстановка и в предшествующие войне несколько месяцев 1914 г. Сазонов не стал менее равнодушен к своему покою. Если весною Сухомлинов пустил в газеты в ответ на вызывающую кампанию германской прессы свою нашумевшую в свое время статью «Мы готовы», то, как он сам указывал в своих воспоминаниях, эта статья была пущена в том преимущественно соображении, что «вовремя показанный кулак может предотвратить драку»[5]. Она не явилась, таким образом, свидетельством того, что мы были действительно подготовлены к войне. Несколько лучше подготовлены, чем год тому назад, и только. В другом месте своих воспоминаний Сухомлинов, правда, утверждает, в возвеличение своих заслуг по восстановлению армии, будто в 1914 г. мы были подготовлены к войне как никогда. Во-первых, немного этим сказано. К Крымской войне мы не были подготовлены. К японской — тоже. Турецкую довели до победы, однако над относительно слабым противником[6]. Во-вторых, можно ли серьезно говорить, что от неподготовленности в 1913 г. можно было перейти к подготовленности (как никогда) в 1914 г., всего за один год, для такой колоссальной страны, как Россия того времени. И это при относительно ничтожных затратах на вооружения вследствие настойчивой и систематической урезки военных кредитов не сознававшим, что он делает и к чему ведет, таким узким и скаредным государственным казначеем, как Коковцов, лишь номинально числившимся русским министром финансов. Нет, подготовленности такой, какая требовалась для войны с Германиею, хотя бы и вынужденной разделить свои силы на два фронта, с Германией, подкрепленной численно весьма значительными силами Австро-Венгрии, а презумптивно — и серьезными силами Италии, мы отнюдь готовы не были. И нет оснований полагать, что изменил в ту пору свое мнение о нежелательности войны подчинивший своей воле царя старец Распутин.

Можно, таким образом, с достаточною уверенностью утверждать, что вплоть до кризиса, вызванного убийством эрцгерцога Франца-Фердинанда, русское правительство, русское дипломатическое ведомство, глава его С. Д. Сазонов не думали о войне, всего менее помышляли ее вызвать и создать для нее повод. И тем не менее, такой грех *современные историки* пытаются взвалить на бывшее русское

императорское правительство. Данных, сколько-нибудь заслуживающих доверия, которые подтверждали бы подобное обвинение, однако, не существует[7].

В книге Н. П. Полетика «Сараевское убийство» (изд. 1930 г.) приведен обильный материал, относящийся к этому событию[8].

Материалом этим *убедительно* доказывается, что убийство эрцгерцога в Сараеве австрийскими подданными-славянами было организовано в Белграде членами сербского политического общества «Черная рука», являвшимися в то же время должностными лицами сербской службы, использовавшими для организации убийства свое служебное положение и аппарат службы. Главным организатором убийства был впоследствии расстрелянный по приговору сербского суда по другому делу полковник сербского Генерального штаба Драгутин Димитриевич.

Теперь по части инкриминируемого России имевшего будто бы место ее подстрекательства сербов к убийству! Вот какой мы находим в книге Н. П. Полетика материал по этой части. И думается, что он исчерпывающий, ибо автор, как это видно из его обстоятельной книги, использовал для своего труда едва ли не всю наличную литературу по делу о сараевском убийстве.

Некий серб Ненадович в статье, напечатанной в «Fédération Balcanique», заявляет, будто о готовившемся сараевском убийстве знали Гартвиг и военный агент при нашей миссии в Белграде полковник Артамонов. Это же подтвердил венскому журналисту Леопольду Мандлю «пожелавший остаться неизвестным» один из членов общества «Черная рука». Этот же остающийся неизвестным серб будто добавил, что организатор убийства эрцгерцога сербский полковник Димитриевич, сообщив Артамонову о подготовке покушения, пожелал от него выведать, как отнесется к убийству Россия. Можно ли иметь уверенность в том, что она не отступит от поддержки Сербии в случае надобности, как это сделала Россия в 1908 г. и в 1912 г. Артамонов, будто бы, посовещавшись с Гартвигом, просил Димитриевича для сообщения ответа на заданный вопрос дать ему время снестись с Петербургом. Артамонов будто бы получил оттуда вслед за тем телеграмму: «Действуйте. Если на вас нападут, вы не останетесь одиноки». Получил, будто бы, Артамонов и значительную сумму денег на расходы по подготовке покушения. Отправился в сербскую контрразведку и будто сообщил Димитриевичу, что Россия поддержит Сербию, что бы ни случилось. Еще некий серб Божин Симич поведал французскому журналисту Виктору Сержу, будто сербский Генеральный штаб получил, через Артамонова же, секретное сообщение от русского Генерального штаба о том, что во время свидания Франца-Фердинанда с императором Вильгельмом в Конопиште австрийский эрцгерцог развивал план нападения Австро-Венгрии на Сербию и завладения ею, причем Вильгельм одобрил этот план, пообещав Австро-Венгрии для его осуществления свою помощь и поддержку. Артамонов будто предупредил сербов также о том, что Франц-Фердинанд едет в Боснию для присутствования на маневрах. Симич подтвердил и историю с телеграммой — «Действуйте» и т. д. Что «двое русских» (Гартвиг и Артамонов) знали о готовившемся покушении на эрцгерцога, повторяют с туманною ссылкою на опять-таки не называемых членов общества «Черная рука» другие исследователи причин возникновения мировой войны — американский профессор Барнс и автор книги «The Sarajevo Crime» мисс Е. Дергем. «Есть сведения» (какие?), что о подготовлявшемся заговоре знали русский Генеральный

штаб, Извольский и «даже» Сазонов. Сазонову, ссылаясь, правда, не на документы, а на слухи, «исходившие из дипломатических кругов», приписывается такой вопрос, заданный румынскому премьер-министру Братиану (дело происходило в Констанце, куда приехал царь в сопровождении Сазонова на свидание с румынским королем Карлом — за 13 дней до убийства Франца-Фердинанда): «Какую позицию займет Румыния в случае вооруженного столкновения между Россиею и Австро-Венгриею, такого, при котором начать военные действия была бы вынуждена Россия?» Братиану будто отвечал на вопрос вопросом: «Неужели Сазонов ожидает в ближайшее время возникновение войны?» И на это Сазонов будто бы поставил еще вопрос: «А что произойдет, если будет убит австрийский эрцгерцог?»[9]

Надо не считаться с упреками в тенденциозности, чтобы на основании подобного материала утверждать, будто сараевское убийство было учинено по подстрекательству России.

Вопрос об ответственности за войну представляется, помимо его исторической важности, вопросом такого громадного, непосредственно материального значения для держав, на которые были наложены репарационные выплаты, что если бы только была малейшая возможность использовать приведенный материал, *для возложения ответственности на Россию,* он был бы, конечно, давно использован в полной мере.

Но этого нет. Невозможно, в самом деле, серьезно отнестись к такому материалу! «Кто-то», ни в малейшей степени не авторитетное лицо (Ненадович?), совершенно бездоказательно заявляет то-то. Какие-то «пожелавшие остаться неизвестными» лица поведали одному американскому профессору и одной английской даме, а также двум журналистам, одному австрийскому и другому французскому, то-то и то-то. Дальше просто говорится: «есть сведения». Наконец, приводится «слух (о беседе Сазонова с Братиану), будто бы циркулировавший в *русских* дипломатических кругах», кем переданный, от кого исходивший — об этом благоразумно умалчивается.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что за исключением фабулы о переговорах Димитриевича с Артамоновым, закончившихся будто бы получением Белградом из Петербурга благословения на убийство Франца-Фердинанда, весь остальной материал ни в малейшей степени о подстрекательстве не говорит. Можно ли в самом деле без натяжки приписывать целям подстрекательства такие сообщения благожелательного, чисто информационного свойства, как — если они и были — предупреждения русским Генеральным штабом сербского Генерального штаба о результатах конопиштского свидания и о намечавшейся поездке Франца-Фердинанда на маневры в Боснию? Если были бы какие-либо тревожные для Сербии симптомы в действиях Австрии, то отношения наши к Сербии, в связи с нашею общею политикою на Балканах, обязывали нас предупредить сербов об этих симптомах. И в предупреждениях такого свойства ни малейших элементов подстрекательства, разумеется, не содержалось. Фабула же переговоров Димитриевича с Артамоновым и благословения России на убийство эрцгерцога представляет собою заведомый сплошной вздор. Выше приведены достаточно убедительные доказательства тому, что Россия отнюдь не хотела и не могла желать в 1914 г. войны. А при подстрекательстве к убийству Франца-Фердинанда именно сербов едва ли имелся хоть один

шанс против девяноста девяти избежать вызвавшего мировую войну нападения Австро-Венгрии на Сербию.

Нет, Россия не готовила в 1914 г. войну. Она ее и не ожидала. Возможною при первом конфликте каких-либо двух держав Тройственного союза, с одной стороны, и Тройственного согласия с другой, сделало войну создание Англиею «антанты» в совершенно определенных целях разгрома Германии ввиду англо-германских противоречий.

Ничто, однако, в международной обстановке первой половины 1914 г. не предвещало непосредственной близости войны.

На Балканах, правда, было неспокойно. Но не неспокойнее, чем бывало ранее. Балканы всегда представляли собою костер, способный разжечь пожар. Ситуация была обычная. Внимание европейской дипломатии было, по обычаю же, насторожено. Но не было данных ожидать непредотвратимых общими усилиями конфликтов в ближайшее время. Болгары бесчинствовали над греческим населением в присоединенной к Болгарии части Фракии, вели противосербскую агитацию в Албании, заключили военный союз с Турциею, направленный против Греции, вступили на путь сближения с Австро-Венгриею и вооружались ею. Сербы бесчинствовали над болгарским населением в присоединенной части Македонии, заключили союз с Грециею для поддержания status quo[a] на Балканах.

Примкнула к политике их в этом отношении Румыния, не вступая, однако, в союз. Сербия и Румыния развивали каждая ирриденту по отношению к Австро-Венгрии, агитируя австрийских сербов и трансильванских румын. Австро-Венгрия не оставляла своих замыслов относительно Сербии, ища выхода через нее в Салоники, провоцировала беспорядки в Албании в видах ее оккупации, вооружалась, усиливала гарнизоны в Галиции и на сербской границе, вооружала, как упомянуто, болгар. Турция, заключив союз с Болгариею, готовилась к реваншу за потери в 1912 г. на Балканах, наметив себе объектом главным образом Грецию, пыталась организовать восстание в Македонии, вооружалась, усиливала свой военный флот.

Германские и австрийские газеты вели усиленную кампанию против России за ее относительно скромные, всячески умерявшиеся Коковцовым вооружения. Наша печать старалась не оставаться в долгу. Но немцы забирали тон все выше. Наш поверенный в делах в Вене кн<язь> Кудашев доносил, что Берхтольд, указывая на крайние трудности обуздать прессу, заверял об отсутствии поводов для каких-либо конфликтов между Россиею и Австро-Венгриею: «Уже если в 1912 и 1913 гг. удалось избежать осложнений, то тем менее имеется оснований ожидать их в настоящее время». Случайность или нет, но вскоре после статьи Сухомлинова в «Биржевых ведомостях» «Мы готовы», которую австрийский посол Сапари назвал фанфаронадою, травля России в германской и австрийской прессе спала. Из Берлина наш посол Свербеев доносил, что тучи пронеслись и горизонт снова стал чист и безоблачен. Свербеев писал об улучшении отношений Германии и с Англиею. Только генеральный консул наш в Будапеште Приклонский передавал ничем, однако, не подтверждавшийся им слух, будто Германия готовит катастрофу, от которой содрогнется весь мир.

[a] Существующее положение (лат.)

Свербеев? Этот последний императорский посол в Берлине отличался исключительною бездарностью. Он только умел прилично одеваться, прилично держать себя и произносить кое-какие русские и иностранные слова в ответ на задаваемые вопросы. Он ничего не знал, не соображал, ни о чем не думал и ничего не делал. Дипломатическое ведомство имело в своей среде немало посредственностей. Но далеко в карьере они не шли. И Сергея Николаевича не следовало пускать далее секретаря посольства, притом преимущественно поручая ему лишь механическую работу. Министр иностранных дел Сазонов, только потому, что был одноклассником Свербеева в лицее[10], выдвинул его на пост посла в Берлине. И не в обычное нормальное время, а почти накануне начала мировой войны. Не было вообще пределов легкомыслию Сазонова. И только этому печальному свойству своего школьного товарища обязан Свербеев своим возвышением не по достоинству. Обязан ли, однако? Оставайся Свербеев в тени, не было бы о нем и речи. Не приходилось бы о Свербееве упоминать как о лице, выдающемся своею бездарностью. И не лежало бы на ответственности Свербеева абсолютное бездействие важнейшего русского дипломатического поста в наиболее трагический момент истории России. Ничего-то он не видел. Ни о чем существенном не доносил. Настолько ничего не понимал, что даже отправлял в Петербург оптимистические депеши. В дни, предшествовавшие объявлению войны, умудрился отсутствовать из Берлина. Никаких ценных отношений не завязал, да и завязать был не в состоянии. Бледный, длинный, скелетически худой, с лицом, ничего не выражающим; так он и сейчас стоит перед глазами живым олицетворением жалкой посредственности. Отнюдь не выдающимся был его предшественник граф Остен-Сакен. Но он озадачивал, при случае заявляя: «Je viens de déjeuner avec mon ami Guillaume»[a]. Пусть в этих словах, преувеличивавших близость посла к Вильгельму II, заключался смешной снобизм. Но факт оставался фактом: запросто завтракал русский посол с германским императором. И это свидетельствовало об отношениях, исключительно ценных для дипломатического представительства. А Свербеев? Он не сумел бы завязать близких отношений ни с одним даже самым захудалым немецким министром.

Возвращаясь к внешней политической ситуации первой половины 1914 г., заметим, что с Германию у нас, правда, возникли в ту пору кое-какие трения, но не грозившие развиться в конфликт. Нас озабочивала германская военная миссия в Турции, забравшая в свои руки командование турецкими военными силами[11]. Мы протестовали против германского командования отдельными воинскими частями в европейской части Турции. Германия, давая нам понять, что это дело внутреннее между нею и Турциею, все же уступила. Командование вернулось к турецким офицерам. Но военное верховное управление осталось германское, против чего мы и не пытались возражать. Насколько устраивало нас при таких условиях то, чего мы добивались и добились, представляется в достаточной степени непонятным. Согласившись вместе с другими державами (трудно было не согласиться) на надбавку к взимавшимся Турциею ввозным пошлинам, мы требовали нашего представительства в Dette Ottomane[b]. По этому относительно второстепенному вопросу также возникли у нас трения с Германиею, а равно

[a] «Я только что завтракал с моим другом Вильгельмом» (фр.).

[b] Оттоманский долг (фр.).

с Турциею. Германия соглашалась на наше представительство, но при условии обеспечивавшего ей перевес усиления своего представительства*, ибо наш «друг» Франция и в этом вопросе нас не поддержала*. Нас это не устраивало. Кое-какие трения возникли у нас с Германиею и в Персии вследствие вызывающего образа действий германской концессии по отношению к нашему дипломатическому и консульскому представительству[12]. Но все эти трения не имели значения существа и тревоги не внушали.

Всего хуже дело обстояло, пожалуй, с Турциею. Помимо ее замыслов о реванше на Балканах, попыток поднять восстание в Македонии, турецких военных реформ под инструктажем Германии и предпринятого усиления турецкого военного флота, беспокойство вызывало создавшееся напряженное положение в армянских вилайетах Турции. Это последнее обстоятельство, в связи с неустойчивым общим внутренним положением в стране, побуждало наше посольство в Константинополе признать возможность наступления в Турции таких событий, которые могли бы потребовать вмешательства иностранных держав. Но события не наступали. Острота положения постепенно сглаживалась. Поэтому и на турецкой стороне грозовые тучи не собирались[13].

Англия, при всей трогательности нашего сердечного согласия с нею и с Франциею, не заключала с Россиею писаного договора о союзе. Не заключила его Англия и с Франциею, не желая стеснять свою свободу действий какими-либо обязательствами до наступления событий, вынуждающих к союзным отношениям. Сазонов из кожи лез, добиваясь оформления союза договором и утомляя направленными к этой цели требованиями нашего посла в Лондоне графа Бенкендорфа. Но Бенкендорфу не удавалось склонить Грея удовлетворить Сазонова. Бенкендорф утешал Сазонова, убеждая его в том, что «антанта», во что она вылилась, все-таки лучше противоположенного ей Тройственного союза, в котором один союзник командует двумя другими. Англия повела с нами разговор на другую тему — о протекторате ее над Тибетом. Мы пытались выговорить себе протекторат над персидским Азербайджаном и установление сношений хотя бы по одним только пограничным делам с Афганистаном. Но Англия артачилась. Не милостивы были к нам наши друзья[14].

Во всей очерченной ситуации не было ни одного действительно способного внушить тревогу показателя близкой катастрофы. И что летом она разразится, этого у нас в России никто не ожидал, не то что маленькие люди, но и власть имущие, и само правительство.

В качестве аргумента противоположного мнения выдвигается... масонство[15]. Когда в области большой политики пытаются утверждать то, чего как будто бы не было, что расходится с логикою, из анализа событий не вытекает и приводит к тупику, в таких случаях принято ссылаться на масонов. *Это аргумент, перед которым умолкают всякие возражения*. Доводилось слышать, что масонами были ряд крупных французских государственных деятелей, в том числе *благополучно и ныне здравствующий* Раймонд Пуанкаре, из русских — генерал Куропаткин (потому-де, что он был масоном, он и проиграл японскую кампанию, преднамеренно и сознательно, по приказу ордена), граф Витте (как же не масон, когда он устроил русскую революцию 1905 года?) и т. д., и т. д. Если теперь будут уверять, что масоном был также Сергей Дмитриевич Сазонов, а масоны руководили данными событиями, то придется что угодно допустить, какую угодно

фантастику: будто Сазонов с самого дня своего назначения русским министром иностранных дел знал, что мировая война начнется в 1914 г., сознательно подготовляя к этому году войну, знал о предстоявшем убийстве Франца-Фердинанда (приговоренного к смерти масонами), ибо он сам (Сазонов) по приказу масонов подстрекал сербов к этому убийству, и именно сербов, для того, чтобы спровоцировать Австро-Венгрию к нападению на Сербию и нападение это использовать в качестве повода для мировой войны. ...Если Сазонов был масон, то все это так распрекрасно одно из другого и вытекает. Но трудно допустить, чтобы Сазонов был масоном. Масоны, судя по тому, что им приписывается, представляются орденом отменно серьезным. Пуанкаре, Витте, Куропаткин были бы подходящими для него людьми. Но Сазонов? Из-за одного его легкомыслия он был неприемлемый для масонов человек. Мог быть ими использован без его ведома (опять-таки, если масоны действительно руководили событиями) разве только в качестве марионетки. Но марионетка не знает наперед, за какую ее дернут веревочку и какой заставят танцевать танец.

Уже если искать среди последних руководителей нашей дипломатии злокозненного масона, то правильнее, пожалуй, было бы заподозрить его в гр<афе> Ламздорфе? Ведь это он сломал «Биорке»! А именно от этого действия и произошли все качества... Но и Ламздорф более чем сомнительный масон.

Масоны? Или другой кто?... Могущественные таинственные воздействия на поджог мировой войны подозреваются многими современниками и исследователями событий. Навязчива для них мысль о наличии этих воздействий, которые, если бы были установлены, уясняли бы сами уже по себе, одним своим бытием, все кажущееся на первый взгляд не вполне понятным и ясным в пережитой колоссальной мировой трагедии. Однако достаточно яркий свет на ее причины проливают уже внимательный анализ событий и обследование предшествовавшей войне международной обстановки, имевшей в центре англо-германское соперничество. Масоны если и подготовляли и разожгли войну, то только используя эту, не ими созданную конъюнктуру, остающуюся за всем тем, при всяких комбинациях, первопричиною войны. Поэтому, поскольку те подозреваемые воздействия нам не вскрылись, не приходится, да и нет такой уже настоятельной надобности задерживаться на них в тщете ни на что фактическое не опирающихся догадок.

* * * * *

В начале года был уволен Коковцов с обоих занимавшихся им постов: и министра финансов, и председателя Совета министров[16]. При исполнении им своих служебных обязанностей я его видел в последний раз в 1913 г. в Государственной думе на необычайно многолюдном ее собрании, привлекшем и много публики, и дипломатический корпус. Коковцов в упоении властью, высокомерный, надменно улыбавшийся, раскинулся на ближайшем к думской трибуне первом кресле министерской ложи лицом к залу и к ложам, отведенным публике. Ожидались вступительные прения по бюджету — обычный доклад специализировавшегося на критике бюджета члена Государственной думы из кадет Шингарева и ответ министра финансов. Но пришлось изменить повестку дня, о чем и заявил

председатель Думы Родзянко, добавивший, что прения по бюджету приходится перенести на следующее заседание Думы. Коковцов, вероятно, считая, что по его высокому положению ему все дозволено, на это заявление сгаерничал. Желая порисоваться перед собравшейся публикою, в числе которой были его знакомые и много дам, он, отчетливости ради, медленно и широко перекрестился. Вчуже за него сделалось неловко, как бывает неловко зрителю за перешаржировавшего плохого актера.

Коковцов при увольнении с отчислением в Государственный совет получил в благодарность за службу титул графа. Он добивался назначения послом в Париж (о чем мечтал в свое время и граф Витте). Но Сазонов сумел настоять на оставлении на этом посту Извольского. Официально причиною увольнения Коковцова была его казначейская узость. Царя убедили в том, что цели общей политики и внешней политики Коковцов приносил в жертву интересам фиска. И гипертрофическое развитие придал представлявшейся весьма будто бы непопулярным источником государственных доходов казенной винной монополии. Петру Львовичу Барку, составлявшему, как настойчиво о том говорили, подкопные записки против Коковцова и посаженному в результате этих записок на место Коковцова по должности министра финансов, прямо ставилась задача изыскать такие источники, которые могли бы заменить собою монополию в государственном бюджете. Таковы были официальные поводы к освобождению Коковцова от лежавшего на нем бремени власти. Но были и другие поводы, едва ли не более решающего значения. Повредил Коковцову, едва ли преднамеренно, император Вильгельм. Возвращаясь из Парижа после совершения очередной кредитной операции, Коковцов проездом через Берлин был принят Вильгельмом и приглашен на обед. За обедом словоохотливый император не преминул произнести речь, в которой перечислял достоинства Коковцова. Закончил же он эту речь заверением, что пока «Россиею правит» такой государственный деятель, как Коковцов, об устойчивости добрососедских русско-германских отношений беспокоиться не приходится[17]. И, конечно, это неловкое слово «Россиею правит Коковцов» стало известно царю. А царь не выносил, когда говорили, что Россиею правит кто-то другой, а не он. Наслышался он этого за время пребывания у власти С. Ю. Витте, а потом П. А. Столыпина. И, как известно, крепко невзлюбил обоих. Быть затемняемым Коковцовым — совершенно незначительным и бледным по сравнению с Витте и Столыпиным — было еще обиднее. Отсюда досада на Коковцова. Если добавить к тому, что и этот малокалиберный по его личным свойствам министр осмелился докладывать царю о недопустимости оставления Распутина в его близости к царской семье, то станет понятным, что Коковцова стало царю достаточно. Пришло время его убрать. Подвернулся интриговавший против Коковцова Барк, бывший в ту пору товарищем министра торговли. Можно попробовать Барка. А председателем Совета министров можно вернуть, после выполненной Столыпиным миссии успокоения и при таком надежном министре внутренних дел, как Маклаков, верного старого Горемыкина, что и было сделано, нельзя сказать, чтобы очень умно. Убранную в сундук старую шубу снова встряхнули и опять надели, того не замечая, что от ветхости она уже расползлась по швам.

Барка я еще помню по университету студентом. Он был курса на два, на три старше меня. Репетиторствовал у кого-то из власть имущих. Приобрел протек-

цию. По окончании университета был по протекции определен в Государственный банк и ускоренно в нем продвигаем. Потом, созрев, попал на баснословно высокий оклад в правление Волжско-Камского банка. Там он совершил какие-то художества, говорили, не совсем похвального свойства. Из банка был назначен товарищем министра торговли.

С увольнением Коковцова от должности министра финансов товарищи его Н. Н. Покровский и С. Ф. Вебер были назначены в Государственный совет. Но им было предложено ввести Барка в курс управления финансовым ведомством, а до того повременить фактическим уходом из Министерства финансов.

* * * * *

С конца 1913 года возобновились наши совещания в Министерстве иностранных дел по реформе заграничных установлений ведомства. Я получил весь потребный материал и с половины января 1914 года засел за писание законопроекта. Выговорил себе право писать дома и, чтобы ничем не отвлекаться от работы, не ходить в министерство. Писал законопроект месяца три, посылая, по мере составления текста, отдельные части записки прямо в карандаше в типографию для набора. Правил корректуру на ходу составления записки. В результате вскоре же после окончания работы я смог представить Арцимовичу достаточно-таки объемистую записку, печатных страниц in quarto на 250.

Арцимович передал ее Сазонову. А Сазонов, отправившись в Государственную думу, захватил записку с собой. Случилось, что в Думе вновь спросили Сазонова, когда же наконец он внесет в Думу проект реформы. Сазонов извлек мою записку из портфеля и торжественно показал ее думским лидерам. Увидя записку уже напечатанною, перелистав ее и оставшись довольными ее объемом, говорившим о полноте реформы, думцы, по словам Сазонова, устроили ему овацию.

Сазонов представил меня к считавшейся по тем временам видною награде. Хотя я никогда о том не просил, провел в камергеры. В нашем ведомстве более, чем в других, уделялось внимания представительству. Поэтому большая часть старших чинов состояла в придворных званиях[18]. Когда я, как водилось, пришел благодарить Сазонова, он мне шутливо заметил, что благодарить не за что: полученная награда разорительна большим расходом на обмундирование. Переходя на серьезный тон, заявил, что ведомство сознает себя во многом мне обязанным и не полагает на этом остановиться, имея для меня в виду служебные повышения. Действительно, вслед же за тем мне было присвоено звание вице-директора. Года через полтора, с перемещением М. И. Муромцева на должность непременного члена Совета министерства, я был назначен штатным вице-директором. Не прошло и года, как я получил (при министре Покровском) назначение директора того самого департамента, в котором служил. Сменил я на этом посту назначенного в 1914 г. директором (после В. А. Арцимовича) бывшего нашего министра-резидента в Дармштадте Василия Яковлевича Фан дер Флита. Арцимович же был перед тем перемещен на вновь учрежденную должность второго товарища министра иностранных дел (заменившую должность старшего советника министерства).

Весною 1914 г. был одобрен Государственною думою, а после Государственным советом и утвержден в июне месяце царем внесенный в Думу еще Извольским написанный мною проект реформы центральных учреждений министерства[19]. Первый, бывший Азиятский, департамент был упразднен и заменен тремя политическими отделами: Ближнего и Дальнего Востока и Средней Азии. Второй департамент, бывший внутренних сношений, остался без существенных перемен, а наш департамент, так как не мог существовать Второй департамент без Первого, был переименован в Первый департамент. Принято было во внимание и несоответствие прежнего его названия Департамента личного состава и хозяйственных дел значительно расширившемуся кругу его дел, со средоточением в нем законодательной работы по вопросам, возникавшим во всех частях министерства. На канцелярию министерства, с придачею к ее названию наименования Первого политического отдела, возлагалась личная переписка министра в качестве главы дипломатического ведомства, а также производство политических дел по вопросам, касавшимся Европы, Америки и колоний европейских государств. Были учреждены в качестве самостоятельных частей центрального ведомства Юрисконсультская часть и Отдел печати. Уточнены предметы ведения каждой части министерства. Всем должностям пересмотрены и увеличены оклады содержания. Должность старшего советника министерства упразднена и взамен учреждена вторая должность товарища министра.

Я до сих пор помню тот сияющий весенний день, когда наши штаты проходили в общем собрании Государственной думы. В перерыв, после поднявшего настроение веселого завтрака с Арцимовичем и несколькими знакомыми членами Думы в недурном ее ресторане, мы всею компаниею вышли в примыкающий к Таврическому дворцу Таврический сад. Никогда, казалось, так не сияло солнце над обычно окутанным облачной пеленой, сумрачным при всей его царственной красе Петербургом. Лившие золото снопы сверкающих лучей, глубокая ясная синева неба, теплый ласкающий бриз гнали потоками такую яркую радость жизни, что отступали перед нею всякие заботы и тревога. Крепла вера в возможность счастья и в победную борьбу за него. Как были мы далеки от мысли о притаившейся в таинственных безднах черной туче трагически к нам близкой мировой войны.

* * * * *

В середине июня газеты принесли известие об убийстве в столице Боснии Сараеве наследного австрийского эрцгерцога Франца-Фердинанда и его супруги герцогини Гогенберг[20]. Так как убийцами были австрийские подданные, то убийство было сочтено внутренним австрийским делом. Никому в голову не могло прийти, что из-за этого убийства может возникнуть международный конфликт. Убийство всякое вызывает в нормальных людях инстинктивный протест и жалость к жертве. Общественность наша посочувствовала памяти Франца-Фердинанда, но относительно сдержанно. Много накопилось взаимного раздражения между нами и австрийцами. И убитый эрцгерцог был у нас весьма непопулярен. Не в меру милитантный, говорили, на почве душевной ненормальности, выражавшейся в припадках бешеного гнева, Франц-Фердинанд был крайним

выразителем воинственных течений в Австро-Венгрии и в этом отношении представлял опасность для дела мира. Поэтому не задержалось на его трагической кончине сочувственное внимание общественности.

Нам нанес дружественный визит английский военный флот. Посетил нас и Пуанкаре[21]. «Антанта» манифестировала крепость своего единения. Но дружественной встречи с нами искал и император Вильгельм, совершавший на своей яхте прогулку в балтийских водах. Встреча не состоялась из-за признания несовместимости ее с пребыванием у нас английских моряков и президента Французской республики[22]. Не встретились мы с германским императором, зато приехал к нам в начале июля саксонский король. Он, по обычаю коронованных гостей, привез с собою ордена для раздачи русским. Так, в частности, мне лично довелось за какие-нибудь две недели до нашей войны с Германиею приобщить к моей коллекции иностранных орденов шейный крест и звезду саксонского ордена Альберта Великодушного[23]. Мелочь. Но и эти розданные нам саксонские ордена за две недели до войны как будто говорили, что о ее возможности в ту пору не думали не только мы, но и немцы.

Я отправился в обычный месячный отпуск к семье на дачу в Териоки.

Прошел почти месяц с происшедшего 15 июня убийства Франца-Фердинанда. За этот месяц мы успели об этом убийстве почти позабыть. Но не забыли его австрийцы, посвятившие этот месяц предварительному следствию по делу о сараевском убийстве. Следствие велось в тайне настолько строгой, что никаких известий о его ходе не проникало в печать. Поэтому совершенно неожиданным явилось сообщение газет о предъявленном 10 июля Сербии в результате этого следствия ошеломившем весь мир австрийском ультиматуме. Поистине гром грянул с ясного неба. Ультиматум категорически обвинял Сербию в том, что сараевское убийство подготовлялось в Белграде, что убийцы получили оружие и бомбы от сербских офицеров и чиновников и были проведены в Боснию через сербскую границу сербскими пограничными властями. Сербии предъявлялись ультиматумом требования удовлетворения, неприемлемые для независимого государства[24].

Было совершенно ясно, что австрийский ультиматум обозначает мировую войну. Австрийцы, заполучив повод для давно задуманного захвата Сербии, предъявили ей такие требования, на которые она не могла пойти. Отсюда неминуемость нападения Австро-Венгрии на Сербию. Россия давно разучилась подчинять свою большую европейскую политику целям собственной пользы. Не раз доказала неспособность переменить, сообразуясь с переменою обстановки, раз принятый политический курс. Всего менее можно было ожидать от нее разумной в этом отношении инициативы в требовавший быстрых решений наступивший критический момент. Особенно при таком нерассудительном и неспособном министре иностранных дел, каким был С. Д. Сазонов. Поэтому невозможно было рассчитывать, чтобы Россия сошла по случаю австро-сербского конфликта со своей традиционной позиции державы-покровительницы славян, особенно сербов, ставших волею Гартвига и Сазонова от всех славян наиболее отличавшимися Россиею ее фаворитами. Невозможно было, следовательно, ожидать, чтобы Россия удержалась от вступления в австро-сербский конфликт в защиту Сербии. Правда, России приходилось считаться с тем, что если она нападет на Австрию, то в защиту последней станет Германия, а при вовлечении в конфликт других

беллигерантов (союзники России), вероятно, и Италия. Но угроза эта, по условиям момента, была бессильна удержать Россию. Россия имела уверенность, что в таком случае выступят против Германии (и ее союзников) Англия и Франция. В самом деле, для них, помимо всяких договорных отношений, вступление Германии в войну с Россиею, вынуждающее немцев бросить значительные силы на восток, должно было явиться как нельзя более подходящим моментом для попытки давно задуманного Англиею и желательного и для Франции разгрома Германии. Лучшего момента они бы не дождались. И, конечно, не преминут им воспользоваться. На что было Англии и огород городить — создавать Тройственное согласие, если упускать подобный случай разделаться с Германиею. Да, не было в ту пору достаточно внушительного аргумента, могущественного действенного фактора, чтобы отрезвить, удержать Россию от вступления в австро-сербский конфликт. Отсюда неизбежность войны России с Австриею и Германиею. Война между друг другу противопоставленными могущественнейшими коалициями — Тройственного союза и Тройственного согласия. В конечном результате — мировая война!

Замечательно, что перед принятием решений, имевших привести к такому катаклизму из-за австро-сербского конфликта, мы совершенно не останавливались перед вопросом о том, была в самом деле или нет причастна Сербия к сараевскому убийству. Как будто даже в том случае, если бы было доказано, что была налицо сербская агрессия, мы не могли допустить, чтобы Австро-Венгрия ответила на нее Сербии войной. Мы отнеслись с «сомнением» к основательности предъявленного Сербии обвинения. И, не предприняв никаких шагов к проверке наших сомнений, поставили судьбы России на карту. После предъявления Сербии австро-венгерского ультиматума мы поспешили заявить, что сербско-австрийское столкновение не оставит Россию равнодушною. Что обозначало это сообщение, как не предрешение вооруженного выступления России в защиту Сербии в случае нападения на нее Австро-Венгрии? А последнее было неизбежно. Ультиматум был для Сербии неприемлем. Отказ же Австро-Венгрии от ультиматума — немыслим. Не могло наше сообщение запугать Австро-Венгрию. Она знала, на что идет. Великая держава, предъявившая ультиматум, назад его не берет. И за Австро-Венгриею стояла Германия.

Между тем, в России, не все, конечно, но большинство, продолжали не верить в неизбежность войны. Верили и продолжали верить до последней минуты, что удастся если не потушить австро-сербский[a] конфликт, то его локализовать, что в конечном результате Россия войны избегнет.

Уверенность, что мы не вовлечемся в войну, держалась и после объявления 15 июля Австро-Венгрией войны Сербии, и после бомбардировки на следующий день австрийцами Белграда, после объявления нами мобилизации сперва против Австро-Венгрии, а вслед за тем — общей мобилизации, т. е. эвентуально и против Германии, после объявления вследствие этого 18 июля Германиею военного положения у себя. А 19 июля германский посол в Петербурге Пурталес вручил Сазонову ноту об объявлении нам войны Германиею[25].

Мне лично неизбежность войны представлялась настолько очевидною, что, не имея лишь возможности предугадать, как и когда вступят в войну англича-

[a] В рукописи ошибочно: «австро-венгерский».

не, единственно способные парализовать германский военный флот, я учитывал вероятность диверсии немцев в Финском заливе, угрожавшей отрезать нас в Териоках от Петербурга. Поэтому я решил возможно спешно вывезти семью из Териок. Это оказалось, однако, не так просто. Поезда были переполнены мобилизованными запасными. С другой стороны, я не был одинок в проявлении благоразумной предусмотрительности. Обывательские перевозочные средства были законтрактованы людьми, опередившими меня в желании эвакуироваться. Пришлось ждать. Подводы были мне обещаны лишь на утро 20 июля.

Накануне мне пришлось отправиться одному в Петербург с тем, чтобы вечером вернуться за семьей. В то лето я перебирался из своей казенной квартиры на Морской на частную квартиру в доме родителей бывшего моего сослуживца М. С. Неклюдова на Кирочной улице, на углу Потемкинской, рядом с Таврическим садом. И обе квартиры ремонтировались: неклюдовская для меня, казенная, которую я оставлял, — для моего преемника. Я решил до окончания ремонта в неклюдовском доме въехать на несколько дней в квартиру моей матери, проводившей лето на Волыни. Надо было распорядиться подготовкой ее квартиры к нашему въезду. С великим трудом кое-как втиснулся в поезд, переполненный запасными. Только и слышно было разговору: «Зря едем, завтра нас отпустят по домам, никакой войны не будет». В этот самый день Пурталес вручал Сазонову ноту Германии об объявлении войны.

В те же дни собирался ехать за границу мой школьный товарищ В. А. Бонди, редактор вечерней «Биржевки» и «Огонька»[26], поместивший в «Биржевых ведомостях» сухомлиновскую заметку «Мы готовы». Бонди был на приятельской ноге с Сухомлиновым и все его запрашивал по телефону, можно ли ему ехать за границу, имея уверенность, что войны не будет. Сухомлинов до самого последнего дня обнадеживал Бонди в том, что война будет избегнута. Советовал только для большей уверенности несколько дней выждать.

В те самые дни, рассказывал мне последний директор канцелярии министерства, бывший при начале войны первым секретарем нашего посольства в Париже Б. А. Татищев, заявился в посольство С. Ю. Витте. Он собирался ехать из Франции в Наугейм и просил об оказании ему посольством содействия к совершению этой поездки обеспечением купе в международном вагоне. Татищев заговорил с Витте о вероятности войны. «Война? — сказал Витте. — Да если государь и Сухомлинов не сошли оба с ума, да так, что надо на каждого накинуть смирительную рубашку, то войны никакой не будет»[27]. То, что Сергей Юльевич не верил в возможность войны при никогда ему не изменявшей и сохранившейся до конца жизни ясности ума, прозорливой проникновенности и верности взгляда, лишний раз доказывает, что ни в каком случае не следовало нам ввязываться в те дни в войну, несмотря ни на какие австро-сербские конфликты. Да, можно было говорить о безумии тех лиц, которые с такой легкостью ставили судьбы России на карту, когда ее непосредственно никто не провоцировал. То обстоятельство, что Россия держалась позиции великой державы — покровительницы младших своих братьев-славян, весьма-таки сомнительной нравственности, ни в каком случае не могло давать повода компрометирующим своим поведением Россию этим младшим братьям безнаказанно пакостить другим великим державам. Невозможным являлось, в самом деле, такое положение, при котором напакостил младший брат, а пострадавший не мог и думать ответить ему репрессиею и поста-

вить его в такие рамки, чтобы он не продолжал пакостить. За ним стоит, видите ли, держава-покровительница. Если Россия покровительствовала пакостникам, то она должна была уметь при случае и дезавуировать их. Порою не в меру трусливое (в наших отношениях к Англии), а то не в меру блудливое русское правительство решилось обречь великий русский народ на все ужасы войны — и не турецкой, не японской даже, а великой европейской, где в смертельной схватке титанов Россия рисковала неисчислимыми жертвами. Едва ли и незапятнанная Сербия — «маленькая, невинная, обиженная австрийцами» — стоила бы такого русского риска, таких предстоявших русских жертв! А Сербия заговорщиков и убийц не стоила их подавно. Правда, с утратою самостоятельности Сербиею, на которую мы смотрели как на «оплот и проводник русского влияния среди балканских народов», ослаблялась наша позиция на Балканах. Но что поделаешь? И с большими ущербами приходится мириться. Этот мы как-нибудь перенесли бы. Так вот какое заключение можно было вывести из того обстоятельства, что такой прозорливец, как С. Ю. Витте, не ждал в те дни войны, считая, что в России только безумцы могут на нее решиться.

Кто еще не ждал войны? Как будто германский посол в Петербурге граф Пурталес? Он, как известно, вез 19 июля Сазонову две ноты: одну с объявлением войны, другую с предложением мер к тому, чтобы войну избегнуть. Пурталес должен был получить от Сазонова категорический ответ на телеграммы Вильгельма: приостановит Россия свою мобилизацию или нет? Арцимович мне рассказывал, со слов Сазонова, что когда последний ответил Пурталесу, что мобилизация в ходу и никакие силы мира приостановить ее не могут, то Пурталес передал Сазонову ноту с объявлением войны. Сам же отошел к окну. И разрыдался. Взволнованный сам, Сазонов должен был успокаивать Пурталеса. Если бы Пурталес не надеялся на предотвращение катастрофы, то, раз таков уже был его темперамент, что надо было его взволнованным чувствам вылиться в рыдания, он отрыдался бы у себя дома, в посольстве, а не дал бы волю своим нервам в кабинете русского министра иностранных дел. Значит, Пурталес до последней минуты надеялся, что войну удастся избегнуть.

Как и кем приняты были у нас последние ответственные решения? Сазонов рассказывал — указ о всеобщей мобилизации был представлен Сухомлиновым. Но царь отложил его подписание до выслушания окончательного заключения министра иностранных дел. Сам царь не знал, какое будет принято окончательное решение. Это видно из следующего характерного эпизода. Помимо послов, русский и германский императоры имели при своих особах каждый император генерала свиты другого императора. Так, при императоре Вильгельме состоял русский свитский генерал Илья Леонидович Татищев, при царе — германский свитский генерал граф Дона-Шлобиттен. В те дни Татищев был в Петербурге и накануне доклада Сазонова отпрашивался у царя поехать отдохнуть к себе в имение. Царь предупредил Татищева, что, вероятно, придется ехать ему не к себе, а назад в Берлин с успокоительным письмом царя к императору Вильгельму насчет намерений России, в том случае, если не последует объявления общей мобилизации. Если же указ о мобилизации придется подписать, то Татищев будет волен ехать, куда хочет. Вопрос решится завтра после доклада Сазонова. Пусть Татищев приедет ко времени этого доклада во дворец. Назавтра приехали и Сазонов, и Татищев. Сазонов прошел в кабинет царя, а Татищев расположился

ожидать результата доклада в соседней комнате у входа в царский кабинет. Сазонов потом рассказывал, что на вопрос царя, как быть с указом о мобилизации, он, Сазонов, ответил в следующих примерно выражениях: «Ваше величество, тот самый министр иностранных дел, который в прошлом году, ввиду неготовности России к войне, высказывался за необходимость соблюдения крайней осторожности, не допуская агрессивных шагов со стороны России, этот самый министр в настоящий момент величайшего политического напряжения, ссылаясь на заявления своих военного и морского коллег о нынешней военной подготовленности России, считает необходимым отстаивать предъявленные ею требования к Австрии всеми доступными мерами воздействия вплоть до войны, хотя бы и угрожающей развернуться в войну европейскую; в противном случае Россия утратит всякий престиж, всякое влияние в Европе, сойдя в своем значении до положения второстепенной державы». Царь подписал указ о мобилизации, приоткрыл дверь кабинета и сказал Татищеву: «Можете ехать к себе. В Берлин ехать не нужно»[28].

Итак, последнее решающее слово произнес Сазонов. Если бы произнести его было суждено другому лицу, скажем, Сергею Юльевичу Витте, то, как видно из приведенной беседы его с первым секретарем посольства в Париже, смысл этого слова был бы иной. И результаты иные. Война в те именно дни, по этому именно поводу, возможно, была бы предотвращена.

Влияет ли личность на историю? Нет. Не могут в самом деле сазоновы — это нарицательное невежества, легкомыслия и непонимания — творить историю. Но на ускорения, замедления, на отражающиеся на деталях событий девиации исторического колеса личность влияет. Если бы не Сазонов, мировая война именно в июле 1914 г., именно из-за Сербии не вспыхнула бы. Она бы произошла (англо-германское соперничество), но позже. Не исключена возможность, что и на порядочное время позже. И, возможно допустить, в других комбинациях беллигерантов и нейтральных держав.

Большую взял на себя ответственность своим последним словом о мобилизации России в 1914 г. очень маленький, непомерного легкомыслия человек, которого только особое несчастье России могло привести на пост главы дипломатического ее ведомства в оказавшийся наиболее трагическим момент истории страны.

Припоминается поданная царю записка Петра Николаевича Дурново, предостерегавшая от войны с Германиею[29]. Мне она в руки не попадалась. Но ее читал и содержание мне передал Николай Николаевич Покровский. В чем-чем, но в осведомленности и в уме Петру Николаевичу Дурново, при всех его отрицательных качествах, отказать было невозможно. И записка его заслуживала внимания. Высказывался опытный государственный человек, как никто уяснивший себе внутреннее положение России в ту пору, бывший долгое время директором Департамента полиции, после товарищем министра внутренних дел при министре Плеве, ставший сам министром в кабинете С. Ю. Витте. Он пугал царя и его правительство тем, что, казалось бы, именно царю и его правительству должно было представляться наиболее страшным, доказывая неминуемость в случае войны с Германиею победоносной социальной революции в России. Автор записки будто сумел предсказать события так, как они в действительности и разыгрались. Однако оправдавшемуся впоследствии пророчеству в то время веры придано не было. На упрямо отрицавшего революцию царя, даже в те дни, когда революция уже ломилась в двери, записка Дурново, поданная в 1914 г., должного впечатле-

ния не произвела. И это после пережитой в 1905 г. — в трепетном страхе — генеральной репетиции революции, едва не перешедшей в окончательное ее торжество. Не умудрила записка и немудрого и легкомысленного С. Д. Сазонова[a].

* * * * *

Рано утром 20 июля двинулись мы на подводах из Териок. Багаж направили непосредственно в Петербург, а сами стали пробираться к Сестрорецку, чтобы сесть на поезд Приморской ж<елезной> д<ороги>. В этот поезд с места его отправления из курорта можно было относительно легко попасть, тогда как поезда Финляндской ж<елезной> д<ороги> более дальнего следования, прибывавшие на промежуточные станции уже переполненными, были почти неприступны. По направлению от Петербурга проносились воинские поезда. В Сестрорецке чуть ли не с бою расхватывали газеты. Появился манифест о войне с портретом великого князя Николая Николаевича, назначенного верховным главнокомандующим[30]. Припоминалась расшатанность дисциплины среди русских генералов в японскую войну, явившаяся, после плохого командования, одною из главных причин наших плачевных поражений. Выражалась уверенность, что Н<иколай> Н<иколаевич>, при его крутом нраве, подобной расшатанности не допустит и не остановится перед тем, чтобы для острастки и примера ради расправиться с провинившимся генералом самым беспощадным образом. Поезд отправился, набитый публикою до отказа. Читался, обсуждался манифест. Настроение было приподнятое. Публика верила в невинность маленькой, беззащитной Сербии, в подлую жестокость набросившейся на нее с целью задушить коварной и злой Австрии, в то, что зачинщиком войны являлась Германия, стремившаяся разгромить Францию и отхватить полтерритории у России, толкнувшая Австрию на Сербию, чтобы создать предлог для войны.

В Петербурге мы застали то же приподнятое настроение, ту же веру в правоту Сербии и нашу правоту, в преступность действий и замыслов центральных держав. Мобилизация протекала в порядке. Войска бодро шли на войну. Их провожали криками «ура» и пением гимна. Государственная дума «слилась в едином патриотическом порыве» с правительством. Революция, перед самой войной предпринявшая наступление, объявила передышку[31]. О преступности немцев и о том, что их надо, поколотив как следует, проучить, говорили у всех подворотен, на ступеньках подъездов политиканствующие швейцары, сражаясь в шашки с единомыслившими с ними дворниками. Война становилась популярною. Толпа громила опустевшее за выездом германского представительства здание германского посольства на Исаакиевской площади. Высившиеся на фронтоне статуи двух гигантов-тевтонов, в наглой наготе чрезмерного реализма возмущавшие нашу респектабельность отсутствием малейшего фигового прикрытия, были яростно сброшены вниз и их осколки свалены в Мойку[32].

С объявлением войны последовал запрет крепких питей. Думали, только на время мобилизации. Оказалось, на все время войны[33]. Тут-то захотелось пить и тем, кто раньше не пил. В ресторанах, таинственно подмигнув, требовали к за-

[a] Весь абзац вписан автором позднее от руки.

втраку, обеду, ужину «чаю». Водка подавалась в фарфоровых чайниках и ее распивали из чашек. Для домашнего потребления получали спирт из аптек по рецептам врачей. Разбавляли водой в пропорции, дававшей крепость, превосходившую градусы обыкновенной водки. Обыватель наименее взыскательный обращался к денатурату, политуре и лаку. Так как спирт для «технических» надобностей расценивался ниже «потреблявшегося внутрь», то в бюджете оказалась пробитою значительная брешь. Однако все равно война требовала громадного усиления чрезвычайных ресурсов, изыскивавшихся, само собой разумеется, путем займов. Больше, меньше — куда ни шло. Барку везло. Не приходилось заменять питейный доход новыми источниками обыкновенных доходов, каковых источников Барк все равно бы не придумал.

Гвардия вся была двинута на войну. Войска шли с подъемом, но сосредоточенно, в сознании, что предстояла схватка с первоклассным противником. Германия повела энергичное наступление на Францию, рассчитывая молниеносным ударом сломить ее, а потом броситься на Россию. Весь расчет был построен на ожидавшуюся медленность нашей мобилизации. Вильгельм уже назначил день, когда будет завтракать в Париже. Однако мы мобилизовались с быстротою, опрокинувшей все расчеты противника. Вторглись в Восточную Пруссию, заставив Германию оттянуть значительные силы с западного фронта. Столкнувшись с ними, мы понесли громадные, невозвратимые потери. Беспримерная по ее ужасу в военных летописях катастрофа, постигшая нас под Сольдау, от которой содрогнулись сами наши противники, предрешила результаты всех наших дальнейших столкновений с германцами[34]. Враг оказался для нас непобедим. Но мы выручили наших союзников-французов. Париж был спасен. Французы собрались, укрепились, и карта Германии, не выигравшей на быстроте первого своего натиска, оказалась бита. Добить центральные державы предстояло негласному союзнику их противников, великому вершителю судеб людей и народов — Времени. Мы повторяли оттяжку германских сил с западного фронта новыми наступлениями. Частичные наши успехи над австрийцами (Черновцы, Львов, Перемышль) всякий раз парализовались, как только на помощь австрийцам являлись германские армии. Война на германском нашем фронте была перенесена германцами на нашу территорию, и мы шаг за шагом отступали[35].

* * * * *

Центральные державы все же были обречены. Помимо быстроты нашей мобилизации, опрокинувшей их расчеты и бесповоротно вырвавшей из их рук победу на западе, обманула их и оказавшаяся никуда не годною германская дипломатическая подготовка войны. Хотя всякая война, в которую была бы втянута Германия, не могла бы не быть использованной Англией для решения центрального вопроса о ее мировом соперничестве с Германиею, тем не менее, немцы, как это ни совершенно непостижимо, не рассчитывали на активное вступление Англии в войну против центральных держав. Допускали, что война будет подстроена Англиею, что Англия будет всячески поддерживать их противников, помогать им в войне, финансировать, снабжать их, что угодно, только не будет воевать с ними сама. В этой уверенности укрепляли германское правительство

донесения германского посла в Лондоне князя Лихновского. Однако Германия просчиталась. Помимо участия войск Англии и ее колоний в военных действиях против центральных держав на сухопутном фронте, сокрушительным для них фактором явилось вступление в войну английского флота. Как известно, в результате первого же его столкновения с германским флотом англичане загнали этот флот в его опорные базы, парализовали на все время войны.

Еще более скомпрометировавшею работу германской дипломатии явилась позиция, занятая в войне членом Тройственного союза — Италиею, заявившею сначала нейтралитет во вспыхнувшей мировой войне, а потом вступившей в эту войну против обманутых ею прежних союзников на стороне их противников[36].

Не компенсировались для центральных держав эти отягчавшие их положение разочарования вступлением в войну на их стороне Турции, а потом Болгарии. К противникам их — России, Франции, Англии, Италии, Сербии — *в порядке последовательности* примкнули Бельгия, Черногория, Япония, погодя Румыния и под конец — Северо-Американские Соединенные Штаты[37].

Военное уничтожение центральных держав с течением времени приобрело для их противников устоявшийся характер широко поставленного, основательно оборудованного и планомерно функционировавшего предприятия с многомиллионными контингентами рабочих-бойцов и представлявшими собою последнее слово тогдашней техники высоко уже в ту пору усовершенствованными машинами истребления человечества — всею сложною и мудреною аппаратурою человеческой бойни. Преимущество свободного пополнения живого и мертвого инвентаря перед сжатым в кольцевой блокаде противником, при беспрепятственном снабжении и широком финансировании предприятия, обеспечивало врагам центральных держав конечный успех. За них работало время.

Еще в начале августа, за несколько дней до Сольдау-Остеродовской катастрофы, жестоко пострадали в кавалерийском набеге в Восточную Пруссию русские гвардейские Кавалергардский и Конный полки. Пала преимущественно молодежь жертвою ненужных бравад перед вражескою пулею, безрассудной юношеской отваги, в неведении лишь опытом осознаваемых опасностей и ужасов войны[38]. Прибыли первые транспорты раненых, первые гробы с убитыми. Пролились первые слезы по юношам, «погибшим на кровавой ниве». Сколько семей сразу, едва через две недели после объявления войны, оделись в глубокий траур. Мне пришлось хоронить молодого конногвардейца В. Л. Князева — сына *иркутского генерал-губернатора Л. М. и его супруги,* моей двоюродной сестры *М. Н. Князевых.* И пошло, и пошло. Немцы берегли свои кадры, особенно командные. Мы же в первые же месяцы войны уложили почти поголовно наши кадры, за исключением высшего командного состава, заменяя кадровых офицеров несоизмеримо им уступавшими в военном отношении *и совершенно не авторитетными в глазах солдатских масс* офицерами запаса.

* * * * *

Все-таки в нашем оказавшемся глубоким тылу, благодаря заблокированию англичанами германского военного флота, не видно, не слышно было войны. Продолжавшая по инерции бить ключом шумная жизнь столицы создавала ил-

люзию такой мощи великой страны, что не могла, казалось, ее поколебать вовлекшая нас в кровопролитную брань битва народов.

Внезапность разрешившегося войною кризиса, стремительное его развитие, лихорадочный охват страны невиданных размеров мобилизациею, страх за Петербург перед германскою угрозою с моря, миновавший лишь после вступления Англии в войну, — все это как-никак встряхнуло нашу общественность сверху донизу. Било по нервам. Вывело на несколько дней из состояния привычного равновесия.

На смену, с уходом войск на войну, явился мираж нашей несокрушимости. Он нас вернул к обычным нашим занятиям, к инерции устоявшейся прежней жизни, лишь осложненной новыми военными факторами — война, работа на войну, убитые, раненые, пленные, беженцы из местностей, занимавшихся неприятелем или являвшихся угрожаемыми его оккупациею.

К нам в министерство нахлынули собственные наши беженцы — отозванный с объявлением войны из неприятельских стран состав дипломатического и консульского нашего представительства.

В числе отозванных дипломатов прибыл министр-резидент в Дармштадте Василий Яковлевич Фан дер Флит, упоминавшийся выше в качестве моего предшественника по должности директора Первого департамента министерства. Он был назначен на эту должность тотчас по приезде из-за границы. С учреждением второй должности товарища министра иностранных дел взамен упраздненной должности старшего советника министерства занимавший эту должность Кимон Эммануилович Аргиропуло был упокоен в Сенат. А вторым товарищем министра был назначен с должности директора департамента Владимир Антонович Арцимович. За его уходом из директоров и был назначен директором Фан дер Флит. Редко можно было встретить более симпатичного и приятного в обращении человека, но редко и более растерявшегося в должности директора департамента заграничного дипломата. Милейший Василий Яковлевич был совершенно чужд порядков службы центрального ведомства и требовавшихся для этой службы практических знаний. И так и не овладел ими за все время занятия должности директора вплоть до назначения, по примеру всех уходивших директоров, за редкими исключениями, «к присутствованию в Правительствующем Сенате». *Такова была сакраментальная формула указа о назначении в Сенат*[39]. В минуты особых огорчений от неовладения требовавшимися навыками проклинал приведшую его к должности директора свою злосчастную судьбу и посадившего его на эту должность Сергея Дмитриевича Сазонова. А огорчений было много. Огорчительным был всякий доклад Василия Яковлевича у начальства — у Сазонова и у Арцимовича. У Сазонова — еще куда ни шло. Сазонов мало интересовался делами нашего департамента и не вникал в эти дела. Арцимович же, знавший их превосходно, требовал докладов обстоятельных. Как волновался всякий раз Василий Яковлевич перед этими докладами! Бывало, сидишь у него в кабинете и спокойно и мирно с ним беседуешь о «текущих делах», отвлекаясь и темами общего характера, развивавшимися Василием Яковлевичем остроумно и интересно. Появляется курьер и просит «его превосходительство» к товарищу министра. Василий Яковлевич тотчас делается пунцовым, вскакивает, нервно хватается за папку с докладными делами, начинает задыхаться, как от подъема на высокую гору, и с отчаянием на лице не идет, а бежит к лестнице, не спускается, а скатывается по ней с третьего этажа во второй, где расположен кабинет Арцимовича,

и бомбой влетает в этот кабинет. Бывало, дело обойдется. А бывало, возвращается Фан дер Флит от Арцимовича уже не пунцовым, а багровым, с измученным лицом, волнующийся, заикающийся. «Невозможный человек», — говорил Фан дер Флит по возвращении с доклада. «Удивительный человек», — думал я про Фан дер Флита. Богатый, в материальном отношении совершенно независимый, со связями, достигший как-никак видного поста, обязывающего к достоинству, чего он так трепещет перед товарищем министра? До потери дара слова! По структуре аппарата директор департамента обладал полнотою определенных прав, предоставленных ему законом. В пределах их директор действовал совершенно самостоятельно. Это создавало ему положение, исключавшее страх перед начальством. Дирéктора как Фан дер Флит, который бы скатывался по лестнице по вызову товарища министра, я никогда нигде ранее не видел и о таком не слыхал. Встречал директоров, импонировавших товарищам министров, и перед которыми товарищи министров, в случаях коллизии, бывало, пасовали. Это было более в порядке вещей. При материальной независимости и видном служебном положении Василия Яковлевича такой его maintien[a] можно было объяснить только крайнею, болезненною нервностью. Она приводила Фан дер Флита в состояние паралича и в думских комиссиях, в которых Василий Яковлевич также видел «начальство». Хотя особые его свойства являлись причиною значительного моего переобременения в качестве ближайшего его помощника (приходилось зачастую ходить за Фан дер Флита или вместе с ним и на доклады, и в думские комиссии), я и в мыслях не имел на него сетовать — такой он был милый и хороший человек. У меня завязались с ним самые близкие, дружеские отношения, и я искренне к нему привязался, ценя его редкие качества души и сердца.

* * * * *

В разгар австро-сербского кризиса, приведшего к войне, скоропостижно скончался в Белграде Гартвиг. После войны стали говорить, и это проникло в мемуарную литературу, будто его угостил у себя в кабинете отравленною папиросою Пашич. Гартвиг будто бы осведомился каким-то путем о том, что убийство Франца-Фердинанда было организовано агентами сербского правительства с ведома и одобрения этого последнего. И, приехав к Пашичу, заговорил именно на эту тему. Пашич будто бы пошел на преступление, лишь бы не допустить сообщения Гартвигом полученной информации русскому правительству, опасаясь отказа в таком случае России стать на защиту Сербии. По поводу этого слуха должен заметить, что до сведения русского Министерства иностранных дел ничего подобного об обстоятельствах смерти Гартвига не доходило в течение всего остававшегося времени существования министерства. Поэтому нет у меня данных высказать какое-либо определенное мнение о достоверности пущенного слуха. Упомяну, однако, что всякому знавшему Н. Г. Гартвига бросались в глаза, особенно в последние годы жизни умершего посланника, его апоплексическое сложение, отсутствие шеи, налитое кровью отечное лицо. И было отчетливо заметно стесненное дыхание. Поэтому внезапная смерть Гартвига никого не удиви-

[a] Осанка (фр.).

ла. И всеми приписывалась параличу сердца от переживавшихся Н. Г. в тот для него ответственнейший, критический момент весьма естественных волнений.

На место Гартвига был отправлен посланником в Сербию Григорий Трубецкой, замененный в центральном ведомстве *симпатичным и деловым* советником посольства в Константинополе Константином Николаевичем Гулькевичем. Трубецкому недолго пришлось представительствовать в Сербии. С отступлением сербских войск перед натиском превосходившего их численностью неприятеля пришлось бежать самым первобытным, по современным понятиям, приключенческим способом — через горы и леса, ночуя на бивуаках[40]. Трубецкой вскоре вернулся в Россию, присоединившись к дипломатам, отозванным из неприятельских стран.

Отозванных начальников постов — послов, посланников, министров-резидентов — не представлялось целесообразных способов использовать за время их вынужденного отрыва от работы по должностям. Остальные отозванные должностные лица были направлены на усиление: кто центрального ведомства, а кто — других заграничных установлений[41].

По случаю получения камергерского звания пришлось представиться министру двора графу В. Б. Фредериксу. В назначенный день и час в начале осени, облекшись в малый, галунный мундир, я к нему поехал. Принимал он у себя в собственном доме на Почтамтской улице, на углу Конногвардейского переулка, разгромленном впоследствии в дни революции толпою и сровненным с землею[42]. Это был красивый небольшой двухэтажный особняк. В передней меня встретили дежурившие два чернобородых красавца-конвойца в синих черкесках с тонкими обтянутыми талиями. В зале перед кабинетом министра я застал приехавшего с докладом директора канцелярии Министерства двора генерала Свиты Мосолова. Обменялись приветствиями и теми шаблонными любезностями, с которыми друг к другу относились люди, не имевшие между собою ничего общего. Генерал был видный, высокого роста, красивый. Но еще виднее и красивее был старый уже, но удивительно моложавой внешности министр. Я не раз любовался его элегантною фигурою в Мариинском театре. Как сейчас вижу графа в антракте, у первого ряда кресел, спиною к сцене, опирающегося о барьер оркестра, *лорнирующего зал*. Носил сюртук Конного полка, которым некогда командовал. В руках держал белую с красным околышем фуражку. Граф встретил меня любезно. Тепло отозвался о моем двоюродном брате Дмитрии Александровиче Лопухине, командовавшем гвардейским Конно-гренадерским полком, с которым отправился на войну. Поговорил о войне, о моей службе в Министерстве иностранных дел. Отпуская, обещал при первом случае исхлопотать мне прием у царя, предупредив, однако, что вследствие войны всякие вообще приемы у царя временно отменены. Так я и не успел представиться Николаю II. Расстался с Фредериксом довольный оказанным приемом. С тех пор я графа не встречал. Говорили, за время войны он стал быстро стареть, впадая постепенно в старческий маразм. *Я рад, что мне довелось его видеть еще полным сил и ясного и светлого сознания*. Все, что приходилось о нем слышать, укрепляло произведенное на меня графом хорошее впечатление. Близкий к царю, он никогда своею близостью к нему не злоупотреблял. Ни во что непосредственно не касавшееся вверенных ему дел не вмешивался. Никогда ни против кого не интриговал. *Был в полном смысле этого слова джентльмен и рыцарь*.

* * * * *

Перед войной начала работать при нашем министерстве под председательством Нератова междуведомственная комиссия по рассмотрению составленного мною проекта изменения штатов заграничных установлений ведомства. Являясь, в качестве составителя записки, докладчиком комиссии, я был весьма ею занят. Но заседания комиссии в начале лета прервались на летние разъезды, а осенью не возобновились, так как из-за войны было уже не до реформ, особенно связанных с испрошением дополнительных ассигнований. На время войны отпуск новых кредитов на мирные надобности был приостановлен[43].

* * * * *

Зато мне пришлось много работать по испрошению кредитов на потребности ведомства, связанные с войной. Составлял соответствующие записки и защищал требования министерства в образованной специальной комиссии по сверхсметным назначениям на надобности военного времени под председательством товарища министра финансов Владимира Васильевича Кузьминского. Я сделался бессменным представителем Министерства иностранных дел в этой комиссии и воевал с Владимиром Васильевичем не на живот, а на смерть. Штурмовавшееся предъявлением денежных требований со всех сторон Государственное казначейство было, понятно, затруднено и пыталось отбиваться либо сокращать испрашивавшиеся ассигнования. Совсем отклонять требования нашего министерства не приходилось. Слишком непосредственную они имели связь с войной. Но урезывать их Кузьминский неизменно старался. Я доставлял ему удовольствие фиктивной победы, предъявляя требования с запросом и уступая до размеров действительно требовавшихся ассигнований. После долгих споров, нагромождения доводов один убедительнее другого мы добивались, в конце концов, всего того, что было нам нужно.

За этими мирными сражениями я возымел большую симпатию к Владимиру Васильевичу Кузьминскому, оценив его способности, ум и угадывавшуюся сердечную доброту. Но особенно сошелся с более подходившим мне по положению и возрасту очень способным, умным и знающим свое дело ближайшим сотрудником Владимира Васильевича по комиссии вице-директором Департамента государственного казначейства Павлом Михайловичем Гришкевичем-Трохимовским.

Глава 20.
1915 год

В начале года последовало *отрадное* назначение на пост министра просвещения *достойнейшего* графа Павла Николаевича Игнатьева, из директоров департамента ведомства земледелия[1]. Порядочность его, *отменная* честность, широта взглядов, понимание государственных задач успели снискать графу уважение общественных кругов независимо от различия партий и политических программ. Поэтому назначение его министром было встречено сочувственно. А вслед за этим хорошим назначением состоялось назначение заведомо плохое — ничем положительным себя не зарекомендовавшего князя В. Н. Шаховского на пост министра торговли из начальников Управления водных и шоссейных путей сообщения путейского ведомства.

Уже на этот последний пост не следовало выдвигать этого совершенно маленького человека, не привлекательного ни по внутреннему содержанию, ни с внешней стороны из-за уродовавшей его заячьей губы, обнажавшей оскаленные зубы. Но ему бабушка ворожила. Выпущенный в морские офицеры из Морского кадетского корпуса, он внедрился в окружение торгово-флотского адмирала вел<икого> кн<язя> Александра Михайловича, который при комплектовании личного состава созданного ему в игрушку *опереточного ведомства* Главного управления торгового мореплавания и портов взял этого совершенно не подготовленного к ответственной работе юношу в начальники отделения своей канцелярии. Александр Михайлович не сумел или не успел разочароваться в кн<язе> Шаховском и продолжал покровительствовать ему и после того, как торгово-мореплавательное ведомство с образованием поглотившего его Министерства торговли лишилось самостоятельного существования, а вел<икий> кн<язь> — своего министерского портфеля. Но пробрался в министры путей сообщения товарищ вел<икого> князя по ликвидированному ведомству Сергей Васильевич Рухлов. Александр Михайлович просил Рухлова взять к себе Шаховского, продвинутого великим князем до должности начальника канцелярии усопшего главного управления. Рухлов и взял Шаховского на должность начальника Управления водными и шоссейными путями сообщения.

Министром, говорили, назначил кн<язя> Шаховского Распутин. Государственного кругозора и знания не было. Их заменила, очевидно, распутинская благодать[2].

* * * * *

Николай Николаевич Покровский уже год как был членом Государственного совета в необычном для этого прирожденного труженика положении мало занятого сановника. Не зная, как заполнить непривычный для него досуг, он дал себя вовлечь в работу учреждений, возникших по случаю войны по разным видам ее обслуживания. Так он оказался прикомандированным к верховному начальнику санитарной и эвакуационной части действующей армии принцу Александру Петровичу Ольденбургскому, а также назначен членом образованного под председательством императрицы Александры Федоровны Верховного совета по призрению раненых воинов и семей лиц, убитых на войне[3].

«Не хотите ли, В. Б., разделить со мною работу у принца? — как-то предложил мне Н. Н. — Мы давно с вами не сотрудничали, и я соскучился по совместным трудам с вами. К тому же все теперь работают на войну помимо основной службы. Неловко вам представлять исключение. Принц в заботах о раненых усиленно занялся теперь курортами. Особое внимание обратил на Кавказ, где собирается открыть ряд новых лечебных пунктов. Но там большая путаница и разнообразие земельных отношений. Для отчуждения земель, потребных для курортов, надо распутаться в действующих земельных законоположениях, пересмотреть их, в случае надобности спроектировать соответствующие изменения и т. п. Как видите, работа по вашей специальности. Каюсь, я говорил уже о вас с принцем. И он непременно хочет вас заполучить. Вас ждут у принца. Познакомьтесь с его помощниками Лукьяновым *С. М.* и *И. В.* Мещаниновым и поговорите с начальником канцелярии *А. Л.* Гарязиным. Кстати, побеседуйте с состоящим при принце доктором *П. Ф.* Иордановым. Он ближе всего стоит к вопросам о курортах и жаждет встречи с вами».

«Николай Николаевич, — отвечал я, — если кто из нас соскучился по совместной работе, то главным образом я. Вы отлично знаете, что я пойду за вами всюду, куда бы вы меня ни повели, даже к принцу, о котором я, однако, наслышан как о человеке необузданного темперамента, способном привести в трепет и людей куда более твердого закала, нежели я».

Но Н. Н. смеялся. «Поверьте, В. Б., принц умеет разбираться в людях и знает, на кого следует и можно распалить свой гнев. Вам нечего опасаться. Вы с ним поладите. В сущности, принц добрый и любезный человек».

Я занялся курортами. Лукьянова, члена Государственного совета, бывшего синодального обер-прокурора, а ранее товарища министра народного просвещения я знал, встречаясь с ним в бытность его еще директором Института экспериментальной медицины у Е. К. Мамоновой, вдовы бывшего директора Медицинского департамента. Сенатор Мещанинов был предшественником моего отца по должности члена Совета по железнодорожным делам от Министерства юстиции. И его я также знал. Павел Федорович Иорданов, доктор медицины, оказался бывшим таганрогским городским головою, богатым человеком с не-

движимою собственностью и в Таганроге, и в Ростове-на-Дону, и в Кисловодске. Неглупый и хитрый армянин решил, что пора ему сделать карьеру побольше. В этих видах и втянулся в окружение принца, проявляя умиленностью взгляда, дрожью взволнованного голоса, трепетом всего своего естества благоговейное обожание к особе сумбурного императорского высочества. Иорданов встретил меня изысканно любезно. Поручил моим заботам служившего у нас в ведомстве на младших должностях своего старшего сына.

Канцелярий оказалось у принца две: одна военно-походная под управлением весьма забавлявшего принца талантливого рассказчика анекдотов полковника Кочергина, вскоре затем произведенного в генерал-майоры, и другая — стационарная — деловая, начальником которой состоял *очень мужественный, очень* красивый, с правильными чертами лица, большою окладистою черною бородою и *большими* голубыми глазами бывший лицеист, статский советник смутного прошлого и неясных устремлений Александр Львович Гарязин. Он произвел на меня впечатление человека с недоброю, но сильною волею. Крепко забрал в руки всю исполнительную часть управления принца, единолично распоряжаясь весьма ответственным и деликатным делом распределения по этому управлению громадных миллионных заказов. Опирался на благоволившего к нему сенатора Мещанинова.

Так как пока что моя скромная обследовательская задача по части юридических норм землепользования на Кавказе в применении к курортному делу ни в какой мере не вторгалась в ревниво оберегавшуюся Гарязиным область хозяйственно-финансовых распоряжений, то Александр Львович отнесся ко мне без видимого предубеждения. Рассыпался в уверениях отменного уважения к Н. Н. Покровскому. Заявил, что отдает себя в полное мое распоряжение по облегчению мне моей обследовательской задачи.

Познакомился еще с двумя состоявшими при принце камер-юнкерами — лукавым и умным Буймистровым и лишенным положительных характерных свойств графом Сюзором.

С принцем я познакомился, так сказать, неожиданно. Зашел как-то в управление побеседовать с Иордановым. Пришлось пройти вместе в военно-походную канцелярию, расположенную рядом с приемною принца и его кабинетом. По выходе из нее встретили выходившего из своего кабинета Александра Петровича. Иорданов меня представил. Хотя дело происходило не по этикету (для первого представления «высочайшим» особам надо было одевать мундир), тем не менее, принц, на всякие этикеты чихавший, взял меня за плечо, *милостиво* потряс и объявил: «Теперь мы будем завтракать». *Я не осмелился противоречить.*

Повел меня и Иорданова по бесконечным лестницам и коридорам своего дворца, выходившего одним фасадом на Марсово поле, другим на Неву, а боком к Летнему саду, от которого был отделен Лебяжьею канавкою. Поднялись снизу до верхнего этажа. Большой, грузный, старый, Александр Петрович брал лестницы с юношескою резвостью. Очень любезный, но не словоохотливый. Говорил мало, плохо, отрывисто. Сели за стол принц, сын его — супруг сестры царя Ольги Александровны, какой-то неизвестный тип (Ольденбургский каждый день добывал себе какого-нибудь нового ископаемого), Кочергин, Иорданов, состояв-

ший при принце для поручений камер-юнкер Буймистров, адъютант принца поручик Скрябин — брат известного композитора и я. Оказавшись в незнакомом обществе, я увял и молчал. Говорили другие. Говорил, и вовсе не глупо, младший Ольденбургский, принц Петр Александрович. Мне осталось непонятным, почему это людская молва и собственная его супруга изображали его каким-то полусумасшедшим дегенератом.

Так я вошел в управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части.

Копался в скучных и необычайно запутанных по разбросанности материала и по его пестроте законоположениях и правилах землепользования на Кавказе. Составил по ним несколько записок. Но никакого интереса к этой работе не восчувствовал. По-видимому, пропал интерес к вопросу, для разработки которого я был приглашен, и у самого принца, и у его ближайших сотрудников. Я сдал записки. Никто их не рассматривал и не читал. Я ждал распоряжений. Они не последовали. Но меня от управления принца не отчисляли. Имелось в виду использовать для других поручений.

* * * * *

Военные неудачи требовали козлища отпущения. Главное командование получило боеспособные войска, мобилизованные со скоростью, превысившею не только наши ожидания, но и расчеты противника. Достаточным было вначале и снаряжение, в массах побросанное войсками вследствие разгрома на полях сражений и путях отступления. Не представлялось поэтому возможным в этих, по крайней мере, первых неудачах винить военного министра[4]. Выходило, что виновным было главное командование. Неудачи явились, как выяснилось, в значительной мере результатом поспешности предпринятых действий против неприятеля, не дававшей возможности оперировать большими силами, требовавшими времени для их сосредоточения. С другой стороны, были проявлены неумелость и необдуманность командования. Чтобы выгородить себя, главное командование свалило вину в своих неудачах на инсценированную им измену. В качестве изменника был повешен находившийся в действующей армии бывший жандармский полковник Мясоедов, обвиненный в шпионаже в пользу неприятеля, в котором не был изобличен, и в мародерстве, в котором, говорили, будто бы сознался. Но мародерством Мясоедова нельзя было объяснить наших неудач.

Мясоедов был в свое время начальником жандармского управления на бывшей нашей пограничной с Пруссиею железнодорожной станции Вержболово. О его существовании я слышал давно. Его знали многие из моих ковенских друзей, прибегавшие к содействию Мясоедова для проезда через границу в близрасположенные прусские пункты в поисках развлечений или отправляясь за покупками. Он был услужлив и любезен. Знал его император Вильгельм, приглашавший его к себе на охоту в свой охотничий замок вблизи нашей границы. Отсюда связь с немцами, использованная для обвинения Мясоедова в измене. Повесить человека повесили. Но убежденности в его измене *ни у кого* не было[5]. *Кричали о ней, когда это признавалось практически нужным.*

* * * * *

Неудачи на прусском фронте сменились успехами, одержанными в Галиции. Были взяты Львов и Перемышль. В завоеванной русскими у австрийцев исконно русской земле спешно вводились русское управление, русские порядки. Приехали царь... и Родзянко[6].

Без него не могло обойтись ни одно крупное событие, ни одно торжество, ни одна правительственная манифестация. Вернее, он не мог, не считал себя вправе их обходить. Везде тут как тут. Всюду внедрялся. Председатель Государственной думы, «выразитель народной воли», второе лицо в России после царя, каким Родзянко мнил себя и пытался поставить, считая, что и по интеллектуальным своим качествам, помимо всего прочего, он на голову выше всех своих современников.

Такова была мания грандиоза никогда умом не блиставшего, а с войною окончательно свихнувшегося думского председателя, с некрасивым щетинистым лицом, вечно небритого (что придавало ему вид и плохо умытого), телом сырого и грузного.

Никогда не приходилось слышать, чтобы где-либо существовал другой такой беспокойный председатель законодательной палаты. Резвостью и распространенностью он превосходил севильского Фигаро. И всех-то поучал: и министров, и царя, и царицу со тщетностью, не уступавшею его назойливости. Смешною, а когда затянется, и скучною была болтовня Родзянко, псевдопатетическая, неумело снабжавшаяся шаблонными эффектами дикции и жестов. Большое участие в его речах, произносившихся с модуляциями голоса сказателя древних былин, принимал указательный перст думского председателя. Он подчеркивал устремлением вверх важность выдвигавшихся моментов. Помахиванием в пространство грозил несогласным и врагам. Сколько раз во время войны с думской трибуны этот перст угрожал австро-германцам, туркам и особенно предателям славянства болгарам! Наводил трепет на не обладавших чистою совестью россиян. Да, всех Родзянко поучал. Одного себя поучить упустил из виду. И, не найдя в себе практического разрешения вопроса, никем и из его присных своевременно не поставленного, о том, как надо править, восприняв власть, жалко со своими присными растерялся, когда в февральские дни 1917 г. не нашедшие на кого опереться народ и войска пытались себя возглавить верхами Государственной думы.

В описываемую пору, в 1915 г., не подошедший еще к всенародно констатированному политическому банкротству Родзянко приехал парадировать во Львов. Болтал. Принимал депутации. Поучал.

Мы были быстро сметены с занятых галицийских позиций[7]. Неприятель перешел затем в наступление. Под его ударами пали во второй половине лета Новогеоргиевск, Ивангород, Осовец, Брест-Литовск, Ковна. Были заняты Варшава, Вильна, Митава, Либава. Подавляемые превосходством противника, мы с громадными потерями отступали внутрь страны.

Тогда были убиты из моих родных и друзей мой двоюродный брат, командир гвардейского Конно-гренадерского полка Дмитрий Александрович Лопухин, его сын, офицер того же полка Георгий[8], другой мой двоюродный брат, из офицеров запаса, служивший в Преображенском полку Рафаил Сергеевич Лопухин, офи-

цер того же полка, младший сын нашего посла в Японии Андрей Малевский-Малевич, далее ушедший на войну из запаса с Измайловским полком [a]чиновник[a1] нашего министерства Казанский, жених моей свояченицы, офицер Семеновского полка Федор Яковлевич Сиверс и др., в числе знакомых — зять известного журналиста В. С. Кривенко, отличавшийся красивою внешностью офицер того же полка Гончаров. На смерть его Меньшиков отозвался в «Новом времени» заимствованною у поэта эпитафиею обманутого упования при проводах на войну: «Верю, смерть тебя не встретит, Азраил среди мечей Красоту твою заметит, И пощада будет ей». Но пощады не было. Смерть косила наших воинов, как обильную жатву.

Военные бедствия свидетельствовали не только о недостатках главного командования, но и о неблагополучии тыла. Проявился острый недостаток всех видов снабжения армии. Обвиняли руководство военным ведомством. Правительство в его целом признавалось не соответствовавшим требованиям переживавшегося грозного момента. Общественность, принявшая видное участие в работах тыла по снабжению армии и тем заставлявшая с собою считаться в мере большей, нежели в обыкновенное время, настойчиво высказывалась за образование ответственного правительства из общественных деятелей[9].

Царь пошел на компромисс увольнения особенно непопулярных министров[10]. Государственная дума в лице своих лидеров, главным образом депутата Гучкова, давно вела подкоп под генерала Сухомлинова, выставляя кандидатуру в свое время тесно сотрудничавшего с Думою талантливого бывшего помощника военного министра, члена Государственного совета генерала Алексея Андреевича Поливанова. Царь уволил Сухомлинова и назначил Поливанова. Назначение его было встречено общественностью с чувством удовлетворения. Я много слышал о Поливанове хорошего, состоя с ним в отдаленном свойстве. *Он был двоюродным братом моего тестя — тоже генерала Поливанова, умершего в 1897 г.* С большим уважением к нему относился весьма для меня авторитетный Н. Н. Покровский. Можно было ожидать, что новый министр упорядочит снабжение армии и поставит его на должную высоту. Но ему не дали времени выполнить эту задачу. Двор его не любил из-за его близости к Государственной думе. К тому же не благоволил к Поливанову Распутин. Как человек принципиальный и честный, министр игнорировал царского гада. Когда же Поливанов осмелился проявить неуважение к Распутину, отнял у него оказавшиеся в его распоряжении для личных его надобностей четыре (!?) военных автомобиля, то императрица Александра Федоровна настояла на увольнении Поливанова[11].

Уволены были почти одновременно с Сухомлиновым министры внутренних дел Маклаков и юстиции Щегловитов, а также синодальный обер-прокурор Саблер, несколько позже не столь одиозные министры: земледелия Кривошеин и путей сообщения Рухлов[12].

Министром внутренних дел был назначен, к общему удивлению (из-за неподготовленности к этому посту по предшествующей деятельности), управляющий государственным коннозаводством князь Щербатов*, прекрасный человек, но поскольку долгие годы он сосредотачивался, и весьма успешно, исключительно на лошадях, представлявшийся менее всего подготовленным к роли человеческого администратора*. Должность синодального обер-прокурора была замещена *моим дальним родственником,* сведущим в церковных делах общественным дея-

телем, московским губернским предводителем дворянства, *очень порядочным, безукоризненно честным* Александром Дмитриевичем Самариным. Щегловитова заменил А. А. Хвостов — не весело канканировавшая тучная глыба дрожащего человеческого мяса, именовавшаяся Алексеем Николаевичем Хвостовым, назначенная после уволенного в сентябре князя Щербатова министром внутренних дел, а дядя опереточного Алексея Николаевича — Александр Алексеевич Хвостов. Преемником Кривошеина был назначен общественный деятель, губернский предводитель дворянства Наумов, а министром путей сообщения на место Рухлова — Александр Федорович Трепов, бывший во время моей службы в Государственной канцелярии помощником статс-секретаря Государственного совета, впоследствии ставший сенатором и членом Государственного совета.

Происходила метко охарактеризованная присяжным остроумцем, членом Государственной думы Владимиром Митрофановичем Пуришкевичем, «министерская чехарда»[13].

* * * * *

Июль я проводил в обычном летнем отпуску в семье в Териоках. Вернувшись в начале августа, с удивлением узнал от сослуживцев, что в газетах был опубликован приказ принца Ольденбургского в качестве верховного начальника санитарной и эвакуационной части о назначении им ревизии бальнеологических устройств на Кавказе, с возложением производства этой ревизии на Иорданова, генерала от инфантерии Рагозина и на меня.

Управление принца даже не снеслось по поводу этого возлагавшегося на меня поручения с местом моей службы — Министерством иностранных дел. В министерстве этому, разумеется, подивились, но так как вступать в пререкания с принцем никому не хотелось, а я выяснил, переговорив с Иордановым, что ревизия едва ли займет времени более одного месяца, то меня отпустили без возражений.

Так как ехать приходилось от военного ведомства, да еще в фронтовую полосу — турецкого фронта, то от меня потребовали приведения себя в военный вид. Я облекся в военную куртку защитного цвета *с придворными вензелевыми пуговицами и погонами, носившимися камергерами на форменном пальто*. Одел высокие сапоги и нацепил на себя военную шашку, одолженную мне заведовавшим регистратурою нашего департамента бывшим офицером Раевским.

Генерал Рагозин оказался *симпатичнейшим превосходным* человеком преклонного уже возраста, общительным, любезным, *добрым, исключительно* приятного нрава. Командовал во время оно Лейб-гвардии Гренадерским полком. Дошел до корпусного командира. Отойдя по возрасту от командных должностей, был теперь назначен состоять при принце по санитарной и эвакуационной части.

Мы отправились. Первым нашим этапом был курортный гор<од> Славянск под Харьковом. В нем было размещено много раненых и больных, прибывших с войны. Заняты ими были обширное барачного типа здание на окраине города вблизи курортного парка, госпиталь в самом городе и несколько лазаретов, устроенных в частных домах. Мы все осмотрели и все нашли в порядке. Бальнеологические устройства курорта не были рассчитаны на такое стечение больных,

которое дала война. Требовалось их расширение, о чем местные власти хлопотали, но чего пока не добились. Нам предстояло заинтересовать этими хлопотами принца, неугасимая энергия которого служила порукою, что курорт будет расширен. *Парк при курорте был превосходный.*

В Ростове-на-Дону нас встретили на вокзале начальник дороги Кригер-Войновский (впоследствии товарищ министра путей сообщения) и служивший начальником участка инженер Иорданов — брат П. Ф. Иорданова. Они предоставили в наше распоряжение на все время нашей ревизии салон-вагон. Каждый из нас имел в нем свое купе*, обставленное с самым прихотливым комфортом*. Общим помещением служил салон с зеркальными окнами, мягкою комнатною мебелью, столами обеденным и письменным. Мы в нем трапезовали, беседовали, читали, писали, принимали на остановках посетителей. В тех пунктах, где нам предстояло остаться для ревизии, наш вагон отцеплялся от поезда, превращаясь из средства передвижения в стационарную нашу квартиру. Когда требовалось ехать дальше, нас прицепляли к поезду соответствующего назначения. Мы наладили коллективное хозяйство в вагоне. Хозяйничать взялся Рагозин. При помощи предоставленного в наше распоряжение проводника хозяйничал он превосходно. Мы были всегда обеспечены чаем, кофе, закусками, фруктами, хлебом, печеньем, винами, прохладительными напитками. Обедали и завтракали в курортных ресторанах или железнодорожных буфетах на вокзалах. Я вел запись ревизии, на основании которой составил потом для принца отчет. Так как он содержал популярное описание местностей, которые пришлось посетить, в том числе многих таких, которые были мало известны широкой публике, то записка моя была отпечатана.

Открывающиеся взору путешественника почти тотчас за Минеральными Водами Кавказские горы, сколько бы раз к ним ни подъезжать, производят каждый раз неотразимое впечатление красоты и мощи, не уступающее по силе впечатлению первого их созерцания. В поездах пассажиры тесно скучиваются к окнам, не отрываясь от великолепной картины выступающих перед ними гигантов.

Иорданов — свой человек на Кавказе. В Кисловодске у него собственная дача. Он знает Минераловодскую группу, да и многое другое на Кавказе, как свои пять пальцев. Он дает мне и Рагозину подробные *и интересные* объяснения о развертывающемся перед нами горном ландшафте.

В Кисловодске наш вагон отцепляется. Мы остаемся на житье в вагоне. Дача Иорданова ремонтируется, и он не может пригласить нас к себе. *Гуляем. Обедаем в ресторане у вокзала. Вечер проводим на даче у брата Иорданова, приехавшего вслед за нами в Кисловодск.*

Наутро приезжает из Пятигорска директор Минераловодской группы Тиличеев в сопровождении горного инженера группы. Мы с ними обходим бальнеологические устройства Кисловодска — нарзанную галерею, ванны и др. Тиличеев — высокий, костистый человек с умным лицом и выразительными глазами. Толково, занимательно дает необходимые объяснения. На мой взгляд, все обстоит в полном порядке. Иорданов отмечает все-таки какие-то дефекты. Ему виднее. На то он доктор медицины, да еще специализировавшийся по курортной части. Завтракаем всей компанией в ресторане в парке. Уговариваемся на послезавтра встретиться с Тиличеевым в Пятигорске, где находятся его управление и квартира. Он приглашает нас к себе к завтраку. Оставшись после его отъезда с инженером, продолжаем свою ревизию. Обходим все санатории, все лазареты,

проникаем в их кухню, кладовые, погреба, всюду проверяя соответствие содержания помещений требованиям санитарии и гигиены. Опрашиваем раненых и больных. Много среди них отравленных газами, впервые применявшимися в этой злосчастной войне. Формы отравления тяжелые. Попадаются больные, отравленные несколько месяцев тому назад. И в состоянии их почти не заметно улучшение. Преобладают легочные поражения.

Столь же внимательно и подробно обследуем лечебные устройства, санатории, лазареты Пятигорска, Железноводска, Ессентуков, станции Минута, возвращаясь каждый раз на ночлег в Кисловодск. В часы досуга гуляем. Побывали в Кисловодском театре, на вокзале. Вокзал с его рестораном, театром, музыкальною площадкою представляет собою подлинный уголок летнего Петербурга — Аквариум или Буфф.

Железноводск неинтересен. Если бы не горы, не на чем было бы остановить внимания. В 1915 году бальнеологические его устройства были, по сравнению с аналогичными устройствами Кисловодска, Ессентуков и особенно Пятигорска, совершенно жалкие. Ессентуки — великолепный, обширный, тенистый, прекрасно в ту пору содержавшийся, но сырой и скучный курортный парк. Бальнеологические его сооружения не уступали лучшим сооружениям заграничных курортов. Но всего великолепнее были они в Пятигорске. Зато город Пятигорск, в то по крайней мере время, о котором идет речь, представлял собою по внешнему виду не курорт, а именно город и, как по характеру и типу построек, так и по благоустройству, город не из важных.

У Тиличеева мы завтракали. Присоединился к нам приехавший из Петербурга от Министерства торговли отменно петербургский человек, всех в Петербурге знавший и всем петербуржцам ведомый, в должности шталмейстера Иван Иванович Назимов. Тиличеев вместе с его многочисленною семьею чествовал нас радушно. Я использовал его гостеприимство со спокойною совестью, совершенно не подозревая, что наша ревизия будет для Тиличеева роковою. Как впоследствии оказалось, лукавый Иорданов, заведомо с целью выслужиться перед принцем раскрытием непорядков по группе, *которые без него не были бы обнаружены,* раздул в непорядки уловленные им ничтожнейшие мелочи, и, когда мы явились для доклада принцу в Гагры, скрытно от меня и Рагозина нашептал принцу об упущениях Тиличеева по службе. В официальном докладе, составленном мною, о каких-либо упущениях Тиличеева не упоминалось ни одним словом. Указывалось лишь на антисанитарное состояние одной кухни одного только из многих десятков лазаретов. Остальное все, как оно и было найдено в действительности, было представлено принцу в благоприятном свете. Тем не менее, вняв нашептываниям изображавшего умильное благоговение к особе принца лукавого Иорданова, принц, не опросив ни Рагозина, ни меня, потребовал от Петербурга увольнения Тиличеева. С принцем спорить не решались. «Повеление» его было исполнено.

* * * * *

В Кисловодске, взяв как-то газету, я, не веря своим глазам, прочел о том, что верховное командование на войне взял на себя царь. Вел<икий> князь Николай Николаевич от этого командования был отрешен с назначением наместником на

Кавказе и командующим армиею только Кавказского фронта, действовавшею против Турции[14].

Неудачи наши на войне не могли не поставить вопроса о перемене верховного командования. Но разрешение этого вопроса мыслилось единственно так, что будет отрешен Николай Николаевич и призван другой, действительно талантливый и способный, искусный в стратегии боевой генерал. Такие генералы были. Называли Рузского, Алексеева, Брусилова. Но царь? Не стоило доказывать, что он-то ни в какой степени не был стратегом, что не-стратегу-главнокомандующему не поможет никакой, хотя бы и наиталантливейший, начальник штаба, ибо всем набила оскомину истина: Куропаткин — одно, а Скобелев — другое, что регентство было нежелательно за непригодностью для него лиц, на которых оно было бы возложено царем, что отсутствие верховной власти в центре неминуемо внесет беспорядок в правительство, в вящее его расстройство[15]. Доминировала мысль, что царь — незадачливый, несчастливый человек, которому никогда ничто не удавалось, чей почин неизменно всякий раз оказывался непоправимою ошибкою, чье царствование с самого его начала было отмечено несчастным роком. Интуиция и подкреплявшая ее неотразимая логика говорили, что верховное командование царя повлечет за собою тягчайшие бедствия.

* * * * *

С Минераловодской группы мы двинулись на климатические станции, тяготевшие к Владикавказу и Грозному. Посетили Нальчик, Серноводск, Горячеводск и др.

Богатые климатическими средствами и большой целебной силы источниками, эти станции были большею частью лишены всякого бальнеологического оборудования. Не имели и никаких устройств для размещения больных. Совершенно не были подготовлены принять и пользовать их в такой их численности, которую порождала война. В Нальчике мы еще нашли лазареты, помещенные в каменных домах. В других местах они отсутствовали. В обычное время больные помещались в избах казаков. Теперь повсюду спешно ставились по распоряжению принца сборные, одобренного им типа стандартные бараки, составлявшиеся из частей, привозившихся в готовом уже виде, предварительно пригнанных друг к другу. Ставились они с волшебною быстротою. У Горячеводска их вырос целый городок с широкими улицами и переулками. Для летнего времени постройки представлялись превосходными — прочные, солидные, просторные, с массою воздуха и света. Некоторые были рассчитаны каждая человек на 100 и более. Все снабжены были печами, что при мягкости климата давало возможность рассчитывать, что они окажутся пригодными и в более суровый сезон.

Незабываемое впечатление произвел на меня естественными своими бальнеологическими устройствами Горячеводск — большая и богатая казачья станица верстах в 8–10 от Грозного.

На вершине небольшой возвышенности над станицею бьет ключ горячей серной воды. Консистенция ее придает воде высоко целебные свойства. Вода кипит. По установившейся традиции нам приносят куриные яйца, опускают в выбоину источника и через 3 минуты подают их нам в меру сваренными всмятку. Вода по

желобу спадает вниз. Источник дает до миллиона ведер в сутки. По соседству имеется еще другой такой же источник такой же серной воды и такого же обильного суточного выпуска. Вода, стекая вниз, заполняет обширный естественный проточный бассейн, способный одновременно вместить до 1 000 человек купающихся, имеющих и при таком их числе достаточный простор, чтобы свободно плавать. Когда мы наблюдали купанье больных-ревматиков, их было в бассейне человек 400. И они занимали лишь небольшую часть бассейна. Что особенно замечательно, это что в теплое время года вода, стекая из места выхода в бассейн, охлаждается от состояния кипения до той именно температуры, которая требуется для наибольшей эффективности серных ванн — *до 34–36 гр<адусов> Цельсия*. Лечение дает прекрасные результаты. Больные быстро поправляются.

Но ведь это волшебная сказка! Воду до требуемой консистенции серы насыщает, кипятит, до потребной температуры охлаждает, вливает в бассейн без малейшего вмешательства человека одна мать-природа. Что можно было бы сделать, кооптировав эти два двухмиллионноведерные источника кипящей серной воды? Какую, помимо используемой целебной силы, содержат они колоссальную тепловую энергию?

* * * * *

Мы мчались по берегу Каспия мимо Петровска и Дербента на Баку, чтобы, обогнув горы, свернуть к Тифлису и посетить расположенные невдалеке курорты Боржом и Абастуман.

Изумрудные долины Северного Кавказа сменились на нашем пути обнаженными, сбегающими к морю нагорьями прикаспийской полосы. Скалы, камень, песок. Маловодный, бурливый Терек, «мчащий мутный вал». Дикая, суровая природа. Настолько суровая, что не примиряют с ней ни картины чарующей библейской прелести проходящих вдалеке караванов верблюдов, ни вечно повсюду привлекательные видения моря, кажущегося здесь угрюмым из-за неприветливости сковывающих его пустынных скал.

После поворота к Тифлису от преддверия Баку Баладжар мы вновь вступаем в изумрудное царство цветов, садов, виноградников, фруктовых деревьев.

В Тифлисе к нам входит в вагон местный уполномоченный принца камергер Голубев и сообщает, что принц прибыл в Гагры и телеграммою вызывает нас к себе. Так как текст телеграммы не содержит слов, предписывающих стремительность исполнения — «немедленно», «безотлагательно» — то мы решаем, предварительно выезда в Гагры, все-таки посетить Боржом и Абастуман, чтобы не добираться до них издалека вторично.

С Тифлисом, в котором я раньше не бывал, я не успел и на этот раз ознакомиться. Мы прибыли в закавказскую столицу вечером, а наутро укатили в Боржом и Абастуман. Вернулись дня через три также вечером и опять наутро умчались, на этот раз на автомобиле по Военно-Грузинской дороге через перевал во Владикавказ, чтобы следовать оттуда далее на черноморский берег Кавказа — в ближайший в то время к Гаграм железнодорожный пункт Туапсе.

Тифлис оставил поэтому во мне лишь совершенно смутное впечатление (я все-таки побродил вечером по его главным улицам) большого, преимуще-

ственно европейского типа столичного города с богатым колоритом Востока, придававшим ему своеобразную прелесть. Неширокая Кура. Невелика, впрочем, и берлинская Шпрее. Наутро я развлекался смешными ишаками и любовался прелестными туземками, одевавшимися еще в ту пору в широкие, стянутые к щиколотке шаровары, выглядывавшие из-под длинных юбок. Обуты были они в остроконечные загнутые кверху туфли. Головной убор составляла плоская низкая шапочка с ниспадавшим на плечи широким и длинным покрывалом.

Боржом оказался курортом довольно-таки запущенным, мало и использовавшимся для лечения больных и раненых воинов, как, впрочем, и Абастуман. Ни тот, ни другой ничего приковывавшего внимание при их посещении нам не дали. Но великолепны в этом царстве гор были окрестности с нависшими на скалистых обрывах над бездонными пропастями старинными замками грузинских князей.

Вернувшись в Тифлис, мы с вечера распорядились отправкою нашего вагона с нашим багажом обратным путем через Баладжары и Дербент во Владикавказ, а сами туда выехали поутру по Военно-Грузинской дороге на автомобиле. Хотя дело происходило в сентябре, день был совершенно летний, и погода, несмотря на ранний час, жаркая.

Промчались через Мцхет и Душет. Стали подниматься, забираясь все выше и выше. Завтракали и пили чай в придорожном духане в Пасанауре. Во дворе на цепи, прикованный к столбу, резвился светло-бурый медведь. Покатили дальше. Дорога суживалась и перешла в вившийся по горе узкий карниз, отгороженный по краю от зияющей внизу бездны ничтожным парапетом едва в пол-аршина вышины. Сидевший рядом с шофером проводник рассказывал, что бывают случаи падения экипажей в бездну, что тут именно тогда-то свалилась и погибла целая компания. От этой информации — что греха таить — делалось жутко. Я заглянул вниз. И увидел на порядочном расстоянии под нами хорошее добротное облако, во все стороны расползшееся громадными хлопьями белоснежной ваты, горевшее по краям розовым отблеском солнечных лучей. И ниже — изумрудная бездна с серыми точками построек и светло-желтыми черточками дорог. Картина была великолепная. Горизонт беспредельный. Дальше стало хуже. Не все облака прогуливались ниже нас. Собрались тучи над нами. Покрыли солнце. Стало хмуро и свежо. Свежесть перешла в холод, и пошел снег. Разыгралась метель. Я был в форменном драповом пальто. Стало так холодно, что хоть надевай шубу. Дрогли и Рагозин и Иорданов. Но что совсем было неприятно, это что метель заносила снегом стеклянный щит, укрепленный спереди автомобиля. Шоферу стало не видно дороги. Становилось страшно. Проводник не успевал счищать снег со щита. Я стал ему помогать, пустив в дело свой носовой платок. Он сразу намок. От талого снега коченели руки. Мы огибали как раз тот поворот, который носил внушавшее тревогу название «Пронеси Господи». Я дал себе слово, если переезд окончится благополучно, больше ни в каком случае по Военно-Грузинской дороге и вообще по горным дорогам не ездить. Проводник сыпал все справками о катастрофах.

Ресторан «Казбек» ниже перевала принял нас совершенно окоченелыми, и в нем самом было от разыгравшейся непогоды нестерпимо холодно. Водка, закуска, чай еле нас отогрели.

Дальше пошло лучше. Начался спуск. За перевалом картина гор резко изменилась. Богатства флоры первой половины пути от Тифлиса сменились от-

сутствием малейших признаков растительности. Одни угрюмые морщинистые скалы. Проехали дикое, голое темно-серое ущелье. Иорданов говорит: «Замок царицы Тамары». Руины, остатки руин. Дальше встретился бурливый ручей, кипящий крупными пузырьками выделявшегося газа. Иорданов объясняет, что это нарзан, чище, лучше, богаче кисловодского.

Выкатились из пологого ущелья на зеленую равнину. По бокам высились убегавшие в облака почти вертикальные горные отвесы. На равнине утопали в садах белые постройки Владикавказа. Чистый, красивый, прекрасно распланированный город. Украшали сады и дивное месторасположение у подножья исполинских отвесных гор. Местные казаки — сплошь богатыри. Казачки видные, рослые, прекрасно сложенные, красивые. Такой же рослый красивый народ осетины.

Мы воспользовались гостеприимством коменданта города, бывшего в свое время товарищем по службе Рагозина, сохранившего с ним приятельские отношения. Старик-комендант и его добрая кубышка-жена обласкали нас, прекрасно накормили и устроили нам ночлег у себя.

На следующий день, обретя на вокзале наш вагон, которому мы обрадовались как родному дому, мы покатили в Туапсе через Армавир.

От Армавира дорога все время вилась у подножья гор, заросших сплошным лесом деревьев-великанов. Туапсе представлял собою сквернейший городишко, неблагоустроенный, грязный, сырой. От него веяло унылою скукою. И не примиряла с ним красота синего под солнечною ласкою Черного моря.

Железная дорога на юг вдоль морского берега еще только начала прокладываться. Мы поехали в автомобиле. Дорога шла по узкому карнизу у подножья гор, едва возвышавшемуся над уровнем моря. Горы поросли кленом, грабом, ясенем, дубом. Деревья поражали ростом и размерами, непривычными для северного глаза. Чтобы их породить, требовалась вегетационная мощь субтропической зоны. В Сочи мы остановились только чтобы закусить и оправиться. Помчались далее. Подкатили к дворцу принца в Гаграх к самому обеду.

Принц в защитного цвета рубашке, синих с красными лампасами шароварах, высоких сапогах и в прикрывавшей его лысину ермолке встретил нас приветливо. Дворец был наполнен сотрудниками принца до отказа. Нас негде было уже поместить. Пришлось отвести помещения во временной гостинице, куда и перенесли наши вещи. Нас же принц не отпустил и повел обедать. Застали мы у принца генералов князя Орбелиани и Бернова, полковника Кочергина, адъютанта Скрябина, однокашника моего по Ярославской гимназии инженера путей сообщения Катерфельда, камер-юнкера Буймистрова и др. Принц был очень благодушно настроен. Но, по свойству своему, как всегда неразговорчив. Компанию занимали генерал Орбелиани и полковник Кочергин, рассказывавшие анекдоты. Обед прошел оживленно. Но мы, новоприезжие, проделав как-никак в автомобиле не менее 200 верст, порядочно осовели и мечтали об отдыхе. Однако после обеда — так было заведено — пришлось пройти в бильярдную и там за чашкою кофе присутствовать при ежедневном послеобеденном принцевом моционе на бильярде. Принц сыграл партию с Орбелиани и другую с Кочергиным. Вызывал желающих среди нас. Так как такого не нашлось, за конфузливою ли робостью или по другой причине, то принц незаметно скрылся, отправившись к себе на покой. Стала расходиться и вся компания. Мы пошли во временную гостиницу. Провожали нас Кочергин, Скрябин, Буймистров *и состоявший при канцелярии*

принца Овчинников, с которым мы познакомились за обедом. Они ежедневно проводили во временной гостинице свои вечера, слушая музыку и поедая *ложками* арбузы.

Из полного месяца потоками лился лунный свет, заполняя воздушную ширь прозрачным серебристым туманом. Одевались в его таинственную дымку тополя, кипарисы, пальмы. Был конец сентября. А было так тепло, как не бывает у нас в разгар лета. Только и можно было дышать, что ночью. Днем, несмотря на позднее время года, жара была невыносимая.

Нам каждому был отведен в гостинице просторный, комфортабельный номер. Сломленный усталостью, я с наслаждением уснул.

Вызванные принцем к себе телеграммою, мы ждали, что он потребует от нас доклада о нашей ревизии или даст какое-нибудь новое поручение. Ничуть не бывало. Мы ежедневно завтракали и обедали у принца. Присутствовали при его послеобеденных упражнениях на бильярде. Но о деле он нам ни слова не говорил. Дни шли за днями. Жара стояла такая, что днем невозможно было гулять. После же обеда во дворце мы уходили от принца уже ночью. Гулять было поздно. Шли, как и другие, вместе с этими другими во временную гостиницу слушать ее тощий музыкальный ансамбль и есть арбузы. Без дела становилось однообразно. И скучно. Земной рай, каким являлись Гагры по дивной красоте местности и по климатическим ее условиям, превращался в золотую клетку, из которой захотелось упорхнуть.

Прошло так без малого две недели — целая вечность. Наконец умильная благоговейность Иорданова перед принцем распечатала последнему уста. Произошел между ними какой-то разговор по поводу нашей ревизии, во время которого, по-видимому, Иорданов и утопил Тиличеева. Попутно испросил разрешения принца на продолжение ревизии.

Мы с вечера простились с принцем во дворце, поблагодарив за радушное гостеприимство. На следующее утро чуть свет выехали на автомобиле в Мацесту. Когда проезжали мимо дворца, увидели принца, стоявшего на балконе и махавшего в нашу сторону рукою. «Что за человек, — растрогался благоговейный Иорданов, — поверьте, он нарочно встал пораньше, чтобы еще раз приветствовать нас».

Мацеста в зеленом ущелье среди гор, с чудодейственным источником, прекрасным, лишь миниатюрным в ту пору бальнеологическим оборудованием, Сочи с превосходною гостиницею «Ривьера», чудесным Худяковским садом в сто разновидностей древесных пород, солидно обставленными санаториями и лазаретами, гадкое, сырое, грязное Туапсе явились последними моими этапами в ревизионной экскурсии. Я торопился в Петербург за минованием всех приличных сроков возвращения в министерство. Распростившись с Рагозиным и Иордановым, я поехал прямо в Петербург. Товарищи мои по ревизии, чтобы ее закончить, направились в Анапу, откуда имели в виду проехаться еще в Ейск.

* * * * *

Во время нашей поездки на Кавказ произошли перемены в составе правительства. За отрицательное отношение к принятию царем на себя верховного командования армиями, за обращение к царю с попыткою отговорить его от

этого шага, а равно за политику, неугодную Распутину, были уволены кн<язь> Щербатов и Самарин. Министром внутренних дел был назначен Алексей Николаевич Хвостов, а синодальным обер-прокурором — Александр Николаевич Волжин. Оба назначения были проведены Распутиным. Хвостов был к нему подведен таким же проходимцем, как сам старец, авантюристом кн<язем> Андрониковым[16]. Установлено, что Хвостов в бытность министром бывал у Распутина и хотя трепал его по плечу, но, бывало, целовал ему руку, что, помимо Хвостова и истерических психопаток, проделывали и некоторые другие не имевшие достоинства и чести сановники.

Хвостов, лицеист по образованию, начал службу по судебному ведомству. Был товарищем прокурора в Твери при прокуроре моем двоюродном брате А. А. Лопухине, впоследствии директоре Департамента полиции. В ту пору я еще не разошелся с А. А. Лопухиным на почве семейной размолвки и моего неуважения к нему из-за его беспринципного оппортунизма. Был заездом у А. А. Лопухина и у его жены в Твери и встречал у них Хвостова. Встретил как-то и у его сестры, милой и своеобразно красивой графини Екатерины Николаевны Пащенко-Развадовской[16a]. Это был веселый, легкомысленный человек, поражавший невероятною тучностью. Из судебного ведомства Хвостов перешел на службу по администрации. Располагая протекциею, продвинулся до должности губернатора. Был губернатором в Вологде, потом в Нижнем Новгороде. Так как призванием Хвостова был водевиль, не уживавшийся *долгое время* с губернаторством, то в губернаторах он не засиделся. Обладая данными общественности — здорово ел и пил и умел угощать и угощаться — Хвостов попал в Государственную думу от правых. Царю все навязывали общественных деятелей. С благословения Распутина он и взял себе общественного деятеля в министры внутренних дел, думая угодить общественности. Но как был несчастлив в своих починах! Общественники попадались и достойные, и серьезные. А царь взял водевильного гаёра. И наружность Хвостова была водевильная. С годами тучность его приобрела гипертрофическое развитие. Выпиравшийся отовсюду жир его дрожал при ходьбе, как выведенный из состояния покоя студень. Легкомысленный, но не глупый, Хвостов отчетливо прозревал в результате поражения революцию. И пока она не пришла, решил вовсю веселиться. Придя к власти, поспешил ее использовать, чтобы развернуть действительно основательное, солидно обставленное веселье. С места начал канканировать. «День мой, час мой. Будем ли веселиться, будем ли скучать, все равно гибели не минуем. Будем же лучше веселиться». На организацию веселья расходовал, как впоследствии выяснилось, отпускавшиеся ему в безотчетное распоряжение крупные суммы на проведение выборов в Государственную думу[17].

Волжина я не знал, никогда его не видел, да и слышать довелось о нем только то, что он был ставленником Распутина и уволен был по настоянию Распутина же за то, что ему не угодил.

* * * * *

Черные тучи собирались над головою Сухомлинова. Мясоедов был недостаточною жертвою, принесенною для успокоения общественного мнения, требовавшего обнаружения и кары виновников наших поражений. Палачи Мясое-

дова целили более крупный объект расправы. Добирались через Мясоедова до Сухомлинова. Имя Мясоедова было связано с именем Сухомлинова, поскольку Мясоедов состоял при бывшем военном министре для секретных поручений. Можно было на этом спекулировать, предпринимая поход против Сухомлинова. Нужны были, правда, и другие обстоятельства, которые могли бы навести подозрения на личность бывшего министра. А такие обстоятельства, на несчастье Сухомлинова, были.

Плохо был окружен Сухомлинов в частной его жизни. В интимный круг его вошли авантюристы, проходимцы, подозрительные люди. Из них против нескольких с неким Альтшуллером во главе возбуждено было дело по обвинению в шпионаже. Мясоедов в единственном числе не давал еще повода придраться к Сухомлинову. Мясоедов плюс Альтшуллер и К уже создавали почву для подозрений. Лица, знавшие Сухомлинова, решительно, однако, отвергали их основательность. Нельзя было, по мнению этих лиц, из того лишь, что в интимный круг Сухомлинова проникли шпионы, делать вывод, что были у Сухомлинова преступные сношения с этими шпионами. Он мог и не знать и, наверное, не знал, что они шпионы. Допускалось, что Сухомлинов мог по легкомыслию позволить себе неосторожность высказывать в своем интимном кругу такие вещи, о которых говорить не следовало. Шпионы могли использовать это легкомыслие министра для своей шпионской деятельности. Но сознательное информирование Сухомлиновым шпионов представлялось более чем сомнительным. В самом деле, если бы у него была преступная связь с шпионами, ведь не стал же бы он ее афишировать, оставляя шпионов в своем интимном кругу.

Тем не менее, в связи с поступившими клеветническими доносами на Сухомлинова, содержавшими обвинение, помимо шпионажа, также в лихоимстве при размещении заказов на военное снаряжение, было назначено следствие над действиями бывшего министра[18].

Представлялось, однако, что и в плохом окружении Сухомлинова непосредственно виновен был не он, а была виновата, вероятнее всего, бессознательно его молодая красивая жена Екатерина Викторовна. Интимный круг семейных людей большею частью создают не мужья, а жены. Что касается того, как мог терпеть Сухомлинов в своей интимности компрометантных людей, то на это ответ подсказывался один: если их ввела в дом Екатерина Викторовна, то Сухомлинов не мог их не терпеть. Настолько он был привязан к своей действительно обворожительной Екатерине Викторовне всею крепостью поздней, последней любви, всем пафосом старческой страсти.

Скажут, ошибка — эти поздние увлечения, никогда не остающийся безнаказанным вызов велениям разума. Пусть так. Ответственность Сухомлинова за результаты его плохого окружения не устранялась наличием его «ошибки». Но есть люди, которые на подобные ошибки идут сознательно, с готовностью за них ответить. Ошибки увлечений сладки. И впадающие в них если и несут кару, налагаемую на них неумолимою жизнью и суровою логикою, всегда все-таки заранее прощены чуждою предвзятости совестью. Нет существа нуднее того безнадежного педанта, кто всю жизнь проходил в шорах и ни разу не ошибся. В чрезвычайно бедной счастьем нашей жизни лишь из ошибок сплетается эфемерная паутина счастья, которого никогда и никому не дает мертвенная бестемпераментная рассудочность.

* * * * *

Сазонов работал в тесном сотрудничестве с английским послом Бьюкененом и французским Палеологом. С самого начала войны этот триумвират ежедневно сходился в кабинете министра иностранных дел и сообща направлял деятельность русского дипломатического ведомства. Сазонов нашел себе руководителей, недостававших ему после смерти Столыпина. И не одного, а двух. Слушался их Сазонов беспрекословно. Можно себе представить, как они дорожили таким русским министром иностранных дел. Триумвират являл трогательную картину деловой сплоченности и личной дружбы. И на улице их можно было встретить вместе совершавшими пешую прогулку перед совместным совещанием в министерстве или по выходе из него. Трое приблизительно одинакового, небольшого роста. Семитического типа Сазонов, белобрысый с усиками, завитыми колечком, кудреватый Бьюкенен, плосколицый, большеголовый, бурятской внешности Палеолог.

* * * * *

В декабре из-за границы приехала через Финляндию проживавшая постоянно в Австрии фрейлина императриц Васильчикова, чтобы попытаться повести по поручению германского и австрийского правительств переговоры о сепаратном мире. Привезла письма императрице Александре Федоровне и ее сестре великой княгине Елизавете Федоровне от их брата, великого герцога Гессенского. Проникла в Царское Село. Весть о ее приезде и передаче писем великого герцога приобрела широкое распространение и послужила основанием к разговорам, извращавшим обстоятельства, действительно имевшие место. Стали говорить о поддержании Александрою Федоровною постоянных сношений с ее братом во время войны, о ее измене России и шпионаже в пользу неприятеля. Вступить в переговоры о мире Васильчиковой, как бы то ни было, не удалось. Она была выслана из Петербурга в свое имение[19].

* * * * *

Принц Александр Петрович Ольденбургский продолжал распоряжаться моей особою без ведома моего и моего начальства по ведомству Министерства иностранных дел. В ноябре в «Правительственном вестнике» появился приказ верховного начальника санитарной и эвакуационной части об учреждении в составе его управления особой финансово-заготовительной комиссии под моим председательством. *Непременными членами комиссии назначались представители ведомств при управлении: от Министерства финансов — чиновник особых поручений 5-го класса при министре Афанасьев и от Государственного контроля — бывший мой сослуживец за время моей короткой службы в этом ведомстве в 1897–1898 гг., помощник генерал-контролера Департамента гражданской отчетности Кузнецов.*

На комиссию возлагалась забота о размещении заказов, в первую очередь, по снабжению действующей армии противогазами, диетическими питательными

средствами для больных и раненых, по устройству дезинфекционных пунктов со снабжением их дезинфекционными камерами, по заготовкам медикаментов, оборудованию госпиталей, по возведению бараков в распределительных пунктах и местах лечения раненых и больных и проч., и проч. Заготовки противогазовых средств требовались в большом масштабе. В первое время пользовались лишь совершенно рудиментарными марлевыми масками, напитывавшимися более или менее обезвреживавшими газы влажными химическими составами. Для предотвращения вдыхания газов через нос изготовлялись надевавшиеся на нос проволочные зажимы. Теперь вводились маски с резиновыми трубками, соединявшимися с респираторами-жестянками, в которые помещалась более эффективная сухая обезвреживавшая масса. Изготовление масок требовалось массовое и совершенно срочное. Штаб верховного главнокомандующего засыпал принца телеграммами о срочном доставлении масок на фронт. Потребность в резиновых и прорезиненных частях масок покрывалась фабрикою «Треугольник». Но заготовки жестянок не обеспечивались в потребном количестве частновладельческою промышленностью. Не обеспечивалась в полной мере и сборка частей масок. Приходилось реквизировать заводы по производству изделий, не составлявших предметов первой необходимости, переоборудовать такие заводы и срочно пускать их по новому назначению. *Комиссия не только являлась ответственною за размещение заказов, но на нее возлагалось и ответственное наблюдение за их исполнением.*

Работа была тяжелая. Преодолевать приходилось значительные препятствия *не только объективного характера, но и порождаемые людскою глупостью и людскою злою волею.* Война уже внесла глубокое расстройство в добывающую промышленность. Обозначился острый недостаток в материалах. Недостаточною стала необходимая для изготовления респираторов жесть. Получение ее было связано с большими затруднениями. Значительные трудности представляла и заготовка химических припасов, потребных для выделки противогазовых средств. Приходилось не ограничиваться скупкою этих припасов на рынке, а специально организовывать их производство. Разместив частью заказы жестянок в частновладельческих петербургских и московских мастерских, я встретился с препятствиями и такого рода. Поехал в Москву самолично наблюсти за исполнением заказов. Несколько мастерских принадлежали евреям. Администрация проявляла по случаю войны особую строгость в отношении соблюдения правил об ограничении права жительства евреев. Наши евреи объявили мне, что не могут продолжать работу по исполнению наших заказов, так как, невзирая на предъявление ими документов, подтверждавших их работу на Управление верховного начальника санитарной и эвакуационной части, полиция по распоряжению генерал-губернатора их выселяет. Трудно было себе представить больший административный кретинизм. Пусть наши бойцы, отравляемые немецкими газами, тщетно ждут противогазовой защиты. Еще подождут. Было бы выселено в торжество ограничительных правил несколько евреев. По счастью, принц случайно проездом находился в Москве. Мне был назначен доклад у него назавтра утром в его поезде на запасных путях Николаевского вокзала. Явившись к нему, я у него застал как нельзя более кстати только что прибывшего генерал-губернатора. И, не стесняясь его присутствием, нажаловался принцу на действия московской администрации, достаточно красочно подчеркнув пре-

ступную ее глупость. Принц слушал меня внимательно. Генерал-губернатор, насупившись, молчал. Я подал принцу список изгонявшихся евреев — хозяев мастерских. Принц передал список генерал-губернатору, решительно заявив: «Это надо остановить». Евреи были оставлены. С учреждением комиссии дача заказов по управлению принца отошла от его канцелярии, возглавлявшейся Гарязиным. Она превращалась в орган, подчиненный комиссии, на который возлагалось обслуживание ее в делопроизводственном отношении. Гарязину это не понравилось. Он пытался бороться с комиссиею. Однако вскоре был удален. Принц еще ранее по какому-то поводу совершенно разочаровался в нем. По моей рекомендации начальником канцелярии был назначен мой товарищ по университету, служивший в Министерстве торговли К. Я. Ушаков. Но он не понравился принцу. Вскоре ушел. Еще ранее я задумал уйти. Все разраставшийся объем моей работы по управлению принца делал ее несовместимою с основною моею службою по Министерству иностранных дел. Комиссия наладила производство противогазов сдачею заказов частновладельческим предприятиям и переоборудованным реквизированным заводам. Испросила ассигнования на снабжение, производившееся санитарной части Союзом земств и городов. Обеспечила заказами изготовление всяческой аппаратуры, а равно медикаментов, химических и иных продуктов, начиная от дезинфекционных камер и автоклавов и кончая каустическою содою и метиловым спиртом. Наконец, организовала доставление санитарной части оказавшегося в России в недостатке сальварсана выпискою его из-за границы через наши посольства, миссии и консульства. В марте 1916 года, совершенно уже изнемогая от непосильного по совместительству с основною службою труда, я подал на имя принца просьбу об увольнении. Ко мне приезжал на квартиру уговаривать остаться Александр Николаевич Рагозин. Но я его убедил в непосильности для меня продолжать далее две службы, одну другой ответственнее.

Глава 21.
1916 год

В январе, на этот раз окончательно, был уволен Горемыкин. Не потому, чтобы царь осознал наконец несоответствие Горемыкина тем требованиям, которые предъявлял к главе правительства переживавшийся страною глубокий кризис, а по той причине, что не соответствовал в полной мере Горемыкин видам распутинского кружка. Последнему был нужен свой человек на посту председателя Совета министров. Распутин настоял на замене Горемыкина членом Государственного совета Борисом Владимировичем Штюрмером[1].

Старый уже человек, крупной фигуры, высокого роста, с некрасивым лицом, воспроизводившим своими чертами облик хищной птицы, волосом рыжий с сединою Штюрмер был замечателен в среде сановников тем, что побил рекорд плохой репутации. Он тренировался на это достижение с давних пор, когда еще начал строить свою карьеру, опираясь на благосклонность министра двора, потом наместника на Кавказе графа Воронцова-Дашкова, питавшего симпатию к жене Бориса Владимировича. Ради карьеры Штюрмер не брезговал ничем. Когда за неутверждением кандидатов тверского земства никто не хотел идти в председатели Тверской губернской земской управы по назначению, Борис Владимирович собою «пожертвовал», приняв это назначение и тем вызвав ненависть к себе и презрение среди общественных кругов[2]. Попал в губернаторы. Был губернатором в Новгороде, потом в Ярославле, с которым я был связан проведенною в нем моею юностью и в котором имел поэтому много друзей. Все они в один голос изобличали в Штюрмере лишенного элементарной морали черносотенца, интригана и взяточника[3]. Из ярославских губернаторов Штюрмер был назначен директором Департамента общих дел Министерства внутренних дел. О его художествах в этой должности мне не довелось что-либо слышать, за исключением связанной с оставлением Штюрмером директорского поста небольшой «подробности». Выезжая из казенной директорской квартиры, Штюрмер «по ошибке» вывез из нее вместе со своими вещами и всю казенную обстановку. Почему ее не потребовали от него обратно, непонятно. Вероятно, приходилось считаться со Штюрмером. Его ценили. Что обычно не делалось, его прямо из директоров назначили членом Государственного совета. Обычная дорога шла через Сенат. Грязь была стихиею

Бориса Владимировича. Он не мог пройти мимо распутинского кружка. Как следует вывалялся в его грязи и сделался в нем своим человеком.

Вслед за плачевным назначением Штюрмера председателем Совета министров последовало прекрасное назначение государственным контролером умного и честного Николая Николаевича Покровского[4]. Его рекомендовал царю на эту должность испросивший разрешение ее оставить и вернуться в Государственный совет Петр Алексеевич Харитонов. Я искренне порадовался за Николая Николаевича. Спокойный пост. Умеренная работа. Увеличение оклада содержания. Прекрасная казенная квартира, хорошо знакомая мне по моим посещениям прежнего, давнего уже государственного контролера Тертия Ивановича Филиппова. Николай Николаевич и сам радовался своему новому назначению и этого не скрывал. Передо мною снова открылись гостеприимные двери на Мойке у Синего моста. Заходя к Покровским, я наблюдал постепенно расширявшийся круг их знакомства. Они стали «принимать».

* * * * *

В министерстве, помимо текущих дел, я продолжал усиленно работать по части испрошения сверхсметных кредитов на надобности, вызываемые войной. Выпадали и дела и хлопоты необычные и подчас курьезные.

К необычным относится наисекретнейше порученное мне дело составления проекта положения об управлении русского комиссара в Константинополе и штатов этого управления. Как впоследствии стало известно из декларации, сделанной в ноябре 1916 г. в Государственной думе А. Ф. Треповым, Константинополь и проливы по соглашению, состоявшемуся между Россиею, Англиею и Франциею, передавались по окончании войны России[5]. После декларации соглашение перестало быть секретным. Но до того, пока я составлял проект, содержание его представляло тайну. Утверждение проекта приурочивалось к ожидавшемуся со дня на день, но так и не состоявшемуся падению Константинополя, осаждавшегося и штурмовавшегося союзниками с моря. В случае завладения Константинополем до окончания войны предполагалось установить в нем временное международное управление в лице комиссаров русского, француза и англичанина. С окончанием войны француз и англичанин уходили. Вводилось русское управление. Я составлял проект управления русского комиссара[6]. Комиссаром Сазонов намечал Григория Трубецкого. Я в Константинополь не очень верил. Но когда меня стали уверять, что вот-вот он падет, я Константинополем заинтересовался. Олегов щит на вратах Цареграда манил своею красивою мечтою и меня. И нехорошо становилось дома. Не один Алеша Хвостов прозревал катастрофу. Казалось, лучше быть подальше к тому времени, когда она разразится, от тех мест, где события разыграются. Я эвентуально выставил свою кандидатуру в помощники константинопольского комиссара по заведованию финансовой частью. Трубецкой обещал мою кандидатуру поддержать. Но Константинополь, как известно, не пал. Штурм его велся главным образом английскими силами. В английской мемуарной литературе теперь указывается, будто англичане нарочно не взяли тогда Константинополя, чтобы он не достался России (?). *По поводу истинных отношений союзников друг к другу мне припо-*

минаются слова видного лица в нашем Морском штабе, высказанные им в начале войны, когда ожидалось столкновение английского и германского военных флотов: «Нам было бы интересно, чтобы от германского флота и дребезгов не осталось и чтобы от английского остались одни дребезги».

По части курьезов припоминается следующий. В начале моих записок, говоря о Министерстве иностранных дел, я отметил царившее в нем немецкое засилье и привел объективные его причины. Как-никак, немецкое засилье было[7]. И во время войны никакие наиобъективнейшие причины в оправдание его не принимались. Печать по поводу немецкого засилья травила наше ведомство. В разгар этой травли Сазонов представил царю к подписанию указ Сенату о назначении посланником нашим в Тегеране советника посольства в Лондоне фон Эттера. Он как раз не был немцем, а финляндцем и, говорят, из всех финляндских родов лишь у Эттеров и еще у одного только другого рода имелась злосчастная приставка «фон». Но об этом мало кто знал, и появление указа о назначении нового «фона» неминуемо должно было вызвать новый взрыв негодования в печати. Сазонов пожелал его избежать. Между тем, указ был уже послан министру юстиции для внесения в Сенат для распубликования. Сазонов через Арцимовича поручил мне какими бы то ни было способами добиться превращения фон Эттера в Эттера tout court[a] или в крайнем случае приостановить распубликование указа. Я отправился в Министерство юстиции к хорошо и с давних пор знакомому мне товарищу министра Александру Николаевичу Веревкину. Изложил ему суть дела. И между нами начался примерно такой разговор: «Что же можно сделать, Александр Николаевич?» — вопросил я. «Да ничего, — отвечал Веревкин. — Подписанный государем указ приостанавливать распубликованием нельзя, а изменять его текст — тем менее. Почему это ваш Сергей Дмитриевич хватился после подписания указа, а не распорядился заранее составить его на Эттера с упущением “фона”?» — «Если бы это было предусмотрено, я бы не беспокоил сейчас вас. В том-то и дело, что уж очень тороплив Сергей Дмитриевич. А скажите, пожалуйста, ведь бывают же в “Правительственном вестнике” опечатки? *Мы не так давно весело отметили в нем забавнейшую опечатку в слове “чин” в приказе о награждении каким-то мизерным орденом некоего не имеющего чина Иванова. Выходило по печатному, что не чина у Иванова нет, а чего-то другого, куда более существенного». Веревкина я развеселил. И продолжал:* «Нельзя ли сделать так, чтобы наборщик или, лучше, лицо, которому было бы поручено переписать для набора указ, пропустили огорчительный для Сергея Дмитриевича эттеровский “фон”?» — «Пока вы развивали вашу мысль, — отвечал Веревкин, — я сам об этом подумал. Дайте я позвоню обер-прокурору *Первого департамента*». Позвонил. Переговорил по телефону и, повесив трубку, объявил: «Успокойте вашего министра; “фона” в указе не будет».

* * * * *

Думские комиссии начинали работать за несколько дней до открытия очередной сессии Думы. Посланный в комиссию 9 февраля, я не знал, что на этот

[a] Только, просто (фр.).

день назначено возобновление занятий Думы после перерыва. И уже никоим образом не ожидал, что я увижу в этот день в Думе никогда не переступавшего ранее думского порога царя[8].

Я стоял в заполненном членами Думы и вкрапленными в их группы представителями правительства громадном Екатерининском зале Таврического дворца. Вблизи, в окружении «старейшин» стоял менее небритый, чем обыкновенно, думский председатель Родзянко. Пронесся среди гула разговоров протяжный, как глубокий вздох, покрывший разговоры быстротою своей передачи шепот. Кто-то подскочил к Родзянко, что-то взволнованно сообщил ему. И, как сейчас вижу — картина незабываемая — грузный Родзянко, широко раздвинув ноги, мчится вскачь через Екатерининский зал к вестибюлю Государственной думы. За ним, рассыпавшись, рысью бежит свора «старейшин». Через несколько минут появляется в сопровождении отстающего на полшага склонившегося Родзянко царь в походной защитного цвета куртке — маленький перед рослыми фигурами думского председателя и выступающего позади вел<икого> кн<язя> Михаила Александровича, одетого в своеобразную форму состоящей под его командою «дикой» дивизии.

Бежать, как бежал Родзянко, вскачь навстречу царю — несколько расходится с позою того героического великолепия и достоинства думского председателя, которые рисуют его мемуары[9].

В Екатерининском зале служили молебен. После него царь произнес обращенное к членам Думы короткое приветственное слово. Они кричали «ура». Царь прошел в зал заседаний. Оглядывал его. Постоял. Уехал. Дума ликовала. Большинство верило в поворот отношения верховной власти к Думе, в последнее время недоверчивого и недоброжелательного. Верило в ответственное правительство, долженствовавшее, по мнению думского большинства, превратить военное поражение в победу, ликвидировать охватившую страну и все углублявшуюся разруху и развал власти, устранить причины народного неудовольствия, превратив его в веру в светлое будущее*, предотвратить революцию, представлявшуюся для думского буржуазно-капиталистического большинства нежелательною вообще, во время же войны — в особенности*.

Однако не надо было быть тонким политиком, чтобы разгадать истинные побуждения тех руководивших действиями царя влияний, которые послали его в Государственную думу. Расцвет влияния распутинского кружка, покоившегося на абсолютизме, питавшегося им и на нем спекулировавшего, совершенно исключал ответственное правительство, исключал и искреннее сближение с Думою, самое существование которой противоречило абсолютизму и проявления его стесняло. С Думою не считались бы, если бы не задачи обороны, дело снабжения армий, требовавшие содействия общественных кругов. Проявлялось же оно в достаточной мере эффективно. Обстоятельство это побуждало считаться с Думою. Поэтому признавалось соответственным предпочесть в отношениях к ней худой мир доброй ссоре. Задобрив Думу видимостью сближения и тем обнадежив, ничего не обещав, можно было рассчитывать, что на некоторый, по крайней мере, срок ставшая чрезмерно агрессивною по отношению к правительству Дума успокоится. Видимость сближения и была дана, — говорили, по инициативе распутинцев[10].

И в самом деле, внутренний политический курс не изменился ни на йоту. Так, в самом начале марта, уволив канканирующего на народные деньги А. Н. Хво-

стова, царь, совершенно далекий от мысли об ответственном правительстве и продолжая под влиянием распутинцев разлагать имевшееся безответственное правительство, вручил портфель министра внутренних дел всем ненавистному и вошедшему уже в коллизию с Государственною думою беспортфельному председателю Совета министров Штюрмеру, с оставлением его премьером. И вслед за тем был уволен как оказавшийся, к его чести, неугодным Распутину военный министр, которым Дума дорожила и который стяжал себе доверие общественных кругов — А. А. Поливанов[11].

А. Н. Хвостов был уволен не потому, что канканировал на народные деньги и вел политику, как сам говаривал, «пропадай моя телега, все четыре колеса», а за злоумышление против благодетеля. Началось с того, что Хвостов зазнался. Чаще стал трепать Распутина по плечу, нежели целовать ему руку. Дальше — больше: стал отвиливать от исполнения велений старца. Увидя, но уже поздно, что теряет его благосклонность, и опасаясь поэтому потерять и место, Хвостов решил эту опасность пресечь изъятием благодетеля. Вошел в переговоры с авантюристом Ржевским, отправив его к находившемуся за границею непримиримому врагу Распутина иеромонаху Илиодору подговорить последнего подослать убийц к старцу и его прикончить. Махинации Хвостова проследил товарищ министра внутренних дел распутинец С. П. Белецкий. И выдал Хвостова. Ржевский на границе был арестован. При нем были найдены документы, компрометировавшие Хвостова[12].

Преемником Поливанова был назначен интендантский генерал Шуваев, по общему отзыву, хороший, честный человек, но отнюдь не государственной складки, не военный министр, особенно для переживавшегося необычайно трудного и острого момента[13].

Сухомлинов был арестован. С думской трибуны депутат Половцов требовал его головы[14]. Все-таки не верилось в его виновность.

* * * * *

Оставив должность председателя финансово-заготовительной комиссии в Управлении верховного начальника санитарной и эвакуационной части, я недолго оставался при одной службе по Министерству иностранных дел. Прошло каких-нибудь дней десять, что я расстался с принцем Александром Петровичем Ольденбургским, как ко мне позвонил Николай Николаевич Покровский и вновь предложил мне сотрудничество с ним по учреждениям военного времени, на этот раз — по Верховному совету по призрению больных и раненых воинов и семей лиц, убитых или пострадавших на войне.

Чтобы выяснить подробности, я поехал к Николаю Николаевичу, подтвердив ему по телефону мою неизменную готовность, куда бы он меня ни повел, всюду за ним последовать.

Покровский мне объяснил, что Верховный совет, состоявший под председательством императрицы Александры Федоровны, выделил в качестве исполнительного своего органа особую комиссию под председательством сестры царя вел<икой> кн<ягини> Ксении Александровны, супруги вел<икого> кн<язя> Александра Михайловича[15]. Товарищем председателя комиссии был А. А. Поли-

ванов. Но в бытность военным министром напряженная работа по военному ведомству вынудила его сложить с себя должность товарища председателя особой комиссии. Она была предложена Покровскому и принята им. Верховный совет имел своего управляющего делами — сенатора Георгия Георгиевича Витте (двоюродного брата Н. Н. Покровского), а особая комиссия — своего управляющего, навязанного вел<иким> кн<язем> Александром Михайловичем моряка Петра Владимировича Верховского. Императорская фамилия находилась в оппозиции к гибельной политике царя и к оказывавшей на царя пагубное влияние виновнице этой политики императрице Александре Федоровне. Ксения Александровна в эту оппозицию входила[16]. Верховский был не только малодеятельный и несведущий в организационной работе, какая от него требовалась, управляющий делами особой комиссии, но еще внес в задачу быстрой и эффективной организации помощи больным и раненым воинам тормозившую выполнение этой задачи политику борьбы особой комиссии, состоявшей под председательством Ксении Александровны, с Верховным советом, состоявшим под председательством Александры Федоровны. Это было, прежде всего, глупо. Последствием же своим имело, при неспособности Верховского развить большое дело в требовавшемся крупном масштабе, полнейший маразм деятельности особой комиссии. Ксению Александровну убедили расстаться с Верховским, на что она оказалась вынужденною согласиться. Заменить Верховского приглашался я. Николай Николаевич Покровский, как это он уже проделал однажды со мною, когда привлекал меня в санитарную и эвакуационную часть, опять предрешил мое согласие. Все оказалось сговоренным, и Н. Н. мне объявил, что Ксения Александровна ждет меня назавтра к 12 часам к себе во дворец.

Во дворце на Мойке, вблизи Поцелуева моста, меня встретила фрейлина Ксении Александровны, моя троюродная сестра, с которой я несколько лет не виделся, Софья Дмитриевна Евреинова.

Не успели мы расспросить друг друга, что было с нами, и что мы делали за время, истекшее с последней нашей встречи, как меня позвали к Ксении Александровне. Приветливая, немного застенчивая, она подкупила меня простотою обращения, чуждою малейшего подчеркивания расстояний. Я заявил о всемерной моей готовности помочь ей в ее трудах по особой комиссии. Она просила меня бережно отнестись к Верховскому, переставшему быть управляющим делами комиссии, но оставшемуся рядовым ее членом. Просила по возможности сохранить личный состав обслуживавших комиссию должностных лиц. Заключила беседу просьбою не стесняться обращаться непосредственно к ней во всех случаях, когда я признаю это нужным.

От Ксении Александровны я направился в управление особой комиссии, помещавшееся неподалеку на Офицерской улице, через дом от Литовского замка. Самое помещение комиссии в маленькой квартире на 6-м этаже говорило о мизерной обстановке очень большого дела устройства насчитывавшихся уже сотнями тысяч инвалидов войны, не говоря о помощи семьям убитых воинов. Инвалидов предстояло провести через физиотерапевтические институты, расширив имевшиеся учреждения этого рода и насадив сеть новых, снабдить нуждавшихся протезами, обучить желающих доступным им по характеру увечий ремеслам, организовать ремесленные мастерские, обучить неграмотных грамоте для доставления возможности работы и службы, требующих соответственных знаний, устраивать

овладевших необходимыми знаниями и навыками на места и т. д., и т. д. И все это — во всероссийском масштабе, с организациею отделений комиссии в каждой губернии, в каждом сколько-нибудь значительном центре. В Москве работал по предметам ведения комиссии комитет вел<икой> кн<ягини> Елизаветы Федоровны, непосредственно связанный с особою комиссиею[17]. Для ускорения своей работы особая комиссия выделила по трем основным видам оказывавшейся ею помощи жертвам войны три отдела — врачебный, ремесленный и учебный. Постановления их признавались окончательными и не требовали подтверждения общего собрания комиссии. В последние вносились лишь вопросы принципиального общего значения, вопросы об отпуске потребных кредитов, распределявшихся затем по отделам, вопросы организационные и пр. Для обслуживания четырех коллегий — общего собрания и трех отделов — требовался соответствующий персонал делопроизводства. А для того, чтобы отделы могли, не задерживаясь, заниматься одновременно, нужно было и соответствующее помещение. Из делопроизводителей настоящего работника я нашел только одного, являвшегося вместе с тем помощником управляющего делами, брата П. В. Верховского Клавдия Владимировича, судебного деятеля из эвакуированных местностей, занятых неприятелем. Был еще помогавший ему в делопроизводственной работе молодой человек, однако не овладевший еще навыками, необходимыми для самостоятельной работы. Работал по делопроизводству (врачебного отдела) и очень почтенный и знающий врач, которого между тем надо было использовать по специальности, поручив ему инструктаж и наблюдение за работою врачебных устройств особой комиссии, а отнюдь не приурочивать к канцелярщине, совершенно ему чуждой. В такой же степени не по назначению и в отвлечение от основной работы использовался для канцелярских писаний инженер-технолог, являвшийся инструктором по ремесленному отделу. Теснота же помещения была такова, что не только не было разных помещений для одновременных заседаний разных отделов, но не было и специального помещения для заседаний хотя бы одного отдела. Пользовались помещением, в котором занимались служащие. Собираться, следовательно, можно было только в поздние часы, когда работа служащих заканчивалась. Теснота своего помещения приводила особую комиссию и к ненормальным и неудобным кочеваниям по разным помещениям. Заседания общего собрания происходили во дворце Ксении Александровны и Александра Михайловича, собрания врачебного отдела — в одной из зал Министерства внутренних дел, по связи врачебного отдела комиссии с медицинским управлением этого министерства.

Надо было все это переустроить, озаботившись в первую очередь приисканием соответствующего помещения и набором опытного делопроизводительского персонала. И еще надо было привлечь к работе особой комиссии внимание широких общественных кругов вовлечением в число ее членов общественных деятелей, не пренебрегая и частною инициативою по устройству мастерских и промышленных предприятий, в которых могли бы работать инвалиды. Для этого надо было использовать печать. Наконец, надо было установить нормальные отношения с Верховным советом, поколебленные неумною политикою П. В. Верховского, с московским комитетом вел<икой> кн<ягини> Елизаветы Федоровны, с которым Верховский также успел поссориться, и с некоторыми отдельными членами комиссии, устроившими учебно-показательные мастерские для инвалидов в своих домах и заведовавшими ими, к которым во всех случаях обращения их к комиссии

за требовавшимся содействием Верховский относился с нетерпимым высокомерием, стесняя их притом своим некомпетентным мелко-придирчивым контролем.

Познакомился с Клавдием Владимировичем Верховским. Он произвел на меня приятное впечатление не только счастливою внешностью, но и деловитостью. Сразу ввел в курс текущих дел с ясностью и отчетливостью, свидетельствовавшими о знании дела и о том, что, как это впоследствии подтвердилось, вся деловая часть работы держалась исключительно на нем за время управления делами комиссии его брата. Петр Владимирович, очевидно, занимался только тою «политикою», которая ввергла комиссию в маразм. Сотрудничество Клавдия Владимировича представлялось для меня ценным. Я решил *во что бы то ни стало* удержать его. Но большою было бедою, что он был братом своего брата. Петр Владимирович сумел сделаться настолько одиозным Верховному совету, что совершенно незаслуженно часть одиума была перенесена на Клавдия Владимировича. Поскольку, имея основную службу в Министерстве иностранных дел, я мог уделять управлению делами комиссии лишь часть моего времени, а не все время, причем во время моего отсутствия должен был принимать посетителей, переговаривать с ними и сноситься с Верховным советом по текущим делам мой помощник, Верховный совет дал мне понять, что дело пойдет лишь при том условии, если заменяющим меня в мое отсутствие лицом будет кто-либо другой, но только не Верховский. Приходилось пойти на компромисс. Я заявил, что вношу проект расширенного штата управления, которым предусматриваются не только добавочные должности делопроизводителей и технических служащих, но и две должности помощника управляющего: одна для замены управляющего во время его отсутствия, а другая для заведования хозяйственною частью управления, так как все равно требуется заведующий хозяйством как самой комиссии, так и требующих постоянного хозяйственного снабжения учреждений комиссии в Петербурге. Первым помощником, с которым придется иметь дело Верховному совету, пусть будет его кандидат, а вторым я удержу Верховского. Но Верховный совет должен поддержать проектированный мною новый штат управления. На этом мы согласились. Первым моим помощником был назначен весьма уже пожилой бывший управляющий канцеляриею варшавского генерал-губернатора камергер Николай Васильевич Харламов. Вторым я удержал Верховского.

Ксения Александровна тяготилась личным председательствованием в заседаниях особой комиссии по свойственной ей застенчивости. Но я просил Н. Н. Покровского настоять на том, чтобы она председательствовала в том заседании комиссии, в котором в присутствии представителей Верховного совета и ведомств финансового и Государственного контроля я буду докладывать проект расширения штатов управления, предположения об отпуске потребных средств на перевод управления в новое помещение, на содержание этого помещения и на другие организационные расходы, а равно проект основных положений, которыми регулировались бы взаимоотношения Верховного совета и особой комиссии. В числе этих положений я выдвигал возможно тесное сотрудничество управляющих делами Верховного совета и особой комиссии. Согласованность их предположений являлась бы гарантиею избежания трений между советом и комиссиею. Присутствие великой княгини мне было желательно для ослабления неизбежных возражений по вопросу о размере испрашивавшихся кредитов, а также для наиболее торжественного подтверждения нового курса во взаимоотношениях Верховного совета и особой комиссии.

Заседание происходило во дворце. Ксения Александровна председательствовала. Присутствовала ее приятельница, друг детства княгиня Джамбакуриан-Орбелиани, С. Д. Евреинова, Н. Н. Покровский, графиня Орлова-Давыдова, устроившая в доме ее мужа на Сергиевской ул<ице> образцовые мастерские для инвалидов, бывший управляющий делами особой комиссии, оставшийся ее членом, П. В. Верховский, другие члены особой комиссии, в числе их — управляющий делами Верховного совета сенатор Г. Г. Витте, председатели отделов комиссии: врачебного — помощник главного врачебного инспектора Булатов, ремесленного — профессор Технологического института Овсянников, учебного — член Государственной думы Ковалевский и др. *Докладывал я. Запись заседания вел К. В. Верховский.* Вел<икая> княгиня со всеми моими предположениями, предварительно мною, конечно, доложенными ей, соглашалась. Возражения поэтому заявлялись не в категорической форме и сошли на нет. Предположения были приняты и внесены в Верховный совет. Дело слушалось в подкомиссии Верховного совета под председательством члена Государственного совета Стишинского в Мариинском дворце, в близком моему сердцу по воспоминаниям бывшем зале департаментов Государственного совета. Я был приглашен в заседание подкомиссии. С поддержки Г. Г. Витте получил утверждение всех моих предположений.

Управление особой комиссии я перенес в обширную квартиру в бельэтаже частного дома на Звенигородской улице. Но дело вскоре переросло и это помещение. Вовлечение в работу общественных сил, руководство разросшимися провинциальными отделами, устройством ряда учреждений — терапевтических институтов, ремесленных и общеобразовательных курсов, мастерских, распределительных пунктов (приобретались, переоборудовались, строились лечебницы, больницы, распределители) потребовали такого расширения аппарата, что пришлось занять под комиссию целый дом на углу Гороховой и Фонтанки по правому ее берегу, перейдя Гороховую. В нем же было помещено одно из городских убежищ для инвалидов. Помещение на Звенигородской было сохранено для статистического и справочного отделов управления.

В деле привлечения к работе особой комиссии общественного внимания неоценимые услуги оказал мой *друг и* гимназический товарищ Владимир Александрович Бонди, *крупный* журналист, редактор «Вечерних Биржевых ведомостей» и иллюстрированного журнала «Огонек». Ряд посвященных деятельности комиссии талантливых его статей, иллюстрированных снимками инвалидных мастерских, физиотерапевтических институтов и др<угих> наших устройств, пробудили интерес к мало кому известной до того времени организации со стороны самых широких общественных кругов. Талантливая популяризация Владимиром Александровичем работы комиссии много способствовала ее росту. Мне удалось склонить Бонди вступить в особую комиссию. Он сделался весьма активным членом ее. Всякое ее заседание, в котором он принимал участие, протекало с редким подъемом. Он сделал комиссии много использованных ею ценных предложений. Отстаивал их так убедительно, красочно и горячо, что присутствовавшие слушали его с напряженным вниманием и всякое его выступление единодушно приветствовалось.

Совместная наша работа способствовала частым встречам. Незабываемы проведенные у Владимира Александровича часы в его чудной квартире на Офицерской ул<ице>, широкое его хлебосольство, полная интереса, искрящегося ума беседа, пленительные аттракционы, которыми он баловал иногда своих гостей,

собиравшееся у него общество прелестных женщин и умных мужчин. Встречался я у него с писателем Куприным, скульптором Аронсоном, *выдающимся финансистом Ярошинским,* сотрудниками по журналистике, многими другими интересными людьми. Ввел к нему из деятелей комиссии Г. Г. Витте, княгиню Орбелиани, Н. Н. Покровского.

* * * * *

Летом, в июле, был неожиданно уволен Сазонов. Факт его увольнения в разгар «министерской чехарды» никого не удивил. Но неясны были самому Сазонову причины увольнения. Императоры германский и австрийский торжественно провозгласили автономию Польши по окончании войны. Сазонов настаивал на обнародовании подобного же акта в России в подтверждение недостаточно определительной и веской декларации по этому предмету вел<икого> кн<язя> Николая Николаевича[18]. Императрица Александра Федоровна, Штюрмер, следовательно, Распутин противились предложению Сазонова. Говорили, что причиною его увольнения явилось разномыслие по польскому вопросу. Верится с трудом, ибо не так же настаивал на своем предложении Сазонов, чтобы нужно было его гнать. Вернее другое. Только слепому не была видна быстро надвигавшаяся революция. Фактически правивший Россиею распутинский кружок, отстаивая незыблемость строя, только при котором распутиновщина и могла существовать, справедливо рассуждал, что не предотвратить революцию — значило для распутиновщины погибнуть. Революционное движение, после 1905 года затихшее, воспрянуло вследствие неудачной войны. Кончить войну значило если не предупредить революцию, то ее ослабить до степени, не исключающей возможности подавления. Надо было кончать войну. Представлялся желательным сепаратный мир. Склонить к нему царя было задачею трудной, настолько в нем была сильна ненависть к императору Вильгельму. И прежде царь не любил Вильгельма, завидуя ему. После же того, как Вильгельм в речи, обращенной к народу по случаю начала войны, изобличил в царе «изменника», не скупясь и на более оскорбительные выражения, в царе зажглась по отношению к германскому императору лютая злоба. Вследствие подобного настроения царя особенно трудным представлялось привести его к сепаратному миру при наличии такого преданного «антанте» министра иностранных дел, как Сазонов, *и ранее не мнившего другого для России пути, как только путь франко-английской дружбы.* Надо было Сазонова удалить. Смещать же, назначать министров было для распутинского кружка делом *совершенно* привычным *и легким.*

Преемником Сазонова был назначен премьер-министр Б. В. Штюрмер. Для проведения сепаратного мира Распутин не смог бы подыскать более подходящее лицо. И в глазах царя он имел кое-какое значение (как-никак премьер, к которому царь уже возымел доверие). И «старцу» представлялся надежным по беспрекословному выполнению его директив (сказывали, Распутин говорил, что ведет Штюрмера «на веревочке»)[19].

Портфель министра внутренних дел перешел к министру юстиции Александру Алексеевичу Хвостову — дяде бывшего опереточного министра внутренних дел Алексея Николаевича Хвостова, а министром юстиции был назначен бывший ранее министром внутренних дел (после смерти Столыпина и до назначе-

ния Маклакова) Александр Александрович Макаров. Почти одновременно был уволен министр земледелия Наумов и заменен другим общественным деятелем, малодеятельным и тусклым графом Бобринским. Несколько погодя, в августе, был смещен обер-прокурор Синода Волжин и заменен сыном бывшего петербургского митрополита Палладия Раевым[20]. *Два обер-прокурора, имевшие фамилии, но не стяжавшие себе имен.*

* * * * *

Сазонов прощался с личным составом министерства. Обратился к присутствовавшим с короткою речью, не потребовавшею прочтения по шпаргалке и произнесенною, не в пример обычаю Сергея Дмитриевича, свободно и гладко. Как водится, поблагодарил за совместную службу, пожелал успехов. Выразил уверенность в конечной, казавшейся ему близкою победе России.

* * * * *

Когда мы узнали, что министром к нам назначен Штюрмер, мы испытали такое чувство, как будто нас окатили помоями.

Явившись к нам, Штюрмер начал с молебна в домовой церкви министерства. Потом обходил присутственные помещения и знакомился со служащими.

Был удален, с назначением сенатором, второй товарищ министра Владимир Антонович Арцимович. Я был несказанно этим огорчен, спаявшись в работе и сдружившись с ним. Штюрмер в поисках человека «соответственного» пытался заменить Арцимовича посланником в Португалии Петром Сергеевичем Боткиным[21]. Боткин был известен в иностранных дипломатических кругах в качестве германофила. Действительно, в области внешней политики он был сторонником ставки на Германию. В этом отношении он был последователем некоторых весьма почтенных старых русских дипломатов — бывшего посла в Константинополе И. А. Зиновьева, бывшего посланника в Японии, потом посла в Северо-Американских Соединенных Штатах барона Розена и др. Для участия в подготовке сепаратного мира Боткин казался Штюрмеру соответственным. Но уже назначение самого Штюрмера всполошило союзников. Лондонский кабинет через посла нашего графа Бенкендорфа категорически требовал от нас подтверждения неизменности политического курса, проводившегося Сазоновым. Представлялось несомненным, что назначение товарищем министра «германофила» Боткина будет сочтено союзниками за прямой вызов. А до времени ссориться с союзниками было рискованно. Штюрмер на этом мог сломать себе шею, не успев выполнить своей миссии. От мысли провести Боткина себе в товарищи Штюрмеру пришлось отказаться. Он провел назначение бывшего в свое время консулом нашим в Бомбее, а потом отошедшего от активной службы по ведомству Александра Александровича Половцова — сына члена Государственного совета, бывшего государственного секретаря А. А. Половцова. *Странное назначение!*

Кроме Арцимовича Штюрмером были еще удалены директор канцелярии барон М. Ф. Шиллинг, назначенный сенатором, и вице-директор Второго де-

партамента А. П. Вейнер, зачисленный в Совет министерства без содержания. Директором канцелярии был назначен первый секретарь посольства в Париже Б. А. Татищев, а вице-директором Второго департамента — первый секретарь посольства в Токио князь Л. В. Урусов. Вейнер, лицеист по образованию, богатый человек, знающий и способный, был уволен за еврейское происхождение[22]. Раньше неистово русский Штюрмер антисемитизма не проявлял. Был к Штюрмеру очень близок — еще со времен губернаторства в Ярославле — вовлеченный им в службу по администрации талантливый доцент Демидовского лицея И. Я. Гурлянд. Это была связь приличная. Но были отношения с евреями и совсем нехорошие, и с нехорошими евреями — с темным проходимцем Манасевичем-Мануйловым, распутинскими банкирами Рубинштейном, Манусом и другими. За очень темные аферы, пахнувшие по обстоятельствам военного времени изменою, разоблаченные Государственною думою Манасевич и Рубинштейн не смогли отвертеться от суда[23]. И в связи с их художествами трепалось имя премьера. Ему захотелось показать, что не только чужды ему сомнительные евреи, но невыносимы лица и повинные лишь в еврейском происхождении.

* * * * *

Дипломатический триумвират при петербургском кабинете в лице русского министра иностранных дел и послов английского и французского с отставкою Сазонова рассыпался. Недаром Бьюкенен настолько дорожил Сазоновым, что как только до него дошел слух о возможности увольнения Сергея Дмитриевича, то английский посол не остановился перед попыткою вмешаться во внутренние русские дела, *с развязностью истинного бритта* обратившись с письмом к царю, в котором предостерегал от увольнения Сазонова[24].

По привычке Бьюкенен и Палеолог явились после отставки Сазонова в обычный час в министерство для установившегося с начала войны ежедневного обмена мнениями и сведениями с русским министром иностранных дел. Как они рассказывали, Штюрмер изобразил на своем лице недоумение. Казалось, на губах замер вопрос: «Зачем вы пришли? Что вам нужно?» И выражение недоумения не покидало Штюрмера во все время беседы. Поддерживал он ее едва членораздельными звуками, *не обозначавшими ровно ничего*. Послы пришли во второй и третий раз. Штюрмер недоумевал все больше и больше. Сидел с выпученными глазами и открытым ртом, как бы пораженный удивительною несообразностью *и только мигая*. Мимика его в конце концов убедила послов в тщете дальнейших посещений нового русского министра иностранных дел. *Они сделали соответствующие выводы*.

* * * * *

Вел<икая> княгиня Елизавета Федоровна созвала в Москве съезд деятелей помощи больным и раненым воинам. От особой комиссии Верховного совета пришлось ехать мне. По приезде в Москву я начал с того, что побывал у управляющего делами комитета вел<икой> княгини Языкова. Он меня про-

сил присутствовать на заседании финансового отдела комитета вечером того же дня. В заседании выяснилась необходимость значительных денежных ассигнований на мероприятия комитета из средств Государственного казначейства. Меня спросили, можно ли рассчитывать на их получение. Я отвечал, что можно и что я предоставляю себя в распоряжение комитета, чтобы помочь ему исхлопотать потребные ассигнования с поддержки особой комиссии, считая прямою ее обязанностью содействовать осуществлению задач местных комитетов. Часть потребных средств может быть даже отпущена тотчас из ресурсов особой комиссии. Меня благодарили, заявив, что выслушали с тем большим удовлетворением, что московский комитет не привык к такому предупредительному отношению со стороны особой комиссии. К иному ее приучил П. В. Верховский. Я отвечал, что комиссия придерживается теперь иных взглядов и методов работы, что о методах Верховского надо позабыть. Лед был сломан, и дальнейшие прения протекали в атмосфере взаимного понимания и доверия.

На следующий день утром я был принят вел<икой> кн<ягиней> Елизаветою Федоровною в ее монастыре в Замоскворечье. По-видимому, ей уже успели доложить о моих заявлениях в комитете. Она была весьма любезна со мною. Пригласила назавтра к вечернему чаю. Была так же проста в обращении, как вел<икая> кн<ягиня> Ксения Александровна. Вечернюю чашку чая я получил из рук Елизаветы Федоровны в небольшом кругу собравшихся. Помимо приближенных двух-трех дам и меня, присутствовал только бывший московский городской голова Николай Иванович Гучков. Разговор велся преимущественно на темы о бедствиях войны, о ее жертвах, о помощи этим жертвам. Я рассказывал о начинаниях Верховного совета и особой его комиссии.

Последующие встречи мои с великою княгинею происходили на съезде, на котором я входил в состав бюро. Приходилось выступать в собраниях съезда, когда по обсуждавшимся предложениям требовалось заключение представителя особой комиссии.

Между заседаниями съезда объезжали устроенные городом и другими общественными организациями разного рода учреждения помощи больным и раненым воинам.

* * * * *

По моем возвращении в Петербург мне как-то был передан в министерстве к исполнению утвержденный царем очередной доклад министра иностранных дел без обязательной пометки на нем министра о времени и месте утверждения. Я пошел к Штюрмеру за пометкою. Мне сказали, что он неожиданно заболел. Но доклады сотрудников принимает. Только извиняется, что вынужден принимать в постели. Пошел к нему. Застал картину оригинальную. В постели лежал человек, производивший впечатление совершенно здорового. Я бы даже сказал, что никогда не видал Штюрмера более здоровым. Притом залег он в постель одетый — в крахмальном белье, в легкой пиджачной паре, в зашнурованных ботинках, только прикрытый одеялом, из-под которого выглядывали кончики ботинок и белый пластрон под веселеньким галстухом. «Больной» извинился, что принимает, лежа в кровати. Пометку на докладе учинил! И стал распространяться

на тему о трудных временах. Я слушал, не в первый раз отмечая, что у этого неприятного человека был удивительно приятный тембр голоса. «Поверьте, — жаловался он, — каждый год, проведенный в нынешних условиях, стоит пяти лет жизни». Я сочувственно согласился и, забрав помеченный доклад, ушел, весьма заинтригованный картиною здорового больного в постели.

Вечером я был у Покровского. Рассказывал о здоровом больном. «Ну конечно, притворяется, — смеялся Покровский. — Дело в том, что приехал из Ставки царь. И Штюрмер от него прячется. Ведь он маклерует регентство императрицы на время верховного командования царя. Не знает, как царь отнесется к его махинациям. Наблудил, струсил. Хочет, чтобы ранее его встречи с царем дело уладилось между супругами. Тогда ему показаться будет не так рискованно. А пока, конечно, лучше поболеть».

* * * * *

Покровский только перед тем вернулся из поездки в Париж, куда был послан на конференцию союзников в качестве представителя русского правительства[25]. Послан был еще по докладу Сазонова, незадолго перед увольнением последнего. «Легкомысленный человек ваш министр, — говорил мне перед своим отъездом Покровский про Сазонова. — Как мог он, меня не предупредив, не переговорив со мною, почти совершенно меня не зная, назвать меня царю для отправления на конференцию. Ведь я совершенно не посвящен в те вопросы, которые она будет обсуждать. Когда я спросил у Сазонова, как он мог решиться назвать меня, он мне ответил: “Вы так хорошо говорите по-французски”». Что Сазонов был легкомыслен, я устал в свое время повторять. Но на этот раз Сазонов не ошибся. Николай Николаевич потребовал от него переписку министерства, касавшуюся вопросов, подлежавших обсуждению конференции. Обстоятельно, как он только и умел что-либо делать, ее изучил. И отправился в Париж блестяще подготовленным. Произвел, как говорили, наилучшее впечатление в конференции.

Владимир Александрович Бонди, едва ли из всех журналистов того времени не наилучше осведомленный, сообщал мне время от времени сенсации по телефону. Телефонирует как-то утром в сентябре, что уволен министр внутренних дел Александр Алексеевич Хвостов (не прошло и полутора месяцев со дня его назначения) и назначен на его место товарищ председателя Государственной думы Протопопов. Протопопов, бывший офицер, бывший предводитель дворянства, крупный суконный фабрикант, участвовал в делегации Государственной думы, посетившей в 1916 году Францию и Англию[26]. На возвратном пути, отстав от прочих членов делегации, задержался в Стокгольме, где имел свидание с представителем германского правительства. Разговор шел на тему о сепаратном мире. Протопопову поручалось передать русскому правительству от имени германского правительства предложение заключить сепаратный мир. Протопопов путался в показаниях, кто именно с ним говорил. Уверял, что германский посланник. Выходило, что какое-то второстепенное лицо[27].

Выслушав утром сенсацию о назначении Протопопова, я днем встретился с Н. Н. Покровским на выставке протезов, открывшейся в доме «Общества дешевых помещений» у Марсова поля, на углу Царицынской улицы и Мойки. Захо-

тел проверить у Николая Николаевича правильность сообщения Бонди. К кому, в самом деле, было и обратиться за проверкою сообщения о перемене в составе правительства, как не к члену правительства, каким в то время был в качестве государственного контролера Покровский? Николай Николаевич поднял меня на смех. «Это информация вашего Бонди? Ну, на этот раз он проврался. Протопопов и ранее не принимался всерьез. А стокгольмским своим свиданием окончательно себя дискредитировал. К тому же он, по-видимому, сумасшедший. Кого хотите называйте, только не его. Назначение Протопопова совершенно невозможно!»[28]

Вечером — звонок по телефону. Говорит Покровский. Смущенным голосом. «Должен признаться, что вы были правы. Ваша информация верна. Но кто бы мог этому поверить?»

Вот как назначали министров и кого назначали министрами в 1916 году.

В октябре был уволен с поста министра юстиции Макаров и заменен по указанию распутинской клики *отличавшимся рекордною беспринципностью* бывшим обер-прокурором Первого департамента Сената сенатором Добровольским[29].

* * * * *

Работа моя по особой комиссии Верховного совета в связи с развитием ее деятельности настолько увеличилась, что совмещение этой работы со службою в министерстве стало для меня столь же тяжелым, как в свое время служба по совместительству в санитарной и эвакуационной части. Выезжая из дома часов в 9 утра, я возвращался домой из-за почти ежедневных вечерних заседаний особой комиссии зачастую после полуночи. И должен был еще дома заниматься. А с раннего утра, не давая мне досыпать, звонил телефон. Я очень утомился. Короткая поездка на съезд в Москву по делам особой комиссии, уже относительно давняя, потребовавшая напряжения и в Москве и продолжавшаяся едва ли многим более недели, не дала мне ни малейшего отдыха. Так как я не досыпал, то мне, прежде всего, безумно хотелось спать. Уверенный, что в Петербурге спать мне ни в каком случае не дадут, даже если я объявлю себя больным или настою на законном отпуске, я решил, чтобы поспать, уехать куда-нибудь недельки на две подальше. Остановился на Гельсингфорсе, в котором раньше никогда не был, который меня интересовал и посетить который я имел законный повод. Уже давно следовало посмотреть на работу местного комитета помощи больным и раненым воинам, состоявшего под председательством генерал-губернатора, выяснить нужды этого комитета и установить связь с ним. Вел<икая> кн<ягиня> Ксения Александровна находилась в своем крымском имении Ай-Тодор. Я ей телеграфировал, прося разрешения посетить Гельсингфорс. Получил ответную телеграмму, конечно, с согласием, и, отпросившись в министерстве, поехал в Финляндию... спать.

Основательно выспался уже в первую ночь в купе. В вагоне железной дороги удивительно покоит нервы уверенность в том, что сюда-то уже не позвонит к вам телефон и никто, ничто не оторвет вас призывом к изнервившей будничной работе от убаюкивающей сонной грезы, навеваемой мерным стуком колес.

Под утро мы мчались вдоль плакавших осенними слезами печальных карликовых лесов, дымившихся серым облаком болот, унылых оголенных лугов

и пашен. Печальные северные задворки природы уносили мечту к упоительным контрастам юга.

Гельсингфорс прелестен своею эспланадою и набережною. В остальном, по крайней мере в 1916 году, город был только сносен. Но он был европеец с головы до ног. Хороши гостиницы, рестораны, магазины.

Я посетил генерал-губернатора генерала Зейна. Он познакомил меня со своею женою. Супруги показали мне груды одежды для больных и раненых воинов, сшивавшейся под патронажем жены генерал-губернатора городскими дамами в его дворце. Побеседовали. Я не задержался. Гостеприимством генерал-губернаторской четы обворожен не был. Петербургского гостя ничем не почтили, даже не предложили чашки чая. Делопроизводство местного комитета помощи жертвам войны было возложено на канцелярию генерал-губернатора. Я познакомился с этим делопроизводством и с лицами, им занимавшимися. Размах дела был небольшой. Посетил кое-какие лазареты.

И стал спать ночью и днем до одурения, совершая в промежутках небольшие прогулки и завтракая и обедая в ресторане гостиницы, в которой остановился. Констатировал, что Гельсингфорс умеет быть скучным для новоприезжих, а потому является лучшим городом для тех из них, которым нужно побольше отдыха и поменьше отвлечений от него.

* * * * *

В Петербурге я застал настроение подавленное. Известия с фронта были плохие. Армию все более охватывала деморализация вследствие поражений и, как назло, мы еще потерпели неудачу на румынском фронте. Исчерпывались призывы старших возрастов. Уставшее от неудачной войны население отдавало запасных неохотно. Брались последние землеробы. И брались без толку, без плана. В тылу бездействовало резервистов раз в восемь больше, чем было бойцов на фронте. Царили хаос и беспорядок в направлении запасных к частям. Месяцами люди шатались от этапа к этапу. Блуждали. Попадая не туда, куда следовало, отсылались обратно. Кадровое офицерство было частью перебито, частью изувечено, частью в плену. Офицеры запаса не имели авторитета в глазах солдат, особенно из числа великовозрастных запасных. В бездействии, в недовольстве мобилизованные резервисты разлагались. Попадали на фронт из-за недостатка снаряжения невооруженными и только там получали ружья, выпавшие из рук убитых и раненых товарищей. Прибывавшие великовозрастные резервисты разлагали и без того деморализованных поражениями более молодых фронтовиков. С фронта в тыл и обратно, в настойчиво требовавшееся объяснение поражений на фронте и разрухи в тылу, передавалось черное слово «измена». Власть, безнадежно погрязшая в позоре распутиновщины, презиралась. Императрица Александра Федоровна за гибельное ее влияние на царя стала предметом всеобщей острой ненависти и тягостных подозрений. Правительство, из-за присутствия в его среде занимавших ответственнейшие руководящие посты политических авантюристов, не только бесчестных, но и бездарных, догнивало. И власть точно нарочно ускоряла его распад новыми безумными назначениями. Государственная машина расползалась по всем швам. Транспорт был в полном расстройстве. При наличии больших продо-

вольственных запасов в производящих местностях над страною нависла угроза голода из-за невозможности, вследствие разрухи, переброски этих запасов в пункты потребления. В городах стали испытываться продовольственные лишения. Нарастал недостаток во всем. Появились до того времени не виденные хвосты перед продовольственными лавками. Возвращаясь порою домой в поздние часы, я наблюдал образование хвостов перед мясными лавками на Сенной уже с ночи. Озлоблявшие население непривычною своею тяготою хвосты являлись предвозвестниками грозного народного бунта. Призрак его носился по всей стране от края и до края. Революция наступала с не скрывавшеюся решительностью и определенностью, охватив не только рабочие массы, армию, крестьянство, всю организованную общественность, но и круги, близкие к власти. Только слепому не были видны громадное сосредоточение революционных сил и неминуемость их победы. Но царь их не видел, не хотел видеть или притворялся, что не видит. Обреченность делала его глухим ко всем предостережениям. «Вы неправильно осведомлены. Мои сведения противоположны» — было обычным стереотипным ответом царя тем честным членам правительства, которые ему указывали на неминуемость гибели, если не будет в корне изменен политический курс, не будут удалены ненавистные министры, начисто сметена позорящая царскую державу распутиновщина, не будет устранено влияние на дела правления императрицы Александры Федоровны[30]. Царь в своей обреченности порывал со всем, что только могло его спасти. Шел на открытый разрыв со всею общественностью, на перманентный конфликт с Государственною думою, за которою шли, между тем, потерявшие веру в правительство все умеренные круги, являвшиеся оплотом гибнувшего строя. Императрица Александра Федоровна была не столь слепа в отношении революции. Докладчик ее по делам Верховного совета по призрению больных и раненых воинов Г. Г. Витте в эти дни говорил мне, со слов Александры Федоровны, что не веря в неминуемость революции, она все-таки считается с ее эвентуальностью. Но в этом отношении полагается на божью волю. Будет она такова, что революция случится, императрица готова восприять судьбу Марии Антуанетты. Но она не отступится от борьбы за передачу сыну неприкосновенною и во всей ее полноте власти, унаследованной его отцом от предков. Страх за собственную свою судьбу поставил в оппозицию к царю всю императорскую фамилию, не исключая императрицы-матери, удалившейся в Киев, чтобы только не видеть всего того, что ее печалило, возмущало и тревожило, но бороться с чем она была так же бессильна, как некогда находившиеся в числе приближенных царя другие преданные ему честные люди[31]. Все они были удалены. И остались одни лукавые друзья или молчальники. Опасность признавалась настолько неминуемою, что ввиду безнадежности сломить упорство царя всеми испробованными и исчерпанными мерами убеждения замышлялся дворцовый переворот. Открыто говорилось о существовании заговора, в котором участвовало офицерство и к которому примыкали члены императорской фамилии[32]. Другого средства попытаться предотвратить катастрофу уже не мыслилось. Но в царской России последних сумеречных дней ее упадка в вырождавшейся среде, замыслившей переворот, не находилось сильных людей. О перевороте слишком много говорилось, чтобы слова могли претвориться в дело.

Политическая атмосфера была настолько накалена, что в начале ноября появление Штюрмера в Государственной думе вызвало грандиозный скандал. Он

был позорно выгнан из Думы под неистовые крики огромного ее большинства: «Долой, вон, изменник». Через несколько дней пришлось его убрать с поста председателя Совета министров. Но он был оставлен министром иностранных дел. Премьером был назначен приличный человек, но неспособный — Александр Федорович Трепов, за год перед тем занявший пост министра путей сообщения и не сумевший на этом посту не то что упорядочить транспорт, но хотя бы несколько удержать стремительный его развал[33].

* * * * *

Ксения Александровна оставалась в этом году у себя в Ай-Тодоре в Крыму дольше обыкновенного. Я посылал ей по почте доклады о работе особой комиссии и телеграммами испрашивал ее согласие на мероприятия принципиального характера. Она пожелала лично переговорить. Телеграммою вызвала к себе в Крым.

В виду военного положения путь в Ялту через Севастополь представлялся неудобным. Я взял билет на Симферополь, обратившись по телеграфу к управляющему делами местного комитета помощи больным и раненым воинам с просьбою заказать мне автомобиль для переезда в Ялту.

В Симферополь я приехал поздно ночью. Управляющий местного комитета меня встретил и посадил на автомобиль. Была половина ноября. В Симферополе была зима и держался снег. В дороге было темно как в погребе, пустынно, одиноко, жутко. Дороги было верст сто. Так как она вилась по горам, то скорость приходилось поддерживать умеренную, и путь был поэтому долгий. Когда мы спустились к морю, ночь миновала. Но не только сменилась ночь днем. Еще симферопольскую зиму заступила мягкая, теплая осень южного берега. Во второй половине ноября попадались запоздалые цветы. И только роскошные летние краски Крыма выцвели и посерели.

В Ялте я остановился в гостинице «Россия». Ввиду позднего времени года она была почти пуста. Мне отвели номер в две комнаты с балконом, выходившим в сад. Погода была настолько теплая, что только перед тем расставшись со снежною морозною зимою, я испытал радость контраста, сидя на балконе без пальто, в одном плотном форменном сюртуке. Потребовал себе на балкон утренний кофе. Телеграфировал в Ай-Тодор, докладывая о приезде и испрашивая себе назначение приема. Отдохнув и позавтракав в ресторане гостиницы, отправился посетить генерал-губернатора, к которому были у меня дела. Генерал-губернатором был генерал Спиридович, служивший раньше в жандармерии, заведовавший одно время дворцовою охраною в Царском Селе, пользовавшийся покровительством Александры Федоровны, а потому неугодный находившейся в оппозиции к ней членам императорской фамилии, в том числе Ксении Александровне[34]. Имя его, между прочим, связывалось с делом об убийстве Столыпина в Киеве в 1911 году, так как он входил там в царскую охрану, состоявшую под главным заведованием Курлова. Но к нему лично каких-либо обвинений по этому делу общественное мнение не предъявляло[a].

[a] Последнее предложение вписано от руки, поверх заклеенной прежде написанной фразы.

Спиридовича я дома не застал и пошел к отправившемуся, как мне было известно, в Ялту после отчисления с должности товарища министра иностранных дел Владимиру Антоновичу Арцимовичу. Назначенный в Сенат, он уговорился о вступлении в исправление своих новых обязанностей не ранее начала января, нуждаясь, как он говорил, в отдыхе после усиленных занятий, а на самом деле нуждаясь в перемене обстановки и в покое, чтобы легче пережить первую боль от нанесенной ему Штюрмером незаслуженной обиды увольнения из родного ведомства. Устроился Владимир Антонович с женою и падчерицею в одном из флигелей дворца бухарского эмира. Устроил его там начальник среднеазиатского политического отдела нашего министерства В. О. Клемм, которого эмир просил принять на себя руководящее наблюдение за принадлежавшими эмиру в нескольких местах недвижимостями в России.

Владимир Антонович мне обрадовался. Я был приветливо принят и его женою, и *очаровательною* падчерицею мисс Мирьям. Арцимович много расспрашивал про министерство, про общее положение дел в Петербурге, про дела, приведшие меня в Ялту. Когда я уходил, меня просили назавтра обедать и во время пребывания в Ялте возможно чаще заходить.

Посетил еще одного будировавшего сановника — Леонида Михайловича Князева. Этого удалили с должности иркутского <генерал->губернатора с назначением в Государственный совет, дабы очистить место Белецкому, раскрывшему «покушение» веселого министра внутренних дел Алеши Хвостова на Распутина[35]. Ялта становилась убежищем обиженных и будировавших сановников. Князев приехал в Ялту с женою — моею двоюродною сестрою Мариею Николаевною. Она оставалась безутешною после гибели сына-конногвардейца в первое наше наступление в Восточную Пруссию.

Вечером в гостинице я нашел ответную телеграмму Ксении Александровны. Она сообщала, что ждет меня назавтра с утра, что за мною будет выслан автомобиль.

На следующий день, едва я встал и оделся, как зашел ко мне генерал-губернатор Спиридович. Высокого роста. Относительно молодой. Стройный. Шаблонное офицерское лицо — коротко остриженные волосы, бритый подбородок, подстриженные усы. Сообщил, что Ксения Александровна облюбовала в Ялте для устройства физиотерапевтического института частную лечебницу, прекрасно отстроенную и хорошо оборудованную, которую владельцы собирались, по слухам, ликвидировать. Несомненно, вел<икая> княгиня поручит мне испросить средства для приобретения этой лечебницы для особой комиссии, как равно для покупки продающейся под Ялтою усадьбы, в которой Ксения Александровна задумала устроить санаторию для туберкулезных детей лиц, пострадавших на войне. Спиридович вызывался помочь мне вести переговоры с владельцами лечебницы и усадьбы. Просил довести до сведения вел<икой> княгини, что он вообще отдает себя в ее распоряжение по делам особой комиссии, тем более, что является председателем местного комитета помощи больным и раненым воинам. Жаловался, что Ксения Александровна его игнорирует. Просил помочь ему наладить отношения с великою княгинею. Он еще сидел у меня, как пришел швейцар сообщить, что мне подан автомобиль Ксении Александровны. Прощаясь со Спиридовичем, я с ним уговорился, что на следующий день утром заеду за ним в его канцелярию, и мы вместе отправимся осматривать намечавшиеся к приобретению для особой комиссии лечебницу и имение.

Переезд на автомобиле из Ялты в Ай-Тодор, мимо Ливадии и Алупки — сплошное удовольствие. Было жаль, что этот переезд оказался слишком коротким.

Великая княгиня, здороваясь со мною, насмешливо заметила, что не имела еще случая поздравить меня после отставки Сазонова с назначением Штюрмера. Поздравляет теперь. Надеется, что я новым министром доволен. Я, признаться, растерялся. В щекотливое она меня ставила положение. Не мог же я родной сестре царя критиковать его действия. Сконфуженно бормотал: «Воля государя императора...» Ксения Александровна *смеялась. Потом серьезно заметила: «Все это ужасно грустно»*. Повела меня за собою завтракать. В столовой я застал дочь Ксении Александровны Ирину Александровну, супругу кн<язя> Ф. Ф. Юсупова-Сумарокова-Эльстона, находившихся при великой княгине младших ее сыновей, княгиню Орбелиани, двух незнакомых мне дам и мою кузину Евреинову. Сели завтракать. Блюдами присутствовавших не обносили. На стол были поставлены серебряные миски с кушаньями, подогревавшимися поставленными под каждой мискою спиртовками. Ксения Александровна сама накладывала кушанья на тарелки своим соседям и себе. Меня она посадила рядом с собою и заботливо угощала. После завтрака предложила курить и закурила сама. Кофе мы пошли пить в гостиную. Тут от разговоров на общие темы мы перешли к делам. Я вкратце повторил содержание моих письменных докладов, рассказывая о значительном развитии деятельности особой комиссии. Рассказал затем о моей беседе со Спиридовичем.

Ксения Александровна признала, что информация его верная. Ей бы хотелось устроить и физиотерапевтический институт, и детскую туберкулезную санаторию в благодатных условиях Крыма. Просила меня осмотреть облюбованные ею для этой цели лечебницу в Ялте и усадьбу под Ялтою, а также побеседовать о детской туберкулезной санатории с двумя знакомыми ей врачами, заведовавшими подобною же санаториею близ Алупки. Я говорил о предложении Спиридовича помочь мне в моих хлопотах, о его желании быть полезным вел<икой> княгине и завязать отношения с нею. Относительно последнего желания Спиридовича Ксения Александровна заявила, что оно неосуществимо, что никаких отношений с ним она поддерживать не желает.

Я осматривал со Спиридовичем лечебницу и усадьбу. И со своей стороны нашел их отвечающими целям задуманных в них устройств. И деньги, которые владельцы хотели за них получить, не представляли сумм преувеличенных. Ездил в детскую туберкулезную санаторию близ Алупки познакомиться и побеседовать с врачами, заведовавшими этою санаториею. Они выяснили мне, какие потребуются приспособления, какое оборудование для проектировавшейся новой санатории под Ялтою, какую можно исчислить приблизительную смету дополнительных расходов на ее устройство сверх средств, потребных для приобретения усадьбы для санатории.

Несколько раз ездил завтракать в Ай-Тодор, обедал у Арцимовича, обедал у Спиридовича. Познакомился с его женою, интересною и красивою.

Покончив с делами, все, что нужно было, осмотрев, подробно договорившись о приобретении лечебницы и усадьбы для санатории, собрав весь нужный материал для испрошения потребных кредитов, успокоив Ксению Александровну относительно налаженности работы особой комиссии, протекавшей в согласии со всеми соприкасавшимися с ней учреждениями и все более привлекавшей бла-

гожелательное внимание общественных кругов, я простился с вел<икою> княгинею и стал торопиться в Петербург.

* * * * *

Как ни был я подготовлен к неминуемости того неведомого, что наступало, что логически не могло не наступить, я, конечно, не улавливал сроков. И в этой тихой Ялте, вдали от политических битв кипевшей напряженной борьбою северной столицы, сроки казались тем отдаленнее, что не слышно было раскатов грома приближавшейся грозы. Мягкая, теплая осень, неподвижность ласкающих подножья гор светло-дымчатых туманов, редкие слезы глубоких посеревших небес над тихо плещущим морем навевали на утомившуюся природу такую сонную негу, такой безмятежный покой, что усыплялась в торжественной тишине беспокойная мысль, казалась преувеличенною и больною нараставшая там, на севере, тревога.

* * * * *

В Туле я вышел пообедать и купил на вокзале газеты. Когда я их развернул, то глазам своим не поверил — так был радостно ошеломлен прочитанным неожиданным известием. Моим министром был назначен мой добрый друг Николай Николаевич Покровский. Штюрмер, уволенный в первых числах ноября с поста председателя Совета министров, лишился-таки к концу месяца и портфеля министра иностранных дел[36]. Распутинцы потерпели поражение. Для них «кристаллически честный», как называла его Государственная дума, Н. Н. Покровский не являлся ни в каком случае подходящим главою дипломатического ведомства.

Государственным контролером на место Покровского был назначен, по сообщению газет, Феодосьев, тот самый бывший чиновник Государственной канцелярии, которого Коковцов хотел определить десять лет перед тем на ту должность начальника отделения Департамента окладных сборов, на которую Покровский проводил и провел меня. Феодосьев был тогда утешен назначением начальником отделения в канцелярию Совета министров. Оттуда Коковцов взял его к себе директором общей канцелярии Министерства финансов. Барк, сменивший Коковцова на посту министра финансов, оценив бюрократическую исполнительность Феодосьева, провел его себе в товарищи. В качестве товарища министра финансов Феодосьев формально стал министрабельным лицом. Поэтому и был назначен на открывшуюся вакансию государственного контролера. Должность эта не требовала инициативы. Для нее бюрократическая исполнительность Феодосьева являлась достаточным минимумом. Выбор был не блестящий, но сносный уже тем, что он был не распутинский.

Не распутинским являлось и сообщавшееся газетами назначение министром земледелия А. А. Риттиха взамен уволенного графа Бобринского[37]. А. А. Риттих был старшим сыном маленького генерала-петушка, командовавшего в свое время армейскою дивизиею в Ярославле. Поэтому по моим связям с Ярославлем я

об этом новом министре наслышан был давно. Немного и знал его, еще со времен моего студенчества. Помню А. А. Риттиха секретарем Департамента полиции, в котором он начал свою службу. Потом он служил в других ведомствах, везде проявляя отменную бюрократическую исполнительность при отсутствии инициативы*, которая отличала Феодосьева*. На некоторое время я вовсе потерял его из виду — таким он, в сущности, был незаметным лицом. В годы безвременья накануне «конца» этот «один из многих» прошел в министры. Нехорошо было, однако, что в данном случае*, не в пример должности государственного контролера, тут* требовалась инициатива, и инициатива чрезвычайная. На министре земледелия лежала ответственность за продовольственное дело, находившееся в ту пору в состоянии полнейшей разрухи.

В Москве я задержался на сутки по личным делам. Надо было повидаться с двоюродным моим братом Николаем Сергеевичем Лопухиным, молодым общественным деятелем, сподвижником председателя Союза земств и городов князя Г. Е. Львова. Я застал Николая Лопухина в управлении союза, представлявшем собою громадный муравейник суетливо работавшего люда. Внушительная была организация. И резко оппозиционная. Работала на войну, сколько могла, но с отличавшею земскую и городскую общественность императорской России бесхозяйственностью[38]. Это не мешало этой общественности становиться в героическую позу и поносить не только заслуживавшее поношения разлагавшееся бессмысленными, а порою и позорными назначениями правительство, но и совершенно поношения не заслуживавший подчиненный этому правительству государственный аппарат, который по составу работников был на самом деле куда выше аппарата организованной общественности. Последний был в ту пору вообще плоховат, а во время войны засорялся еще теми отрицательными элементами, которые устремились на службу работавшего на войну Союза земств и городов только потому, что служба эта освобождала от мобилизации в действующую армию.

Мы провозились с Николаем Лопухиным над общими нашими делами до вечера. Обедать он меня пригласил в Английский клуб, членом которого состоял. Я с удовольствием ухватился за его предложение. Московский Английский клуб! Для меня, чьи корни были московские, он представлялся целою эпическою поэмою родной старины. В тревоге ожидания неведомого и грозного мне хотелось восприять в стенах этого клуба хоть на один час то безмятежное настроение, с которым проводило в нем свои досуги родное прошлое, со спокойною верою взирая на не смущавший его завтрашний день.

Все здесь, начиная со швейцарской, проникнуто было тою великою простотою, которая отличает подлинно художественную роскошь. Мебель, бронза — старинные, великолепного, непревзойденного вкуса. Картины мастеров. Спокойные, не кричащие краски стен и тяжелых тканей убора окон и дверей. К обеду собралась немногочисленная компания — не более человек десяти-двенадцати. Из встречавшихся мне ранее лиц — бывший губернатор граф Муравьев, генерал Степанов, состоявший при вел<икой> кн<ягине> Елизавете Федоровне. С остальными Николай Лопухин меня познакомил. Отнеслись ко мне радушно. Обстановка была совершенно семейного домашнего обеда. Превосходный стол тонкой кухни, но именно домашний, без вычурных ресторанных эффектов. Хорошая закуска, добрая водка, тонкие вина. Простые, непринужденные разговоры. За кофе сидели долго. Курили. Беседа особенно оживилась к концу. Не хотелось расходиться.

К вечеру публика стала прибывать. И незаметно обширные залы клуба наполнились. Миновала интимность тесного круга. И пора было мне отправиться за моими вещами в гостиницу и оттуда ехать на вокзал.

* * * * *

В Петербург я приехал утром в неприсутственный день — 6 декабря, в именины царя, в которые обычно происходила торжественная служба в Казанском соборе. Желая поскорее повидать Покровского, который должен был обязательно быть в соборе, и встретиться с сослуживцами, *из которых имевшие придворные звания также должны были собраться в соборе,* я, в свою очередь, поспешил в собор.

Служба уже началась. Я пробрался в отведенное старшим гражданским чинам и придворным правое крыло собора. Налево располагался генералитет. Стал всматриваться в сановные спины. Покровского заприметил. Фигура его была высокая и крупная. Нашлись и приятели. Но никого не было из сослуживцев. На торжественных службах, на которые приглашались старшие гражданские чины, придворные и генералитет, им отводились места впереди, перед клиросами и амвоном, отгораживавшиеся от остальной площади собора низкою, в половину человеческого роста решеткою. Скопление народа всегда бывало таково, что задние ряды прихожан, напирая на передние, придавливали их к решетке, и та, составленная из отдельных перегородок на двуножных устоях, порою поддавалась и расходилась. Осаживали напиравшие ряды прихожан и выпрямляли решетку городовые. Получалось впечатление волнующегося моря, наваливавшегося на сшитую на живую нитку утлую плотину. Того гляди прорвет ее и снесет. И всякий раз, что я стоял внутри этого отгороженного круга и наблюдал тревожное колебание его решетки под натиском волнующегося людского моря, я думал о другом море — о революционной стихии, которая сметет все обветшавшие перегородки, настигнет, опрокинет и растопчет все ими отгороженное от негодующего народа, воплощавшее для толпы источник народных бедствий. В этот оказавшийся последним царский день в Казанском соборе решетка, отгораживавшая сановников и генералитет, колебалась особенно порывисто и сильно. Помощник градоначальника Лысогорский то и дело носился по цепи охранявших решетку городовых. Видение сокрушающей плотину бурной волны выступало особенно ярко и грозно.

По окончании молебна я подошел к Покровскому. «Вот уж чего я никак не ожидал! — отвечал мне на мое радостное приветствие Н. Н. — Все это подстроил Трепов. Отказаться было невозможно. Ну что же, послужим вместе. Но вряд ли это будет долго продолжаться. Мы уже переехали к вам в министерство. Заходите вечерком. Мне очень хотелось бы с вами побеседовать. О многом порасспросить. Кстати, расскажете о ваших крымских впечатлениях. Хотел уйти Нератов. Но я его уговорил остаться. Испросил ему назначение в Государственный совет с оставлением в должности товарища министра. Это его гарантирует от возможных случайностей[39]. Другие не пытались от меня сбежать. Половцов со мною обворожителен».

Вечером я впервые вошел в квартиру министра иностранных дел как в дом почти родной и близкий. Если не особенно радовался своему новому назначе-

нию Николай Николаевич, отдавая себе отчет о крайней серьезности положения, то ликовали Екатерина Петровна, старики-родители Н. Н. и его сыновья, прервавшие свои занятия в университете и поступившие, после прохождения краткосрочных военных курсов в Пажеском корпусе, офицерами в действующую армию. Сейчас они приехали на несколько дней в отпуск в Петербург. За чаем Н. Н. расспрашивал меня о делах, порядках и лицах. Обменивались замечаниями, впечатлениями. Пришел Г. Г. Витте. Зашла речь о внутреннем политическом положении. Мы с Н. Н. признавали его крайне серьезным, *я лично — почти безнадежным*. Г. Г. находил, что революция во время войны возможна, но отнюдь не неминуема. Паническое настроение в среде правительства может ее вызвать, а уверенность власти в своей силе — предотвратить. Правительство может и должно окрепнуть, не поддаваясь шатаниям, навеваемым на него извне. Говорил докладчик императрицы Александры Федоровны по делам призрения жертв войны. Императрица не считалась с неминуемостью революции. Г. Г. являлся подголоском Александры Федоровны.

* * * * *

Я вновь впрягся в мое двойное ярмо — в департаментскую страду, в невероятно разросшиеся дела особой комиссии. Надо было из комиссии уходить. Я подготовил себе отступление.

* * * * *

Недели через полторы-две после моего возвращения мне позвонил по телефону В. А. Бонди и сообщил об убийстве Распутина[40]. Я телефонировал Покровскому. Н. Н. отнесся в свое время с недоверием к информации Бонди о назначении Протопопова министром внутренних дел. Но пришлось ему повиниться в неосновательности проявленного недоверия. На этот раз Покровский поверил сообщению Бонди. А через несколько часов новость облетела весь город.

Как впоследствии выяснилось, убили Распутина член Государственной думы В. М. Пуришкевич, вел<икий> князь Дмитрий Павлович и супруг кн<ягини> Ирины Александровны (дочери велик<ой> княгини Ксении Александровны) князь Ф. Ф. Юсупов-Сумароков-Эльстон. Преодоление инерции, переход от слов к делу взяли на себя общественные верхи.

На свете больше людей неумных, чем умных людей. Неумное большинство рассудило, что убийством Распутина все спасено. Не учло, что само по себе убийство было лишь полумерою. Предостережением столь же бесполезным, сколько безнадежно поздним по отношению к тем, чья пораженная вырождением больная мысль творила распутиных*, как ферментирующая сырая гниль порождает и выращивает поганки. Растопчите одни — назавтра вырастут другие, пока не уберете самую питающую их гниль*. Люди думали: убит Распутин. Устранена причина помрачения. Околдованная воля скинет с себя кошмарные путы. Работу на гибель сменит просветленный порыв ко спасению. Но убийством Распутина не искоренена была больная мысль, вознесшая непотребного хлыста на правитель-

ственную высоту. Не было когда Распутина, были филиппы, папюсы и другие темные проходимцы, лишь не успевшие или не сумевшие вырасти в правители России. Не стало Распутина, осталась распутиновщина. И тотчас на место раздавленной гадины стала другая. По мере приближения к гибели разум все более помрачался. В эти дни в Царскосельском дворце положительно с ума сошли. Н. Н. Покровскому передавали за достоверное, будто при участии страдавшего прогрессивным параличом министра внутренних дел Протопопова вызывался дух Распутина[41]. Кончилось будто дело тем, что Протопопов объявил, что он уже не он, а воплощение духа убитого старца. *Душа Протопопова отлетела, ибо несовместно двум душам обитать в одном теле*.

Так как и после убийства Распутина он остался жить, лишь в протопоповском образе, то ясно, что политика *окончательно* помрачившейся в своем разуме верховной власти не изменила своего курса. Разве стала еще хуже, ибо влиявший на нее подлинный Распутин был, при всем своем негодяйстве, проходимцем все-таки неглупым. Сменивший же Распутина, восприявший его *дух и* гибельное влияние Протопопов, когда и был здоров, умом не отличался, а теперь стал полусумасшедшим вследствие проявившегося у него прогрессивного паралича.

Поэтому если раньше общественность, Дума и из состава кабинета честные министры добивались изгнания Распутина, то теперь они стали единодушно требовать удаления Протопопова.

В курьезном положении в этом отношении оказалась Дума. Ничтожный и больной Протопопов, пока был членом Думы, был у нее в чести. Мало того, думские лидеры во главе с председателем Родзянко только что перед тем «проводили» Протопопова на пост министра торговли[42]. Теперь они оправдывались тем, что Протопопов не был будто бы тогда больным и не была известна оказавшаяся близость его к Распутину, приведшая Протопопова к власти. Плохо, стало быть, присматривалась к нему Государственная дума. Он когда и стал министром, не проявлял признаков такого острого умопомешательства, что требовалась горячечная рубашка. Особенно резкой перемены в состоянии здоровья не последовало. Болен же был давно, а неумен и ничтожен — всегда. Это следовало заметить Думе раньше. С другой стороны, нельзя было Думе проморгать близости Протопопова к Распутину. В хорошеньком положении оказалась Дума, проводившая в желательные для себя министры распутинского служку! Дума оскандалилась, рекомендуя Протопопова на пост министра торговли. Показала себя бедною людьми, избрав его в товарищи председателя Думы.

Из числа министров на удалении Протопопова настаивали премьер Трепов, министр народного просвещения граф Игнатьев и с первых же своих докладов царю Н. Н. Покровский. Все они просились в отставку, указывая на невозможность совместной работы с Протопоповым. Просьбы их об отставке были отвергнуты. Несколько времени спустя, в конце декабря, Трепов и граф Игнатьев были, однако, уволены. Премьером, как ни противился, был назначен совершенно к этому посту не подходивший, к власти отнюдь не стремившийся и ее не добивавшийся член Государственного совета князь Н. Д. Голицын, бывший губернатором в нескольких губерниях, между прочим, долгое время в Тверской[43]. Последнее время был вице-председателем состоявшего под председательством императрицы Александры Федоровны Комитета по оказанию помощи русским военнопленным. Я его встречал в комиссии товарища министра финансов Кузьминского по

отпуску средств на надобности военного времени испрашивавшим кредиты для комитета военнопленных. Странное назначение! Неподходящее, сознающее свою неподготовленность лицо, а потому отказывающееся принять бремя власти, назначается главою правительства в такую минуту, когда в стране, изнемогающей от войны, наступает революция. Министром народного просвещения на место графа Игнатьева назначается некто Кульчицкий. Раньше мы о нем не слыхали. Когда заинтересовались, нам сказали: реакционер-черносотенец, *бездарный и тупой*.

* * * * *

В эти дни помрачался рассудок у людей и считавшихся неглупыми. Мыслились ими, серьезно задумывались и говорились совершенные нелепости.

В самом конце декабря в нашей министерской церкви служили панихиду по скончавшемся после в Лондоне графе Бенкендорфе. На панихиду прибыл вел<икий> князь Николай Михайлович, известный своими историческими исследованиями и трудами, заслужившими ему звание почетного члена не только нашей, но и Французской академии наук. Человек несомненно недюжинный, солидный, немолодой. Народу в церкви было мало. В числе присутствовавших находился Николай Николаевич Покровский и я. По окончании панихиды, выходя из церкви в министерский коридор, вел<икий> князь обнял Николая Николаевича за талию и весьма оживленно стал что-то ему шептать. Н. Н. вскидывал голову, подымал плечи, разводил руками, словом, выражал крайнее изумление. Вел<икий> князь с ним простился и быстро зашагал к выходу из министерства. Я настиг Николая Николаевича. «Что он вам сказал? Вы так изумлялись, что я горю нетерпением узнать, в чем дело?» — «Что он мне сказал? Вы представить себе не можете! Он мне сказал: "Каково мне, великому князю, готовиться на старости лет в президенты Российской республики. *А дело определенно клонится к тому!*"».

Было чему изумиться. Они, великие князья, думали овладеть властью и ее удержать даже в случае падения монархии. Народ, видите ли, и по провозглашении республики пойдет за Романовыми и воспримет их ставленника, выбранного из их среды в президенты. Поистине помрачение разума!

Дня через два мы узнали, что великокняжескому претенденту на президентское кресло было повелено удалиться из Петербурга в одно из его имений. Говорили, за письмо к царю от имени всей императорской фамилии с просьбою, похожею на требование, смягчить меру наказания за убийство Распутина вел<икому> кн<язю> Дмитрию Павловичу. Последний куда-то высылался. Находили, что чересчур далеко. Несколько раньше Николай Михайлович писал царю, предостерегая от продолжения политики разрыва с общественностью и действий, направленных ей наперекор[44].

* * * * *

Когда я задумываюсь над эпопеею распутиновщины, имевшею в своей основе заведомую душевную болезнь Александры Федоровны, передававшуюся ею и неустойчивому мозгу царя, я вспоминаю одно-единственное заседание Верхов-

ного совета по призрению жертв войны, происходившее под председательством императрицы, на котором я присутствовал и которое показало, что помрачение духа Александры Федоровны, проявлявшееся в известной обстановке и по известному поводу, укладывалось с ясностью ума при иных условиях и в ином направлении мысли. Заседание происходило в начале осени 1916 года, еще за время премьерства Штюрмера, в Зимнем дворце. Присутствовали императрица, дочери ее, вел<икие> княжны Ольга Николаевна и Татьяна Николаевна, министры, председатель Думы Родзянко, некоторые члены Верховного совета и особой ее комиссии. Докладчиком был Штюрмер. Некрасноречив был распутинский премьер. Он мямлил, путал, сбивался. Трудно было уловить его мысль. Последовали сдержанные прения присутствовавших. Менее сдержанными по форме были возражения Родзянко. Обсуждался, между прочим, вопрос об отпуске средств Верховному совету из Государственного казначейства. Хотя они заимствовались из кредитов на надобности военного времени, отпуск которых был уже санкционирован в установленном порядке, Родзянко доказывал, что перечисления из этого источника по конкретному назначению на нужды Верховного совета не могут последовать помимо Думы. Она должна обсудить и целесообразность испрашиваемых ассигнований, и их размер. Как во всех риторических выступлениях Родзянко, убедительность его аргументов подкреплял указательный перст думского председателя. Он преподносился оратором к его носу и оттуда грозил в пространство. В увлечении своею аргументациею Родзянко стал грозить перстом в сторону императрицы, к которой обращался с речью: «Помимо Думы, ваше величество, — перст усиленно закачался, — сделать этого нельзя!» Не обращая внимания на довольно-таки неприличную жестикуляцию думского председателя, которого Александра Федоровна не терпела и о котором будто бы говорила, что «его следовало бы повесить», императрица стала резюмировать прения. [a]И как деловито[a], ясно, толково! Я ушам своим не верил. Вот так душевнобольная! И тем не менее, именно душевная болезнь переплеталась в этой трагической женщине больной гессенской крови с ясностью рассудка в суждениях о предметах, непосредственно не касавшихся затемнявшего ее сознания мракобесия.

[a–a] Вписано вместо: «И каким деловым, чисто русским языком, без малейшего иностранного акцента, как умно».

Глава 22.
1917 год

Развал ширился. Росли, раздражая особенно городскую часть населения, продовольственные затруднения. Бестолковые распоряжения неспособного, растерявшегося правительства их только усугубляли. В тылу армий царил хаос. Снабжения и снаряжения недоставало. Бойцам осточертели окопы. Ружей едва хватало для частей войск, выдвинутых на фронте. Запасные, мобилизованные в количествах, превышавших тот контингент, который можно было вооружить, повторяли забытые ружейные приемы с палками в руках. Большую часть времени, озлобленные отрывом от земли, без дела, без толку шатались по городам, обезлюдив своим отсутствием деревню, остававшуюся на женщинах, стариках и детях. Фабрично-заводские рабочие были накалены до степени, близкой к революционному взрыву. Революция наступала и в казармах запасных батальонов. Подогревали настроение распропагандированные в германском и австрийском плену возвращавшиеся из плена больные, раненые и увечные наши воины. Охвачены были революционною волною земства, города, Союз земств и городов, думская общественность, всякие иные общественные группировки. Скопилось столько горючего материала, что в любую минуту случайная искра могла разжечь неугасимый пожар.

Взбунтовался... даже Сенат. Царь подписал представленный ему Протопоповым проект указа Сенату о назначении товарищем министра внутренних дел Курлова. Сенат ввиду одиозности Курлова отказался вынести требовавшееся постановление об опубликовании указа. Случай, не имевший прецедента! Царь на отказ Сената ничем не реагировал. Курлову было предложено заняться делами министерства «частным» образом, в качестве приватного советника, без права подписи и выступления в высших государственных установлениях[1].

На 1 января состав членов Государственного совета по назначению был пополнен лицами наиболее реакционного направления. Председателем Государственного совета был назначен бывший министр юстиции Щегловитов[2].

В течение января был уволен недолго продержавшийся у власти военный министр Шуваев. На его место был назначен начальник Главного штаба генерал Беляев — человек, по отзывам лиц, знавших его, посредственный и лишенный

инициативы. Тогда же был назначен послом в Лондон Сергей Дмитриевич Сазонов взамен умершего графа Бенкендорфа[3].

Н. Н. Покровский чувствовал себя на своем новом посту нехорошо. Ввиду большой нашей близости он мне рассказывал о каждом своем докладе царю. После доклада текущих дел Н. Н. всякий раз ему указывал на гибельность внутренней нашей политики. Говорил о неизбежности революции, если не последует изменения внутреннего курса и не будет уволен вызывающий своими действиями крайнее раздражение всей общественности Протопопов. Выслушав стереотипный ответ царя, что он оснований к этому не видит, Покровский неизменно оканчивал свой доклад просьбою об увольнении, чтобы не быть вынужденным ввиду неизбежности все-таки, по его мнению, революции приложить руку в качестве министра иностранных дел к заключению «позорного мира». Царь всякий раз отвечал: «Вы неправильно осведомлены; никакой революции не будет; о вашей просьбе подумаю, подождите».

В тех же буквально выражениях повторялись заключительные слова докладов министра и реплики царя вплоть до последнего доклада в половине февраля, когда царь отправился в последний раз в Ставку.

Что творилось в эти последние дни в Царском, об этом в то время слышать не приходилось. Теперь приходится читать, что не была оставлена мысль о заключении сепаратного мира[4]. Делались будто бы предложения неприятельской стороне заключить такой мир. Будто бы для создания видимости, что к такому миру русское правительство вынуждается революциею, Протопопов провоцировал беспорядки, подготовив казавшиеся ему достаточными и надежными средства для своевременного последующего их подавления. *Последнее предположение — преднамеренное провоцирование революции — представляется совершенно неправдоподобным.*

По этому поводу следует иметь в виду, что тогдашний министр иностранных дел прямодушный Н. Н. Покровский был настолько педантически честным человеком, что со своей стороны считал сепаратный мир, даже вынужденный революциею, позорным и в своих докладах царю решительно отмежевывался от самой эвентуальности соучастия в заключении подобного мира. Поэтому можно положительно утверждать (по моей близости к Н. Н. я это знаю наверное), что если и были в Царском предприняты в феврале какие-либо шаги к заключению сепаратного мира, то ни в каком случае не по почину, даже не с ведома, а помимо тогдашнего главы дипломатического ведомства. Прецеденты сношений по делам внешней политики через голову министра иностранных дел, однако, были. Достаточно вспомнить безобразовский комитет, творивший перед японскою войною нашу дальневосточную политику через голову графа Ламздорфа[5]. Поэтому через голову Покровского попытки заключить сепаратный мир могли быть предприняты.

* * * * *

В январе под председательством Н. Н. Покровского заседала собравшаяся в Петербурге конференция союзников[6]. Обсуждались вопросы о согласовании военных действий союзных армий, об обеспечении русских армий боевым сна-

ряжением, об облегчении России производства платежей по военным заказам и закупкам за границею, об удовлетворении других наших финансовых потребностей. Из вопросов политических рассматривался вопрос о том, чтобы склонить Японию к более эффективному сотрудничеству с союзниками — отправкою японских войск на театр военных действий и усилением снабжения Япониею русских армий военным снаряжением. Соображался также вопрос о мерах к восстановлению боеспособности сербской армии. Продолжительные прения вызвало положение, занятое Грециею по отношению к войне. В войну Греция вовлечь себя не давала ни той, ни другой стороне из беллигерантов. Но нейтралитет ее не был действительным. Королевское правительство тяготело к центральным державам. К союзникам Греция относилась недоброжелательно. Этим создавалась угроза салоникской армии союзников. Имели даже место враждебные выступления по отношению к ней со стороны греческих войск и местного населения. На это союзники ответили предъявлением ультиматума королевскому правительству и объявлением блокады Греции. Положение создалось напряженное. Принятие против Греции решительных мер, т<о> е<сть> попросту военного воздействия, признавалось нежелательным. Не входило в виды союзников создавать себе лишнего противника в усиление враждебной коалиции. С другой стороны, снятие блокады открывало бы Греции возможность накоплением продовольственных запасов подготовиться к войне и, вступив в коалицию, враждебную союзникам, нанести удар салоникской армии. Признавалось желательным, не снимая блокады, лишь несколько ее ослабить, пропуская в Грецию продовольствие для потребностей населения в ограниченных количествах, не дающих возможности накопления запасов.

Конференция протекала в атмосфере подавленности и удручения. Чувствовалась близость катастрофы, имевшей смести ту власть, от имени которой выступали в конференции русские представители и с которою договаривались иностранные делегаты. Не верилось, что эта власть додержится до момента осуществления обсуждавшихся мер. Поэтому прения об этих мерах велись формально и неискренне. Конференция вышла бледная и вялая.

* * * * *

Около 20 февраля по вызову бюджетной комиссии Государственной думы я отправился в заседание этой комиссии давать объяснения по смете ведомства. Для объяснений по обычно задававшимся в связи со сметою вопросам специфически политического характера со мною отправились второй товарищ министра Александр Александрович Половцов и в помощь ему *умный и* весьма осведомленный в политических делах в общем ведомственном их масштабе начальник политического отдела Ближнего Востока Александр Михайлович Петряев. Последний недавно перед тем заменил умного и симпатичного Константина Николаевича Гулькевича, назначенного посланником в Стокгольм. В центральное ведомство Петряев был назначен с должности нашего комиссара в Албании.

Вследствие ли встречи с представителями приемлемого ведомства, возглавлявшегося единственно достойным во мнении Думы министром, Н. Н. Покровским, по причине ли усталости от вечного пафоса негодования, настроение

в бюджетной комиссии было тихое и спокойное. По внешности ничто не предвещало того катаклизма, от которого нас отделяла всего лишь одна с небольшим неделя. И Павел Николаевич Милюков любезно и благожелательно допрашивал нас о наших делах, едва ли думая, что всего через какие-нибудь десять дней осуществится наконец его давнишняя мечта стать нашим министром — не в путях эволюции, как он мечтал, а все-таки революции. Мы так легко договаривались, такой у нас установился общий язык, что казалось, если и случится революция, но такая, которая приведет к смене царской власти властью правительства, составленного из милюковых, то нам не придется начинать с этим правительством новый разговор, а предстоит лишь продолжать прежние, ставшие уже привычными беседы. Большинство, определенно предвидя революцию, не мыслило в ослеплении своем правительства «левее» милюковского толка.

* * * * *

Когда началось то предчувствовавшееся, неминуемое, мы сразу не поняли, что это именно то[7]. Вспыхнули волнения на почве недостатка продовольствия. Толпы, двигавшиеся с окраин, требовали хлеба. Кое-где громились продовольственные лавки. Это происходило 23 и 24 февраля. А 25 числа забастовали фабрики и заводы. Остановился трамвай. Образовались шествия с красными флагами, прорывавшиеся к центру города. Преграждали им путь полиция и войска. Произошли столкновения. Началась стрельба. Она усилилась на следующий день — 26-го, в связи с вовлечением в революционные демонстрации все больших народных масс. Наиболее серьезные столкновения с пролитием крови произошли на Знаменской площади.

В описываемые дни я продолжал жить в Неклюдовском доме на Кирочной улице на углу Потемкинской, наискось от Кирочных Преображенских казарм. Я получил право на казенную квартиру в доме министерства на Мойке, рядом с Певческою [a]капеллою. Но так случилось, что она была занята лазаретом[a]. И лишь в последнее время зашла речь о переводе его в другое, более обширное помещение, после чего я мог бы въехать в эту квартиру. Но пока приходилось оставаться в доме Неклюдовых на Кирочной. 27-го утром в одиннадцатом часу я по обыкновению отправился из дому в министерство. Трамваев не было, извозчиков тоже. Двинулся пешком. На улицах было тихо и спокойно. Не только не было признаков опасности положения, но и ничто, кроме разве отсутствия извозчиков и трамваев, не говорило о наличии беспорядков в городе. Необычным было лишь то, что когда я пытался выйти через Воскресенский проспект на Неву (почему-то захотелось пройти кружным путем по набережной), то меня остановил конный городовой, заявив, что на набережную публику не пускают. Очевидно, принимались меры воспрепятствования рабочим демонстрациям проникнуть в центральную часть города через Литейный мост, и скопление публики на набережной перед мостом

[a–a] Вписано вместо: «капеллою, занимавшуюся ранее Арцимовичем. Но предшественник мой Фан дер Флит, имевший собственный дом на Галерной улице, когда был назначен директором, отдал эту попавшую в его распоряжение квартиру под лазарет. И последний в ней оставался, когда право на квартиру перешло ко мне».

признавалось нежелательным. И все-таки не мыслилось, что наступает то большое и страшное, что знаменовало всеми ожидавшуюся катастрофу в результате достигшего крайнего напряжения кризиса власти. Накануне мы с женою проводили вечер у Покровских. Николай Николаевич в качестве члена правительства был, конечно, в курсе событий. По его словам, они обсуждались днем в Совете министров. И правительство расценивало их как только беспорядки на почве продовольственных затруднений, отвергая пока что эффективность факторов, пытавшихся разжечь беспорядки в революционный пожар. По части продовольствия принимались экстренные меры к удовлетворению им потребностей населения. И ожидалось, что беспорядки минуют. Так расценивало события правительство[8]. Более серьезно относился к беспорядкам посетивший в этот вечер Покровских жандармский генерал Волков, двоюродный брат Екатерины Петровны. Но и он не видел в этих именно беспорядках того большого выступления, которое решит судьбу царской России. Не предчувствовал, что ему самому суждено всего через каких-нибудь два дня пасть одной из первых кровавых жертв революционной бури.

Не успел я, придя в министерство, расположиться у себя в кабинете и обозреть почту, ожидавшую меня на письменном столе, как вошел курьер и сообщил, что меня вызывает к телефону моя жена. Она телефонировала, что из расположенных напротив нашей квартиры Преображенских казарм (временно занимавшихся запасными батальонами Кексгольмского и Волынского полков) толпами высыпали солдаты и, неистово крича, открыли беспорядочную стрельбу по улице[9]. Я отвечал просьбою отвести детей и самой жене укрыться во внутренние комнаты, выходящие окнами во двор, спокойно выжидать дальнейших событий, в случае чего нового телефонировать мне. Вернувшись в кабинет, я позвонил оттуда по телефону внутреннего сообщения Покровскому и передал ему сообщение жены. Николай Николаевич ответил, что о том, что происходит, правительство уже осведомлено. Ему только что звонили. «Очевидно (?), принимаются меры (?)». Через какие-нибудь полчаса о происходивших событиях в министерстве знали уже все. Передавалось, что восстали несколько полков. Между ними и частями, остававшимися *еще* верными власти, произошли столкновения. Одни части стреляли в другие. Восставшие войска овладели арсеналом. Вооружали рабочих. По городу носились грузовики с вооруженными людьми. В них стреляли, и они стреляли. На улицах были убитые и раненые. Впоследствии выяснилось, что по городу во многих местах, преимущественно в чердачных помещениях, были устроены пикеты полиции, снабженные пулеметами. Полиция расстреливала восставшие войска и народ. Были разгромлены суд, полицейские участки, тюрьмы. Заключенные освобождены.

Покровский мне телефонировал, чтобы ввиду стрельбы на улицах я отнюдь не вздумал идти по окончании присутствия домой. «Пообедайте у нас. Мы уже телефонировали вашей супруге, что не пустим вас. Она вас не ждет. А там к вечеру видно будет».

Окна моего кабинета выходили на Дворцовую площадь. Около 4-х часов с Миллионной показались войска. В порядке, стройными рядами они вливались ускоренным шагом в центральные ворота Зимнего дворца. Войск набралось много. Они дефилировали мимо наших окон, казалось, без конца. Прошел какой-нибудь час. Ворота Зимнего дворца распахнулись. Беспорядочными толпами врассыпную войска выливались обратно.

Когда я прошел внутренними переходами в квартиру Покровского, то застал его и его семью в состоянии крайней подавленности. Не оставалось места никаким уже сомнениям в значении того, что происходило. И нарастал страх. Тот страх, который сосет под ложечкой и обдает ознобом кожу. Деланными были привычные приветственные улыбки. Обрывался фальшивый разговор о предметах, чуждых тому большому, главному, что случилось, от чего не могла отвязаться мысль, полная мучительной тревоги. Мы нехотя, без аппетита пообедали. Курьеры принесли известие, что стрельба на улицах не прекращается.

Я прошел в свой кабинет в департаменте. Была уже ночь. Дворцовая площадь тонула во тьме. Зажглись два круглых глаза медленно двигавшегося авто. К подъезду нашему, выходившему на площадь, подкатил броневик. Застопорил машину, дышавшую гулкими короткими взрывами. И, покрывая их, затрещал в броневике пулемет. Идти домой было еще опасно.

Вернулся к Покровским. Николая Николаевича вызвали на экстренное заседание Совета министров в Мариинский дворец. «Попробую пробраться, теперь не так страшно», — успокаивал Николай Николаевич свою жену. «А вы, — обратился он ко мне, — переночуйте у нас. У вас нет такой экстренности выходить. И идти вам — большой конец. Больше риска. Ложитесь-ка спать».

Мы напились чаю. Проводили Николая Николаевича. Екатерина Петровна, конечно, волновалась. Несколько погодя я с нею простился и пошел прилечь в приготовленную мне для ночлега одну из многочисленных комнат квартиры министра.

Я погрузился в тяжелый, тревожный сон.

«Вставайте». Передо мной у кровати стоял Николай Николаевич. «Никакого заседания не было. Нас хотели арестовать. Едва разбежались. Я отсиживался несколько часов в подвале. Насилу пробрался закоулками домой. Прежнего правительства нет. Власть перешла к Государственной думе. Она выделила исполнительный комитет, который всем и распоряжается. Стрельба шла всю ночь. Теперь стихла. Если хотите воспользоваться моментом, постарайтесь до рассвета пробраться домой».

Я вскочил. И отправился. Перейдя Певческий мост, двинулся по левому берегу Мойки. Начинало светать. Все было благополучно, пока я не добрался до Марсова поля. Когда, следуя по его краю вдоль Мойки, я приближался к Летнему саду, меня обогнал грузовик с вооруженными рабочими. Они кричали. И вдруг на ходу открыли стрельбу. Вокруг меня засвистали пули, но не от грузовика. Он стрелял вверх и в сторону. Очевидно, откуда-то стреляли по грузовику. По-видимому, из Инженерного замка. Я не помню, как пробежал по мосту через Фонтанку и, обогнув Соляной городок, свернул с Пантелеймоновской в Соляной переулок. На Пантелеймоновской стреляли. Появились вооруженные солдаты. Везде по пути на мостовой валялись расстрелянные ружейные патроны. Вышел на Гагаринскую. Пошел по Сергиевской. Она была пустая. Рассветало. Передо мною шел солдат и бессмысленно, не целясь, стрелял время от времени вверх. С Моховой пробежали люди, неся не то убитого, не то потерявшего сознание раненого. Пересекая Литейный, я увидел на месте окружного суда его развалины. Зияющие пустыми окнами разрушенные стены. Следы погрома и пожарища. Во всю ширину проспекта жерлами к Невскому были поставлены пушки, и вокруг них копошились солдаты. Слышалась ружейная и пулеметная стрельба. Еще про-

несли не то убитого, не то раненого. По Сергиевской до ее конца у Таврического сада я дошел, не натыкаясь более на стрельбу. Оттуда по Потемкинской добрел до дому. Дома все было благополучно. От волнений перехода я чувствовал себя разбитым и ощущал озноб. Из любопытства измерил температуру. *Оказалось, она поднялась до 39 гр<адусов>. Часа через два опустилась до нормальной.*

Перед моими окнами, направляясь через Потемкинскую к Таврическому дворцу, дефилировали воинские части. Шли приветствовать Государственную думу. Прошел, между прочим, Гвардейский экипаж. Во главе его верхом на лошади ехал командир вел<икий> кн<язь> Кирилл Владимирович[10]. Шли отдельными кучками солдаты, ведя в Думу арестовывавшихся ими сановников и генералов. Провели соседа, жившего по Кирочной через два дома от нас, члена Государственного совета Алексея Борисовича Нейдгардта. Как потом рассказывали, солдаты врывались в квартиры и кого арестовывали, а кого и приканчивали. Беспощадно убивались всякие жандармские и полицейские чины. О городовых, стрелявших из пулеметов, и говорить не приходится. Они были все растерзаны солдатами. Но не было пощады и таким городовым, которые не были причастны к стрельбе из пулеметов. И их уничтожали. Большую партию расстреляли на Неве, на льду. Тела бросили в прорубь.

Среди дня раздались выстрелы у нас во дворе. Из кухни с плачем и воплями выбежали кухарка и горничная. Сообщили, что солдаты расстреливали и рубили шашками откуда-то вытащенного городового.

Несколько погодя другие солдаты ворвались к нам. Требовали «генерала». Схватили меня. Держали уже за плечи. Не растерявшись, я им заявил, что если они ищут военного генерала и принимают за такового меня, то ошибаются. Взял из письменного стола свой паспорт и дал им прочесть, что по части чинов я значусь действительным статским советником, а не генералом. Один из солдат, по-видимому, старший [а]в прибывшей группе[а], прочитал паспорт и, обратившись к товарищам, подтвердил, что правда, я «какой-то советник», а не генерал. Солдатские руки, сжимавшие мне плечи, разжались. Порядка ради солдаты поискали в квартире, не скрывается ли где какой-либо подлинный генерал, и, не найдя, ушли. Выяснилось, что навела солдат на меня швейцариха. Солдаты с угрозами требовали от ее мужа и от нее показать, в каких квартирах живут в доме генералы. Генералов в доме не было. Солдаты настаивали. Швейцариха со страху указала на меня. Мне приходилось иногда выезжать из дому в форменной одежде. А камергерское пальто было снабжено *продольными* погонами *золотого шитья с пришитым к ним двуглавым орлом*. По чину и должности отвороты пальто были красного сукна. Красные отвороты и погоны являлись в глазах швейцарихи атрибутом генерала. Поэтому она и указала солдатам на меня как на генерала. Пронесло.

К вечеру опять началась стрельба на улицах. Скрываясь от всюду летавших пуль, к нам позвонил незнакомый офицер. Заявил себя приезжим. Просил пустить его к нам переждать, пока стрельба не стихнет. Я ему предложил переночевать у меня в кабинете.

Следующий день, 1 марта, продолжал протекать тревожно. Ожидалось прибытие войск с фронта для подавления революции. Как известно, отправленные части, не дойдя до Петербурга, примкнули к восставшему народу.

[а–а] Вписано вместо: «среди нагрянувших “экзекуторов”».

2 марта было получено известие об отречении царя от престола в пользу брата, вел<икого> кн<язя> Михаила Александровича. Председателем Совета министров царь назначил председателя общеземского союза князя Львова. 3 марта Михаил Александрович отказался принять власть. Исполнительный комитет Государственной думы назначил Временное правительство. Министром-председателем оставался кн<язь> Львов, и ему вручался портфель министра внутренних дел. Министром иностранных дел назначался Милюков, юстиции — Керенский, военным и морским — Гучков, финансов — Терещенко, земледелия — Шингарев. Небольшие были эти люди: недюжинным был лишь Милюков, совершенно ничтожным — дегенерат Керенский. Но они все-таки прорвались в историю. Остальных, с позволения сказать, министров печальной памяти Временного правительства перечислять не стоит. Еще 27 февраля, одновременно с образованием исполнительного комитета Государственной думы, организовался под председательством Чхеидзе Совет рабочих и солдатских депутатов. После назначения Временного правительства Совет выделил для наблюдения за его действиями особый наблюдательный комитет. Так сконструировалась своеобразно новая власть. Временно в столице наступило успокоение.

4 марта смотритель зданий министерства, демобилизованный вследствие ранения штабс-капитан гвардейского Гренадерского полка Пащенко уведомил меня по телефону, что Павел Николаевич Милюков желает вступить в управление ведомством[11]. Для этого он просит товарищей министра, директоров департаментов и начальников политических отделов собраться в министерстве назавтра к 12 час<ам>. Новый министр предусмотрел и форму одежды. Никакой официальности. Явиться в пиджаках.

Редко приходится наблюдать такое ликующее настроение, какое переживал в эти дни Павел Николаевич. Осуществилась давнишняя его мечта. Он — облеченный доверием народа, авторитетнейший в глазах народа, каким мнил себя в ту пору Милюков, руководитель внешней политики России.

От неисчислимого количества речей, произнесенных в Таврическом дворце непрерывно стекавшимся депутациям, Павел Николаевич охрип. До потери голоса непревзойденного пропойцы или больного горловою чахоткою в последней стадии.

Искрящиеся восторгом глаза. Не сходящая с уст радостная улыбка. Сипота заглушает речь. Уловимы лишь отдельные отрывистые возгласы: «Бескровный переворот. Бурный поток стихийного народного подъема. Входит в спокойное русло. Лишь не стать ему поперек течения. Держаться берегов. Направлять. Не давать вылиться из русла. Перспективы самые радостные!»

Оратор просит «вашего сотрудничества». Мы отдаемся в его распоряжение.

Но я не разделяю оптимизма Милюкова. Я бы еще поверил в его «спокойное русло», если бы новым правительством был провозглашен лозунг окончания войны, выхода из нее России. Ведь главным образом именно этой цели добивался народ и совершившая переворот тыловая армия, помимо целей революционного разрешения вопросов рабочего, аграрного, национальных автономий и др. Выход из войны диктовался всею сложившеюся обстановкою в результате происшедшей революции. Нельзя было, не рискуя новым восстанием, продолжать войну наперекор восставшему против нее народу. И к тому же мы стали лицом к лицу с практическою невозможностью продолжать войну.

Для войны нужна армия. Наша же армия в качестве боеспособного фактора перестала существовать с первых дней Февральской революции. Надо было Временному правительству это сознать и с полною откровенностью объяснить и доказать нашим союзникам, которые в обстановке нашей и наших делах сами всегда вообще плоховато разбирались, а в мартовские дни 1917 г. уже и совсем их не понимали. Надо было с ними объясниться и постараться договориться об оформлении наивозможно безболезненного для сторон прекращения Россией военных действий.

До усвоения этих элементарных истин наша ставшая правящею общественность не поднялась. Не выработав собственной программы внешней политики, общественность эта в поисках ее долгие годы беспомощно плелась в хвосте императорского правительства. Была загипнотизирована его политическим курсом. В вопросе о войне гипноз продолжал порабощать политическую мысль наших общественников и после того, как с Февральскою революцией они оказались призванными к власти.

В частности, Милюков не только не прозрел в своем отношении к войне, которую желал продолжать во что бы то ни стало, в преемственность павшему императорскому правительству, «до победного конца», до овладения Константинополем и проливами, но еще оказался и совершенно неспособным разобраться в создавшейся общей революционной обстановке. В доведших его до хрипоты речах в Таврическом дворце, произнесенных ранее последовавшего вскоре провозглашения республики, Милюков намечал конституционную монархию с сохранением династии Романовых[12]. Диктовавшее подобные выступления Павла Николаевича в такой неподходящий момент политическое его ослепление, граничившее с потерею разума, всего менее внушало доверия к прогнозам нового министра.

Недалеко, впрочем, ушел от Милюкова по части оптимизма и не очень мудрый председатель Совета министров князь Львов. Близкий к нему Григорий Трубецкой (эвакуированный из Сербии наш последний посланник в Белграде) рассказывал, что Львов впал в эти дни в совершенно экстатическое состояние. Вперив взор в потолок, он проникновенно шептал: «Боже, как все хорошо складывается!.. Великая, бескровная...».

После речи Милюкова, обращенной к начальникам отдельных частей ведомства, я распорядился вызвать повестками моих сослуживцев в министерство, и со следующего дня прерванная событиями наша работа возобновилась.

Пришлось заняться в первую очередь, сверх обычных текущих дел, инструктированием наших заграничных установлений в отношении изменений в отправлении их деятельности, вызывавшихся установившимся новым строем.

Вслед за тем Милюков распорядился организациею, через посредство наших заграничных дипломатических и консульских установлений, широкой помощи политическим эмигрантам и возвращению их в Россию. Назначались пособия для водворения на родину. В отдельных случаях посылались персональные приглашения. Потребовалось испрошение специальных кредитов. Для соображения их размеров я созвал междуведомственное совещание под моим председательством при участии представителей успевших вернуться в Россию эмигрантов и делегатов Совета рабочих и солдатских депутатов. Кредиты удалось провести в спешном порядке и без урезок против сумм, намеченных совещанием.

* * * * *

Меня как-то посетил в министерстве член Государственной думы, вошедший в образовавшийся по случаю революции исполнительный ее комитет[13], Евграф Петрович Ковалевский. Он мне поведал о не оправдывавшем оптимизма Львова, Милюкова и К° весьма беспокойном настроении низовых революционных кругов. В завершение победы революции, для ее укрепления, после уничтожения полицейских чинов, жандармов и охранников, эти круги будто бы настойчиво требовали поголовной резни остальных презумптивно не сочувствовавших перевороту элементов — капиталистов, заводчиков, помещиков, крупных домовладельцев, представителей высшего военного командования и чиновничьих верхов. По слухам, готовилась Варфоломеевская ночь, ставшая навязчивою идеею фанатиков революции. Намечались будто отряды истребителей. Город был между ними поделен на соответствующие участки.

* * * * *

Н. Н. Покровский не успел еще выехать из казенной квартиры министра иностранных дел, куда, впрочем, вовсе, по-видимому, не собирался въезжать П. Н. Милюков. Я частенько заходил к Покровским. У них скрывался панически боявшийся ареста последний царский министр земледелия А. А. Риттих. Правда, многие бывшие министры и другие сановники были арестованы, но из числа наиболее одиозных — Штюрмер, Курлов, Сухомлинов, Маклаков, Протопопов и т. д. Покровского, не принадлежавшего к числу не только наиболее одиозных, но и просто одиозных, а наоборот, пользовавшегося симпатиями и доверием общественных кругов, вовсе не трогали. Риттиху также не следовало бояться ареста. Не приходилось ему поэтому трепетать. Министр без году неделя, он не успел навлечь на себя народного гнева.

* * * * *

Была образована Чрезвычайная следственная комиссия по преступлениям ответственных представителей низвергнутой власти. От нее приезжал кто-то допрашивать нашего смотрителя зданий, не увез ли с собою, оставляя министерство, какое-либо казенное имущество Б. В. Штюрмер. Припомнилось, очевидно, как он вывез обстановку казенной квартиры директора Департамента общих дел Министерства внутренних дел, когда был назначен с этой должности в Государственный совет. В Министерстве иностранных дел Штюрмер, как оказалось, оставил все на месте[14].

* * * * *

Вскоре Покровские переехали на частную квартиру на углу Воскресенского и Захарьевской. Николай Николаевич был устроен банковскими кругами председателем совета Сибирского банка.

Так как Временное правительство никакого доверия мне не внушало и поэтому работать с ним мне было не по душе, то и я со своей стороны задумал устроиться в каком-нибудь банке. Предпринял соответствующие шаги через Покровского. Николай Николаевич вскоре мне сообщил, что вопрос обо мне обсуждался банковскими заправилами, и при оказанной мне поддержке видного банковского деятеля Л. Ф. Давыдова, бывшего директора кредитной канцелярии, было принципиально решено взять меня, насколько я помню, в Русский для внешней торговли банк, но не сейчас, а погодя. «Банки, — объяснил мне Покровский, — заинтересованы в укреплении Временного правительства. Старшим должностным лицам правительственного аппарата следует помочь правительству укрепиться. В этом отношении немедленный уход кого-либо из них со службы представляется нежелательным. Когда же правительство окрепнет, вас возьмут в банк».

Директором Второго департамента министерства был в ту пору барон Б. Э. Нольде, доктор и профессор международного права, состоявший в партии кадетов и находившийся с некоторого времени по делам партии в близких отношениях к П. Н. Милюкову.

Второй (после Нератова) товарищ министра А. А. Половцов жаловался както мне на проявлявшуюся Милюковым натянутость отношений к нему, Половцову. Вскоре Половцов спросил Милюкова, не имеет ли Милюков что-либо против своего сотрудничества с ним. Милюков ответил: «Не скрою. Нам (следует читать: кадетам) хотелось бы видеть на вашем месте барона Нольде, с которым нас сблизила установившая наибольшую взаимность понимания совместная партийная работа. Какую вы пожелали бы иметь компенсацию?» В ту пору у нас имелась вакансия посла в Мадриде, посланников в Швейцарии, Португалии и Бразилии, и только что перед тем нам телеграфировал посол в Вашингтоне Ю. П. Бахметев о сложении им своих полномочий вследствие происшедшего переворота[15]. Должности послов, стоявшие выше должностей посланников и много лучше оплачивавшиеся, представлялись настолько крупными в иерархии государственных постов, что этих должностей добивались и министры, и даже председатели Совета министров. Обычно же назначались послами особо заслуженные и видные посланники. Послы аккредитовывались для представительства только в великих державах. В остальные назначались посланники. Из министров в последние годы существования империи попали в послы: министр юстиции Н. В. Муравьев (в Рим) и министры иностранных дел А. П. Извольский (в Париж) и С. Д. Сазонов (в Лондон). Добивались попасть в послы и не попали председатели Совета министров С. Ю. Витте и В. Н. Коковцов. А. А. Половцов, хотя был товарищем министра всего приблизительно с полгода, а раньше состоял только чиновником особых поручений ведомства, и то сверх штата, решился при наличии вакансий посланников просить Милюкова провести его на должность посла в Мадриде. Она была менее видною и несколько ниже оплачивалась должности посла в Вашингтоне. В выборе Мадрида выразилась, таким образом, «умеренность» претензии Александра Александровича.

Когда он мне поведал о своем разговоре с Милюковым, я не удивился высказанному им пожеланию. Не удивителен сам по себе запрос. Было бы с чего уступать. С другой стороны, Половцов уже один раз скакнул выше нормально принятого. Захотелось выше нормы взвиться еще раз. В конце концов, нормальнее попасть в послы из товарищей министра, прослужив хотя бы и всего полгода в этой долж-

ности, нежели быть назначенным товарищем министра из чиновников особых поручений. Но чего я не ожидал, так это того, что Милюков без малейших колебаний согласился на просьбу Половцова, пообещав ему провести его в послы.

Известный в свое время журналист Меньшиков как-то назвал в одном из своих фельетонов Павла Николаевича «богом бестактности».

Это чересчур сильно сказано. Но действительно нетактичным, в результате совершенного непонимания обстановки и неумения разобраться в ней, явилось внесение Милюковым в Совет министров предложения о назначении Половцова послом. После революции! Его, Половцова, представителя крупной поместной и финансовой буржуазии, да еще оказавшегося ставленником Штюрмера и к тому же не имевшего достаточного подготовительного стажа к испрашивавшемуся посту!

Совет министров, оберегая Павла Николаевича, не дал ему довести его бестактности до конца. Совет провалил назначение Половцова послом, не войдя в обсуждение вопроса о предоставлении ему компенсации за увольнение с должности товарища министра. А на последнюю должность назначил барона Нольде[16].

* * * * *

Директором же Второго департамента на место Нольде был назначен возвратившийся после Февральской революции из эмиграции «политико-экономический философ» и «крамольный газетир» Петр Бернгардович Струве[17]. Он считался знатоком истории революций, ходячею справкою всяческих прецедентов в области революционного движения. Мы от него ожидали компетентного прогноза предстоявших событий в завершение Февральской революции.

Тучный человек с большою рыжей бородою веером, в очках в золотой оправе, тяжелый, медлительный в движениях, Струве обликом своим, манерою держаться являл образ маститого, хорошо упитанного архиерея.

Чиновники Второго департамента организовали на кооперативных началах завтраки в здании министерства. Участвовать в этих завтраках были приглашены: я, как бывший в мои молодые годы чиновник этого департамента, и Струве, как актуальный его директор. Таким образом, я ежедневно встречался с Петром Бернгардовичем. И сажали нас за завтраком рядом.

Я использовал каждый завтрак для расспросов Струве о том, какие, по его мнению, нам предстоит пережить этапы революции. Смущали не только беспочвенный оптимизм и оторванная от жизни книжность Милюкова и Львова, но и с каждым днем все более выяснявшаяся неспособность Временного правительства дать народным массам то, чего они добивались, сваливая монархию. Мир? Временное правительство и не думало прекращать войну. «Война до победного конца». Лозунг павшего императорского правительства. Рабочий вопрос, аграрный, национальностей? О них одни слова, а реальных шагов к их разрешению никаких. «Вот будет созвано Учредительное собрание. Оно и разрешит все вопросы». Но и к созыву Учредительного собрания Временное правительство не умело действенно подойти. Сочинялось, очень не спеша, положение об Учредительном собрании. Работала какая-то специфически бюрократическая комиссия. По-видимому, «горемыкинского» типа. Была видимость работы. О результатах

же ее не было слышно. Намечались какие-то сроки. Потом они отодвигались[18]. Все это было нехорошо. И, мыслилось, грозило новыми потрясениями.

Однако Струве весьма авторитетно утверждал, что время революций миновало. Все дальнейшее разрешится эволюционным путем.

Когда я это услышал от Струве в первый раз, то мне казалось, что я не так его понял. Ослышался. Хотелось проверить себя. Поэтому за следующим завтраком и еще за следующим я вновь и вновь пытал Струве. И всякий раз авгур изрекал: «Нет больше места революции. Мыслима только эволюция».

Отрицавший революцию эволюционист вскоре, однако, весьма поспешно и очень заблаговременно бежал перед надвигавшеюся Октябрьскою революциею.

* * * * *

Неминуемость новой революции стала ясна с приездом в Петербург В. И. Ленина, имевшим своим последствием оживление деятельности партии большевиков.

К этому моменту определенно сказалась абсолютная никудышность Временного правительства. Бессмысленное его упорство продолжать войну во что бы то ни стало при невозможности воевать и импотенция власти во всех прочих отношениях привели к открытому недовольству масс и чудовищному росту хозяйственной разрухи.

Никудышностью своею и упорством Временное правительство толкало от себя массы к отрицавшим его идеологию противоречиям. Инертно отстаивавшемуся правительством буржуазно-капиталистическому строю с войною противостал пропагандировавшийся большевиками коммунизм без войны. И перед квалифицированным бессильем поднималась большая темпераментная сила. Торжество ее являлось вопросом дней.

* * * * *

Наиболее прозорливым людям из числа боявшихся большевиков стало не по себе. Началось постепенное бегство за границу. Впал, между прочим, в панику думский трибун Василий Алексеевич Маклаков. Милюков как-то говорит мне: «Изнервничался Маклаков. Хочет ехать за границу. Не придумаете ли ему какую-нибудь командировку?» Я отвечал: «Распорядитесь причислением Маклакова к ведомству. Тогда его можно будет послать на усиление какого-нибудь заграничного поста или на ревизию консульств». Разговор этот не имел тогда последствий. Почти накануне Октябрьской революции Временное правительство, уволив Извольского, назначило Маклакова послом в Париж. Он бегал ко мне за оформлением его назначения и испрошением средств на выезд. Успел уехать. Так мне пришлось снарядить за границу нескольких думских деятелей для замещения вакантных должностей послов и посланников: великолепного длиннобородого Стаховича — послом в Мадрид, гориллоподобного Ефремова — посланником в Швейцарию и т. д. Издрожался и предшественник мой по должности директора сенатор В. Я. Фан дер Флит. Он просил прикомандировать его к ведомству с отправлением за свой счет в Копенгаген для работы в тамошней нашей

миссии по информированию местной прессы. Удалось исполнить его желание. Люди стремились получить для отъезда за границу служебные назначения и командировки из-за достигших крайней остроты затруднений с валютою.

* * * * *

Временное правительство снаряжало чрезвычайную миссию в Северо-Американские Соединенные Штаты. Возглавлялась она вновь назначенным послом в Вашингтоне неким Бахметевым, выкопанным из недр торгово-промышленной общественности, однофамильцем самоуволившегося императорского посла Бахметева. Мне пришлось спешно организовать эту миссию, оформить ее учреждение законодательным актом и испросить для нее потребные кредиты[19]. Бахметеву, помимо секретарей посольства, понадобился специальный секретарь для чрезвычайной миссии. Нератов и новый (после Шиллинга) директор канцелярии министерства Татищев выдвинули кандидатуру очень молодого и не в меру развязного чиновника ведомства лицеиста Сукина. Я мог ему предложить лишь бывшую в то время вакантною должность секретаря миссии в Мексике с откомандированием в распоряжение Бахметева, так как специального штата для чрезвычайной миссии ввиду временного ее характера не намечалось. Сукин явился ко мне и повел речь о том, что назначение секретарем миссии его не удовлетворяет. Он претендует на должность первого секретаря посольства. Считая, что до этой должности он не дорос, за совершенно ничтожным его служебным стажем, при отсутствии особых дарований и заслуг, и не имея к тому же свободной вакансии первого секретаря, я настоятельно посоветовал Сукину удовольствоваться предложенною должностью. Не склонен думать, что я недооценил Сукина. Никак не могу понять, как мог недолгое время спустя Колчак назначить Сукина министром иностранных дел своего колчаковского правительства.

* * * * *

Оставалась у нас незамещенною должность посланника в Лиссабоне. На нее просился мой бывший начальник, которому я всегда симпатизировал, бывший товарищ министра иностранных дел, сенатор Владимир Антонович Арцимович. Милюков, хорошо зная Арцимовича по совместной работе в бюджетной комиссии Государственной думы по смете Министерства иностранных дел, охотно согласился на проведение его на должность посланника. Я предложил по телеграфу поверенному в делах в Лиссабоне испросить полагавшийся agrément[a] португальского правительства на назначение Арцимовича. Ответа долго не приходило. Арцимович, наведывавшийся ко мне узнать о результате сношения, начал волноваться. Я вторично телеграфировал. Ответа все нет. Арцимович высказал мне подозрение, что ответ получен неблагоприятный, и я, не желая его огорчать, этот ответ от него скрываю. Наконец ответ пришел, и, что представилось совершенно неожиданным, настолько подобные случаи были редки, ответ оказался действи-

[a] Согласие (фр.).

тельно неблагоприятным. Португальское правительство высказалось против Арцимовича без приведения причин. Мотивировки я до октябрьских дней так и не успел добиться. Вакансия посланника осталась незамещенною. Арцимович был очень огорчен. Задумал проситься посланником в Бразилию. Но был упущен момент. Милюков был накануне ухода.

* * * * *

В марте Совет рабочих и солдатских депутатов выпустил воззвание к трудящимся всего мира, в котором заявлял, что русская демократия будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов. Другие народы призываются последовать примеру русской демократии, немедленно начав борьбу против захватных стремлений своих правительств, не останавливаясь перед их свержением. Тогда общими усилиями удастся положить конец мировой бойне[20].

Совет, таким образом, провозгласил лозунг мира, хотя и не сепаратного — такого, который немедленно вывел бы Россию из войны — но общего, не так-то легко и скоро достижимого. Все-таки вопрос о мире оказался поставленным на очередь. Для масс это на первый взгляд представлялось началом выхода из тупика.

Временное правительство, поставленное в необходимость так или иначе реагировать на манифест совета, опубликовало компромиссное заявление о целях войны. Война до победного конца — по-прежнему. Но с оговоркою. Целью «свободной России» объявлялось «не господство над другими народами, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение прочного мира на основе самоопределения народов»[21].

Отказ от захватной политики объявлялся, таким образом, принятым Временным правительством. Он истолковывался массам в качестве залога скорого окончания войны, поскольку с русской, по крайней мере, стороны исключались неприемлемые условия мира.

Акт совета смутил союзников. И не разъяснила их сомнений декларация Временного правительства. Милюкову пришлось взяться за успокоительное разъяснение, которое он и попытался дать в составленной по этому случаю специальной ноте союзным правительствам. В этой ноте, представлявшей собою затемнявший ее смысл набор трескучих фраз, Милюков главным образом напирал на неизменность соблюдения Временным правительством обязательств, принятых Россиею по отношению к союзным державам. Об отказе от аннексий в ноте не упоминалось, равно как о создании таких условий, которые могли бы повлиять на скорейшее окончание войны[22].

Массам нота Милюкова не понравилась. Указывалось на ее расхождение с воззванием совета и даже с декларациею Временного правительства. Петербург заволновался. Происходили митинги. Организовывались демонстрации. Имели место столкновения между не сочувствовавшими Временному правительству и поддерживавшими его манифестантами. Дело дошло до кровопролития.

Дня через два после отправления ноты кто-то, не назвавший себя, сообщил мне в министерство по телефону, что вышли из казарм части полков и направляются к нам на Дворцовую площадь «снимать» Милюкова. Я пытался разыскать

Павла Николаевича. В министерстве его не оказалось. И куда я ни звонил, мне нигде найти его не удалось. Я решил пройтись навстречу манифестации. Вышел с Дворцовой площади на Морскую. Дойдя до Мариинской площади, увидел там толпы народа и военные части с плакатами. С грузовика держал «успокоительную» речь депутат Скобелев. Некоторые воинские части разошлись. Другие пошли на Дворцовую площадь и, остановившись перед подъездом министерства, требовали Милюкова. Вышел Нератов. Ему вынесли стул. Он стал на него *ногами*. Что-то говорил. Ничего, в сущности, не разъяснил. Все-таки сошло. Солдаты и сопровождавшие их группы народа удалились.

Однако нота Милюкова свалила его. Через несколько дней он ушел. Ранее его выхода из состава правительства сложил с себя обязанности военного и морского министра Гучков[23].

* * * * *

Не понял Павел Николаевич революции. По-видимому, он ее мнил себе лишь как смену верховной власти и образование правительства, ответственного перед народом, с сохранением tels quels[a] аппарата власти, его персонала и даже императорской программы, в области, по крайней мере, внешней политики. Книжник, теоретик был Милюков, оторванный от жизни. Человек мысли (хотя и скованной книжностью), человек свободно лившегося слова, человек пера. Но не дела! Не государственный человек!

* * * * *

Для Милюкова оказались приемлемыми, не говоря о низовом составе дипломатического ведомства, все царские послы, посланники и начальники отдельных частей центрального аппарата министерства. Пришлось уйти при Милюкове лишь Половцову. И то только потому, что он стоял на пути кадета барона Нольде. Очень оберегал Павел Николаевич Сергея Дмитриевича Сазонова.

Незадолго перед революциею Сазонов был назначен царем послом в Лондон. Но он все медлил <с> отъездом. Не отбыл к посту до переворота и продолжал медлить после него. Памятуя предложенную в свое время Сазоновым думским парламентариям чашку чая и последовавшее сближение Сазонова с Думою, особенно с кадетскою ее фракциею, Милюков всячески старался сохранить за Сазоновым его посольский пост. А для этого побуждал его поскорее выехать в Лондон, опасаясь, что дальнейшие промедления Сазонова могут ему повредить у Временного правительства. Так как помимо законодательных, бюджетных дел и общих вопросов министерства я ведал и делами личного состава, то был послан как-то к Сазонову Милюковым уговаривать Сергея Дмитриевича ускорить свой отъезд. Дальнейшие промедления были для него рискованны, так как дело происходило после эпопеи с апрельскою нотою союзникам и предстоял уход благорасположенного к Сазонову Милюкова. Сазонов проживал в ту пору в Ев-

[a] Такого как есть (фр.).

ропейской гостинице, куда я и направился и где застал Сазонова. «Знаю, знаю, зачем вы пожаловали, — заговорил, здороваясь, Сергей Дмитриевич. — Торопить меня с отъездом?» Я подтвердил его догадку, указав на рискованность дальнейших промедлений. «Вы правы, — признал Сазонов, — но очень не хочется ехать. Скажу откровенно, я побаиваюсь. Предстоит морской переезд из Бергена. И, я уверен, немцы попытаются меня потопить. Уж очень они меня недолюбливают». Поговорили о событиях, о министерстве. Когда я уходил, Сазонов мне сказал: «Передайте Милюкову и нашим общим друзьям в министерстве, что я все-таки преборю свои страхи и выеду на днях». Больше я <с> Сазоновым не встречался. Он еще помедлил. Наконец, собрался. Даже сел в вагон на Финляндском вокзале. Но перед самым отходом поезда прибыл посланец Временного правительства передать Сазонову, чтобы он не беспокоился выездом. Он уже не посол. Сазонов остался. Погодя отправился в Крым.

* * * * *

После ухода Милюкова преемником ему был назначен молодой министр финансов Временного правительства Михаил Иванович Терещенко, при ближайшем знакомстве выказавший себя человеком не просто молодым, а избыточно молодым — моложе своих лет. Временно за ним был сохранен и портфель финансового ведомства. Вскоре, однако, этот портфель был передан от него А. И. Шингареву[24].

До появления Терещенки в нашем министерстве я не встречался с ним. Узнал о его существовании впервые, когда он был назначен министром финансов Временного правительства. Поинтересовался, кто он, откуда взялся и почему назначен министром, не принадлежа к составу Думы, из которой преимущественно укомплектовалось Временное правительство. Мне рассказали (за что купил, за то и продаю), что Михаил Иванович — отпрыск богатой семьи сахарозаводчиков Терещенков. Недурно образованный, хорошо воспитанный, неглупый молодой человек, живого темперамента. Служил по ведомству императорского двора чиновником особых поручений дирекции императорских театров. Мечтал о камер-юнкерстве. Но его не получил. Обиделся. Оставил службу. И пожертвовал миллион рублей на революцию. Сделался ярым оппозиционером царскому правительству. Настойчиво пропагандировал замышлявшийся перед революциею дворцовый переворот.

Вступая в управление ведомством, Терещенко просил собрать служащих. Объявил, что будет держать им речь. Собрались в колонном зале квартиры министра. Молодой министр долго не выходил. Я пошел вытащить Терещенку из его служебного кабинета, где застал его бегавшим взад и вперед, дозубривавшим шпаргалку. Порывистый в движениях, немножко взволнованный ввиду предстоявшего выступления, он и из кабинета не вышел, а выбежал в зал и, не останавливаясь, на ходу начал выпаливать свою шпаргалку, перебегая с места на место вдоль вытянувшейся шеренгою группы многочисленных служащих. Впереди стали министерские барышни, пополнявшие преимущественно временные отделы министерства, образованные по случаю войны, — отдел пленных, отдел денежных переводов лицам, застигнутым войною в неприятельских странах и т. д.

Выходило, что Терещенко обращается именно к барышням. Он горячо убеждал их продолжать войну. Предупреждал: «Кто против войны, тому не по пути с нами». Этот лейтмотив немудреной и нескладно сколоченной речи он повторял чаще, чем следовало для ее успеха, и на нем и оборвал свое слово, в последний раз разбежавшись от внутренней боковой стены колонного зала к одному из его многочисленных окон.

Острили, будто Терещенко по ошибке захватил для своей речи шпаргалку Керенского, только что перед тем получившего портфель военного и морского министра и в эпилептических выкриках призывавшего к наступлению войска примерно в тех же выражениях[25].

* * * * *

Последнею искоркою потухавшего пожара вспыхнуло, чтобы тотчас погаснуть, частичное наступление, поведенное несколькими лишь полками. Оно было плачевно отбито. Мы понесли большой урон[26].

Войска не подчинялись приказам командования, самовольно оставляли занятые позиции, бросали оружие, массами сдавались в плен. В тылу запасные батальоны отказывались выступать на фронт.

Оторванные от производительного труда, в контингентах, превышавших потребность, великовозрастные резервисты без толку и без дела шатались по городам. Бородатые, сутулящиеся, в шапках, заломленных на затылок, в скашивавшихся с плеч шинелях внакидку, потерявшие за долгое состояние в запасе всякое военное обличие, они представляли собою праздный уличный сброд. Развлекались ставшим модным в те дни зверским самосудом над карманными воришками, до смерти избивавшимися солдатами и стекавшеюся уличною толпою с молчаливою холодною жестокостью. Развал достигал своего апогея.

* * * * *

Присматриваясь к Терещенко, я убедился, что главное свое призвание он видел в том, чтобы служить центром внимания, играть ведущую роль, парадировать и без конца болтать.

В течение всего недолгого пребывания своего у власти, завершившегося арестом 25 октября и последовавшею кратковременною высидкой в Петропавловской крепости[27], Терещенко развлекал себя бесконечными речами. Он переживал упоение власти, стараясь исчерпать доставленное себе удовольствие на весь «пожертвованный» на революцию миллион. Широко раскрыл двери своего министерского кабинета. В него вливалась вся улица. И молодой министр безудержно болтал.

Неимоверно трудно было нам, начальникам отдельных частей министерства, добиться Терещенки, чтобы переговорить о не терпящих отлагательства делах и вырвать от него подпись на срочной министерской бумаге. Он все болтал. И, что любопытно, отнюдь не по подведомственности. Голова его была менее всего занята ведомственными вопросами. Он плохо вникал в них. Сосредоточил свою стремительную суетливость и болтовню преимущественно на вопросах об-

щей политики Временного правительства в целом. Проявлял себя главным образом в качестве члена правительства и очень мало в оставшейся непонятою им роли министра иностранных дел.

* * * * *

С Милюковым ушли из министерства продвинутый им в товарищи министра барон Нольде и им же приглашенный на должность директора Второго департамента отрицавший революцию эволюционист Струве.

На место Нольде Терещенко провел начальника политического отдела Ближнего Востока А. М. Петряева. Возглавлявшийся Струве Второй департамент мне было поручено преобразовать в два департамента: Экономический и Правовой. Реформу я провел через Временное правительство в спешном порядке. Директором Экономического департамента был назначен ставленник Струве, бывший морской офицер Нордман, а директором Правового департамента — основательный знаток международного права, бывший первый драгоман нашего эвакуированного посольства в Константинополе Мандельштам[28]. Нордман начал с того, что придумал себе заграничную командировку, из которой так и не вернулся. А Мандельштам, бывший во время назначения в отъезде, никак не мог собраться приехать в Петербург. Так и не вступил в должность. Временно управляли департаментами вице-директоры. С упразднившим Второй департамент его разделением пришлось переименовать Первый департамент. Под новым названием Департамента общих дел он был частично реформирован — некоторым увеличением штата.

* * * * *

Подошли события 3 июля[29]. Семья моя проводила лето в Павловске. Я оставался один в занимавшейся мною в ту пору большой квартире на Мойке у Певческого моста через дом от Певческой капеллы. В ночь с 3-го числа на 4-ое под самыми моими окнами раздалась ружейная стрельба. Она была настолько сильная и так долго продолжалась, что я вынужден был среди ночи перебраться ночевать из кабинета, выходившего на Мойку, во внутреннюю детскую комнату, обращенную во двор. Утром пробрался в министерство. Там и завтракал, и обедал. Оставался до позднего вечера. День был очень беспокойный.

Беспорядки Временному правительству удалось подавить. Терещенко ликовал, считая вместе с его «политическими друзьями», что большевики выступили невовремя, не мобилизовав достаточных сил и этим будто бы себя похоронив. На самом деле, как выяснилось впоследствии, большевики только в последнюю минуту согласились возглавить выступление потерявших терпение масс. Партийное руководство в принципе было против июльского выступления, считая его преждевременным. Выступил народ — недостаточно организованно, чтобы одержать победу, именно потому, что отсутствовала подготовка выступления большевиками. Час захвата ими власти еще не пробил. Июльские события, вылившиеся в революционную демонстрацию, являлись лишь пробною мобилизациею передавшихся большевикам революционных сил. Терещенко легкомысленно ликовал.

Петряев, приблизившись к Терещенке, информировался им о мнениях и настроениях Временного правительства. Кадетское правительство к концу апреля — началу мая распалось. Сменило его коалиционное правительство с участием представителей социалистических партий. Но и оно продержалось недолго. После июльских дней наступил правительственный кризис. Министры побросали свои портфели. Ушел и председатель Совета министров князь Львов. Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов поручил Керенскому сформировать новый кабинет, под его председательством, по его усмотрению.

«Левеем, — говорил Петряев. — Через все стадии полевения пройдем. Но смотрите, с какой быстротой сменяются эти стадии. Сроки каждой измеряются днями. Придется пройти и через большевиков. Это, по-видимому, неизбежно. Но надолго ли придут большевики? Самое большее — на полтора-два месяца! Потом маятник откачнется вправо. Россия сумеет найти средний, здоровый путь».

Петряев был неглупый человек. И, тем не менее, как неосновательны были его суждения! Как плохо разбирался он в обстановке! Чего же было ожидать от преобладавшего неумного большинства правившей в ту пору общественности?

* * * * *

Министерская чехарда последних месяцев царского режима бледнеет перед свистопляскою «министров» (с позволения сказать) Временного правительства[30]. Проносилась лавина политических акробатов. Сколько их? Куда их гонит? Министром было легче сделаться в эти дни, чем помощником столоначальника. Лезли и пролезали в министры, правда, на самые короткие сроки, из многочисленных и разнообразных питомников «политических деятелей» того удивительного времени все, кому только было не лень. Временное правительство обратилось в проходной двор, в ярмарку в огромном большинстве тщеславных, но сугубо немощных бездарностей. Как редки были исключения! Да и они? Если можно было признать за кем относительные таланты, то в какой угодно области, только не государственного управления. Немудрено, что немного сохранилось в памяти имен этих пытавшихся засорить собою историю политических банкротов.

Припоминаются забавные строки журналиста из доцентов Пиленки в его заметке, описывавшей Московское государственное совещание, созванное Временным правительством[31]. Пиленко останавливается на выступлении неведомой ему бездарности, говорившей после Керенского. «Кто это, кто?» — спрашивает Пиленко соседа. Сосед отвечает: «Министр внутренних дел Авксентьев». Пиленко трагикомически заключает в своей реляции: «В России все возможно!» Да, был возможен «министр внутренних дел Авксентьев»! Пиленко мог бы, однако, с большим еще основанием заключить, что в России все возможно, отметив то поистине поразительное обстоятельство, что в те самые дни возглавляло Россию, правило ею воплощенное ничтожество, жалкое и гадкое, в лице эпилептического выродка Керенского.

Призывались в то время никому не ведомые люди, без имени, без прошлого не только на министерские посты, но и к требовавшим специальной подготовки ответственным должностям аппарата государственного управления.

Как-то под конец присутственного дня в министерстве входит ко мне курьер и, сквозь усы улыбаясь, сообщает, что пришел «португальский посланник». Про-

сит его принять. Я поспешил распорядиться ввести посетителя ко мне в кабинет. Входит лицо, всего менее похожее на ожидавшегося мною лощеного иностранца. Что-то свое, родное и отнюдь не лощеное, не петербургское даже, а степное, провинциальное, притом обветшалое, изношенное, траченное, от усталого вялого лица до плохого сюртучишки и нечищеных сапог. Здоровается по-русски. Называет, как полагается, неявственно какую-то русскую фамилию. На мое стереотипное: «Чем могу служить?» — рассказывает, что встретился у каких-то общих знакомых с Терещенкой, и тот будто предложил ему вакантную должность нашего посланника в Португалии. Он помещик, земец. На государственной службе не состоял и не состоит. Отправиться посланником в Португалию не прочь. Пришел осведомиться, состоялось ли его назначение и какие следует ему со своей стороны предпринять шаги. Хотя мера легкомыслия Терещенки была уже хорошо мне известна, я все-таки немало подивился в душе, как это министр, хотя по его проявлениям и совершенный мальчик, решается предлагать посланнический пост так, с места в карьер, незнакомому ему помещику, никогда не имевшему касательства не только к дипломатической службе, но и к какому-либо делу, имеющему хотя бы отдаленное отношение к дипломатии. Я отвечал, что о сделанном моему посетителю предложении Терещенко не обмолвился мне ни единым словом. Слышу об этом предложении впервые. Не имея никаких распоряжений, чем-либо со своей стороны распорядиться по этому делу не могу. Рекомендовал посетителю пройти к Терещенке. Посетитель мямлил: «Да я не знаю. Да я стесняюсь. Не были бы вы настолько добры поговорить обо мне с министром?» Я решительно отклоняю эту просьбу, не имея ни малейшего желания содействовать определению на видную, ответственную должность за границею, к вящему нашему посрамлению, совершенно неподходящего, некомпетентного лица. Больше я «португальского посланника» не видел и о нем не слыхал. Терещенко не заговаривал со мною о нем. Очевидно, сболтнул. И после устыдился[32].

* * * * *

Выступая в роли члена правительства в большей мере, нежели в качестве министра иностранных дел, Терещенко ощущал отсутствие обслуживавшего его общеправительственные выступления специального аппарата. Задумал создать такой аппарат в виде особого отдела министерства. Заведование этим отделом наметил возложить на служившего до войны на младших секретарских должностях за границею молодого чиновника ведомства Муравьева — сына бывшего нашего посла в Риме, а ранее министра юстиции Н. В. Муравьева[33]. Муравьев-сын был малосимпатичный молодой человек, страдавший преувеличенным самомнением. Аппарату придумали — Терещенко и Муравьев вкупе — глупое название кабинета министра, сбивавшее мало осведомленных людей на «кабинет (совет) министров». Глупый кабинет было, по счастью, решено организовать в минимальном составе: управляющего, которым назначался Муравьев, и его помощника. На последнюю должность был привлечен один из секретарей эвакуированных наших миссий в бывших федеративных королевствах Германского союза. Пришлось мне повозиться с организациею этого кабинета проведением его учреждения в законодательном порядке. Что творил кабинет, не знаю и этим не интересовался. Вряд ли что-либо путное, ибо, как упомя-

нуто, выступления Терещенки «в качестве члена правительства» все сводились к не прекращавшейся беспочвенной болтовне. Но докучал мне Муравьев обращениями по организации кабинета и снабжению его денежными средствами выше всякой меры. Попыткам его раздуть значение ненужного придатка к ведомству и поднять кабинет в ряду других установлений министерства на неподобающую ему высоту я ходу не давал, всякий раз охлаждая пыл честолюбивого юноши ледяными душами.

* * * * *

«Вечернее время»[34] травило немцев нашего ведомства. И больше других доставалось от газеты начальнику политического отдела Средней Азии В. О. Клемму. Немец он был старательный и лояльный. Но отличался излишнею мягкостью нрава. Донельзя распустил наших консулов в Персии. Это был его грех. Было за что зацепиться для нападок на Клемма. Придя как-то к началу присутствия в министерство, узнаю, что меня ищет по спешному делу Терещенко. «Когда же мы, наконец, уберем Клемма?» — спрашивает с озабоченным видом министр. «Вопрос ваш, — сказал я, — поставлен так, как будто вы говорите со мною об увольнении Клемма не в первый раз. Между тем, я слышу об этом от вас именно впервые. Тем не менее, не позже, как через полчаса, я принесу вам прошение Клемма об отставке». — «Да, это совершенно необходимо; из-за Клемма всех собак на нас вешают», — заметил повеселевший Терещенко. Лишь только Клемм увидел меня входившим в его кабинет, как тотчас догадался о цели моего визита. «Отставка?» — «Да, Василий Оскарович. Не смущайтесь и не печальтесь. Не так-то сладко по нынешним временам с нынешним правительством служить. Все уйдем или нас уйдут. Сегодня ты, а завтра я. Напишите поскорее прошение. Мы успеем вам выхлопотать приличную пенсию». Прошение я Клемму продиктовал. И торжественно отнес Терещенко отставку Клемма.

Клемма ушли. Извольского ушли. Ушел по собственному желанию только что назначенный Временным правительством послом в Мадриде с должности посланника в Стокгольме давний кадровый дипломат Неклюдов, занимавший во время балканской войны должность посланника в Болгарии. Уход Неклюдова был несколько неожиданный. Он с отменным удовольствием принял от Временного правительства свое назначение послом. И не во время управления дипломатическим ведомством Милюкова, когда еще не вполне определилась физиономия Временного правительства, а уже при Терещенке, когда каким бы то ни было иллюзиям места уже не оставалось. Именно Терещенко, знакомый с Неклюдовым и его семьею и увлекавшийся в свое время дочерью Неклюдова, провел его назначение послом. И вдруг, вскоре же после переезда Неклюдова в Мадрид, получается от него телеграмма о том, что он слагает с себя свои полномочия, не считая для себя возможным сотрудничать с Временным правительством. С этим жестом Неклюдов опоздал[35].

* * * * *

События шли своим чередом. Корниловская эпопея. Окончательный развал фронта. Неслыханный развал в стране. Стремительное падение денежного кур-

са. Необычайное вздорожание продовольствия и предметов первой необходимости. Полный паралич власти. Анархия в провинции. Аграрные волнения в деревне. С падением Риги неприятель угрожает Петербургу. Ведется подготовка к его эвакуации. В сентябре партия большевиков окончательно решает захватить власть в свои руки. Готовится вооруженное восстание.

Успех большевиков представляется мне совершенно несомненным. Они сметут бессильное, ничтожное Временное правительство и захватят власть не позже октября. Я в этом так уверен, что когда заведующий сметною частью министерства предлагает мне подписать для отдачи в печать корректуру согласованного с Министерством финансов и Государственным контролем проекта сметы министерства на 1918 г., то я ему отказываю в подписи, утверждая, что до положенного срока внесения проекта на утверждение Совета министров в ноябре Временное правительство, а с ним многие из нас ни в каком случае не додержатся. Новая же власть, несомненно, пересмотрит смету. Заведующий смутился. «Неужели вы так уверены в неминуемости нового переворота?» — «Совершенно убежден».

* * * * *

Стремительно пробежали передо мною, «спасаясь» от большевиков, испросившие себе заграничные назначения наши «общественные деятели» — Маклаков, Стахович, Ефремов.

* * * * *

С утра 25 октября большевистский Военно-революционный комитет, опираясь на организовавшиеся отряды Красной гвардии, примкнувшие к большевикам воинские части и на матросов, начал занимать необходимые ему для целей восстания государственные учреждения и городские устройства. Силы, поддерживавшие Временное правительство, численно уступая революционным, не смогли оказать им эффективного сопротивления.

Вечером ко мне зашел живший в одном доме со мною товарищ министра Петряев в весьма подавленном настроении. Повели беседу о событиях. Как сейчас помню. Сижу за письменным столом. Петряев в кресле сбоку. Было часов десять, одиннадцатый час. И вдруг, совсем близко, будто рядом, грянула оглушительная орудийная пальба. Как впоследствии выяснилось, бомбардировали Зимний дворец артиллерия Петропавловской крепости и крейсер «Аврора». Бум, бум! Петряев горошком скатился от меня к себе этажом ниже. Домашний мой кабинет был обращен окнами через Мойку на задний фасад занимавшегося Министерством иностранных дел правого крыла полуциркульного здания Главного штаба на Дворцовой площади, у самого Певческого моста. Я подошел к окну. По той стороне Мойки, вдоль стены Министерства иностранных дел, цепью, с ружьями на взводе, нагнувшись, пробирались к Дворцовой площади матросы. К пушечной пальбе присоединилась ружейная трескотня, и вторили ей пулеметы. Гремели залпы Петропавловской крепости. И все покрывал мощный орудийный рев «Авроры».

Глава 23.
После 25 Октября (1917–1918 годы)

26 октября с утра стрельба в городе возобновилась и продолжалась весь день. Большевики доламывали пытавшихся еще сопротивляться юнкеров. Часть юнкеров засела в доме нашего министерства на Морской (№ 20), куда юнкера были двинуты отстаивать расположенную в доме рядом (№ 22) центральную телефонную станцию. Теснил оттуда юнкеров отряд матросов. Бой был ожесточенный. В середине дня сопротивление юнкеров было сломлено.

Я не ходил в министерство, заболев гриппом еще накануне — 25 октября. Точно нарочно расхворался к этому дню. Ведь уже с начала месяца было известно, что именно 25 октября состоится выступление большевиков для захвата власти.

Вечером ко мне зашли сослуживцы. Рассказывали, что министры Временного правительства, захваченные в Зимнем дворце, были арестованы и отвезены в Петропавловскую крепость. Керенский бежал. Большевики сформировали правительство, собравшееся в Смольном.

Я продолжал прихварывать и не выходил.

27-го прибыл в министерство назначенный народным комиссаром по иностранным делам большевик Урицкий. Описывали мне его коренастым, небольшого роста, прихрамывавшим, с бритым лицом, в пенсне, угрюмым, молчаливым. Урицкий обошел помещения министерства. Особо служащих не собирал и с речью к ним не обращался[1].

Юнкера повсюду, где еще держались, были сломлены. Стрельба затихала. Улицы понемногу заполнялись народом. Солдаты и матросы останавливали офицеров и срывали с них погоны.

Урицкий недолго оставался во главе нашего ведомства, ограничившись одним-единственным его посещением. Дня через два на смену ему в министерство прибыл Троцкий[2]. Он собрал служащих, держал им речь. Но она успеха не имела. По-видимому, служащие плохо слушали обращенное к ним слово. События были ярче и резче речей. По крайней мере, те из сослуживцев, которые меня посетили в этот день, никак не могли передать мне содержание речи Троцкого, хотя последовавшая затем встреча и показала, что Троцкий хорошо владел словом и говорил ясно и ярко. За ним вообще установилась репутация оратора. Зато

обстоятельно рассказывали мои посетители, как служащий министерства Чемерзин (в свое время офицер лейб-гвардии Егерского полка, бывший короткое время после перехода в дипломатическое ведомство поверенным в делах нашего очень маленького и очень скромного по рангу представительства в Абиссинии), рассчитывая произвести сенсацию, пытался изобличить Троцкого в самозванстве: «Вы Бронштейн, а не Троцкий. Присваивая себе не принадлежащее вам имя, вы являетесь самозванцем». Троцкий отвечал, что столько-то лет не прекращавшейся политической борьбы и подполья, чередовавшихся с заключением в царских тюрьмах, когда по необходимости приходилось измышлять себе «боевую кличку» политического борца, в достаточной степени оправдывают присвоенное конспиративное имя, под которым он, Троцкий, и наиболее известен в широких политических кругах. Выходка Чемерзина прозвучала фальшью конфузной фанфаронады[3].

Троцкий потребовал явки на следующий день начальников отдельных частей министерства для передачи дел ведомства новому правительству. Мне посоветовали придти. Имелось основание ожидать, что кто не придет — того приведут[4].

Поэтому, хотя мне все еще немного нездоровилось, я наутро отправился в министерство. Собрались в колонном зале пустовавшей со времен Н. Н. Покровского квартиры министра начальствовавшие лица, за исключением А. А. Нератова, выехавшего зачем-то в Москву. Пришли и вице-директоры, и помощники начальников отделов, и другие, преимущественно старшие, служащие. Из разговоров выяснилось, что без всякого предварительного сговора, совершенно стихийно назрело решение большинства служащих не оставаться на службе при большевистском правительстве. И не по одному нашему ведомству, но и по другим[5].

Как и почему пришла к такому решению служилая интеллигенция? Большевики неправильно приписывали это решение сговору служащих под влиянием противных большевикам политических партий[6]. Громадное большинство служащих составляли беспартийные лица, на которых никакие вообще политические партии влияния не имели. Даже наиболее популярная среди служилой интеллигенции того времени партия «кадетов» (конституционно-демократическая партия) не охватывала сколько-нибудь значительной массы служащих. Дело представлялось проще. Чуждое вообще политических партий, мало знакомое с их учениями и программами, огромное большинство служащих было плохо осведомлено о большевиках. Можно положительно утверждать, что до прихода большевиков к власти служилая интеллигенция в ее большинстве не ведала идеологии большевизма, не разбиралась в марксизме, не читала Маркса, слышала, что им написан «Капитал», но «Капитала» не читала. И это речь идет об интеллигенции, в ее массе имевшей штамп высшего образования. В служилую же интеллигенцию входили грамотные люди и значительно более низкого образовательного уровня. В то же время фабрики, заводы, казармы были охвачены большевистскою пропагандою. Вот и получился такой результат, что низовой общественный слой той эпохи познал, хоть в общих чертах, большевизм и проникся симпатиями к нему, а интеллигенция оказалась в стороне, в недоумении перед чем-то неведомым, а по темпераментности выступлений и пропаганды — и перед чем-то грозным. И большевики подбавили еще страху тем, что, возглашая в речах, в печати, в лозунгах «смерть капиталистам и помещикам», они, большевики, этим своим призывом смерти на головы классовых врагов грозили

и «царским чиновникам». Ну могли ли эти «царские чиновники», не ведая идеологии большевиков, а слыша и видя, что они призывают на царских чиновников смерть, не почувствовать ни страха, ни обиды? А именно они, эти едва ли кому нужные, внушенный чиновникам *страх* и нанесенная *обида*, являлись главнейшими стимулами воздержания служащих от сотрудничества с новою властью.

Менее общею причиною была наивная уверенность многих в том, что большевики пришли ненадолго. А потом? Вернутся те, что ушли, и всыпят за службу большевикам так, что если и жизнь оставят, то не обрадуешься! В этом отношении большой вред принесла посланная с дороги бежавшим Керенским телеграмма, предписывавшая служащим учреждений «не подчиняться и не сдавать дел лицам, именующим себя народными комиссарами». И в такой же степени вредным было постановление собравшейся при одном из белых правительств на юге группы сенаторов о предании суду, с возвращением «законного» правительства, всех служащих, оставшихся в должностях после прихода большевиков к власти.

В ожидании Троцкого среди собравшихся шла речь не об оставлении службы — этот вопрос считался окончательно решенным, — а о том, что делать после, какие могли бы быть изысканы другие заработки, оставаться ли в Петербурге или ехать куда — на юг, за границу?

Я беседовал с Петряевым и моим помощником вице-директором Афонасьевым. Вошли, в сопровождении курьера министерства, какие-то посторонние люди. Трое. Впереди полный седой старик с эспаньолкой, разросшеюся в большую бороду. «Это они?» — спросил я собеседников. «Нет, — ответил Петряев, — но кто бы это мог быть? Что за люди? Что им здесь нужно? В такой момент!» Петряев подошел к прибывшим. Обменялся с ними несколькими словами. Отошел. Они, как стали, войдя в зал, так и продолжали стоять на месте. Оказалось, иностранцы — не то шведы, не то голландцы. Прибыли для каких-то переговоров с министром и ближайшими его помощниками. Петряев объяснил им ситуацию. Посоветовал дождаться Троцкого. «Вот выбрали время для своих делишек!» — дивился Петряев. «Жизнь не ждет», — подумал я. Страна взмылась на дыбы. Все полетело вверх-тормашки! А иностранцы знать себе ничего не знают. Пожаловали проводить свои дела.

И вслед за иностранцами почти тотчас вошли двое. «Помощники Троцкого», — пояснил Афонасьев. Они приближались. Я смотрел на шедшего впереди. И глазам своим не верил: двоюродный брат моей жены Евгений Дмитриевич Поливанов — двоюродный племянник бывшего военного министра генерала Алексея Андреевича Поливанова, недавно перед тем окончивший университет молодой человек, о котором в бытность его студентом говорили, что он член черносотенного «Союза русского народа»!

Студент Евгений Поливанов посещал мою семью, бывая хотя не часто, но не прерывая связи в течение нескольких лет подряд. Я ценил в нем выдающиеся его способности. Поступив в университет по тем временам в очень молодом возрасте, 17-ти лет, он одновременно проходил два факультета: историко-филологический и восточных языков. И оба факультета, ни на одном курсе не задержавшись, окончил по первому разряду в положенный четырехлетний срок. Он был умен, талантлив, но что-то в нем предубеждало против него, исключало возможность сближения, не давало установиться симпатии. Не то, что, к немалому нашему удивлению, он оказался, несмотря на молодость, запойным пьяницей,

морфиноманом, кокаинистом! Эти тщательно скрывавшиеся им пороки вскрыл происшедший с ним несчастный случай. В пьяном виде он соскользнул с площадки вагона перед остановкой поезда у перрона Ораниенбаумского вокзала и лишился руки. Но не несчастные его слабости отталкивали от него. Мало ли мы встречаем среди отпетых алкоголиков и наркоманов людей отменно симпатичных. Отвращала искренний порыв какая-то всего его пронизывающая неискренность слова, взгляда, выражения лица, всякого движения.

«Товарищ Троцкий, — гудел, здороваясь, Поливанов не ожидавшимся при взгляде на его субтильную фигуру низким басом, — поручил мне и товарищу Залкинду, — здороваемся со спутником Поливанова, молодым человеком несколько постарше, небольшого роста, с маленькими черненькими усиками, густыми зачесанными назад темными волосами и раннею проседью на висках, — товарищ Троцкий поручил извиниться перед вами. Сегодня он не может быть у вас. Занят неотложными делами в Смольном. Будет завтра с утра. Просит вновь собраться к десяти часам»[7].

Наши стали расходиться. Ушли иностранцы.

Расспросив Поливанова, с какого времени он примкнул к большевикам — оказалось, с начала лета, — и поговорив с прибывшим из-за границы Залкиндом на затронутую им тему о наших консулах — он с теплым чувством отозвался о приятеле моем, бывшем сослуживце по Второму департаменту, консуле в Алжире Александре Константиновиче Васильеве, — ушел и я...

На следующее утро я поднимался по лестнице министерства в непривычной обстановке пустоты и безмолвия. На первой площадке направо, перед входом в канцелярию, стоял на часах с ружьем в руках, видимо, рабочий — в черной косоворотке под пиджаком и в становившейся уже в ту пору универсальным пролетарским головным убором блинообразной кепке, скошенной набок. Выше — еще рабочий-часовой и небольшая группа министерских сторожей и курьеров, не успевших еще снять с себя своих темно-вишневых полукафтанов с красным воротником и серебряными пуговицами с орлами.

Вхожу в приемную перед кабинетом министра. Она пустая. Я одинок. Где другие начальники отдельных частей министерства? Может быть, они меня опередили? Пришли раньше? И, уже освободившись, ушли? Задумчиво шагаю по приемной от угла к углу. Давно ли в ожидании доклада у министра мы здесь пили пятичасовой чай с традиционным куличом и кондитерским печеньем?

Отворяется дверь. Входит человек небольшого роста, сухощавый, чернявый, некрасивый в бросающейся в глаза чрезвычайной степени. Желтоватая кожа лица. Клювообразный нос над жидкими усиками с опущенными книзу концами. Небольшие, пронзительные черные глаза. Давно не стриженные, неопрятные, всклокоченные черные волосы. Широкие скулы, чрезмерно растягивающие тяжелый, низкий подбородок. Длинный, узкий обрез большого рта с тонкими губами. И — непостижимая странность! Необычайно развитые лобные кости над висками, дающие иллюзию зачатка рогов. Эти рогоподобные выпуклости, большие уши и небольшая козлиная бородка придавали приближавшемуся ко мне человеку поразительное сходство с чертом обличия, созданного народною фантазиею.

Одет он был в потертый сюртучишко. Крахмальный воротничок рубашки был сильно заношен. Плечи и рукава сюртука засыпаны перхотью с головы.

Штанишки мятые, сильно раздавшиеся у колен, рассыпавшиеся в концах мелкой бахромкой.

Такова была внешность остановившегося передо мной человека. И не отвечавший этой внешности, раздался приятный мелодичный голос. *Слова чистого русского произношения, без малейшего акцента.* Поразила неожиданностью и форма обращения:

— С кем имею честь?.. Троцкий. Вы не товарищ министра Нератов?

— Нет, я директор департамента Лопухин.

— Отлично! Нам надо поговорить обстоятельно. Мне только нужно обменяться двумя-тремя словами с Нератовым. Не откажите обождать. Я тотчас вернусь. Как пройти к Нератову?

Я показал. Свидание Троцкого с Нератовым, вернувшимся из Москвы, продолжалось недолго. Троцкий почти тотчас вернулся. Тем временем подошли помощники Троцкого Залкинд и Поливанов. Пришли и служащие министерства, заведовавшие кассой и казенным имуществом. Сдачи дел и архивов по описям не предполагалось. Сданы были ключи от присутственных комнат и от шкафов с архивами и делами. И этим дело ограничилось. Речь теперь шла о деньгах и других ценностях (следует заметить, что, кроме казенных сумм, через Министерство иностранных дел проходили деньги и ценности, составлявшие наследства русских подданных, открывавшиеся за границею). Сдачею и приемом всяких ценностей и денежных сумм и занялись сотрудники той и другой стороны. Пока совершалась эта операция, Троцкий беседовал со мной. Предметом беседы явилась попытка Троцкого склонить меня остаться на моем посту. Настояния Троцкого в этом направлении приписываю даче благоприятных отзывов обо мне либо Поливановым, либо курьерами и сторожами, с которыми у меня всегда были наилучшие отношения, либо социалистами, с которыми я встретился, выполняя поручение Временного правительства по содействию политическим эмигрантам к возвращению на родину. У меня создалось впечатление, что социалисты эти остались довольны мною. Могла также сыграть роль незадолго до того появившаяся в одной из вновь народившихся газет (названия не помню) лестная для меня статья, говорившая о моем соответствии занимаемой должности.

Как бы то ни было, но Троцкий склонял меня остаться. А я, под влиянием приведенных выше общих причин воздержания служащих от сотрудничества с большевиками, продолжать службу отказывался, насколько возможно вежливо, приводя мотивы, ни для кого ни в малейшем отношении не обидные.

— Но что же, наконец, вы имеете против нас? — в упор спросил меня Троцкий. — Ответьте конкретно! Что мы кончаем войну, передаем землю крестьянам, национализируем фабрики и заводы?..

— Всего менее, — отвечал я, — я возражал бы против окончания войны. Окончание ее я могу только приветствовать, так как для меня совершенно очевидно, что армии как боеспособной силы уже с начала Февральской революции, а пожалуй, и с еще более раннего момента у нас нет. А без армии воевать нельзя. И народ устал от войны. Ясно, продолжать ее не хочет. Едва ли не главною причиною еще Февральской революции явилось продолжение затянувшейся войны во что бы то ни стало. Именно на продолжении войны, главным образом, сломало себе шею Временное правительство. Причиною вашего успеха, главной, является провозглашение, впервые именно вами, лозунга окончания войны. Да, ее надо кончать!

Спорить против этого могут лишь предубежденная недобросовестность, упрямая тупость или психическое неблагополучие. По поводу передачи земли крестьянам скажу, что считаю в принципе целесообразною передачу крестьянам излишков земли против определенного лимита. Мера эта в особенности оправдывается встречающимися у нас непозволительными по размерам латифундиями. Что же касается национализации фабрик и заводов, то о ней я высказаться затрудняюсь. В этом вопросе я некомпетентен. В него я не вникал. И не пришлось практически с ним встретиться в жизни. Но не в том дело! Все-таки, сознательно или бессознательно, по традиции ли, по инерции длинного ряда поколений, я служил иным принципам. Если сегодня я им изменю и с завтрашнего дня буду служить другим идеям, вы ни уважения, ни доверия ко мне иметь не сможете. А какое же мыслимо сотрудничество без взаимного доверия и уважения? И еще! Простите меня, но после пережитого с начала Февральской революции ряда реконструкций власти трудно признать устанавливаемый и вами режим окончательным. В конце концов, не верится в прочность и вашей власти.

— Вот в этом, — воскликнул Троцкий, — вы ошибаетесь. Мы — единственная политическая партия с темпераментом! Единственно способная умиротворить разбушевавшуюся стихию и удовлетворить массы. Нет, власть наша прочная. Поверьте, мы не уйдем. Я вижу в вас отнюдь не убежденного нашего противника, а лишь колеблющегося интеллигента. Давайте решим так. Отложим нашу беседу. Подождем. Когда вы увидите, что мы не ушли, убедитесь, что, напротив, мы упрочились, крепнем и будем крепнуть с каждым днем, тогда возвращайтесь, и мы продолжим наш разговор.

— А пока, — вновь заговорил я, — отпустите меня с миром. Вы не поверите, как я устал, работая с крайним напряжением чуть не с начала войны. Последние же месяцы работы с бестолковым Временным правительством окончательно сломили силы. Надо отдохнуть. Вот еще причина невозможности, не прерывая работы, сейчас продолжать ее с вами. Вы должны меня понять. Я убежден, что в вашей политической борьбе, достигшей особого напряжения в последние месяцы, и вы основательно утомились.

— Я лично, — отвечал Троцкий, — успел отдохнуть... в тюрьме, откуда только что вышел, посаженный Временным правительством. Вы — другое дело. Не успели отдохнуть. Отдыхайте теперь. Вы свободны. Можете использовать вашу свободу, как хотите. Хотите здесь остаться — оставайтесь. Хотите куда уехать — уезжайте. Даже за границу можете выехать. Мы вам препятствовать в этом не будем.

Дальше Троцкий повел разговор уже не на деловые темы. Говорил, что не по доброй воле взялся за портфель иностранных дел, а подчиняясь партийной дисциплине, что по призванию и профессии он журналист и, если бы это от него зависело, стал бы работать и в качестве члена правительства в газетном деле. Потом, почему-то упомянув, что в холодных и сырых окопах на фронте бойцы сидят босые, сообщил, что для того, чтобы их обуть, правительство полагает объявить обязательный сбор обуви с нетрудового населения, «хотя бы ее пришлось стаскивать с ног буржуев». Последние босыми во всяком случае не останутся. Что-нибудь да изобретут. А бойцы будут обуты.

Я вернул беседу в деловое русло. Заметив, что в состав казенного имущества, сверх собственно канцелярского инвентаря, входили вся меблировка квартиры министра с богатою бронзою, картинами мастеров, писанными масляными

красками, преимущественно из Эрмитажа, дорогими портьерами плотного тяжелого шелка, занавесями, коврами, скатертями, богатая столовая сервировка для официальных приемов, серебро, столовое белье и проч., я убеждал Троцкого удержать на службе для хранения этого имущества хорошо знавшего, где, что и в каком количестве находится смотрителя зданий министерства, которого я заранее предупредил, что буду просить о его оставлении на службе, против чего, особенно ценя имевшуюся у него по службе казенную квартиру, он не возражал. Видам Троцкого мое предложение соответствовало, и он тотчас на него согласился. Я вызвал смотрителя и сообщил ему, что он остается[8].

Кстати вспомнив, что возложенною при прежних порядках на учреждения выдачею паспортов заведовал в нашем министерстве смотритель зданий, я ему отдал мой паспорт с нежелательным в тревожное революционное время обозначением моей должности, чина и звания на царской службе и просил срочно выдать мне взамен новый вид на жительство уже без упоминания этих упраздненных революциею титулов.

Через четверть часа новый паспорт, лишенный компрометантных упоминаний, был у меня в руках.

Последовавшие события показали, какую неоцененную услугу оказала мне проявленная мною в этом случае предусмотрительность. Переехав с умалчивавшим о моем прежнем положении паспортом из казенной квартиры на Мойке в маленькую частную квартирку в неведомом мне до того времени Заячьем переулке на Песках, где никто меня не знал, а по паспорту люди видели во мне рядового обывателя, я счастливо избег производившихся, преимущественно по домовым книгам, арестов и преследований, которым подвергались лица моей категории в эпоху Гражданской войны и после, во время подавления советскою властью чинившегося сопротивления начавшемуся строительству социализма.

Троцкий и его помощники уходили. Простившись с ними, я поднялся в последний раз наверх, в, увы, покидаемый мною (я не без волнения почувствовал — навсегда) служебный кабинет. Со стены на меня смотрели двенадцать портретов моих предшественников. «Вот не верьте после этого приметам, — мысленно пробрюзжал я, — ведь я, лихо сказать, тринадцатый!»

Курьер, приотворив дверь, сообщил, что пришел и желает меня видеть вице-директор Правового департамента Доливо-Добровольский.

В прошлом лейтенант флота, он поступил в бывший Второй департамент министерства в то время, когда в этом департаменте служил в младших должностях и я. Мы, стало быть, были давние товарищи по службе. Впоследствии Доливо-Добровольский перешел в консульский корпус и был консулом в Черновцах, откуда с началом войны эвакуировался в Петербург в министерство. Здесь он был использован на усиление Второго департамента, некоторое время спустя вновь вошел в штат и, получив повышение, был назначен, после разделения Второго департамента на департаменты Правовой и Экономический, вице-директором Правового департамента. Человек он был талантливый, ловкий, умный, не без хитрецы, весьма себе на уме, болезненно самолюбивый.

— Я пришел, — заговорил Доливо-Добровольский, — попытаться убедить вас остаться в должности.

— Александр Иосифович, да ведь это невозможно! Ну а вы? Вы-то сами? Уходите? Остаетесь?

— Я... остаюсь. Но ведь я — особь[a] статья. Я, вероятно, вас удивлю. Однако пришло время признаваться: ведь я у них свой человек, и давно. В молодости отсидел в Петропавловской крепости[9]. Мне-то уже никак не выходит уйти. И мы столковались. А вы? Что же? Отказались?

— Да, я отказался. И мы с миром разошлись.

— Вы в этом уверены, что с миром? Я от души желаю, чтобы это было так. Но не следует отдаваться чрезмерному оптимизму. Если окажется, что массовый отказ служащих от работы парализует страну и ставит под сомнение окончательную победу партии, власть, того гляди, разгневается, и возможны будут с ее стороны репрессии. В каких формах они могут выразиться, сказать трудно, но подумать страшно. Переобсудите ваше решение. Еще не поздно.

— Думал я, думал, и предложено мне еще думать, присмотреться и, когда я уверую в прочность нового режима, то вернуться возобновить разговор. Так мы порешили. И пусть оно так и будет. Хуже всего — колебания и метания из стороны в сторону. А тем, что вы мне открыли о себе, я, признаться сказать, удивлен. Никогда вы не давали повода подумать, чтобы это могло быть так.

— Да, это так! А все-таки подумайте о том, что я сказал вам. Только бы не пришлось вам пострадать. Впрочем, и излишнему пессимизму отдаваться не следует.

Он ушел. И я стал уходить[10].

При выходе меня окружила группа курьеров. Они прослышали, что я оставляю министерство. И по старой ли памяти, считая ли, что я могу им еще понадобиться, — они привыкли, что именно мною проводились и оформлялись мероприятия по улучшению их материального положения, — курьеры пытались уговорить меня остаться. Не вдаваясь в подробности, я объяснил, что ухожу отнюдь не в виду каких-либо лучших перспектив, а на неизвестное и потому страшное, что уходить мне тяжело, но что так нужно. Оставаться не могу.

Вечером ко мне приезжал курьер Петров, из молодых, взятый на войну из запаса в Павловский полк, демобилизованный по болезни и недавно вернувшийся на службу в министерство. Петров приехал продолжать меня уговаривать. Он проводил мысль, что хочу я, не хочу, а должен остаться. Страна доведена до развала. Если окончательное военное поражение и будет предотвращено заключением большевиками мира, то нельзя на этом останавливаться. Надо все перестраивать и вести большую восстановительную работу. «И что же будет, если в такой момент будут отказывать в помощи новой власти люди с образованием, выдвинувшиеся своею службою и своими качествами, и которым доверяют подначальные им товарищи?» Для вящего убеждения Петров пробовал меня и припугнуть теми самыми доводами, которыми наводил на меня страх Доливо-Добровольский. Каюсь, повторение бесхитростным простым солдатом устрашений, высказанных интеллигентом отменно тонкого мышления, представилось мне, в качестве уже общего мнения, доказательством основательности сделанного предостережения, и содержавшаяся в нем жуть больно ударила меня по издерганным переживавшимися волнениями нервам. Все-таки я стоял на своем, ссылаясь на мои доводы, высказанные Троцкому, и на его предложение мне повременить, присмотреться и потом вернуться к вопросу о службе.

[a] Так в рукописи.

И все-таки я продолжал нервничать, ища в разговорах более оптимистических воззрений на возможные последствия нашего «саботажа», как было названо наше «воздержание от сотрудничества».

Поэтому, встретив утром на Дворцовой площади вице-директора Департамента государственного казначейства Министерства финансов Павла Михайловича Гришкевича-Трохимовского и поведав ему о моем «воздержании и т. д.», я хотел было завести с ним разговор на тему о том, что из этого выйдет и чем кончится. Но Гришкевич перебил меня: «О вашем отказе от службы не только слышал, но и читал. Нечего вам беспокоиться. Ваше дело рассмотрено, решено. Есть постановление. Вот, читайте», — протягивает газету. Читаю в ней отчеркнутое Гришкевичем постановление такого примерно содержания: за непризнание власти Совета народных комиссаров исключаются со службы служащие бывшего Министерства иностранных дел такие-то. Следует список: Татищев, Лопухин, еще 6–7 человек преимущественно младших служащих, проживавших в одном доме со мною (казенном) на Мойке у Певческого моста. Только Татищев (директор канцелярии) жил в главном здании министерства под квартирой министра. Список поражал малочисленностью лиц, в нем поименованных. Фактически отказались служить, прекратив посещать службу, все или почти все служащие. А исключили только 8–9 человек. Создавалось впечатление, что список был составлен не по данным личного состава министерства, а по домовой книге дома № 26 по Мойке. На это указывал как будто и пропуск, среди ответственных старших служащих, товарища министра Петряева, только перед тем въехавшего в дом № 26 и которого не успели еще вписать в домовую книгу. Трудно было объяснить, с другой стороны, непомещение в списке таких бесспорно ставших известными Троцкому и его помощникам старших служащих, как товарищ министра Нератов и начальники политических отделов министерства. Почему из старших пропечатаны были только мы двое: Татищев и я, так и осталось мне неизвестным. Как будто нужно было опубликовать для острастки хоть какой-нибудь список, а полный или неполный — это, вероятно, было сочтено несущественным[11].

Троцкий после моего разговора с ним, как видно, передумал. Обуславливавшие мою свободу его оговорки отпали. Я был свободен безоговорочно. Двум смертям не бывать — говорит пословица. По аналогии, претерпев кару *исключения* со службы, другими репрессиями я мнил себя как будто уже не угрожаемым.

Гуляя как-то в эти дни с моими детьми в Александровском саду, у Адмиралтейства, я встретил заведовавшего счетною частью нашего департамента Николая Николаевича Маслова. Он мне весьма конфиденциально сообщил, что приехавшие в Петербург делегаты Афонского монастыря, получавшего ежегодную дотацию из секретных сумм нашего министерства, прослышав, что служащие ведомства, оставив службу, остались без средств к существованию, передали ему, Маслову, только что ими полученное в Главном казначействе по нашей ассигновке очередное денежное пособие, прося обратить его на выдачи нуждающимся служащим. «Когда-нибудь рассчитаемся, — сказали монахи, — а не придется рассчитаться — не беда. Афонский монастырь долгие годы пользовался царской дотацией и в благодарность за оказывавшуюся помощь может теперь кое-чем и поступиться в пользу служащих министерства, всегда относившихся с предупредительностью и любезностью к афонским монахам во всех случаях их обращений в министерство».

Наши бывшие чиновники зашевелились. Висконти и барон Таубе забежали под каким-то предлогом в департамент, чтобы раздобыть данные для разверстки полученного пособия, копались в старых требовательных ведомостях на выдачу содержания и кое-какие ведомости и списки стащили из департамента к себе домой. Чье-то око подсмотрело, как они тащили старые ведомости. Чье-то ухо подслушало их болтовню о раздаче денег. Что-то было кому надлежало донесено. У Висконти и Таубе на квартирах поздно вечером, к ночи, появился, сначала у одного, потом у другого, прикомандировавшийся к Наркоминделу, по-видимому, для доверительных поручений и «исполнительных» действий вообще, молодой и, по рассказам, из ряда вон энергичный матрос-балтиец Маркин, произвел у обоих обыск, нашел стащенные, в сущности, никому не нужные бумажонки, захватил эти бумажонки, а кстати и помертвевших от страха похитителей их. Висконти Маркин отвез в министерство, а Таубе — подальше, в Смольный. Лукавый итальянец Висконти, осмелев, как только удалился Маркин, сдав его в министерстве с рук на руки рабочей охране, сумел как-то выпутаться из неприятного положения, в которое его ввергла его неосторожность, и под утро был отпущен домой, а Таубе провел ночь в разговорах в оказавшейся многочисленною компании арестованных в Смольном, где засел более или менее основательно.

Утром в слезах ко мне заявилась его мамаша — баронесса Таубе, прося исходатайствовать освобождение сына из узилища. Я отправился хлопотать в министерство. Застал Поливанова. Рассказал ему, в чем было дело, что отсутствуют в нем элементы присвоения казенных денег для поддержания «саботажа», а имеет место лишь раздача нуждающимся бывшим чиновникам подаренной, относительно небольшой суммы, что взяты были на дом старые требовательные ведомости для составления раздаточного списка, который, в сущности, можно было составить и не обращаясь к ведомостям, по печатному «Ежегоднику» министерства, содержавшему списки служащих по департаментам и отделам[12], требовательные же ведомости имелось, конечно, в виду возвратить, что ни на какие преступные деяния Таубе не способен и если в чем виноват, то только в неуместном проявлении лишний раз свойственного ему в непозволительной степени легкомыслия. В заключение я просил Поливанова о содействии к скорейшему, по возможности, освобождению провинившегося барона из-под ареста.

Времена были идиллические. Как-никак, если встать на точку зрения властей, говоривших о «саботаже», Таубе совершил немаловажный проступок. Способствуя раздаче служащим хотя и подаренных денег, он, конечно, способствовал тому, что разумелось под понятием саботажа. Лишенные средств к существованию, служащие скорее бы пошли на капитуляцию. Итак, по легкомыслию или нет, Таубе все-таки провинился перед властями основательно и серьезно. И, тем не менее, Поливанов обещал мне просить о его освобождении из-под ареста. И вечером того же дня веселый и радостный Таубе пал в объятия своей мамаши[13].

Пообещав мне похлопотать об освобождении Таубе, Поливанов заговорил о приказе, исключавшем меня с некоторыми другими лицами со службы. «Это не направлено против вас. Наоборот, Лев Давидович (Троцкий) хотел, пока остается открытым вопрос о вашей службе, подтвердить вашу солидарность с вашими товарищами».

Памятуя, что слово серебро, а молчание золото, я промолчал. А хотелось спросить: «Ну, а скажите, пожалуйста, не исключив Нератова, Петряева и дру-

гих, кроме меня и Татищева, начальников отдельных частей, вы, что же, не хотели их показать солидарными с прочими их товарищами? В этом смысл того обстоятельства, что они пропущены в приказе?»

Расставшись со службою, я стал хлопотать о приискании частной квартиры для выезда с казенной. Не следовало с этим делом медлить. Няне моих детей сообщил дворник, что какие-то темные личности, появившиеся перед домом, в котором мы жили, пустили слух о том, будто «в квартире директора поставлены пулеметы, чтобы расстреливать народ». Подъем революционной волны был настолько еще высок, страсти в такой еще степени бушевали, что этот вздорный слух, несмотря на всю его вздорность, мог привести к весьма трагическим последствиям для меня и для моей семьи. Надо было подобру-поздорову убираться. Курьер особой комиссии Верховного совета, которой я был так еще недавно управляющим делами, подыскал мне небольшую квартиру в Заячьем переулке, в доме, где он был в свое время швейцаром. Туда мы и перебрались, проведя время ремонта в квартире моего брата и потом в квартире моей матери[14]. Хотя Поливанов и телефонировал моей жене, что нам не надо торопиться с выездом из казенной квартиры, тем не менее, матрос Маркин с товарищами вежливо наведывался, когда мы полагаем освободить помещение.

О Маркине, сделавшем впоследствии видную карьеру, я только и слышал в эти дни. Он, между прочим, специально занялся эвакуациею бывших чиновников Министерства иностранных дел из казенных квартир, показав рекордную «производительность труда» в этой работе. Знал я о Маркине, однако, только по рассказам. Самому с ним встретиться мне не пришлось.

А ресурсы таяли. У меня, да и у моей жены никакой недвижимой собственности, ни капитала никогда не было. Ни я, ни жена не успели ни от кого получить никакого наследства. Было припасено несколько сотен рублей, и то доставшихся путем учета в Обществе взаимного кредита дружеских векселей. Когда будет истрачена последняя сторублевка (радужная ассигнация с портретом Екатерины II), останутся только 2–3 выигрышных билета внутренних займов, да коекакие ювелирные ценности жены, мои ордена, золотой портсигар, подаренный сослуживцами при уходе с должности управляющего делами особой комиссии по призрению больных и раненых воинов, да карманные золотые часы. Наиболее громоздкая из имевшихся ценностей — столовое серебро — ввиду ожидавшейся эвакуации Петербурга под нажимом германской армии, наступавшей на Псков, было сдано нами на хранение в Ссудную казну и теперь оказывалось вне пределов досягаемости.

Как хотите, нужно было думать о приискании какого-нибудь заработка, не доводя до израсходования последней сторублевки.

Так думал я, так думали многие мне подобные, еще не додумавшись и не научившись обращать в рубли каждый стул, каждую штору и портьеру домашней обстановки. Этим впоследствии, в зависимости от количества и качества стульев и портьер, давалась владельцу более или менее длительная отсрочка голодовки.

— Ну, а тебе нужно думать разве о том, как бы покрасивее устроить себе беззаботную и светлую жизнь на службе капитала! Я уже окончательно переговорил о тебе с Ярошинским, и он ждет тебя к себе завтра в десять утра. Действуй!

Так не без некоторой театральности вещал мне большой любитель эффектов, неоднократно упоминавшийся в настоящих записках мой школьный товарищ,

журналист Владимир Александрович Бонди у себя в кабинете великолепной его квартиры на Офицерской улице.

— Постой, постой, — заговорил я, — не гони меня так стремительно. Теперь-то у тебя времени все-таки побольше, чем раньше. Издательство ваше на ладан дышит. Во-первых, прими мою благодарность за заботу. А во-вторых, расскажи кратко, но обстоятельно о Ярошинском и о том, что он имеет предложить мне. До сих пор до меня доходили о нем только какие-то волшебные сказки.

— Не сказки! Они были бы бессильны изобразить могущество и великолепие Карла Карловича[15]. Все, казавшееся тебе фантастическим в рассказах о нем, бледнеет перед ослепительною действительностью. Ярошинский — фактический собственник двенадцати крупных банков, сахарный король, единоличный владелец множества торгово-промышленных предприятий в России и за границею. По одному росчерку его пера открываются кредиты на миллионы любым заграничным банком. Имеется совет по управлению делами Карла Карловича. В этот совет входят, в качестве членов, бывшие царские министры. Входит, между прочим, Коковцов. Тебя, как имеющего опыт организации и администрирования заграничной службы, Карл Карлович хочет поставить во главе персонала своих заграничных предприятий, хочет, как он выразился, сделать тебя своим министром иностранных дел. Можешь себе представить, какие тебя ждут гонорары, когда состоящий при Ярошинском для мелких поручений наш общий с тобою гимназический товарищ Алевский получает в качестве члена правления какого-то банка тридцать тысяч рублей?!

— Все это слишком хорошо на сегодняшний день. Если бы был 16-й год, а не конец 17-го, то можно было бы еще ждать — по крайней мере, на некоторое время — осуществления планов Ярошинского. Но неужели он не понимает, что Ярошинский, как олицетворение капитала, и большевики, как марксисты, исключают друг друга, и что будет исключен Ярошинский большевиками, а не наоборот, ибо они уже государство и по учению своему хотят — не хотят, а обязаны уничтожить Ярошинского. Он лишится всего в России, и едва ли тогда не затрещат и заграничные его предприятия. Нечем будет мне заведовать. Вот что мне подсказывает здравый смысл. Но я все-таки побеседую с Ярошинским. Мало ли чего не бывает. Все предугадать нельзя. И иногда сбывается невозможное.

Я отправился к Ярошинскому в его дом на Морской. Приемная его кишела народом. Тем не менее, я был принят тотчас.

Великолепный кабинет не подавлял своей строгою роскошью и громадными размерами статной и мощной фигуры хозяина. Последний выглядел еще молодым, лет сорока с небольшим, цветущего здоровья. Был полон сил, недурен собою, с правильными чертами лица, коротко подстриженными волосами головы и усов, бритым подбородком. Движения все говорили о спокойной уверенности в себе. И уверенность звучала в громком, но мягком голосе.

— Россия осрамлена и унижена, — заговорил Ярошинский, посадив меня после краткого приветствия в кресло против себя, — и я не знаю, как и когда она сможет оправиться и заставить забыть свое унижение. Все-таки никто, я полагаю, не должен опускать рук. Надо работать изо всех сил несмотря ни на что, как будто ничего не случилось! Будем работать! Я рассчитываю на вашу помощь!

И он пустился в пространное объяснение своих видов на меня, в общем правильно мне переданных В. А. Бонди. Объяснения перешли в диалог на деловые темы.

Изложив мои соображения, я в заключение просил Ярошинского, в виде личного одолжения, по возможности не вводить меня в работе в сношения с занимавшим, по моим сведениям, видную должность в одном из его банков моим двоюродным братом Алексеем Александровичем Лопухиным, бывшим директором Департамента полиции.

— Нам не должно встречаться, — пояснил я, — я его не люблю, не уважаю, и у меня есть старые счеты с ним. Несколько лет тому назад я был вынужден предупредить его письменно о том, чтобы он избегал встречи со мной.

— На этот счет вам беспокоиться нечего. Вы можете совершенно его игнорировать. Я и сам не очень очарован вашим кузеном. Да и не вечен он среди нас. Вот, видите шкапик? В нем хранятся заранее написанные и подписанные просьбы об увольне<нии> каждого из директоров и членов правлений наших банков. Таков у нас порядок, что перед занятием должности директора или члена правления подписывается такая бумажка. В нужный момент она извлекается из шкапика... и содержащаяся в ней просьба удовлетворяется.

Обменялись еще двумя-тремя словами уже à bâtons rompus[a]. Я почувствовал, что на сегодняшний день разговор исчерпан. И приподнялся.

— Дня через два, — сказал, прощаясь, Ярошинский, — я приглашу вас вновь зайти, чтобы уговориться о подробностях и оформить наши взаимоотношения.

Но я интуитивно почувствовал, что больше его не увижу.

Действительно, «дня через два» В. А. Бонди сообщил мне, что Ярошинский был вынужден весьма поспешно скрыться за границу[16]. Оправдывались мои слова.

— Только ты не думай, — пояснял В. А., — что он совсем уехал. В самом непродолжительном времени вернется. И ты оформишь свое положение!

Не стоило возражать. Мы все одинаково не понимали в те дни, вся так называемая интеллигенция, за исключением социалистов, что такое произошло 25 октября. Но различно трактовали создавшееся положение. Ставили различные прогнозы его перспектив.

Сходясь далее в долгое время державшейся уверенности, что большевистская власть непрочна, ограничивали ее существование разными сроками. Одни — настолько короткими, что отпадал вопрос о том, успеют ли большевики осуществить свою программу. Другие допускали, что новая власть продержится долгое время и придется пережить все стадии коренного переустройства общества, причем предсказывали конечный провал предстоявших социальных реформ, почитавшихся утопистскими.

Нужны были победа большевиков в несколько лет продолжавшейся Гражданской войне и интервенции, крах противившихся течений и первые успехи социализации и восстановления обороноспособности страны, чтобы интеллигенция вся, наконец, поняла и зашагала в ногу с большевиками по путям социализма.

В описываемые дни было, однако, еще далеко до этого прозрения. Интеллигенция жила, старалась жить, «как будто ничего не случилось». Опиравшаяся на капитал, допускала убытки, потери, но твердо верила, что сокрушить капитал не под силу никакому режиму. Что перед ним устоит? «Все возьму, сказало злато»[17]. И отступал и всегда отступит «булат». В. А. Бонди и казалось, что Ярошинский скрылся потому, что рассудил скрыться, и вернется, когда рассудит вернуться.

[a] Здесь: урывками (фр.).

Я же полагал, что, придя надолго, если не навсегда, большевики неукоснительно будут проводить свою программу, в частности, хлопнут по капиталу. Отступит не булат, а злато. Ярошинскому не придется в России и по предприятиям и капиталам, находящимся в России, проявлять свою волю. И остается ему оставаться там, куда привел его Рок.

Моя попытка устроиться на работу у Ярошинского сорвалась. Потянулись непонятные дни.

Обреченная на ликвидацию частная торговля пока кое-как еще держалась. Но становился катастрофическим недостаток товаров на рынке. В действительности запасов и накоплений прежних лет таилось в стране еще достаточно. Но они припрятывались хозяевами из-за стремительного падения денежного курса, в чаянии стабилизации его и в значительной степени в соображениях спекулятивного поднятия цен. Главною же причиною обестоварения рынка являлось неправильное распределение товаров где-то, в каких-то тайниках и кладовых на необъятном пространстве страны, при полной разрухе транспорта. Последний совершенно не справлялся с переброской товаров из производительных в потребительские центры и из мест скопления ценностей в места, лишенные запасов. В Петербурге, Москве и большинстве соседних городов севера и центра Европейской России дефицитным стало все наиболее нужное. И предлагалось на рынке ненужное. За предметы первой необходимости требовались бешеные деньги. Хлеб, сахар, масло, картофель можно было получить по безобразно высоким ценам, и то только случайно. Мы пекли лепешки из жесткой маисовой муки, а когда ее не стало — из кофейной гущи, вернее, из гущи суррогатов кофе. Чтобы испечь лепешки, «обжиривали» раскаленную сковороду, проводя по ней кончиком восковой свечки. В дело шли хранившиеся десятками лет в кивотах остатки свадебных свечей, увитые искусственным флёр-д'оранжем. Варили кисель из случайно заполученного овса. Радовались как деликатесу с великим трудом добытой брюквине. Не прививалась, из-за неприятного вкуса, замена в кофе и чае сахара сахарином. Искали патоку. У кого были гомеопатические аптечки с медикаментами в сахарных крупинках, опустошали такие аптечки.

В городе громились винные погреба. Вино всевозможных видов и сортов тут же на месте распивалось. «На вынос» шла меньшая часть захваченных напитков. Шумно громился погреб Зимнего дворца. Рассказывали, в потоках разлившегося из разбитых бочек вина потонуло немалое число перепившихся до потери сознания громил. Отыскивались и расхищались и отдельные погреба частных лиц из бывших богатеев. Вокруг винного погрома хороводом неслась кровопролитная драка. Гремели выстрелы. Зажигались пожары.

С наступлением сумерек избегали выходить из дому. На улицах было жутко. Город плохо освещался. В закоулках раздевали и убивали.

Однако и среди дня на многолюдных улицах наблюдались невиданные до того жуткие сцены, не вызывавшие вмешательства толпы лишь из-за крайнего ее перепуга. Вот зигзагами мчится по тротуару некто с искаженным от ужаса лицом. За ним несется грузный солдат в папахе, откинутой на затылок, с револьвером со взведенным курком в руке. Вот сейчас выстрелит...

Стараясь не засиживаться до темноты, я посещал в ту пору мою мать, жившую на Звенигородской улице, брата — на Знаменской, школьного моего товарища, журналиста В. А. Бонди — на Офицерской, Н. Н. Покровского, пе-

реехавшего из министерской квартиры в частную на углу Воскресенского и Захарьевской. Из бывших своих сослуживцев заходил к А. П. Вейнеру, бывшему вице-директору Второго департамента Министерства иностранных дел, проживавшему в бывш<ем> собственном своем доме на Сергиевской ул<ице>, к Г. А. Козакову, бывшему начальнику Дальневосточного политического отдела министерства, жившему где-то по соседству Английского просп<екта>.

Трагическою была судьба Козакова. Одинокий, привыкший за годы, проведенные на службе в консульском корпусе, к заграничной жизни, он и теперь, не находя себе применения в России, вознамерился перебраться за границу. Об этом своем намерении он высказывался при встречах со мной у него или у меня на квартире, но лишь предположительно, а не в качестве определенного решения. Потом он запропал. Между тем для легального выезда за границу время было упущено. Граница была закрыта. Выезд воспрещен. Некоторое время спустя бывшие сослуживцы передали мне пришедшее из-за границы известие о том, что Козаков все-таки привел свое намерение в исполнение. Он бежал за границу. Однако, пробираясь в Финляндию зимою через Сестру-реку, провалился во льду реки. Застудил ноги. Пробираясь дальше, отморозил их. Жестоко страдая, добрался до Лондона. Но там скончался от гангрены ног.

Вообще публика наша стихийно устремлялась за границу. Движение началось еще до 25 октября, лишь в предвидении ознаменованных этою датою событий. После же 25 октября выезд приобрел массовый характер. Из Петербурга люди либо непосредственно выезжали за границу, пока граница была открыта, через Торнео via Берген, либо посредственно через Кавказ, Крым, Николаев, Одессу, думая вначале отсидеться на юге России, а потом вынужденные оттуда бежать с наступлением ужасов Гражданской войны.

Кому не удалось бежать, из осевших на юге, те жестоко пострадали. Большая часть пали жертвами революционной бури. Но многие погибли естественною смертью, оказавшись не в силах противостать всяческим лишениям, порожденным разрухою, и пережить потрясшие их сознание непонятые ими события.

Отправились одними из первых на юг, из числа тех, чьи имена пользовались известностью по значительности занимавшегося положения: дважды премьер-министр И. Л. Горемыкин, дважды министр — сначала финансов, потом — торговли, впоследствии управляющий Государственным банком И. П. Шипов, бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов и др.

Горемыкин, как рассказывали, был убит вместе с женою на черноморском побережье Кавказа, неподалеку от Сочи, напавшими на его дачу бандитами.

И. П. Шипов скончался на кавказских минеральных водах вскоре после своего приезда туда, по-видимому, от удара. Первый удар с ним приключился после проигранного им сражения с Менжинским, прибывшим в банк с требованием передачи банка с его фондами большевистскому правительству. Шипов повоевал, очевидно, вспомнив одержанную им в 1905 г. победу над агитаторами всеобщей забастовки, пытавшимися проникнуть в Департамент государственного казначейства, которого Шипов в ту пору был директором[18]. Агитаторов этих ему тогда удалось в департамент не допустить. Теперь дело представлялось куда серьезнее. Шипов повоевал, сомлел и упал в обморок. Насилу привели его в чувство. Всего какой-нибудь месяц перед тем я был у него в банке по делу министерства, и мы долго беседовали и на злобы дня, и на старые темы, вспоминая прошлое. Он вы-

глядел хорошо. Ничто не говорило о том, что уже почти вплотную Шипов подошел к роковому пределу.

Сергей Дмитриевич Сазонов, по слухам, отсидевшись в Ялте в каком-то подвале, не то заточенный большевиками, не то скрываясь от них, благополучно отплыл морем за границу, чему мы имели подтверждение в советских газетах. Он был признан западными умниками экспертом по русским делам, и французское и английское правительства советовались с ним по этим делам, не распознав в бывшем министре легкомысленную посредственность даже тогда! После крушения империи, которого Сазонов был одним из непосредственных виновников.

Пока Сергей Дмитриевич еще отсиживался в Ялте, я получил от него письмо, не повергшее меня в изумление только потому, что оно явилось новым доказательством давно мне известного легкомыслия Сазонова и абсолютного его неумения разбираться в обстановке. Над Россиею пронеслось 25 октября. Не стало ни прежнего Министерства иностранных дел с Первым его департаментом, которого я был директором, ни прочих бывших царских установлений. А Сергей Дмитриевич вежливо, но едко пеняет в письме на меня за то, что я мало о нем, о Сергее Дмитриевиче, забочусь: не распорядился до сих пор высылкою ему жалованья — если не по Министерству иностранных дел, то по Государственному совету (при увольнении с должности министра иностранных дел Сазонов был назначен членом Государственного совета[19]; получив затем назначение на должность посла в Лондоне, оставался членом Государственного совета; промешкав с отъездом в Англию из-за боязни германских субмарин и за это уволенный Временным правительством с должности посла, формально продолжал числиться членом Государственного совета).

Постепенно перебралось за границу большинство моих бывших сослуживцев. Из старших должностных лиц министерства остался в России, в конце концов, один я.

Поселившись в доме в Заячьем пер<еулке>, я оказался в близком соседстве с проживавшим на Песках бывшим служащим по Второму департаменту министерства Константином Евстафьевичем Горбацевичем-Горбачевичем. Он меня интересовал как живое предание дней молодости, когда я в первый раз поступил в дипломатическое ведомство. Но чем особенно он был мне интересен, так это тем, что был хорош с писателем Петром Петровичем Гнедичем, с которым я и познакомился у Горбачевича. Петр Петрович настолько известный писатель, что не приходится говорить о существе его таланта и предметах творчества. Всем знакомы его фундаментальные труды по истории искусств, его разносторонняя и плодотворная деятельность в области журналистики и театра. Хотелось бы лишь отметить, что многие его современники, и я в их числе, высоко ценили в Гнедиче также и выдающегося писателя-юмориста. В этом качестве он выступал в разных изданиях повременной печати и систематически помещал фельетоны в газете «Новое время» под псевдонимом «Старый Джон». Юмористические его произведения самого высокого качества, и от некоторых можно надорвать животики от здорового, поднимающего вас на крыльях радости смеха. После Октября я ходил к Гнедичу на квартиру его на Николаевской ул<ице> советоваться о возможностях литературной работы. Петр Петрович рекомендовал мне написать мемуары, считая интересными события, которых я был свидетелем, и лиц, с которыми встречался, сотрудничал или которых наблюдал.

Горбачевич, посещая меня после Октября, выражал недовольство обстоятельствами. Я ему возражал, доказывая, что ему не угодишь. Не преуспевая по службе при царском правительстве, он принадлежал и в прошлое время к числу недовольных. Радостно приветствовал в 1905 г. великую репетицию наступившей революции и объявил себя «кадетом» (членом конституционно-демократической партии). «Вы записались в кадеты? — спрашивал он меня при всякой встрече, начиная с осени 1905 г. и вплоть до открытия Государственной думы в мае 1906 г. — Нет, не записались? Ну так вот, помяните мое слово. Случится революция. И вас за то, что вы не записались, повесят!» Теперь я ему напоминал его настроения до Революции. И доказывал, что с ними не вяжутся его нынешние настроения. Он сердился. Большой, грузный, лицом некрасивый, раскосый, хромой, Горбачевич в сердцах был отменно дурен и в то же время смешон. Я смеялся. Посердившись, он присоединялся ко мне, и мы смеялись вместе. «Не к добру смеемся, — давясь и кашляя, прокашливал Горбачевич, — не к добру!»

Навещали еще время от времени меня: упоминавшийся в записках бывший старший делопроизводитель нашего департамента, на правах вице-директора, Евгений Александрович Висконти и вышедший еще до Революции в отставку бывший смотритель зданий Министерства иностранных дел Владимир Сатириевич (просил выговаривать «Сергеевич») Цомакион.

Висконти был человек удачливый. И служилось ему неплохо. И средствами обладал недурными. Владел большим и красивым домом в Демидовом пер<еулке> и имением под Лугой. Окончил архитектурное отделение Академии художеств. Поэтому в министерстве заведовал всеми вопросами и делами по постройке нами зданий за границей для наших дипломатических и консульских установлений в резиденциях, где не находилось подходящих наемных помещений или в которых требовалось иметь собственное здание по тем или иным «особым» соображениям — престижа, безопасности (в некоторых местностях на Востоке) и т. д. Другою специальностью Висконти, не имеющей ничего общего с первой, являлись дела по испрошению министерством должностным лицам ведомства чинов и орденов. Для этого будто бы требовались ловкость и лукавство прирожденного итальянца, каким был по происхождению Висконти, имевший родственные связи в Италии и в Испании. Из Италии после Октября ему писали, приглашая переселиться туда. Русский подданный, женатый на русской, получивший воспитание и образование в России и всю жизнь прослуживший ей, Висконти не захотел расстаться с Россиею и остался в любезном его сердцу Петербурге.

Цомакион, греческий человек, бывший офицер гусар-сумец (Сумского полка), был добродушнейшим малым слегка хлестаковского пошиба, немного себе на уме, но неизменно благожелательным и услужливым. Под внушительным, красиво изогнутым носом вырастил себе густые усы с громадными подусниками, родил двух недурненьких, с носу на него похожих дочерей и при наличии живой, не разведенной с ним жены открыто жил с француженкой. Обедать зазывал друзей и товарищей не к жене на казенную квартиру в министерстве, а к француженке в частном доме на ул<ице> Жуковского. Министру Сазонову недоброжелатели Цомакиона нашептали, что туда же направлялись подносившиеся француженке, а не цомакионовой жене букеты цветов с вложенными внутрь пачками радужных бумажек (сторублевок) от благодарных подрядчиков, поставлявших министерству дрова, строительные и другие материалы и выполнявших разно-

го рода услуги (ремонт зданий, курьерский извоз и т. п.). Не проверив этих нашептываний, Сазонов, подтолкнутый своей супругой Анной Борисовной, всюду искавшей вакансий для устройства раненых офицеров, решил открыть у себя вакансию смотрителя зданий. Она была замещена симпатичным, но мало к ней подходившим демобилизованным офицером гвардейского Гренадерского полка Пащенкой. Цомакион пострадал и, как будет видно, не к благу и не на пользу министерства. Я еще не был тогда директором. Дело прошло мимо меня. Об увольнении Цомакиона я, конечно, не мог не знать. Но причиной не интересовался, считая, что не могло быть причины иной, как только легкомыслие Сазонова, способного довериться любому нашептыванию без проверки обстоятельств дела. О букетах слух до меня дошел post factum. Я допускаю, что никаких букетов и не было. Назначенный директором, когда заготовленные Цомакионом дрова не все еще были использованы и оставалась значительная часть, уложенная в штабели на обширном дворе бывшего дома министерства на Морской улице, я отправился осмотреть эти дрова. Они оказались превосходными во всей наличной партии, что свидетельствовало о ложности утверждения цомакионовых недоброжелателей, будто о качестве заготовки нельзя было бы судить по дровам, приносившимся на квартиры начальства; для него, видите ли, отбирались лучшие дрова, а шедшие по другому назначению, в больших количествах, были похуже. От наших штабелей я пошел к соседям в Министерство финансов с просьбою показать их дрова. Они были хуже наших и дороже. По обследовании, лучше и дешевле оказалось у нас все: и произведенные ремонтные работы, и курьерский извоз, и проч. Грешным делом я подумал, что если и были букеты, то плевать было на это обстоятельство, а не поднимать истории! Налицо было примерное, отличное соблюдение выгод казны, а не нарушение ее интересов. Букеты если и были, то было ясно, что в настоящем случае дело все-таки сводилось не к взятке, а к не изжившемуся еще в те времена обычаю «поднесения благодарности из уважения». Таким смотрителем, как Цомакион, надо было дорожить. Вообще поменьше нужно в жизни лицемерия и лжепринципиальности!

Навестил меня однажды и Михаил Сергеевич Рощаковский. Небезынтересная личность. В прошлом — лейтенант флота, командовавший во время войны с Японией миноносцем в Порт-Артуре. Прорвался из Порт-Артура и разоружился в одном из нейтральных китайских портов. Тем не менее, его миноносец пыталось захватить японское военное судно. Командир полез на русский миноносец. Разоруженный Рощаковский, не имея иных средств воздействия, схватил японца за шиворот и сбросил в море. По окончании войны Рощаковский женился на волынской помещице девице Мезенцовой. Замужем за ее братом была моя двоюродная сестра, урожденная Батурина. Таким образом, мы оказались в некоторого рода свойстве с Рощаковским. В качестве моряка Рощаковский мог претендовать на оказывавшееся всем русским морякам покровительство «королевы эллинов» Ольги Константиновны, дочери покойного генерал-адмирала русского флота вел<икого> кн<язя> Константина Николаевича (брата императора Александра II). Рощаковский испросил согласие королевы быть его посаженной матерью на свадьбе с Мезенцовой. Свадьбу сыграли в домовой церкви принадлежавшего брату королевы, вел<икому> кн<язю> Константину Константиновичу, Мраморного дворца на Дворцовой набережной в Петербурге. Я присутствовал на этой свадьбе. Королева своим участием в свадьбе Рощаковского не ограничила заботу

о нем. По его просьбе она содействовала переводу его из флота в наше ведомство, добившись почти вслед за тем прикомандирования Рощаковского к нашей миссии в Афинах. Рощаковский всегда себя переоценивал. Подмочив японца, считал себя на голову выше ничего героического не предъявлявших своих современников. Как он меня презирал, пока я не сделался директором департамента того самого ведомства, в котором Рощаковский состоял на службе! Мое продвижение по министерству заменило мне в глазах сурового Михаила Сергеевича геройские подвиги, и он сделался милостив ко мне. Итак, Рощаковскому было свойственно себя переоценивать. Попав, благодаря королеве эллинов, в столицу эллинского королевства в качестве русского атташе, Михаил Сергеевич стал пересаливать в преувеличении своего значения. Недовольный сыновьями королевы за нестеснительно ими высказывавшееся более чем холодное отношение к России, Рощаковский ставил королеве на вид некорректность поведения греческих принцев, читал королеве нравоучения, требуя ее воздействия на сыновей. И, как мне передавали, надоел Ольге Константиновне. Его перевели в Дармштадт секретарем тамошней нашей миссии. Министром-резидентом в Дармштадте был в ту пору сделавшийся потом моим предшественником по должности директора департамента Василий Яковлевич Фан дер Флит. Он прекомично жаловался мне на Рощаковского за его порывы к большой активности в тихой заводи нашего дармштадтского поста исключительно представительного значения при брате императрицы Александры Федоровны. «Смотря на Рощаковского, — заключал Фан дер Флит, — я всякий раз представляю себе океанский дредноут, спущенный в садовый пруд, в котором ему некуда повернуться! Понятно, что Рощаковский вечно недоволен». Когда началась война, и наше представительство было из неприятельских стран отозвано, Рощаковский был прикомандирован к нашему департаменту на усиление штата. Поставленный этим в относительно скромное положение, он и тут не мог, как бы хотел, развернуться и показать себя. Продолжал быть недовольным. Теперь, сидя у меня в Заячьем пер<еулке>, Рощаковский все прошлое и всех нас, «бывших», беспощадно критиковал. Ушел. Больше я его не видел. Дошел до меня слух — не помню, откуда — что он пробрался с женою и дочерью в Норвегию.

После письма С. Д. Сазонова, присланного из Крыма, с упреками за отсутствие будто бы с моей стороны заботы о моем бывшем начальнике, я получил также жалобное письмо из Батавии от Михаила Сергеевича Неклюдова. Бывший мой сослуживец по Государственной канцелярии, рекомендованный мною Министерству иностранных дел для работы по законодательным вопросам, он по болезни оставил должность по министерству в 1910 г., продолжая, однако, числиться в списках ведомства. Неклюдов насмерть перепугался июльского выступления революционных масс и тотчас обратился ко мне с просьбою устроить ему, как состоящему в ведомстве, заграничную командировку. Командировка, а не просто выезд за границу, нужна была потому, что только командированным обеспечивался перевод денег из России за границу, недоступный рядовому обывателю из-за валютных затруднений. Я мог предложить Неклюдову командировку только в Японию на усиление вице-консульства в Хакодате, и то без вознаграждения. Последнее условие его не смущало. Он был человек со средствами. Высылались бы только ему его собственные деньги. Неклюдов уехал. Я успел сделать ему, насколько помню, два перевода. После Октября возможность де-

лать переводы, естественно, от нас отошла. И вот, перебравшись почему-то в Батавию, Неклюдов жаловался на прекращение переводов. Просил что-нибудь ему сделать, как-нибудь помочь. Увы! Просьба была невыполнима.

Неклюдов был балетоман. Ездил к Суворину просить его распорядиться отметить эту его, как он настаивал, position sociale[a], в суворинском адрес-календаре «Весь Петербург»[20], редакция которого отказывалась признать в любви к балету общественное положение. Суворин просьбу Михаила Сергеевича удовлетворил. Во «Всем Петербурге» за 1917 г. Михаил Сергеевич так и значится «балетоманом». И он действительно был балетоманом — знающим, ревностным и убежденным. Знал все тонкости балета, его историю, традиции и лично весь кордебалет. У него зачастую устраивались обеды с артистками балета. На нескольких таких обедах я присутствовал и познакомился со многими артистками.

С год примерно спустя после неклюдовского письма я встретил одну из бывавших у Михаила Сергеевича артисток на Невском пр<оспекте>. Она мне сообщила полученное из-за границы известие о том, что Неклюдов в конце концов добрался до Европы. Впал там из-за отсутствия средств в бедственное положение и за невозможностью из него выбраться где-то на юге Франции покончил с собой.

С переездом большевистского правительства с его наркоматами в Москву, вследствие угрожавшего Петербургу наступления немцев в псковском направлении, в Петербурге временно оставались небольшие ячейки отдельных ведомств[21].

От центральных учреждений Министерства финансов осталась, между прочим, ячейка Департамента государственного казначейства, возглавлявшаяся одним из старших чиновников департамента Михаилом Дмитриевичем Зориным. Почему, в силу каких соображений — неведомо, но именно этой «казначейской» ячейке поручалось выработать проект договора Советской Республики с Финляндиею. Зорин испросил разрешение собрать для этого комиссию из остававшихся в Петербурге бывших царских высших должностных лиц[22]. В состав комиссии были приглашены и вошли бывшие министры: юстиции — Сергей Сергеевич Манухин, иностранных дел — Николай Николаевич Покровский, торговли — Василий Иванович Тимирязев, бывший товарищ министра финансов Сергей Федорович Вебер, бывшие директоры департаментов Министерства иностранных дел барон Борис Эммануилович Нольде и я. Кроме перечисленных лиц, в комиссию вошли еще несколько второстепенных чиновников, фамилии которых не припомню. За участие в комиссии было положено жалование, пришедшееся всем без исключения весьма кстати, так как капиталистов среди нас уже не было. Ведущие роли в комиссии принадлежали Манухину и барону Нольде. Работали скоро и споро. Дело приближалось к концу, как неожиданно комиссия была распущена. Видимо, было обращено внимание на несоответствие ее вельможного состава пролетарскому органу.

Когда Советскою властью был заключен мир с Германией[23], я задался мыслью использовать предстоящее возобновление торговых сношений наших с немцами для приискания себе работы в этой области. Чудился широкий частный почин: единоличные предприятия, торговые и промышленные товарищества, акционерные компании и т. п. Из прежних импортных и экспортных предприятий многие, разоренные войной, не возобновятся. Можно будет стать на их место но-

[a] Общественное положение (фр.).

вым комбинациям, куда войдут свои люди. Надо лишь заблаговременно сделаться своим человеком в среде возможных учредителей этих комбинаций. Можно будет использовать знакомства и связи наших бывших дипломатов с германскими финансовыми и торгово-промышленными кругами для занятия и закрепления позиций на германском рынке.

Сколь наивны были эти специфически буржуазные мечты! И сколь невежественны! Мы продолжали не понимать новый строй под большевистскою властью. Не ведали, что одним из основных его устоев являлась монополия внешней торговли, а другим (до установления лишь в качестве временного режима НЭПа) — огосударствление и частично окооперирование всей вообще промышленной и торговой деятельности в стране. Я говорю «мы» не понимали, «мы» не ведали, потому что в беседах по этому предмету с другими бывшими бюрократами, до бывших царских министров, да и с бывшими дельцами, я встречал в них то же невежество, то же непонимание сложившейся новой обстановки, какие проявлял я.

Поддержанный единомыслием со мною соратников из той среды, с которой я сросся от дней моей юности до крушения царства, которому служил, я настаивал на своих мечтах и в ожидании благоприятной для их осуществления конъюнктуры искал возможности ознакомиться с условиями Брестского мира для изучения экономических его последствий. Н. Н. Покровский рекомендовал мне обратиться за нужными материалами в помещавшееся на Невском, между Владимирскою и Николаевскою ул<ицами>, экономическое бюро, в котором орудовал С. Ф. Вебер и сотрудничали, в числе других лиц, несколько бывших чиновников Министерства иностранных дел[24].

Проникнув в это бюро, я еще в приемной, у входа, натолкнулся на бывшего старшего делопроизводителя Второго департамента министерства Андрея Владимировича Сабанина, ставшего впоследствии одним из видных сотрудников Наркоминдела[25]. Сабанин тотчас снабдил меня понадобившимися мне материалами и сообщил, что если я вообще интересуюсь экономическими вопросами и, в частности, желал бы быть в курсе предпринимательских возможностей момента, то мне следует посещать собрания экономистов, устраиваемые неким Жерве, одним из бывших вице-директоров бывшего Министерства земледелия, у него на квартире, в доме на углу ул<ицы> Жуковского и Лиговки.

На собрания Жерве указал мне вслед же за тем А. П. Вейнер, с которым я в то время часто виделся. Располагая средствами, он задумал организовать какое-нибудь промышленное предприятие сообща с 3–4 родственниками и приятелями, имевшими также кое-какие ресурсы. Группа образовалась. Заинтересовались рыбными и звериными промыслами на Севере. Проектировали устройство промысловой базы в Архангельске. Меня Вейнер просил составить записку, содержащую мотивированное ходатайство перед Советскою властью о разрешении организовать и эксплуатировать задуманное предприятие.

К Жерве я пошел. И весьма заинтересовался устраивавшимися им собраниями. На них с исчерпывающей полнотой описания, мотивировки и учета финансовых результатов действительно вскрывались всяческие предпринимательские возможности. Аккуратно посещая эти собрания, я стал накапливать основательную осведомленность в данной области и связался с источником постоянного ее пополнения.

И что же? Хотя, вопреки порожденным непониманием обстановки моим мечтам о возрождении широкого частного предпринимательского почина, ника-

кой такой почин допущен в ту пору не был, тем не менее, приобретенная осведомленность принесла мне, помимо новых знаний, еще весьма реальные плоды в виде поддержавшего меня и мою семью в течение нескольких месяцев весьма приличного жалования. Выплачивалось мне оно одним законно учредившимся на основании объявленных Советскою властью правил московским промысловым товариществом. Впрочем, об этом речь впереди.

Вскоре после овладения властью Советское правительство декретировало, в числе других мер, свободу граждан организовывать промысловые товарищества и союзы товариществ[26]. Был издан и образцовый устав промыслового товарищества. Достаточно было собрать группу учредителей, подписать учредителям протокол об учреждении товарищества, заполнить пунктирные строки образцового устава индивидуальными признаками данного товарищества с указанием его характера и условий деятельности, и оставалось лишь зарегистрировать устав в компетентном учреждении явочным порядком.

Такой облегченный порядок учреждения промысловых товариществ соблазнил многих «бывших» попытаться путем создания подобных предпринимательских организаций разрешить трагический для всех вопрос о заработке. Разрешая товарищества и союзы, власть, казалось, имела в виду главным образом кооперацию, а с другой стороны — мелкую производственную, преимущественно кустарную, артель, артельные товарищества по оказанию разного рода услуг и артельные объединения. Крупная промышленность национализировалась. Менее всего, очевидно, предполагалось поощрять возникновение торговых товариществ. Тем не менее, препон к их открытию пока не ставилось. Поэтому-то, как это ни кажется теперь удивительным, «бывшим людям» дали учредить в Петербурге такую не соответствовавшую новому строю организацию весьма большого масштаба, как некий «Союз международных торговых товариществ»[27]. Так и пёрли «бывшие» во внешнюю торговлю. Правда, дальше учреждения союза и подготовительной к открытию его деятельности организационной работы дело не пошло. Но организация все-таки просуществовала более года. Овладела для помещения своих контор бывшим дворцом вел<икого> кн<язя> Владимира Александровича на Дворцовой набережной, ныне занятом Домом ученых. На организационные расходы средства союзу, как мне передавали, отпустил К. К. Ярошинский. В совет союза входил Н. Н. Покровский. Войдя в союз одним из директоров датского его товарищества под самый конец существования этой организации, я не успел ознакомиться с нею настолько, чтобы сохранить в памяти состав прочих, кроме Покровского, виднейших ее участников. Из отдельных лиц помню (потому что давно его знал и часто встречал) Сергея Андреевича Шателена, назначенного незадолго до Революции товарищем министра финансов (Барка). И еще в качестве участника союза помню сослуживца по Министерству иностранных дел барона М. Ф. Шиллинга, бывшего при Сазонове директором канцелярии министерства, а потом при Штюрмере назначенного сенатором.

Так вот как оно было. Не понимали большевиков, не знали их программу не только заурядные из нас, но и образованнейшие и умнейшие. И верили в возможность частному почину пристроиться к внешней торговле!

Между тем, временное поддержание моих финансов жалованием за участие в работах зоринской комиссии окончилось и нового заработка не предвиделось. Наступил такой день, когда из тайничка, устроенного мною в книжном шкафу,

я извлек, увы, последние две радужные бумажки (сторублевки). Одну дал жене на столовые расходы, а другую, с тяжелым чувством беспокойства за будущее, положил обратно в тайничок. Впал в раздумье. И в тот же день получил телеграмму из Москвы от двоюродного брата Николая Сергеевича Лопухина, вызывавшего меня для переговоров по делу, требовавшему моего участия. Назавтра отправился. В те дни места в поездах брались с бою. Толпа штурмовала вагоны. Люди калечились. Доходило дело до стрельбы. Мне посчастливилось. Я ворвался в вагон невредимым. Но какой это был вагон? Взятый, очевидно, с одного из загромождавших пути вагонных кладбищ. Ветхий, из состава пригородного движения, т. е. неприспособленный для дальнего следования, да еще с разбитыми стеклами окон. А мороз стоял крепкий. Вмиг вагон набился до отказа. Люди заняли даже багажные полки под потолком. Сгрудились так, что невозможно было шевельнуться. Забили все проходы. Встать, выйти в буфет на станции, пробраться в уборную нечего было и думать. И так мы ехали относительно небольшой 600-верстный перегон до Москвы ни много ни мало 26 часов! Ноги отекли и так окоченели, что, казалось, невозможно будет на них встать и двинуться. Чудом — когда, подъехав к Москве, поезд остановился — я поднялся и пошел. Отправился по указанному в телеграмме адресу к некому Глебову, с которым никогда до того не встречался, хотя мы с ним и состояли в свойстве, правда, весьма далеком.

Он был одним из внуков князя Николая Петровича Трубецкого — от первого брака князя. Вторым браком князь был женат на моей тетке Софии Алексеевне, урожденной Лопухиной. От второго брака произошли профессоры Сергей и Евгений Трубецкие, дипломат Григорий Трубецкой и шесть девиц; от первого брака — две дочери, в замужестве Глебова и Кристи, и сын Петр Николаевич, известный в свое время московский губернский предводитель дворянства. В этой семье от первого брака князя Николая Петровича случился тяжелый роман, закончившийся трагедией. Внук князя, молодой Кристи, женился на дочери ярославского губернского предводителя дворянства Михалкова и жены его, урожденной Унковской — дочери адмирала, почетного опекуна И. С. Унковского[28]. Михалкова-Кристи была, по общему мнению, особа интересная до чрезвычайности. Так ее расценил и дядя ее мужа князь Петр Николаевич Трубецкой и стал до чрезвычайности же неумеренно за нею ухаживать. До такой степени неумеренно, что в один злосчастный день ее муж, доведенный до соответственного накала, застрелил своего не в меру предприимчивого дядюшку. Произошло это, насколько помнится, до империалистической войны, незадолго перед ее началом. Дело было потушено. Но молодые Кристи развелись. На интересной виновнице трагедии женился двоюродный брат ее разведенного мужа Глебов.

Да, она была интересная, эта встретившая меня — когда я с вокзала объявился на квартиру Глебова — молодая дама, извинявшаяся за отсутствие куда-то и зачем-то отлучившегося ее мужа. Высокая, ширококостная и в то же время хорошо сложенная, стройная блондинка с крупными чертами красивого лица и глубокими голубыми глазами.

Она меня отвела в приготовленную для меня комнату, где, разложив чемодан, я после дороги занялся своим туалетом. Покончив с ним, я вышел в столовую, где застал хозяйку, хлопотавшую у самовара. Она меня угостила чаем с сахаром (!) и с вкусными домашними лепешками, выпеченными из настоящей пшеничной муки (!!).

Мы разговорились. Темой была ее семья. Я знал ее бабушку Анну Николаевну Унковскую и дядю Семена Ивановича Унковского — беспутного Сеню, который, когда мы были гимназистами средних классов, пил со мною и с Петром Урусовым бенедиктин, повзрослее участвовал в поездке бывшего царя в бытность последнего наследником на Восток, потом — без заранее обдуманного намерения — женился на Зуше Ауэр, дочери известного скрипача[29], и еще потом — на ее сестре «Мухе». Посетив как-то Сеню в его калужском имении, я созерцал, нагнувшись над колыбелью, ни в малейшей степени не напоминавшего типичного русака, каким был Сеня, черноглазого и черноволосого смуглого младенца с жестким взглядом и хитрым лицом стяжательного еврейского банкира[30]. С годами Зуша худела, превращаясь в обтянутый засохшею кожею скелет *и являя в лице становившиеся все более яркими характерные семитические черты*. «Муху» я не встречал.

Хорошо знал я также тетушку моей собеседницы — Катю Унковскую, вышедшую замуж за моего родственника и сверстника Сергея Дмитриевича Евреинова, назначенного губернатором занятого нами в империалистическую войну гор<ода> Черновцы. Город этот был тогда так стремительно отобран от нас обратно, что Евреинову пришлось уподобиться по краткости администрирования прогубернаторствовавшему на предоставленном ему острове всего лишь несколько часов оруженосцу бессмертного Дон-Кихота Санчо Панса.

Говорили мы и о Михалковых. Я знал еще девицею вторую жену предводителя Михалкова Агриппину Владимировну, урожденную Волкову, на которой он женился, овдовев после матушки Глебовой Анны Ивановны, урожденной Унковской[30a].

Вошли Глебов и Николай Лопухин. Глебов, высокий, стройный, красивый молодой человек с небольшими черными усами, любезно осведомился, поздоровавшись со мной, о моем самочувствии после трудного по тем временам пути. Николай Лопухин тотчас заговорил о деле. Группа москвичей из «бывших» провела устав промыслового товарищества типа учреждавшихся петербургскими «бывшими». Провозгласив своим лозунгом ни много ни мало как экономическое возрождение России, товарищество присвоило себе название «Экрос» по входившим в ту пору в обычай сокращенным обозначениям. На самом деле товарищество собиралось проводить всяческие дела — в первую голову комиссионные, а если представится возможность, то и промышленные и торговые, заняться всяческими способными приносить выгоды промыслами. Я приглашался быть представителем товарищества в Петербурге. По своим целям товарищество, естественно, интересовалось пресловутыми «предпринимательскими возможностями момента», чтобы решить, с чего начать, что предлагать в порядке осуществления посреднической деятельности, наконец, какой себе начертать план работы на ближайшее время. Поэтому Лопухин и Глебов, узнав от меня, что я такие «предпринимательские возможности» выясняю и о многих уже осведомлен, весьма этому обрадовались и утверждали, что помощь моя настоятельно нужна «Экросу». Это подтвердило на следующий день общее собрание членов товарищества, просившее меня сообщить из Петербурга имеющийся у меня материал и держать товарищество в курсе всяких новых предпринимательских предположений. В первую очередь меня просили раздобыть и выслать товариществу записку б<ывшего> Министерства путей сообщения по проекту инженера Борисова о проведении большой Северной жел<езной> дороги[31]. Неужели товарищество

дельцов-дилетантов задумало железнодорожное строительство, считая его себе по плечу? «Бывшие» ни перед чем не останавливались. Не ведали, не ждали, что не пройдет и года, и их мечтаниям будет положен конец и их промысловые организации будут закрыты. С пожеланиями успехов меня снабдили доверенностью товарищества, положили мне тысячу рублей жалования в месяц и первую тысячу выдали авансом на руки.

Вернулся домой с деньгами и работой. Выслал «Экросу» борисовский проект и записку, содержавшую выясненные мною «предпринимательские возможности». В дальнейшем отписывал все, о чем, бывало, услышу на экономических собраниях Жерве.

Так исподволь я сделал открытие, что экономическая осведомленность есть товар, на который имеется покупатель.

Об этом открытии я поведал друзьям, преимущественно бывшим чиновникам Министерства иностранных дел, остававшимся без дела.

Они просили меня попытаться учредить информационное посредническое товарищество, в которое могли бы поступить в качестве конторщиков, бухгалтеров, агентов для поручений и т. п.

Я переговорил с Покровским и Арцимовичем, указав, что в посреднической информации имеется нужда, что за нее платят деньги, в частности, я получаю жалование, на которое прокармливаю семью. Покровский и Арцимович высказались за попытку учредить посредническое товарищество с тем, чтобы я взял на себя организационную работу по его устройству и вошел в состав его правления. Я просил Покровского войти в товарищество председателем совета, а Арцимовича — председателем правления. Они согласились. Арцимович предложил поручить провести и зарегистрировать устав товарищества знакомому ему бывшему присяжному поверенному Заксу. Впредь до учреждения товарищества и приискания ему помещения, Закс предоставил в распоряжение учредителей товарищества для их встреч, переговоров и собраний свою квартиру в известном доме б<арона> Гинзбурга, выходящем на б<ывший> Конногвардейский бульвар, Замятин пер<еулок> и б<ывшую> Галерную улицу. Заксу и его зятю обеспечивались места в товариществе: первому — в правлении, а второму — в конторе. Из бывших моих сослуживцев по министерству я обещал устроить в товариществе упоминавшихся в настоящих записках Е. А. Висконти и К. Е. Горбачевича, а также бывшего заведующего счетною частью нашего департамента Николая Николаевича Маслова; из сослуживцев по б<ывшей> особой комиссии Верховного совета по призрению раненых и увечных воинов и семей лиц, убитых на войне, — графа Корали. Название будущему товариществу было придумано мною: «Гермес». И был заблаговременно приобретен для него бюст Гермеса.

Чтобы создать товариществу связи в коммерческих и промышленных кругах, было признано желательным привлечь в совет товарищества Эммануила Александровича Ватаци, бывшего ковенского губернатора, потом товарища министра внутренних дел и затем помощника наместника на Кавказе. В бытность на Кавказе Ватаци связался с крупным капиталистом-нефтяником Лианозовым и по оставлении службы в наместничестве стал заниматься его делами. Приобретя значительный вес в банковских и торгово-промышленных сферах, являл собою фигуру видную и внушительную. Завербовать Ватаци в товарищество отправились втроем Н. Н. Покровский, В. А. Арцимович и я — к нему на квартиру

в первом этаже великолепного дома на Таврической ул<ице> близ Тверской. Угостил чаем с сахаром (!) и с печением (!!). Немножко поломался, но все-таки согласился, поставив, однако, условием, чтобы в товарищество был приглашен в качестве члена правления бывший директор канцелярии Министерства внутренних дел (при Плеве), потом виленский губернатор Любимов.

Для финансирования «Гермеса» в организационном периоде деятельности был привлечен в товарищество разбогатевший на крупных подрядах инженер Чаев. Он упирался, не видя для себя никакого интереса в «Гермесе» и не веря в успех предприятия. Однако уступил настояниям входивших в товарищество крупных бюрократов, рассудив, что «кто знает, может, еще пригодятся». Отвалил паевых пять тысяч рублей.

Закс провел устав «Гермеса». Мы наняли для товарищества помещение (большую квартиру) на Почтамтской улице, близ Исаакиевской площади, омеблировали конторским инвентарем, приобрели «Ундервуд» и открыли двери, поджидая клиентов.

Заявился изобретатель, интересный, но с которым мы решительно не знали, что делать — до такой степени не отвечали его изобретения потребностям момента.

Потом ввалился к нам однажды видный, рослый, сметливый казачина с Урала, предлагая хлеб и скот.

Из смутных далей вырисовывались объекты посредничества. Можно было начать шагать.

Арцимович, имевший связи с Берлином, где был генеральным консулом, написал Блейхредеру, предлагая комиссию для дел в России и прося финансовой поддержки. Блейхредер вежливо отвечал изъявлением готовности вступить с нами в деловые сношения. Обещал всяческие финансовые льготы. Просил при первой возможности сообщить конкретные предложения.

Нам снились сыпавшиеся золотым дождем из туго набитых мешков дивиденды!

Я писал «Экросу» об учреждении «Гермеса». В результате оба товарищества вступили участниками одно в другое.

Еще до вызова в Москву Николаем Лопухиным я виделся в Петербурге с другим двоюродным братом, графом Алексеем Павловичем Капнистом, бывшим военно-морским атташе при нашем посольстве в Риме, вышедшим в отставку перед войной, а с войною мобилизованным в Главный морской штаб и занявшим в нем видное положение. Он был человеком со средствами, получив крупное наследство. Владел имением в Полтавской губернии, домами в Москве, дачею в Ялте. Всего этого он с Революцией, конечно, лишился. Но от больших достатков и остатки выходят немалые. Кое-какие деньжата под подушку завалились. И в отчаяние он не впал. Сокрушался о моих затруднениях. Услышав от меня, что я имею недурную деловую информацию, которую хотел бы использовать, чтобы пристроиться к какому-нибудь делу, Капнист мне указал как на лицо, которое могло бы быть полезно мне в этом отношении, на заведовавшего домами Капниста в Москве некого Заболоцкого, молодого человека, разбогатевшего на спекуляции домами. О моем возможном обращении к Заболоцкому Капнист обещал мне с ним переговорить.

Заболоцкий оказался членом товарищества «Экрос», присутствовал на его собрании при моем участии и слушал мой доклад об имевшейся у меня и соби-

равшейся мною информации. Наговорил мне по поводу доклада много лестного. Очевидно, Капнист успел перемолвиться с ним обо мне. Заболоцкий задумал сообща с неким бароном Менгденом, с которым поспешил меня познакомить, создать независимую от «Экроса» однородную деловую комбинацию. Встретившись со мною, стал вовлекать меня в эту комбинацию, заинтересовавшись, как я это сразу уразумел, несмотря на его хитрые подходы, не столько моими деловыми качествами и собранною информациею, сколько моими связями с верхами «бывших» — бывшими министрами царского режима и другими сановниками, очевидно, желая через меня познакомиться с ними, а кое-кого и вовлечь в свою комбинацию для придания ей вящего веса. Хотя товарищество «Заболоцкий-Менгден» не сулило мне, впредь до реализации сомнительных дивидендов, ни одного ломаного гроша, я согласился вступить и в это товарищество, считая целесообразным кумулировать участие в предприятиях: провалятся девять — вывезет десятое! Товарищество «Заболоцкий–Менгден» под официальным названием «Менгден и К°» вошло, по примеру «Экроса», участником в товарищество «Гермес». Оба учредителя товарищества «Менгден и К°» прибыли вслед за моим посещением Москвы в Петербург, где я их познакомил с Н. Н. Покровским, В. А. Арцимовичем и С. А. Шателеном. Все трое вошли в товарищество «Менгден и К°». Мне была выдана нотариальная доверенность на ведение в Петербурге дел товарищества.

Тут подоспело и приглашение на безвозмездную пока работу в Союз международных торговых товариществ в должности директора правления датского товарищества. Работы не оказалось, собственно, никакой. Отвели мне маленький кабинетик в верхах бывшего дворца вел<икого> кн<язя> Владимира Александровича со стороны Миллионной. Я заходил время от времени в этот кабинетик на случай, если вдруг понадоблюсь администрации союза или какому-нибудь посетителю. Но ни разу такого случая не представилось. Я проводил час-другой в помещении союза и занимался там делами «Экроса».

Не помню, при каких обстоятельствах и по какому поводу я встретился с дельцами конторы «Лемке и К°», помещавшейся на Итальянской, рядом с Пассажем. Их было трое — Лемке и два его компаньона, фамилии которых позабыл. Один из них — почтенный, отменно симпатичный, умный и деловитый инженер путей сообщения, пожилой, слегка прихрамывавший. Мне особенно досадно, что я позабыл его фамилию. Его самого я отчетливо помню по миновании почти четверти века. И память о нем сохранилась светлая и приятная. Лемке — молодой, предприимчивый, неглупый, с маленькой светленькой бородкой на худощавом лице, высокий, тонкий. Что касается третьего компаньона, то я позабыл не только его фамилию, но и наружность, качества и его самого. Так и вычистило его из моей памяти без остатка. Лемке, узнав о моих связях, экспансии участия в деловых комбинациях и богатой информации о «предпринимательских возможностях», энергично за меня ухватился и, посулив золотые горы от связи с конторой его имени, добился моего согласия связаться с нею и открыть ему и его компаньонам двери всех комбинаций, в которых я участвовал, познакомив компаньонов со всеми лицами значительного положения в прошлом, с которыми я был связан дружескими или деловыми отношениями. Лемке и выскользнувший из памяти моей его компаньон даже сопровождали меня в Москву, когда я был туда вызван «Экросом» для участия в созванном общем собрании членов товарище-

ства. Я представил компаньонов правлению, и они были допущены присутствовать в общем собрании товарищества. Лемке просил собрание о принятии конторы его имени в число участников товарищества «Экрос», на что последовало согласие общего собрания.

Суета сует и всяческая суета. Лемковская, менгденовская комбинации, Союз международных торговых товариществ, даже собственное мое детище товарищество «Гермес» — все были и до конца остались суетными предприятиями. Все для меня явились бесплодными смоковницами. Давал мне кусок хлеба один «Экрос».

Покровские, как и наша семья, проводили лето 1918 г. в Павловске. Виделись часто. Часто Николай Николаевич и я вместе выезжали в Петербург, куда я лично отправлялся почти ежедневно, кроме, разумеется, воскресений, в заботах о своих «комбинациях».

Много мы с Николаем Николаевичем беседовали в эти дни при наших встречах на злободневные темы. Покровский продолжал ошибаться в прогнозе политических перспектив. Утверждал, что большевистский режим нежизнеспособен, а потому недолговечен, что в конце концов большевики уйдут. «Не скоро», — оговаривал он свои предвидения. И приводил историческую справку: «Нечто подобное тому, что произошло у нас, случилось в средние века в Чехии и там продержалось четырнадцать лет[32]. Инерция нашей страны больше. Процесс будет длительнее. Сроки будут больше».

«Большевики уйдут, — повторял за Покровским также проводивший лето 1918 г. в Павловске, по соседству с дачей, занятой моей семьей, Анатолий Федорович Кони, — большевики уйдут, большевизм останется».

Произнесено имя Анатолия Федоровича Кони. Не может пробудившаяся память о нем не остановиться подробнее на этой интересной личности. Хочется посвятить ей несколько строк. Анатолий Федорович поддерживал приятельские отношения с моими дядюшками и тетками как с отцовской, так и с материнской стороны. С дядюшкой Александром Алексеевичем Лопухиным он был связан и общностью службы в судебном ведомстве, и судьбы. Занимая командные посты в соответствующих судебных установлениях Петербурга, оба пострадали из-за процесса Веры Засулич. Как известно, Засулич, стрелявшая в градоначальника Трепова (отца Трепова, бывшего короткое время временщиком в царствование Николая II), Засулич была оправдана судом. Такой неожиданный и менее всего желательный для правительства результат этого дела не без основания приписывался в значительной степени воздействиям Кони и Лопухина. Оба попали в опалу, смещенные на менее видные должности. Приятельским отношениям Кони с моей родней я обязан знакомством и встречами с ним преимущественно в салоне тетушки Эмилии Алексеевны Капнист. К тому времени опала с Кони была снята, и он был сенатором. По внешности дурен собой, маленький, щупленький, с тусклым, отображающим собачью старость бледным лицом унылого финна. Но глаза — полные жизни, блеска, ума. И удивительно выразительные. Он был известен как выдающийся оратор, обративший на себя внимание вначале судебными речами, а затем вскоре выдвинувшийся выступлениями самого общего свойства, от публичной лекции до застольного спича, прощального слова на могиле, рассказа в салоне. И действительно, был упоительно красноречив. В то же время прост, понятен и ясен в своем слове, чуждом всякой вычурности и пафоса. Слушать его было истинное удовольствие! Высококвалифицированный оратор!

Но не был ли он одновременно и превосходным актером? В самом деле, ведь что-либо рассказывая, он производил впечатление артиста, играющего заранее разученную роль. Так, как он, не рассказывают. Так именно играют на сцене. Всякое слово взвешено. Всякий жест обдуман. Разучена сложная игра выразительности лица. Что Кони, рассказывая, играл заранее разученную роль — об этом говорит его привычный подход к повествованию. Вы сидите, скажем, в салоне графини Эмилии Алексеевны. Присутствует Кони. Всеобщее внимание сосредоточено, разумеется, на Анатолии Федоровиче. И незаметно ведущую нить разговора захватывает и далее разворачивает ее клубок он. Незаметно же со случайной темы начала разговора Кони сворачивает на другую, очевидно, заранее им выбранную тему подготовленного рассказа. Иначе и быть не могло. Рассказы Кони по богатству содержания и сложности действия не могли быть экспромтами. Собираясь посетить — пусть это будет сегодня вечером — такой-то дом, Анатолий Федорович с утра готовился к очередному художественному выступлению, как в свое время готовился к судебной речи, к публичной лекции. Из большого своего запаса тем рассказов и «экспромтов» выбирал такие, которыми ранее в данном доме не пользовался. Повторяться не следует. И в блеске литературного изложения, ясного и простого, звучало вдохновенное слово. Голос теплого, мягкого тембра, мелодичный и приятный. Если вы всматриваетесь, вслушиваетесь, то убеждаетесь, что перед вами действительно не столько оратор, сколько превосходный актер, лишь играющий роль так восхитительно тонко, что поначалу вы никогда не скажете, что это роль. Чудесный актер играл на незримой сцене. Однако стоило секрету Кони хоть раз перед вами вскрыться, как эта сцена открывалась вам уже всякий раз, при каждом соответствующем выступлении Анатолия Федоровича. И в то же время Кони был непревзойденным оратором. Какая жалость, что, так свободно владея художественным словом, он, при его талантах, не сделался писателем. Как будто попытки были, но успехом не увенчались. Каждому свое! Он был избран академиком разряда изящной словесности. Помню его первое по избрании ораторское выступление на торжественном публичном заседании Академии наук под председательством вел<икого> кн<язя> Константина Константиновича. Темою явились воспоминания о Владимире Соловьеве. В публике среди присутствовавших был Сергей Юльевич Витте. Кони говорил о душевной чистоте покойного философа. Уподобил ее небесной лазури. Но почему-то ему понадобилось отыскать на ней какое-то «крошечное, едва заметное пятнышко». О пятнышке Анатолий Федорович говорил долго, однако так задушевно ласково, что от обнаружения этого пятнышка вновь испеченным академиком покойник мог испытать одно только удовольствие.

Как все это казалось давним, далеким в описываемый потрясающий 1918 г.!

Прогремели выстрелы. Пали видные большевики Володарский и Урицкий. И было произведено в Москве покушение на В. И. Ленина[33].

Урицкий был убит в том самом вестибюле бывшего Министерства иностранных дел, через который в течение ряда десятков лет чиновники дипломатического ведомства ежедневно проходили, являясь на службу и уходя со службы, — вчерашние студенты, правоведы, лицеисты, завтрашние посланники, послы, министры.

На следующий день в трамвае я слышал, как некий гражданин, по обличию рабочий, сосредоточенно серьезно, с ненавистью и угрозою в голосе говорил: «За эту кровь ответит нам тысяча жизней!»

Это были страшные дни[34].

И в эти именно дни, зайдя однажды утром по делу «Гермеса» в контору Лемке, я услышал от отворившего мне дверь и впустившего в контору человека в кепке и с винтовкой приветственное слово: «Входите, гражданин, вы арестованы».

Я повертелся в передней взад-вперед. Видел через дверь, открытую в зал, всех трех хозяев конторы, следивших за тем, как двое посторонних лиц в кепках рылись в их бумагах и делах, вскрывали и обыскивали ящики столов и шкафов. Ошарашенный арестом, я быстро пришел в себя. Нашелся. «А скажите, товарищ, где у них здесь уборная?» — спросил я сторожившего меня человека с винтовкой.

«Тут вот», — указал он мне на дверь в начале коридора, выходившего в переднюю.

Не торопясь, спокойно я вошел в уборную, закрыл дверь на задвижку и тут мигом спустил в горшок все находившиеся при мне документы, предъявление которых при аресте считал для себя нежелательным.

«Они» были еще неопытны.

«Гражданин, мы должны вас обыскать», — сказал мне, по-видимому, старший из группы, производившей обыск.

«Пожалуйста».

Он нащупал у меня бумажник, портсигар, карманные часы, портмоне. В бумажнике обнаружил выданный мне в последнюю минуту перед уходом из Министерства иностранных дел смотрителем зданий министерства «беститульный», как я его назвал, паспорт, не содержавший никаких упоминаний о моей бывшей должности, чине и звании. Спасительный паспорт! Вот когда он мне сослужил первую и едва ли не самую важную службу. Лицам моего прошлого положения приходилось в эти дни нехорошо.

В вышедших откуда-то в переднюю и там стоявших в выжидательных позах трех посторонних конторе лицах, не принадлежавших к числу производивших обыск, я разгадал товарищей по несчастью — арестованных, как я, посетителей конторы.

«Собирайтесь, — объявил старший по обыску, — едем на Гороховую» (разумелся занятый органами по борьбе с контрреволюцией дом бывшего градоначальства на углу Адмиралтейского пр<оспекта> и Гороховой).

Я ждал, что с нами прихватят и хозяев конторы, что и их повезут арестованными на Гороховую. Ничуть не бывало. Красные, взволнованные, они вышли в переднюю проводить нас. А сами остались в конторе.

Что это было такое? Нелепость? Сапоги всмятку? Что заменяло головы у лиц, арестовавших нас?

А достаточно было в эти дни быть арестованным, чтобы оказаться вслед же <за> тем выведенным в расход.

Под винтовками в открытом небольшом грузовике мы пронеслись с Итальянской через Невский на Гороховую. Публика оглядывалась на нас и, казалось, сочувственно «прощалась».

Мне всегда думалось, когда выпадал досуг заняться самоанализом, что я трус. А вот по настоящему случаю — ареста в очень страшные дни для «бывших», когда, как мне было доподлинно известно, произошли ужасы с людьми и значительно меньшего положения, сравнительно с занимавшимся мною, когда я был, что называется, на волосок от самой ужасной смерти, какою является смерть от руки палача, я не чувствовал того животного страха, того сумасшедшего ужа-

са, которые думал испытать в подобном случае. Испытывал лишь какую-то особую, правда, неприятную, но переносимую напряженность мозга. Она выливалась в максимальную сосредоточенность мысли, способную, казалось, породить в нужную минуту находчивость и гарантировать, в предотвращение опасности, правильность внезапного решения. Не было во мне ни малейшей растерянности. Выходило, что я не трус.

Когда нас привезли на Гороховую, было часов 11 утра. Ввели в большой зал в верхнем этаже дома бывшего градоначальства, где уже набралась многочисленная компания арестованных. Я хранил спокойствие. Ничего не оставалось другого, как отдаться течению событий и спокойно выжидать, когда наступит момент действовать. Мысль все-таки перебирала различные варианты того, что ожидало нас. Не исключалось самое плохое. Затем мнилась возможность лишения свободы. Надолго? Быть может! А может быть, и не надолго. Не удивительно будет, если и сразу отпустят после допроса. Товарищи по несчастью говорят, что арестованные делятся на две группы привлекаемых — по политической контрреволюции и по контрреволюционной спекуляции. Мы, по-видимому, отнесены ко второй группе. Арестованы в конторе, собиравшейся приступить к торгово-промышленной деятельности. Это, во всяком случае, лучше привлечения по политической контрреволюции. Время идет. Не спешит. Но и не тянется. Сходит час за часом. Я встал спозаранку. Только успел чаю напиться. Пора бы проголодаться. Но мне не хочется есть. Все из-за напряженности, которую я испытываю. Между тем в кармане пальто у меня пакет, содержащий холодный завтрак. Отчетливо помню, что были в пакете крутые яйца.

Среди арестованных вижу две знакомые оригинальные фигуры. Братья Воейковы. Уношусь мыслью к ведомым мне отрывкам бытия этих чудаков. Старшего, Алексея Алексеевича, я хорошо знаю. Он был одним из первых секретарей канцелярии нашего министерства. Оставил службу по случаю избрания в члены Государственной думы. Я его встречал, помимо министерства, у тетушки Эмилии Алексеевны. И было время, что он изредка заходил ко мне. Исключительно порядочный, честный и чистый был он человек, и очень благовоспитанный. Но не умен, не деловит, чудаковатый, рассеянный, вечно как будто сконфуженный, робкий и кроткий. Ростом был небольшой, лысенький, с черною бородкою, повадками напоминающий перепуганного цыпленка. Припомнился рассказ, рисующий чудачество его батюшки, от которого немудрено было унаследовать ненормальность — небольшую у Алексея Алексеевича и избыточную у младшего его брата. Последнего не было еще на свете, но появление со дня на день ожидалось, когда отличился папаша. Семья проводила лето в швейцарском кантоне. Врач, следивший за беременностью мамаши, предупредил, что пора озаботиться приисканием кормилицы, поскольку мамаша была признана непригодною для кормления ожидавшегося младенца. Приискание кормилицы решил взять на себя папаша. И вот в одно прекрасное летнее утро, напившись кофе со сливками и скушав вкусную булочку, папаша собрался в поход. Поцеловал в лобик мамашу и Алексея Алексеевича, которому было в ту пору 3–4 года, взял тросточку, бумажник с деньгами, соломенную шапочку и пустился в путь. Желая сочетать приятное с полезным — поиски кормилицы с прогулкою — отправился пешком. Вышел. И только его и видели мамаша и сынок. Так он к ним и не вернулся. Шел, шел. Как, когда, где, почему — сел в поезд и очутился через положенное

число дней в России — так, как был, в соломенной шапочке, с тросточкой, без пальто. Заметьте, что он был очень привязан к своей жене. Никакого романа на стороне у него не было. Никакого не было разлада с женою. Ничем нельзя было мотивировать его бегства, и никогда мотивировано оно не было. Если до этого происшествия мамаша родила чудака, то после необычайного поступка мужа, потрясенная этим поступком, разрешилась уже заведомым кретином, наружностью напоминавшим Алексея Алексеевича, только Алексея Алексеевича сильно подурневшего и, если так можно выразиться, искаженного. Хотя и кретин, но, принадлежа к хорошей семье, Воейков-младший, формально закончив в действительности не полученное образование, был взят А. Н. Куломзиным, в бытность последнего управляющим делами Комитета министров, в канцелярию комитета «чиновником для письма». Привыкнув к его странностям и потому перестав их замечать, сослуживцы по неосторожности как-то послали Воейкова-младшего в Министерство земледелия за справкой. Прибыв на место, кретин сумел кое-как объяснить, каким учреждением он послан. Но далее запорол такую чушь, что у «земледельцев», что называется, глаза на лоб вылезли. Они стали его пытать вопросами с целью выведать, да вправду ли он прислан канцелярией комитета. На вопрос, кто его начальство, он долго мямлил, совершенно позабыв о существовании Куломзина. Вдруг вспомнил, что у комитета есть председатель и председатель этот какой-то Христианович (запомнилось только отчество; имя и фамилию Николая Христиановича Бунге Воейков-младший позабыл). «Христиани, Христиани», — радостно залепетал он. «Земледельцы» окончательно решили, что посланец сумасшедший, и отправили гонца в канцелярию Комитета министров. Явился чиновник канцелярии и увел приобретшего с той поры кличку «Христиани» необычайного посланца восвояси.

«Что за чушь лезет мне в голову? — точно от сна очнувшись, спросил себя я. — Быть может, в эту самую минуту решается моя судьба! И в какую страшную сторону она может быть решена!»

И все же страха животного, дрожащего, выстукивающего дрожь зубами и выжимающего холодный пот я не испытывал. Только немножко было страшно. И я всею силою воли напрягал мысль на отчетливость и ясность находчивых ответов на предстоявшем допросе.

Стало вечереть. А мне все не голодно!

За окнами было уже совсем темно. Зал, в котором мы сидели, утопал в сумерках скудного электрического освещения. И вот, первым из арестованных в конторе Лемке, был вызван к следователю я.

— Садитесь. Что это вы, батенька, по спекулянтам шляетесь? Совсем там вам не место. Поглядишь, сами вы нисколько на них не похожи. Бросьте! До добра они вас не доведут. Займитесь другим делом.

— Я совершенно случайно туда попал. Случайно познакомился с одним из хозяев конторы, в которую сегодня зашел, инженером Х. Он показался мне дельным и хорошим человеком. И я хотел с ним посоветоваться о возможностях приискания работы. А конторы и ее дел мне вовсе не было нужно. Они ничуть не интересуют меня. Но, конечно, в другой раз я в такое заведение не попаду. Достаточно с меня полученного урока.

— Ладно, я вас отпущу. Только вот какое дело: я устал. И проголодался. А надо написать протокол вашего допроса. Хотите, сделаем так: я пойду поужи-

наю. А вы садитесь на мое кресло и напишите протокол. Допросите сами себя — вот по этому примерно образцу.

Следователь ушел. А я, усевшись за его стол, сам себя, как он пошутил, допросил и написал протокол допроса.

Потом сообразил, что вряд ли буду отпущен один, а вместе со своими, как я их называл, товарищами по несчастью, и что мне придется ждать, быть может, долгое время, пока следователь их допросит и составит протоколы на них, я, что называется, разнахальничался. Вышел из кабинета следователя в зал, вызвал своих товарищей по аресту, рассказал им про предложение следователя самому мне написать на себя протокол и предложил свои услуги для написания протоколов на них. Они охотно согласились. Я их добросовестно допросил и, написав протоколы, отпустил обратно в зал.

— Ну что? Справились с работой? — раздался надо мною голос вернувшегося следователя.

— Не только со своим протоколом справился, — отвечал я, — но и с протоколами товарищей, которых обстоятельнейшим образом допросил.

— Вот спасибо! Удружили! Дайте пробежать ваши труды. Так, хорошо, хорошо! Ну что же? Напишу всем пропуски.

Минут через десять мы выходили из дома бывшего градоначальства. Какая ощущалась радость бытия! Вот когда я наконец проголодался! И тут же, не сходя с подъезда, через который был выпущен, я съел одно за другим бывшие при мне два крутых яйца, тщательно очистив от скорлупы и не забыв посыпать солью из имевшейся щепотки ее.

Как хорошо, что я спустил в горшок уборной в конторе Лемке мои удостоверения об участии в ряде таких же предприятий! Ведь если, не разоблаченный этими документами, я был признан непохожим на спекулянта и потому так легко отпущен, то при наличии доказательств о принадлежности к торгово-промышленным организациям несомненно сошел бы за спекулянта, и кто знает, какие могли бы произойти из этого последствия для меня.

И как хорошо, что у следователя не оказалось суворинского адрес-календаря[35]. Ведь он разоблачил бы все утаенные моим беститульным паспортом мои бывшие титулы и звания. Тогда, в те именно дни, мне пришлось бы уже совсем плохо.

«Они» были еще неопытны.

Ну а я, тем не менее, решил больше ни по каким Лемке не шляться, прекратив участие и в делах «Гермеса», и менгденовской компании, сначала как бы временно, под предлогом потрясения вследствие ареста. Положил продолжать, только и только, отписывать «предпринимательские возможности» «Экросу», да еще числиться пока, воздерживаясь, однако, от всякой активности, в Союзе международных торговых товариществ.

Тем временем произошли события, положившие конец суете «бывших» вокруг вопроса о торгово-промышленной экспансии. Промысловые их товарищества были прикрыты. И как просто, быстро, без ненужных предупреждений и волокит. К нашему «Гермесу» под вечер подкатил грузовик с гражданами с винтовками и мандатами. По предъявлении соответствующего документа с печатью курьеру товарищества, проживавшему в помещении «Гермеса» в видах его охраны, прибывшие граждане погрузили и вывезли весь конторский инвентарь «Гермеса», включая «Ундервуд», всю до мелочей обстановку товарищества. Остались курьер и голые стены.

Не знаю, в силу каких обстоятельств и как прикончили «Экрос», но я получил от товарищества, вскоре после экзекуции «Гермеса», безмерно огорчившее меня сообщение о том, что «Экрос» «временно» закрывается; о времени возобновления его деятельности буду поставлен в известность особо; пока же приглашаюсь получить последнее причитающееся мне жалование.

И вслед за тем, зайдя в Союз международных торговых товариществ, я застал С. А. Шателена в беседе с гражданином отменно европейской внешности — от солидной прически коротко подстриженных серебристых волос и чисто выбритого лица над белоснежным крахмальным воротничком до мастерски сшитого темных красок костюма и лакового блеска изящной обуви. Гражданин сухо, надменно и не без раздражения вещал о монополии внешней торговли, настаивая на передаче соответствующим советским органам всех поступавших в союз из-за границы предложений импорта и требований экспорта. Однако бедный союз за все время своего существования получил всего одно только предложение — не то на ввоз партии каучука, не то на вывоз старой резины. Все же в результате разговора прикрылся и союз.

Не ведаю, что сталось с лемковской и менгденовской комбинациями, потеряв всякую связь с ними. Но они не могли избегнуть общей участи, и, очевидно, и эти комбинации тогда же прекратили свое существование.

Прояснило наши мозги. Мы, наконец, поняли. Вникли в программу и политику нашей власти. Нечего говорить, следовало прозреть раньше, кое к чему присмотреться, кое о чем порасспросить, кое-что почитать! И мы не затратили бы столько времени и сил на химерические затеи. Мне лично, конечно, не приходится жаловаться на тщету проделанного. Я все-таки с зимы до осени кормился «Экросом». А другие мои друзья и товарищи? Вся масса еще не приобщившейся к государственной службе интеллигенции? Они, конечно, затратили по-пустому труд, а иные — и материальные средства. И все претерпели тяготу безработицы.

Надо было искать работу не там, где ее искали впавшие в ошибку «бывшие». Прежде, кроме правительства, работу давали богатые люди. Теперь их не стало. Предложение работы сосредоточилось в руках одного правительства. К нему только и осталось обращаться всем ищущим труда, за исключением лишь работающих на определенную клиентуру специалистов, занимающихся либеральными профессиями.

Подстегнула в Петербурге «бывших» к предложению услуг правительству происшедшая в 1918 г. в городе вспышка холеры.

Не работавших интеллигентов привлекли к рытью могил для умерших от эпидемии[36].

Надо было во что бы то ни стало поступить в какое-нибудь советское учреждение или предприятие на работу, во-первых, ради ее самой в идеологических соображениях любого толка, во-вторых, чтобы кушать и не рыть могил.

«Довольно покобенились и поголодали! — объявил мне при встрече упоминавшийся выше в записках бывший старший делопроизводитель Второго департамента Министерства иностранных дел Андрей Владимирович Сабанин. — Пора приняться за дело. Но работать как следует можно только по специальности. Предложу услуги Наркоминделу».

Предложил. И был принят в ведомство одновременно с просившимися в Наркоминдел сослуживцами Сабанина по департаменту — славным и очень

дельным Лашкевичем и молодым, но уже зарекомендовавшим себя своими способностями Колчановским. Принят был в Наркоминдел и служивший в посольстве в Константинополе Флоринский.

Припоминается, как не совсем обычно он попал к нам в министерство — не по своей инициативе, а по нашей. Произошло это так. Мы всегда имели плохую прессу. Газеты нас упрекали и за немецкое засилье в личном составе, и за засорение состава «привилегированными» — правоведами и лицеистами. Рекомендовалось привлекать в большем числе студентов университетов. Вот я и получил распоряжение, незадолго перед империалистической войной, сочинить обращение к ректорам университетов, в котором в привлекательных красках обрисовать преимущества службы в дипломатическом ведомстве и просить ректоров, заинтересовав этими преимуществами студентов, направлять окончивших курс к нам. На составленное в этом смысле обращение министерства отозвался один только ректор — Университета св. Владимира в Киеве. И направил одного-единственного окончившего курс студента — своего сына. Это и был Флоринский — дипломат, порожденный моим циркулярным письмом.

По приезде он был направлен ко мне. Я ему преподал первые необходимые разъяснения для ориентации в ведомстве. Мы его отправили в Константинополь студентом посольства (младшая должность при дипломатических установлениях на Востоке).

Перечисленным бывшим чиновникам Министерства иностранных дел из молодежи открылась широкая карьера в Наркоминделе, и они достаточно высоко в этой карьере поднялись. Особенно поднялся Сабанин, по заслугам ценившийся в ведомстве как исключительный знаток ответственного дела заключения международных договоров.

Поднялся в верхи Наркоминдела и Флоринский, бывший несколько лет подряд начальником протокольной части ведомства.

Доливо-Добровольский, отдавшийся в распоряжение советского правительства тотчас по овладении властью большевиками, держался в Наркоминделе относительно недолгий срок и по причинам, оставшимся мне неизвестными, вскоре оставил ведомство.

Я забыл в своем месте еще упомянуть, что после оставления мною должности предложил Троцкому заменить меня собою некто Петров — [a]бывший[a] чиновник консульского корпуса на Востоке, [b]имевший какие-то неприятности[b] в поезде с жандармом и в связи с этой очень туманной историей отчисленный от должности с оставлением, тем не менее, в ведомстве[37]. Недолго думая, Троцкий взял его на службу. Но он не много времени продержался, успев, однако, переехать с Наркоминделом в Москву.

В советских газетах прочел, что Сабанина и его товарищей за то, что они поступили в Наркоминдел, белоэмигрантская печать за границей обозвала изменниками.

Белоэмигранты показали себя в первые годы после Октябрьской Революции чрезмерно строгими. Не подобрели ли они с тех пор?

В двадцатых годах они, со слов ездившего за границу лечиться народного артиста Собинова, близкого мне человека и школьного товарища, вещали ему:

[a–a] Вписано вместо: «полусумасшедший».
[b–b] Вписано вместо: «подравшийся».

«Гробов на вас, оставшихся в России, не хватит, когда мы вернемся водворять порядок на родине!»

Каково бы, однако, ни было отношение белоэмигрантов к Сабанину, я лично считаю себя ему обязанным за заставившие меня опомниться и призадуматься вовремя сказанные умные слова: «Довольно покобенились! Пора приняться за дело!» За год, истекший со дня овладения властью большевиками, обстоятельства-таки изменились. Обстановка со дня на день становилась все напряженнее и грознее. Шутки надо было отставить в сторону.

Отойдя поэтому от ставшей никому не нужной химеры «предпринимательских возможностей», ставших невозможностями, чтобы приобщиться к реальной работе большинства интеллигенции, чтобы кормиться с семьею и не рисковать представлявшимся неподходящим для меня делом, как по настроению, так и по возрасту и здоровью, — принудительным рытьем могилок, — я одновременно с многими стал искать работы в государственных учреждениях.

Помог и в этом случае В. А. Бонди, чье имя так часто упоминается в настоящих записках. Его приятель, бывший начальник Военно-судного управления генерал Владимир Александрович Апушкин устроился управляющим делами в железнодорожной продовольственной организации «Всероссийское бюро снабжения железнодорожников» (в Петербурге, на Пушкинской ул<ице>, в бывшем Пале-Рояле, работало Северное отделение этого бюро). Меня, по просьбе Бонди, Апушкин провел в эту организацию на должность своего помощника.

Свершилось! Миновала пора последних колебаний! Я и со мною многие из медливших с поступлением на государственную службу сделались заправскими советскими работниками.

Комментарии

Глава 1

1. Князь И. М. Оболенский вначале был херсонским, а затем харьковским губернатором. Занимая последний пост, в 1903 г. он руководил подавлением крестьянских волнений.

2. Романная трилогия писателя Б. М. Маркевича «Четверть века назад. Правдивая история» считается его главным произведением и была опубликована в 1879 г. в журнале «Русский вестник». В том же году в Москве вышло отдельное издание этой трилогии.

3. Имеется в виду произошедшее по Манифесту 19 февраля 1861 г. освобождение крепостных крестьян. Нижеследующие воспоминания В. Б. Лопухина ср. с воспоминаниями его двоюродного брата, который, характеризуя А. А. Лопухина, писал: «Помнится, мы, дети, почти всегда заставали его лежащим в постели. Целыми неделями он не вставал, и мы считали его больным. Но ничуть не бывало, дедушка был совершенно здоров. Вдруг, без всякого повода, он на несколько недель вставал, а потом опять ложился. Впоследствии я узнал, что это периодическое лежание вызывалось глубокой и непонятной нам, детям, трагедией. “Болезнь”, периодически заставлявшая дедушку ложиться, была чем-то вроде паралича воли, и была она вызвана, как это ни странно, актом 19 февраля. До этого времени дела его шли недурно; судя по рассказам моих тетей — его дочерей, смутно понимавших деловую сторону жизни, при крепостном праве “все делалось само собою, сами собою получались и доходы”, а после этого дедушке выпала задача — самому приняться за устройство своего хозяйства. Он пришел в полную прострацию и, подавленный сознанием своей беспомощности, “превратился в какого-то Обломова”. Управляющие воровали, доходы не получались, дела “сами собою приходили в расстройство”, а дедушка уединялся с тяжелыми думами в своей кровати». «Дедушка, — отмечал Е. Н. Трубецкой, — не умел и не мог сократить в чем-либо привычный образ жизни, а потому и не расставался с лишней прислугой из бывших дворовых, что и было одной из причин его прогрессирующего разорения. Все это было невинно, но была и другая, только что минувшая эпоха, когда этих же бывших дворовых секли. При всей своей доброте дедушка Лопухин был сыном своего времени, он был убежден в своей отеческой власти над дворовыми, которая обязывала его сочетать любящую доброту со строгостью. И в случаях исключительно тяжелой вины он приговаривал к сечению. Дети этому, разумеется, не могли сочувствовать» (*Трубецкой Е. Н.* Из прошлого // Россия воспрянет. Князья Трубецкие. М., 1996. С. 17, 20).

4. В. И. Засулич 24 января 1878 г. стреляла из револьвера в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова в знак протеста против употребления по отношению к политическим заключенным телесных наказаний. Во время процесса В. И. Засулич, проходившего 31 марта того же года в Петербургской судебной палате, на котором А. А. Лопухин являлся прокурором, а А. Ф. Кони — председателем суда, она была оправдана присяжными за-

седателями. Причиной передачи дела В. И. Засулич на рассмотрение присяжных, оказавшейся косвенной предпосылкой подобного исхода, стала обоснованная А. А. Лопухиным позиция Министерства юстиции, которое, в лице своего руководителя К. И. Палена, отрицало политический характер этого дела. По воспоминаниям А. Ф. Кони, А. А. Лопухин содействовал тому, что «из следствия было тщательно вытравлено все, имевшее какой-либо политический оттенок, и даже к отысканию несомненной сообщницы Засулич, купившей для нее револьвер, не было принято никаких серьезных мер». Подробнее о роли А. А. Лопухина в деле В. И. Засулич см.: *Кони А. Ф.* Избранное. М., 1989. С. 315, 318, 328, 330, 331, 335, 349, 350.

5. После Польского восстания 1863 г. в Российской империи существовала целая система ограничений, которые распространялись на католиков (фактически — поляков), находившихся на военной службе. Так, численность поляков-офицеров в отдельных армейских подразделениях не должна была превышать определенного процента, поляки не имели права поступления в военные академии и некоторые войсковые части, не могли занимать должности воспитателей в военно-учебных заведениях и т. д. Некоторые из перечисленных ограничений распространялись даже на русских офицеров, женатых на польках. Все эти ограничения были отменены только в августе 1915 г.

6. Имеется в виду Первая мировая война 1914–1918 гг.

7. Женой В. А. Лопухина стала Нина Исидоровна Гессен (1868–1929), родная сестра историка Ю. И. Гессена и двоюродная сестра одного из лидеров Конституционно-демократической партии И. В. Гессена (*Островский А. В.* Родственные связи А. А. Лопухина (1864–1928) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 6. С. 206).

8. Речь идет о предпринятой во второй половине октября 1905 г. председателем Совета министров графом С. Ю. Витте попытке образовать так называемое «Министерство общественного доверия», которое бы состояло из общественных и бюрократических деятелей, пользующихся авторитетом у либеральной оппозиции. Вопрос об этом С. Ю. Витте поднял перед Николаем II еще до получения премьерства (*Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. М., 1998. С. 436, 437). Согласие на образование Министерства доверия царь дал 18 октября. Кандидатами С. Ю. Витте были: А. И. Гучков (министр торговли и промышленности), А. Ф. Кони (министр юстиции), А. С. Посников (товарищ министра народного просвещения), М. А. Стахович (главноуправляющий землеустройством и земледелием), Н. С. Таганцев (министр народного просвещения), князь Е. Н. Трубецкой (министр народного просвещения), князь С. Д. Урусов (министр внутренних дел), Д. Н. Шипов (государственный контролер). Переговоры С. Ю. Витте с общественными деятелями (А. И. Гучков, М. А. Стахович, Е. Н. Трубецкой, С. Д. Урусов и Д. Н. Шипов) о вхождении их в правительство происходили с 19 октября в Петербурге при посредничестве обер-прокурора Синода князя А. Д. Оболенского. Д. Н. Шипов, выражая мнение своей группы, настаивал на включении в кабинет более левых политиков — членов бюро заседавшего в Москве Съезда земских и городских деятелей, а именно — С. А. Муромцева (министр юстиции), И. И. Петрункевича (министр внутренних дел) и князя Г. Е. Львова (главноуправляющий землеустройством и земледелием). Состоявшиеся 21 октября переговоры С. Ю. Витте с делегацией Бюро, в которую входили его председатель Ф. А. Головин, Ф. Ф. Кокошкин и Г. Е. Львов, ни к чему не привели. Разногласия между С. Ю. Витте и группой Д. Н. Шипова породил вопрос о главе МВД. Общественные деятели предлагали этот пост премьеру, он же выставил кандидатуры П. Н. Дурново и Д. Ф. Трепова, вызвавшие протест со стороны шиповцев. Тогда С. Ю. Витте согласился сделать министром внутренних дел С. Д. Урусова, а П. Н. Дурново — его товарищем, на что последовало согласие собеседников премьера. Однако 26 октября С. Ю. Витте заявил А. И. Гучкову и Д. Н. Шипову, что министром будет П. Н. Дурново, а товарищем — С. Д. Урусов, чем возмутил общественных деятелей. Тогда же в качестве альтернативной кандидатуры в руководители МВД А. Д. Оболенский предложил П. А. Столыпина, против которого высказался Д. Н. Шипов. В результа-

те управляющим МВД стал П. Н. Дурново, план же образования «Министерства общественного доверия» провалился. Подробнее об этом см.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. Борьба вокруг «Ответственного министерства» и «Правительства доверия». Л., 1977. С. 8–31; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. СПб., 1999. С. 234–236. Что касается С. А. Лопухина, то его кандидатура всплыла не во второй половине октября, а в середине ноября 1905 г., в связи с отставкой министра юстиции С. С. Манухина. Назначить его преемником С. А. Лопухина премьеру предложил Николай II, причем С. Ю. Витте решил, что этого кандидата царю «подсунул» А. Д. Оболенский. Премьер счел назначение С. А. Лопухина нежелательным, получив отрицательный отзыв о нем от профессора Киевского университета Н. В. Самофалова. Характеризуя С. А. Лопухина С. Ю. Витте, Н. В. Самофалов сказал, что это — «весьма почтенный человек, уважаемый в судебном округе и симпатичный барин», однако, находя его, как и С. С. Манухина, «излишне либеральным», заметил, что «Лопухин будет Манухиным, но только без его авторитетности, серьезных юридических знаний, опытности и громадной трудоспособности». Преемником С. С. Манухина оказался кандидат С. Ю. Витте — сенатор М. Г. Акимов (Из архива С. Ю. Витте: Воспоминания. Рассказы в стеногр. записи. Рукоп. заметки. СПб., 2003. Т. 2. С. 352–253).

9. Ср. с описанием личности князя П. И. Трубецкого, данным его внуком. См.: *Трубецкой Е. Н.* Из прошлого. С. 10–16.

10. Имеется в виду принятая Николаем II 6 июня 1905 г. депутации 14-ти лидеров либерального движения (граф П. А. Гейден, Ф. А. Головин, князь П. Д. Долгоруков, Н. Н. Ковалевский, барон П. Л. Корф, князь Г. Е. Львов, Н. Н. Львов, А. Н. Никитин, Ю. А. Новосильцев, И. И. Петрункевич, Ф. И. Родичев, князь С. Н. Трубецкой, М. П. Федоров, князь Д. И. Шаховской), которые представили царю адрес Съезда земских и городских деятелей, прошедшего 24–26 мая 1905 г. в Москве, когда поражение России в войне с Японией, после гибели русского флота в Цусимском сражении, стало очевидным окончательно. Адрес призывал Николая II ускорить созыв народного представительства и поручить ему решение вопроса о войне и мире, а также позволить народным избранникам установить «обновленный государственный строй». Во время приема депутации монархом С. Н. Трубецкой обратился к нему с речью, текст которой накануне был согласован им с коллегами по депутации. С. Н. Трубецкой просил Николая II даровать гражданское и национальное равноправие, создать всесословное народное представительство, имеющее право призывать к ответственности бюрократию, и разрешить свободное обсуждение намеченных реформ не только представительству, но и обществу, т. е. предоставить свободу слова и собраний. «Отбросьте ваши сомнения, — заявил в ответ Николай II. — Моя воля, воля царская — созывать выборных от народа — непреклонна. Привлечение их к работе государственной будет выполнено правильно. Я каждый день слежу и стою за этим делом. Вы можете об этом передать всем вашим близким, живущим как на земле, так и в городах. Я твердо верю, что Россия выйдет обновленною из постигшего ее испытания. Пусть установится, как было встарь, единение между царем и всею Русью, общение между мною и земскими людьми, которое ляжет в основу порядка, отвечающего самобытным русским началам. Я надеюсь, что вы будете содействовать мне в этой работе» (Полное собрание речей императора Николая II. 1894–1906: Сост. по офиц. данным «Правительственного вестника». СПб., 1906. С. 57–58; *Обнинский В. П.* Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. М., 1992. С. 108–111).

11. Падение Константинополя (Стамбула) ожидалось в связи с Дарданелльской (Галлиполийской) операцией, длившейся с 19 февраля 1915 по 9 января 1916 г. и являвшейся одним из важнейших эпизодов Первой мировой войны 1914–1918 гг. Целью операции, в которой участвовал объединенный англо-французский флот, действовавший против Турции, было взятие Галлиполийского полуострова и, в перспективе, Константинополя. Первоначально операция развивалась успешно для союзников, поскольку в конце апреля союзный десант высадился на юге полуострова и закрепился на небольшом плацдарме.

В начале августа англо-французские войска десантировались на побережье бухты Сувла. Однако действия германского подводного флота, нарушив сообщения между десантами и основными силами Англии и Франции, существенно осложнили их оборону на Галлиполи, вследствие чего 6 декабря 1915 г. было принято решение об эвакуации союзников с этого полуострова. Подробнее о Дарданелльской операции и отношении к ней русского правительства см.: Константинополь и проливы по секретным документам бывшего Министерства иностранных дел. М., 1926. Т. 2. С. 128–183; *Мурхед А.* Борьба за Дарданеллы. Решающее сражение между Турцией и Антантой. М., 2004.

12. Имеется в виду русско-японская война 1904–1905 гг.

13. «Министерская чехарда» — чрезвычайно частые перемены в составе Совета министров Российской империи, которые происходили в период Первой мировой войны, преимущественно с сентября 1915 по февраль 1917 г. Само выражение «министерская чехарда» впервые употребил член правой фракции IV Государственной думы В. М. Пуришкевич, выступая в ней 12 февраля 1916 г. Всего с июля 1914 г. по февраль 1917 г., т. е. за 31 месяц, министрами перебывали 39 человек, в т. ч. 4 председателя Совета министров, столько же военных министров, министров юстиции и земледелия и обер-прокуроров Синода, 3 государственных контролера, 3 министра иностранных дел, народного просвещения и путей сообщения, 2 министра торговли и промышленности, наконец, 6 министров внутренних дел. Причиной «министерской чехарды» современники считали вмешательство в кадровую политику камарильи, прежде всего — императрицы Александры Федоровны и Г. Е. Распутина. Отрицать попытки камарильи влиять на формирование правительства неверно, однако проблема заключается не в том, были эти попытки или нет, а в том, насколько они являлись результативными. Если под кандидатами камарильи понимать сановников, найденных Александрой Федоровной и Г. Е. Распутиным и назначенных по их совету, то среди министров такие кандидаты отсутствовали. Из 39 и 53 сановников, получивших за время войны посты товарищей министров и членов Государственного совета, кандидатами императрицы были, соответственно, один (князь Н. Д. Жевахов) и два (А. Б. Нейдгардт и Н. К. Шведов) сановника. Из 78 губернаторов, назначенных за то же время, кандидатом старца являлся лишь один губернатор (Н. А. Ордовский-Танаевский). Представляется, что «министерская чехарда» была следствием влияния (причем косвенного) не камарильи, а народного представительства, став не чем иным, как формой согласования кадровой политики Николая II с законодательными палатами, но такого согласования, которое, не ведя к установлению парламентаризма, проходило в рамках дуалистической системы, конституированной Основными государственными законами 1906 г. Тасуя министров, император пытался создать свой вариант «министерства доверия», альтернативный предлагавшемуся оппозицией. О «министерской чехарде» см.: *Куликов С. В.* 1) «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. Хроника событий (июль 1914 — февраль 1917) // Из глубины времен. СПб., 1994. Вып. 3. С. 42–57; 2) Камарилья и «министерская чехарда». Соотношение вербальных и бюрократических практик в позднеимперской России // Новая политическая история: Сб. науч. работ. СПб., 2004. С. 77–97.

14. Подразумевается Гражданская война в США, происходившая в 1861–1865 гг.

15. Учреждение Дальневосточного наместничества и назначение наместником Е. И. Алексеева последовали 30 июля 1903 г. Хотя положения об этом наместничестве выработано не было, Е. И. Алексеев, по повелению Николая II, ведал на Дальнем Востоке не только внутренней, но и внешней политикой. Более того, 19 декабря 1903 царь повелел наместнику по всем вопросам обращаться лично к нему или управляющему делами Особого комитета Дальнего Востока А. М. Абазе, минуя министерства. С началом русско-японской войны 1904–1905 гг. Е. И. Алексеев стал главнокомандующим сухопутными и морскими силами России на Дальнем Востоке, однако вскоре, из-за разногласий с командующим сухопутными силами А. Н. Куропаткиным, Е. И. Алексеев был отозван в Петербург. Упразднение Дальневосточного наместничества произошло 8 июня 1905 г.,

в связи с поражением России в русско-японской войне. См. об этом: *Ремнев А. В.* Проблемы организации дальневосточного управления накануне и в начале Первой российской революции // Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995; *Лукоянов И. В.* Дальневосточный наместник Е. И. Алексеев: необыкновенная карьера // Азиатская Россия. Люди и структуры империи: Сб. науч. ст. Омск, 2005.

15а. В. Б. Лопухин неточно передает фамилию, правильно — Криштафович (см.: ОР РНБ. Ф. 1000. 1971. № 7/2. Л. 40 об. *Мурзанов Н. А.* Словарь русских сенаторов. 1711–1917 гг.: Материалы для биографий). (Комментарий Д. Н. Шилова).

16. Имеется в виду опера «Евгений Онегин», музыка к которой была сочинена П. И. Чайковским в 1878 г.

17. Речь идет о книге, являвшейся 1-м (и единственным изданным) томом воспоминаний С. Д. Урусова: *Урусов С. Д.* Записки губернатора. Кишинев. 1903–1904 г. М., 1907. Кроме того, она была опубликована в 1907 и 1908 гг. в Берлине и в Лейпциге (год издания неизвестен) и переведена на шесть европейских языков.

18. В действительности С. Д. Урусов вступил не в Конституционно-демократическую партию, а в более умеренную Партию демократических реформ. Далее речь идет о воззвании, которое подписали 9 июля 1906 г. в Выборге 180 депутатов I Государственной думы (в основном — кадеты, трудовики и социал-демократы) после ее досрочного роспуска. Впоследствии воззвание поддержали еще 52 депутата, в т. ч. председатель Думы С. А. Муромцев. Протестуя против роспуска, оно декларировало необходимость гражданского неповиновения, призывая население не давать «ни копейки в казну, ни одного солдата в армию», т. е. к нарушению статей 70 и 71 Основных государственных законов 1906 г., которые обязанностью российских подданных как раз и объявляли «защиту престола и Отечества» и выплату «установленных законом налогов и пошлин». Полный текст Выборгского воззвания см.: *Обнинский В. П.* Последний самодержец. М., 1992. С. 262. Против лиц, подписавших Выборгское воззвание, возбудили уголовное дело, причем 169 из них судило Особое присутствие Петербургской судебной палаты, заседавшее 12–18 декабря 1907 г. В результате процесса «выборжцев» 167 человек, в т. ч. С. Д. Урусов, были приговорены к 3-месячному тюремному заключению, которое повлекло за собою лишение их избирательных прав. Подробнее об этом см.: Выборгский процесс: Иллюстрир. изд. СПб., 1908.

19. Имеется в виду центральный эпизод Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

20. Точнее — войны 1853–1856 гг., т. е. Крымской.

21. По сведениям осведомленного журналиста Л. М. Клячко, Я. А. Ушаков в 1863 г. «был приговорен к повешению за участие в террористической группе, организовавшей покушения на сановников». Его помиловали, и впоследствии он стал «ярым правым» (*Клячко* (*Львов*) *Л. М.* Звездная палата // Минувшие дни. 1928. № 3. С. 29).

22. Имеется в виду чин «статского генерала» — действительного статского советника. Должность губернского предводителя дворянства практически гарантировала получение придворного чина или звания, которые к 1917 г. имели две трети (28) губернских предводителей (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии // Из глубины времен. СПб., 1999. Вып. 11. С. 95).

23. В. Б. Лопухин благоразумно умолчал, вероятно, имея в виду реакцию советского цензора, что этот отзыв принадлежал В. М. Пуришкевичу, который, впрочем, в декабре 1916 г. вышел из правой фракции и сблизился с думским прогрессивным блоком, т. е. либеральной оппозицией. В своей речи, произнесенной на заседании IV Государственной думы 14 февраля 1917 г., характеризуя министров, В. М. Пуришкевич разбил их на три «лагеря». Оратор полагал, что девиз первого «лагеря» — «политика государственной пользы, блага и порядка», второго — «политика собственных интересов, карьеры» и третьего — «политика провокаций и политического шантажа». К первому «лагерю» В. М. Пуришкевич отнес не только Н. Н. Покровского (министр иностранных дел), но и А. А. Риттиха

(министр земледелия), Э. Б. Кригер-Войновского (управляющий МПС) и И. К. Григоровича (морской министр), т. е. министров, пользовавшихся полным доверием оппозиции. Во вторую группу, по мнению В. М. Пуришкевича, входили М. А. Беляев (военный министр), князь В. Н. Шаховской (министр торговли и промышленности), П. Л. Барк (министр финансов), а также Н. А. Добровольский (управляющий Министерством юстиции) и Н. П. Раев (обер-прокурор Синода), в третью — А. Д. Протопопов (министр внутренних дел). Именно в связи с характеристикой состава Совета министров В. М. Пуришкевич и назвал Н. Н. Покровского «кристально чистым и благородным» (Государственная дума. 1906–1917: Стеногр. отчеты. М., 1995. Т. 4. С. 242).

24. Версию о назначении Б. В. Штюрмера председателем Совета министров по выбору Г. Е. Распутина разделяли многие современники, в т. ч. и В. Б. Лопухин, однако в действительности Б. В. Штюрмер являлся личным кандидатом Николая II. Старец узнал о близости назначения Б. В. Штюрмера от Александры Федоровны и тут же одобрил его кандидатуру, дословно повторив аргументы царицы. «Я полагаю, — писала она супругу 4 января 1916 г., поддерживая избрание им Б. В. Штюрмера, — что стоит рискнуть немецкой фамилией, так как известно, какой он верный человек, и он хорошо будет работать с новыми энергичными министрами». Передавая Николаю II мнение Г. Е. Распутина, Александра Федоровна сообщала 9 января, что «наш Друг сказал про Штюрмера: не менять его фамилии и взять его хоть на время, так как он, несомненно, очень верный человек и будет держать в руках остальных». На протяжении января 1915 — января 1916 г., вплоть до назначения Б. В. Штюрмера, т. е. до 20 января, Г. Е. Распутин никогда с ним не встречался. Следовательно, старец не мог и организовывать его назначения. Встреча Г. Е. Распутина с Б. В. Штюрмером состоялась только 21 января, сразу по получении им премьерства. В первой половине января 1916 г., когда назначение Б. В. Штюрмера было Николаем II уже предрешено, в пользу этого назначения стали агитировать петроградский митрополит Питирим и журналист и контрразведчик И. Ф. Манасевич-Мануйлов. До самого назначения Б. В. Штюрмера Питирим его «не знал совершенно» и «никогда не видал». О близости замены И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмером Питириму сообщил его секретарь И. З. Осипенко, узнавший об этом от Г. Е. Распутина, с которым секретарь общался 4, 5 и 6 января 1916 г. В свою очередь, от Питирима о назначении Б. В. Штюрмера узнал И. Ф. Манасевич, поскольку начиная с января 1915 и до 20 января 1916 г. он с Г. Е. Распутиным не общался. Следовательно, митрополит и журналист, подобно царице и старцу, не имели отношения к избранию царем кандидатуры Б. В. Штюрмера — представители камарильи только вторили желанию Николая II. Если, тем не менее, современники считали, что в данном случае Питирим и И. Ф. Манасевич сыграли решающую роль, то этому способствовали, вольно или невольно преувеличивая свое значение, и митрополит, и журналист. Подробнее о назначении Б. В. Штюрмера см.: *Куликов С. В.* 1) Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров: предыстория и механизм // Источник. Историк. История: Сб. науч. работ. СПб., 2001. Вып. 1. С. 387–428; 2) Камарилья и «министерская чехарда». С. 83–85. Отношения Г. Е. Распутина и Б. В. Штюрмера во время его премьерства были близкими весьма недолго. Уже в начале марта 1916 г., вспоминал посредник между премьером и старцем И. Ф. Манасевич-Мануйлов, подразумевая Г. Е. Распутина, «произошло то, чего он не ожидал. А именно — что Штюрмер совсем, почти, не откликался на его просьбы». Хотя старец и передавал через фрейлину Л. В. Никитину свои письма и прошения премьеру, но он «или не считался с ними, или замедлял по ним исполнение». Неудивительно, что с этого времени, подчеркивал С. П. Белецкий, Г. Е. Распутин «был недоволен Штюрмером». Недовольство премьером «росло» не только у старца, но и у А. А. Вырубовой, которая, выражая мнение свое и Александры Федоровны, «отзывалась очень нехорошо о Штюрмере» и говорила, что он — «неверный человек» и «на него нельзя положиться». «Так что, — подытоживал И. Ф. Манасевич, — дамская половина, вместе с Распутиным, шла против Штюрмера; очень рельефно это сквозило» (Допрос И. Ф. Манасевича-

Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима: Стеногр. отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвыч. следств. комис. Врем. правительства. Т. 2. Л., 1925. С. 50, 51; Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. Л., 1925. С. 522). Следовательно, эпитет «распутинский премьер» точен лишь отчасти.

25. «Перикола» — опера Ж. Оффенбаха.

26. Книга И. А. Гончарова «Фрегат “Паллада”: Очерки путешествия», вышедшая в 2-х тт. в 1858 г. в Петербурге, обобщила его впечатления, полученные во время кругосветного плавания 1852–1854 гг., когда Гончаров являлся секретарем адмирала Е. В. Путятина.

27. Имеется в виду путешествие вокруг Азии, предпринятое наследником-цесаревичем Николаем Александровичем (будущим Николаем II) в 1890–1891 гг. для завершения своего образования. В ходе путешествия он и сопровождавшая его свита посетили Египет, Индию, Цейлон, Сингапур, Индонезию, Сиам (Таиланд), Индокитай, Китай и Японию. Приплыв во Владивосток, цесаревич вернулся в Петербург сухопутным путем. Об этом путешествии см.: *Кривенко В. С.* Путешествие Его императорского величества наследника цесаревича на Восток, от Гатчины до Бомбея. СПб., 1891; *Ухтомский Э. Э.* Путешествие на Восток Его императорского высочества государя наследника цесаревича. 1890–1891. Т. 1–3. СПб.; Лейпциг, 1893–1897.

28. Подразумевается процесс, по которому проходили члены революционной организации «Народная воля», подготовившие покушение на Александра II, в результате которого 1 марта 1881 г. он был смертельно ранен.

29. Институт земских начальников был введен в 1889 г. одновременно с ликвидацией института мировых судей, функции которых отошли к земским начальникам, соединявшим в своих руках административную и судебную власти. Главная функция земских начальников состояла в контролировании деятельности крестьянских общин. Скептическая оценка, данная В. Б. Лопухиным личному составу земских начальников, соотносится с аналогичной оценкой, принадлежащей графу С. Ю. Витте, который писал: «Все земские начальники, собственно говоря, не что иное, как провинциальные чиновники, назначаемые административною властью, обыкновенно это — отставные офицеры, юнкера, не окончившие курс высших учебных заведений дворяне, одним словом — лица самого второстепенного сорта. Конечно, я не говорю о некоторых исключениях, которые, может быть, есть; конечно, между земскими начальниками, как исключение, есть порядочные люди, люди соответствующие» (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 245, 246).

30. Т. е. окончивший Александровский лицей в Петербурге.

31. П. Г. Курлов, будучи товарищем министра внутренних дел, заведующим полицией, осуществлял высшее руководство охраной царской семьи и высших сановников, в т. ч. П. А. Столыпина, во время их пребывания в конце августа — начале сентября 1911 г. в Киеве. После совершенного 1 сентября Д. Г. Богровым смертельного ранения П. А. Столыпина П. Г. Курлов считался одним из главных виновников гибели премьера, а потому был уволен и над ним было начато следствие по обвинению в «бездействии». Дело П. Г. Курлова было прекращено в январе 1913 г. по повелению Николая II. Подробнее об этом см.: Тайна убийства Столыпина. М., 2003.

Глава 2

1. «Кюба» — ресторан в Петербурге, существовавший с 1840-х гг. и первоначально называвшийся «Restaurant de Paris». В 1887–1894 владельцем ресторана был французский повар Жорж Кюба, который и дал ему второе название, бытовавшее и позднее, хотя с 1894 рестораном владел Альмир Жуэн. Находился на углу Большой Морской улицы (д. 16) и Кирпичного переулка.

2. Общие пассажирские тарифы были введены в 1893 г. и действовали до их пересмотра в 1904–1908 гг. См. о них: Краткий отчет о деятельности тарифных учреждений и Департамента железнодорожных дел за 1889–1913 гг. СПб., 1914; *Соловьева А. М.* Железнодорожный транспорт России во второй половине XIX в. М., 1975.

3. «Петербургская газета» — ежедневная «политическая и литературная» газета, выходившая в 1867–1917 гг.

4. Николай II вступил в брак с Александрой Федоровной 14 ноября в Петербурге, между тем как его отец был похоронен неделей раньше, 7 ноября 1894 г. Незадолго до смерти Александр III специально для ускорения свадьбы вызвал будущую супругу сына в Ливадию (Дневники императора Николая II. [М., 1992]. С. 46, 48; *Кривенко В. С.* В Министерстве двора: Воспоминания. СПб., 2006. С. 236).

5. Проведение, под патронажем Министерства финансов, Всероссийской промышленно-художественной выставки в Нижнем Новгороде было намечено еще при Александре III. При Николае II она была приурочена к его коронации, после которой выставка и проходила. Ее открытие состоялось 28 мая, закрытие — 1 октября 1896 г.

6. В начале 1869 г. В. И. Ковалевский, будучи студентом Земледельческого (впоследствии — Лесного) института в Петербурге, сблизился с революционером-террористом С. Г. Нечаевым, который, после организованного им в Москве зверского убийства студента И. И. Иванова, скрывался от полиции у В. И. Ковалевского и его знакомых. В январе 1870 г. он был арестован по делу С. Г. Нечаева и заключен в Петропавловскую крепость. В июле 1871 г. В. И. Ковалевский вместе с другими обвиняемыми предстал перед Особым присутствием Петербургской судебной палаты, которая оправдала его и освободила из крепости. Вместе с тем, В. И. Ковалевского лишили права поступления на государственную службу и отдали под надзор полиции. Он был близок к народникам на протяжении 1870-х гг., пока в 1879 г. не сумел добиться определения в Министерство государственных имуществ (*Шепелев Л. Е.* Воспоминания В. И. Ковалевского // Русское прошлое: Ист.-док. альм. СПб., 1991. Вып. 2. С. 6–9).

7. Мнение В. Б. Лопухина о С. В. Маркове противоречит мнению о нем графа С. Ю. Витте, который оценивал его в целом положительно. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1, кн. 1. С. 301, 354, 458.

8. В 1902 г. В. И. Ковалевский влюбился в М. Г. Благосветову (Илловайскую) и решил уйти от Е. А. Шабельской. В ответ на это она представила к оплате векселя с бланковыми подписями, т. е. ручательством, В. И. Ковалевского на 150 000 рублей. Он заявил, что векселя поддельные (это было подтверждено в 1903 г. экспертизой Департамента полиции), но, тем не менее, согласился выплатить по ним треть суммы, вызвав недовольство кредиторов, подавших на него в суд (*Шепелев Л. Е.* Воспоминания В. И. Ковалевского. С. 16).

9. Имеется в виду исход еврейского народа из Египта под водительством Моисея. См.: Исход 12: 35.

Глава 3

1. Фирма «Грегер, Горвиц и Коган» во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг., согласно договору подряда, заключенному с интендантством, обеспечивала действующую армию главным образом продовольствием, причем условия договора были чрезвычайно выгодны для этой фирмы — она получала 10% от стоимости поставок, почти бесконтрольно устанавливая цены и количество поставляемых продуктов. Подразумевая реакцию общества на деятельность подрядчиков, С. Ю. Витте вспоминал, что «все указывали на крайние злоупотребления и вообще на нечистоплотность всего этого дела». Тем не менее, по окончании войны фирма предъявила претензии казне в том, что недополучила от нее несколько миллионов рублей. Правительство и суд отвергли домогательства руково-

дителей фирмы, однако они вышли на светлейшую княгиню Е. М. Юрьевскую, вторую, морганатическую, супругу Александра II, через которую и сумели получить, по крайней мере, часть искомой суммы. См. об этом: *Ананьич Б. В.* Банкирские дома в России, 1860–1914 гг.: Очерки истории частного предпринимательства. Л., 1991. С. 72–73; Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 258–260.

2. В начале своей карьеры Т. И. Филиппов, вместе с Б. Н. Алмазовым, А. А. Григорьевым и А. Н. Островским, входил в состав «молодой редакции» журнала «Москвитянин». Впоследствии он примыкал к московским славянофилам (И. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, А. С. Хомяков), редактируя с А. И. Кошелевым журнал «Русская беседа» (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802–1917: Биобиблиогр. справ. СПб., 2001. С. 693).

3. «Аквариум» — увеселительный сад с рестораном в Петербурге, существовавший с 1886 г. по 1920-е гг. по адресу: Каменноостровский пр., 10.

4. Женой А. Д. Свербеева была Вера Федоровна, урожденная графиня Менгден, от которой он имел сына Дмитрия и дочь Зинаиду.

5. Описывая салон А. Д. Свербеева, его внук князь К. Н. Голицын вспоминал: «Начиная с осени и кончая весной регулярно дважды в неделю на Фурштадтской собиралось многолюдное общество. Приходили сослуживцы сенатора, друзья, знакомые, родственники, состоявшие с ним в разных степенях родства или свойства. Рядом с солидными мужчинами и дамами совершенно непринужденно и весело чувствовала себя молодежь — внуки сенатора и их товарищи по Училищу правоведения или по Морскому корпусу». Посетителями салона А. Д. Свербеева были контр-адмирал Свиты его величества М. М. Веселкин, А. Ф. Кони, А. В. Кривошеин, барон А. А. Медем, личный секретарь императрицы Александры Федоровны граф Я. Н. Ростовцев, а также отец мемуариста, князь Н. В. Голицын, являвшийся в 1916–1917 гг. директором Петербургского и Главного архивов МИД, и др. Особую группу посетителей образовывали учащиеся Академии художеств и Петербургской консерватории, которым А. Д. Свербеев оказывал покровительство (Записки князя К. Н. Голицына. М., 1997. С. 47, 48, 51).

6. См.: *Кони А. Ф.* Собрание сочинений. Т. 6. М., 1968. С. 228–239. Сведения о других публикациях, в т. ч. существовавших на момент создания записок В. Б. Лопухина, см.: Там же. С. 563.

Глава 4

1. В конце XIX – начале XX в. осью внешней политики Российской империи являлся русско-французский союз, основы которого заложил Александр III, утвердивший 28 июля 1891 г. текст соответствующего соглашения, дополненного в декабре 1893 г. военной конвенцией между Россией и Францией (История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. С. 286–301). Упрочению русско-французского союза и призван был содействовать официальный визит Николая II во Францию, ставший одним из эпизодов его поездки по Западной Европе и происходивший с 23 по 27 сентября 1896 г. Подробнее о визите см.: *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 90–95.

2. В действительности с родословной С. Ю. Витте все обстоит гораздо сложнее. Его дед Ф. Ф. Витте служил обычным землемером в Лифляндской губернии, дослужился лишь до чина 9-го класса (титулярный советник) и только после 35 лет службы получил орден Св. Владимира 4-й степени, дававший право на потомственное дворянство. Отец С. Ю. Витте, Ю. Ф. Витте, причислился к псковскому дворянству «по заслугам» Ф. Ф. Витте в 1856 г., когда С. Ю. Витте было уже 7 лет. Очевидно, что по своему отцу С. Ю. Витте был не дворянином, а разночинцем. С другой стороны, его мать, Е. А. Фадеева, и бабушка

по матери, урожденная княгиня Долгорукова, действительно принадлежали к родовитым фамилиям (*Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 8, 9).

3. По окончании японо-китайской войны 1894–1895 гг. 5 (17) апреля 1895 г. был заключен Симоносекский мирный договор, по которому победившая в войне Япония получала от Китая Ляодунский полуостров с городом Порт-Артур, острова Формоза (Тайвань) и Пэнхуледао, а также согласие на протекторат над Кореей. Однако под давлением Германии, России и Франции Япония 28 апреля (10 мая) того же года заявила об отказе от Ляодуна (за дополнительную контрибуцию) и протектората. Хотя инициатором демарша трех держав являлась Россия, В. Б. Лопухин неправ, когда возлагает вину за этот демарш на князя А. Б. Лобанова-Ростовского. На самом деле во время Особого совещания 30 марта 1895 г., которое проходило под председательством великого князя Алексея Александровича и предопределило политику России по данному вопросу, министр иностранных дел занял осторожную позицию, считая нежелательной ссору с Японией. Мнение А. Б. Лобанова было созвучно точке зрения Алексея Александровича, полагавшего, что России необходимо не только сохранить «хорошие отношения» с Японией, но и «вступить с ней в соглашение». Действуя против Японии, подчеркнул великий князь, Россия обретет «вечного и притом сильного врага» и заставит японцев «быть заодно с англичанами». Самым решительным оппонентом Алексея Александровича и А. Б. Лобанова оказался С. Ю. Витте, который считал, что Россия должна «заявить решительно» о невозможности водворения Японии в Китае и даже, в случае необходимости, пойти на войну с ней. Точка зрения С. Ю. Витте, поддержанного военным министром П. С. Ванновским, возобладала (Первые шаги русского империализма на Дальнем Востоке (1888–1903 гг.) // Красный архив. 1932. Т. 3. С. 69–83; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. (От русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 135–136). Следовательно, в 1895 г. виновником жесткой политики России по вопросу о судьбе Ляодуна, ставшей, в итоге, одной из причин русско-японской войны 1904–1905 гг., был не А. Б. Лобанов, а С. Ю. Витте. О причинах русско-японской войны см.: *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1955.

4. Подразумевается покушение, которому наследник-цесаревич Николай Александрович подвергся 29 апреля 1891 г. при посещении японского города Отсу (Отцу), когда местный полицейский, признанный впоследствии психически больным, нанес по голове наследника удар саблей плашмя.

5. Левант — старое название Ближнего Востока. Левантинцами (левантийцами) называли греков, живших вне пределов географической Греции — на Балканском полуострове и в Турции.

Кадровые перестановки в МИД, которые описываются В. Б. Лопухиным в данном абзаце, происходили не только по причине назначения нового министра иностранных дел, но и в связи с утверждением Николаем II 15 декабря 1897 г. закона «Об изменении штатов центральных установлений и домовой церкви МИД». Ранее, согласно «Учреждению» МИД 1868 г., в него входили: Совет министерства (консультативный орган, проводивший экзамен для поступающих на службу в МИД), канцелярия (ведала текущими делами, политической перепиской министра, подготовкой его всеподданнейших докладов и Цифирной (Шифровальной) и Газетной экспедициями), Азиатский департамент (отношения с государствами Азии), Департамент внутренних сношений (консульские и юридические дела, торговые связи со странами Европы и Азии), Департамент личного состава и хозяйственных дел (кадровые и хозяйственные вопросы) и архивы — Петербургский главный архив и Государственный архив МИД, а также Московский главный архив. Согласно закону 15 декабря 1897 г., 1 января 1898 г. Азиатский департамент был переименован в 1-й Департамент, Департамент внутренних сношений — во 2-й Департамент, а административно-хозяйственные дела подчинены старшему советнику МИД, который фактически являлся вторым товарищем министра иностранных дел (Высшие и центральные государственные учреждения России. 1801–1917. Т. 4. СПб., 2004. С. 9–13).

6. «Сборник консульских донесений» — ведомственное издание МИД, составлявшееся на основе донесений российских консулов, содержавших информацию об экономике той страны, в которой они служили. Первый выпуск сборника за 1898 г., объемом в 90 страниц, был напечатан в Петербурге в скоропечатне «Надежда». Впоследствии его публиковала типография Товарищества художественной печати. Уже в 1898 г. вышли шесть выпусков сборника, общий объем которых насчитывал более 500 страниц, а тираж — 500 экземпляров. В точно таком же формате сборник выходил вплоть до 1910 г., и все это время, даже проходя службу в других ведомствах, его составлением занимался именно В. Б. Лопухин, под формальным редакторством Н. А. Малевского-Малевича. Назначение последнего в 1908 г. послом в Японию, равно как и всегдашняя перегруженность В. Б. Лопухина делами, прервали издание сборника, ставшего, тем не менее, ценнейшим историческим источником.

7. В конце XIX – начале XX в. содержание советников и секретарей, т. е. основного состава посольств и миссий Российской империи, было в 10 раз меньше окладов послов и посланников. По воспоминаниям Ю. Я. Соловьева, «семейные секретари посольств и миссий не могли прожить на жалованье за границей», а потому Министерство иностранных дел «было вынуждено набирать этот состав исключительно из лиц, обладавших значительными личными средствами». «На семейных членов посольств и миссий, — подчеркивал тот же мемуарист, — ложились значительные почти обязательные расходы по представительству; их, конечно, приходилось покрывать из своего кармана» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959. С. 177). В свою очередь, Г. Н. Михайловский подчеркивал, что служба в дипломатическом ведомстве требовала не только «разностороннего образования, фундаментального знания иностранных языков», но и «известной материальной обеспеченности, так как на расходы по представительству казенных средств было недостаточно», вследствие чего личный состав МИД «представлял результат несомненного социального отбора» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. М., 1993. Кн. 1. С. 375).

8. Визит президента Франции Ф. Фора в Россию, ответный по отношению к визиту Николая II во Францию, состоявшемуся в 1896 г., длился с 11 по 14 августа 1897 г. Во время прощального завтрака Николай II выступил с речью, в которой назвал узы, связывающие обе страны, «союзными», тем самым официально признав существование между Россией и Францией союза, что вызвало большой резонанс в Западной Европе. Подробнее об этом см.: *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России. С. 162–163.

9. Согласно конвенции, заключенной между Россией и Китаем 15 (27) марта 1898 г., он уступал первой в аренду на 25 лет Квантунский полуостров (южная часть Ляодунского полуострова) с городами Порт-Артур (Люйшунь) и Даляньван (Талиенван). Заключению конвенции предшествовало вхождение 2 декабря 1897 г. русской эскадры в бухту Порт-Артура, вызванное занятием Германией в ноябре этого года другого китайского города — Киао-Чао (Циндао).

10. На самом деле, желая сгладить отрицательное отношение Японию к водворению России в Квантуне, в марте-апреле 1898 г. царская дипломатия, кстати — вопреки сопротивлению С. Ю. Витте, пошла на большие уступки в корейском вопросе, в результате которых Россия потеряла доминирующее положение в Корее. Россия согласилась отозвать из Сеула финансового советника К. А. Алексеева (фактически — министра финансов Кореи) и военных инструкторов. Одновременно прекратилась и деятельность Русско-Корейского банка. Согласно протоколу, подписанному представителями России и Японии 13 (25) апреля 1898 г., первая признала интересы второй в Корее и могла посылать туда своих советников и инструкторов только по согласованию с Японией. Впрочем, формально обе стороны выступали как гаранты независимости Кореи. Подробнее об этом см.: *Пак Чон Хё.* Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. С. 20–32.

11. Речь идет о Комитете Сибирской железной дороги, который являлся высшим органом по руководству строительством этой дороги. Комитет находился под председательством Николая II и функционировал в 1892–1905 гг. Членами Комитета, кроме

его вице-председателя (в 1893–1895 гг. этот пост занимал Н. Х. Бунге), были министры путей сообщения, финансов, земледелия и государственных имуществ и военный, а также управляющий Морским министерством и государственный контролер. См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. СПб., 1998. С. 79–80.

12. Имеется в виду поворот во внутренней политике России, вызванный состоявшимся 1 марта 1881 г. покушением на Александра II и восшествием на престол Александра III. Мнение В. Б. Лопухина о перспективах внутренней политики Александра III явно навеяны знакомством мемуариста с воспоминаниями С. Ю. Витте. Ср.: «В последние годы своего царствования Александр ко многим вопросам уже относился иначе, нежели он относился к ним в первые годы своего царствования, выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным. Я уверен в том, что Александр, по собственному убеждению, двинул бы Россию на путь спокойного либерализма» (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 314).

13. Данный эпизод, относящийся к 1893 г., приводится в воспоминаниях С. Ю. Витте (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 330–331), откуда, судя по всему, В. Б. Лопухин и воспроизвел его по памяти. Закон о страховании рабочих от несчастных случаев за счет предпринимателей встретил возражения К. П. Победоносцева и А. А. Половцова в заседании Государственного совета 24 мая 1893 г., и потому был взят С. Ю. Витте обратно для переделки под предлогом того, что это — «дело очень сложное, требующее тщательной разработки и большой постепенности» (Судьбы России: Докл. и зап. гос. деятелей императорам о проблемах экон. развития страны (вторая половина XIX в.). СПб., 1999. С. 313). Законопроект «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности» стал законом только 2 июня 1903 г. См. об этом: *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России. (1861–1917 гг.). М., 1972.

14. Подразумевается состоявшееся 17 января 1895 г. в Николаевском зале Зимнего дворца выступление Николая II перед представителями дворянства, земств и городов. «Я рад, — заявил тогда царь, — видеть представителей всех сословий, съехавшихся для заявления верноподданнических чувств. Верю искренности этих чувств, искони присущих каждому русскому. Но мне известно, что в последнее время слышались в некоторых земских собраниях голоса людей, увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления. Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начало самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель». Проект этой речи был составлен К. П. Победоносцевым, который по отношению к слову «мечтания» употребил слово «безумные», замененное царем на «бессмысленные» (Полное собрание речей императора Николая II. С. 7; Из черновых бумаг К. П. Победоносцева // Красный архив. 1926. Т. 18. С. 203–207).

15. Имеется в виду катастрофа, произошедшая ранним утром 18 мая 1896 г. на Ходынском поле около Москвы во время раздачи, по случаю коронации Николая II, собравшейся там более чем полумиллионной толпе подарков, когда пострадали 2 690 человек, из которых погибли — 1 389. Современники воспринимали Ходынскую катастрофу как нечто небывалое в анналах истории, хотя при аналогичных мероприятиях, — коронации Наполеона I в 1804 г., в 1872 и 1873 гг. в Кенигсберге и в 1881 г. в Лондоне, — погибли, соответственно, более 1 000, несколько сот и около 4 000 человек (Дневники императора Николая II. С. 145, 145–146, 145–146; Документы о ходынской катастрофе 1896 г. // Красный архив. 1936. Т. 76. С. 31–48; *Константин Константинович, вел. кн.* Дневники. Воспоминания. Стихи. Письма. М., 1998. С. 231, 232, 232–233, 236; Дневник Алексея Сергеевича Суворина. 2-е изд. М., 2000. С. 229, 231, 237).

16. Испано-американская война происходила в августе-декабре 1898 г. и закончилась Парижским мирным договором, по которому Испания утратила Кубу, Пуэрто-Рико и Филиппины.

17. Степень влияния К. П. Победоносцева в 1890-е гг., значительного только в религиозной сфере, В. Б. Лопухин сильно преувеличивает. Уже Александр III в последние годы жизни определенно дистанцировался от обер-прокурора Синода. В 1893 г. император заявил С. Ю. Витте, что «одною критикою жить нельзя, а надо идти вперед», но «в этом отношении К. П. Победоносцев и другие лица его же направления более не могут принести пользы», по причине чего, признался Александр, он «уже давно перестал принимать во внимание их советы» (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 1. С. 331). По сведениям А. А. Савельева, Николай II, еще будучи наследником, не любил К. П. Победоносцева «за ханжество и стремление преследовать другие вероисповедания». Знаком отсутствия между Николаем II и К. П. Победоносцевым особой близости стало то, что в октябре 1894 г. для составления манифеста о вступлении на престол нового монарха он призвал не обер-прокурора, а князя Л. Д. Вяземского. К. П. Победоносцев, записала в мае 1901 г. А. В. Богданович, «у царя никакой роли не играет» (*Савельев А. А.* Два восшествия на престол русских царей: (Из воспоминаний земского деятеля) // Николай II: Материалы для характеристики личности и царствования. М., 1917. С. 98; *Богданович А. В.* Три последних самодержца. М., 1990. С. 263; *Кривенко В. С.* В Министерстве двора. С. 235). С другой стороны, В. Б. Лопухин явно преувеличивает степень прогрессивности С. Ю. Витте. На посту министра финансов он позиционировал себя как ортодоксального консерватора, исповедующего уваровскую триаду «православие, самодержавие, народность». Политическое и культурное развитие России, писал С. Ю. Витте Александру III, подразумевая элементы триады, «совершалось в живом взаимодействии и гармоническом сочетании трех основных стихий, только в России проявивших всю полноту их творческой силы» (*Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 2. Ч. 1. М., 2004. С. 242–243). Вместе с тем, оставаясь консерватором в политике, в экономике С. Ю. Витте проводил однозначно либеральные реформы, что дает основания говорить о его экономическом либерализме, который, впрочем, не влиял на его политические взгляды. «Экономический либерализм г. Витте, — подчеркивал П. Б. Струве в 1900 г., — находит себе непереходимую границу в его политическом консерватизме» (*Струве П. Б.* Предисловие к первому изданию // Самодержавие и земство: Конфиденц. записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899 г.). Stuttgart, 1903. С. XXII). Только в 1905 г. С. Ю. Витте выступил в роли открытого сторонника политического либерализма.

18. И. Л. Горемыкин был министром внутренних дел только один раз — в 1896–1899 гг. Дважды он являлся председателем Совета министров — в апреле-июле 1906 г. и в 1914–1916 гг. В то же время, ошибка В. Б. Лопухина весьма характерна, поскольку до создания в 1905 г. объединенного правительства в виде возглавляемого премьером Совета министров премьерские функции фактически выполнял именно министр внутренних дел.

19. Имеется в виду процесс, по которому проходили члены «Народной воли», подготовившей покушение на Александра II, произошедшее 1 марта 1881 г.

20. Подразумевается Собственная его величества канцелярия по учреждениям императрицы Марии (названо в память о жене Павла I Марии Федоровне), в ведомстве которой находились женские учебные заведения. Жена Александра III была верховной покровительницей этой канцелярии, а И. Н. Дурново — главноуправляющим ею в 1886–1889 гг.

21. В действительности временами министр финансов и обер-прокурор Синода образовывали настоящий политический тандем. Не случайно С. Ю. Витте писал К. П. Победоносцеву 19 августа 1903 г.: «Всегда буду помнить, как в прошедшие 12 лет я всегда пользовался вашим расположением и вашими указаниями». Вплоть до 1904 г. при решении большинства не только внутри-, но и внешнеполитических вопросов министр финансов и обер-прокурор действовали солидарно. В 1895–1898 гг. С. Ю. Витте и К. П. Победоносцев критиковали продворянскую политику председателя Комитета министров И. Н. Дурново, в 1896 г. — не поддержали новый порядок увеличения кредитов по Министерству императорского двора и идею взятия Босфора, в 1897 г. — предложение о введении общежитий при Московском университете, в 1898–1899 гг. они выступили против разработан-

ного министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным проекта введения земства в Западном крае и подготовленного главноуправляющим Канцелярией по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых, Д. С. Сипягиным проекта ее реформирования, в 1900 г. — за утверждение закона о предельности земского обложения (*Струве П. Б.* Предисловие к первому изданию. С. XXXV; Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905 гг.) // Красный архив. 1928. Т. 30. С. 90–97, 97, 98–99, 100, 101, 101–105, 105, 108). Политический союз министра финансов и обер-прокурора нашел свое воплощение в безусловной поддержке С. Ю. Витте находившихся в ведении Синода церковно-приходских школ. Если с 1886 по 1893 гг. церковно-приходские школы получали из Государственного казначейства по 175 500 рублей в год, то за время пребывания С. Ю. Витте на посту министра финансов их ежегодное финансирование увеличилось в 59 (!) раз и достигло к 1903 г. размера в 10 341 916 рублей (*Бан Ил Квон.* Победоносцев и распространение церковно-приходских школ в 1884–1904 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. С. 288–289, 312).

22. В 1898–1899 гг. происходила полемика С. Ю. Витте с министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным, выступавшим за введение земства в Западном крае и Архангельской, Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях. Позиция С. Ю. Витте по данному вопросу была обоснована в двух записках (наибольшую известность получила вторая из них), содержавших принципиальную критику земства как института. Критическое отношение к земству С. Ю. Витте мотивировал настолько же политическими, насколько и чисто функциональными соображениями, тем, что в деятельности земства появились «такие недостатки и такие темные стороны, отрицать которые не могут даже самые горячие его защитники». «Стесненное правительственною регламентациею, незаконченное в своей организации, — писал он, — земство, несомненно, стало весьма плохим средством управления». С. Ю. Витте признавал, что в этом виновато не только земство, но и государство, считая, что «спор попадал в заколдованный круг: земство стало плохим средством управления потому, что оно стеснено, его надо стеснить потому, что оно стало плохим средством управления». Между тем, «выход из этого круга», т. е. приведение верховной власти в соответствие с началом самоуправления путем дарования конституции, был «очень прост». Однако одни его «не видели», а другие, составлявшие большинство, «не желали видеть или опасались указывать». «Земство, — полагал С. Ю. Витте, — пришло в упадок, бесспорно, потому, что поставлено было правительством в ненормальные условия, но изменить эти условия, дать ему свободу без последующего изменения самодержавного строя государства было нельзя» (*Витте С. Ю.* Самодержавие и земство. С. 91, 92). Таким образом, на критическое отношение С. Ю. Витте к земству влияла, в конечном счете, его приверженность идеалу неограниченной монархии. Принимая во внимание не только политические, но и фискальные соображения, С. Ю. Витте выступал за сужение финансовой базы земства путем ограничения роста земского обложения и усиление контроля за ним со стороны государства. Данные цели преследовали изданные по его инициативе законы 8 июня 1893 г., 18 января 1899 г. и 12 июня 1900 г. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* С. Ю. Витте и земство. Взаимодействие государства и гражданского общества в России конца XIX — начала XX века // Правовые состояния и взаимодействия: историко-теоретический, отраслевой и межотраслевой анализ: Материалы VII междунар. науч.-теорет. конф. С.-Петербург, 1–2 декабря 2006 года. СПб., 2006. Ч. 2. С. 363–372.

23. Имеется в виду Февральская революция 1917 г. и период правления Временного правительства.

24. Одновременно с подписанием в Москве 22 мая (3 июня) 1896 г. соглашения между Россией и Китаем об образовании русско-китайского союза вступил в силу контракт правительства Поднебесной империи с Русско-Китайским банком на постройку Китайской восточной железной дороги, которая, спрямляя Сибирскую железную дорогу, должна была пройти по северо-восточной части Маньчжурии. Окончательный вариант контракта, подписаный 27 августа 1896 г., подразумевал срок концессии в 80 лет, причем территория КВЖД, полоса отчуждения, признавалась экстерриториальной.

25. В связи с обострением внутриполитической борьбы в Корее ее император Коджон с наследником с февраля 1896 по февраль 1897 г. укрывались в Российской миссии в Сеуле, поэтому на данный период пришелся апогей влияния России в Корее. Однако под давлением англо-японской партии 28 февраля (12 марта) 1898 г. Коджон объявил посланнику в Корее А. Н. Шпейеру, что эта страна «может обойтись без поддержки России». В результате уже 21 апреля (3 мая) русские военные инструкторы и финансовый советник К. А. Алексеев получили из Петербурга повеление о выезде из Кореи (*Пак Чон Хё*. Русско-японская война. С. 25–26).

Глава 5

1. Речь идет об англо-бурской войне 1899–1902 гг., сторонами в которой были Великобритания и южноафриканские республики Трансвааль и Оранжевая, населенные бурами — потомками голландских колонистов. Война началась с поражений англичан, однако после прибытия в Южную Африку подкреплений Великобритания одержала победу и включила бурские государства в свою колониальную империю.

2. Подразумевается союз Англии, России и Франции, окончательно оформленный в 1907 г. и получивший название «Антанта».

3. Вероятно, имеются в виду события, вызванные беседой германского императора Вильгельма II с российским послом в Германии бароном Н. Д. фон дер Остен-Сакеном, имевшей место 31 декабря 1899 г. (13 января 1900 г.) Во время беседы кайзер отметил, что в связи с англо-бурской войной возникли условия для обуздания «империалистических притязаний Англии», которые более не повторятся. Учитывая позицию Германии, министр иностранных дел М. Н. Муравьев 27 февраля 1900 г. прозондировал правительство Франции относительно возможности совместного с Германией посредничества в целях «прекращения кровопролития». Французский кабинет одобрил идею М. Н. Муравьева, и по его предложению 3 марта 1900 г. Н. Д. фон дер Остен-Сакен обратился к германскому правительству по поводу посредничества, однако к этому времени Германия решила отказаться от активности в данном вопросе (История дипломатии. 2-е изд. Т. 2. М., 1963. С. 472–475).

4. Под «великодушным почином» подразумевается инициатива Николая II, по повелению которого 12 (24) августа 1989 г. министр иностранных дел М. Н. Муравьев передал всем находившимся в Петербурге представителям иностранных держав специальное циркулярное сообщение, предлагавшее начать подготовку международной конференции для ограничения роста вооружений и упрочения всеобщего мира. «Положить предел непрерывным вооружениям, — говорилось в сообщении, — и изыскать средства предупредить угрожающие всему миру несчастия — таков ныне высший долг для всех государств. Преисполненный этим чувством, государь император повелеть мне соизволил обратиться к правительствам государств, представители коих аккредитованы при высочайшем дворе, с предложением о созвании конференции в видах обсуждения этой важной задачи». Идеи этого документа получили развитие в циркуляре М. Н. Муравьева тем же адресатам от 30 декабря 1898 г. Результатом инициативы Николая II стала Первая конференция мира, открывшаяся в Гааге 6 (18) мая и работавшая до 17 (29) июля 1899 г. Участники конференции подписали три конвенции (о мирном решении международных столкновений, о законах и обычаях сухопутной войны и о регулировании законов и обычаев морской войны) и три декларации (о воспрещении метать снаряды с воздуха, употреблении химического оружия и разрывных пуль). Ключевое значение имела конвенция о мирном решении международных столкновений, на основе которой была создана Постоянная палата третейского суда. Подробнее об этом см.: *Рыбаченок И. С.* Россия и Первая конференция мира 1899 года в Гааге. М., 2005.

Глава 6

1. Согласно конвенции 15 (27) марта 1897 г. между Россией и Китаем, последний соглашался распространить концессию Общества Китайской восточной железной дороги (КВЖД) на соединительную ветку до Даляньваня (Дальнего) — Южную Манчьжурскую железную дорогу (ЮМЖД). Контракт на сооружение этой ветки был подписан 24 июня того же года. Одновременно Общество КВЖД учредило Восточную компанию океанского пароходства со штаб-квартирой в Дальнем.

2. Боксерское восстание (восстание ихэтуаней) — массовое народное движение китайцев, имевшее антизападный и антихристианский характер. Символом восставших было изображение кулака, поэтому европейцы и называли их боксерами. Восстание происходило в 1898–1901 гг., причем его пик пришелся на лето 1900 г., когда боксеры осадили посольский квартал в Пекине, и было подавлено благодаря действиям интернационального военного отряда, сформированного Англией, Германией, Францией и другими западноевропейскими державами, а также Россией, США и Японией.

3. Данный эпизод явно взят из воспоминаний графа С. Ю. Витте. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 579–580.

4. Россия оккупировала Маньчжурию для обеспечения безопасности КВЖД, поскольку ее отдельные участки были разрушены восставшими. Некоторые государственные деятели Российской империи, в т. ч. военный министр А. Н. Куропаткин, выступали за продолжение оккупации как можно дольше, с тем, чтобы в перспективе присоединить северо-восток Маньчжурии к России, сделав ее Желтороссией. Однако по причине протеста великих держав против оккупации царское правительство было вынуждено 26 марта (8 апреля) 1902 г. подписать с Китаем соглашение о поэтапном выводе русских войск, который должен был завершиться в сентябре 1903 г.

5. Всемирная выставка в Париже проходила в апреле 1900 г.

Глава 7

1. Имеется в виду Александровский лицей, который, действительно, специализировался на подготовке будущих дипломатов и «широко открывал двери» для заграничной службы. Кроме него, дипломатов готовило и Училище правоведения. Окончание этих двух учебных заведений давало право на зачисление по МИД. Лицеисты и правоведы при поступлении на службу «немедленно, — вспоминал Ю. Я. Соловьев, — получали небольшое жалованье (правда, оно ограничивалось 18 рублями в месяц). Вообще, причисленные к Министерству иностранных дел первое время служили безвозмездно; таким образом, доступ туда был открыт лишь сыновьям более или менее состоятельных родителей». В МИД, указывал этот мемуарист, «у меня никаких связей не было, но окончание лицея, в особенности с первой золотой медалью, очень облегчило мне первые шаги» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 25–26).

2. Ср. с записью от 14 апреля 1902 г. в дневнике А. А. Половцова, который сообщает, что в 1901 г. В. Н. Ламздорф «просил о назначении церемониймейстером секретаря своей канцелярии Савинского. Ламздорфу было отказано по настоянию обер-церемониймейстера графа Гендрикова. Когда он получил от министра Двора уведомление, что Савинский назначен церемониймейстером, то граф немедленно отправил Фредериксу просьбу об увольнении» (Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 3. С. 137).

3. Подразумевается Портсмутский мирный договор 1905 г., оформивший окончание русско-японской войны 1904–1905 гг.

3а. Инициалы указаны В. Б. Лопухиным ошибочно, правильно: И. А. Иванов. (Комментарии Д. Н. Шилова).

4. «Торгово-промышленная газета» — ежедневная газета, выходившая в 1893–1917 гг. в Петербурге.

«Русские ведомости» — ежедневная газета либерального направления, издававшаяся в 1863–1917 гг. в Москве.

«Московские ведомости» — ежедневная газета, выходившая в 1756–1917 гг. в Москве и в конце XIX — начале XX в. являвшаяся главным органом консерваторов.

5. В данном случае В. Б. Лопухин допустил явную передержку — термин «черносотенец» появился и получил широкое распространение, по крайней мере, только в 1905 г., когда возникли массовые консервативные организации.

6. Н. П. Боголепов был ранен 14 февраля 1901 г.

7. Подразумевается группа лиц, руководимая статс-секретарем его величества (с 1903 г.) А. М. Безобразовым, близкая к Николаю II и оказывавшая влияние на дальневосточную политику России конца XIX — начала XX в. В группу, начавшую складываться в 1898 г., в разное время входили контр-адмирал А. М. Абаза, великий князь Александр Михайлович (до 1900 г.), адмирал Е. И. Алексеев (до 1903 г.), один из директоров Невского судостроительного завода М. О. Альберт, егермейстер И. П. Балашев, генерал К. И. Вогак, отставной гвардейский офицер В. М. Вонлярлярский, член Государственного совета граф И. И. Воронцов-Дашков (до 1900 г.), дворцовый комендант П. П. Гессе, отставной гвардейский офицер А. И. Звегинцев, член Государственного совета граф А. П. Игнатьев, полковник А. И. Мадритов, бывший генеральный консул России в Корее Н. Г. Матюнин, министр внутренних дел В. К. Плеве (с 1902 г.), отставной гвардейский офицер М. В. Родзянко, генерал князь Ф. Ф. Юсупов, граф Сумароков-Эльстон и др. Непосредственная цель безобразовцев состояла в фактическом подчинении России Северной Кореи через организацию на ее территории фиктивных коммерческих предприятий, противником чего являлся С. Ю. Витте, полагавший, что усиление влияния России в Корее вызовет недовольство Японии и приведет к русско-японской войне. Союзниками С. Ю. Витте в противостоянии безобразовской клике были военный министр А. Н. Куропаткин и министр иностранных дел граф В. Н. Ламздорф. Безобразовцы считали С. Ю. Витте своим главным антагонистом и выступали за его отставку, причем сложность отношений между ними предопределялась тем, что организованные группой предприятия существовали на Дальнем Востоке наряду с предприятиями Министерства финансов и носили такой же мнимо коммерческий характер, как и виттевские. Спор между С. Ю. Витте и безобразовцами возник не по поводу разных методов дальневосточной политики, а по поводу того, кому должна принадлежать монополия в реализации этой политики — министр финансов хотел, чтобы предприятия конкурентов контролировал зависимый от него Русско-Китайский банк. Основным из предприятий безобразовцев стала лесопромышленная концессия на реке Ялу в Корее, с 1901 г. принадлежавшая Русскому лесопромышленному товариществу на Дальнем Востоке, в правление которого входили члены группы. В 1900 г. безобразовцы выдвинули проект создания Восточно-азиатской промышленной компании и внесли ее Устав в Комитет министров, однако С. Ю. Витте, сославшись на боксерское восстание в Китае, добился разрешения Николая II «не вносить это дело в Комитет, покуда не успокоятся события на Дальнем Востоке». Впрочем, в апреле 1901 г. С. Ю. Витте отнесся «сочувственно» к идее образования компании, и в январе 1903 г. открыл А. М. Безобразову кредит в 2 000 000 рублей (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М., 2000. С. 320). Весной 1902 г. при поддержке С. Ю. Витте было создано Маньчжурское горное товарищество, с которым в 1903 г. объединилось Русское лесопромышленное товарищество. Неоднозначный характер отношений министра финансов и безобразовцев выразился на двух заседаниях Особого совещания под председательством Николая II по делам Дальнего Востока. На первом заседании, 26 марта 1903 г., рассматривался вопрос о превращении предприятия на Ялу в акционерное общество, причем С. Ю. Витте, как и другие министры, поддержал данную идею, в связи с чем В. И. Гурко отмечал: «если

признавать, что непосредственной причиной войны с Японией явилась эксплуатация нами лесов поблизости от устьев Ялу, то виновны в этом все министры, участвовавшие в совещании 26 марта 1903 г., а больше других тот же Витте, а отнюдь не Плеве, как это Витте впоследствии всюду утверждал» (Там же. С. 329, 330, 331). Второе заседание Особого совещания, 7 мая 1903 г., обсуждало записку К. И. Вогака, содержавшую обоснование «нового курса». К. И. Вогак полагал, что русская «политика уступок» Японии в Корее «приведет к войне», а потому надо ее «окончить». На заседании С. Ю. Витте и В. Н. Ламздорф, по сведениям А. Н. Куропаткина, подтверждаемым журналом заседания, «сдали» и «поклонились новым светилам — Безобразову и Вогаку, которые доминировали» (*Куропаткин А. Н.* Пролог маньчжурской трагедии // Русско-японская война: Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Л., 1925. С. 9, 20, 21, 22, 23, 33). Результатом победы безобразовского курса стали назначение дальневосточным наместником Е. И. Алексеева и создание Особого комитета под председательством Николая II по делам Дальнего Востока. А. М. Безобразов являлся его членом, А. М. Абаза — членом и управляющим делами Комитета, Н. Г. Матюнин — помощником управляющего делами. Еще одним итогом победы безобразовцев стало перемещение С. Ю. Витте в августе 1903 с поста министра финансов на пост председателя Комитета министров. Только выйдя из игры, он заявил себя открытым противником безобразовской группы, считая ее виновницей русско-японской войны 1904–1905 гг. Между тем, В. И. Гурко полагал, что «первым виновником» был С. Ю. Витте, поскольку «именно он втравил Россию во всю дальневосточную авантюру» (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 342, 343). С началом в январе 1904 г русско-японской войны деятельность безобразовской группы отошла на второй план, концентрируясь в Совещании под председательством А. П. Игнатьева для обсуждения вопросов по финансовым, промышленным и хозяйственным предприятиям России на Дальнем Востоке (январь-июнь 1904 г.), членами которого являлись А. М. Абаза, В. М. Вонлярлярский, Н. Г. Матюнин. Руководитель группы, проживая в Швейцарии, сосредоточился на собирании компромата на С. Ю. Витте (Безобразовский кружок летом 1904 г. // Красный архив. 1926. Т. 4 (17). С. 73, 74, 75). Безобразовцы, никогда не имевшие постоянного состава и стабильного влияния, постепенно теряли свое значение в связи с поражениями в ходе русско-японской войны. По окончании войны группа окончательно распалась, однако ее отдельные члены, прежде всего сам А. М. Безобразов, а также В. М. Вонлярлярский, приняли участие в «битве документов», которую вел С. Ю. Витте в целях реабилитации политики, проводившейся им на Дальнем Востоке во время пребывания на посту министра финансов. См. об этом: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте и издательская деятельность «безобразовского кружка» // Книжное дело в России во второй половине XIX – начале XX века: Сб. науч. тр. Вып. 4. Л., 1989. С. 59–84; *Лукоянов И. В.* The Bezobrazovtsy // The Russo-Japanese war in global perspective. World War Zero. Boston, 2005.

8. Пребывание в Петербурге наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда длилось с 25 по 30 января 1902 г.

9. «Гражданин» — политическая и литературная газета-журнал. Издавался в 1872–1879 и 1882–1914 гг. в Петербурге. Выходил в 1872–1879, 1883–1884 и 1911–1914 гг. еженедельно, в 1882, 1885–1886 и 1897–1909 гг. — 2 раза, в 1887 г. — 3 раза в неделю, в 1888–1895 гг. — ежедневно. Основатель, издатель и главный автор — князь В. П. Мещерский. Редакторы — Г. К. Градовский (1872), Ф. М. Достоевский (1873–1874), В. Ф. Пуцыкович (1874–1879), В. П. Мещерский (1882–1906) и М. Н. Назаров (1906–1914). Первоначально издавался на частные пожертвования при поддержке наследника престола великого князя Александра Александровича (будущего императора Александра III). В 1876–1878 гг., в связи с критикой внешней политики правительства Александра II, «Гражданин» получил несколько предостережений и неоднократно приостанавливался, в 1879 г. его издание было прекращено. С 1882 по 1895 г. по повелению Александра III В. П. Мещерский на издание «Гражданина» ежегодно получал 80 000–100 000 рублей, по другим данным — 36 000, а с 1888 г. — 62 000 рублей (РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 450. Л. 10. Письмо

В. П. Мещерского С. Ю. Витте, 14 мая 1895 г.). По вступлении на престол, в октябре 1894, Николая II он не только отверг просьбу В. П. Мещерского о повышении ежегодной субсидии до 90 000 рублей, но и решил вообще прекратить финансирование «Гражданина». По совету С. Ю. Витте царь согласился выдать В. П. Мещерскому 80 000 рублей, но велел министру финансов предупредить князя, что деньги выдаются ему в последний раз. В 1895 г. В. П. Мещерский через С. Ю. Витте ходатайствовал перед императором о получении 66 000 рублей (30 000 от Минфина, 36 000 — от МВД), но Николай II отказал опять (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1204. Л. 3–5. Письмо С. Ю. Витте Николаю II, 17 мая 1904 г.). С 1902 г., по инициативе министра внутренних дел Д. С. Сипягина, одобренной царем, В. П. Мещерский начал получать от С. Ю. Витте по 18 000 рублей в год, причем при следующих министрах финансов размер этой субсидии оставался неизменным.

Глава 8

1. Имеется в виду Никольский собор в Петербурге, до сих пор являющийся главным храмом Военно-морского флота России.

2. Речь идет о следующем издании: Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в Российской империи на ... [1765–1796, 1802–1916] г. СПб.; Пг., 1765–1916. Адрес-календарь издавался ежегодно и состоял из двух частей, первая из которых содержала информацию о высшем и центральном, а вторая — о провинциальном чиновничестве.

3. О пересмотре Устава Военно-медицинской академии в 1902 г. см.: *Скориченко Г. Г.* Императорская Военно-медицинская (медико-хирургическая) академия: Ист. очерк. Ч. 2. СПб., 1910.

4. Подразумевается написанная в 1903 г. картина И. Е. Репина «Торжественное заседание Государственного совета 7 мая 1901 г., в день столетнего юбилея со дня его учреждения». В написании этой картины, хранящейся в Государственном русском музее, И. Е. Репину помогали его ученики — И. С. Куликов (левая часть) и Б. М. Кустодиев (правая часть) (Государственный русский музей. Живопись. XVIII — начало XX в. Каталог. Л., 1980. С. 251–253).

5. Реформирование Государственного совета произошло в феврале 1906 г., после чего, с апреля этого года до февраля 1917, он функционировал как верхняя палата законодательного народного представительства, причем одна половина его членов назначалась императором, а другая — выбиралась отдельными корпорациями.

6. Д. С. Сипягин был смертельно ранен 2 апреля 1902 г.

7. Речь идет о следующем произведении Д. П. Голицына-Муравлина: Сон Услады: Сказка-шутка в 3-х д. // Свет: Сб. романов и повестей. Т. 4. СПб., 1902.

8. «Новое время» — ежедневная «политическая и литературная» газета, основанная А. С. Сувориным и выходившая в 1863–1917 гг. в Петербурге. Являлась органом консервативно-либерального направления.

9. Формально С. В. Рухлов являлся сыном губернского секретаря, который, однако, происходил из крестьян (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 575).

Глава 9

1. Главное управление торгового мореплавания и портов, на правах министерства, было учреждено 7 ноября 1902 г. В состав нового ведомства, возглавленного великим князем Александром Михайловичем, из Министерства финансов передали отдел торгового мореплавания, Совет по делам торгового мореплавания и Комитет по портовым делам,

из МПС — отдел торговых портов. Кроме того, подразделениями Главного управления являлись Совет главноуправляющего торговым мореплаванием и портами, Технический совет, канцелярия главноуправляющего (с июня 1903 г.) и архив при ней, Учебный комитет по мореходному образованию и Комитет по делам о выдаче ссуд на приобретение морских торговых судов (оба — с мая 1904 г.). В октябре 1905 г. Главное управление торгового мореплавания и портов вошло в состав вновь образованного Министерства торговли и промышленности (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 2. СПб., 2001. С. 196–198).

2. Речь идет об утвержденном императором 2 июня 1903 г. законе «О вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности». Закон предусматривал установление страхования рабочих от несчастных случаев за счет предпринимателей и введение в течение 5 лет, с 1 января 1904 г., закона об обязательном страховании.

3. В данном случае подразумевается так называемая зубатовщина — политика полицейского социализма, проводившаяся в России по инициативе начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова, которому в конце XIX – начале XX в. покровительствовали московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович, московский обер-полицмейстер Д. Ф. Трепов и министр внутренних дел В. К. Плеве. В русле этой политики, в целях легального решения рабочего вопроса, по инициативе охранных отделений, местных учреждений Департамента полиции, создавались профессионально-просветительные организации рабочих, контролировавшиеся его агентами. Попытки московской полиции регулировать отношения между рабочими и фабрикантами в пользу первых имели место еще в 1898 г. В 1901 г. С. В. Зубатов изложил в особой записке Д. Ф. Трепову, поданной им Сергею Александровичу, идею создания легальных организаций рабочих под контролем полиции с целью улучшения их быта и отвлечения пролетариата от влияния на него революционных учений. В том же году в Москве возникли две первые зубатовские организации — общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве и ткачей. В 1902–1903 гг. подобные объединения были созданы также в Киеве, Минске, Николаеве, Одессе и Харькове. Кроме того, С. В. Зубатов инспирировал создание Независимой еврейской рабочей партии, которая появилась в конце 1901 г. и рекрутировала рабочих Северо-Запада. В ознаменование 41-й годовщины отмены крепостного права 19 февраля 1902 г. зубатовские организации провели в Москве невиданную по размаху патриотическую манифестацию около памятника Александру II в Кремле. С. Ю. Витте оценивал зубатовщину крайне отрицательно. В январе 1902 г. он раскритиковал Сергея Александровича за приверженность принципу, что «реформы должны идти сверху, а не снизу», и насаждение «полицейского социализма» (*Половцов А. А.* Дневник. С. 108). Между тем, косвенно С. Ю. Витте был одним из виновников появления зубатовщины, поскольку, как министр финансов, в ведении которого находился рабочий вопрос, уделял его решению слишком мало внимания. Подразумевая конец XIX – начало XX в., В. И. Гурко писал, что «отсутствие в то время отвечающего условиям времени и развивающейся промышленности рабочего законодательства, а также вялость деятельности Фабричной инспекции, <...> невольно наталкивали лиц, отвечающих за сохранение спокойствия в стране, на принятие таких мер, которые, по существу, отнюдь не входили в круг их деятельности» (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 140). С назначением С. В. Зубатова в 1902 г. начальником Особого отдела Департамента полиции он начал насаждать свою систему и в Петербурге, однако зубатовщина способствовала не канализированию, а дальнейшему развитию рабочего движения. В 1902 г. зубатовские организации, поддерживаемые полицией в противовес Фабричной инспекции, организовали стачки на московских фабриках, а также в Минской губернии, в июле 1903 г. — всеобщую забастовку фабрично-заводских и портовых рабочих Одессы. Хотя тогда же С. В. Зубатов получил отставку, зубатовщина продолжалась и после его отставки. В феврале 1904 г.

с разрешения МВД был утвержден устав Собрания русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга во главе со священником Г. А. Гапоном. Подробнее о зубатовщине см.: *Корелин А. П.* Русский «полицейский социализм» // Вопросы истории. 1968. № 10; Власть и реформы. От самодержавной к советской России. СПб., 1996; *Потолов С. И.* 1) Петербургские рабочие и интеллигенция накануне революции 1905–1907 гг.: «Собрание фабрично-заводских рабочих г. С.-Петербурга» // Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. 1861 — февраль 1917. СПб., 1997; 2) Георгий Гапон и либералы (новые документы) // Россия в XIX–XX вв.: Сб. ст. к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998.

4. В. К. Плеве был убит 15 июля 1904 г., а великий князь Сергей Александрович — 4 февраля 1905 г.

5. Данное предположение В. Б. Лопухина ошибочно, поскольку С. Ю. Витте являлся премьером с октября 1905 по апрель 1906 г., а несостоявшаяся попытка покушения на него, организованная крайне правыми, относится к январю 1907 г. См.: Письмо Витте Столыпину от 3 мая 1910 г. Царь-заговорщик. Союз русского народа и граф Витте // Суд идет. 1926. № 19. С. 1154–1170; № 20. С. 1223–1231; № 21. С. 1308–1316; Особые журналы Совета министров Российской империи, 1909–1917 гг. 1911 год. М., 2002.

6. В конце 1908 г. А. А. Лопухин, будучи за границей, сообщил о провокаторстве Е. Ф. Азефа эсеровскому публицисту В. Л. Бурцеву, что стало известно Департаменту полиции. После возвращения в Петербург 19 января 1909 г. А. А. Лопухин был арестован и предан суду Особого присутствия Сената под председательством сенатора В. Н. Варварина по обвинению в оказании эсерам «существенного содействия» разоблачением Е. Ф. Азефа. Свой поступок А. А. Лопухин мотивировал желанием добиться пресечения террористической деятельности Е. Ф. Азефа. Тем не менее, 1 мая 1909 г. А. А. Лопухин был приговорен к лишению всех прав состояния и пятилетней ссылке на каторжные работы. Общее собрание Сената заменило каторгу ссылкой на поселение, которую А. А. Лопухин отбывал в Красноярске. См.: Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего сената: Стеногр. отчет. СПб., 1910. По повелению Николая II от 4 декабря 1912 г. А. А. Лопухин был помилован и восстановлен во всех правах.

7. Речь идет о Первой мировой войне 1914–1918 гг.

8. Проект Положения об учреждениях мелкого кредита, рассматривавшийся Государственным советом в 1903 г., стал законом 7 июня 1904 г.

9. Имеется в виду образованное Николаем II 23 января 1902 г. под председательством С. Ю. Витте Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, роль которого В. Б. Лопухин оценивал, явно находясь под влиянием воспоминаний С. Ю. Витте. Министр финансов действительно привлек земских деятелей к работе Особого совещания, впрочем, на нерегулярной основе. В 1902–1904 гг. в качестве приглашенных с совещательным голосом в нем участвовали 5 председателей земских управ, а его членом являлся председатель Петербургской губернской земской управы Н. Л. Марков. Из 531 местного комитета Особого совещания в 49 комитетов были приглашены земские гласные и, как общее правило, во всех комитетах участвовали председатель и члены губернских и уездных земских управ. В начале 1902 С. Ю. Витте обратился с просьбой к некоторым земским деятелям, в частности — В. Ю. Скалону, взять на себя разработку вопросов, включенных в программу занятий Особого совещания. К работе созданной в ноябре 1901 г. и функционировавшей в дальнейшем как подкомиссия совещания Комиссии Центра (Комиссия по исследованию вопроса о движении с 1861 по 1900 г. благосостояния среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России) были привлечены земские деятели 18-ти губерний. Тем не менее, в представленной в октябре 1903 г. «Записке земцев в Комиссию Центра», которая стала первой легальной публикацией точки зрения земской оппозиции, они подвергли критике политику не В. К. Плеве, а С. Ю. Витте, обвиняя его в недостатке внимания к развитию сельского хозяйства (Народное хозяйство. 1903. № 6. С. 201–223). Создав Особое совещание о нуждах сельско-

хозяйственной промышленности, царь, однако, поручил курировать аграрные реформы В. К. Плеве, который в 1902–1904 гг., в отличие от С. Ю. Витте, способствовал реальному проведению аграрных реформ. При МВД функционировала Редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах, разработавшая соответствующие проекты. В своих воспоминаниях С. Ю. Витте критиковал деятельность Редакционной комиссии, но ранее он оценивал ее вполне позитивно. По признанию С. Ю. Витте, Комиссия поставила вопросы «по крестьянскому делу» «настолько удачно, что ими исчерпываются почти все основные положения, которые остановили на себе главное внимание местных комитетов» Особого совещания, вследствие чего С. Ю. Витте предлагал его членам высказаться «по тем принципиальным вопросам, которые поставлены выработанной в МВД программой» (*Витте С. Ю.* Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 143, 144). В. К. Плеве стал одним из авторов Манифеста 26 февраля 1903 г., объявившего о необходимости полной отмены круговой поруки, и инициатором издания Временных правил 6 июня 1904 г. о добровольном переселении крестьян в Сибирь и на Дальний Восток. Противопоставляя свою позицию относительно цели аграрных реформ позиции В. К. Плеве, С. Ю. Витте вспоминал, что являлся решительным противником общины, хотя в действительности его позиция носила конформистский характер, ибо даже в конце 1904 г. С. Ю. Витте полагал, что «принцип неприкосновенности общины» должен быть не упразднен, а лишь «совмещен с возможностью выхода из нее отдельных крестьян» (Там же. С. 62), против чего не высказывался и В. К. Плеве. См.: *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики царизма накануне первой российской революции. М., 1987; Власть и реформы; *Дякин В. С.* Деньги для сельского хозяйства. 1892–1914 гг.: Аграрный вопрос в экономической политике царизма. СПб., 1997.

10. В данном случае В. Б. Лопухина подвела память: Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности закрыли в марте 1905 г., между тем как В. К. Плеве был убит в июле 1904 г. Судьбу Особого совещания предопределили интриги группы сановников, возглавляемой И. Л. Горемыкиным, который перехватил у С. Ю. Витте инициативу в подготовке аграрных реформ, возглавив, одновременно с упразднением виттевского совещания, Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения.

11. Преуменьшая значение поста председателя Комитета министров, В. Б. Лопухин также следует за воспоминаниями С. Ю. Витте. На самом деле степень влиятельности Комитета министров напрямую зависела от личных качеств сановника, являвшегося председателем этой коллегии. При предшественнике С. Ю. Витте, И. Н. Дурново, Комитет министров, по воспоминаниям одного из чиновников его канцелярии, «сошел почти на нет. Определенной компетенции у него не было, так как все министры сохраняли отдельный доклад у государя и вносили на разрешение Комитета только то, что сами хотели. Но при Витте все завертелось иначе. Комитет ожил. Множество дел, и крупных и мелких, стали в него поступать, и все эти дела оказывались при Витте спешными». С назначением С. Ю. Витте председателем Комитета министров «вся жизнь Комитета и его канцелярии резко изменилась». «Текущие мелочи управления» С. Ю. Витте «не интересовали. Зато по любому поводу возникали при нем крупные политические вопросы, и он любил, при предварительных докладах канцелярии, сам возбуждать такие вопросы и узнавать по ним мнения своих сотрудников. В заседаниях он не раз перебивал других министров, когда они высказывали трафаретные правые мысли, и замечал: “Такие речи, ваше превосходительство, хорошо произносить в Петербурге и во дворцах, а в России они встречают совершенно другой отклик”» (*Тхоржевский И. И.* Последний Петербург: Воспоминания камергера. СПб., 1999. С. 46, 62).

12. Учреждение Дальневосточного наместничества и назначение Е. И. Алексеева наместником произошли 30 июля 1903 г. См. комментарий 15 к главе 1.

13. Налицо несомненная вариация на тему из воспоминаний С. Ю. Витте. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 618.

14. Поездка А. Н. Куропаткина на Дальний Восток, в ходе которой он посетил и Японию, относится к маю-июлю 1903 г.

15. Характеризуя деятельность группы А. М. Безобразова, А. Н. Куропаткин отмечал: «Задавшись целью, опираясь на деятельность Лесного товарищества на Ялу, создать какой-то “заслон” со стороны возможного нападения на нас Японии, Безобразов и его единомышленники придали в 1902–1903 гг. своей деятельности на р. Ялу весьма тревожный характер». А. М. Безобразов просил Е. И. Алексеева отправить на корейскую территорию 600 переодетых солдат из состава подчиненных ему войск, организовать отряд из хунхузов (китайцев) в 3 000 человек, подкрепить действия агентов лесного предприятия высылкой на Ялу в Шахецзы четырех охотничьих команд в 600 конных стрелков и, наконец, занять Фынхуанчен отдельным отрядом войск. Е. И. Алексеев удовлетворил пожелания А. М. Безобразова не полностью, согласившись только на высылку в Шахецзы одной охотничьей команды в 150 конных стрелков и выдвижение на Фынхуанчен казачьего полка с орудиями, однако и эти меры вызвали недовольство Японии (*Куропаткин А. Н.* Русско-японская война. 1904–1905. Итоги войны. СПб., 2003. С. 155).

16. Одним из плодов недовольства великих держав нарушением Россией принципа «открытых дверей» в Маньчжурии стал англо-японский союз, оформленный 30 января 1902 г. и обеспечивавший внешнеполитический тыл Японии в 1904–1905 гг., т. е. во время ее войны с Россией.

Глава 10

1. Речь идет о Первой мировой войне 1914–1918 гг.

2. Сын Николая II Алексей родился 30 июля 1904 г. См.: *Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. 1797–1917: Биобиблиогр. справ. СПб., 2005. С. 107.

3. В действительности важнейшим итогом деятельности князя П. Д. Святополк-Мирского на посту министра внутренних дел явился царский указ 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка», который провозгласил программу либеральных реформ, остававшуюся официальной программой правительства вплоть до Февральской революции 1917 г. Эта программа подразумевала упрочение законности, независимости судов и неприкосновенности личности, расширение компетенции и избирательной базы органов земского и городского самоуправления, создание волостного земства, решение крестьянского, рабочего, вероисповедного и национального вопросов, установление свободы печати. Появление Указа сопровождалось ухудшением внешнеполитического положения России, вызванным поражениями в ходе русско-японской войны 1904–1905 гг., и обострением внутриполитического положения, в связи с чем усилилось либеральное движение. Так, 6–7 ноября 1904 г. в Петербурге заседал Общеземский съезд, выдвинувший программу реформ, которая подразумевала в т. ч. и введение народного представительства. Идя навстречу либеральному движению, П. Д. Святополк-Мирский представил Николаю II 24 ноября 1904 г. всеподданнейший доклад, основные положения которого совпадали с программой оппозиции, причем в докладе рекомендовалось ввести выборных в Государственный совет (Всеподданнейший доклад министра внутренних дел П. Д. Святополк-Мирского 24 ноября 1904 г. // Река времен: Кн. истории и культуры. Кн. 5. М., 1996). Этот доклад и стал непосредственной причиной появления Указа, воспроизводившего основные положения доклада. Для обсуждения доклада и способа осуществления предложенных в нем мер П. Д. Святополк-Мирский рекомендовал Николаю II созвать совещание министров и других высокопоставленных сановников, заседания которого проходили 2 и 8 декабря 1904 г. в Царском Селе под председательством Николая II. В ходе совещания С. Ю. Витте перехватил инициативу в проведении реформ у П. Д. Святополк-Мирского, поскольку составление Указа

было поручено не министру внутренних дел, а председателю Комитета министров. На совещании С. Ю. Витте выступил, также, против пункта о включении выборных в Государственный совет, признав, что остальные предложения П. Д. Святополк-Мирского «заслуживают полного внимания» (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 363). Более того, 11 декабря 1904 г., в присутствии своего единомышленника по данному вопросу, великого князя Сергея Александровича, С. Ю. Витте посоветовал императору вычеркнуть пункт о выборных, что он и сделал. Тем не менее, в остальном текст Указа, разбитого на восемь пунктов и поручавшего их выполнение Комитету министров, т. е. С.Ю. Витте, сохранился без изменений. Подробнее о подготовке Указа и его проведении см.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991; Власть и реформы; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время.

4. Решение о посылке на Дальний Восток 2-й Тихоокеанский эскадры, сформированной из кораблей Балтийского флота, было принято 11 августа 1904 г. на Особом совещании под председательством Николая II и уже 2 октября она вышла из Либавы. Сформировать 3-ю Тихоокеанскую эскадру царское правительство решило после падения Порт-Артура в декабре 1904 г. и гибели 1-й Тихоокеанской эскадры. 3-я эскадра вышла из Либавы 3 февраля 1905 г. Соединение 2-й и 3-й эскадр произошло 26 апреля (История русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1977. С. 324–332).

Глава 11

1. Демонстрации столичных рабочих 9 января 1905 г. были организованы созданным в феврале 1904 г. с разрешения МВД Собранием русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга во главе со священником Г. А. Гапоном, который пользовался поддержкой С. Ю. Витте. В мае 1905 г. А. В. Богданович отмечала: «всем известно, что Гапону протежировал Витте» (*Богданович А. В.* Три последних самодержца. С. 348). Демонстрациям предшествовала забастовка, начавшаяся 3 января 1905 г. и переросшая во всеобщую стачку. По инициативе Г. А. Гапона, действовавшего к этому времени в тесном контакте с лидерами революционных организаций, в частности — Партии социалистов-революционеров, рабочие решили прийти 9 января к Зимнему дворцу и представить Николаю II особую петицию. Петиция, которая, наряду с вполне легальными, содержала и явно революционные требования, предлагала царю «сейчас же призвать представителей Земли русской от всех классов», настаивая на том, чтобы «выборы в Учредительное собрание происходили при условии всеобщей, тайной и равной подачи голосов». Петиция требовала принять «меры против нищеты народной», под которыми подразумевались: передача земли народу и отмена выкупных платежей, дешевый кредит, замена косвенных налогов подоходным, исполнение военных заказов в России, а не за границей, прекращение русско-японской войны «по воле народа». «Меры против невежества и бесправия русского народа» предусматривали: немедленное провозглашение политической и религиозной амнистии, неприкосновенности личности, свободы слова, печати, собраний и совести, всеобщее и обязательное народное образование, ответственность министров перед народом, равенство всех перед законом, отделение церкви от государства. Наконец, под «мерами против гнета капитала над трудом» имелись в виду: отмена института фабричных инспекторов, учреждение при заводах и фабриках постоянных комиссий из выборных от рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы претензии рабочих и имели бы решающий голос при решении вопроса об их увольнении, немедленная свобода кооперативов и профсоюзов, 8-часовой рабочий день и нормировка сверхурочных работ, свобода борьбы труда с капиталом, установление нормальной рабочей платы и участие представителей пролетариата в выработке законопроектов о государственном страховании рабочих (Начало Первой русской революции. Январь–март 1905 г. М., 1955. С. 28–30). Накануне 9 января 1905 г., в отсут-

ствие Николая II, с 1904 г. постоянно жившего в Царском Селе, министры, причем как консервативные, так и либеральные (в т. ч. князь П. Д. Святополк-Мирский), решили арестовать Г. А. Гапона и не допускать шествия рабочих, применив, в случае необходимости, военную силу. Однако арестовать лидера Собрания фабрично-заводских рабочих не удалось, и демонстрации состоялись, причем при их разгоне войска употребили оружие, в результате чего, по официальным данным, были убиты 130 и ранены несколько сот человек. Хотя Николай II и Александра Федоровна назначили из личных средств 50 000 рублей на оказание помощи семьям пострадавших 9 января, «Кровавое воскресенье» привело к резкому усилению не только революционного, но и оппозиционного движения. См.: *Авенар Э.* Кровавое воскресенье. (9-е января 1905 г.). [Харьков], 1925; Первая русская революция в Петербурге 1905 г. М.; Л., 1925. Сб. 1, 2; Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг.: Сб. док. М., 1936; А. М. Горький и события 9 января 1905 г. в Петербурге // Исторический архив. 1955. № 1; *Ганелин Р. Ш.* 1) Канун «Кровавого воскресенья». Царские власти 6–8 января 1905 г. // Вопросы истории. 1980. № 1; 2) К истории текста петиции 9 января 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1983. Т. 14; 3) К предыстории «Кровавого воскресенья» // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: Межвуз. сб. Л., 1989.

2. Рескрипт Николая II А. Г. Булыгину появился 18 февраля 1905 г. Тем же числом был датирован манифест, в котором царь призвал своих подданных к объединению с властью для борьбы с революцией, и упоминаемый В. Б. Лопухиным императорский указ Сенату. Подробнее об этом см.: *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. С. 85–121.

3. Особое совещание под председательством С. Ю. Витте о нуждах сельскохозяйственной промышленности Николай II закрыл 30 марта 1905 г., в тот же день образовав Особое совещание по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством И. Л. Горемыкина, которое В. Б. Лопухин, вслед за воспоминаниями С. Ю. Витте, оценивает отрицательно. Между тем, оно было призвано подготовить решение вопросов, находившихся в центре внимания при проведении аграрной реформы П. А. Столыпина, что видно из рескрипта, данного царем И. Л. Горемыкину 30 марта 1905 г. В рескрипте деятельность Особого совещания напрямую связывалась с Указом 12 декабря 1904 г., в котором Николай II объявил, что «во главе забот <...> о благоденствии Российской державы» он полагает «мысль о наилучшем устройстве многочисленнейшего в России крестьянского сословия». Целью совещания царь поставил «непосредственное упрочение земельного строя крестьян, как главной основы народного благосостояния», причем повелевал «озаботиться выяснением практических путей к осуществлению намечаемой задачи при непременном условии охранения частного землевладения от всяких на него посягательств». Особое значение, по мнению Николая II, имели «меры к предоставлению крестьянам удобнейших, соответственно изменившимся хозяйственным условиям, способов пользования отведенными им надельными землями и к облегчению нуждающемуся в земле сельскому населению возможности переселения на предназначенные для сего земли или расширения своего землевладения при содействии Крестьянского банка», а также «заботы к завершению отграничения крестьянских наделов от земель прочих владельцев, дабы тем самым вящим образом утвердить в народном сознании убеждение в неприкосновенности всякой частной собственности» (Правительственный вестник. 1905. № 71). Руководимое И. Л. Горемыкиным Особое совещание существовало с 30 марта 1905 г. по 30 августа 1906 г. Членами совещания были: А. С. Брянчанинов, граф А. А. Голенищев-Кутузов, В. И. Гурко, барон Ю. А. Икскуль фон Гильденбандт, А. В. Кривошеин, Н. Н. Кутлер, барон В. В. Меллер-Закомельский, П. П. Семенов-Тян-Шанский, А. С. Стишинский, Н. Ф. Сухомлинов, В. Ф. Трепов, Д. А. Хомяков, П. Х. Шванебах и князь А. Г. Щербатов (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 58). Характерно, что в начале работы горемыкинского совещания С. Ю. Витте оценивал положительно его личный состав и особенно председателя. «В крестьянском совещании, — писал С. Ю. Витте 26 апреля 1905 г. К. П. Победоносцеву, — участвуют

люди различных мнений по этому предмету. Там такие крайние, как Стишинский, Гурко, Семенов, много людей знающих (Горемыкин), поэтому опасаться за крайности едва ли приходится» (Переписка Витте и Победоносцева (1895–1905 гг.). С. 109).

4. И. Л. Горемыкин являлся составителем следующих справочных пособий: Сборник решений Правительствующего сената по крестьянским делам. СПб., 1889; Свод узаконений и распоряжений правительства об устройстве сельского состояния и учреждений по крестьянским делам, с последовавшими по ним разъяснениями, содержащимися в решениях Правительствующего сената и в постановлениях и распоряжениях высших правительственных учреждений. Т. 1, 2. СПб., 1891 (данная книга выдержала пять изданий, последнее — в 1903 г.) (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 183).

5. Мнение В. Б. Лопухина, навеянное воспоминаниями С. Ю. Витте, о полной бесплодности работ Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения лишено оснований. Непосредственным итогом его деятельности стали последовавшие 6 мая 1905 г. учреждение Комитета по земельным делам и преобразование Министерства земледелия и государственных имуществ в Главное управление землеустройства и земледелия, которое впоследствии было главным инструментом при проведении аграрной реформы П. А. Столыпина. Кроме того, горемыкинское совещание выработало Наказ этому Главному управлению по вопросам крестьянского землевладения и инструкцию Крестьянскому поземельному банку об основаниях и порядке его деятельности.

6. Руководимая Н. В. Шидловским Особая комиссия для выяснения причин недовольства рабочих Петербурга и его пригородов и изыскания мер к устранению их в будущем просуществовала рекордно короткий срок — с 29 января по 20 февраля 1905 г. В комиссию, наряду с бюрократами и промышленниками, планировалось включить и выборных представителей от рабочих, в связи с чем она осуществляла руководство организацией и проведением выборов. Однако назначенные на 18 февраля 1905 г. окончательные выборы представителей от рабочих не состоялись в 7 из 9 выборных собраний, из-за чего деятельность комиссии была прекращена (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 57). Крах комиссии Н. В. Шидловского не прекратил попыток царского правительства по решению рабочего вопроса, предпринимавшихся в осуществление пункта 4 указа 12 декабря 1904 г., который подразумевал введение государственного страхования рабочих. Комитет министров под председательством С. Ю. Витте рассматривал рабочий вопрос на заседании 24 декабря 1904 г. Согласно положениям Комитета министров, утвержденным Николаем II 17 января и 20 февраля 1905 г., были образованы две комиссии: под председательством товарища министра финансов М. М. Федорова — для составления законопроекта о государственном страховании рабочих и под председательством министра финансов В. Н. Коковцова — для обсуждения мер по упорядочению быта и положения рабочих на промышленных предприятиях. Конкретно Комиссии В. Н. Коковцова поручалась разработка вопросов о создании профессиональных союзов, о сокращении рабочего дня, о разрешении стачек и забастовок, о медицинской помощи рабочим и «других вопросов, кои могут выясниться при обсуждении вышеозначенных мер» (Правительственный вестник. 1905. № 46). С образованием 27 октября 1905 г. Министерства торговли и промышленности рабочий вопрос перешел в ведение этого ведомства и стал разрабатываться в Особой комиссии под председательством министра торговли и промышленности В. И. Тимирязева. Законопроекты о страховании рабочих от несчастных случаев и об их обеспечении на случай болезни стали законами 23 июня 1912 г. См.: Рабочий вопрос в Комиссии В. Н. Коковцова в 1905 г. М., 1926; *Вовчик А. Ф.* Политика царизма по рабочему вопросу в предреволюционный период. (1895–1904 гг.). Львов, 1964; *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России; *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия в 1904–1914 гг.: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1987; Власть и реформы.

7. Информация этого абзаца дает основания считать, что всеобщую политическую стачку лидеры оппозиционного и революционного движения начали готовить, по мень-

шей мере, с мая 1905 г., между тем как в историографии точкой отсчета называется июль того же года (*Островский А. В.* Сентябрьские события 1905 г. в Москве // Политическая история России первой четверти XX века: Памяти проф. Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 136–138).

8. По просьбе Японии 26 мая 1905 г. президент США Т. Рузвельт обратился к воюющим сторонам с предложением собраться на конференцию для выяснения возможных условий примирения. Первой это предложение приняла Япония, а 30 мая — Россия.

9. Восстание на броненосце «Князь Потемкин-Таврический» происходило 14–24 июня, восстание же под руководством лейтенанта П. П. Шмидта — 13–16 ноября 1905 г.

10. Подробнее о роли С. Ю. Витте при подготовке мирного договора с Японией см.: *Игнатьев А. В.* С. Ю. Витте — дипломат. М., 1989. С. 218–238; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 189–203.

11. Увольнение великого князя Алексея Александровича с должности главного начальника флота и Морского ведомства произошло 2 июня 1905 г., в связи с чем 27 июня того же года он получил рескрипт от Николая II (*Кузьмин Ю. А.* Российская императорская фамилия. С. 105).

12. См. комментарий 23 к главе 1.

13. См. комментарий 10 к главе 1.

14. Портсмутский мирный договор был подписан 23 августа 1905 г.

15. Николай II сообщил С. Ю. Витте о награждении его графским титулом при встрече с ним, состоявшейся 16–17 сентября 1905 г. на императорской яхте, около шхер Бьорке. Вопреки мнению В. Б. Лопухина, Николай II, вспоминал С. Ю. Витте, его «искренно, сердечно благодарил» и сказал, что возводит собеседника в графское достоинство «в ознаменование столь великого события», им «так успешно завершенного». С. Ю. Витте «тронула» «такая экстраординарная награда» и «сердечность», с которой царь объявил об этой милости, а потому С. Ю. Витте его «весьма благодарил» и даже поцеловал ему руку (Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 727). В царском указе Сенату от 18 сентября 1905 г. говорилось, что С. Ю. Витте «возведен в графское Российской империи достоинство» «в воздаяние заслуг пред престолом и отечеством и отличного выполнения возложенного его императорским величеством поручения первостепенной государственной важности, а также в ознаменование особого его величества благоволения». Через неделю, 25 сентября 1905 г., С. Ю. Витте удостоился высочайшего рескрипта, в котором признавалось, что свою задачу в Портсмуте он исполнил «блистательно». Здесь Николай II объявлял, что пожаловал С. Ю. Витте графское достоинство, «высоко ценя» проявленные им «уменье и государственный опыт» и в воздаяние его «первостепенной, великой заслуги» перед отечеством. Рескрипт заканчивался фразой «Пребываю к вам неизменно благосклонный» и собственноручной припиской царя «и искренно благодарный Николай» (Дополнительный формулярный список о службе члена Государственного совета, статс-секретаря, действительного тайного советника графа Витте // *Витте С. Ю.* Собрание сочинений и документальных материалов. Т. 1. Кн. 1. М., 2002. С. 577, 578).

16. Впервые вопрос о необходимости введения подоходного налога был поднят в Государственном совете 10 марта 1905 г. при обсуждении представления министра финансов В. Н. Коковцова об увеличении налогов в связи с расходами на русско-японскую войну. Проект закона о введении подоходного налога рассматривался в мае 1905 г. в Комиссии при Министерстве финансов под председательством товарища министра финансов Н. Н. Кутлера, членами которой были А. И. Вышнеградский, П. П. Мигулин, И. Х. Озеров, Н. Н. Покровский, М. М. Федоров, Л. В. Ходский и др., главным образом бюрократы и ученые. В марте-апреле 1906 г. заседала Междуведомственная комиссия под председательством министра финансов И. П. Шипова, посвященная той же теме. Кроме того, И. П. Шипов возглавлял Совещание, обсуждавшее вопрос о коммерческой тайне при взимании подоходного налога. В конце мая — начале июня 1906 г. заседало Совещание под председательством директора Департамента окладных сборов Министерства финан-

сов Н. Н. Покровского, занимавшееся рассмотрением вопроса о сборе дополнительных сведений о доходах, подлежащих обложению подоходным налогом. Совет министров остановился на проблеме его введения во время заседания 24 октября 1906 г., признав целесообразность нового налога. Особый журнал Совета министров по данной проблеме Николай II утвердил 26 января 1907 г., и уже 23 февраля того же года министр финансов В. Н. Коковцов внес соответствующий законопроект во II Государственную думу. В дальнейшем этот законопроект рассматривался III и IV Думами, а затем, в феврале 1916 г., Государственным советом. Утверждение закона о введении подоходного налога царем последовало 4 апреля 1916 г. Подробнее о судьбе подоходного налога в России начала XX в. см.: *Беляев С. Г.* П. Л. Барк и финансовая политика России. 1914–1917 гг. СПб., 2002. С. 168–198. Текст закона «О государственном подоходном налоге» см.: *Столыпин П. А.* Программа реформ: Док. и материалы. Т. 1. М., 2003. С. 589–624.

17. Имеется в виду Октябрьская всероссийская политическая стачка, которая началась 6 октября с забастовки служащих и рабочих Московско-Казанской железной дороги. В ночь на 7 октября Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза, находившееся в Москве, призвало по телеграфу к забастовке все железные дороги. К 10 октября бастовали дороги Московского узла, поддержанные фабриками и заводами, причем руководство забастовкой осуществлял Московский стачечный комитет. В течение 10–12 октября стачка охватила Харьковский и Петербургский железнодорожные узлы. К 17 октября прекратили работу почти все железные дороги, телеграфные конторы, предприятия в крупных промышленных центрах, высшие и средние учебные заведения. В стачке участвовали не менее полутора миллионов рабочих и железнодорожников, 200 000 служащих государственных и общественных учреждений. В Петербурге, где фабрики и заводы стали бастовать с 12 октября, на следующий день возник Совет рабочих депутатов как орган, руководивший забастовкой. К 15 октября деловая жизнь столицы прекратилась. После издания Манифеста 17 октября Московский стачечный комитет и Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза призвали прекратить стачку, и 19 октября в Москве она пошла на убыль. Совет рабочих депутатов призвал к прекращению стачки 21 октября. Подробнее об этом см.: Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 года. Ч. 1. М.; Л., 1955; Совет министров Российской империи. 1905–1906 гг.: Док. и материалы. Л., 1990; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году; Власть и реформы.

18. Речь идет о Манифесте 17 октября 1905 г., в котором Николай II предписал Совету министров даровать населению политические свободы, наделить Государственную думу законодательными полномочиями и расширить избирательное право. Сам С. Ю. Витте утверждал, что, кроме него, к составлению текста опубликованного манифеста были причастны только помощник управляющего делами Комитета министров Н. И. Вуич и будущий обер-прокурор Синода князь А. Д. Оболенский. О подготовке Манифеста 17 октября см.: *Островский А. В., Сафонов М. М.* Манифест 17 октября 1905 г. // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1981. Т. 12; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году. С. 202–222.

19. В действительности Манифест 17 октября 1905 г. был опубликован именно в редакции С. Ю. Витте, однако в ходе его подготовки по повелению Николая II барон А. А. Будберг, при участии И. Л. Горемыкина и барона Ю. А. Икскуля-фон-Гильденбандта, 14–15 октября составил другой проект манифеста, причем более радикальный, чем виттевский. Действительно, в будберговском проекте говорилось о придании Думе законодательного характера, даровании свободы личности, веры, слова и собраний, всеобщего избирательного права, введении выборных представителей в Государственный совет, ответственности министров перед палатами и политической амнистии. По просьбе царя 15–16 октября А. А. Будберг, учитывая оба проекта, свой и С. Ю. Витте, подготовил новый проект манифеста, в котором объявлялось о даровании «права народного представительства», неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов и рас-

ширении избирательного права. Николай II одобрил этот новый проект, надеясь на согласие с ним С. Ю. Витте, но он его отверг, настояв на издании своего проекта. Подробнее об этом см.: 15–17 октября 1905 г. В царской резиденции: (Из записок А. А. Будберга) // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербург. науч. о-ва историков и архивистов. СПб., 1997. С. 391–412.

20. Военное положение в Царстве Польском было объявлено 31 октября, вторая всеобщая стачка, менее масштабная, чем первая, началась 2 ноября 1905 г.

21. См. комментарий 8 к главе 1.

22. На пост министра народного просвещения граф И. И. Толстой был назначен после того, как 12 лет являлся вице-президентом Академии художеств. Должность петербургского (петроградского) городского головы он занимал в 1913–1916 гг.

23. На самом деле государственным контролером в кабинете С. Ю. Витте был Д. А. Философов. П. Х. Шванебах занимал этот пост в кабинета И. Л. Горемыкина (апрель-июль 1906 г.) и П. А. Столыпина (до июня 1907 г.).

24. Совет рабочих депутатов в Петербурге был арестован 3 декабря 1905 г. после того, как накануне издал так называемый «финансовый манифест», в котором призывал население не платить налоги, требовать уплаты по всем сделкам золотом, изымать вклады из банков и сберегательных касс и не допускать уплаты по государственным займам. В ответ на арест Совет рабочих депутатов в Москве, федеративный комитет РСДРП и Комитет Партии социалистов-революционеров 4 декабря приняли решение о проведении третьей всеобщей стачки и переводе ее в вооруженное восстание. Стачка, руководимая Исполнительным комитетом московского Совета, началась 7 декабря в Москве, причем ее поддержали Всероссийский съезд почтово-телеграфных служащих и Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза. В стачке участвовали Московский узел, кроме Николаевской железной дороги, взятой под охрану правительством, и, полностью или частично, другие узлы. Московское вооруженное восстание вспыхнуло 9 декабря и через два дня достигло своей кульминации. Район Пресни полностью контролировался восставшими. Для подавления восстания 14 декабря в Москву были посланы Семеновский и Ладожский полки, с прибытием которых соотношение сил изменилось в пользу правительства. В результате 18 декабря прекратилось восстание, а 19 декабря — всеобщая стачка. В ходе подавления восстания, с 7 по 17 декабря, были убиты 548 и ранены около 1500 человек. Подробнее о Московском восстании см.: Московское вооруженное восстание по данным обвинительных актов и судебных протоколов. Вып. 1. М., 1906; Высший подъем революции 1905–1907 гг. Вооруженные восстания. Ноябрь–декабрь 1905 года. Ч. 1, 2. М., 1955; *Яковлев Н. Н.* Вооруженные восстания в декабре 1905 года. М., 1957; Власть и реформы; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время.

25. В декабре 1905 г. происходили заседания Особого совещания под председательством Николая II, которое обсуждало проекты избирательного закона. Реформа же Государственного совета рассматривалась Особым совещанием, также под председательством императора, в феврале 1906 г. По итогам этого совещания 20 февраля 1906 г. был издан Манифест «Об изменении Учреждения Государственного совета и о пересмотре Учреждения Государственной думы» и соответствующий Указ, согласно которым в Государственный совет вводились выборные члены, избиравшиеся от отдельных корпораций: духовенства Православной церкви, губернских земских собраний, дворянских обществ, торговли и промышленности, Академии наук и университетов.

26. Проект решения аграрного вопроса, разработанный под руководством Н. Н. Кутлера и предусматривавший принудительное отчуждение помещичьих земель, был готов к началу 1906 г. Придя к выводу о необходимости принудительного отчуждения, Н. Н. Кутлер, однако, понимал утопичность надежд на то, что при помощи него удастся удовлетворить земельный голод крестьян. По оценке Н. Н. Кутлера, даже такая «сравнительно скромная» задача, как доведение наделов всего крестьянского населения до норм Положений 19 февраля 1861 г., представлялась «практически неосуществимою», посколь-

ку во многих губерниях землевладение крестьян, имевших земли меньше, чем следовало бы по этим нормам, увеличилось бы в среднем на душу «на ничтожные доли десятины», составив «увеличение, за которым вовсе не может быть признано какого-либо существенного значения». Целью принудительного отчуждения Н. Н. Кутлер поэтому считал «отнюдь не всеобщее дополнительное наделение, а лишь устранение случаев особо резкого малоземелья». В основу исчисления размеров вознаграждения помещиков, недвижимость которых подлежала отчуждению, Н. Н. Кутлер предлагал положить принцип не рыночных цен, а справедливого вознаграждения по капитализации чистой рентной доходности отчуждаемых земель, исчисленной согласно арендным ценам при предпринимательской аренде либо чистой доходности земель данной местности при хозяйстве за счет владельцев (Аграрный вопрос в Совете министров (1906 г.). М.; Л., 1924. С. 42–44, 46–48). Проект Н. Н. Кутлера встретил сопротивление со стороны предводителей дворянства, чье мнение принял во внимание Николай II. Учитывая точку зрения царя, С. Ю. Витте, хотя и с оговорками, отказался от осуществления проекта, находя его «вредным не потому, что собственность священна, но потому, что для государства вредно уничтожение культурных хозяйств». Более того, С. Ю. Витте согласился на отставку Н. Н. Кутлера и представил Николаю II проект Манифеста, провозглашавшего недопустимость принудительного отчуждения, который, однако, царь не утвердил. (Царскосельские совещания: Протоколы секрет. совещ. в апр. 1906 г. под председательством бывшего императора по пересмотру основн. законов // Былое. 1917. № 4. С. 234; Аграрный вопрос в Совете министров. С. 147). О проекте Н. Н. Кутлера см. также: Власть и реформы; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время.

Глава 12

1. Послом России в Японии Н. А. Малевский-Малевич был назначен в 1908 г.

2. Со вступлением России в Первую мировую войну для предотвращения беспорядков во время сбора призывников и отправки их на фронт последовало временное запрещение продажи спиртных напитков. Согласно Особому журналу Совета министров от 9 августа 1914 г. «По вопросу о разрешении торговли спиртными напитками» с 16 августа разрешалась торговля только виноградными винами и денатурированным спиртом, «с соблюдением указанных в Особом журнале ограничений». Тем же порядком до 1 сентября 1914 г. продлевалось воспрещение продажи на вынос всех прочих крепких напитков. При подписании журнала министр внутренних дел Н. А. Маклаков заявил особое мнение. «Полагаю необходимым, — написал Маклаков, — закрыть винные лавки на все время военных действий, ясно и решительно объявив об этом решении во всеобщее сведение; думаю, нельзя делать этого периодическими возобновлениями отсрочки открытия лавок» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А. Н. Яхонтова: (Записи заседаний и переписка). СПб., 1999. С. 370). По результатам обсуждения вопроса о «сухом законе» 22 августа последовало повеление Николая II «О продлении воспрещения продажи спирта, вина и водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени». Через месяц, 27 сентября, царь утвердил Положение Совета министров «О сроках прекращения торговли крепкими напитками по ходатайствам о том сельских и городских общественных управлений» (Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 1. Пг., 1915. С. 170–171, 238–239). См. также: *Мак-Ки А.* Сухой закон в годы Первой мировой войны: причины, концепция и последствия введения сухого закона в России 1914–1917 гг. // Россия и Первая мировая война: (Материалы междунар. науч. коллоквиума). СПб., 1999.

3. Партия демократических реформ (ПДР) — политическая партия либеральной ориентации, образованная в ноябре 1905 г. в Петербурге по инициативе двух групп петербург-

ской интеллигенции, в первую из которых входили члены редколлегии журнала «Вестник Европы» (К. К. Арсеньев, В. Д. Кузьмин-Караваев, М. М. Стасюлевич), а во вторую — профессора Петербургского политехнического института (К. П. Боклевский, А. Г. Гусаков, И. И. Иванюков, А. П. Македонский, Н. А. Меншуткин, М. И. Носач, А. С. Посников). Органами ПДР были журнал «Вестник Европы» и газета «Страна», а ее лидером являлся М. М. Ковалевский. ПДР занимала место между Конституционно-демократической партией и Союзом 17 октября, претендуя на то, чтобы стать левым центром. Программа ПДР подразумевала установление парламентской системы управления, придание учредительного статуса Думе, введение всеобщего, тайного, прямого и равного голосования, принудительное отчуждение частновладельческих земель, обеспечение судебной защиты гражданских и политических прав, демократизацию местного самоуправления и, как ее первое условие, распространение земства на всю империю. По некоторым вопросам, в частности — по аграрному, программа ПДР сближала ее с народными социалистами. В марте 1906 г. Партия демократических реформ объединилась с Умеренно-прогрессивной партией под названием Партии народного благоденствия. К концу 1907 г. ПДР существовала только номинально. Ее отдельные члены в 1906 г. примкнули к Партии мирного обновления, а затем, в 1912 г. — к Партии прогрессистов. См.: Партии демократических реформ, мирного обновления, прогрессистов: Док. и материалы. 1906–1916 гг. М., 2002.

Партия мирного обновления — политическая партия либерального толка, образованная в ходе работы I Государственной думы (апрель-июль 1906 г.) на основе фракции мирного обновления при участии правых кадетов (Н. Н. Львов, князь Е. Н. Трубецкой), левых октябристов (граф П. А. Гейден, М. А. Стахович, Д. Н. Шипов), членов Партии демократических реформ и беспартийных. Программа Партии мирного обновления появилась в печати 18 июня 1906 г. Подобно Партии демократических реформ, Партия мирного обновления находилась между Конституционно-демократической партией и Союзом 17 октября. Официально декларируя свою близость к Партии демократических реформ, мирнообновленцы, в отличие от нее, выступали за введение прямого голосования только в городах и двухстепенных выборов — в остальных местностях. Они были сторонниками предоставления женщинам избирательного права, но лишь в местном самоуправлении, и признавали «необходимость двухпалатной системы народного представительства», при которой вторая палата избиралась бы органами местного самоуправления. Неофициальными органами Партии мирного обновления являлись газеты «Слово» и «Московский еженедельник». Мирнообновленцы пытались предотвратить роспуск I Думы, участвуя в переговорах с П. А. Столыпиным по поводу образования «общественно-бюрократического министерства», в котором им отводились три места, но это министерство образовать не удалось. Общество мирного обновления было зарегистрировано в октябре 1906 г., причем органами его управления стали общие собрания членов ЦК или местных комитетов. Тогда же в ЦК вошли представители делового мира Москвы — А. С. Вишняков, П. П. Рябушинский, С. И. Четвериков и др. В 1912 мирнообновленцы вошли в Партию прогрессистов. См.: *Шевырин В. М.* 1) Партия мирного обновления в избирательной кампании во II Государственную думу // Вестник Московского университета. Сер. История. 1972. № 5; 2) Мирнообновленцы: в поисках «третьей силы» // Политические исследования. 1993. № 4.

4. Союз 17 октября — политическая партия, названная в честь Манифеста 17 октября 1905 г. Находилась на правом фланге русского либерализма, занимая центральный сегмент политического спектра. Как политическое течение октябризм возник на земско-городских съездах 1904–1905 гг., проходивших в Москве. Его организационное оформление началось в конце октября 1905 г. и завершилось на Первом съезде Союза 17 октября, состоявшемся 8–12 декабря 1906 г. также в Москве. Во главе партии октябристов находился Центральный комитет, избиравшийся на съезде и руководимый председателем. К 1909 г. прошли три октябристских съезда. В 1906 г. в России действовали свыше 260 отделов Союза 17 октября, включая 23 примкнувшие к нему родственные по идеологии

местные политические организации, общей численностью около 80 000 человек. Основными печатными органами Союза являлись газеты «Слово» и «Голос Москвы», всего же их насчитывалось около 50. Первый вариант программы Союза был опубликован 9 ноября 1905 г. в газете «Слово». В отличие от более левой кадетской партии, партия октябристов, поддерживая полную и быструю реализацию либеральных реформ, провозглашенных в Манифесте 17 октября 1905 г., и превращение России в конституционную монархию, вместе с тем выступала против создания других автономий внутри России, кроме Великого княжества Финляндского, и «немедленного и безусловного разрешения еврейского вопроса». Основатели и лидеры октябристов — граф П. А. Гейден, А. И. Гучков, барон П. Л. Корф, М. В. Красовский, П. Е. Рейнбот, М. В. Родзянко, М. А. Стахович, Н. А. Хомяков, Д. Н. Шипов. В I и II Государственных думах октябристы составляли незначительное меньшинство, в III и IV, после изменения избирательного закона 3 июня 1907 г., — относительное большинство депутатов. К этому времени часть октябристов, в т. ч. П. А. Гейден, М. А. Стахович, Д. Н. Шипов, в знак протеста против карательной политики правительства перешли в Партию мирного обновления. В 1907–1909 гг. Союз 17 октября, поддерживая П. А. Столыпина, играл роль правительственной партии. В 1913 г. прежде единая фракция октябристов в IV Думе распалась на две фракции — октябристов, в которую вошли более левые члены Союза 17 октября, и земцев-октябристов, состоявшую из более правых членов Союза, причем формально он продолжал оставаться единым. После Февральской революции 1917 г. Союз 17 октября распался окончательно. См.: *Шелохаев В. В.* 1) Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987; 2) Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907–1914 гг. М., 1991; Партия «Союз 17 октября»: Протоколы съездов, конф. и заседаний ЦК: 1905–1915 гг. Т. 1, 2. М., 1996–2000.

5. Подготовленный А. Г. Булыгиным проект законосовещательной Думы рассматривался на заседаниях Совета министров под председательством Д. М. Сольского с 26 мая по 28 июня 1905 г. На этих заседаниях С. Ю. Витте выступил за предоставление активного и пассивного избирательного права рабочим и евреям и за лишение этого права офицеров, однако, в конечном итоге, прошло лишь его предложение, касавшееся евреев. Именно С. Ю. Витте выступил за увеличение среди выборных доли крестьян, о чем он умолчал в своих воспоминаниях. Однако, по сведениям В. И. Гурко, «в пространной речи» председатель Комитета министров говорил на совещании Д. М. Сольского про «обеспечение за представителями земельного крестьянства преобладающего большинства в Государственной думе». «В России, — заявил С. Ю. Витте, — земельное крестьянство составляет большинство населения страны, является основой всего народного строя и тем фундаментом, на котором зиждется все государственное здание; оно же представляет и наиболее надежный элемент в смысле охранения существующего порядка» (*Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого. С. 402). Мнение С. Ю. Витте явилось «руководящим критериумом» при обсуждении проекта А. Г. Булыгина Советом министров и впоследствии легло в основу избирательного закона, проводившего, согласно изданным 6 августа 1905 г. Положению о «булыгинской Думе» и избирательному закону, куриальную систему (землевладельцы, крестьяне, горожане) многоступенчатых выборов. Участвуя в подготовке Манифеста 17 октября 1905 г., С. Ю. Витте изменил свою позицию в смысле признания необходимости расширения круга выборных и даже введения всеобщего избирательного права (*Корелин А. П., Степанов С. А.* С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат. С. 434, 436). Манифест 17 октября одной из задач Совета министров провозгласил наделение избирательным правом категорий населения, которые ранее его не получали, т. е., прежде всего, рабочих, как особой курии. Вопрос об этом обсуждался на заседаниях кабинета С. Ю. Витте, происходивших в ноябре 1905 г. и рассматривавших проекты избирательного закона: один из них, правительственный, являлся расширенной модификацией булыгинского проекта, а другой, подготовленный общественными деятелями, проводил всеобщее избирательное право. Совет министров высказался за привлечение к выборам, помимо

рабочих, еще двух классов — лиц, арендующих более или менее значительные участки земли и управляющих имениями тех же размеров, а также за допущение в предварительный съезд землевладельцев лиц, владеющих землею в размерах не менее одной двадцатой части ценза, дающего прямой голос на съезде, и сохранение отдельного представительства в Думе от крестьян. Проекты избирательных законов обсуждались под председательством Николая II и при участии С. Ю. Витте в Особом совещании, заседавшем 5, 7 и 9 декабря 1905 г. В это время С. Ю. Витте считал «совершенно невозможным» одновременное дарование избирательного права рабочим и введение всеобщего избирательного права, находя, что если «исключить рабочих», то произойдет возвращение к прежней системе, и «прочной Думы не будет». С. Ю. Витте подчеркивал, что Манифестом 17 октября «уже предусмотрено некоторое расширение избирательного ценза». Вместе с тем, премьер осознавал опасные последствия выделения рабочих в особую курию, поскольку тем самым «государство как бы признает политическую силу рабочего класса, как государства в государстве». Прогноз С. Ю. Витте относительно судьбы нового избирательного закона отличался крайней пессимистичностью: он, указывал премьер, «не внесет успокоения не только в революционные кружки, но и среди умеренных элементов. Результаты, — резюмировал С. Ю. Витте, — будут плохие, но в какой интенсивности они проявятся — предвидеть, конечно, невозможно» (Царскосельские совещания: Протоколы секретного совещания под председательством бывшего императора по вопросу о расширении избирательного права // Былое. 1917. № 3. С. 249, 251, 252, 265). Тем не менее, избирательный закон был утвержден императором 11 декабря 1905 г. именно в редакции виттевского кабинета. Подробнее об этом см.: Совет министров Российской империи 1905–1906 гг.; *Ганелин Р. Ш.* Российское самодержавие в 1905 году; Власть и реформы; *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время.

6. Прием Николаем II депутатов I Государственной думы состоялся не в мае, а 27 апреля 1906 г.

7. Впервые вопрос о лишении придворного отличия за политические взгляды был возбужден в конце 1904 г., когда Николай II, решив исключить из числа придворных камер-юнкера А. А. Муханова, «соизволил признать, что вообще лица, состоящие в придворных чинах или носящие придворные звания, замеченные в участии в недозволенных обществах, в произнесении публичных речей, осуждающих существующий государственный строй, и в подписи по сему предмету адресов, статей, телеграмм и т. п., должны быть исключены из придворных списков, как проявившие начинания, совершенно не соответствующие их положению». Это высочайшее повеление и явилось основанием для снятия с В. Д. Набокова камер-юнкерского мундира, непосредственной причиной чего стали следующие события. Присутствуя, в качестве гласного Петербургской городской думы, на состоявшемся 6 января 1905 г. обеде у городского головы П. И. Лелянова при провозглашении тоста «За здравие государя императора!» В. Д. Набоков оказался в числе нескольких лиц, которые «не пожелали присоединиться к означенному тосту и не встали». Тогда же он отказался от подписи общей верноподданнической телеграммы, заявив, что «если бы он знал, что будет не на частном обеде, а на политической манифестации, то вовсе бы сюда не приехал». На заседании Петербургской городской думы 12 января В. Д. Набоков пытался прочесть заявление от имени 16 гласных с выражением «глубокого негодования по поводу жестоких мер против рабочих», т. е. «Кровавого воскресенья». Решение о лишении В. Д. Набокова звания камер-юнкера Николай II принял уже 20 января (РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (229/2846). Д. 10. Л. 11–11 об., 13. Письмо Д. Ф. Трепова В. Б. Фредериксу, 15 января 1905 г., и всеподданнейший доклад В. Б. Фредерикса, 20 января 1905 г.). Кроме Набокова, в 1905–1907 гг. из придворного штата были исключены А. Н. Брянчанинов, В. Н. Вырубов, князь П. Д. Долгоруков, князь Ф. Э. Друцкой-Любецкий, граф М. С. Замойский, П. И. Зыков, барон С. А. Корф, граф А. Д. Нессельроде, П. П. Сабуров, А. А. Стахович, В. В. Скаржинский и Н. Н. Тучков. Хотя большинство из перечисленных лиц имели лишь низшее придворное звание — камер-юнкера, чины же двора среди

них отсутствовали, данное обстоятельство отнюдь не умаляло беспрецедентного размаха, характеризовавшего применение в 1905–1907 гг. исключения из придворного штата в качестве средства политической борьбы — ведь, по свидетельству графа В. Б. Фредерикса, «в прежнее время лишения придворного звания представляли собою редкие единичные явления» (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор. С. 75).

8. В данном случае снова налицо влияние на В. Б. Лопухина воспоминаний С. Ю. Витте, поскольку именно он употреблял ту же самую французскую фразу, характеризуя И. Л. Горемыкина. Ср.: Из архива С. Ю. Витте. Т. 2. С. 35.

9. При замене, в апреле 1906 г., кабинета С. Ю. Витте кабинетом И. Л. Горемыкина П. Х. Шванебах не остался государственным контролером, а был назначен на этот пост.

10. Кабинет И. Л. Горемыкина действительно внес в I Государственную думу законопроект об отпуске 40 029 рублей 49 копеек на перестройку оранжереи и сооружение прачечной при Юрьевском университете. Но помимо законопроектов, посвященных мелким вопросам, правительство представило ей законопроекты, подразумевавшие проведение крупных либеральных преобразований, в частности — о земельных обществах, владеющих надельными землями, об актах на эти земли, о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих промышленных и технических заведений Министерства финансов, о преобразовании местного суда, об изменении порядка производства дел по взысканию вознаграждения за вред и убытки, причиненные должностными лицами, и об изменении порядка производства дел по преступным деяниям по службе (*Куликов С. В.* Государственная дума Российской империи: политическое измерение ораторских ристаний (1906–1907) // Ораторы России в Государственной думе. СПб., 2004. Т. 1. С. 12).

11. Открывая I Государственную думу 27 апреля 1906 г., Николай II в присутствии ее депутатов, членов Государственного совета, сенаторов и придворных произнес в Тронном зале Зимнего дворца речь, суть которой состояла в призыве «к содействию в законодательной работе». Кроме того, царь отметил, что «для благоденствия государства необходима не одна свобода, необходим порядок на основе права» (Полное собрание речей императора Николая II. С. 74–75). В ответ на речь Николая II думцы под руководством кадетов, ориентировавшихся на трудовиков и социал-демократов, выработали и 5 мая 1906 г. приняли адрес — обращение Думы к императору. Содержавшиеся в адресе требования политической амнистии, введения парламентаризма и упразднения Государственного совета противоречили только что введенной конституции — Основным законам. Таким образом, не только фактически, но и формально адрес призывал к государственному перевороту. Текст адреса см.: Государственная дума. 1906–1917: Стеногр. отчеты. Т. 1. С. 59–62.

12. В действительности декларация правительства, зачитанная И. Л. Горемыкиным, была двойственной по содержанию, причем ее реформаторская часть явно перевешивала реакционную. Правительство, в лице премьера, выразило готовность «оказать полное содействие разработке тех вопросов, возбужденных Государственной Думой, которые не выходят из пределов предоставленного ей законодательного почина». Содействие своего правительства И. Л. Горемыкин обещал по вопросу об изменении избирательного права, хотя, отметил он, кабинет «не считает этого вопроса подлежащим немедленному обсуждению, так как Государственная Дума только еще приступает к своей законодательной деятельности, а потому и не успела выясниться потребность в изменении способа ее составления». И. Л. Горемыкин заявил, что Совет министров «с особливым вниманием» относится к возбужденным Думой вопросам о «незамедлительном удовлетворении насущных нужд сельского населения» и издании закона о крестьянском равноправии, об удовлетворении пожеланий рабочего класса, о выработке закона о всеобщем начальном образовании, о введении подоходного налога и о преобразовании местного управления и самоуправления. И. Л. Горемыкин заверил депутатов, что «не меньшее значение» правительство придаст и поднятому Думой вопросу об издании законов, обеспечивающих неприкосновенность личности, свободу совести, слова, печати, собраний и союзов. Кро-

ме того, И. Л. Горемыкин пообещал, что Совет министров внесет на рассмотрение Думы законопроекты о новых исключительных законах, о преобразовании средней школы на основе расширения общественного и частного почина, и высших учебных заведений, в смысле дарования им автономии, о реформе местного суда, об изменении правил относительно гражданской и уголовной ответственности должностных лиц, о пересмотре Положения о пошлинах с наследства и некоторых видов косвенных налогов, о крепостных пошлинах, о Паспортном уставе и отмене паспортов и видов на жительство. Только предложенное думцами решение аграрного вопроса путем принудительного отчуждения частной собственности было, по мнению И. Л. Горемыкина, «безусловно недопустимо». Включенные в адрес Думы предположения об ответственности министров перед народным представительством, упразднении Государственного совета и расширении компетенции Думы И. Л. Горемыкин отвел под предлогом того, что «они касаются коренного изменения Основных государственных законов, не подлежащих по силе оных пересмотру по почину Государственной Думы». По мнению премьера, Дума не имела права и поднимать вопрос о политической амнистии, поскольку по Основным законам она была прерогативой монарха. Впрочем, И. Л. Горемыкин сообщил, что в отношении лиц, лишенных свободы в административном порядке, Совет министров принял меры к пересмотру соответствующих постановлений для освобождения «всех тех лиц, предоставление коим свободы не угрожает общественной безопасности». Таким образом, декларация И. Л. Горемыкина имела ярко выраженный консервативно-либеральный характер. Полный текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 1. С. 100–107.

13. Эскалации конфликта между кабинетом И. Л. Горемыкина и нижней палатой способствовало выдвижение думцами вопроса о принудительном отчуждении частной собственности, прежде всего — помещичьих земель. Кадеты выступили за частичное, а трудовики — за полное отчуждение. Между тем, император и правительство были противниками и того, и другого. Мнение Николая II и кабинета И. Л. Горемыкина относительно разрешения аграрного вопроса выразило правительственное сообщение, опубликованное 20 июня 1906 г. и настаивавшее на недопустимости принудительного отчуждения. В ответ на это в начале июля кадеты поддержали идею обращения Думы к населению с разъяснением по аграрному вопросу. В обращении, опубликованном 6 июля, снова говорилось о необходимости принудительного отчуждения, вследствие чего Николай II подписал 9 июля Манифест о роспуске I Думы. Подробнее об этом см.: *Тютюкин С. В.* Июльский политический кризис 1906 г. в России. М., 1991. С. 38–59; *Куликов С. В.* Государственная дума Российской империи. С. 12–13.

14. В 1896–1905 гг. Д. Ф. Трепов занимал только пост московского обер-полицмейстера. Дворцовый комендант Трепов и его единомышленники, по свидетельству П. Н. Милюкова, «говорили и думали» «очень серьезно» о введении парламентаризма путем образования чисто кадетского кабинета (*Милюков П. Н.* Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 383). В связи с этим Трепов, с ведома Николая II, в июне 1905 г. вел переговоры с П. Н. Милюковым. П. А. Столыпин, будучи противником образования парламентарного кабинета, выступал за формирование коалиционного общественно-бюрократического министерства, «Министерства общественного доверия», куда предполагалось включить и депутатов Думы. Министр внутренних дел вместе с министром иностранных дел А. П. Извольским, также с ведома царя, параллельно с Треповым контактировали с теми лидерами оппозиции, которые могли бы войти в такое министерство. По наблюдениям Извольского, даже 25 июня Николай II был «расположен к соглашению с Думой» (*Извольский А. П.* Воспоминания. М., 1989. С. 121). Благоприятное отношение царя к компромиссу с оппозицией существовало до 5 июля, но с этого дня «положение изменилось». Милюков признавал, что поводы для разрыва дали не министры, а кадеты, причем «на почве самого конфликтного из вопросов, вопроса аграрного» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 393, 394–395). Действительно, именно в начале июля кадеты одобрили идею обращения Думы к населению с разъяснением по аграрному вопросу. Подробнее о переговорах Трепова и мини-

стров с общественными деятелями см.: *Старцев В. И.* Русская буржуазия и самодержавие в 1905–1917 гг. С. 52–109.

15. П. Н. Милюков не попал в I Государственную думу, поскольку правительство, вспоминал он, «кассировало мой квартирный ценз, который я пытался себе устроить» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 365).

16. В июне 1906 г. А. С. Ермолов вел переговоры со своим кузеном А. П. Извольским, который отмечал, что А. С. Ермолов «был связан с умеренными либералами в Государственном совете» и в это время «являлся лидером этой партии в верхней палате». Переговоры А. П. Извольского с общественными деятелями из числа членов Государственного совета происходили именно в доме А. С. Ермолова (*Извольский А. П.* Воспоминания. С. 123).

17. Данный абзац свидетельствует о знакомстве В. Б. Лопухина с мемуарами А. П. Извольского, который поведение Д. Ф. Трепова в июне 1906 г. объяснял аналогичным образом. Ср.: *Извольский А. П.* Воспоминания. С. 138.

18. См. комментарий 18 к главе 1.

19. Свеаборгское восстание происходило 17–20 июля, Кронштадтское — 19–20 июля, взрыв на даче П. А. Столыпина относится к 12 августа 1906 г.

20. Законопроект о реформе налога с городских недвижимых имуществ был внесен министром финансов В. Н. Коковцовым во II Государственную думу 22 февраля 1907 г., а после ее роспуска — в III Думу. В марте 1910 г. законопроект получил одобрение Государственного совета и 6 июня того же года удостоился царского утверждения. Текст закона «О государственном налоге с недвижимых имуществ в городах, посадах и местечках, за исключением посадов губерний Царства Польского» см.: *Столыпин П. А.* Программа реформ. Т. 1. С. 577–589.

21. Н. А. Маклакову протежировала помещица Тамбовской губернии статс-дама А. Н. Нарышкина — родная сестра Б. Н. Чичерина.

22. Назначение Н. Н. Покровского товарищем министра финансов произошло 9 июля 1906 г. См.: *Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 529.

23. Имеется в виду международный заем, предоставленный России Австро-Венгрией, Англией, Голландией и Францией, а также русскими банками, в апреле 1906 г. Заем давался под 5%, равнялся сумме в 2250 миллионов франков и стал самым большим за всю предыдущую историю займов. См. о нем: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 312–334.

24. Алжезирасская конференция была созвана по инициативе Германии и проходила с 15 января по 7 апреля 1906 г. Цель конференции состояла в урегулировании отношений Германии и Франции в марокканском вопросе. Германия надеялась добиться, при поддержке России, усиления своего влияния в Марокко и предотвратить переход этой страны под протекторат Франции. В конференции участвовали представители 13 держав. Россия не поддержала притязания Германии, встав на сторону Франции, поскольку именно она была организатором международного займа 1906 г., который обрел реальные очертания только после того, как на конференции наметилось торжество Франции (*Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал. 1897–1914: Очерки истории финансовых отношений. Л., 1970. С. 71–173).

25. Бьоркский договор был подписан Вильгельмом II и Николаем II 11 июля 1905 г. В историографии, вслед за воспоминаниями С. Ю. Витте, принято расценивать этот договор как досадную оплошность Николая II, между тем как германский канцлер князь Б. фон Бюлов расценил Бьорке как оплошность Вильгельма II и едва ли не победу царя. Когда при ознакомлении с текстом договора, действие которого было ограничено Европой, Б. фон Бюлов натолкнулся на появившиеся по инициативе Николая II слова «en Europe», то канцлер, согласно его воспоминаниям, «тотчас же понял, что благодаря этому ограничению договор терял для нас большую часть своего значения, так как Россия не могла в Европе сослужить нам никакой службы против Англии; только если бы она могла угрожать Индии, англичане были бы поражены в чувствительное для них место». Более

того, ошибка, допущенная Вильгельмом II при подписании Бьоркского договора, была, по мнению Б. фон Бюлова, столь велика, что канцлер просил германского императора об отставке (*Бюлов Б.* Воспоминания. М.; Л., 1935. С. 303, 304, 305). О Бьоркском договоре см.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России в 1905–1907 гг. М., 1986. С. 25–27; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. С. 183–184.

26. Имеется в виду Антанта — союз Англии, России и Франции, нацеленный против Тройственного союза, в который входили Австро-Венгрия, Германия и Италия. Окончательное оформление Антанты произошло в 1907 г. Подробнее об этом см.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России. С. 107–221.

27. Ср.: *Извольский А. П.* Воспоминания. С. 58.

28. Здесь имеется в виду, прежде всего, барон Р. Р. Розен, который в 1912 г. изложил свои взгляды в особой записке, которая мотивировала необходимость переориентации внешней политики России с Англии на Германию. Предпосылку переориентации Розен видел в отказе царского правительства от славянофильства и панславизма. «Россия не нуждается в славянстве» и «славянство не нуждается в России», полагал барон, а потому «не может быть и речи о единении славянства под главенством России». Призывая «отречься от поклонения фетишу великой славянской идеи» и рассматривать отношения России с Австро-Венгрией «под совершенно иным углом зрения», Розен приходил к выводу, что «вся цель нашей политики может заключаться только в том, чтобы поддерживать и укреплять возможно более дружественные с ней отношения, не менее важные, чем такие же отношения с Германиею». Барон полагал необходимым отречься не только от славянофильства и панславизма, но и от мысли, согласно которой Константинополь и проливы являются «ключом от нашего дома». Признавая существенный интерес России в том, чтобы «проливы всегда, и в мирное, и в военное время, оставались свободными для торгового мореплавания», Розен, однако, считал, что достигнуть этого можно не присоединением Босфора и Дарданелл к России, а «лишь путем нейтрализации их, наподобие нейтрализации Суэцкого канала, под гарантиею всех великих держав». С учетом изложенной точки зрения, подчеркивал барон, участие России в Антанте не соответствовало «истинным интересам России», тем более, что «равновесие сил, создавшееся вследствие заключения франко-русского союза, является действительною угрозою миру, а отнюдь не предохранением от опасности его нарушения». Антигерманская политика, считал Розен, абсолютно неприемлема еще и потому, что столкновение с Германией в случае победоносного исхода для царизма «не может дать России ничего, в случае же поражения грозит ей потерею ее западных окраин, иначе сказать, расчленением Империи». Партнерство же России и Германии «обеспечивало бы за ними сообща “гегемонию” на обоих материках и должно бы было, казалось, быть одинаково желательным и для России». Вообще, писал Розен, «интересам всех континентальных держав, и в том числе Франции не менее, чем Германии, скорее соответствовало бы соединенными силами составить противовес английскому господству над морями». Поскольку избегать войны России и Германии «требуют самые существенные интересы наши», ее, по мысли Розена, могли желать «одни лишь внутренние враги России, в надежде на погром нашего военного могущества, мечтающие о низвержении существующего строя и расчленении Империи» (*Розен Р. Р.* Европейская политика России. Пг., 1917. С. 6, 9, 10, 12, 13, 16, 19, 21, 22, 25, 27). Подробнее о взглядах и деятельности барона см.: *Rosen R. R.* Forty years of diplomacy. Vol. 1, 2. New York, 1922.

29. Речь идет об инциденте, случившемся в ночь на 9 (22) октября 1904 г. в районе Доггер-Банки, в Северном море, со 2-й Тихоокеанской эскадрой, которая совершала переход из Либавы на Дальний Восток. Русские миноносцы обстреляли корабли Гулльского английского рыболовного общества, приняв их за японские суда, поскольку накануне командующий эскадрой З. П. Рожественский получил разведданные о том, что японский флот собирается напасть на него в Северном море. Подробнее о расследовании этого инцидента см.: *Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагич. судьбе предреволюц. России (1900–1917). М., 2007. С. 49–79.

30. Вероятно, имеется в виду ситуация, возникшая вследствие Октябрьской всероссийской политической стачки 1905 г. Представители европейских банков во главе с французским банкиром Э. Нецлином приехали 7 октября в Петербург для выработки условий международного займа России. Однако под влияниям стачки они отказались от ведения переговоров и неожиданно покинули столицу империи (*Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 312–313).

31. Подразумевается русско-германский торговый договор 1904 г., оказавшийся менее выгодным, чем аналогичный договор 1893 г.

32. Столыпинскую аграрную реформу составили следующие, последовательно изданные, акты: высочайшее повеление 12 августа 1906 г. о передаче части удельных земель Крестьянскому банку, указ 27 августа 1906 г. о предназначении казенных земель к продаже для расширения крестьянского землевладения, высочайше утвержденное 30 августа 1906 г. положение Совета министров о предоставлении Крестьянскому поземельному банку при производстве операций по землям, заложенным в Особом отделе Дворянского земельного банка, принимать на себя долги этому банку, указ 19 сентября 1906 г. о передаче кабинетских земель в Алтайском округе в распоряжение Главного управления землеустройства и земледелия для образования переселенческих участков, указ 5 октября 1906 г. об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний, указ 14 октября 1906 г. о понижении платежей заемщиков Крестьянского поземельного банка и об изменении условий выпуска государственных свидетельств этого банка, высочайше утвержденное 21 октября 1906 г. положение Совета министров о разрешении владельцам заповедных, временно-заповедных, майоратных, ленных и подуховных имений отчуждать крестьянам участки из состава принадлежащих им имений, указ 9 ноября 1906 г. о дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования, и указ 15 ноября 1906 г. о выдаче Крестьянским поземельным банком ссуд под залог надельных земель. Указ 9 ноября 1906 г. после прохождения через III Государственную думу и Государственный совет, которые внесли в него некоторые изменения и дополнения, и утверждения 14 июня 1910 г. Николаем II стал законом «Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении». Текст этого закона см.: *Столыпин П. А.* Программа реформ. Т. 1. С. 423–434.

Глава 13

1. II Государственная дума начала свою работу 20 февраля 1907 г.

2. Судьбу II Думы решило дело депутатов ее Социал-демократической фракции. Участники состоявшегося 29 апреля 1907 г. собрания Военной организации РСДРП, занимавшейся подготовкой вооруженного восстания, приняли решение о выработке от имени революционно настроенных солдат наказа социал-демократическим депутатам. Департамент полиции узнал об этом от секретаря Военной организации Е. Н. Шорниковой, которая была секретной сотрудницей Петербургского охранного отделения. Полиция арестовала членов Военной организации 4 мая, на квартире члена Социал-демократической фракции И. П. Озоля. Конечно, в действиях полиции имелся элемент провокации. Однако поводы для нее дали сами социал-демократы. «Провокаторам и шпионам, — признавал П. Н. Милюков, — нетрудно было найти в тактике социалистов криминал, против которого спорить было невозможно» (*Милюков П. Н.* Воспоминания. Т. 1. С. 429). При всей значимости наказа как вещественного доказательства, подчеркивал В. Н. Коковцов, обвинение против участников организации и социал-демократических депутатов базировалось не только на нем (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого: Воспоминания. 1903–1919 гг. М., 1992. Т. 1. С. 235). Отрицательная реакция думского большинства на требование Со-

вета министров о немедленном снятии с членов Социал-демократической фракции депутатской неприкосновенности дало правительству повод для роспуска Думы. Параллельно с подготовкой роспуска в первых числах мая 1907 г. с одобрения Николая II начались конспиративные совещания министров, посвященные обсуждению проектов нового избирательного закона. После долгих дебатов была принята куриальная схема выборов, разработанная товарищем министра внутренних дел С. Е. Крыжановским и в шутку названная сановниками «бесстыжей». Манифестом 3 июня 1907 г., в составлении которого принял участие П. А. Столыпин, Николай II распустил Думу и изменил выборный закон без участия народного представительства, что являлось нарушением Основных законов 1906 г. и, тем самым, государственным переворотом. См. об этом: *Куликов С. В.* Государственная дума Российской империи. С. 16–18.

3. Имеется в виду конвенция России и Англии, подписанная в Петербурге 18 августа 1907 г. и приведшая к урегулированию их отношений в Персии, Афганистане и Тибете. См. об этом: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России. С. 131–138, 181–195.

4. Подробнее о значении тибетского вопроса при заключении англо-русского соглашения 1907 г. см.: *Кулешов Н. С.* Россия и Тибет. М., 1992. С. 118–133.

Глава 14

1. «Русь» — политическая газета, выходившая два раза в месяц в Москве с 15 ноября 1880 по 1 марта 1886 г. Ее издателем-редактором был И. С. Аксаков, в 1886 г., после его смерти, — Д. Ф. Самарин. Являлась органом поздних славянофилов.

2. Имеется в виду проходивший в Берлине с 13 июня по 13 июля 1878 г. конгресс представителей Австро-Венгрии, Англии, Германии, Италии, России, Турции и Франции. На конгрессе под давлением главным образом Англии Россия была вынуждена согласиться на невыгодную для нее ревизию Сан-Стефанского прелиминарного мирного договора, завершившего русско-турецкую войну 1877–1878 гг.

3. Встреча в Бухлау (Моравия) министров иностранных дел России и Австро-Венгрии А. П. Извольского и А. фон Эренталя состоялась 3 (15) сентября 1908 г., причем последний играл роль хозяина, поскольку встреча происходила в его замке. Во время нее речь шла о уже предрешенной аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины, которые формально принадлежали Турции, а фактически, по решению Берлинского конгресса 1878 г., были оккупированы Австро-Венргией. А. фон Эренталь согласился по совершении аннексии оформить ее на международной конференции, о самой же аннексии заранее предупредить А. П. Извольского, который получил от собеседника, в качестве компенсации, обещание, что постановка Россией вопроса об отмене запрета на проход через Босфор и Дарданеллы ее военных судов встретит «дружественное и благожелательное отношение» Вены. Министры договорились также, что аннексия произойдет не ранее оформления позиций сторон соответствующими документами, однако А. фон Эренталь нарушил это джентльменское соглашение. Подробнее о свидании в Бухлау см.: История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. С. 233–237.

4. Аннексия Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией произошла 24 сентября (7 октября) 1908 г., провозглашение же Болгарии независимым государством (царством) — двумя днями ранее. До этого, по решению Берлинского конгресса 1878 г., Болгария формально считалась княжеством, находящимся в вассальной зависимости от Турции.

5. Как вспоминал А. Ф. Редигер, вопрос об отношении России к аннексии Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией по повелению Николая II «обсуждался на дипломатическом совещании», а затем, 6 марта 1909 г., в Совете министров под председательством императора. «На совещании, — отмечал А. Ф. Редигер, — дебатов не было, так как я категорически заявил, что мы к войне не готовы и воевать не можем. Поэтому совещание,

а затем и Совет министров единогласно постановили признать аннексию без каких-либо возражений, и государь с этим согласился» (*Редигер А. Ф.* История моей жизни: Воспоминания воен. министра. М., 1999. Т. 2. С. 277).

6. Здесь, видимо, имеется в виду письменный обмен мнениями, состоявшийся между руководителями дипломатических ведомств Англии, России и Франции в феврале 1909 г. 26–27 марта (8–9 апреля) того же года европейские державы, подписавшие Берлинский трактат 1878 г., в т. ч. и Россия, особыми нотами сообщили Австро-Венгрии о своем согласии на отмену статьи 25 этого трактата, запрещавшей ей аннексию Боснии и Герцеговины.

7. Визит А. П. Извольского в Англию был частью большого дипломатического турне министра иностранных дел и длился с 13 (26) сентября по 1 (14) октября 1908 г.

8. III Государственная дума открылась не в 1908 г., а 1 ноября 1907 г. А. П. Извольский выступил в ней 12 декабря 1908 г. Текст его речи, а также вызванных ею выступлений думцев см.: Государственная дума: Стеногр. отчеты. III созыв. 1908 г. Сес. 2. Ч. I. СПб., 1908. Стлб. 2613–2704.

9. А. Ф. Керенский являлся депутатом не III, а IV Государственной думы.

10. Реформа центральных учреждений МИД являлась одним из главных пунктов программы А. П. Извольского как министра иностранных дел. Уже в 1906 г., через несколько месяцев после получения им этого поста, в МИД была образована Комиссия по подготовке проекта реорганизации министерства во главе с товарищем министра иностранных дел К. А. Губастовым, которого в 1907 г. сменил Н. В. Чарыков. Направление деятельности комиссии определяли «Вопросные пункты», составленные самим А. П. Извольским и его ближайшими сотрудниками. Тогда же при участии барона М. А. Таубе был разработан проект исправления «Учреждения Министерства иностранных дел», находившегося в Своде законов Российской империи. Этот проект предусматривал реформирование центральных учреждений на основе регионального принципа, создание юридического отдела и отдела печати. Комиссия Чарыкова закончила свою работу в начале 1910 г., после чего подготовленный ею законопроект о преобразовании штатов МИД обсуждался Советом министров, который в марте 1910 г. внес его в III Государственную думу. Однако только в 1914 г. данный законопроект был одобрен уже IV Думой и 14 июля того же года утвержден Николаем II. В результате этой реформы центральный аппарат МИД стал состоять из следующих учреждений: объединенные канцелярия (ведала перепиской министра, подготовкой его всеподданнейших докладов, отправкой и приемом дипкурьеров и выдачей загранпаспортов) и 1-й политический отдел (западно- и центральноевропейские государства, Америка и Африка, кроме Абиссинии и Египта, а также шифровальное отделение и литография), 2-й (ближневосточный), 3-й (среднеазиатский) и 4-й (дальневосточный) политические отделы, 1-й (кадровые и хозяйственные вопросы) и 2-й (консульские и юридические дела) департаменты, Юрисконсультская часть, отдел печати и архивы (два в Петербурге и один — в Москве). Подробнее о реформе центрального аппарата МИД см.: *Bolsover G. H.* Isvolsky and reform of the Russian Ministry of foreign affairs // The Slavonic and East European Review. 1985. Vol. 63. № 1; *Игнатьев А. В.* Внешняя политика России. С. 114–115; История внешней политики России. Конец XIX — начало XX в. С. 85–87; Очерки истории Министерства иностранных дел России. М., 2002. Т. 1. С. 537–547; Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 9–13. Одновременно с вопросом о реорганизации центральных учреждений МИД был поднят и вопрос о реформе его заграничных установлений, до 1917 г. так и не решенный. См. об этом: Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 1. С. 548–552.

11. Ю. Я. Соловьев подтверждал, что он участвовал в «Междуведомственной комиссии по преобразованию нашего министерства». Он подготовил проект, согласно которому были установлены новые кадры Бюро печати (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 216).

12. В начале XX в. в состав Туркестанского края (Туркестанского генерал-губернаторства), находившегося в ведении не гражданских властей, а Военного министерства,

входили Закаспийская, Самаркандская, Семиреченская, Сырдарьинская и Ферганская области, которые управлялись на основании трех положений, в связи с чем и возникла проблема установления единообразия в управлении этим краем. В 1905 г. заседавшая в Ташкенте специальная комиссия разработала проект Общего туркестанского положения. Особый журнал Совета министров, утвержденный Николаем II 30 июля 1907 г., уполномочил военного министра А. Ф. Редигера образовать для рассмотрения проекта Туркестанского положения Особое межведомственное совещание под председательством К. А. Нестеровского, назначив срок в два года на переработку проекта и представление его кабинету. В целях более полного освещения ситуации в Туркестанском крае и внесения в совещание дополнительных материалов 8 марта 1908 г. царь поручил члену Правительствующего сената графу К. К. Палену провести ревизию края, а Особый журнал Совета министров, утвержденный Николаем II 24 марта 1909 г., приостановил работу комиссии Нестеровского «до выяснения результатов ревизии». Однако по окончании ревизии 14 ноября 1910 г. император повелел рассмотреть ее результаты Совету министров, который для подготовки преобразования управления Туркестаном предложил образовать Особое совещание, на что 29 декабря 1910 г. последовало согласие монарха. Председателем Особого совещания стал государственный контролер П. А. Харитонов, под руководством которого к ноябрю 1912 г. оно и разработало соответствующие законопроекты (*Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. С. 848–863; Особые журналы Совета министров... 1912 год. М., 2004. С. 353–354).

13. Вопрос о введении городского самоуправления в Царстве Польском приобрел особое значение по инициативе П. А. Столыпина. Проект Городового положения для Польши, разработанный в Межведомственном совещании под председательством начальника Главного управления по делам местного хозяйства МВД С. Н. Гербеля, был внесен в Совет министров в июле 1909 г. Министры 28 июля 1909 г. высказали свои соображения по проекту и поддержали мнение П. А. Столыпина о необходимости его рассмотрения в Совете по делам местного хозяйства, который занимался этим в октябре того же года. На заседаниях кабинета 6 и 27 апреля 1910 г. работа Совета по делам местного хозяйства получила одобрение, и законопроект о введении Городового положения в Царстве Польском был передан в III, а затем — в IV Государственную думу, однако Государственный совет отверг этот законопроект. В марте 1915 г. Николай II утвердил закон о городском самоуправлении в Царстве Польском в чрезвычайно-указном порядке (Высочайше утвержденное 17 марта 1915 г. Положение Совета министров «О распространении действия Городового положения 11 июня 1892 г. на города губерний Царства Польского» // Важнейшие законы, указы и распоряжения военного времени. Т. 1. С. 554–585; *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 384–399).

14. См. комментарий 20 к главе 12.

15. В данном случае с мнением В. Б. Лопухина перекликается мнение левого кадета князя В. А. Оболенского, который в 1890-е гг. служил в Министерстве земледелия и государственных имуществ и, обрисовывая ситуацию, характерную уже для этого периода, вспоминал: «Несомненно, в Петербурге было перепроизводство чиновников, и многие из них на низших должностях не имели достаточно работы. Работали по-настоящему высшие должностные лица, начиная с начальников отделений, а министры были перегружены работой» (*Оболенский В. А.* Моя жизнь, мои современники. Paris, 1988. С. 130).

16. Имеется в виду басня А. И. Крылова о свинье, подрывавшей корни дуба.

17. Богарные земли (богара) — поля, засеваемые в Средней Азии под дождь, т. е. без искусственного орошения, главным образом — яровой пшеницей. Богарные посевы, по причине недостатка воды, играли большую роль в хозяйственной жизни, тем более, что неурожай богары влек за собой голод, и занимали от четверти до половины всех посевов.

18. На самом деле увольнение А. Ф. Редигера произошло по причине того, что на заседании III Государственной думы 23 февраля 1909 г. он, по мнению Николая II, недо-

статочно решительно опроверг прозвучавшие на том же заседании критические отзывы А. И. Гучкова о высшем командном составе армии (*Редигер А. Ф.* История моей жизни. Т. 2. С. 277–280).

Глава 15

1. Сам С. Д. Сазонов отрицал версию, приводимую В. Б. Лопухиным и разделявшуюся другими современниками. Согласно Сазонову, А. П. Извольский избрал его в товарищи министра иностранных дел, с перспективой назначения к себе в преемники, независимо от П. А. Столыпина. Подразумевая Извольского, Сазонов вспоминал: «Перебирая возможных себе заместителей, он остановил свое внимание, в числе других, и на мне. Ему говорили обо мне некоторые лица, ко мнению которых он прислушивался. К тому же он близко знал меня лично со времени нашей трехлетней совместной службы в Риме». Сазонов подчеркивал, что «в этом вопросе, вопреки утверждению графа Витте, П. А. Столыпин не играл никакой роли. Я, — писал Сазонов, — упоминаю об этом факте лишь потому, что считаю долгом снять с памяти этого замечательного человека обвинение в соображениях семейного свойства при замещении одной из наиболее ответственных должностей в государстве» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. М., 1991. С. 22–23). Подробнее о положении министра иностранных дел в царском Совете министров см.: *Флоринский М. Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. История, язык и литература. 1977. № 2. Вып. 1; *Mac Laren, Mac Donald D.* United government and foreign policy in Russia 1900–1914. London, 1992.

2. Потсдамское свидание Николая II и Вильгельма II происходило 22–23 октября (4–5 ноября) 1910 г. В центре внимания участников переговоров было не общеполитическое соглашение, а урегулирование русско-германских отношений в Персии в связи с финансированием Германией строительства Багдадской железной дороги. О Потсдамском свидании см.: *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения накануне Первой мировой войны. 1910–1914. М., 1985. С. 66–83.

3. Современники, в т. ч. В. Б. Лопухин, видели в Г. Е. Распутине поклонника секты хлыстов, адепты которой практиковали разврат, а потому репутацию развратника имел и Г. Е. Распутин. Жертвами его любовных похождений считали подругу царской семьи А. А. Вырубову и даже императрицу Александру Федоровну. Между тем, Николай II неоднократно имел основания сомневаться в истинности возводимых на старца обвинений. Когда слух об изнасиловании Г. Е. Распутиным няни царских детей дошел до императора, то он немедленно приказал произвести дознание. «Выяснилось, что молодую женщину, — вспоминала великая княгиня Ольга Александровна, — действительно застали в постели — но с казаком из Императорского конвоя» (*Воррес Й.* Последняя великая княгиня // *Ден Л.* Подлинная царица. *Воррес Й.* Последняя великая княгиня. М., 1998. С. 295). Известный врач Р. Р. Вреден, осматривавший Распутина в 1914 г. по поручению Министерства двора в связи с покушением на старца, «нашел детородные органы пациента в состоянии, которое наблюдается у весьма пожилых людей, что заставило врача усомниться в его способности вообще вести половую жизнь» (*Пайпс Р.* Русская революция. М., 1994. Ч. 1. С. 292). В начале 1916 г., читая представленную царю сводку фактов о разгульной жизни старца на стороне, Николай II заметил, что «в день и час, в который произошел один из указанных в расследовании фактов, Распутин как раз находился в Царском Селе» (*Жильяр П.* Император Николай II и его семья. (Петергоф, сентябрь 1905 — Екатеринбург, май 1918 г.): По лич. воспоминаниям. М., 1921. С. 133). В муссировании слухов о развратности Распутина Николай II видел не только следствие заблуждения, но и средство дискредитирования монарха и монархии. Выражая мнение царя, князь М. М. Андроников писал ему в сентябре 1915 г., что «самый удобный для дискредитиро-

вания верховной власти способ — это распространение в народе, путем печати, небывалых слухов о Григории Ефимовиче Распутине» («Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М. М. Андроникова Николаю II, Александре Федоровне, А. А. Вырубовой и В. Н. Воейкову // Источник. 1999. № 1. С. 27). Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства, по свидетельству ее следователя В. М. Руднева, доказала ложность слухов об интимных отношениях Г. Е. Распутина с Александрой Федоровной и А. А. Вырубовой (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах» // Святой черт. Тайна Г. Распутина: Воспоминания, док., материалы следств. комис. М., 1990. С. 292–294). Не подтвердилась и версия о хлыстовстве старца. Еще в 1912 г. тобольский епископ Алексий вынес впечатление, что дело о принадлежности Г. Е. Распутина к секте хлыстов возбуждено «без достаточных к тому оснований». По инициативе Алексия Тобольская духовная консистория в ноябре 1912 г. дело о хлыстовстве Распутина прекратила (Г. Е. Распутин глазами официальных властей // Русское прошлое: Ист.-док. альм. СПб., 1996. Кн. 6. С. 137, 138). Независимые эксперты также не считали старца хлыстом. В том же 1912 г. историк сектантства В. Д. Бонч-Бруевич опубликовал статью, в которой писал, что «Г. Е. Распутин-Новых является полностью и совершенно убежденным православным христианином, а не сектантом» (*Ляндрес С. М., Смолин А. В.* Примечания к публикации «А. И. Гучков рассказывает...» // Вопросы истории. 1991. № 11. С. 195). Оппозиционный журналист И. А. Гофштеттер хлыстовство Распутина также «отрицал» (Показания А. Д. Протопопова // Падение царского режима. Т. 4. С. 9). К отрицанию хлыстовства старца пришла и Чрезвычайная следственная комиссия (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах». С. 284). Более того, по свидетельству следователя комиссии А. Ф. Романова, она обнаружила, что противники Распутина использовали для его дискредитирования фальшивки, в частности отретушированные фотографии (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство: (По данным Чрезвычайной следств. комис.) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 19). Так или иначе, но слухи о порочности Г. Е. Распутина, судя по всему, были действительно преувеличены, как и слухи о вмешательстве старца в государственное управление. По свидетельству Руднева, Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства «решительно не было добыто никаких указаний о вмешательстве Распутина в политические дела» (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах». С. 285). Влияние старца на царя, несомненно, существовало, но не столько в политической, сколько в духовной сфере. В общении с Распутиным Николай II находил удовлетворение своим душевным запросам. «Отец, — отмечала дочь старца, — был для Николая лекарем, а не советчиком» (*Распутина М. Г.* Распутин. Почему?: Воспоминания дочери. М., 2000. С. 234). Подробнее о степени политического влияния Г. Е. Распутина см.: *Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда».

4. См. комментарий 10 к главе 14.

5. Императорский яхт-клуб — элитарный клуб, основанный в 1847 г. и в начале XX в. располагавшийся на Малой Морской в Петербурге. Членами Яхт-клуба, командором которого долгое время состоял министр Императорского двора граф И. И. Воронцов-Дашков, а затем — его преемник граф В. Б. Фредерикс, были великие князья, придворные, дипломаты, высокопоставленные бюрократы и гвардейские офицеры, причем многие из них разделяли либеральные взгляды. По воспоминаниям директора императорских театров В. А. Теляковского, Яхт-клуб затмевал «своим блеском, пышностью и влиянием все решительно клубы в России». Члены императорской фамилии и представители дипломатического корпуса принимались в Яхт-клуб без баллотировки, но для остальных кандидатов существовала самая строгая фильтрация, никогда не практиковавшаяся в других клубах: один черный шар уничтожал пять белых, причем среди посетителей Яхт-клуба были такие члены, которые всегда и всем клали черные шары. «Здесь, — отмечал Теляковский, подразумевая Яхт-клуб, — можно было узнавать все самые последние новости придворные, служебные, общественные и политические, до театральных, — конечно, балетных, — включительно», «если говорилось, что это сказано было в Яхт-клубе, то считалось, что ис-

точник был серьезный, ибо здесь вращались и великие князья, и сановники, и дипломаты самой высокой марки» (*Теляковский В. А.* Воспоминания. 1898–1917. Пб., 1924. С. 138, 141). В царствование Николая II Яхт-клуб приобрел политическое значение, поскольку в нем, вспоминал великий князь Николай Михайлович, «открыто критиковались поступки и поведение» императрицы Александры Федоровны (*Николай Михайлович, вел. кн.* Записки // Красный архив. 1931. Т. 6. С. 106–107).

Глава 16

1. Фразой «Не запугаете» П. А. Столыпин закончил свое выступление во II Государственной думе, состоявшееся 6 марта 1907 г. См.: *Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия...: Полн. собр. речей в Гос. думе и Гос. совете. 1906–1911. М., 1991. С. 64.

2. Подразумеваются совершенные 3 июня 1907 г. по инициативе П. А. Столыпина роспуск II Государственной думы и издание без нее нового избирательного закона — так называемый третьеиюньский переворот.

Словами «Им нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» П. А. Столыпин закончил свою речь, произнесенную им 10 мая 1907 г. во II Думе (*Столыпин П. А.* Нам нужна великая Россия. С. 96).

Инцидент с членом кадетской фракции III Думы Ф. И. Родичевым имел место 20 ноября 1907 г., при обсуждении декларации правительства, озвученной П. А. Столыпиным.

3. Речь идет о так называемом «конституционном» кризисе 1911 г., во время которого законопроект о распространении Земского положения 1890 г. на западные губернии, принятый III Государственной думой, был отвергнут 11 марта 1911 г. Государственным советом, в чем П. А. Столыпин усмотрел интригу, нацеленную против него лично и его кабинета. В тот же день по просьбе премьера, под угрозой выхода Столыпина в отставку, Николай II прервал заседания законодательных учреждений на три дня, а затем указом 14 марта провел законопроект о западном земстве в думской редакции по статье 87-й Основных государственных законов 1906 г. Подробнее см.: *Дякин В. С.* Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906–1914 гг.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Т. 7. С. 266–267.

4. Есть основания полагать, что В. Б. Лопухин, как и другие современники, оценивал ошибочно отношения царя и премьера после мартовского кризиса 1911 г. Сотрудник П. А. Столыпина А. В. Зеньковский утверждал, что противники премьера в Государственном совете «глубоко ошиблись, и именно в то время положение Столыпина еще более укрепилось в глазах государя» (*Зеньковский А. В.* Правда о Столыпине. М., 2002. С. 149). Показательно, что непосредственно после кризиса Николай II пожаловал зятю премьера, Б. И. Боку, придворное звание камер-юнкера, хотя Столыпин и не настаивал на этом (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор. С. 32). Слухи об отставке Столыпина с поста председателя Совета министров были только слухами. На самом деле, когда летом 1911 г. врачи открыли у него грудную жабу, стало ясно, что сердце Столыпина «требует полного и длительного отдыха» (*Бок М. П.* Воспоминания о моем отце П. А. Столыпине. Нью-Йорк, 1953. С. 330). В связи с этим он хотел уйти с поста министра внутренних дел, сохранив за собой премьерство. В свои преемники по МВД Столыпин рекомендовал царю нижегородского губернатора А. Н. Хвостова (Допрос генерала В. Н. Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 3. М.; Л., 1925. С. 80). После гибели Столыпина его преемником по МВД Николай II хотел назначить именно А. Н. Хвостова, однако В. Н. Коковцов отговорил императора от этого.

5. Покушение на П. А. Столыпина произошло 1 сентября 1911 г. в Киевском оперном театре, причем стрелявший в него Д. Г. Богров, анархист по своим убеждениям, являлся бывшим сотрудником Киевского охранного отделения, поскольку к моменту покушения около полутора лет не сотрудничал с ним. Смерть Столыпина последовала не через не-

сколько часов, как пишет В. Б. Лопухин, а через несколько дней — 5 сентября. См. также комментарий 31 к главе 1.

6. «Эрнест» — петербургский ресторан, называвшийся по имени его владельца и существовавший в 1909–1912 гг. по адресу: Каменноостровский пр., д. 60. Кроме того, Эрнест содержал ресторан «Медведь» (Большая Конюшенная ул., д. 27).

Глава 17

1. Вероятно, речь идет о Международном железнодорожном конгрессе.

2. Официальные торжества, посвященные 100-летию Бородинского сражения, происходили на Бородинском поле и в Москве 25–30 августа 1912 г. Подробное описание этих торжеств см.: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Т. 2. С. 17–66.

3. Заграничная поездка министра иностранных дел С. Д. Сазонова, в ходе которой он посетил сначала Лондон, а затем — Париж и Берлин, происходила в сентябре-октябре 1912 г.

4. Подразумевается Балканский союз (Болгария, Греция, Сербия и Черногория), который окончательно сформировался в конце мая 1912 г. при полной поддержке России. Министр иностранных дел С. Д. Сазонов признавал, что союз возник «если не по почину русского правительства, то с его ведома и согласия» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 60). Союзники объявили войну Турции 17 октября 1912 г. Эта война получила известность как 1-я Балканская и длилась до 30 мая 1913 г., когда был подписан Лондонский мирный договор между Турцией и ее противниками. Согласно договору, болгаро-турецкая граница стала проходить по линии Энос-Мидия, все же остальные европейские владения турок отходили к союзникам. Судьба Албании передавалась на усмотрение великих держав, которые решили создать из нее независимое государство.

5. Согласно «Повести временных лет», в 907 г. киевский князь Олег по окончании удачного для него похода на Византийскую империю прибил свой щит на ворота ее столицы Константинополя (Царьграда).

6. Речь идет о 2-й Балканской войне, которая началась 30 июня и закончилась 10 августа 1913 г. заключением Бухарестского мирного договора. В ходе этой войны против Болгарии объединились ее прежние союзники по 1-й Балканской войне — Греция, Сербия и Черногория, к которым присоединились Румыния и Турция, в силу чего Болгария потерпела поражение.

Глава 18

1. Имеется в виду Лондонская конференция послов великих держав, входивших как в Антанту, так и в Тройственный союз, которая открылась 16–17 декабря 1912 и заседала до 30 мая 1913 г., т. е. до окончания 1-й Балканской войны. Параллельно в Лондоне проходили переговоры между представителями стран, участвовавших в этой войне.

2. Подразумевается государственный переворот 1903 г. в Сербии, в результате которого король Александр и королева Драга из династии Обреновичей были убиты в ночь с 28 на 29 мая и на престол взошел Петр I из династии Карагеоргиевичей.

3. Т. е. Первую мировую войну 1914–1918 гг.

4. Ультиматуму, предъявленному Австро-Венгрией Сербии, предшествовало убийство наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его морганатической супруги графини С. Гогенберг, которое стало формальным поводом к началу Первой мировой войны. Эрцгерцог и графиня были застрелены в 11 часов утра 28 июня 1914 г. (н. ст.) в столице Боснии Сараево, куда Франц-Фердинанд прибыл для наблюдения за военными маневрами. Убийца, сербский националист Гаврило Принцип, являлся чле-

ном тайного общества «Млада Босна», боровшегося за освобождение Боснии от австрийского господства и связанного с сербскими антиавстрийскими организациями «Объединение или смерть» («Черная рука») и «Народна одбрана» («Народная оборона»). В ответ на убийство Франца-Фердинанда Австро-Венгрия, полагая, что организатор убийства — Сербия, предъявила ей 23 июля ультиматум, который содержал следующие требования: осуждение всякой пропаганды против Австро-Венгрии, ведущейся в Сербии чиновниками и офицерами; заявление о неодобрении самой мысли о каком-либо вмешательстве во внутреннюю жизнь любой части территории Австро-Венгрии; помещение этого заявления в приказе сербского короля Петра I по армии и на первой странице главной официальной газеты; запрещение всех публикаций, враждебных Австро-Венгрии, прежде всего тех, общее направление которых нацелено против ее территориальной целостности; немедленное закрытие общества «Народная оборона» и других обществ, враждебных Австро-Венгрии, и конфискация их средств пропаганды; удаление преподавателей, агитирующих против нее, и искоренение в народном образовании всего того, что могло бы служить этой пропаганде; удаление с военной службы и из администрации офицеров и чиновников, чьи имена укажет австро-венгерское правительство; открытие судебного расследования обстоятельств убийства Франца-Фердинанда, с тем, чтобы представители Австро-Венгрии участвовали в следствии на территории Сербии; наказание офицеров и чиновников, оказывавших помощь участникам убийства; представление объяснений по поводу заявлений высших сербских чинов относительно убийства. Все эти условия Сербия должна была выполнить в течение 48 часов. Срок ультиматума истекал в 18.00 25 июля. Под давлением России Сербия согласилась удовлетворить все требования, кроме одного — об участии австро-венгерских представителей в следствии на ее территории. Впрочем, она соглашалась вынести этот пункт на обсуждение Гаагского трибунала или великих держав и подчиниться тому решению, которое будет ими вынесено. Тем не менее, поддерживаемая своей союзницей Германией, Австро-Венгрия не удовлетворилась ответом Сербии и в 11 часов утра 28 июля начала бомбардировку ее столицы — Белграда (*Тарле Е. В.* Европа в эпоху империализма. 1871–1919 гг. 2-е изд. М.; Л., 1928. С. 270–271, 273).

5. Взятие болгарской армией, в ходе 2-й Балканской войны, турецкой крепости Адрианополь (Эдирне) произошло 26 марта 1913 г. Однако уже во время 2-й Балканской войны, 20 июля 1913 г., Турция вернула себе эту крепость. На встречу с думцами С. Д. Сазонов пошел из-за раздававшейся в Таврическом дворце критики позиции России по скутарийскому вопросу, т. е. по вопросу о судьбе города Скутари, который Черногория, поддерживаемая русским общественным мнением, хотела включить в свой состав, несмотря на сопротивление Австро-Венгрии и Германии, выступавших за присоединение Скутари к вновь образуемой Албании. Не желая обострять отношения с центральными державами, царская дипломатия приняла их точку зрения. По воспоминаниям С. Д. Сазонова, он «пригласил к себе всех членов Государственной думы, которые интересовались внешней политикой, и прочитал им в подлинниках дипломатические документы, касавшиеся скутарийского вопроса. Эти документы показались им настолько убедительными, что появившееся было в Думе неблагоприятное настроение к русской политике сменилось в скором времени благожелательной ее оценкой» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 88).

6. Официальное празднование 300-летия династии Романовых происходило 20–24 февраля 1913 г. в Петербурге. Описание этого события см.: *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. Т. 2. С. 145–156.

Глава 19

1. Первая мировая война началась 19 июля (1 августа) 1914 г. с объявления Германией войны России.

2. См. комментарий 4 к главе 18.

3. Всеобщая мобилизация русской армии, т. е. ее развертывание и на австрийской, и на германской границе, была объявлена Николаем II 17 июля 1914 г. в качестве меры давления лишь на Австро-Венгрию, напавшую на Сербию. Поскольку немецкая военная наука, в отличие от русской, трактовала момент объявления мобилизации как начало войны, кайзеровское правительство сочло действия России началом войны не только против Австро-Венгрии, но и против Германии, что и заставило ее предъявить России ультиматум, содержавший дилемму: либо отмена мобилизации, либо русско-германская война. Отказ царского правительства от отмены мобилизации привел 19 июля (1 августа) 1914 г. к объявлению Германией войны России.

4. Имеется в виду франко-прусская война 1870–1871 гг., закончившаяся сокрушительным поражением Франции и отторжением от нее в пользу Германской империи Эльзаса и Лотарингии.

5. Подразумевается анонимная статья «Россия хочет мира, но готова к войне», написанная журналистом московской газеты «Русское слово» Б. М. Ржевским и опубликованная в петербургской газете «Биржевые ведомости» 27 февраля 1914 г.

«Биржевые ведомости» — ежедневная иллюстрированная «политическая, общественная и литературная газета», выходившая в 1880–1917 гг. в Петербурге и в начале XX в. отличавшаяся либеральным направлением.

В статье Ржевского сообщалось о получении «из безупречного источника сведения, не оставляющего сомнения, что Россия, по воле своего верховного вождя поднявшая боевую мощь армии, не думает о войне, но готова ко всяким случайностям». Текст статьи см.: *Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке. (25 сентября 1915–2 июля 1916). Пг., 1920. С. 4–6. В. А. Сухомлинов, чьи мемуары цитирует В. Б. Лопухин, вспоминал, что появление статьи было вызвано обращением к нему, по поручению «Русского слова», Ржевского, которому редакция этой газеты поручила «просить разрешения» у военного министра «ответить на явный вызов» немецких газет — в начале 1914 г. они печатали материалы, «задевавшие русскую армию». Проект статьи Ржевский представил Сухомлинову, а военный министр, после исключения из него «всех резких и неуместных выражений» — Николаю II, причем проект удостоился монаршего одобрения. Однако «Русское слово» отказалось от публикации сокращенного варианта статьи, и Ржевский передал ее «Биржевым ведомостям», где статья и была напечатана. Соглашаясь на ее публикацию, Николай II, отмечал Сухомлинов, «под влиянием» С. Д. Сазонова находил, что «вовремя показанный кулак может предотвратить драку». «Все дело здесь, — по мнению Сухомлинова, — заключалось в жесте, в легком “холодном душе”, сказал бы князь Бисмарк, чтобы отрезвить алармистов по ту сторону границы» (*Сухомлинов В. А.* Воспоминания. Минск, 2005. С. 302–303).

6. Здесь перечисляются три войны: Крымская 1853–1856 гг., русско-японская 1904–1905 гг. и русско-турецкая 1877–1878 гг.

7. Сразу после сараевского убийства усилия С. Д. Сазонова были нацелены на предотвращение австро-сербской войны: он советовал как Австро-Венгрии, так и Сербии проявлять наивозможную умеренность. После предъявления Австро-Венгрией 23 июля (н. ст.) ультиматума Сербии Сазонов пытался локализовать австро-сербский конфликт и предотвратить перерастание его в европейскую войну. Так, уже 24 июля Сазонов беседовал с послом Германии в России Ф. фон Пурталесом, причем эта встреча «утвердила» последнего «в воззрении, что русский министр иностранных дел все еще определенно надеется избежать войны». Сазонов заверил посла, что «ищет средств доставить Австро-Венгрии законное удовлетворение, не изменяя при этом той точки зрения, что Россия должна отстаивать суверенитет Сербии от всяких посягательств». Министр иностранных дел заявил, что готов обсудить «любое предложение, которое может способствовать осуществлению этой достижимой цели» (*Пурталес Ф. фон.* Между миром и войной. Мои последние переговоры в Петербурге в 1914 году. М.; Пг., 1923. С. 26–28). Вечером 24 июля Сазонов телеграфировал в Белград о возможности оказания Россией военной

поддержки Сербии, но, вместе с тем, рекомендовал ей обратиться за посредничеством к Великобритании, с тем, чтобы урегулирование австро-сербского конфликта было вынесено на решение Международного третейского суда в составе представителей Великобритании, Германии, Италии и Франции. Одновременно министр иностранных дел обратился в Вену с просьбой продлить срок ультиматума, на что Австро-Венгрия ответила отрицательно. Беседуя с Пурталесом 25 июля, Сазонов попросил германское правительство «уговорить Австрию» смягчить ультиматум или продлить его срок. Именно поэтому в течение 26 и 27 июля министр иностранных дел находился в уверенности, что уступчивость Сербии будет оценена Австро-Венгрией (*Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. Россия и Сербия в 1914–1915 гг. М., 1990. С. 91–93). Однако после того как надежды Сазонова не оправдались и 28 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии, а 29 июля Белград подвергся бомбардировке, министр иностранных дел окончательно разочаровался в возможности сохранения европейского мира путем дипломатических переговоров. К 30 июля в Сазонове укрепилось «убеждение о неизбежности европейской войны». Тем не менее, не только русские, но и английские и французские дипломаты, подчеркивал он, «были проникнуты одинаковым намерением не прерывать, пока была на то какая-либо возможность, дипломатических переговоров, прекращение которых привело бы немедленно к войне». «Гром орудий, — вспоминал Сазонов, — помешал возобновлению этих переговоров, которым я придавал практическое значение только в первую стадию австро-сербского столкновения. Объявление войны Сербии и бомбардирование Белграда лишали их этого значения и я, не отказываясь от них по вышеприведенным соображениям, утратил к ним всякий интерес. Помочь они ничем не могли, а отсрочивать более было нечего» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 238, 258–259). Делая столь пессимистический вывод, Сазонов явно выдавал желаемое за действительное, поскольку пока столкновение между Австро-Венгрией и Сербией имело локальное значение, предотвратить европейскую войну было еще вполне возможно. Следовательно, если до 28 июля, при всей неоднозначности позиции Сазонова, он являлся противником европейской войны, то после этой даты, предоставив события их естественному течению, он оказался причастным к ее развязыванию. Когда решался вопрос о том, проводить ли для поддержки Сербии частичную или всеобщую мобилизацию, Сазонов был одним из тех, кто выступил перед Николаем II за всеобщую мобилизацию, хотя это грозило войной не только с Австро-Венгрией, но и с Германией.

8. Речь идет о книге советского историка Н. П. Полетики «Сараевское убийство», вышедшей в 1930 г. в Ленинграде в издательстве «Красная газета» (с предисловием К. П. Шелавина). Помимо указанной работы, Н. П. Полетика написал еще следующие книги, посвященные той же тематике: Подготовка империалистической войны 1914–1918 гг. М., 1934; Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935; Возникновение Первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.). М., 1964. Рассматривая в «Сараевском убийстве» вопрос о виновниках Первой мировой войны, Полетика солидаризировался со взглядами школы М. Н. Покровского, которая, в отличие от «антантофильского» направления историографии в лице, прежде всего, Е. В. Тарле, занимала «германофильскую» точку зрения, поскольку считала виновниками войны не Тройственный союз, а Антанту, в т. ч. Россию. Полетика поставил перед собой задачу развенчать «ритуальную легенду о “маленькой, бедной, невинной Сербии, на которую неожиданно напала Австрия”» и показать «картину того, как сознательно фабриковался Антантой предлог для провокации мировой войны». Полетика допускал, что Сербия, организовав убийство Франца-Фердинанда, «только выполнила “социальный заказ” Антанты создать повод для самого благоприятного варианта войны ее с Тройственным союзом». Более того, он утверждал, что сараевское убийство «явилось организованным Антантой скрытым нападением на одного из членов Тройственного союза — Австро-Венгрию, и что тезис Германии: “на нас напали” совершенно правилен» (*Полетика Н. П.* Сараевское убийство: Исследование по истории австро-серб. отношений и балканской политики России в период 1903–1914 гг. Л., 1930. С. XI–XII,

411–412). На последующих страницах своих воспоминаний В. Б. Лопухин ведет полемику с концепцией Полетики, используя данные из его книги.

9. По воспоминаниям С. Д. Сазонова, на вопрос, исходивший не от премьер-министра, а от короля, «о возможности европейской войны» он ответил, что «опасность войны наступит для Европы только в том случае, если Австро-Венгрия нападет на Сербию» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 133). Новые данные о сараевском убийстве и реакции на него великих держав, прежде всего России, см.: *Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 23–49.

10. Т. е. в Александровском лицее. В действительности С. Н. Свербеев окончил Московский университет.

11. Подразумевается дипломатический конфликт между Россией и Германий, длившийся с октября 1913 по февраль 1914 г. и вызванный отправкой в Турцию германской военной миссии во главе с генералом О. Лиманом фон Сандерсом. Подробнее о миссии см.: *Аветян А. С.* Русско-германские дипломатические отношения. С. 225–232.

12. Имеется в виду германская концессия на строительство Багдадской железной дороги.

13. Вопрос о проведении реформ в шести армянских вилайетах (провинциях) Турции был поднят в мае 1913 г. по инициативе Петербурга. Хотя Берлин, давно вошедший в роль покровителя Османской империи, «не выразил сочувствия» этой инициативе, она получила поддержку Парижа и Лондона, а также Австро-Венгрии, в посольстве которой в Константинополе в июне начала заседать Международная комиссия представителей великих держав для разработки армянских реформ. На восьми заседаниях комиссии рассматривался проект, разработанный драгоманом российского посольства в Турции А. Н. Мандельштамом и предусматривавший объединение армянских вилайетов в одну провинцию, управляемую генерал-губернатором из христиан, назначаемым султаном на пять лет с согласия великих держав. При генерал-губернаторе планировалось образовать выборное провинциальное собрание, состоящее наполовину из христиан, наполовину — из мусульман. На уровне вилайетов и санджаков предполагалось образование аналогичных по составу административных советов. Этот проект подвергся критике со стороны Германии и Австро-Венгрии, которые призвали другие державы, чтобы они «считались, в одинаковой мере, с желаниями Турции». Комиссия была вынуждена прекратить свою работу, а Россия — пойти на уступки. В результате российский и германский послы выработали более умеренный проект, который удовлетворил все великие державы, в т. ч. Германию, однако подпись ее представителя отсутствовала под соответствующим соглашением, заключенным 8 февраля 1914 г. только между Россией и Турцией (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 169–175).

14. К установлению протектората над Тибетом Англия стала стремиться открыто после Китайской революции 1911 г., хотя это означало полную ревизию важнейшего пункта русско-английского соглашения 1907 г. В качестве компенсации Англия предлагала России свободу рук в Монголии, в которой и без того русское влияние было доминирующим. Большим успехом английской дипломатии явилась Симлская конвенция, заключенная Англией с Китаем и Тибетом в октябре 1913 г. и содержавшая пункт о независимости Тибета, т. е. первый шаг на пути к протекторату.

15. Версию о масонских корнях Первой мировой войны в 1920–1930-е гг. активно муссировали русские эмигранты из числа бывших черносотенных лидеров и идеологи Национал-социалистской партии Германии. Впрочем, скорее всего, В. Б. Лопухин мог узнать об этой версии, прочитав книгу Н. П. Полетики, который привел данные, которые, по его мнению, свидетельствовали о причастности масонских организаций Франции и Сербии («Великий Восток Франции» и белградская ложа «Побратим») к организации убийства Франца-Фердинанда (*Полетика Н. П.* Сараевское убийство. С. 407–411).

16. Увольнение В. Н. Коковцова с постов председателя Совета министров и министра финансов произошло 30 января 1914 г. (*Шилов Д. Н.* Государственные деятели Российской империи. С. 303).

17. Сам В. Н. Коковцов о приведенных В. Б. Лопухиным словах Вильгельма II в своих воспоминаниях ничего не пишет. Ср.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 181–189.

18. Данное наблюдение соотносится с точкой зрения Ю. Я. Соловьева, который вспоминал, что в начале XX в. получение придворных званий «было почти неизбежно связано с дипломатической службой: почти две трети царских дипломатов носили придворный мундир» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 131). В этом факте нельзя не усмотреть модификацию очень старой, наблюдавшейся еще в Московской Руси, традиции, вследствие влияния которой службы придворная и посольская, больше, чем какие-либо иные, взаимопроникали друг друга и почитались как бы только разновидностями одной и той же, особо поставленной службы личности государя. Впрочем, к 1917 г. на фоне общей численности придворных наиболее солидное представительство в рамках придворного штата имело Министерство внутренних дел (30,4%), за которым шли министерства Императорского двора (13,9%) и иностранных дел (12,3%). Однако при обратной перспективе МВД, как одно из самых многочисленных ведомств, оказывается едва ли не на последнем месте, первое же место переходит к МИД, насчитывавшему, вместе со всем личным составом центральных и заграничных установлений (в т. ч. и консульских) и нештатными служащими, лишь около 700 человек. Отмеченная пропорция будет еще больше, если из этого числа вычесть консульский корпус, на что есть веские основания. Консулы имели достаточно проблематичную возможность получения придворных отличий, или, вернее, чаще всего не имели ее. В 1910 г. генеральный консул в Копенгагене В. Я. Сиверс был возведен в должность шталмейстера, несмотря на то, что «присвоение придворной должности лицу, находящемуся на консульской службе» МИД признавалось «неудобным». Через три года сопричтение к придворному штату одного из консулов не последовало под предлогом того, что «лица, состоящие на консульской службе по Министерству иностранных дел, обычно не представляются к придворным пожалованиям» (*Куликов С. В.* Высшая царская бюрократия и Императорский двор. С. 51–53).

19. См. комментарий 10 к главе 14.

20. См. комментарий 4 к главе 18.

21. Посещение английской эскадрой Кронштадта относится к 10–15 (23–28) июня, визит же президента Франции Р. Пуанкаре в Петербург происходил 7–10 (20–23) июля 1914 г.

22. Сараевское убийство, по крайней мере внешне, Вильгельм II воспринял не слишком драматично, поскольку, наблюдая за проходившей в это время гонкой яхт по Кильскому каналу, кайзер не только не прекратил их, но и не поехал в Вену на похороны Франца-Фердинанда. Однако довольно скоро Вильгельм II расценил покушение на эрцгерцога как удобный повод для Австро-Венгрии расправиться с Сербией, причем он был уверен в невозможности из-за австро-сербского конфликта как австро-русской, так и европейской войны. «Император Вильгельм и все руководящие здесь лица, — сообщал в Вену после сараевского убийства посол Австро-Венгрии в Германии Л. Сегеньи, — не только твердо стоят как верные союзники за [австро-венгерскую] монархию, но и самым решительным образом подбадривают нас не упустить нынешний момент». Согласно Л. Сегеньи, германская сторона аргументировала свою позицию неподготовленностью к войне России, стремлением Англии сохранить нейтралитет и тем, что убийство было чрезвычайно благоприятным предлогом для наступления на Сербию. Еще 10 июля Вильгельму II доставили предварительный текст австрийского ультиматума сербскому правительству, причем статс-секретарь Германии по иностранным делам А. Циммерман, явно отражая точку зрения кайзера, заявил: «Требования Вены настолько серьезны, что Сербия вряд ли сможет их принять. Следствием этого будет война». Узнав о предъявлении ультиматума 23 июля, Вильгельм II похвалил «венцев» «за храбрость» (*Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 65, 67). «По-видимому, его величество удручено! — подразумевая сербского короля Петра I, писал кайзер. — Гордые славяне! Насколько надута и пуста вся эта так называемая Сербская великая держава, настолько же никчемны и все другие славянские государства! Давите крепче ноги этой сволочи». Впрочем, когда Сербия дала свой

ответ, Вильгельм II наложил следующую резолюцию: «Блестящий результат для срока в 48 часов! Он превзошел все ожидания! Отпадают основания для войны» (*Лихарев М.* Вильгельм и начало мировой войны // Анналы. Пг., 1924. С. 105, 107). Однако после того, как стало ясно, что Австро-Венгрия не собирается удовлетворяться сербским ответом, кайзер поддержал намерение союзницы в ее конфликте с Сербией идти до конца. «Это можно только пожелать, — отметил Вильгельм II на полях одной из телеграмм. — Сербия не государство в европейском смысле, а банда разбойников» (*Писарев Ю. А.* Тайны Первой мировой войны. С. 78). Поведение кайзера не означало, что, поддерживая Австро-Венгрию, он сознательно стремится к превращению австро-сербского конфликта в европейскую войну, поскольку Вильгельм II полагал, что ни при каких условиях Россия не пойдет на вооруженную защиту Сербии, а потому все ограничится австро-сербской войной. Впоследствии, когда на горизонте замаячила возможность войны Германии с Россией и Францией, кайзер недооценил опасность этой войны, веря в то, что Англия в любом случае не нарушит своего нейтралитета. Показательно мнение С. Д. Сазонова, который считал, что «своевременное заявление Англии о ее солидарности с Россией и Францией побудило бы Германию повлиять на австро-венгерское правительство в смысле умерения его требований, благодаря чему явилась бы возможность найти выход из созданного им опасного положения» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 220). Поскольку, однако, и тот, и другой прогноз оказался ошибочным, а иной прогноз кайзер не учитывал, тем самым он разделил ответственность за развязывание Первой мировой войны.

23. Визит короля Саксонии Фридриха-Августа в Петербург имел место 6–9 (19–22) июня 1914 г.

Орден Альбрехта Мужественного — орден Саксонского королевства, основанный в 1850 г. в честь основателя династии его правителей, принадлежавших к Альбертинской линии дома Веттин. Орден выдавался за гражданские и военные заслуги и имел множество разновидностей знаков — одних звезд существовало пять видов. См.: *Спасский И. Г.* Иностранные и русские ордена до 1917 года. Л., 1963. С. 79.

24. См. комментарий 4 к главе 18.

25. Вечером 19 июля (1 августа) 1914 г. Германия через своего посла Ф. фон Пурталеса объявила войну России по причине неисполнения ее правительством германского ультиматума о прекращении всеобщей мобилизации, которая была предпринята для поддержки Сербии в ее противостоянии с Австрией.

26. «Огонек» — иллюстрированное «обозрение общественной и политической жизни, наук и изящных искусств», выходившее еженедельно в 1900–1917 гг. в Петербурге. В 1901–1908 гг. являлось приложением к «Биржевым ведомостям», с 1913 — к газете «Восток».

27. Подробнее о реакции графа С. Ю. Витте на начало Первой мировой войны и предпринятых им попытках добиться ее прекращения см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте и его время. С. 384–389.

28. Доклад С. Д. Сазонова Николаю II о необходимости всеобщей мобилизации состоялся 17 июля 1914 г. в Петергофе. Перед докладом министр иностранных дел встречался с военным министром В. А. Сухомлиновым и начальником Главного управления Генерального штаба Н. Н. Янушкевичем, которые «считали сохранение мира более невозможным и видели спасение только в немедленной мобилизации всех сухопутных и морских сил империи». Собеседники Сазонова просили его повлиять на императора «в смысле разрешения принять нужные меры для начала всеобщей мобилизации», причем Янушкевич заметил, что после получения разрешения на нее он не будет брать телефонной трубки под предлогом поломки его телефона, чтобы Николай II не мог изменить этого решения. По воспоминаниям Сазонова, во время его доклада царю, длившегося около часа, И. Л. Татищев находился тут же, а не в другой комнате, как пишет В. Б. Лопухин. Министр иностранных дел сказал Николаю II, что за прошедшие два дня положение «изменилось к худшему» и не остается «никакой надежды на сохранение мира», вследствие непримиримости Австро-Венгрии и Германии. Сославшись на телеграммы Вильгельма II

и сообщения, сделанные Сазонову Пурталесом, министр иностранных дел приходил к заключению, что России «войны не избежать», поскольку «она давно решена в Вене», а в Берлине «не хотят» произнести «слова вразумления» Австро-Венгрии, требуя от Петербурга «капитуляции перед центральными державами, которой Россия никогда не простила бы государю и которая покрыла бы срамом доброе имя русского народа». В таком положении, подытоживал Сазонов, не остается «ничего иного, как повелеть приступить ко всеобщей мобилизации», с чем Николай II, после некоторых размышлений, согласился (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 242–249).

29. Имеется в виду записка П. Н. Дурново, датированная февралем 1914 г. Ее автор полагал, что «англо-русское сближение ничего реально полезного» России «не принесло» и «неизбежно сулит» войну с Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, хотя и в союзе с Англией и Францией. «Главная тяжесть» в этой войне, по мнению Дурново, выпадет на Россию, которая будет играть «роль тарана, пробивающего самую толщу немецкой обороны», между тем, Россия к такому развитию событий явно не готова, да война и не выгодна ей. «Жизненные интересы России и Германии, — подчеркивал Дурново, — нигде не сталкиваются и дают полное основание для мирного сожительства этих двух государств». Согласно автору записки, союз России и Германии выгоден им обоим с точки зрения как внешней политики, так и экономических отношений, наконец, исходя из внутриполитических соображений — ведь Россия и Германия, в отличие от Англии и Франции, являются «представительницами консервативного начала в цивилизованном мире», способного прийти, вследствие русско-германской войны, «к ослаблению». Более того, «в побежденной стране неминуемо разразится социальная революция, которая, силою вещей, перекинется и в страну-победительницу». Дурново считал, что «политическая революция в России невозможна, и всякое революционное движение неизбежно выродится в социалистическое», а потому компромисс императорского правительства с либеральной оппозицией лишь ослабил бы царское правительство, поскольку «никакой реальной силы», по мнению Дурново, оппозиция не представляла. Ведь она «сплошь интеллигентна, и в этом ее слабость», ибо между интеллигенцией и народом имеется «глубокая пропасть взаимного непонимания и недоверия». «Более чем странно при таких условиях, — отмечал Дурново, — требовать от правительственной власти, чтобы она серьезно считалась с оппозицией» и «выступила пред широкими народными массами в качестве послушного органа классовых стремлений интеллигентско-имущего меньшинства населения». «Требуя от правительственной власти ответственности пред классовым представительством и повиновения ею же искусственно созданному парламенту, — не без сарказма указывал автор записки, — наша оппозиция, в сущности, требует от правительства психологии дикаря, собственными руками мастерящего идола и затем с трепетом ему поклоняющегося». Дурново выступал за сохранение властью надпартийного характера, ее дистанцирование от левых и правых, полагая, что правительство не должно отказываться от роли «беспристрастного регулятора социальных отношений». Ведь в случае прихода к власти либеральной оппозиции ее лидеры «будут не в силах сдержать расходившиеся народные волны, ими же поднятые, и Россия будет ввергнута в беспросветную анархию, исход которой не поддается даже предвидению». Внешнеполитическим идеалом Дурново являлся союз континентальных держав — Германии, России, Франции, а также Японии. Полный текст записки П. Н. Дурново см.: *Искендеров А. А.* Закат империи. М., 2001. С. 475–494. См. также: *Тарле Е. В.* Германская ориентация и П. Н. Дурново // Былое. 1922. № 19.

30. Манифест о вступлении России в войну с Германией Николай II подписал 20 июля 1914 г. Тогда же он подписал и указ о назначении верховным главнокомандующим великого князя Николая Николаевича.

31. Имеется в виду чрезвычайная однодневная сессия IV Государственной думы, которая была созвана 26 июля 1914 г. в связи со вступлением России в Первую мировую войну. На этой сессии, впервые за всю историю Думы, ее подавляющее большинство поддержало царское правительство. Данное событие имело тем большее значение, что на-

кануне войны политическая обстановка в Петербурге предельно обострилась. В ответ на расстрел 3 июля митинга солидарности рабочих Путиловского завода с рабочими Баку в столице началась массовая политическая стачка, сопровождавшаяся демонстрациями и митингами, столкновениями с полицией, сооружением баррикад. 8 июля число бастующих достигло 150 тысяч человек (*Ганелин Р. Ш., Нардова В. А., Сухорукова А. С., Шевченко М. В.* В начале века // Санкт-Петербург. 300 лет истории. СПб., 2003. С. 349).

32. Подразумевается произошедший в ночь с 22 на 23 июля 1914 г. разгром здания германского посольства на Исаакиевской площади в Петербурге. Здание было построено в 1910–1912 гг. по проекту немецкого архитектора П. Беренса, который являлся одним из выдающихся представителей «югенд-стиля». Описывая обстоятельства разгрома, столичный городской голова граф И. И. Толстой записал 23 июля 1914 г.: «Ночью был в Петербурге безобразный скандал: толпа в несколько десятков тысяч смяла охрану германского посольства, оставленного его жителями, уехавшими два дня перед этим на родину, и разгромила все здание, выбросив картины, вещи, мебель и стащив с крыши две декоративные статуи. Это последствие допускавшихся все эти дни патриотических манифестаций, принявших несомненно хулиганский вид. Толпу с трудом удалось разогнать с помощью пожарных насосов. Сегодня запрещены всякие уличные демонстрации, чего нельзя не одобрить» (*Толстой И. И.* Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 526).

33. См. комментарий 2 к главе 12.

34. Речь идет о Восточно-Прусской операции, длившейся с 4 августа по 1 сентября 1914 г., во время которой первоначальный успех русских армий был перечеркнут германскими войсками, окружившими и уничтожившими 2-ю армию генерала А. В. Самсонова.

35. Если в данном случае В. Б. Лопухин подразумевает события кампании 1914 г., то его оценки ошибочны, поскольку эта кампания, несмотря на поражение русской армии в Восточно-Прусской операции, в целом была успешной для России, чьи войска вели наступление на территории Австро-Венгрии, оккупировав Галицию с ее столицей Львовом.

36. Вступление Италии в Первую мировую войну на стороне Антанты произошло 23 мая 1915 г.

37. Турция вступила в войну как союзница австро-германского блока 29 октября 1914, а Болгария — в ночь с 13 на 14 октября 1915 г. Бельгия поддержала Антанту 3 августа, Черногория — 5 августа, Япония — 23 августа 1914 г., Румыния — 27 августа 1916 г. и США — 6 апреля 1917 г.

38. Имеется в виду сражение под Каушеном (Восточная Пруссия), состоявшееся 6 августа 1914 г. Во время него погибли некоторые родственники В. Б. Лопухина, в частности — его двоюродные племянники В. Л. Князев и Г. Д. Лопухин. Потери в Каушенском сражении имели столь громкий резонанс, что привлекли внимание министров, и на заседании кабинета 9 августа назывались фамилии не только В. Л. Князева и Г. Д. Лопухина, но и других офицеров, происходивших из известных дворянских фамилий и павших в этом сражении. См.: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 41–42.

39. Сакраментальность этой фразы заключалась в том, что она употреблялась по отношению не только к сановникам, определявшимся к присутствию в департаментах и общих собраниях Сената, т. е. к занятию поста сенатора с потерей предыдущего поста, но и к тем, кто получал не должность, а звание сенатора, не связанное с пребыванием в Сенате и с отрывом от прежней должности, причем соответствующее жалование обеспечивалось лишь в первом случае.

40. Подразумевается происходившая в октябре-ноябре 1915 г. эвакуация дипломатов, аккредитованных в Белграде, в связи с поражениями сербской армии и оккупацией территории Сербии австро-венгерской армией. Подробнее об этом см.: *Писарев Ю. А.* Сербия на Голгофе и политика великих держав. 1916 г. М., 1993. С. 14–22.

41. Отозванные сотрудники посольств и миссий пополнили состав учреждений, образованных в МИД в связи с началом Первой мировой войны. Этими учреждениями были:

временные отделы по делам военнопленных, по переводу денег российским гражданам за границей, в т. ч. интернированным, по наведению справок, по транзиту, Особый политический отдел (с 1916 г. отдел печати и осведомлений). См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 12.

42. Т. е. Февральской революции 1917 г.

43. В самом начале Первой мировой войны, 27 июля 1914 г., был утвержден закон «О некоторых мерах к усилению средств казны ввиду обстоятельств военного времени», который давал Совету министров право на сокращение кредитов, отпущенных по государственным росписям расходов на 1914 и предшествующие годы (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 374).

Глава 20

1. Назначение графа П. Н. Игнатьева управляющим Министерством народного просвещения произошло 9 января 1915 г., утверждение в должности министра — 6 мая того же года (*Куликов С. В.* «Министерская чехарда» в России периода Первой мировой войны. С. 47, 48).

2. Управляющим Министерством торговли и промышленности князь В. Н. Шаховской был назначен 18 февраля, утвержден в должности министра — 6 мая 1915 г. Предположение В. Б. Лопухина о причастности к назначению В. Н. Шаховского Г. Е. Распутина ошибочно. Согласно официальной справке о старце, составленной после 1913 г., среди знакомых Распутина В. Н. Шаховской не значился (Г. Е. Распутин глазами официальных властей. С. 140–141). В январе — феврале 1915 г., накануне своего назначения, князь ни разу со старцем не встречался (Выписка из данных наружного наблюдения за Григорием Распутиным за время с 1-го января 1915 г. по 8-е февраля 1916 г. // Святой черт. С. 266). Знакомство Распутина с Шаховским произошло много позже его назначения министром, а потому очевидно, что ходатайствовать о своем назначении перед старцем князь не мог. Истинным «виновником» возвышения Шаховского был фактический премьер и главноуправляющий землеустройством и земледелием А. В. Кривошеин, которого с Распутиным ничего не связывало. Кривошеин выдвинул В. Н. Шаховского как «человека, пользующегося симпатиями Думы» (РГИА. Ф. 669. Оп. 1. Д. 15. Л. 115. Дневник И. С. Клюжева). См. также: *Куликов С. В.* «Наш Друг сказал». Г. Е. Распутин и «министерская чехарда» // Родина. 2005. № 3. С. 52.

3. Назначение принца А. П. Ольденбургского верховным начальником санитарной и эвакуационной части последовало 3 сентября 1914 г.

Верховный совет по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов — чрезвычайное учреждение военного времени, созданное 11 августа 1914 и существовавшее до 25 июля 1917 г., которое осуществляло объединение правительственной, общественной и частной деятельности по оказанию помощи семьям офицеров, солдат, раненых и погибших на фронте, а также общее руководство деятельностью Особого петроградского и Московского комитетов по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, Главного кавказского комитета помощи пострадавшим от войны и других учреждений. Председательницей Верховного совета была императрица Александра Федоровна, вице-председательницей — великая княгиня Ольга Николаевна, председательствующим в нем являлся председатель Совета министров (первоначально — И. Л. Горемыкин). В качестве членов в Верховный совет входили: великие княгини Мария Павловна и Ксения Александровна и Татьяна Николаевна, председатели Государственного совета и IV Государственной думы, два члена от верхней (князь Б. А. Васильчиков и А. Б. Нейдгардт) и нижней (М. М. Алексеенко и князь В. М. Волконский) палаты, Главного алексеевского и романовского комитетов, Главного управления Российского общества Красного Креста, вице-председатель Комитета попечительства о трудовой помощи,

обер-прокурор Синода, министры: военный, внутренних дел, финансов, путей сообщения, главноуправляющий землеустройством и земледелием, государственный контролер, главноуполномоченный Всероссийского земского союза помощи больным и раненым воинам, государственный секретарь, главноуправляющий Канцелярией его величества по принятию прошений, статс-дама по выбору императрицы (Е. А. Нарышкина), секретарь императрицы (граф Я. Н. Ростовцев) и назначенный ею член Государственного совета князь А. Н. Лобанов-Ростовский. При Верховном совете работали комиссии: Подготовительная, занимавшаяся предварительным обсуждением вопросов, вносившихся в совет; Финансовая, ведавшая изысканием и распределением средств на оказание помощи инвалидам войны и их семьям, а также семьям погибших; Распорядительная, рассматривавшая текущие дела, не подлежавшие внесению в совет, отчеты о деятельности подведомственных совету учреждений и составлявшая общий отчет о его деятельности. См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 221–222.

4. Т. е. В. А. Сухомлинова.

5. Дело полковника С. Н. Мясоедова, безосновательно, как оказалось позднее, обвиненного в государственной измене, рассматривалось военными властями с декабря 1914 г. и закончилось его повешением 18 марта 1915 г. Подробнее о деле С. Н. Мясоедова см.: *Шацилло К. Ф.* «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. Дело С. Н. Мясоедова было «поднято и ведено, главным образом, благодаря настойчивости» генерала М. Д. Бонч-Бруевича, которому «помогал» другой генерал — Н. С. Батюшин (*Лемке М. К.* 250 дней в царской Ставке. С. 514). Оппозиция всячески раздувала это дело, видя в нем средство для дискредитации власти. Лидер фракции трудовиков в IV Государственной думе А. Ф. Керенский 25 февраля 1915 г. адресовал ее председателю М. В. Родзянко официальное письмо, в котором, указав на слухи о том, что «по распоряжению военных властей арестовано несколько жандармских офицеров и чиновников Департамента полиции по обвинению в государственной измене — в сношениях с внешним врагом», делал абсолютно ложный вывод: «Измена свила себе гнездо в Министерстве внутренних дел». А. Ф. Керенский настаивал на немедленном созыве Думы, чтобы она могла предъявить запрос правительству «о государственной измене, обнаруженной в центральном правительственном учреждении». Письмо А. Ф. Керенского получило «довольно широкую огласку» и имело огромное агитационное значение (*Каррик В. В.* Война и революция: Зап. 1914–1917 гг. // Голос минувшего. 1918. № 4/6. С. 14, 15). Помимо чинов МВД во главе с его руководителем Н. А. Маклаковым, общественное мнение примешивало к делу военного министра В. А. Сухомлинова, чему способствовали интриги князя М. М. Андроникова, А. И. Гучкова и А. А. Поливанова, находившие отклик у лидеров бюрократической элиты. Проинформировав главноуправляющего землеустройством и земледелием А. В. Кривошеина о том, что «слухи и рассказы о мясоедовской истории принимают грандиозный характер», его заместитель граф В. В. Мусин-Пушкин писал: «Примешивают Сухомлинова, с женой которого он, будто бы, был в связи, примешивают и Маклакова, благодаря, будто бы, огромному числу его агентов и жандармов, замешанных в измене. Левые хотят его на этой почве сокрушить, в чем от души им сочувствую, но Маклакова они, пожалуй, не сокрушат, а пища для революционной пропаганды будет богатая. Если правда, что все три наши неудачи в Восточной Пруссии (Самсонов, Ренненкампф и последняя) — результат все той же измены, а если это неправда — то тем более, не находите ли вы нужным прекратить толки исчерпывающим правительственным сообщением. Если здесь не разберешь, что правда, что ложь, то что дойдет до деревни! Простите, если ломаюсь в открытую дверь, но я, впервые услышав об этой истории, совсем ею потрясен и видел людей в полном исступлении» (РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 41–42 об. Письмо В. В. Мусина-Пушкина А. В. Кривошеину. 1 марта 1915 г.; см. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань, 2004. С. 48, 144). По решению Совета министров было напечатано правительственное сообщение, слагавшее с МВД «ответственность за шпионаж, путем указания, что арестованные лица на службе в министерстве не состоят» (*Кар-*

рик В. В. Война и революция. С. 15). Однако официальное опровержение слухов об измене власти способствовало их усилению. На заседании кабинета 10 марта 1915 г. С. В. Рухлов, подняв «вопрос об измене», заметил: «Не придавал значения, но правительственное сообщение косвенно подтверждает». Слова С. В. Рухлова вызвали предложение Н. А. Маклакова: «Письмо Керенского рассмотрим» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 148). По сути дела, именно письмо А. Ф. Керенского открыло кампанию по обвинению власти в измене, апофеозом которой стали заседания Думы уже в ноябре 1916 г. и последующие события, закончившиеся Февральской революцией, для которой была характерна германофобская риторика.

6. Посещение Николаем II только что завоеванной Галиции происходило 9–11 апреля 1915 г. Тогда же Галицию посетил и председатель IV Государственной думы М. В. Родзянко.

7. Отступление русской армии с позиций, занятых ею в Галиции, было вызвано наступлением австро-германской армии, развивавшимся в ходе Горлицкой операции 19 апреля — 11 мая (2–24 мая) 1915 г.

8. Здесь В. Б. Лопухин противоречит своему же сообщению в главе 1, где на с. 30 он пишет, что Г. Д. и Д. А. Лопухины погибли не в 1915, а в 1914 г.

9. Строго говоря, в 1915–1917 гг. оппозиция выступала за создание «Министерства общественного доверия», формально отличного от «ответственного министерства». Однако фактически оба министерства означали введение парламентаризма, т. е. ограничение царской власти не только в законодательстве, но и в управлении, с той лишь разницей, что «ответственное министерство подразумевало это как де-факто, так и де-юре. Анализ данных понятий см.: *Куликов С. В.* «Министерство доверия» и «ответственное министерство»: государственно-правовые аспекты политической борьбы в предреволюционной России // Актуальные проблемы теории и истории государства и права: Материалы IV междунар. науч.-теорет. конф. Санкт-Петербург, 24 дек. 2003 г. СПб., 2004.

10. Имеются в виду увольнения министра внутренних дел Н. А. Маклакова (5 июня 1915 г.), военного министра В. А. Сухомлинова (13 июня), обер-прокурора Синода В. К. Саблера (5 июля) и министра юстиции И. Г. Щегловитова (6 июля), вместо которых были назначены князь Н. Б. Щербатов (главноуправляющий государственным конннозаводством и член Государственного совета по выборам), А. А. Поливанов (член Государственного совета по назначению), А. Д. Самарин (московский губернский предводитель дворянства и член Государственного совета по назначению) и А. А. Хвостов (член Государственного совета по назначению). О политическом смысле этих кадровых перемен см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 49–52, 76–77.

11. В действительности увольнение А. А. Поливанова, последовавшее 15 марта 1916 г., было вызвано политическими разногласиями между ним и новым председателем Совета министров Б. В. Штюрмером. Непосредственной причиной увольнения стало излишнее, с точки зрения Николая II, благоволение военного министра к военно-промышленным комитетам, и прежде всего к Центральному военно-промышленному комитету, председатель которого А. И. Гучков подозревался императором в подготовке антидинастического заговора. Объясняя причины отставки А. А. Поливанова, Николай II писал генералу 13 марта: деятельность комитетов «мне не внушает доверия, а руководство Ваше этою деятельностью недостаточно властно в моих глазах». См.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 235.

12. В. Б. Лопухин ошибочно связывает с кадровыми переменами июня-июля 1915 г. увольнения А. В. Кривошеина (26 октября 1915 г.) и С. В. Рухлова (27 октября), преемниками которых стали члены Государственного совета: по выборам — А. Н. Наумов (10 ноября) и по назначению — А. Ф. Трепов (30 октября). На самом деле отставка А. В. Кривошеина была вызвана его несогласием с политикой И. Л. Горемыкина, С. В. Рухлов же ушел «по состоянию здоровья». См.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 99.

13. См. комментарий 13 к главе 1.

14. Николай II вступил в верховное главнокомандование 23 августа 1915 г. Тогда же великий князь Николай Николаевич был назначен наместником его величества на Кавказе и главнокомандующим Кавказским фронтом.

15. Художник В. В. Каррик отметил в своем дневнике 25 августа 1915 г., что в связи со вступлением Николая II в верховное главнокомандование подготовлен, якобы, «указ о назначении, на время отсутствия государя, регентства в лице Николая Николаевича». Фиксируя слухи, возникшие в первой половине сентября 1915 г., Каррик писал: «В последние дни опять усиленно толкуют о регентстве. Теперь уже кандидатом называют Кирилла Владимировича. Завтра в Царском Селе состоится заседание Совета министров, на котором будут обсуждаться вопросы “чрезвычайной важности”. Говорят, что обсуждаться будет вопрос о регентстве; сегодня мне опять называли кандидатом Михаила Александровича и Александру Федоровну» (*Каррик В. В.* Война и революция. С. 27, 41). Граф В. В. Мусин-Пушкин сообщал А. В. Кривошеину, что в Петрограде «усиленно говорят об отсрочке приезда» царя из Ставки в столицу, «т. к., будто бы, в Ставку вызван» великий князь Михаил Александрович для принятия регентства (РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 290. Л. 15–16 об. Письмо В. В. Мусина-Пушкина А. В. Кривошеину. 23 сентября 1915 г.). Все эти слухи оказались ложными.

16. Управляющий МВД князь Н. Б. Щербатов и исправляющий должность обер-прокурора Синода А. Д. Самарин сами подали в отставку, вследствие политических разногласий между ними и И. Л. Горемыкиным, и были уволены 26 сентября 1915 г. Их преемниками, соответственно, стали член фракции правых IV Государственной думы А. Н. Хвостов и директор Департамента общих дел МВД А. Н. Волжин. Разделяемое В. Б. Лопухиным мнение современников о причастности к выдвижению этих кандидатур Г. Е. Распутина и князя М. М. Андроникова неверно. В действительности на пост министра внутренних дел А. Н. Хвостов, еще в качестве нижегородского губернатора, был рекомендован Николаю II в 1911 г. не кем иным, как П. А. Столыпиным. «Мне его, — имея в виду А. Н. Хвостова, говорил император В. Н. Воейкову, — рекомендовал покойный П. А. Столыпин, когда он был нижегородским губернатором; когда Столыпин хотел уйти из Министерства внутренних дел и сделаться председателем Совета министров, он называл мне его кандидатом на пост министра внутренних дел» (Допрос генерала В. Н. Воейкова. 28 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 3. С. 80). Расположение П. А. Столыпина к А. Н. Хвостову было столь сильным, что в 1907 г. по ходатайству премьера, признававшего «справедливым поощрить отлично-усердную службу» А. Н. Хвостова, он получил звание камергера «вне правил». Николай II последовал совету премьера и около 18 августа 1911 г. послал Г. Е. Распутина в Нижний Новгород, поручив ему «посмотреть на Хвостова» (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 162; Из архива С. Ю. Витте. Т. 1. Кн. 2. С. 895). В поездке старца сопровождал журналист Г. П. Сазонов, ошибочно полагавший, как и Г. Е. Распутин, что скоро последует уход П. А. Столыпина с поста не только министра внутренних дел, но и премьера. Заблуждение обоих подтверждается тем, что самым желательным кандидатом на последний пост им виделся граф С. Ю. Витте, к которому Николай II испытывал стойкую антипатию. Нижегородский губернатор не выказал гостю особого внимания, а потому старцу А. Н. Хвостов не понравился (Последний временщик последнего царя: (Материалы Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства о Распутине и разложении самодержавия) // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 101). Несмотря на это, в начале сентября 1911 г., после гибели П. А. Столыпина, министром внутренних дел Николай II по-прежнему хотел назначить именно нижегородского губернатора, отказавшись от своего намерения только по просьбе нового премьера В. Н. Коковцова. К мысли о назначении А. Н. Хвостова царь вернулся в конце июля 1915 г.: первый раз о своем намерении заменить им Н. Б. Щербатова Николай II заявил И. Л. Горемыкину 29 июля, когда у императора заседало правительство. В период, непосредственно предшествовавший выбору Николаем II кандидатуры А. Н. Хвостова, с 15 июня по 31 июля 1915 г., Г. Е. Распутин был у себя на родине в Сибири. В письмах же царицы за период до 15 июня, как, впрочем,

и позднее, имя думца не упоминается ни разу. Следовательно, к выдвижению кандидатуры А. Н. Хвостова Г. Е. Распутин и Александра Федоровна отношения не имели. Поскольку, однако, против царского кандидата выступил И. Л. Горемыкин, царица в письме Николаю II от 22 августа 1915 г. встала на сторону мужа, после чего попросила А. А. Вырубову встретиться с А. Н. Хвостовым и оценить его как человека. Для организации встречи с думцем А. А. Вырубова обратилась к одному из своих знакомых — издателю и журналисту князю М. М. Андроникову, который узнал от А. А. Вырубовой, что А. Н. Хвостов «предназначен был уже государем» (Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. Л., 1925. С. 388). Встреча подруги императрицы и депутата произошла 29 августа в Царском Селе, причем А. А. Вырубовой А. Н. Хвостов понравился. Лишь после этого М. М. Андроников развернул эпистолярную агитацию в пользу назначения А. Н. Хвостова министром внутренних дел. К середине сентября 1915 г. Александра Федоровна решила лично встретиться с А. Н. Хвостовым, чтобы проверить положительные мнения о нем, высказанные А. А. Вырубовой и М. М. Андрониковым. В решении пойти на эту встречу царицу утвердила телеграмма Г. Е. Распутина, все еще находившегося в Сибири. О близости назначения А. Н. Хвостова старец узнал из телеграммы А. А. Вырубовой только в середине сентября, отправив ей ответную телеграмму 16 сентября. В телеграмме Г. Е. Распутин благословил выбор императора, хотя до этого момента старец имел отрицательное мнение о А. Н. Хвостове. Однако Г. Е. Распутин переменил фронт, когда узнал о намерении Николая II и одобрении этого намерения Александрой Федоровной. Встреча царицы с А. Н. Хвостовым, благоприятная для него, произошла 17 сентября. Указ о назначении А. Н. Хвостова Николай II подписал 26 сентября, Г. Е. Распутин же вернулся в Петроград лишь 28 сентября. Встреча старца с думцем, открывшая период их близких отношений, состоялась уже после назначения А. Н. Хвостова, 29 сентября. Тем не менее, преувеличивая свою роль, виновником его возвышения Г. Е. Распутин выставлял себя. «Меня злило, — говорил по этому поводу М. М. Андроников, — когда Распутин говорил: “Я назначил Хвостова”... Это была неправда, потому что Хвостов был назначен 24–25 августа, а Распутин приехал в сентябре!» (Допрос князя М. М. Андроникова. 6 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 379). Впрочем, сам М. М. Андроников, кадя своему самолюбию, перед непосвященными, в частности — С. П. Белецким, тоже представлял дело так, будто он и является автором кандидатуры А. Н. Хвостова. Понятно, что старец и князь выдавали желаемое за действительное. Камарилья не имела отношения и к выдвижению кандидатуры А. Н. Волжина в преемники А. Д. Самарина, на пост исправляющего должность обер-прокурора Синода. В сентябре 1915 г. никто из кандидатов, выдвинутых Александрой Федоровной и М. М. Андрониковым на этот пост (члены Государственного совета по назначению граф А. А. Бобринский, Н. А. Зверев, А. А. Макаров, А. П. Рогович и А. А. Хвостов, а также почетный опекун В. С. Арсеньев, директор канцелярии Синода П. В. Гурьев, камергер С. М. Прутченко, редактор «Правительственного вестника» князь С. П. Урусов и вице-председатель Общества востоковедения Н. К. Шведов), преемником А. Д. Самарина не стал. С. П. Белецкий полагал, что А. Н. Хвостов «провел мысль о Волжине» «в одном из своих ближайших докладов» (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 168). Однако первый доклад А. Н. Хвостова у монарха, согласно дневнику Николая II, состоялся 20 октября 1915 г., между тем как уже 30 сентября, согласно тому же дневнику, царь имел встречу с А. Н. Волжиным, во время которой и предложил ему пост обер-прокурора. На самом деле А. Н. Волжин являлся личным кандидатом Николая II, хотя и не исключено, что в данном случае он косвенно учел рекомендацию И. Л. Горемыкина, выдвинувшего А. Н. Волжина, в начале сентября 1915 г. и наряду с другими кандидатами, в министры внутренних дел. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 78–82.

16а. Возможно, здесь мемуарист ошибается: согласно ряду источников, в это время и впоследствии Е. Н. Хвостова была замужем за статским советником М. П. Стремоуховым (Комментарий Д. Н. Шилова).

17. Подробнее о судьбе плана А. Н. Хвостова по подготовке выборов в V Государственную думу см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 181–182.

18. Принимая во внимание пожелания оппозиции, на заседании правительства 24 июля 1915 г. И. Л. Горемыкин высказался за создание Верховной комиссии по расследованию деятельности В. А. Сухомлинова. А. В. Кривошеин рекомендовал поставить во главе нее члена Государственного совета по назначению Н. П. Петрова, который 1 августа и был назначен председателем Верховной комиссии для всестороннего расследования обстоятельств, послуживших причиной несвоевременного и недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии. В конце февраля 1916 г. Верховная комиссия закончила свою работу и признала необходимым дать расследованию дела Сухомлинова дальнейший ход, направив его в 1-й департамент Государственного совета. Николай II согласился с Верховной комиссией, несмотря на то, что считал Сухомлинова невиновным. Убеждение царя в этом было таково, что поначалу Николай II собирался помиловать Сухомлинова путем особого рескрипта. «Ознакомившись с докладом назначенной мной Верховной комиссии по расследованию причин недостаточного пополнения запасов воинского снабжения армии, — гласил рескрипт, — я пришел к заключению, что нет фактических данных относить это исключительно к Вашей виновности. В короткий сравнительно срок после предшествовавшей войны Вы смогли, при известных мне не легких условиях, восстановить боевую готовность армии настолько, что она блестяще отмобилизовалась, сосредоточилась, и доблестные войска наши второй год ведут упорную борьбу с сильными врагами» (Допрос графа В. Б. Фредерикса. 2 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. М.; Л., 1926. С. 45). Постановление 1-го департамента от 10 марта 1916 г. о привлечении Сухомлинова к предварительному следствию царь утвердил 12 марта, возложив производство следствия на сенатора И. А. Кузмина. Николай II пошел на эту уступку оппозиции, хотя, как вспоминал дворцовый комендант В. Н. Воейков, «продолжал верить в невиновность Сухомлинова и не изменял своих чувств к нему». Царь согласился на привлечение Сухомлинова к предварительному следствию, «не желая пользоваться своим положением» (*Воейков В. Н.* С царем и без царя: Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. М., 1994. С. 97). Подробнее о политическом подтексте дела Сухомлинова см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 130, 201–202.

19. О миссии М. А. Васильчиковой и связанных с нею предложениях Германии России о заключении сепаратного мира см.: *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. Канун революции. М., 2006. С. 21–41. См. также письма М. А. Васильчиковой Николаю II от 25 февраля (10 марта) 1915 г. из Клейн-Вартенштейна (Глоггнитц, Нижняя Австрия) и от 14 (27) мая 1915 г. из Берлина (Константинополь и проливы. Т. 2. С. 369–370, 370–374).

Глава 21

1. Замена И. Л. Горемыкина членом Государственного совета по назначению Б. В. Штюрмером последовала 20 января 1916 г. Мнение В. Б. Лопухина, что И. Л. Горемыкин был уволен по инициативе «распутинского кружка», — неосновательно. В конце 1915 г. Г. Е. Распутин выступал не только против увольнения Горемыкина, но и за усиление его политической роли. В октябре старец поддержал идею об отставке министра иностранных дел С. Д. Сазонова, соединении этого поста с постом премьера и назначении Горемыкина канцлером Российской империи. Слух о предстоящей отставке Сазонова и назначении Горемыкина канцлером с передачей руководства МИД на правах управляющего бывшему послу в Австро-Венгрии Н. Н. Шебеко распространился в Петрограде в середине октября 1915 г. С Г. Е. Распутиным солидаризировался князь М. М. Андроников, который писал Александре Федоровне между 13 и 26 октября: «Если бы пост министра иностранных дел возможно было совместить с постом председателя Совета министров и вручить такое совмещение проницательному и тонкого ума Ивану Логгиновичу Горемыкину, то, вне вся-

кого сомнения, наше международное положение повысилось бы в весьма значительной степени» («Успокоения нечего ожидать»: Письма князя М. М. Андроникова. С. 31–32). Рекомендации представителей камарильи Николай II игнорировал, наоборот — он решил уволить И. Л. Горемыкина, первоначально наметив его преемником министра юстиции А. А. Хвостова. Поэтому в начале ноября 1915 г. Г. Е. Распутин и Александра Федоровна выступили за отставку И. Л. Горемыкина. Однако 12 ноября старец, а вслед за ним, 13 ноября, и царица выступили категорически против такой замены. В течение второй половины ноября — декабря 1915 г. Александра Федоровна ни в одном из писем Николаю II ни разу не упомянула о необходимости замены И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмером. Если бы в конце 1915 г. у Александры Федоровны или Г. Е. Распутина действительно появилась мысль о подобной замене, то эту мысль императрица непременно зафиксировала бы на бумаге. Именно так она поступила 19 декабря относительно предположения о замене министра финансов П. Л. Барка председателем правления Соединенного банка графом В. С. Татищевым. Кандидатура графа была выдвинута А. Н. Хвостовым и поддержана, без каких-либо последствий, Г. Е. Распутиным, Александрой Федоровной и М. М. Андрониковым. Раз о замене И. Л. Горемыкина Б. В. Штюрмером императрица ничего не написала, то, следовательно, в конце 1915 г. Александра Федоровна и Г. Е. Распутин по-прежнему полагали, что увольнять И. Л. Горемыкина не стоит. Но это и означает, что кандидатуру Б. В. Штюрмера Николай II выбрал независимо от супруги и старца (*Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 83–84). О действительной роли камарильи при подготовке назначения Б. В. Штюрмера см. комментарий 24 к главе 1.

2. Другие современники, вопреки В. Б. Лопухину, утверждали обратное. Так, бывший председатель III Государственной думы Н. А. Хомяков вспоминал, что на посту назначенного председателя Тверской губернской земской управы Б. В. Штюрмер уже «в две недели сумел стать общим любимцем» (Н. А. Хомяков о Государственной думе, правительстве и стране // Биржевые ведомости. 1916. 22 января). Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров. С. 388–391.

3. Здесь, как и в предыдущем случае, мнению В. Б. Лопухина можно противопоставить свидетельства не менее осведомленных современников. По воспоминаниям Н. П. Муратова, в Ярославле Б. В. Штюрмер «оставил по себе большую память и, во всяком случае, как о незаурядном губернаторе» (РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 28. Л. 586). Штюрмеровское управление Ярославской губернией, подчеркивал П. Г. Курлов, многие считали «образцовым, так как никто не сомневался, что в лице Б. В. Штюрмера был хозяин губернии, каким рисует губернатора наш закон» (*Курлов П. Г.* Гибель императорской России. М., 1991. С. 153). Доказательством общественного признания деятельности Штюрмера в Ярославле стало то, что при оставлении им поста губернатора местное дворянское собрание, склонное к либерализму, приобрело на имя Штюрмера земельный ценз (это давало право на причисление к ярославскому дворянству), после чего собрание само, без ходатайства о том Штюрмера, приняло его в свои ряды. Более того, Николай II считал Штюрмера самым лучшим губернатором Российской империи. На отчете министра внутренних дел Д. С. Сипягина о посещении им в 1901 г. Ярославской губернии в том месте, где он свидетельствовал «об административном опыте и энергичной деятельности» Штюрмера, создавших ему «положение действительного хозяина губернии», царь подчеркнул последние слова и сделал на полях совершенно беспрецедентную отметку: «Желал бы, чтобы все вообще губернаторы так сознательно и правильно смотрели на себя и на вверенное им мною дело». Подробнее см.: *Куликов С. В.* Назначение Бориса Штюрмера председателем Совета министров. С. 391–394.

4. Замена П. А. Харитонова Н. Н. Покровским на посту государственного контролера произошла 25 января 1916 г.

5. Выступая в IV Государственной думе с правительственной декларацией, председатель Совета министров А. Ф. Трепов заявил: «Жизненные интересы России так же понятны нашим верным союзникам, как и нам, и соответственно сему заключенное нами

в 1915 г. с Великобританией и Францией соглашение, к которому присоединилась и Италия, окончательно устанавливает право России на проливы и Константинополь. Русский народ должен знать, за что он льет свою кровь, и, по состоявшемуся ныне взаимному уговору, соглашение наше с союзниками сегодня оглашается с этой кафедры». Полный текст декларации см.: Ораторы России в Государственной думе. Т. 2. С. 311–318. О значении проблемы черноморских проливов во внешней политике России периода Первой мировой войны см.: Россия и черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999. С. 305–352.

6. В данном абзаце речь идет о Дарданелльской (Галлиполийской) операции, которую Англия и Франция проводили против Турции с 19 февраля 1915 по 9 января 1916 г. Подробнее об этом см. комментарий 11 к главе 1. Надеясь на удачный исход Дарданелльской операции, Англия, Россия и Франция вели переговоры о временном устройстве Константинополя после захвата его союзниками. По окончании войны он должен был перейти в обладание России, однако на период военных действий в нем предполагалось ввести временное устройство. Проект городского управления Константинополя предполагал создание военной и гражданской власти, причем Россия настаивала, чтобы контроль главнокомандующего союзными силами не распространялся на верховных комиссаров Англии, России и Франции. Подразумевалось также учреждение шести отделов, которые ведали бы всеми отраслями гражданского управления, с тем, чтобы каждой из держав предоставлялось назначение двух начальников отделов. России планировалось передать управление внутренними делами и юстицией, заведование же вакуфами, т. е. мусульманскими духовными имуществами, — мусульманину (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 321). Документы о предположениях союзников и переговорах между ними относительно оккупации Константинополя и временного управления столицей Турции см.: Константинополь и проливы. Т. 2. С. 325–368.

7. В годы Первой мировой войны министр иностранных дел С. Д. Сазонов, несмотря на антинемецкую кампанию в печати, сознательно проводил кадровую политику, нацеленную на сохранение в МИД солидного представительства сановников немецкого происхождения. В июне 1916 г., во время заседания кабинета, он резко отреагировал на то, что шовинистическое «Общество 1914 г.» послало ему письмо «неприличного тона и содержания». Авторы письма, намекая на «лиц немецкого происхождения», требовали от Сазонова «устранить предателей». «Я не могу молчать, — возмущался Сазонов. — Эта гадость и дрянь сами предатели. Если правительство не вступится, я доложу его императорскому величеству. Если в военное время не оградить себя, то в мирное время тяжело будет. Надо прекратить» (Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. С. 344). Отношение Сазонова к вопросу о «немецком засилье» предопределяли личные связи министра «с явно германским по своему происхождению, а отчасти и по симпатиям, большинством его ближайших любимых сотрудников по МИД. Иная позиция, — полагал мидовский чиновник, — была прямо невозможна при сохранении этих лиц в дипломатическом аппарате на ответственных местах» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 69). См. также: *Куликов С. В.* Российские немцы в составе Императорского двора и высшей бюрократии: коллизия между конфессиональной и национальной идентичностями в начале XX в. // Немцы в государственности России. СПб., 2004.

8. О посещении Николаем II 9 февраля 1916 г. Государственной думы см.: *Куликов С. В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны // Английская набережная, 4: Ежегодник С.-Петербург. науч. о-ва историков и архивистов. 2000 г. СПб., 2000. С. 302–307; *Витенберг Б. М.* 9 февраля 1916 г.: Николай II в Государственной думе // На пути к революционным потрясениям. Из истории России второй половины XIX – начала XX века. Кишинев, 2001.

9. Ср.: *Родзянко М. В.* Крушение Империи: Записки председателя Русской Государственной Думы // Архив русской революции. М., 1993. Кн. 9. Т. 17. С. 117–119.

10. А. Н. Хвостов, как и В. Б. Лопухин, верил, что появление Николая II в Таврическом дворце было вызвано влиянием Г. Е. Распутина, поскольку о желательности такого

шага старец говорил своему охраннику в декабре 1915 г. Однако Г. Е. Распутин только вторил собственному мнению царя, который решил посетить Думу, по крайней мере, не позднее первой половины ноября 1915 г. Во всяком случае, именно тогда Александра Федоровна напомнила мужу, что он «полагал» «совершенно неожиданно появиться в Думе и сказать несколько слов» (Николай Второй в секретной переписке. М., 1996. С. 294). Воплощению царского плана содействовали представители не камарильи, а оппозиции, в частности — А. А. Клопов, действовавший с ведома М. В. Родзянко. См.: *Куликов С. В.* Император Николай II в годы Первой мировой войны. С. 302–307.

11. Вопреки мнению В. Б. Лопухина, к состоявшейся 3 марта 1916 г. замене А. Н. Хвостова Б. В. Штюрмером камарилья не имела никакого отношения, поскольку об этой кадровой перемене Александра Федоровна узнала в день ее совершения от А. А. Вырубовой, а она — от премьера. Николай II уведомил супругу о назначении Штюрмера министром внутренних дел лишь 5 марта. Г. Е. Распутин узнал о данном назначении, как и царица, 3 марта от Вырубовой, но, тем не менее, выдавая себя за его автора, разыгрывал перед И. Ф. Манасевичем-Мануйловым роль вершителя судеб России. Причиной появления Штюрмера во главе МВД было не влияние камарильи, а стремление Николая II к соглашению с оппозицией, не выходящее за границы Основных законов 1906 г. См. об этом: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 186–187. Об увольнении А. А. Поливанова см. комментарий 11 к главе 20.

12. Сообщая о деле Б. М. Ржевского, В. Б. Лопухин, как и большинство современников, ошибочно считал, что в данном случае А. Н. Хвостов действительно готовил покушение на Г. Е. Распутина. Между тем, сам А. Н. Хвостов отрицал эту версию, хотя и выставлял себя борцом против камарильи. Беседуя с В. А. Маклаковым в феврале 1916 г., министр внутренних дел заявил, что слухи о его причастности к подготовке убийства старца — «простая сплетня» (*Маклаков В. А.* Некоторые дополнения к воспоминаниям Пуришкевича и кн. Юсупова об убийстве Распутина // Современные записки (Париж). 1928. № 34. С. 264). В деле Б. М. Ржевского А. Н. Хвостову виделась «какая-то простая и грубая инсценировка» (Допрос А. Н. Хвостова. 18 марта 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 42). Инсценированность этого дела подтверждается его обстоятельствами. В конце 1915 г. Б. М. Ржевский, корреспондент либеральных «Русского слова» и «Биржевых ведомостей» (тот самый, который в феврале 1914 г. опубликовал статью «Россия хочет мира, но готова к войне» — см. комментарий 5 к главе 19), предложил свои услуги А. Н. Хвостову для организации покупки у жившего в Норвегии врага Г. Е. Распутина, расстриженного иеромонаха Илиодора, рукописи его воспоминаний «Святой черт», посвященных разоблачению старца. А. Н. Хвостов принял предложение Б. М. Ржевского, поскольку он был лично знаком с Илиодором, и согласился выдать журналисту заграничный паспорт и удостоверение на покупку в Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов иностранной валюты на 5 000 рублей. Для получения этих документов А. Н. Хвостов направил Б. М. Ржевского к директору канцелярии министра внутренних дел Б. В. Писаренкову. После того, как 20 декабря 1915 г. Б. М. Ржевский попросил у Б. В. Писаренкова удостоверение на валюту, последний обратился к А. Н. Хвостову, который указал, что денежную выдачу «следует произвести с соблюдением всех требующихся формальностей». Поэтому 23 декабря директор канцелярии выдал Б. М. Ржевскому просимое им удостоверение (РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 109. Л. 1. Докладная записка Б. В. Писаренкова. 11 февраля 1916 г.). По поводу размена 5000 рублей А. Н. Хвостов отправил министру финансов П. Л. Барку особое письмо. «Вот этим письмом, — говорил А. Н. Хвостов журналистам, когда его уже подозревали в подготовке убийства Г. Е. Распутина, — и хотят теперь воспользоваться, как уликой против меня, но вы, конечно, понимаете, что если бы министр внутренних дел решился на какое-нибудь преступное деяние, то он не оставлял бы такого яркого следа, как официальное письмо» (*Гессен И. В.* Беседа с А. Н. Хвостовым в феврале 1916 г. // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 6. Т. 12. С. 77). Вернувшись из командировки, Ржевский 4 февраля 1916 г. явился к Писа-

ренкову и заявил, что «исполнил за границей секретное поручение господина министра, но для окончательной расплаты по этому поручению ему необходимо произвести обмен русской валюты на иностранную еще до 60 тысяч и что господин министр приказал выдать дополнительное удостоверение на эту сумму». Ввиду уже бывшего прецедента Писаренков выдал Ржевскому удостоверение на приобретение затребованной суммы. Однако 11 февраля, при очередном докладе директора канцелярии А. Н. Хвостову, министр заявил, что «никогда такого распоряжения через Ржевского не делал, и что он уже арестован» (РГИА. Ф. 1629. Оп. 1. Д. 109. Л. 2). Дело в том, что во время поездки Ржевского товарищ министра внутренних дел С. П. Белецкий нашел данные для обвинения журналиста в злоупотреблениях внеочередными свидетельствами, имевшимися у него по должности уполномоченного Красного Креста Северо-Западного района. Поэтому когда Ржевский вернулся, он по распоряжению С. П. Белецкого был обыскан, арестован и намечен к высылке в Тобольскую губернию, на что А. Н. Хвостов согласился. Узнав о грозящей ему опасности, Ржевский через своего друга, инженера В. В. Гейне, сообщил секретарю Г. Е. Распутина А. С. Симановичу, что целью поездки была не покупка книги, а организация убийства старца с помощью Илиодора. А. С. Симанович информировал об этом Г. Е. Распутина и И. Ф. Манасевича-Мануйлова, которого Б. В. Штюрмер попросил встретиться с В. В. Гейне. Из разговора с ним Манасевич решил, что А. Н. Хвостов поручил Ржевскому подготовку убийства, доказательством чего счел удостоверение о выдаче ему валюты на 60 000 рублей (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1916 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 38–39). Однако в действительности удостоверение было выдано журналисту без ведома А. Н. Хвостова. Николай II возложил расследование дела Ржевского на Штюрмера, а он обратился по этому поводу к своему ближайшему сотруднику И. Я. Гурлянду, несколько раз допросившему Ржевского на квартире премьера. Первоначально журналист настаивал на том, что цель его поездки состояла в подготовке убийства Г. Е. Распутина. Но во время завтрака, на котором, помимо Ржевского и Гурлянда, присутствовал начальник Петроградского охранного отделения К. И. Глобачев, Ржевский, расслабленный «большой рюмкой мадеры», отказался от этой версии. «Совершенно опьяневший Ржевский, — вспоминал И. Ф. Манасевич, — вдруг изменил свои показания и заявил, что был командирован министром внутренних дел Хвостовым в Христианию для переговоров с Илиодором, относительно приобретения его книжки, посвященной Распутину» (Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия // Красный архив. 1936. Т. 77. С. 206). Тогда по поручению Штюрмера Манасевич встретился с сожительницей Ржевского, которая подтвердила истинность первой версии. Между тем, А. Н. Хвостов попросил Манасевича встретиться с ним на квартире свойственника министра, графа В. С. Татищева, где заявил собеседнику, что «Ржевский врет» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 8 апреля 1916 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 40, 41). Видя во всем этом интриги своего заместителя, Хвостов на аудиенции, состоявшейся 10 февраля 1916 г., добился от Николая II согласия на увольнение Белецкого с назначением его, вместо Л. М. Князева, иркутским генерал-губернатором. Белецкий, обидевшись на Хвостова, решил отыграться на деле Ржевского, для чего встретился с Распутиным в присутствии петроградского митрополита Питирима и Штюрмера и подтвердил им истинность первой версии Ржевского, хотя не имел на то веских оснований (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. Т. 4. С. 412). Еще большее правдоподобие первая версия получила после того, как Илиодор телеграфировал Распутину: «Имею убедительные доказательства покушений высоких лиц твою жизнь. Пришли доверенное лицо» (*Гессен И. В.* Беседа с А. Н. Хвостовым. С. 78). Однако Илиодор и Ржевский инсценировали заговор Хвостова против Г. Е. Распутина. В качестве «подробности инсценировки» заговора следователь Чрезвычайной следственной комиссии В. М. Руднев привел следующий факт. В телеграммах, полученных Б. М. Ржевским от Илиодора, упоминалось о лицах, живших в Царицыне, «входивших будто бы в сношения с Илиодором и даже приезжавших к нему в Христианию для заговора». Но произведенное расследование «не подтвердило правди-

вости этих указаний» и «доказало, что означенные лица из Царицына никуда не уезжали, как о том свидетельствовали акты осмотра домовых книг и других документов» (*Руднев В. М.* Правда о царской семье и «темных силах». С. 285, 286). См. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 185–186.

13. Назначение Д. С. Шуваева военным министром последовало 15 марта 1916 г.

14. Вероятно, имеется в виду речь члена фракции националистов Л. В. Половцова, произнесенная им 12 февраля 1916 г. Арест В. А. Сухомлинова и заключение его в Петропавловскую крепость последовали 29 апреля того же года.

15. Особая комиссия, при Верховном совете, по призрению воинских чинов и других лиц, пострадавших в продолжение войны, а также их семей, была образована 10 января 1915 г. Она занималась открытием специальных мастерских, развитием профессионального образования, устройством богаделен, приютов и организацией иной помощи инвалидам войны и семьям погибших, а также снабжением одеждой и деньгами солдат, выпускаемых из госпиталей. См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 222.

16. Об участии представителей императорской фамилии в оппозиции см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 358–372 (параграф «“Спасение только в Думе”. Великокняжеская фронда (август 1915 — февраль 1917 г.)»).

17. Имеется в виду находившийся в Москве Комитет под председательством великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну, который она возглавляла с августа 1914 по март 1917 г.

18. Подразумевается воззвание верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича к полякам от 1 августа 1914 г., которое содержало обещание создать объединенную и автономную Польшу. К составлению воззвания сам Николай Николаевич никакого касательства не имел. Его написал находившийся в Петербурге посланник в Сербии князь Г. Н. Трубецкой и отредактировали А. В. Кривошеин и С. Д. Сазонов. Что касается провозглашения Австро-Венгрией и Германией автономии, точнее — независимости, Польши (Польского королевства), то оно не предшествовало увольнению Сазонова, состоявшемуся 7 июля 1916 г., а произошло много позже — 5 ноября (н. ст.) того же года. Материалы по польскому вопросу во время Первой мировой войны см.: *Дякин В. С.* Национальный вопрос во внутренней политике царизма. С. 400–430. О причинах увольнения С. Д. Сазонова см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 224–229.

19. В данном случае В. Б. Лопухин снова сильно преувеличивает влияние камарильи на кадровую политику самодержавия во время Первой мировой войны. За период с 17 мая по 6 июля 1916 г., нашедший отражение в письмах Александры Федоровны Николаю II и непосредственно предшествовавший увольнению С. Д. Сазонова, о необходимости назначения Б. В. Штюрмера руководителем МИД она ни разу не писала. Замена Сазонова Штюрмером, предрешенная Николаем II 3 июля 1916 г., состоялась без участия царицы, поскольку тогда царь находился в Ставке верховного главнокомандующего (Могилев), куда его жена приехала только 7 июля. Более того, Александра Федоровна и Распутин выступили против назначения Штюрмера преемником Сазонова. Узнав об этом назначении, старец буквально «рвал и метал», возмущаясь тем, как мог премьер согласиться на получение министерства, в котором «ничего не понимает» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 51, 53–54). «Какой же он хозяин в иностранных... Собака, все себе забрать хочет..., — говорил Распутин Манасевичу после назначения Штюрмера, подразумевая его усилия по привлечению Румынии на сторону Антанты. — Хвастат, что румынцы пошли благодаря ему... Они и без него бы пошли... А он, понимашь, этим папу за горло схватил и оборудовал все там у него так, что мама даже ничего не знала... Вишь, как зазнался — даже не пожелал посоветоваться с самой... Теперь все пойдет шиворот-навыворот, и старикашке не удержаться» (Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия. С. 208). Г. Е. Распутин советовал Б. В. Штюрмеру не

принимать нового поста, полагая, что «это будет его погибелью: немецкая фамилия, и все станут говорить, что это, — писала царица мужу, — дело моих рук» (Николай II в секретной переписке. С. 618). Александра Федоровна и Распутин явили проницательность, ибо назначение Штюрмера министром иностранных дел общественное мнение действительно восприняло как дело рук императрицы и старца, хотя ничего подобного не было. См. об этом: *Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 87. В. Б. Лопухин, подобно многим современникам, заблуждался и относительно цели назначения Б. В. Штюрмера, которой заключение сепаратного мира могло быть менее всего. Подробнее о его отношении к идее сепаратного мира см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 246–259 (параграф «"Чисто русское направление". Б. В. Штюрмер — министр иностранных дел (июль-ноябрь 1916 г.)»). См. также: *Васюков В. С.* Внешняя политика России накануне Февральской революции. 1916 — февр. 1917 г. М., 1989. С. 232–295.

20. Одновременно с заменой С. Д. Сазонова Б. В. Штюрмером и увольнением последнего с поста руководителя МВД 7 июля 1916 г. министр юстиции А. А. Хвостов получил портфель министра внутренних дел, а его преемником стал член Государственного совета по назначению А. А. Макаров. Замена А. Н. Наумова назначенным членом верхней палаты графом А. А. Бобринским произошла 21 июля. Увольнение А. Н. Волжина с должности обер-прокурора Синода имело место 7, назначение же вместо него члена Совета министра народного просвещения Н. П. Раева — 30 августа 1916 г.

21. О предположении Б. В. Штюрмера назначить П. С. Боткина товарищем министра иностранных дел и его последствиях см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 250–251.

22. Скорее всего, увольнение А. П. Вейнера было вызвано его «немецкой» фамилией, а не еврейскими корнями, поскольку на посту министра иностранных дел Б. В. Штюрмер проводил политику «русификации» личного состава центральных и заграничных учреждений МИД, в связи с чем отставку получили сановники с «немецкими» фамилиями (барон М. Ф. Шиллинг) либо лица, имевшие репутацию германофилов (В. А. Арцимович).

23. Дела Д. Л. Рубинштейна, директора Русско-Французского банка, и И. Ф. Манасевича-Мануйлова, чиновника, состоявшего при премьере, инициировал начальник штаба верховного главнокомандующего М. В. Алексеев, являвшийся сторонником оппозиции и политическим оппонентом Б. В. Штюрмера, а также противником камарильи, представителями которой начальник штаба считал Д. Л. Рубинштейна и И. Ф. Мануйлова. С одобрения М. В. Алексеева председатель Комиссии по расследованию злоупотреблений тыла Н. С. Батюшин 10 июля 1916 г. приказал арестовать Д. Л. Рубинштейна по обвинению в спекуляции, граничащей с государственной изменой, хотя это дело было «инсценировано кучкой банкиров» из числа конкурентов Д. Л. Рубинштейна (Петроградская контрразведка накануне революции: Из воспоминаний сотрудника // Былое. 1924. № 26. С. 230). К его делу попытались привлечь ближайшего сотрудника Штюрмера И. Я. Гурлянда, обвиненного в предупреждении Д. Л. Рубинштейна об аресте. Скандал вокруг Гурлянда неизбежно поколебал бы и положение премьера, однако Гурлянду удалось выйти из затруднительного положения без больших издержек, а Рубинштейн впоследствии был освобожден. Не прошло и полутора месяцев, как 19 августа 1916 г., по прямому распоряжению М. В. Алексеева и без предварительного уведомления Штюрмера, директор Департамента полиции Е. К. Климович арестовал И. Ф. Манасевича-Мануйлова, обвиненного в вымогательстве взятки у товарища директора Соединенного банка И. С. Хвостова, двоюродного брата бывшего министра внутренних дел А. Н. Хвостова. Помимо Алексеева и Климовича, за арестом И. Ф. Манасевича стояли дядя А. Н. и И. С. Хвостовых, министр внутренних дел А. А. Хвостов, и его заместитель А. В. Степанов, обеспечивавший связь между МВД и Ставкой. По приказанию главнокомандующего Северным фронтом Н. В. Рузского было произведено специальное следствие, порученное находившемуся в его распоряжении М. Д. Бонч-Бруевичу и Н. С. Батюшину, которые пришли к выводу, что дело Манасевича возникло благодаря провокации со стороны А. Н. Хвостова и его ставленника Климовича

(РГИА. Ф. 525. Оп. 2 (217/2715). Д. 696. Л. 4–4 об. Справка по делу И. Ф. Манасевича-Мануйлова). В начале декабре 1916 г. Батюшин явился к А. А. Вырубовой и «просил о прекращении этого дела, так как он убедился, что это грязная история, — сообщала царица мужу, — поднятая с целью повредить нашему Другу, Питириму и др., и во всем этом виноват толстый Хвостов» (Николай II в секретной переписке. С. 630–631). В данном случае А. Н. Хвостов пытался отомстить Манасевичу, поскольку ошибочно полагал, что именно он, установив в феврале 1916 г. причастность Хвостова к делу Б. М. Ржевского, был главным виновником его отставки. Свои основания для мести Манасевичу имел и Климович — именно Манасевич передал Штюрмеру записку бывшего московского градоначальника генерала А. А. Рейнбота-Резвого о причастности Климовича к укрывательству, путем выдачи паспорта, убийцы Г. Б. Иоллоса, члена кадетской фракции I Государственной думы. Штюрмер, получив записку, «заволновался» и поставил вопрос об увольнении Климовича, которое задержалось только потому, что премьер перешел из МВД в МИД (Показания В. Л. Бурцева. 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 323). Согласно результатам расследования Батюшина и Бонч-Бруевича, А. Н. Хвостову помог И. С. Хвостов, давший Манасевичу 25 000 рублей, попросив отослать их французской газете «Temps» за статью в пользу назначения министром финансов председателя правления Соединенного банка графа В. С. Татищева, тестя И. С. Хвостова. На самом деле деньги Манасевичу дали для того, чтобы обвинить его во взимании взятки, причем предварительно, по совету Климовича, все номера кредитных билетов были переписаны, а сами они — помечены условными знаками. Сразу после ухода Хвостова из квартиры Манасевича в нее вошли заранее подготовленные жандармы, которые произвели обыск, изъяли деньги и проверили их по записке, переданной Хвостовым. Жертвой провокации, подготовленной Климовичем, считал Манасевича самый крупный специалист по этой части — В. Л. Бурцев. Он был «глубоко возмущен» «провокационным приемом», использованным Климовичем, который сделал из И. С. Хвостова «орудие для ликвидации своих личных счетов» с Манасевичем. Неудивительно, что на процессе Манасевича Бурцев вел себя «в смысле явно подчеркнутой им симпатии к Мануйлову» (Показания С. П. Белецкого // Падение царского режима. С. 498), а после Февральской революции 1917 г. ходатайствовал о передаче ему Манасевича на поруки (Показания В. Л. Бурцева. 1 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 1. С. 322). В данном случае неважно, действительно ли был виновен Манасевич, жертвой чего он являлся — собственной ли алчности или мести А. Н. Хвостова и Е. К. Климовича, поскольку, независимо от степени виновности Манасевича, он оказался, прежде всего, жертвой закулисной политической борьбы. Несмотря на попытки Александры Федоровны и Распутина избавить Манасевича от осуждения, его дело рассматривалось 13–18 февраля 1917 г. Петроградским окружным судом, который признал его виновным в мошенничестве и приговорил к лишению особых прав и преимуществ и заключению в исправительное арестантское отделение на полтора года.

24. Телеграмму Николаю II с осторожным протестом против увольнения С. Д. Сазонова Д. Бьюкенен отправил 6 июля 1916 г. (*Бьюкенен Д.* Моя миссия в России: Воспоминания английского дипломата. 1910–1918. М., 2006. С. 210–211). То, что В. Б. Лопухин знал об этом, свидетельствует о его знакомстве с воспоминаниями английского посла, опубликованными в СССР в 1920-е гг. с некоторыми сокращениями.

25. Имеется в виду конференция представителей стран Антанты, проходившая в Париже 1–4 (14–17) июля 1916 г. В конференции участвовали делегации Бельгии, Великобритании, Италии, Португалии, России, Сербии, Франции и Японии. Н. Н. Покровский являлся главой русской делегации. Заседания конференции были посвящены обсуждению проблем послевоенного мирового экономического устройства. Подробнее об этом см.: *Бабичев Д. С.* Россия на Парижской союзнической конференции 1916 г. по экономическим вопросам // Исторические записки. М., 1969. Т. 83.

26. Увольнение А. А. Хвостова с поста министра внутренних дел и назначение управляющим МВД товарища председателя IV Государственной думы А. Д. Протопопова состо-

ялись 16 сентября 1916 г. Ранее А. Д. Протопопов являлся главой заграничной делегации законодательных учреждений России, которая в апреле-июне 1916 г. посетила Швецию, Англию и Францию. Членами делегации были: от Государственной думы — В. Я. Демченко (фракция прогрессивных националистов), М. М. Ичас (кадет), П. Н. Милюков (кадет), А. А.Ознобишин (фракция националистов), А. А. Радкевич (правая фракция), Ф. Ф. Рачковский (польское коло), Д. Н. Чихачев (фракция националистов), А. И. Шингарев (кадет), Б. А. Энгельгардт (фракция центра) и от Государственного совета — А. В. Васильев (группа левых), граф С. И. Велепольский (группа центра), В. И. Гурко (Кружок внепартийного объединения), князь А. Н. Лобанов-Ростовский (группа правых), граф Д. А. Олсуфьев (группа центра), барон Р. Р. Розен (группа центра). О делегации см.: *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. Царизм, буржуазия и их союзники по Антанте. 1914–1917. Л., 1990. С. 168–195.

27. Возвращаясь в Россию, в июне 1915 г. в Стокгольме А. Д. Протопопов и его коллега по делегации, член Государственного совета по выборам граф Д. А. Олсуфьев, беседовали с сотрудником посольства Германии в Швеции Ф. Варбургом, который изложил германские условия мира. Встреча произошла по инициативе не А. Д. Протопопова, а Д. А. Олсуфьева, разделявшего в годы Первой мировой войны германофильские и пацифистские взгляды. По признанию графа, его «соблазняла мысль побеседовать с настоящим “живым немцем”, только что прибывшим из Германии, чтобы ознакомиться с их тогдашним настроением, но тут же вскоре к нашей “затее” присоединился А. Д. Протопопов». «Спустя несколько часов, — отмечал Д. А. Олсуфьев, — нам было сообщено, что в Стокгольме находится некий господин Варбург, банкир из Гамбурга, который часто ездит в Швецию, и что он с полной готовностью отозвался на мое желание» (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 552. Л. 25. Показания графа Д. А. Олсуфьева). Стокгольмская встреча ни в коей мере не испортила положительного впечатления членов делегации о ее руководителе. После возвращения в Петроград П. Н. Милюков сообщил думцам, что А. Д. Протопопов «держал себя умно и тактично» (*Родзянко М. В.* Крушение Империи. С. 128). Неудивительно, что председатель IV Государственной думы Родзянко считал, что Протопопов «успешно справился со своей задачей» (*Родзянко М. В.* Государственная Дума и февральская 1917 года революция // Архив русской революции. М., 1991. Кн. 3. Т. 6. С. 50). Вплоть до назначения Протопопова управляющим МВД думцы не считали стокгольмскую встречу чем-то криминальным. Когда он рассказал о встрече депутатам, то Дума «удовлетворилась» его объяснениями (*Родзянко М. В.* Крушение Империи. С. 128). Только после назначения Протопопова, когда он оказался неприемлем для оппозиции, стокгольмской встрече было придано значение события, компрометирующего Протопопова. Понимая это, Николай II заявил Д. Бьюкенену 30 декабря 1916 г.: «Господин Протопопов не симпатизирует Германии, и слухи относительно его стокгольмской беседы грубо преувеличены» (*Бьюкенен Д.* Моя миссия в России. С. 234). Следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Г. П. Гирчич, отнюдь не заинтересованный в обелении Протопопова, тем не менее, пришел к выводу, что «поведение А. Д. Протопопова в эпизоде с Варбургом и то обстоятельство, что он в особую заслугу свою, признанную за ним и при Дворе, ставил удачное отклонение якобы сделанных ему предложений о сепаратном мире с Германией, не дает никаких оснований считать этот эпизод компрометирующим А. Д. Протопопова в каком бы то ни было отношении, за исключением нежелания его считаться с истиной» (ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 552. Л. 114. Заключение Г. П. Гирчича, 2 октября 1917 г.). О стокгольмской встрече см. также: *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны. (1914–1917). Л., 1967. С. 280–282; *Черменский Е. Д.* IV Государственная Дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 187–192; *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. С. 195–202.

28. При передаче В. Б. Лопухиным отзыва Н. Н. Покровского об А. Д. Протопопове произошло явное наслоение на более ранние впечатления позднейших впечатлений как Н. Н. Покровского, так и мемуариста, поскольку версия о сумасшествии А. Д. Протопо-

пова муссировалась оппозиционерами уже после его назначения управляющим МВД. До и сразу после назначения А. Д. Протопопова Н. Н. Покровский относился к нему положительно. «Протопопов, — вспоминал Н. Н. Покровский, — появился в Совете министров с обычной своей живостью, любезностью, — если хотите, внешнею привлекательностью манер, и в первую минуту никакого дурного отношения к нему не было. Напротив, думали, что что-нибудь выйдет» (Показания Н. Н. Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. С. 355). Показательно, что до и в первые недели после назначения А. Д. Протопопова он пользовался бесспорным авторитетом и у других министров, которые впоследствии стали относиться к нему резко отрицательно. «С Протопоповым у меня такие отношения, — писал министр народного просвещения граф П. Н. Игнатьев своему заместителю В. Т. Шевякову 21 сентября 1916 г., — что, думается, никаких трений и недоразумений между нами быть не должно. Не знаю, справится ли он со своей тяжелой задачей, но это человек, с которым приятно иметь дело и обо всем можно договориться» (РГИА. Ф. 1129. Оп. 1. Д. 107. Л. 32–32 об.).

29. Замена А. А. Макарова сенатором Н. А. Добровольским последовала не в октябре, а 20 декабря 1916 г. Мнение В. Б. Лопухина, что Добровольский являлся ставленником камарильи, представляется неверным. В конце 1916 г. сенатор являлся выдвиженцем не Г. Е. Распутина, а великого князя Михаила Александровича, который с камарильей не имел ничего общего. Хотя на пост министра юстиции Добровольский был избран Николаем II, председатель Совета министров А. Ф. Трепов выступил против назначения сенатора под предлогом того, что он взяточник (позднее слухи об этом не подтвердились). Император сообщил о своих разногласиях с премьером супруге и старцу, которые немедленно встали на сторону монарха. До начала декабря 1916 г. имя Добровольского в письмах Александры Федоровны Николаю II ни разу не упоминалось, а это значит, что она и Распутин обратили внимание на Добровольского только после того, как сенатора выбрал Николай II. С отъездом царя в Могилев, в Ставку верховного главнокомандующего, царица и старец попытались лично оценить кандидата Николая II. По просьбе почитательницы Распутина М. Е. Головиной Добровольский посетил квартиру старца, которому «не особенно понравился» и произвел на него «отрицательное впечатление» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. 10 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 62). Негативная реакция Распутина на кандидатуру Добровольского объяснялась тем, что старец верил во взяточничество сенатора. «Той старикашка, — имея в виду Добровольского, сообщил Распутин Манасевичу-Мануйлову, — не чист на руку» (Александро-Невская лавра накануне свержения самодержавия. С. 208). В силу этого старец полагал, что «о Добровольском и думать нечего». Следовательно, Распутин являлся противником назначения Добровольского, причем даже тогда, когда он, будучи принят Александрой Федоровной 9 декабря 1916 г., произвел на нее благоприятное впечатление. После данного эпизода Распутин объявил Манасевичу, что «он на себя никакой ответственности брать не хочет, и если пройдет Добровольский, пусть пройдет, а если нет — так и нет» (Допрос И. Ф. Манасевича-Мануйлова. С. 62, 63). Таким образом, от поддержки кандидатуры Добровольского Распутин попросту устранился. Впрочем, отрицательное мнение о сенаторе старец оставил при себе, лишь бы не противоречить Николаю II и Александре Федоровне. В начале декабря 1916 г. Распутин телефонировал члену Государственного совета И. Г. Щегловитову и поинтересовался, годится ли Добровольский в министры юстиции. Щегловитов ответил, что «не годится» (Допрос И. Г. Щегловитова. 26 апреля 1917 г. // Падение царского режима. Т. 2. С. 433–434). Однако негативный отзыв о сенаторе старец от императрицы скрыл, сообщив ей нечто другое, а именно — что, по мнению Щегловитова, Добровольский «вполне на своем месте» (Николай II в секретной переписке. С. 643). Как это неоднократно бывало ранее, в беседах с непосвященными назначение Добровольского Распутин приписывал исключительно себе, хотя и в данном случае он выдавал желаемое за действительное. См.: *Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 92–93.

30. Под «членами правительства», обращавшимися к императору, В. Б. Лопухин подразумевает, прежде всего, Н. Н. Покровского. Так, 3 января 1917 г. во время всеподданнейшего доклада он подал в отставку, умоляя Николая II не следовать «гибельным советам Протопопова» и открыть глаза на «неминуемую катастрофу». Царь «очень кротко» выслушал министра иностранных дел и велел ему оставаться на прежнем посту, заверяя, что «положение не так трагично» и «все устроится» (*Палеолог М.* Дневник посла. М., 2003. С. 690). Описывая свои относящиеся к концу 1916 — началу 1917 г. доклады Николаю II по поводу необходимости удаления ненавистного Думе А. Д. Протопопова, Покровский вспоминал: «Я был тогда министром иностранных дел и держался того взгляда, что внешнего успеха мы можем достигнуть только при порядке внутреннем. А так как я считал, что во внутренних делах Протопопов ведет дело к развязке, чрезвычайно трудной, могущей вызвать революцию, — так прямо и этими самыми словами я это и называл, — то я полагал, что вести при этих условиях внешнюю политику не представляется возможным: внутренняя политика вела нас к необходимости заключить, в конце концов, сепаратный мир, а это дело представлялось опасным». Когда Покровский заявил Николаю II, что, оставаясь министром, станет обосновывать в кабинете «такие мнения, которые будут создавать там диссонанс», император заметил, что «это ничего» и «это хорошо». Показательно, что оппозиционное поведение министра иностранных дел ни в коей мере ему не повредило. На вопрос председателя Чрезвычайной следственной комиссии о том, не исчезло ли после всего этого благоволение к нему со стороны Николая II, Покровский категорически ответил: «Совершенно наоборот. Как раз обратное» (Показания Н. Н. Покровского. 30 июня 1917 г. // Падение царского режима. Т. 5. С. 360, 361).

31. На сближение с оппозицией вдовствующая императрица Мария Федоровна пошла осенью 1915 г., когда она говорила опальному А. В. Кривошеину, что «невозможно управлять большим народом без поддержки просвещенных людей и против общего мнения». Как и лидеры оппозиции, видя в Александре Федоровне главную преграду на пути к образованию «Министерства общественного доверия», Мария Федоровна выразила «грусть и тревогу, что императрица своими личными действиями приготовляет себе трагическую судьбу» (*Барк П. Л.* Воспоминания // Возрождение. 1966. № 174. С. 78). В начале февраля 1916 г. великая княгиня Мария Павловна просила царицу-мать «открыть глаза» сыну и невестке, но расхождения между матерью и сыном были таковы, что она от этого отказалась (*Палеолог М.* Дневник посла. С. 447). Символом перехода Марии Федоровны в оппозицию и стало переселение ее в Киев, куда она прибыла 3 мая 1916 г., официально — для устройства госпиталей и посещения раненых (Высокие особы в Киеве // Утро России. 1917. № 6. 6 января). На самом деле царица-мать покинула столицу, чтобы не видеть «всего того, что ее огорчало в Царском Селе и в Петрограде» (*Родзянко М. В.* Крушение Империи. С. 132). В киевском окружении Марии Федоровны главной темой разговоров была критика Александры Федоровны. Каждый ее поступок «строго осуждался не только в своем кругу, но и в присутствии лиц местного общества» (*Воейков В. Н.* С царем и без царя. С. 98). Это давало обильную пищу оппозиции, лидеры которой постоянно навещали Марию Федоровну. Так, М. В. Родзянко был у нее 12 июля 1916 г. При общении с оппозиционерами Мария Федоровна не делала секрета из своего неодобрения внутренней политики сына. Беседуя с членами Прогрессивного блока в Думе В. Я. Демченко и А. И. Савенко, она говорила, что «поступкам сына не сочувствует» (Личность Николая II и Александры Федоровны по свидетельствам их родных и близких (газетные материалы) // Исторический вестник. 1917. Апр. С. 151). См. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 358–361, 362.

32. Подробнее об этом заговоре см.: *Куликов С. В.* «Революции неизменно идут сверху...»: падение царизма сквозь призму элитистской парадигмы // Нестор. Вып. 11. СПб., 2007. С. 160–171.

33. На самом деле 10 ноября 1916 г. Б. В. Штюрмер был одновременно уволен с постов председателя Совета министров, который занял А. Ф. Трепов (с оставлением его ми-

нистром путей сообщения), и министра иностранных дел, и до 30 ноября МИД временно управлял товарищ министра иностранных дел А. А. Нератов.

34. В действительности Александра Федоровна относилась к А. И. Спиридовичу, который был не генерал-губернатором, а градоначальником Ялты, весьма отрицательно. В связи с предположением о его назначении петроградским градоначальником императрица сообщала Николаю II 28 ноября 1915 г., что Спиридович — «не совсем порядочный человек, недавно нелепо женился, — кроме того, после столыпинской истории в Киеве это совсем нехорошо» (Николай II в секретной переписке. С. 304–305). Последней фразой Александра Федоровна напоминала о том, что Спиридович был одним из тех, кого общественное мнение считало виновным в гибели П. А. Столыпина.

35. См. комментарий 12 к главе 21.

36. Назначение государственного контролера Н. Н. Покровского министром иностранных дел и товарища министра финансов С. Г. Феодосьева — государственным контролером относится к 30 ноября 1916 г.

37. Граф А. А. Бобринский был уволен с поста министра земледелия 14 ноября 1916 г. Товарищ министра земледелия А. А. Риттих стал управляющим Министерством земледелия 29 ноября.

38. Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам — общественная благотворительная организация, возникшая в августе 1914 г., главноуполномоченным которой являлся князь Г. Е. Львов. Параллельно с ним образовался и функционировал Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам с главноуполномоченным М. В. Челноковым. Уже в следующем году Земский и Городской союзы фактически перестали быть как общественными организациями, поскольку работали главным образом на казенные субсидии, составившие к сентябрю 1916 г. более полумиллиарда рублей, так и чисто благотворительными, поддержав требование думской оппозиции о создании «Министерства общественного доверия». Лидеры Земского и Городского союзов сыграли видную роль в подготовке и проведении Февральской революции 1917 г. Впоследствии в эмиграции существовали организации, считавшие себя правопреемницами союзов. Мнение В. Б. Лопухина о меньшей эффективности общественных организаций по сравнению с правительственными заслуживает внимания в сопоставлении с мнением его двоюродного племянника князя С. Е. Трубецкого, который был одним из руководителей Земского союза. По свидетельству князя, степень неспособности правительства «преувеличивалась нашей самовлюбленной общественностью», хотя «особенно гордиться» перед «военными бюрократами» общественным деятелям «не приходилось». Деятельность общественных организаций, прежде всего Земского союза, характеризовали «отсутствие настоящего хозяйственного расчета», «наплевательское отношение к вопросу о стоимости», «самоуверенная безграмотность во многих вопросах» и «распоясанность иных руководителей дела, не считающихся ни с какими правилами» (*Трубецкой С. Е.* Минувшее. М., 1991. С. 119, 130).

39. Назначение А. А. Нератова в Государственный совет произошло 26 декабря 1916 г., при этом он сохранил прежнюю должность товарища министра иностранных дел и к присутствию в верхней палате не определялся.

40. Г. Е. Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. в Петрограде у Юсуповского дворца на реке Мойке. Участниками убийства были хозяин дворца князь Ф. Ф. Юсупов граф Сумароков-Эльстон, великий князь Дмитрий Павлович, депутат IV Государственной думы В. М. Пуришкевич, а также военный врач С. С. Лазаверт и поручик Преображенского полка С. Н. Сухотин. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* «Выход один — убить негодяя» // Родина. 2003. № 7.

41. Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства не подтвердила эти слухи.

42. М. В. Родзянко предлагал Николаю II назначить А. Д. Протопопова министром торговли и промышленности во время всеподданнейшего доклада, состоявшегося 25 июня 1916 г. в Ставке (*Куликов С. В.* Камарилья и «министерская чехарда». С. 89).

43. Увольнение А. Ф. Трепова и назначение члена Государственного совета князя Н. Д. Голицына председателем Совета министров последовали 27 декабря 1916 г. Тогда же произошла замена министра народного просвещения графа П. Н. Игнатьева сенатором Н. К. Кульчицким, о чем В. Б. Лопухин пишет ниже.

44. За участие в убийстве Г. Е. Распутина Николай II наказал великого князя Дмитрия Павловича ссылкой в русский экспедиционный корпус в Персии, что вызвало протесты у представителей императорской фамилии. На состоявшемся у великой княгини Марии Павловны 29 декабря 1916 г. совещании Романовых его участники по инициативе великого князя Николая Михайловича решили обратиться к императору с просьбой о помиловании Дмитрия Павловича. В письме, составленном морганатической супругой великого князя Павла Александровича княгиней О. В. Палей и подписанном 16-ю царскими родственниками, они просили Николая II «смягчить суровое решение относительно судьбы великого князя Дмитрия Павловича» (*Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце: Из хроники нашей семьи. СПб.; Дюссельдорф, 1993. С. 216–217). Письмо, несмотря на кажущуюся аполитичность, имело политический подтекст, заключавшийся в демонстрировании императорской фамилией решимости добиться ограничения царской власти Государственной думой путем устранения от дел противницы этого — императрицы Александры Федоровны. «В декабре уж своей шкуры ради, — сообщил Николай Михайлович 3 марта 1917 г. в Думе, намекая на двоюродного племянника, — собрались мы, великие князья, и послали ему депутацию: заточай жену, давай ответственное министерство» (*Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о мартовской революции 1917 года // *Станкевич В. Б.* Воспоминания 1914–1919. М., 1994. С. 261). Политический подтекст письма предопределил отрицательное отношение к нему Николая II, запечатленное его резолюцией: «Никому не дано право заниматься убийством; знаю, что совесть многим не дает покоя, так как не один Дмитрий Павлович в этом замешан. Удивляюсь Вашему обращению ко мне. Николай» (*Гавриил Константинович.* В Мраморном дворце. С. 216–217). Копии письма Николай Михайлович роздал членам Яхт-клуба, высказывал за клубным столом «резкие суждения» по адресу «немецкой» политики «Алисы Гессен-Дармштадтской» и сетовал «на безвольность и недальновидность» императора, которому стало известно о поведении великого князя. Николай II наложил опалу на родственника, приказав ему 31 декабря 1916 г. отправиться на два месяца, до 1 марта 1917 г., в свое имение Грушевка. Впрочем, Николай Михайлович сам напросился на ссылку, поскольку 29 декабря написал императору, что если «мое присутствие в столице будет признано нежелательным, то я уеду в свое имение» (Из дневника великого князя Андрея Владимировича за 1916–1917 гг. // Красный архив. 1928. Т. 26. С. 190, 191, 192). См. также: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 366–369.

Глава 22

1. Суть инцидента с П. Г. Курловым, который был другом А. Д. Протопопова, состояла в следующем. По докладу Протопопова Николаю II Курлов был назначен 23 октября 1916 г. исполняющим обязанности товарища министра внутренних дел по Департаменту полиции. Зная об отрицательном отношении к его другу со стороны оппозиции, Протопопов придал частный характер этому назначению и полагавшегося в таком случае рапорта о нем в Сенат не послал. Когда Курлов адресовал Сенату свои служебные рапорты, обер-прокурор 1-го департамента А. И. Руадзе заявил генералу, что не может дать им хода за отсутствием рапорта Протопопова, вследствие чего Курлов разочаровался в шефе и подал в отставку. Доклад Протопопова об увольнении генерала Николай II утвердил 25 ноября 1916 г., и Сенат одновременно заслушал царские повеления о назначении и увольнении Курлова. См. об этом: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 280, 287, 298.

2. Речь идет об обновлении назначенной части Государственного совета, произведенном Николаем II 1 января 1917 г. в целях ослабления его оппозиционности. В результате из числа присутствующих были выведены 18 человек, в т. ч. 10 сторонников оппозиции (прогрессивного блока). Назначенные взамен их сановники в большинстве придерживались не «наиболее реакционного», как пишет В. Б. Лопухин, а умеренно-правого направления. Только один вновь назначенный член, а именно — А. И. Соболевский, являлся лидером дубровинского «Союза русского народа», прочие кандидаты крайне правых организаций в верхнюю палату не вошли. Подробнее об этом см.: *Куликов С. В.* Бюрократическая элита Российской империи. С. 351–355.

3. Замена Д. С. Шуваева членом Военного совета М. А. Беляевым произошла 3 января 1917 г., назначение С. Д. Сазонова послом в Англию — 12 января того же года.

4. Судя по всему, В. Б. Лопухин имеет в виду, прежде всего, опубликованные в 1920-е гг. работы В. П. Семеникова (Политика Романовых накануне революции. (От Антанты — к Германии): По новым документам М.; Л., 1926; Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929), в которых тезис о стремлении царизма добиться заключения сепаратного мира накануне Февральской революции развивался наиболее обстоятельно. В. П. Семенников и его последователи не учитывали того кардинального факта, что только с победой над Германией Николай II и его окружение связывали достижение главной цели внешней политики царской России — обладание Константинополем и проливами Босфор и Дарданеллы. В своем последнем всеподданнейшем докладе по МИД, полностью одобренном императором, Н. Н. Покровский, указывая на то, что «ход военных событий, ныне развертывающихся на европейском театре войны, может еще в течение этого года поставить нас лицом к лицу с вопросом о ликвидации войны и началом переговоров о мире», подразумевал победу Антанты над Германией, поскольку далее советовал подготовить десантную операцию для захвата Босфора «не позже октября» 1917 г., т. е. «к моменту, когда может наступить решительный перелом в ведении военных операций у наших союзников» (Константинополь и проливы. Т. 2. С. 387, 390). Подробнее о проблеме сепаратного мира между Россией и Германией накануне Февральской революции см.: *Васюков В. С.* Внешняя политика России. С. 232–295; *Мельгунов С. П.* Легенда о сепаратном мире. С. 388–603.

5. Имеется в виду Особый комитет по делам Дальнего Востока. См. комментарий 7 к главе 7.

6. Петроградская конференция представителей стран Антанты проходила 19 января — 7 февраля 1917 г. См. о ней: *Алексеева И. В.* Агония сердечного согласия. С. 239–251.

7. Подразумевается Февральская революция 1917 г., происходившая 23 февраля — 3 марта этого года. О ее событиях, имевших место в Петрограде 23–25 февраля, см.: *Ганелин Р. Ш.* 1) 25 февраля 1917 г. в Петрограде // Вопросы истории. 1998. № 7; 2) Петроград 23 февраля 1917 г. // Новый часовой. 1999. № 8/9; 3) 24 февраля 1917 г. в Петрограде // Клио. 2000. № 6.

8. О реакции Совета министров на события Февральской революции см.: *Куликов С. В.* 1) Совет министров в дни Февральской революции // Революция 1917 г. в России: Сб. науч. ст. СПб., 1995; 2) Совет министров и Прогрессивный блок во время падения монархии // Нестор. 2005. № 7; *Ганелин Р. Ш.* Совет министров 26 февраля 1917 г. // История глазами историков: Межвуз. сб. науч. тр., посвящ. 70-летию доктора ист. наук, проф., зав. каф. рос. истории СПбГАУ Евгения Романовича Ольховского. СПб.; Пушкин, 2002.

9. Имеется в виду начавшийся утром 27 февраля 1917 г. бунт солдат Волынского полка, к которым присоединились солдаты полков, которые находились поблизости. О выступлении волынцев см.: *Ганелин Р. Ш., Соловьева З. П.* Воспоминания Т. Кирпичникова как источник по истории февральских революционных дней 1917 г. в Петрограде // Рабочий класс России, его союзники и политические противники в 1917 году: Сб. науч. тр. Л., 1989.

10. Из контекста этого места воспоминаний В. Б. Лопухина может создаться впечатление, что Кирилл Владимирович вместе с Гвардейским экипажем, командиром которого

он был, явился в Таврический дворец 28 февраля, однако в действительности данное событие произошло 1 марта 1917 г.

11. Первые контакты МИД с революционной властью относятся к 28 февраля 1917 г., когда начальник канцелярии министра иностранных дел Б. А. Татищев, под предлогом защиты мидовского здания от «вооруженных лиц», обратился к П. Н. Милюкову, позвонив в Государственную думу. По воспоминаниям Б. А. Татищева, он «поставил» собеседника «в курс происходящих у нас событий и сказал, что у нас есть секретные архивы, нарушение целости и секрета которых будет одинаково нежелательным для любого правительства». Татищев поинтересовался у Милюкова, «не имеет ли он средств дать нам военную охрану, во избежание каких-либо инцидентов». Тот ответил, что «очень охотно это сделает», и менее, чем через три часа в МИД прибыл караул приблизительно из 20-ти «довольно растерзанных» солдат под командой «совсем юного подпрапорщика, которому едва ли было более 20 лет». В противоречии с воспоминаниями В. Б. Лопухина Татищев утверждал, что 4 марта Милюков «дал» именно ему «знать, что будет в Министерстве в пять часов дня и желал бы познакомиться со служащими» (*Татищев Б. А.* Крушение. 1916–1917 гг. // Возрождение. 1949. Тетр. 4. С. 130, 131). О первой встрече Милюкова как министра с чиновниками МИД см. также: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 260–261. Согласно А. В. Игнатьеву, 3 марта мидовцы получили извещение о намерении нового главы ведомства вступить в должность, причем им было предписано явиться на службу к 12 часам следующего дня. Однако, задержавшись на заседании Временного правительства, после которого он посетил Н. Н. Покровского, 4 марта П. Н. Милюков появился на Певческом мосту только в начале третьего и, встретившись с чиновниками, в половине пятого принял послов европейских союзных держав (*Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. М., 1974. С. 114).

12. Официальное провозглашение России республикой последовало не вскоре после речи П. Н. Милюкова о целях переворота, произнесенной им 2 марта 1917 г. в Таврическом дворце, а лишь 1 сентября 1917 г., хотя де-факто Россия стала республикой уже 3 марта, вследствие отказа великого князя Михаила Александровича занять императорский трон.

13. Подразумевается Временный комитет Государственной думы, орган революционной власти, образованный 27 февраля 1917 г. и продолжавший существовать и после образования Временного правительства.

14. Чрезвычайная следственная комиссия для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так и военного и морского ведомств была учреждена указом Временного правительства от 5 марта 1917 г. и работала до Октябрьской революции. Подробнее о ее деятельности см.: *Аврех А. Я.* Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства: замысел и исполнение // Исторические записки. 1990. Т. 118. Попытки Чрезвычайной следственной комиссии обвинить деятелей старого режима, в т. ч. и Б. В. Штюрмера, в нарушении законов, действовавших до Февральской революции, в целом закончились неудачей. Как вспоминал следователь комиссии А. Ф. Романов, революционной власти «не удалось не только осудить деятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желание и энергию, даже и обнаружить хотя бы намеки на те тяжкие преступления, которые приписывались ей так называемым общественным мнением». Комиссия была вынуждена придти к выводу, что царские министры не совершали «тяжкие уголовно наказуемые деяния» (*Романов А. Ф.* Император Николай II и его правительство: (По данным Чрезвычайной следственной комиссии) // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 37, 38).

15. В действительности Ю. П. Бахметев ушел в отставку не столько в силу принципиальных расхождений с Временным правительством, сколько по причинам личного свойства, поскольку еще в 1897 г., будучи посланником России в Болгарии, где преподавал будущий лидер кадетов, «ввиду “революционности” Милюкова потребовал его высылки из Болгарии, что и было исполнено болгарским правительством». «Неудивительно, — заключал коллега В. Б. Лопухина по МИД, — что когда “революционер-эмигрант” превратился в министра иностранных дел, т. е. в прямое начальство Бахметева, тот не

стал дожидаться реванша со стороны Милюкова и придал своему уходу из министерства “принципиальный” характер» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 251). См. также: *Макушин А. В., Трибунский П. А.* Павел Николаевич Милюков: труды и дни (1859–1904). Рязань, 2001. С. 186–196.

16. Формально решение об увольнении А. А. Половцова с поста товарища министра иностранных дел, с оставлением его состоящим в ведомстве МИД, и назначении на этот пост барона Б. Э. Нольде было принято на заседании Временного правительства 8 апреля 1917 г. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 260. Однако опубликованный указ о замещении А. А. Половцова Б. Э. Нольде датируется 14 марта того же года (*Куликов С. В.* Временное правительство: кадровые перестановки. (Март — октябрь 1917) // Из глубины времен. СПб., 1996. Вып. 7. С. 34).

17. На самом деле П. Б. Струве вернулся из эмиграции еще в 1905 г. и с этого времени легально занимался общественной деятельностью. Формальное решение о назначении его директором Экономического департамента было принято на заседании Временного правительства 8 апреля 1917 г. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 260. Назначению П. Б. Струве предшествовала очередная реорганизация структуры центрального аппарата МИД. Постановлением Временного правительства от 14 марта 1917 г. «Об изменении действующего учреждения Министерства иностранных дел» 1-й Департамент был преобразован в Департамент общих дел, 2-й Департамент и Юрисконсультская часть упразднены и учреждены два новых департамента — Экономический (занимавшийся торговлей, мореплаванием, путями сообщения, почтой, телеграфом) и Правовой (ведавший международно-политическими соглашениями, делами о подданстве и выдаче преступников, защитой интересов российских граждан за границей, консультированием по международному праву, подготовкой международных конференций и конвенций). См.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 12.

18. Имеется в виду Особое совещание для изготовления проекта Положения о выборах в Учредительное собрание, работавшее с 25 марта по 23 сентября 1917 г. Подробнее о нем см.: Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 1. С. 251–254. Об отношениях этого совещания с МИД см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 446–451.

19. Решение о посылке в США российской чрезвычайной миссии и назначении ее начальником Б. А. Бахметева, с оставлением его в должности товарища министра торговли и промышленности, с возложением на него на время пребывания миссии в США управления посольством России в Вашингтоне и с присвоением ему на этот срок звания чрезвычайного и полномочного посла было принято на заседании Временного правительства 25 апреля 1917 г. См.: Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 348–349.

20. Имеется в виду манифест Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира», принятый 14 марта 1917 г. См. о нем: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 94–105.

21. Заявление Временного правительства о войне было опубликовано 28 марта 1917 г. См.: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 105–107.

22. Ноту П. Н. Милюкова от 19 апреля 1917 г. напечатали на следующий день. См. о ней: *Игнатьев А. В.* Внешняя политика Временного правительства. С. 196–206.

23. Опубликованные указы об отставках А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова датируются 5 мая 1917 г. См.: *Куликов С. В.* Временное правительство. С. 36.

24. Согласно опубликованным указам Временного правительства, М. И. Терещенко был перемещен с поста министра финансов на пост министра иностранных дел 5 мая 1917 г., однако 8 мая он получил назначение управляющего Министерством финансов, которым его сделали временно, до 20 мая, и с оставлением министром иностранных дел (*Куликов С. В.* Временное правительство. С. 37).

25. Встреча М. И. Терещенко с чиновниками МИД состоялась в день его вступления в должность министра иностранных дел в 11.30 утра. Подробности о встрече см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 366–369. Воспоминания В. Б. Лопухина относительно встречи

корреспондируют с воспоминаниями о ней Б. А. Татищева, который сообщает, что прием новым министром подчиненных состоялся в пять вечера (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 134).

26. Подразумевается наступление русской армии на Юго-Западном фронте, т. е. против Австро-Венгрии, происходившее с 18 по 30 июня 1917 г. и закончившееся полным поражением наступавших.

27. Речь идет об аресте М. И. Терещенко вместе с другими министрами Временного правительства во время проведения большевиками Октябрьского вооруженного восстания. Скептическая оценка Терещенко была характерна не только для В. Б. Лопухина, но и для других мидовских чиновников. Подробнее об этом см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 417–420.

28. Решение о назначении А. Н. Мандельштама директором Правового департамента было принято Временным правительством на заседании 8 апреля 1917 г., о назначении Н. Н. Нордмана директором Экономического департамента — на заседании 1 июня (Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 260; Т. 2. М., 2002. С. 199). Соответствующие опубликованные указы датированы 8 апреля и 20 мая соответственно. См. также комментарий 17 к главе 22.

29. Имеются в виду события 3–5 июля 1917 г., во время которых большевики впервые предприняли попытку вооруженного восстания, подавленную войсками, сохранившими верность Временному правительству.

30. Вывод В. Б. Лопухина о том, что кадровая нестабильность на уровне министров в период правления Временного правительства побила все рекорды «министерской чехарды», соответствует действительности. Если с июля 1914 г. по февраль 1917 г., т. е. за 31 месяц, министрами перебывали 39 человек, то с марта по октябрь 1917 г., за 8 месяцев, — 42 человека. Следовательно, при Временном правительстве на высшем уровне исполнительной власти текучесть кадров возросла в 5 раз! См.: *Куликов С. В.* «В самых лучших отношениях». Бюрократическая элита и Временное правительство // Отечественная история и историческая мысль в России XIX–XX веков: Сб. ст. к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали. СПб., 2006. С. 378.

31. Московское государственное совещание заседало 12–15 августа 1917 г.

32. Ярким примером попыток М. И. Терещенко переориентироваться на новые источники рекрутирования личного состава Внешнеполитического ведомства стало его решение о замещении консульских постов присяжными поверенными, т. е. адвокатами. В связи с этим министр иностранных дел, «никого не спросив» в МИД, официально обратился в Министерство юстиции с предложением запросить все советы присяжных поверенных об их кандидатах в консулы. Мидовские чиновники выступили против подобного нововведения, полагая, что оно привело бы к тому, что «вся система дипломатической и консульской службы как совершенно обособленной отрасли государственной службы рухнула бы», качество же личного состава консулов ухудшилось, поскольку «не лучшие, а худшие элементы адвокатуры пошли бы на эти места, а рекомендация советом присяжных поверенных не явилась бы, надо думать, достаточно надежной для консульской службы». Терещенко был вынужден отказаться от своего плана и отправил в Министерство юстиции письмо с просьбой уведомить советы присяжных поверенных, что «нужда в консульском персонале прекратилась». Тем не менее, многие присяжные поверенные, узнав о возможности занять вакантные консулаты, «стали добиваться при помощи разных протекций консульских мест» и, несмотря на сопротивление МИД, «известное количество» этих мест «пришлось отдать ловким адвокатам». Более важное значение имело то, что при Терещенко начал существенно меняться личный состав послов и посланников, которыми стали назначать общественных деятелей, в связи с чем И. Н. Ефремов оказался посланником в Швейцарии, В. А. Маклаков — послом во Франции, М. А. Стахович — послом в Испании. Г. Н. Михайловский полагал, что если бы Временное правительство осталось у власти, высшие дипломатические посты за границей «стали бы, несомненно, целиком уделом не профессиональных дипломатов, а счастливых политиков» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 382–384, 387).

33. Кабинет министра иностранных дел начал функционировать 28 августа 1917 г. одновременно с упразднением Совета МИД, причем его официальное учреждение последовало 22 сентября. Кабинет министра ведал связями с Советом рабочих и солдатских депутатов и ЦИК Всероссийского съезда советов, информировал зарубежные представительства России о ее внутреннем положении (Высшие и центральные государственные учреждения России. Т. 4. С. 34). Подробнее об этом учреждении и его начальнике см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 390–393; Кн. 2. С. 101–104.

34. «Вечернее время» — ежедневная газета, основанная А. С. Сувориным и выходившая в 1911–1917 гг. в Петербурге.

35. Демарш А. В. Неклюдова предопределило подавление Временным правительством так называемого «корниловского мятежа», т. е. имевшей место 25–31 августа 1917 г. вооруженной попытки верховного главнокомандующего генерала Л. Г. Корнилова свести к минимуму политическое значение Совета рабочих и солдатских депутатов, который выступал за мир. Л. Г. Корнилов был арестован по приказу А. Ф. Керенского. Под впечатлением от событий в России А. В. Неклюдов решил подать в отставку, о чем сообщил А. Ф. Керенскому незашифрованной телеграммой, упрекая «президента республики» в том, что он «губит Россию». «Не довольствуясь этим, — вспоминал подчиненный А. В. Неклюдова по посольству Ю. Я. Соловьев, — посол разослал копии своей телеграммы союзным послам, испанскому министру иностранных дел и даже одному английскому корреспонденту для помещения в печати. Создалось действительно необыкновенное положение. Представитель российского правительства, пользуясь своим положением, начал агитацию против своего правительства, стремясь тем самым подорвать его авторитет за границей» (*Соловьев Ю. Я.* Воспоминания дипломата. С. 293).

Глава 23

1. По данным А. И. Добкина, М. С. Урицкий посетил МИД уже утром 26 октября 1917 г., когда имел часовую беседу с товарищем министра иностранных дел А. А. Нератовым (Примечания к: *Лопухин В. Б.* После 25 октября // Минувшее. 1990. Вып. 1. С. 64). Б. А. Татищев вспоминал, что 26 либо 27 октября («на следующий после переворота день») около 15.00 к подъезду МИД подъехал автомобиль, в котором, кроме М. С. Урицкого, был и Л. Д. Троцкий, встретившийся с директором канцелярии министра иностранных дел (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 136). Однако, судя по всему, Б. А. Татищев совместил два разных события: посещения МИД М. С. Урицким и Л. Д. Троцким. По воспоминаниям Г. Н. Михайловского, 26 октября «в 11-м часу утра» на Певческий мост явился «товарищ Залкинд», потребовавший от Б. А. Татищева выдать ему «тайные соглашения с союзниками». Б. А. Татищев переадресовал собеседника к А. А. Нератову, который заявил, что «будет разговаривать только с лицом», отвечающим в новом правительстве за «внешние сношения России». А. А. Нератов узнал от Залкинда, что таковым является Л. Д. Троцкий и вечером был извещен по телефону, что завтра, 27 октября, он «сам приедет в министерство» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 505). Представляется, что в данном случае Г. Н. Михайловский перепутал М. С. Урицкого с И. А. Залкиндом, который появился в Дипломатическом ведомстве только 4 ноября (*Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году // Утро страны советов: Воспоминания участников и очевидцев революционных событий в Петрограде, 25 октября (7 ноября) 1917 г. — 10 марта 1918 г. Л., 1988. С. 196).

2. Сам Л. Д. Троцкий вспоминал, что приехал в МИД «дней через 5–7 после взятия нами власти» (Примечания к: *Лопухин В. Б.* После 25 октября. С. 65). По воспоминаниям Г. Н. Михайловского, это произошло 27 октября 1917 г., что соотносится с воспоминаниями Б. А. Татищева (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 136; *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 505, 509).

3. Эпизод с Б. А. Чемерзиным имеется также в воспоминаниях Б. А. Татищева и Г. Н. Михайловского, которые (особенно последний) описали посещение Л. Д. Троцким МИД более подробно. См.: *Татищев Б. А.* Крушение. С. 136–137; *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 509–517. Реакция мидовских чиновников на Троцкого, как и на большевиков в целом, предопределялась деятельностью Общества (Союза) служащих МИД, образованного в марте 1917 г. на их чрезвычайном общем собрании. В отличие от других министерств, низший персонал, прежде всего — курьеры, в Обществе представлен не был. Общее собрание избрало исполнительный комитет Общества, председателем которого являлся А. М. Петряев (после назначения товарищем министра иностранных дел — почетный председатель исполкома), а товарищем председателя — князь Л. В. Урусов (председатель исполкома после А. М. Петряева). В состав исполкома входили представители от всех отделов МИД: С. Г. Богоявленский, князь С. А. Гагарин (секретарь исполкома), князь Н. В. Голицын, В. Г. Жуковский, Г. А. Колемин, Г. А. Козаков, В. К. Коростовец, Г. Н. Михайловский (секретарь исполкома), В. И. Некрасов (товарищ председателя после князя Л. В. Урусова), Ф. Ф. Новомейский, А. В. Сабанин и другие мидовцы. По наблюдениям Г. Н. Михайловского, исполком «не состоял из младших служащих, как раз наоборот, скорее там преобладали высшие чины министерства». Формально Общество было своего рода чиновничьим профсоюзом, поскольку в его уставе говорилось об «улучшении материальных, моральных и технических условий службы» чинов МИД. Фактически Общество чем дальше, тем больше играло политическую роль, оказывая поддержку Временному правительству. Перед приходом Л. Д. Троцкого в МИД, т. е. 27 октября, исполком принял решение об отказе от признания большевиков и необходимости забастовки. Саботаж мидовских чиновников, отмечал Г. Н. Михайловский, «есть дело исключительно нашего Исполкома и всей предшествующей деятельности Общества служащих МИД, сыгравшего в этот момент историческую роль, так как твердая позиция Дипломатического ведомства в его отрицательном отношении к большевистскому перевороту оказала огромное влияние на все петроградское чиновничество, приступившее к саботажу вместе с нами». Непосредственно после обращения Л. Д. Троцкого к чиновникам состоялось их общее собрание, на котором была оглашена только что принятая резолюция Союза союзов всех правительственных учреждений Петрограда об объявлении всеобщей забастовки в знак протеста против свержения большевиками Временного правительства (см. комментарий 5 к этой главе). На собрании присутствовали все чиновники МИД, а также штатные и нештатные канцелярские служители и машинистки. Все они единогласно, без воздержавшихся, проголосовали за то, чтобы «отказаться от всякой работы с большевиками и присоединиться к всеобщей забастовке», создав стачечный комитет на основе исполкома Общества служащих МИД. После этого председатель исполкома Л. В. Урусов сообщил об итогах голосования Л. Д. Троцкому. Тем не менее, выполняя обещание, данное в начале встречи с чиновниками, он был вынужден подписать пропуска, которые бы обеспечили безопасность всех участников собрания. В это время члены стачечного комитета, собравшиеся в здании общежития слушателей Учебного отделения восточных языков при МИД, составили телеграмму заграничным представителям России, в которой сообщали о начале забастовки и приглашали присоединиться к ней, настаивая перед иностранными правительствами на непризнании большевистской власти. Телеграмма была подписана Л. В. Урусовым и передана через английское посольство (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 266, 267, 292, 294, 295, 300, 358, 371, 434–435, 503–504, 512, 514–515, 516–517; Кн. 2. С. 18, 50, 57, 106). В результате все посольства и миссии России отказались от сотрудничества с большевиками. Впоследствии стачечный комитет Общества служащих МИД собирался «то у одного, то у другого из сослуживцев по министерству», в т. ч. у директора Петербургского и Главного архивов МИД князя Н. В. Голицына, причем на заседания комитета приходили 10–12 человек (Записки князя К. Н. Голицына. С. 100). Несмотря на репрессии большевистского правительства против «саботажников», забастовка чиновников Внешнеполитического и других ведомств продлилась, по меньшей мере, до марта 1918 г.

4. Предположения В. Б. Лопухина были вполне оправданны, поскольку 3 ноября 1917 г. Петроградский военно-революционный комитет выдал ордер на арест А. А. Нератова, утром 4 ноября — несколько пустых бланков на арест «саботажников» из МИД.

5. Всеобщая забастовка чиновников Петрограда, начавшаяся 27 октября 1917 г., была организована Центральным комитетом Союза союзов всех правительственных учреждений Петрограда — профессионально-политической организацией чиновничества, возникшей в марте-апреле 1917 г. и окончательно сформировавшейся к июлю этого года. Председателем ЦК являлся чиновник МВД Кудрявцев, его товарищами — чиновники Министерства финансов и МИД: Харьковцев и князь Л. В. Урусов. К числу видных членов ЦК принадлежал чиновник МВД Соколов. Заседания Союза союзов происходили в кабинете Кудрявцева в здании МВД у Чернышева моста. В Союз союзов входили общества служащих всех гражданских ведомств, в т. ч. Общество служащих МИД (представителями исполнительного комитета которого были, помимо Л. В. Урусова, В. К. Коростовец и Г. Н. Михайловский), а также ВИКЖЕЛЬ (Всероссийский исполнительный комитет Союза железнодорожников и почтово-телеграфных служащих). Г. Н. Михайловский вспоминал, что «весь центрально-государственный аппарат Петрограда заключался в Союзе союзов, мы имели сведения обо всех самых главных учреждениях столицы, и оттуда наши щупальца протягивались по всей России». «В том виде, в каком он существовал ко дню большевистского переворота, — подчеркивал Г. Н. Михайловский в другом месте, — Союз союзов персонифицировал всю гражданскую правительственную власть или, вернее, весь государственный аппарат, за исключением армии и флота. Даже дипломатия благодаря участию нашего Комитета служащих МИД была в распоряжении Союза союзов». Решение о проведении всеобщей забастовки чиновничества под лозунгом сохранения верности Временному правительству и идее Учредительного собрания ЦК Союза союзов принял 27 октября 1917 г., до прихода в МИД Л. Д. Троцкого, на заседании, проходившем в кабинете Кудрявцева в МВД. Там присутствовал 21 человек, в т. ч. В. К. Коростовец, Г. Н. Михайловский и Л. В. Урусов. За забастовку проголосовали 17 человек, против — 1, воздержались — 3. Характеризуя заседание 27 октября, Г. Н. Михайловский констатировал «сразу выявившееся единодушие в вопросе о непризнании большевиков в качестве всероссийского правительства». Союз союзов призвал к всеобщей забастовке не только столичное, но и провинциальное чиновничество, предусматривая, в то же время, неучастие в ней чиновников, работавших в жизненно важных учреждениях (продовольственного или муниципального характера). В политическом отношении руководителей забастовки объединяла не положительная, а отрицательная цель — пассивное противостояние большевизму. «Политическая физиономия этих подлинных представителей петроградского чиновничества, — вспоминал Г. Н. Михайловский, — была в высшей степени неясна с точки зрения партийной принадлежности. Все почти были беспартийными, но зато диапазон был велик. Так, в Союз союзов входили меньшевик-интернационалист Абрамсон и октябрист (будущий ярый монархист) С. С. Ольденбург. Это была единственная организация, в которой я видел действительно “единый антибольшевистский фронт”. Тогда это казалось совершенно естественным и не вызывало ни малейших трений в работе Союза союзов». Всеобщую забастовку предполагалось проводить в течение двух-трех недель, а дальше действовать в зависимости от обстоятельств, окончив ее, во всяком случае, в день открытия Учредительного собрания. ЦК Союза союзов, после объявления забастовки заседавший ежедневно, действовал в контакте с Совещанием товарищей министров, формальным преемником Временного правительства, и Комитетом спасения Родины и Революции, причем в качестве соединительного звена выступала особая «тройка» — в ней каждая из трех организаций имела по пять представителей (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 504, 507; Кн. 2. С. 12, 38–39). Забастовка чиновничества приняла всероссийский характер и в первые месяцы советской власти представляла собой главную угрозу большевистскому режиму. «Самым больным в этот период явлением для советской власти, — указывал один из руководителей ВЧК Я. Х. Петерс, — была стачка

интеллигенции — саботаж, который охватил не только Питер, но и всю страну. Бороться с этим явлением было чрезвычайно трудно» (*Петерс Я. Х.* Из воспоминаний о работе ВЧК в первый год революции // Утро Страны советов. С. 248). После разгона большевиками, в начале января 1918 г., Учредительного собрания ЦК Союза союзов продолжал руководить забастовкой, чему способствовало, помимо прочего, то, что «крушение Временного правительства и разгон Учредительного собрания отодвинули вправо большинство чиновничества» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 61). Как представляется, забастовка чиновничества, создавшая компрометировавшую большевистское правительство ситуацию, когда оно, придя к власти, в течение полугода оставалось лишенным аппарата власти, причем не только в столице, но и на местах, явилась едва ли не главной причиной переезда Совнаркома в Москву, где легче было приступить к формированию нового аппарата, состоящего из абсолютно лояльных служащих.

6. Данное мнение В. Б. Лопухина полностью соотносится со свидетельством Г. Н. Михайловского, который писал, что политические партии и организации «не только не стали во главе саботажно-антибольшевистского движения, но шли за ним в хвосте». «Политические организации, — указывал тот же мемуарист, — по вполне понятным причинам сразу же спрятались в подполье, они, в особенности социалисты, делали ставку на Учредительное собрание, а не на саботажно-чиновничье движение. Никакого руководства нами с их стороны не было, повторяю, они шли тогда в хвосте, за нами, одобряя саботаж, но не давая нам никаких директив — до какого момента его вести, когда кончить» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 38, 39).

7. Посещение И. А. Залкиндом и Е. Д. Поливановым МИД произошло 4 ноября 1917 г. Воспоминания об этом В. Б. Лопухина дополняются аналогичными воспоминаниями И. А. Залкинда. См.: *Залкинд И. А.* НКИД в семнадцатом году. С. 195–198. По свидетельству Залкинда, именно 4 ноября он получил от начальника канцелярии министра иностранных дел Б. А. Татищева ключи от сейфов, содержавших секретные документы МИД, в т. ч. так называемые «тайные договора», опубликовать которые стремились большевики. Сам Б. А. Татищев признавал, что когда «начальники отдельных частей были приглашены прибыть в министерство для сдачи дел и вручения ключей вновь назначенному помощником комиссара Залкинду», он «пришел в министерство и без каких-либо формальностей, просто вручил Залкинду ключ от несгораемого шкафа с особо секретными бумагами, вделанного в стену в моем служебном кабинете» (*Татищев Б. А.* Крушение. С. 137). Организацией издания секретных документов ведал Н. Г. Маркин, выпустивший семь сборников этих документов. См.: Сборник секретных документов из Архива бывшего Министерства иностранных дел. № 1–7. Пг., 1917–1918. Подразумевая, что изданные большевиками материалы не имели того разоблачительного характера, который приписывали им публикаторы, С. Д. Сазонов отмечал, что большевики оказали «старой русской дипломатии обнародованием так называемых секретных документов большую услугу, обнаружив перед лицом всего света миролюбие императорской политики и чистоплотность ее приемов» (*Сазонов С. Д.* Воспоминания. С. 152).

8. Имеется в виду Г. Е. Пащенко, который, несмотря на обещание Л. Д. Троцкого, был уволен из МИД его приказом от 13 ноября 1917 г. См.: Известия. 1917. № 225. 14 ноября

9. Информацию о деле А. И. Доливо-Добровольского приводит Г. Н. Михайловский. «Дело заключалось в том, — писал он, — что, будучи молодым морским офицером, Доливо-Добровольский попал в кружок, близкий к Н. К. Михайловскому. Увлеченный революционными идеями, Доливо-Добровольский был арестован и посажен в Петропавловскую крепость, где и просидел один год. За это время из-за чтения книг при крайне скудном освещении он почти потерял зрение на один глаз. Из крепости его без суда освободили по личному распоряжению императора Александра III, и дело замяли, но он был отправлен на три года в дальнее плавание, после чего оставил морскую службу и через некоторое время поступил на службу к нам в Дипломатическое ведомство» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 301).

10. Еще 27 октября 1917 г. А. И. Доливо-Добровольский агитировал за признание большевистской власти и других мидовцев, в частности — Г. Н. Михайловского (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 1. С. 505–506). Впоследствии, 14 ноября, А. И. Доливо-Добровольский публично отказался от участия в забастовке чиновников МИД и признал власть Совета народных комиссаров, к чему призвал своих бывших сослуживцев в обращении к ним, опубликованном 18 ноября в газете «Новая жизнь».

11. В. Б. Лопухин неверно передает содержание приказа Л. Д. Троцкого по МИД от 13 ноября 1917 г., поскольку, судя по всему, ознакомился с его сокращенным вариантом, опубликованным в газетах. В действительности полный текст приказа гласил: «За отказ от подчинения Совету Народных Комиссаров увольняются от должности без права на пенсию: Товарищ министра иностранных дел Анатолий Анатолиевич Нератов. Директор канцелярии Борис Алексеевич Татищев. Товарищ министра Александр Михайлович Петряев и чиновники министерства: Герман Павлович Ухтомский, Владимир Борисович Лопухин, Николай Петрович Юдин, Василий Иоаннович Шавельский, Григорий Григорьевич Епифанов, Алексей Николаевич Орлов, Яков Лазаревич Барсков, Иван Карпович Лысенко, Александр Николаевич Раевский, Александр Эдуардович Нюман, Григорий Евгеньевич Пащенко, Федор Андреевич Семенченко, Алексей Константинович Беляев, Владимир Иванович Некрасов, Алексей Алексеевич Губарь, Николай Николаевич Маслов, Михаил Иванович Муромцев, Алексей Васильевич Блинов, Константин Карлович Фетерлейн, Евгений Карлович Памерский, Карл Владимирович Циглер, Александр Оттович Струве, Юрий Геннадиевич Удинцов, Николай Николаевич Щелкунов, Александр Николаевич Марисов, Александр Владимирович Григорьев, Василий Иванович Беляев, Николай Михайлович Старченко, Лев Владимирович Урусов, Владимир Владимирович Таубе. Список остальных увольняемых чинов будет опубликован завтра» (Известия. 1917. № 225. 14 ноября). Вскоре, 16 ноября, к перечисленным мидовцам были добавлены еще 69 человек, а 26 ноября, за отказ служить новой власти, отставки получили и 28 послов и посланников.

12. «Ежегодник Министерства иностранных дел» — ежегодное ведомственное издание, выходившее в Петербурге (Петрограде) в 1861–1909 и 1911–1916 гг. Оно содержало сведения о российском и иностранных царствующих домах, высших чинах Российской империи, личном составе МИД и дипломатического корпуса в Петербурге, православных церквах, находившихся в ведении МИД, а также текущие приказы по министерству.

13. В. Б. Лопухин, надеявшийся на публикацию своих воспоминаний в СССР, явно преуменьшил антибольшевистский характер инцидента с Е. А. Висконти и бароном В. В. фон Таубе, тем более, что с началом 27 октября 1917 г. забастовки чиновников МИД сам В. Б. Лопухин занимал весьма щекотливое положение, ведая казенными суммами, из которых бастующие продолжали получать жалованье. По воспоминаниям Г. Н. Михайловского, «правительственные учреждения, принявшие участие в забастовке, располагали теми казенными суммами, которые были в их кассах. Бухгалтерские и казначейские части повсюду присоединялись к саботажному движению, и функции контроля за состоянием кассы переходили к стачечным комитетам». К числу находившихся в компетенции В. Б. Лопухина сумм относилась и субсидия монастырям Афона. Несомненно также, что именно благодаря В. Б. Лопухину чиновники МИД, как и в других министерствах, получили жалованье по указу Сената в обычный срок, т. е. 20 ноября 1917 г., а в декабре в дополнение к жалованью — наградные. Выдача мидовцам полного жалованья продолжалась до февраля 1918 г., когда оно было выдано в половинном размере, после чего «выдавались только пособия в самых экстренных случаях, поскольку ресурсы иссякли». «В некоторых ведомствах, — отмечал Г. Н. Михайловский, — дело обстояло лучше, в других совсем хорошо, и я был крайне удивлен, когда, приехав в начале сентября 1918 г., узнал, что до того времени существовали в некоторых ведомствах и комитетах чиновников какие-то “ликвидационные суммы”, кто-то еще их получал». Другим источником финансирования забастовки стал созданный уже в ее начале забастовочный фонд при Финансовой комиссии ЦК Союза союзов, пополнявшийся за счет общественных и частных пожертвований, поступавших в т. ч. от

правлений крупных предприятий. «Так, например, у Нобеля, — свидетельствовал Г. Н. Михайловский, — было собрано сразу 90 тыс. руб.». В результате обысков у «лиц, организующих саботаж», отмечал Я. Х. Петерс, ВЧК обнаружила «подписные листы, на которых были десятки тысяч пожертвований со стороны отдельных буржуев в пользу саботировавшей интеллигенции». Наконец, в качестве источника субсидирования забастовки Финансовая комиссия в декабре 1917 г. рассматривала и внешний займ у союзных держав, однако ее деятельность в этом направлении пресекла ВЧК (*Петерс Я. Х.* Из воспоминаний о работе ВЧК. С. 248; *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 48–49, 50–53).

14. Е. Б. Лопухин жил на Знаменской площади, 34, а В. И. Лопухина — на Звенигородской, 22.

15. В действительности Ярошинского звали Карл Иосифович. О деятельности К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. см.: *Фурсенко А. А.* 1) Русский Вандербильт // Вопросы истории. 1987. № 10; 2) Концерн К. И. Ярошинского в 1917–1918 гг. // Проблемы социально-экономической истории России: К 100-летию со дня рождения Б. А. Романова. СПб., 1991.

16. Следственная комиссия Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов отдала приказ об аресте К. И. Ярошинского 14 декабря 1917 г., однако к этому моменту он был за границей.

17. Строка из стихотворения А. С. Пушкина.

18. Имеется в виду октябрьская всероссийская политическая стачка 1905 г.

19. На самом деле С. Д. Сазонов был назначен членом Государственного совета в 1913 г., еще в бытность его министром иностранных дел. В заседаниях верхней палаты он участвовал как до, так и после увольнения с последнего поста.

20. «Весь Петербург (Весь Петроград)» — адресно-справочный ежегодник, издававшийся А. С. Сувориным в 1894–1917 гг. Содержал информацию об учреждениях центрального и местного управления, учебных и лечебных заведениях, список жителей столицы и т. д.

21. Переезд большевистского правительства из Петрограда в Москву состоялся 10–11 марта 1918 г.

22. Вероятно, организация, созданная М. Д. Зориным, была консультативным органом Особой комиссии из советских и финских представителей «для разработки тех практических мероприятий, которые вытекают из отделения Финляндии от России». Образование Особой комиссии стало следствием подписания В. И. Лениным 18 (31) декабря декрета Совнаркома о предоставлении независимости Финляндии. В связи с тем, что в ней 15 (28) января 1917 г. вспыхнула революция, в начале февраля появилась новая советско-финская комиссия, которая и выработала договор между двумя странами, подписанный 1 марта В. И. Лениным.

23. Имеется в виду Брест-Литовский мирный договор. Л. Д. Троцкий, в качестве народного комиссара иностранных дел, играл главную роль при начале мирных переговоров в Брест-Литовске между Россией и Германией и ее союзниками — Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией. В начале января 1918 г. германская делегация потребовала от большевиков согласия на отторжение от России территории размером свыше 150 тыс. квадратных километров. По инициативе Троцкого переговоры были прерваны. Он предложил объявить войну прекращенной, армию демобилизовать, но столь позорного мира не подписывать. Это мнение Троцкий, вернувшийся в Брест, огласил 28 января, после чего переговоры снова прервались, и Германия начала наступление по всему фронту. Несмотря на отсутствие единства в большевистской верхушке по вопросу о мире, возобладала точка зрения В. И. Ленина, выступавшего за мир любой ценой, даже если он окажется «похабным». Заключение Брестского мирного договора на еще более тяжелых условиях последовало 3 марта 1918 г.

24. Вскоре после подписания Брест-Литовского договора барон Б. Э. Нольде выступил с инициативной создания Комиссии по Брест-Литовскому миру, в связи с чем разослал приглашения в нее «целому ряду общественных деятелей и бюрократов». Председателем комиссии, заседавшей при Съезде торговопромышленников на Литейном про-

спекте, был сам Б. Э. Нольде, а членами — «крупные чиновники разных ведомств», в т. ч. (от МИД) — Г. А. Козаков, Г. Н. Михайловский и А. В. Сабанин. Заседания комиссии посещали также С. И. Веселаго, Н. Н. Покровский и «ряд видных и знающих бюрократов» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 86–90). Если эту комиссию нельзя идентифицировать с бюро, о котором пишет В. Б. Лопухин, хотя и там, и там членом являлся А. В. Сабанин, то, во всяком случае, они были тесно связаны между собою.

25. О судьбе А. В. Сабанина см.: *Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 104–107.

26. Видимо, имеется в виду декрет ВЦИК и Совнаркома, датированный 11 апреля 1918 г. Декретом 22 апреля того же года была национализирована внешняя торговля.

27. Союз международных торговых товариществ сорганизовался в Петрограде к июлю 1918 г. по инициативе банковских, торгово-промышленных и бюрократических деятелей, несмотря на Декрет 22 апреля 1918 г. о монополии внешней торговли. Официально союз образовывался в целях «содействия развитию товарообмена России с иностранными государствами и облегчения условий русской внешней торговли». Деятельностью союза руководил совет, разделенный на собрания в Петрограде и Москве. Председателем совета являлся Н. Н. Покровский, вице-председателем — А. Н. Вентцель. В Совет входили граф Э. Ф. Берг, С. В. Габриэль, барон А. Г. Гинцбург, М. М. Гирс, Н. И. Гучков, Н. И. Жаба, В. К. Кистер, А. В. Кривошеин, К. П. Лазарев, Н. Е. Молчанов, Г. Л. Нобель, С. К. Подгурский, В. В. Прилежаев, В. И. Тимирязев, И. И. Тхоржевский и Б. Е. Шацкий. Текущими делами Союза ведало его правление, председателем которого являлся Е. С. Каратыгин, директором-распорядителем — А. К. Бабиевский. Членами правления были Н. И. Арбузов, А. Н. Вентцель и С. А. Шателен. Деятельность Союза свелась к его организовыванию, которое затянулось до декабря 1918 г. (Примечания к: *Лопухин В. Б.* После 25 октября. С. 85–86).

28. Мемуарист ошибается. В действительности О. А. Глебова (урожденная Михалкова) была дочерью не ярославского губернского предводителя дворянства Сергея Владимировича Михалкова, а его брата Александра Владимировича и его жены Варвары Ивановны, урожденной Унковской, сестры жены С. В. Михалкова.

29. Имеется в виду Лев (Леопольд) Семенович Ауэр (1845–1930).

30. Вероятно, этим младенцем являлся Михаил Семенович Ауэр, который, уже будучи в эмиграции, стал голливудским киноактером Майклом Ауэром.

30а. Мемуарист опять ошибается. А. И. Унковская была замужем за пензенским губернатором С. А. Хвостовым, погибшим при взрыве террористами дачи П. А. Столыпина в 1906 г. См. также комментарий 28 к этой главе (Комментарий Д. Н. Шилова).

31. Судя по всему, В. Б. Лопухин перепутал И. Н. Борисова, который в 1916–1917 гг. являлся товарищем министра путей сообщения и председателем Междуведомственной комиссии по выработке плана сети новых железных дорог Российской империи, подлежащих сооружению по окончании войны, с членом комиссии, художником и предпринимателем А. А. Борисовым, отстаивавшим в ней проект Северной сибирской железной дороги, включенный в план, утвержденный комиссией. Компаньоном А. А. Борисова в этом деле являлся норвежский предприниматель Э. Ганневиг. Оба они ходатайствовали еще перед царским правительством о выдаче им концессии на сооружении Северо-Сибирской магистрали. «Концессионеры, — вспоминал двоюродный племянник В. Б. Лопухина князь С. Е. Трубецкой, участвовавший в выработке устава соответствующего общества, — рассчитывали, что советская власть продлится в России недолго, но боялись потерять свои хозяйственные позиции, если они не продолжат свои переговоры и изыскания при большевиках». В 1918 г. А. А. Борисов и Э. Ганневиг выдвинули проект концессии на сооружение Великой северной дороги перед Советом народных комиссаров, который отнесся к нему неоднозначно. Более того, по инициативе В. И. Ленина 4 февраля 1919 г. Совнарком принял постановление, которое сочло «предоставление концессии представителям иностранного капитала с принципиальной точки зрения допустимым во всех тех случаях, когда только таким путем может быть достигнуто развитие производительных сил». Концессию на сооружение Северного

пути большевистское правительство решило «признать желательной и осуществление ее практически необходимым». На этой точке зрения Совнарком находился до марта 1919 г. В конечном итоге «представители концессионеров были арестованы и дело заглохло» (*Трубецкой С. Е.* Минувшее. С. 186; Примечания к: *Лопухин В. Б.* После 25 октября. С. 90–92).

32. Вероятно, Н. Н. Покровский подразумевал движение так называемых «моравских братьев».

33. Покушения на М. М. Володарского и М. С. Урицкого, закончившиеся их смертью, произошли 20 июня и 30 августа 1918 г. Покушение Ф. Каплан на В. И. Ленина закончилось его ранением и состоялось 30 августа того же года.

34. Постановление о красном терроре было принято Петроградским комитетом РКП(б) 23 июля 1918 г., Совнаркомом — 5 сентября того же года.

35. См. комментарий 20 к этой главе.

36. Постановление большевистских властей Петрограда о «мобилизации буржуазии» на захоронение трупов умерших от холеры последовало 14 июля 1918 г. Решение В. Б. Лопухина о поступлении на советскую службу не означало, что он изменил идеалам, вдохновлявшим мидовцев в ходе забастовки чиновничества. На состоявшемся 19 января 1918 г. под эгидой исполкома Общества служащих МИД их общем собрании (на нем присутствовали около 200 человек), была принята резолюция, которой запрещались «возвращение на службу и вообще советская служба в тех отраслях государственного управления, где она принимала политический характер». Дипломатическая и консульская службы, «как имевшие явно политический характер», возбранялись «на все время пребывания большевиков у власти». Таким образом, саботаж не только не прекращался, но и становился перманентным, тем более, что дозволялась исключительно служба «в нейтральных учреждениях технического свойства», причем можно было поступать лишь в те учреждения, в которых саботаж «законно прекратился с разрешения ЦК Союза союзов». Характерно, что в ходе обсуждения резолюции, принятой единогласно, прозвучало предложение не смягчить ее, а еще более усилить, запретив членам Общества служащих МИД «всякую советскую службу». Выдавая 20 февраля 1918 г. в последний раз жалованье, исполком объявил об окончании забастовки в том смысле, что отныне чиновники могли поступать в советские учреждения «на нейтральные должности» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 77–78, 81, 95). Как будет видно из дальнейшего, В. Б. Лопухин полностью выполнил это решение.

37. Описывая инцидент с Ф. Н. Петровым, случившийся накануне Первой мировой войны, Г. Н. Михайловский вспоминал: «Личность ничем другим не приметная, он вдруг прославился на всю читающую Россию тем, что на станции Клин во время дебоша, учиненного одним из пассажиров 3-го класса, где оказался Петров, последний из-за неуважительных слов в адрес вмешавшейся в дело железнодорожной жандармерии был отведен в станционное жандармское управление и двумя жандармами высечен в буквальном смысле этого слова. Как показало дознание, никаких бумаг, удостоверяющих его положение как правительственного служащего, при Петрове не оказалось, да и, кроме того, он был в нетрезвом состоянии. По приезде в Петроград Петров немедленно явился к начальству, т. е. к Сазонову, и рассказал свою печальную историю, умолчав, конечно, о невыгодных для себя обстоятельствах. Дело попало в печать, по собственной ли инициативе Петрова или иным образом — неизвестно. Замять инцидент не было никакой возможности, и Сазонов со свойственным ему темпераментом потребовал удовлетворения за оскорбление своего чиновника. Чем дальше двигалось дело, тем картина оказывалась все больше и больше не в пользу Петрова. Он, как выяснилось, сам буйствовал и вел себя во всех отношениях не так, как подобает чиновнику Дипломатического ведомства. Левая печать, отдавая должное демократическому происхождению Петрова, взяла его под свое покровительство, и, поскольку независимо от личности пострадавшего методы станционной жандармерии не заслуживали одобрения, двух виновных жандармов уволили со службы. В результате этой печальной известности уволили Петрова, так как его поведение также заслуживало порицания» (*Михайловский Г. Н.* Записки. Кн. 2. С. 22).

Именной указатель[a]

---

[a] В указателе учтены только имена, встречающиеся в тексте воспоминаний. При составлении аннотаций к именам, впервые появляющимся в 23 главе, использовались сведения из примечаний к ее первой публикации (*Лопухин В. Б.* После 25 октября // Минувшее: Ист. альм. Вып. 1. М., 1990).

академии Генерального штаба. Служил в артиллерийских бригадах и л.-гв. Измайловском полку. Старший адъютант штаба 24-й пехотной дивизии (1893), обер-офицер для особых поручений при штабе 18-го армейского корпуса (1897), исправляющий должность столоначальника Главного штаба Военного министерства (1897), младший (1898) и старший (1901) делопроизводитель канцелярии Военно-ученого комитета этого штаба. Начальник отделения Главного штаба (1903–1909). Участник русско-японской войны 1904–1905. Генерал-квартирмейстер Главного штаба (1909), начальник отделения по устройству и службе войск Главного управления Генерального штаба (1910–1914), постоянный член Главного крепостного комитета (1909). Во время Первой мировой войны — исправляющий должность начальника (1914) и начальник (1916) Генерального штаба, одновременно — помощник военного министра (1915–1916). Член Военного совета и представитель русского командования при Румынской главной квартире (1916). Военный министр (январь–март 1917). Расстрелян большевиками *287, 351, 417*

Бенескриптов Александр Иванович (1873 — не ранее 1917) — коллежский советник (на 1916). Окончил Петербургский университет. Чиновник Министерства финансов (с 1898), помощник столоначальника 2-го отделения Департамента окладных сборов (с 1901), податный инспектор 1-го участка Петроградского уезда (на 1916) *168*

Бенкендорф Александр Константинович (1849–1916) — граф, церемониймейстер (1883), действительный статский советник (1895), гофмейстер (1903). Получил домашнее образование. С 1868 служил в Департаменте внутренних сношений МИД, 1-й секретарь и советник российского посольства в Австро-Венгрии (1887), посланник в Дании (1897), посол в Англии (1902). Умер в Лондоне *172, 224, 270, 285, 288*

Бентковский Альфред Карлович (1860–1930) — действительный статский советник (1908), тайный советник (1914). Учился в гимназии Императорского человеколюбивого общества. В 1882 поступил на службу в МИД сверхштатным чиновником Департамента внутренних сношений. Делопроизводитель 8-го (1890), 7-го (1892), 6-го (1894) и 5-го (1898) классов этого департамента. Вице-директор (1903) и директор (1905) 2-го департамента МИД, сенатор (1916). Умер в эмиграции *131, 157–158, 181, 206*

Березников Алексей Александрович (1868–1934) — действительный статский советник (1915), камергер (1907). Брат В. А. Березникова. Учился в Демидовском юридическом лицее. Начальник отделения канцелярии Комитета министров, затем служил в МВД, черноморский губернатор (1906–1911). Во время Первой мировой войны состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части принце А. П. Ольденбургском (1914–1917). Умер в эмиграции *109, 168*

Березников Владимир Александрович — действительный статский советник (1911). Брат А. А. Березникова, друг юности В. Б. Лопухина. Служил в МИД, генеральный консул в Стокгольме, вице-директор 2-го департамента (1905) *13, 158, 168, 180, 194*

Бернов Евгений Иванович (1855 — не ранее 1917) — генерал-майор (1907), генерал-майор Свиты (1911). Окончил Пажеский корпус. Служил в Кавалергардском полку. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Командир 22-го Астраханского драгунского (1904) и Кирасирского ее величества (1907) полков, 1-й бригады 2-й гвардейской кавалерийской дивизии (1912). Во время Первой мировой войны состоял при верховном начальнике санитарной и эвакуационной части принце А. П. Ольденбургском (1914–1917) *253*

Берхтольд Леопольд, фон (1863–1942) — граф, австро-венгерский дипломат. Посол в России (1906–1911), министр иностранных дел (1912–1915) *222*

Бетман-Гольвег Теобальд, фон (1856–1921) — германский государственный деятель. Министр внутренних дел Пруссии (1905) и Германии (1907), рейхсканцлер (1909–1917) *196*

Бибикова Варвара Дмитриевна (1848–1927), урожд. княжна Оболенская — дочь Д. А. Оболенского, жена М. М. Бибикова. Умерла в эмиграции *23–24*

Бизеева Анна Александровна — см. Шипова А. А.

тель дворянства (1904). Член II–IV Государственных дум, лидер фракции националистов. Один из руководителей неославянского движения. Делегат Всеславянского съезда в Праге и член Общества славянской взаимности (1908). Умер в эмиграции *191*

Бобринский Петр Алексеевич (1869–1920) — граф, брат графа В. А. Бобринского. Адъютант варшавского генерал-губернатора Г. А. Скалона *191*

Боголепов Николай Павлович (1846–1901) — действительный статский советник (1884), тайный советник (1896). Историк римского права. Окончил юридический факультет Московского университета. Служил в канцелярии Сената. С 1869 в отставке. В 1873–1976 читал лекции по римскому праву на юридическом факультете Московского университета. В 1876 защитил магистерскую, в 1881 — докторскую диссертации. Профессор (1881) и ректор (1883–1887, 1891–1893) Московского университета, попечитель Московского учебного округа (1895), управляющий Министерством и министр народного просвещения (1898–1901), член Государственного совета (1898). Смертельно ранен эсером П. В. Карповичем *34, 76, 78, 101, 112, 362*

Боголепова Екатерина Александровна (1850 — не ранее 1914), урожд. светлейшая княжна Ливен — жена Н. П. Боголепова. Фрейлина *76*

Богров (Багров) Дмитрий Григорьевич (1887–1911) — член киевской группы анархо-коммунистов и агент Киевского охранного отделения. В 1911 смертельно ранил П. А. Столыпина. Казнен *200, 352, 389*

Бонди Владимир Александрович (1870–1934) — журналист. Учился вместе с В. Б. Лопухиным в Рыбинской гимназии. В 1903–1918 входил в редколлегию газеты «Биржевые ведомости» и приложений к ней (журналы «Огонек» и «Новая иллюстрация»). Член Особой комиссии Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (1916–1917) *231, 268, 273–274, 283, 321–323, 345*

Борисов Иван Николаевич (1858–1928) — действительный статский советник (1910), тайный советник (1915). Учился в Институте инженеров путей сообщения. В 1884 поступил на службу в МПС во Временное управление казенных железных дорог. Тогда же откомандирован в Общество Московско-Курской железной дороги. Штатный инженер путей сообщения МПС 9-го класса с откомандированием на Екатеринбургскую железную дорогу (1885). Делопроизводитель эксплуатационного отдела Временной дирекции казенных железных дорог (1892), инженер путей сообщения МПС 8-го класса с откомандированием на Балтийско-Псково-Рижскую железную дорогу (1895), инженер путей сообщения МПС 7-го класса с откомандированием на Ивангородско-Домбровскую железную дорогу (1897). В 1902–1906 занимал руководящие посты в правлениях Полесской, Сибирской и Привислинской железных дорог. Обвинялся в участии во всероссийской политической забастовке, проходившей в октябре 1905, вследствие чего получил отставку и был причислен к МПС. Начальник Среднеазиатской железной дороги (1910), затем — член Инженерного совета МПС, управляющий эксплуатационным отделом Управления железных дорог. Начальник Управления железных дорог МПС (1914). Товарищ министра путей сообщения и председатель Междуведомственной комиссии по выработке плана сети новых железных дорог Российской империи, подлежащих сооружению по окончании войны (1916–1917). После 1918 являлся членом Финансово-экономического совета Главного комитета государственных сооружений, начальником Главного управления путей сообщения НКПС, членом Высшего совета по перевозкам, с 1922 — замнаркома путей сообщения по технической части *333, 427*

Борисова Анна Николаевна (1868–1917), урожд. Стааль — старшая дочь генерал-майора Н. А. Стааля, подруга детства В. Б. Лопухина, с 1908 — жена генерал-майора Н. Борисова *189*

Боткин Петр Сергеевич (1861–1933) — камергер (1907), действительный статский советник (1908). Юрист-международник и очеркист. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Служил в МИД. 2-й секретарь миссии в США, секретарь

Буксгевден Карл Карлович (1856–1935) — барон, действительный статский советник (1896), шталмейстер двора великой княгини Александры Иосифовны (1902) и высочайшего двора (1910). Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Служил в МИД. Вице-директор (1892) и директор (1897) Департамента личного состава и хозяйственных дел, посланник в Дании (1910–1917). Умер в эмиграции *13, 73, 100, 180–182, 194, 196*

Булатов Павел Николаевич (1859 — не ранее 1917) — действительный статский советник (1905). Доктор медицины. С 1882 — на государственной службе, с 1891 — в МВД. Помощник главного врачебного инспектора МВД (1904–1917). Председатель врачебного отдела Особой комиссии Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (1916–1917) *268*

Булыгин Александр Григорьевич (1851–1919) — действительный статский советник (1889), в должности гофмейстера (1895), гофмейстер (1896), обер-шенк (1916). Окончил Училище правоведения. Служил в Судебном ведомстве. В 1873 перешел в МВД. Младший (1873) и старший (1874) чиновник особых поручений при саратовском губернаторе. Инспектор 6-го класса и старший делопроизводитель Главного тюремного управления (1879). Зарайский уездный предводитель дворянства (1881), тамбовский вице-губернатор (1886), калужский (1887) и московский (1893) губернатор, помощник московского генерал-губернатора великого князя Сергея Александровича (1902), член Государственного совета (1905–1917, с 1906 входил в группу правых). Министр внутренних дел (январь-октябрь 1905), председатель Особого совещания для обсуждения путей осуществления высочайшей воли о привлечении избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений (февраль-март 1905). Статс-секретарь его величества (1913), главноуправляющий Собственной его величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1913–1917), почетный опекун (1913). Расстрелян большевиками *133, 138, 160, 370, 377*

Бунге Николай Христианович (1823–1895) — действительный статский советник (1861), тайный советник (1874), действительный тайный советник (1885). Экономист. Учился на юридическом факультете Киевского университета. Профессор Нежинского лицея им. князя А. А. Безбородко (1845–1850). В 1847 защитил магистерскую, в 1852 — докторскую диссертации. Преподаватель (1850), экстраординарный (1852) и ординарный (1854) профессор и ректор (1859) Киевского университета (1859–1862, 1871–1875, 1878–1880). Управляющий киевской конторой Государственного банка (1862), товарищ министра финансов (1880), управляющий Министерством (1881) и министр (1882) финансов, председатель Комитета министров и член Государственного совета и Комитета финансов (1887–1895). Почетный (1881) и действительный (1890) член Академии наук. Вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги (1892) *341, 357*

Бурбы — литовский дворянский род *46*

Буренин Виктор Петрович (1841–1926) — публицист и литературный критик. Член редакционной коллегии «Нового времени» *56, 201*

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) — публицист и издатель, близкий к эсерам. Учился на физико-математическом и юридическом факультетах Петербургского и Казанского университетов. Участвовал в народническом движении. В 1886 был сослан в Сибирь, откуда бежал в Швейцарию. Находился в эмиграции до 1905. В 1907–1914 — вторично в эмиграции. В 1908 разоблачил Е. Ф. Азефа. В 1917 издавал газету «Общее дело». Умер в эмиграции *126, 366, 411, 429*

Бутович Екатерина Викторовна — см. Сухомлинова Е. В.

Быченские — ярославские помещики *44*

Бьюкенен Джордж Уильям (1854–1924) — английский дипломат. С 1875 служил во внешнеполитическом ведомстве, занимая дипломатические посты в Италии, Японии,

Васильчикова Мария Александровна (1859–1934) — княжна, фрейлина (1880). Помощница попечительницы Школы наследника-цесаревича Алексея Николаевича при Женском патриотическом обществе. В 1914, в начале Первой мировой войны, была задержана австро-венгерскими властями в своем имении около Вены. В 1915 дважды обращалась к императору Николаю II с письмами, содержавшими просьбу заключить сепаратный мир с Германией. В декабре 1915 выехала в Россию под условием, что в случае невозвращения в течение 3 недель ее имение будет конфисковано. Привезла в Россию письма аналогичного содержания от великого герцога гессенского Эрнста-Людвига к Николаю II и императрице Александре Федоровне. Была задержана в Петрограде и по высочайшему повелению выслана под надзор полиции сначала в Черниговскую, затем — в Вологодскую губернию. 1 января 1916 лишена фрейлинского звания *257, 404*

Ватаци Эммануил Александрович (1856–1920) — действительный статский советник (1900), тайный советник и гофмейстер (1906). Окончил Училище правоведения, слушал лекции в Берлинском университете. Служил по судебному ведомству. В 1879 перешел в военное ведомство, находился в распоряжении туркестанского генерал-губернатора. С 1880 вернулся в Министерство юстиции, в 1884 перешел в МВД. Комиссар по крестьянским делам в г. Цеханове (1885) и Плоцком уезде (1886), член Келецкого присутствия по крестьянским делам (1891), плоцкий вице-губернатор (1891), сувалкский (1898), ковенский (1901) и харьковский (1904) губернатор. Директор Департамента общих дел МВД (1904), товарищ министра внутренних дел (1905), сенатор (1906–1914), помощник по гражданской части кавказского наместника (1909–1914). В 1914 вышел в отставку и поступил на частную службу к С. Г. Лианозову. К 1917 — председатель правлений Нефтепромышленного товарищества «Братьев Мирзоевых и К°» и Русско-Персидского лесопромышленного акционерного общества, член совета Русско-Голландского банка *334*

Вахрамеева Мария Ивановна — см. Курлова М. И.

Вебер Сергей Федорович (1857 — не ранее 1928) — действительный статский советник (1898), тайный советник (1906). Учился на юридическом факультете Харьковского университета. В 1883 поступил на службу в Министерство финансов сверхштатным чиновником особых поручений Харьковской казенной палаты, затем — исправляющий должность податного инспектора 1-го участка Харькова (1885) и начальника 1-го отделения Харьковской казенной палаты (1887). В 1889 утвержден в последней должности. С 1892 — управляющий Орловской казенной палатой. В 1895 перешел в центральные учреждения Министерства финансов, где занимал посты вице-директора (1895) и директора (1905) Департамента Государственного казначейства. С 1909 — товарищ министра финансов. Член Государственного совета по назначению (1914, входил в группу центра). В 1915–1917 — председатель Постоянного междуведомственного совещания для рассмотрения вопросов по применению законодательства о призрении лиц, призванных на войну, и их семей при Верховном совете по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Сенатор Временного правительства (с июня 1917). В 1918 — член Комиссии для выработки проекта договора РСФСР с Финляндией, один из руководителей Экономического бюро в Петрограде. Осенью 1919 петроградским отделом Национального центра, антисоветской подпольной организации, находившейся в Москве, намечался в министры финансов постбольшевистского правительства, за что был арестован, но затем освобожден. В 1920-е жил в Ленинграде, возглавлял Бюджетную комиссию Института экономических исследований при Наркомфине *227, 329–330*

Вейнер Аркадий Петрович (ум. не ранее 1916) — действительный статский советник (1913). Юрист-международник. Учился в Александровском лицее. С 1894 служил в Департаменте внешних сношений МИД. Секретарь консульства в Софии (1896), вице-консул в Нью-Йорке (1897), чиновник Департамента внешних сношений и 2-го департамента (1899–1916), его делопроизводитель 5-го класса и вице-директор. В 1916–1917 — член Совета МИД. К 1917 — директор правления Товарищества вейнеровских пивоваренных заводов *271, 324, 330, 410*

Веревкин Александр Николаевич (1864–1922) — действительный статский советник (1901), тайный советник (1908), гофмейстер (1912). По окончании Училища правоведения был причислен к Департаменту Министерства юстиции с откомандированием в законодательное отделение департамента. Затем — кандидат на судебные должности при прокуроре Петербургской судебной палаты (1886) и столоначальник Департамента Министерства юстиции (1888). С 1891 — исполняющий обязанности редактора 1-го Департамента Министерства юстиции. В 1893 назначен помощником юрисконсульта Министерства юстиции и членом от этого Министерства в Комиссии при МПС о найме рабочих на железнодорожные и строительные работы. С 1896 — юрисконсульт Министерства юстиции. В 1902 стал старшим юрисконсультом Консультации, учрежденной при Министерстве юстиции. С 1905 — член Консультации с оставлением ее старшим юрисконсультом. В 1906 назначен исправляющим должность директора 1-го департамента Министерства юстиции, в том же году утвержден в этой должности. В 1910–1917 — товарищ министра юстиции. Сенатор (1915) и член Государственного совета по назначению (1917, входил в группу правых) *262*

Веригин Митрофан Николаевич (1878–1920) — статский советник, камер-юнкер. Окончил Училище правоведения. С 1898 служил в Департаменте полиции МВД, его секретарь (1906), чиновник особых поручений при министре внутренних дел, исполняющий обязанности вице-директора Департамента полиции (1911). С 1911 находился в отставке в связи с привлечением к расследованию дела о гибели П. А. Столыпина *201*

Верховский Владимир Владимирович (1849–1910) — действительный статский советник (1882), тайный советник (1886), действительный тайный советник (1905). Учился на юридическом факультете Московского университета. Служил в канцелярии 1-го Департамента Сената и Министерстве юстиции. В 1877 перешел в канцелярию Комитета министров на должность начальника ее отделения. Директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (1883), член Совета министра финансов (1889), товарищ главноуправляющего Собственной его величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии (1890), член Государственного совета (1896, с 1906 входил в группу центра) *111*

Верховский Клавдий Владимирович (1866 — не ранее 1924) — действительный статский советник (1914). Брат П. В. Верховского. Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1891 служил по Министерству юстиции, товарищ прокурора Ревельского окружного суда (1895), прокурор Якутского (1899), Читинского (1901), Владикавказского (1903) и Тифлисского (1904) окружных судов, товарищ председателя Бакинского окружного суда (1906), член Саратовской (1907) и Виленской (1909) судебных палат. Помощник управляющего делами Особой комиссии Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (1914–1917) *266–268*

Верховский Петр Владимирович (1867–1940) — действительный статский советник (1913). Брат К. В. Верховского. Окончил Морское училище. С 1888 служил на Балтийском флоте, в 1900 перешел на гражданскую службу, чиновник особых поручений Министерства финансов 8-го (1900), 6-го (1910) и 5-го (1914) классов. Управляющий делами Особой комиссии Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (1914–1916). Умер в эмиграции *265–268, 272*

Веснин Алексей Николаевич (1869 — не ранее 1917) — статский советник (на 1916). Окончил Московский университет. В 1893 поступил на государственную службу. С 1899 — чиновник Министерства финансов, с 1904 — начальник 3-го отделения Департамента окладных сборов *166*

Виктор Серж — см. Кибальчич Дмитрий Львович.

Виктория (1819–1901) — английская королева (1837) *84*

Вильгельм II (1859–1941) — прусский король и германский император (1888–1918). Отрекся от престола. Умер в изгнании *85, 113, 129, 171, 195, 220, 223, 226, 229, 232, 235, 244, 269, 360, 381–382, 387, 395–396*

Винавер Максим Моисеевич (1863–1926) — деятель Конституционно-демократической партии. Государствовед и цивилист. Окончил Варшавский университет. С 1904 — присяжный поверенный. Одновременно редактировал журнал «Вестник права». С 1905 — член Центрального комитета кадетской партии. Член I Государственной думы. Сенатор Временного правительства (1917). Умер в эмиграции *161, 179*

Висконти Евгений Александрович (ум. не ранее 1917) — действительный статский советник (1910). Учился в Академии художеств. Чиновник особых поручений 5-го класса (1911) и старший делопроизводитель 1-го Департамента (1916) МИД *202, 319, 326, 334, 425*

Витте Георгий Георгиевич, фон (1867 — не ранее 1920) — двоюродный брат Н. Н. Покровского. Действительный статский советник (1910), тайный советник (1916). Учился в Петербургском университете. Служил в МВД. С 1907 — управляющий отделом народного здравия и общественного призрения Главного управления по делам местного хозяйства. В 1914–1917 — управляющий делами Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Сенатор (1916–1917). С 1920 — в эмиграции *265, 268–269, 276, 283*

Витте Матильда Ивановна (1863 — не ранее 1920), урожд. Нурок, по первому браку Лисаневич — графиня, вторая жена С. Ю. Витте. Умерла в эмиграции *24, 63, 104*

Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — граф (1905), действительный статский советник (1889), тайный советник (1893), действительный тайный советник (1899). Второй муж М. И. Витте. Специалист по железнодорожным тарифам, мемуарист. Окончил физико-математический факультет Новороссийского (Одесского) университета. Служил по МПС и на частных железных дорогах. Начальник эксплуатационного отделения при правлении (в Петербурге) (1878), начальник эксплуатации (1880) и управляющий (1886) Юго-Западными железными дорогами (в Киеве), директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов (1889), управляющий МПС (февраль 1892) и Министерством финансов (август 1892), министр финансов (1893–1903), статс-секретарь его величества (1896), председатель Комитета министров (1903–1906), член Государственного совета (1903–1915) и Комитета финансов (1903–1915), председатель Совета министров (1905–1906), затем — член Государственного совета по назначению (внепартийный) *6, 8–9, 15–16, 24–25, 31–32, 41, 51, 55, 58–60, 63, 71, 74, 76–79, 81, 99, 104–105, 112–113, 117, 121–123, 126–129, 134, 138–139, 143–144, 146–147, 150–154, 158, 160–161, 182, 186, 200, 202, 210, 224–226, 231–233, 297, 338, 347–348, 352–359, 361–375, 377–379, 381, 396, 402*

Вишневская Мария Николаевна — см. Протасьева М. Н.

Вишняков Александр Александрович (1863 – не ранее 1917) — действительный статский советник (1905), камергер (1910), гофмейстер (1917). Окончил Училище правоведения. Начал службу в Департаменте Министерства юстиции. В 1885 был причислен к МВД. Помощник делопроизводителя (1891) и исправляющий должность делопроизводителя (1892) земского отдела. В 1892 перешел в Министерство финансов на должность начальника отделения Департамента окладных сборов, его вице-директор (1902) и директор (1906–1917). Член от Министерства финансов в Общем присутствии Совета по делам местного хозяйства при МВД (1906). Умер в эмиграции *165–166, 170, 180, 183, 188, 193–194, 198*

Владимир Александрович (1847–1909) — великий князь, третий сын Александра II, брат Александра III, дядя Николая II. Флигель-адъютант (1865), генерал-майор Свиты (1868), генерал-адъютант (1872), генерал-лейтенант (1874), генерал от инфантерии (1880). Меценат и коллекционер. Получив домашнее образование, проходил военную службу в л.-гв. Преображенском полку, его командир (1869). Сенатор (с 1868), товарищ президента Академии художеств (1869–1876), член Государственного совета (с 1872), начальник Гвардейской стрелковой бригады (1872) и 1-й гвардейской пехотной дивизии (1874–1877, 1878–1880), президент Академии художеств (1876–1909). Во время русско-

Украины и министр по земельным делам. В 1919 сотрудничал с правительством генерала А. И. Деникина. Умер в эмиграции *182, 386*

Герценштейн Михаил Яковлевич (1859–1906) — экономист и публицист. Профессор Московского сельскохозяйственного института (1903), один из лидеров Конституционно-демократической партии, член I Государственной думы. Убит членами «Союза русского народа» *161*

Гибнер Максимилиан Августович (ум. не ранее 1917) — статский советник (на 1916). Служил в МИД. Переводчик 6-го класса 2-го департамента. С 1906 формально руководил изданием «Сборника консульских донесений» *158*

Гинзбург (Гинцбург) Гораций Осипович (1833–1909) — барон, банкир и меценат *334*

Гирс Николай Карлович (1820–1895) — действительный статский советник (1858), тайный советник (1865), действительный тайный советник (1878). По окончании Александровского лицея служил в Азиатском департаменте МИД. Младший драгоман при российском консульстве в Яссах (1841), дипломатический чиновник при командовании русских войск в Трансильвании (1848), первый секретарь российского посольства в Турции (1850), управляющий консульством в Молдавии (1851), директор канцелярии полномочного комиссара в княжествах Молдавии и Валахии (1853–1854), состоящий при новороссийском и бессарабском генерал-губернаторе (1855), генеральный консул в Египте (1856), Молдавии и Валахии (1858), посланник в Персии (1863), Швеции и Норвегии (1872), товарищ министра иностранных дел и сенатор (1875), статс-секретарь его величества (1879), министр иностранных дел (1882–1895). Почетный член Академии наук (1876) *100*

Глазенап Сергей Павлович, фон (1848–1937) — астроном и геодезист, действительный статский советник (1895). По окончании математического отделения физико-математического факультета Петербургского университета был оставлен при кафедре астрономии и геодезии для подготовки к профессорскому званию с откомандированием в Пулковскую обсерваторию. В 1872–1873 находился в заграничной научной командировке. Адъюнкт Пулковской обсерватории (1876). Приват-доцент (1877), доцент (1880), экстраординарный (1885) и ординарный (1889) профессор Петербургского университета. Основатель университетской обсерватории. Председатель Русского астрономического общества (1890). Учитель В. Б. Лопухина в бытность его студентом Петербургского университета. Член-корреспондент по физико-математическому отделению (1928) и почетный член (1929) Академии наук *6, 55–57*

Глебов Петр Владимирович (1879–1920) — коллежский секретарь (1917). Второй муж О. А. Глебовой (урожд. Михалковой, по первому браку — Кристи), сын С. Н. Глебовой, внук Н. П. Трубецкого. Учился в Лицее цесаревича Николая и на юридическом факультете Московского университета. В 1903–1905 — сверхштатный чиновник особых поручений при великом князе Сергее Александровиче. Помощник московского уездного предводителя дворянства (1905) и московский уездный предводитель дворянства (1908). Депутат Каширского уездного дворянского собрания. Член Московского комитета Союза 17 октября *332–333*

Глебова Ольга Александровна (1893–1972), урожд. Михалкова — жена П. В. Глебова, дочь А. В. Михалкова, племянница С. В. Михалкова, по первому браку — Кристи *332, 427*

Глебова Софья Николаевна (1853–1936), урожд. княжна Трубецкая — жена члена Государственного совета В. П. Глебова, дочь князя Н. П. Трубецкого от первого брака, мать П. В. Глебова *32, 332*

Глинка Михаил Иванович (1804–1857) — композитор *107*

Гнедич Петр Петрович (Старый Джон) (1855–1927) — писатель, драматург и театральный деятель. Учился в Академии художеств. В 1886–1888 преподавал историю искусств в Драматической школе Русского литературного общества. Редактор журнала «Север» (1888–1889). В 1890 основал «Ежегодник императорских театров», его первый редактор. Член Театрально-литературного комитета при дирекции императорских теа-

(1866–1880). Одновременно — товарищ обер-прокурора (1872) и обер-прокурор (1878) Гражданского кассационного департамента Сената. Директор Департамента Министерства юстиции (1880). Сенатор (1881), член Государственного совета (1895–1917), председатель Департамента гражданских и духовных дел (1905), вице-председатель Государственного совета (1906–1917), статс-секретарь его величества (1910) *111*

Голубев Лев Викторович (1875 – не ранее 1917) — действительный статский советник и камергер (1908). Учился в Александровском лицее. Участник русско-японской войны 1904–1905 (как уполномоченный Российского общества Красного Креста). Председатель Попечительского совета приюта принца П. Г. Ольденбургского. Почетный мировой судья. Причисленный к Собственной его величества канцелярии по учреждениям императрицы Марии. Во время Первой мировой войны — уполномоченный верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского в Тифлисе (1914–1917) *251*

Гончаров Иван Александрович (1812–1891) — писатель *53, 352*

Гончаров Сергей Сергеевич (1842–1918) — действительный статский советник (1879), гофмейстер (1884), действительный тайный советник (1904). Учился на юридическом факультете Московского университета. С 1862 служил в канцелярии московского генерал-губернатора. В 1863 перешел в Министерство государственных имуществ, в 1866 — в судебное ведомство. Товарищ председателя Тамбовской палаты гражданского суда (1866), член Тамбовской палаты уголовного и гражданского суда и товарищ председателя Подольской палаты гражданского суда (1869), член Смоленского окружного суда (1870), председатель Волынской (1873) и Киевской (1875) палат уголовного и гражданского суда, прокурор Казанской (1877) и Московской (1880) судебных палат, старший председатель Тифлисской судебной палаты (1884), сенатор (1891), член Государственного совета (1900–1911). С 1906 — один из лидеров правых в верхней палате. В 1911 вышел в отставку в знак протеста против позиции П. А. Столыпина по вопросу о введении земства в западных губерниях. Занимался предпринимательством. Расстрелян большевиками *111*

Гончаров Степан Федорович (1879–1914) — зять В. С. Кривенко. Штабс-капитан (1909), затем — капитан л.-гв. Семеновского полка, с которым участвовал в Первой мировой войне. Погиб на фронте *246*

Горбачевич (Горбацевич-Горбачевич) Константин Евстафьевич (1863 – не ранее 1918) — статский советник. Окончил Петербургское коммерческое училище. С 1887 служил в Департаменте внешних сношений МИД, его делопроизводитель и переводчик 6-го класса. В 1915–1917 — исправляющий должность библиотекаря 2-го департамента МИД *325–326, 334*

Горбунов Иван Федорович (1831–1895) — артист-рассказчик и писатель *68–70*

Горемыкин Александр Дмитриевич (1832–1904) — генерал-майор (1867), генерал-лейтенант (1879), генерал от инфантерии (1893). Учился в Новгородском и 1-м кадетских корпусах и Николаевской академии Генерального штаба. Служил в Кексгольмском гренадерском и л.-гв. Егерском полках. Участник Крымской войны 1853–1856. Старший адъютант (1859), штаб-офицер для поручений по части Генерального штаба (1861) и дежурный штаб-офицер (1862) штаба Гренадерского корпуса, причисленный к Инспекторскому департаменту Военного министерства с откомандированием в распоряжение наместника Царства Польского для занятий по крестьянскому делу (1864), председатель Пултусской комиссии по крестьянским делам (1865). Подольский губернатор (1866), начальник штаба Одесского военного округа (1869) и 15-й пехотной дивизии (1876). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Командир 8-го армейского корпуса (1889). Иркутский генерал-губернатор (1889), член Государственного совета (1900) *111*

Горемыкин Иван Логгинович (1839–1917) — действительный статский советник (1875), тайный советник (1882), действительный тайный советник (1896), действительный тайный советник 1-го класса (1916). Историк и цивилист. Окончил Училище пра-

ского университета. Приват-доцент Дерптского университета (1889). Приват-доцент (1894), экстраординарный (1899) и ординарный (1901) профессор, декан юридического факультета и ректор (1910–1911) Петербургского университета. Член Государственного совета по выборам от Академии наук и университетов (1907–1917, входил в группу левых). Член ЦК Конституционно-демократической партии. С 1913 — профессор Харьковского университета. После Февральской революции 1917 — комиссар Временного правительства над Государственной канцелярией, товарищ министра народного просвещения (апрель–июль), сенатор, член Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. В 1917–1920 — профессор Петроградского университета. Умер в эмиграции *161*

Грингмут Владимир Андреевич (1851–1907) — публицист, редактор газеты «Московские ведомости» (1896–1907), председатель Русской монархической партии (1905) *101*

Гриппенберг Оскар-Фердинанд Казимирович (1838–1915) — флигель-адъютант (1877), генерал-майор Свиты (1878), генерал-лейтенант (1890), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902). Получил домашнее образование. Служил в пехоте. Участник Крымской войны 1853–1856 и польской кампании 1863–1864. В 1866 перешел в Туркестанский военный округ. Командир 5-го Туркестанского линейного батальона (1867). Участник покорения Средней Азии. Командир 17-го стрелкового батальона (1870), л.-гв. 2-го стрелкового батальона (1877) и л.-гв. Московского полка (1877–1883). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Командир 1-й бригады 1-й гвардейской пехотной дивизии (1883), Гвардейской стрелковой бригады (1889), 1-й гвардейской пехотной дивизии (1897). Член Александровского комитета о раненых (1898). Командир 6-го армейского корпуса (1900), помощник командующего (1901) и командующий (1902) войсками Виленского военного округа. Во время русско-японской войны 1904–1905 — командующий 2-й Маньчжурской армией. Вследствие конфликта с главнокомандующим действующей армией А. Н. Куропаткиным приехал с Дальнего Востока в Петербург. Член Государственного совета (1905–1915). Генерал-инспектор пехоты (1905–1906) *140*

Гришкевич-Трохимовский Павел Михайлович (1868 — не ранее 1917) — действительный статский советник (1911). Учился в Петербургском университете. Служил в Министерстве финансов, член от министерства в Совете Добровольного флота, Совете по делам торгового мореплавания и Комитете по портовым и золотопромышленным делам. Начальник отделения и вице-директор (1910–1917) Департамента Государственного казначейства, член Совета министра финансов. В начале ноября 1917 вел переговоры с В. Р. Менжинским о выделении Совнаркому денежных средств. В 1920-е работал в системе Наркомфина *181, 240, 318*

Гулькевич Константин Николаевич (1865–1935) — действительный статский советник (1913), камергер (1909). Получил домашнее образование. С 1886 служил в МИД, занимал дипломатический пост в Баварии. Чиновник особых поручений при министре иностранных дел (1906), 1-й секретарь российского посольства в Италии (1908), советник посольства в Турции (1912) и 2-го политического отдела МИД (1914), посланник в Норвегии (1916–1917) и Швеции (1917). Умер в эмиграции *239, 289*

Гурко Владимир Иосифович (1862–1927) — действительный статский советник (1903), камергер (1900). Сын И. В. Гурко. Окончил Московский университет. Служил по МВД. Непременный член Варшавского губернского по крестьянским делам присутствия (1891), исполняющий обязанности варшавского вице-губернатора (1892). После перехода в 1895 в Государственную канцелярию — помощник статс-секретаря Государственного совета (1898), управляющий земским отделом МВД (1902–1906). Член Особого совещания под председательством И. Л. Горемыкина о мерах к укреплению крестьянского землевладения (1905–1906). Товарищ министра внутренних дел (1906). В 1906 отрешен от должности по приговору Сената «за превышение власти» при заключении договора с Э.-Л. Лидвалем о поставке хлеба в голодающие губернии, в 1909 — помилован. Член Государственного совета по выборам от земства (1912–1917, входил в Кружок внепар-

Дервиз Любовь Александровна, фон (ум. не ранее 1917), урожд. Домелунксен — жена П. П. фон Дервиза, племянница С. М. Шпилевского *52*

Дервиз Павел Павлович, фон (1870–1943) — муж Л. А. фон Дервиз, отставной ротмистр Гродненского гусарского полка, предводитель дворянства Пронского уезда Рязанской губернии, коннозаводчик *52*

Дергем Е. — американская исследовательница. Автор книги «The Sarajevo Crime» *220*

Дерюжинский Николай Федорович (1855 — не ранее 1917) — действительный статский советник (1896), тайный советник (1906). Правовед. Окончил юридический факультет Московского университета. В 1878 определен на службу в канцелярию прокурора Ярославского окружного суда. В 1883 перешел в Кодификационный отдел при Государственном совете, где служил на постах младшего чиновника и помощника старшего чиновника. С 1892 — помощник статс-секретаря Государственного совета, с 1903 — исправляющий должность статс-секретаря, управляющий отделением дел государственного секретаря Государственной канцелярии. Утвержден в этой должности в 1904. В 1906–1917 — товарищ государственного секретаря. В 1910 награжден званием сенатора *115–116*

Джамбакуриан-Орбелиани Софья Ивановна (1883–1915) — княжна. Фрейлина императрицы Александры Федоровны, подруга великой княгини Ксении Александровны.

Джонс Бьюла Мириам — см. Арцимович Б. М. *268*

Джунковский Николай Федорович (1862–1916) — действительный статский советник (1905), в должности егермейстера (1907), егермейстер и тайный советник (1913). Окончил Пажеский корпус. В 1880–1887 — на военной службе, с 1890 — чиновник Министерства финансов, с 1904 — член от министерства в Совете главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, с 1905 — кавказского наместника. Одновременно управлял Тифлисской казенной палатой. Сенатор (1915) *170*

Диков Иван Михайлович (1835–1914) — флигель-адъютант (1879), контр-адмирал (1888), вице-адмирал (1894), адмирал (1905), генерал-адъютант (1906). Учился в Черноморской юнкерской школе. Участник Крымской войны 1853–1856, покорения Кавказа и русско-турецкой войны 1877–1878. Командир Черноморского учебного отряда (1881), броненосного фрегата «Дмитрий Донской» (1885–1886), исправляющий должность главного инспектора минного дела (1888), младший флагман практической эскадры Черного моря (1890), исправляющий должность помощника начальника Главного морского штаба (1891) и старшего флагмана Черноморской флотской дивизии (1892), командующий практической эскадрой Черного моря (1894), исправляющий должность главного командира Черноморского флота и военного губернатора Николаева (1896), председатель Морского технического комитета (1897–1901), член Адмиралтейств-совета (1898), морской министр (1907–1909), член Государственного совета по назначению (1909, входил в группу правых) *185*

Димитриевич (Апис) Драгутин (1876–1918) — полковник. Начальник контрразведки Генерального штаба Сербии. Руководитель тайного политического общества «Черная рука». Организатор убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда. Расстрелян по приговору сербского суда за подготовку государственного переворота *220–221*

Дистерло Роман Александрович (1859–1919) — барон, действительный статский советник (1905), тайный советник (1912). Законовед и литературный критик. Окончил юридический факультет Петербургского университета. В 1886 поступил на службу в Министерство юстиции по уголовному отделению Департамента, вскоре — переведен в законодательное отделение. С 1892 — член Рижского окружного суда, с 1894 — состоящий за обер-прокурорским столом во 2-м департаменте Сената. В 1897 назначен юрисконсультом Министерства юстиции. В том же году перешел в Государственную канцелярию на должность помощника статс-секретаря Государственного совета, командирован для занятий в отделение гражданских и духовных дел. С 1902 — статс-секретарь Государственного совета, в 1903 назначен в Департамент законов. С 1906 управлял вторым отделением (по

Начальник Николаевской академии Генерального штаба (1878), командующий войсками Киевского военного округа (1889–1904) и киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1898–1904), член Государственного совета (1903) *30*

Дурново Иван Николаевич (1834–1903) — действительный статский советник (1869), тайный советник (1882), действительный тайный советник (1890). По окончании Михайловского артиллерийского училища служил в конной артиллерии. Участник Крымской войны. В 1856 вышел в отставку. С 1857 занимал должность черниговского уездного депутата, с 1860 — уездного предводителя дворянства. Черниговский губернский предводитель дворянства (1863). Екатеринославский губернатор (1870), товарищ министра внутренних дел (1882), сенатор (1883, с оставлением в предыдущей должности), статс-секретарь его величества (1885), член Государственного совета (1886), главноуправляющий Собственной его величества канцелярией по учреждениям императрицы Марии и почетный опекун (1886), министр внутренних дел (1889), председатель Комитета министров (1895–1903), председатель Особого совещания по делам дворянского сословия (1897–1902) *77–78, 358, 367*

Дурново Петр Николаевич (1842–1915) — действительный статский советник (1883), тайный советник (1888), действительный тайный советник (1906). Окончил Морской кадетский корпус и Военно-юридическую академию. Начинал службу во флоте. Помощник прокурора Кронштадтского военно-морского суда (1870). В 1872 перешел на гражданскую службу. Товарищ прокурора Владимирского (1872) и Московского (1873) окружных судов, прокурор Рыбинского и Владимирского окружных судов (1875), товарищ прокурора Киевской судебной палаты (1880), управляющий Судебным отделом Департамента государственной полиции МВД (1881), вице-директор (1883) и директор (1884) Департамента полиции, сенатор (1893), товарищ министра внутренних дел (1900), управляющий МВД (октябрь 1905 — январь 1906), член Государственного совета (1905–1915, с 1906 — один из лидеров правой группы), министр внутренних дел (январь–апрель 1906), статс-секретарь его величества (1906) *77, 126, 153, 155–156, 159, 187, 200, 233, 347–348, 397*

Дюваль — владелец сети ресторанов в Париже в конце XIX — начале XX в. *95*

Евреинов Сергей Дмитриевич (1868–1931) — действительный статский советник и камергер (1917). Муж Е. И. Евреиновой. Родственник В. Б. Лопухина. Окончил Петербургскую духовную академию. Служил в Государственной канцелярии (1893–1897) и канцелярии варшавского генерал-губернатора (1897–1902). Предводитель дворянства Тарусского уезда Калужской губернии (1908–1914). С 1912 — член Русского национального клуба. Бессарабский вице-губернатор (1914–1915). С началом Первой мировой войны исполнял обязанности черновицкого и перемышльского губернатора (1914–1915, на территории, занятой русской армией в ходе наступления против австро-венгерской армии). Исправляющий должность самарского (1915) и ярославского (1915) губернатора. Помощник по гражданской части военного генерал-губернатора областей Австро-Венгрии, занятых по праву войны (1916–1917) *53, 333*

Евреинова Евгения Николаевна — см. Тимашева Е. Н.

Евреинова Екатерина Ивановна (1873–1935), урожд. Унковская — жена С. Д. Евреинова, дочь И. С. Унковского *53, 333*

Евреинова Софья Дмитриевна (ум. 1935) — троюродная сестра В. Б. Лопухина. Фрейлина великой княгини Ксении Александровны *265, 268, 279*

Екатерина II Великая (1729–1796) — российская императрица (1762) *46, 320*

Елизавета Федоровна (Елизавета-Александра-Луиза-Алиса) (1864–1918), урожд. принцесса Гессенская — великая княгиня, старшая сестра императрицы Александры Федоровны, жена великого князя Сергея Александровича. В 1914–1917 — вице-председательница Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов и председательница Комитета по оказанию бла-

готворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. Убита большевиками. Канонизирована Русской православной церковью (1992) *257, 266, 271–272, 281, 409,*

Ермолов Алексей Сергеевич (1847–1917) — действительный статский советник (1882), тайный советник (1887), действительный тайный советник (1896). Ученый-аграрник. Окончил Александровский лицей и Петербургский земледельческий институт. Начал службу в Министерстве финансов. Чиновник особых поручений 5-го класса этого министерства (1880), вице-директор Департамента неокладных сборов (1881–1883), член Ученого комитета Министерства государственных имуществ (1881–1892), директор Департамента неокладных сборов (1883–1892), вице-президент Вольного экономического общества (1886–1888), товарищ министра финансов (1892), управляющий Министерством государственных имуществ (март 1893), министр земледелия и государственных имуществ (1894–1905). Статс-секретарь его величества (1903), член Государственного совета (1905, с 1906 — лидер группы центра). Почетный член Петербургской (1899) и член-корреспондент Французской (1901) академий наук *24, 76, 78, 163–164, 381*

Ефремов Иван Николаевич (1866–1945) — надворный советник (1908). Учился на физико-математическом факультете Московского университета. Донской общественный деятель. Член I, III и IV Государственных дум. В 1906 один из создателей и лидеров Партии мирного обновления, в 1912 — Партии прогрессистов. Активный участник Февральской революции 1917. В феврале-марте — член Временного комитета Думы. Министр юстиции (июль) и государственного призрения (июль–сентябрь) и председатель малого Совета министров (июль-сентябрь). С сентября 1917 — посланник в Швейцарии. Умер в эмиграции *299, 309, 420*

Железнов Иван Григорьевич (1776 — не ранее 1842) — действительный статский советник (1832), тайный советник (1841). На службе — с 1793, статс-секретарь Государственного совета, затем — саратовский (1816–1820) и петербургский (1827–1834) вице-губернатор, генерал-провиантмейстер (с 1834) *110*

Жерве Борис Петрович (1875–1930) — коллежский советник. Специалист по мелиорации. Окончил Институт инженеров путей сообщения. Служил в МПС. Начальник Днестровского отделения Киевского округа путей сообщения (1909). В 1917 — управляющий делами Совета мелиоративных съездов при Министерстве торговли и промышленности. В 1918–1919 — инспектор технического отдела Северо-Западного округа путей сообщения. В 1918 устраивал у себя на квартире собрания экономистов с участием бывших царских сановников. В 1920-е работал в Институте экономических исследований, Северных колонизационных экспедициях, Исследовательском бюро Центрального управления местного транспорта. Репрессирован большевиками *330, 334*

Жданов Александр Маркеллович (1858–1914) — действительный статский советник (1904), тайный советник (1912). Астроном, геодезист. По окончании физико-математического факультета Петербургского университета был оставлен при кафедре астрономии и геодезии для подготовки к профессорскому званию. В 1881–1884 участвовал в наблюдениях Пулковской обсерватории. В 1884 защитил магистерскую, в 1888 — докторскую диссертации. С 1884 по 1886 находился в заграничной научной командировке. Приват-доцент (1886) и экстраординарный (1890) и ординарный (1895) профессор астрономии, ректор (1903–1905) Петербургского университета. В 1887–1889 преподавал на Высших женских курсах. Учитель В. Б. Лопухина в бытность его студентом Петербургского университета. Попечитель Московского учебного округа (1907), управляющий Отделом промышленных училищ Министерства народного просвещения (1911) *57*

Живкович Алексей Александрович (1861–1917) — действительный статский советник (1905), тайный советник (1914). Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Служил в Министерстве юстиции и в канцелярии департаментов Сената. Столоначальник (1887) и старший столоначальник (1890) канцелярии и делопроизводитель 2-го департамента (1893) Министерства юстиции, помощник юрисконсульта (1896)

Игнатьев Алексей Павлович (1842–1906) — граф (1877), дядя графа П. Н. Игнатьева. Флигель-адъютант (1865), генерал-майор Свиты (1875), генерал-лейтенант (1886), генерал от кавалерии (1898), генерал-адъютант (1904). Учился в Пажеском корпусе и Николаевской академии Генерального штаба. Служил в л.-гв. Гусарском полку. Командир 2-го лейб-уланского Курляндского (1871) и Кавалергардского (1873–1881) полков и 1-й бригады 1-й гвардейской кавалерийской дивизии (1874–1881), член Главного комитета по устройству и образованию войск (1874–1881), председатель Комиссии для составления проекта устава о внутренней службе в кавалерии (1878), начальник штаба Гвардейского корпуса (1881–1884), восточно-сибирский генерал-губернатор (1885), командующий войсками Иркутского военного округа (1885) и иркутский генерал-губернатор (1887), товарищ министра внутренних дел (май–август 1889), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1889–1897). Член Государственного совета (1896), в 1905 — председатель особых совещаний для пересмотра исключительных законов об охране государственного порядка и по вопросам веротерпимости. Убит эсером С. И. Ильинским *111, 117, 138, 362–363*

Игнатьев Павел Николаевич (1870–1945) — граф (1877), племянник графа А. П. Игнатьева. Церемониймейстер (1902), в должности шталмейстера (1907), действительный статский советник (1908), шталмейстер (1917). Учился в Киевском университете. Служил по МВД. В 1893 откомандирован в распоряжение киевского, подольского и волынского генерал-губернатора. Предводитель дворянства Липовецкого уезда Киевской губернии (1895), председатель Киевской губернской управы по делам земского хозяйства (1904). Киевский губернатор (1907). Затем перешел в Главное управление землеустройства и земледелия. Директор Департамента земледелия (1909), товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1912). Министр народного просвещения (1915–1916). Умер в эмиграции *241, 284–285, 399, 413, 416*

Иевреинов Валериан Васильевич (1871 — не ранее 1917) — статский советник (на 1916). Окончил Петербургский университет. С 1894 — чиновник Министерства финансов. В 1897–1917 — чиновник Петербургской казенной палаты. Участвовал в подготовке законопроекта о введении подоходного налога *148*

Извольский Александр Петрович (1856–1919) — камергер (1892), действительный статский советник (1895), гофмейстер (1906). Брат П. П. Извольского. Окончил Александровский лицей, служил в МИД. Министр-резидент в Ватикане (1894), посланник в Сербии (1897), Баварии (1897), Японии (1899) и Дании (1902), министр иностранных дел (1906–1910), член Государственного совета по назначению (1909–1917), посол в Париже (1910–1917). Умер в эмиграции *15–16, 98, 162–163, 165, 171–172, 175–179, 180, 182, 188, 194–195, 199, 221, 226, 228, 297, 299, 308, 380–382, 384–385, 387, 460*

Извольский Петр Петрович (1863–1928) — камергер (1901), действительный статский советник (1905), в должности гофмейстера (1907), гофмейстер (1912). Брат А. П. Извольского. Окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1886 поступил на службу в Департамент внутренних сношений МИД чиновником сверх штата. В 1887 перешел в МВД. Исправляющий должность чиновника особых поручений 7-го класса при главноначальствующем гражданской частью на Кавказе (1888). В 1891 перевелся в Министерство народного просвещения. Исправляющий должность чиновника особых поручений 6-го класса без содержания при министре народного просвещения (1891) и инспектор (1894) и помощник попечителя (1899) Киевского учебного округа. Попечитель Рижского (1902) и Петербургского (1904) учебных округов, товарищ министра народного просвещения (1905), обер-прокурор Синода (1906), член Государственного совета по назначению (1909–1917, входил в группу центра). В эмиграции принял сан священника *165*

Икскуль фон Гильденбандт Александр Александрович (1840–1912) — барон, брат Ю. А. Икскуля фон Гильденбандта. Действительный статский советник (1874), тайный советник (1884), действительный тайный советник (1899). Окончил Училище право-

Офицерской кавалерийской школы и председатель эскадронного суда (1882), заведующий инструкторским отделом этой школы (1883), начальник ее отдела верховой езды и выездки лошадей (1887). В 1888 перешел в МВД и был назначен исправляющим должность варшавского обер-полицмейстера. Варшавский обер-полицмейстер (1891), петербургский градоначальник (1895), киевский, подольский и волынский генерал-губернатор (1903–1905). С 1905 — состоящий по армейской кавалерии *125*

Клемм Василий (до 1914 — Вильгельм, Вильям) Оскарович, фон (1861–1938) — действительный статский советник (1906). Окончил Лазаревский институт восточных языков и Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте МИД. С 1883 служил в этом департаменте. Драгоман, затем — секретарь Политического агентства в Бухаре (1886), чиновник МИД для пограничных сношений при начальнике Закаспийской области (1893), генеральный консул в Бомбее (1900) и Мешхеде (1905), чиновник особых поручений при министре иностранных дел (1908), вице-директор 1-го департамента (1910), непременный член Совета МИД (1911), советник 3-го политического (среднеазиатского) отдела (1914–1917). В 1919 — дипломатический представитель правительства А. В. Колчака во Владивостоке. Умер в эмиграции*182, 195, 206, 278, 308*

Князев Владимир Леонидович (ок. 1891–1914) — сын Л. М. Князева и М. Н. Князевой. Офицер л.-гв. Конного полка. Участник Первой мировой войны. Погиб 6 августа 1914 в сражении при Каушене*37, 236, 398*

Князев Леонид Михайлович (1851–1919) — второй муж М. Н. Князевой. Действительный статский советник (1896), тайный советник и егермейстер (1906). Окончил Училище правоведения. Служил по судебному ведомству. Товарищ прокурора Симбирского (1878), Варшавского (1879), Псковского (1880) и Петербургского (1883) окружных судов. Прокурор Витебского (1888) и Варшавского (1891) окружных судов. В 1896 перешел в МВД на пост тобольского губернатора, затем — вологодский (1901), костромской (1902) и курляндский (1905) губернатор, иркутский генерал-губернатор (1910), член Государственного совета по назначению (1916–1917) *37, 236, 278, 408*

Князева Мария Николаевна (род. ок. 1852), урожд. Криштафович — жена Л. М. Князева, дочь Н. И. и Н. И. Криштафовичей, по первому мужу — Брок *37, 236, 278*

Кобеко Дмитрий Фомич (1837–1918) — действительный статский советник (1866), тайный советник (1872), действительный тайный советник (1902). Историк. Учился в Александровском лицее. Служил в Министерстве финансов. Старший помощник секретаря общей канцелярии (1857), секретарь Ученого комитета (1860), начальник отделения общей канцелярии (1862), управляющий канцелярией (1865) Министерства финансов, член Совета министра финансов (1879–1887, 1893–1900), директор Департамента окладных сборов (1887) и общей канцелярии (1892–1893) Министерства финансов, член Совета по делам торгового мореплавания при министерстве (1900) и член Государственного совета (1901–1917, в 1906 входил в группу левых), директор Публичной библиотеки (1902–1918). В 1905 — председатель Особого совещания для составления нового устава о печати *58, 61, 111, 117*

Ковалев Александр Григорьевич (1860 — не ранее 1917) — действительный статский советник (1915). Зять В. П. Буренина. Окончил Петербургский университет. С 1892 — чиновник Министерства финансов. В 1894 — помощник столоначальника тарифного отделения Департамента железнодорожных дел, с 1902 — начальник его 3-го отделения. Чиновник особых поручений министерства (на 1915) *56*

Ковалевский Владимир Иванович (1848–1934) — действительный статский советник (1891), тайный советник (1899). Специалист по аграрной науке и статистике. Окончил Константиновское военное училище и Петербургский земледельческий институт. В 1870 был арестован, проходя по делу С. Г. Нечаева, но в 1871 освобожден. С 1874 занимался научной деятельностью. С 1879 служил в Министерстве государственных имуществ. Член Ученого комитета этого министерства (1883–1902). С 1884 одновременно служил в Министерстве финансов, вице-директор Департамента окладных сборов, затем — член

и старший помощник столоначальника, столоначальник статистического и уголовного отделений). В 1879 перешел в МВД на должность инспектора 5-го класса Главного тюремного управления, затем — помощник его начальника (1882). С 1890 — на службе в Государственной канцелярии, помощник статс-секретаря (1890), исправляющий должность статс-секретаря (1892), статс-секретарь (1893) Государственного совета, товарищ государственного секретаря (1895) и министра финансов (1896), сенатор (1900, с оставлением в предыдущей должности), государственный секретарь (1902), член Комитета финансов (1904–1917), управляющий Министерством и министр финансов (1904–1905, 1906–1914), статс-секретарь его величества (1905), председатель Комиссии для обсуждения мер по упорядочению быта и положения рабочих на промышленных предприятиях империи (февраль–октябрь 1905), член Государственного совета (1905–1917, после 1906 входил в кружок внепартийного объединения), председатель Совета министров (1911–1914). Умер в эмиграции *7, 11, 16, 59–60, 109, 112–113, 115–117, 120, 134, 140, 144–145, 147, 154–155, 162, 170, 183–185, 202–203, 205, 210, 213, 215, 219, 222, 225–227, 280, 297, 321, 371–373, 381, 383, 389, 394–395, 402*

Колчак Александр Васильевич (1874–1920) — капитан 1-го ранга (1913), вице-адмирал (1916), адмирал (1918). Военно-морской теоретик, географ и путешественник. Учился в Морском корпусе. Служил на военном флоте. В 1899 откомандирован в распоряжение Академии наук. В 1900–1904 участвовал в полярной экспедиции. Участник русско-японской войны 1904–1905. С 1905 состоял в распоряжении Академии наук. С 1906 служил в Морском генеральном штабе, занимая должности штаб-офицера высшего оклада (1906), начальника отдела Балтийского моря (1908) и Оперативной части (1911). В 1912–1913 командовал эсминцами «Уссуриец» и «Пограничник». В 1913–1914 преподавал в Николаевской морской академии. Во время Первой мировой войны — флаг-капитан командующего Балтийским флотом (1914), исполняющий обязанности командующего морскими силами Рижского залива (1915), начальник минной дивизии (1916), командующий Черноморским флотом (1916–1917). Военный министр Временного всероссийского правительства в Омске (ноябрь 1918). В 1918–1920 — верховный правитель России и верховный главнокомандующий. Расстрелян большевиками *300*

Колчановский Николай Петрович (1892–1940) — титулярный советник. Историк дипломатии. Служил в МИД. В 1917 — исправляющий должность делопроизводителя 8-го класса 2-го департамента. В 1921 начал работать в НКИД. Помощник заведующего экономическо-правовым отделом (1923), одновременно — управляющий делами уполномоченного НКИД при Совнаркоме РСФСР. Юрисконсульт юридического отдела НКИД (1933–1935). Преподавал в Высшей дипломатической школе. Один из авторов 3-го тома «Истории дипломатии» *344*

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) — актриса Александринского (1896–1902) и собственного (1904–1909) театров *185*

Кони Анатолий Федорович (1844–1927) — действительный статский советник (1883), тайный советник (1891), действительный тайный советник (1910). Криминалист, писатель и оратор. По окончании юридического факультета Московского университета был в 1865 причислен к Главному штабу Военного министерства. С 1866 служил по судебному ведомству, занимая должности помощника секретаря Петербургской судебной палаты, секретаря прокурора Московской судебной палаты, товарища прокуроров Сумского, Харьковского, Петербургского окружных судов, прокурора Самарского, Казанского, Петербургского окружных судов. В 1875 перешел в центральный аппарат Министерства юстиции, где занимал посты вице-директора и директора Департамента. Параллельно в 1876–1883 преподавал в Училище правоведения. Председатель Петербургского окружного суда (1877) и Гражданского департамента Петербургской судебной палаты (1881), обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1885–1891, 1892–1896), сенатор (1891–1917). Доктор уголовного права (1890), почетный член (1896) и почетный академик (1900) Академии наук. В 1901–1917 преподавал в Александровском лицее.

(1906) и Главного управления Генерального штаба (1909), делопроизводитель (1909) и начальник (1910) Мобилизационного отдела. Во время Первой мировой войны — один из руководителей Российского общества Красного Креста, начальник Военно-походной канцелярии верховного начальника санитарной и эвакуационной части принца А. П. Ольденбургского (1914–1917) *243, 253*

Крамской Анатолий Иванович (1865 — не ранее 1917) — действительный статский советник (1911). Сын художника И. Н. Крамского. Окончил Петербургский университет. С 1889 — чиновник Министерства финансов. В 1894 — столоначальник тарифного отделения Департамента железнодорожных дел, с 1898 — начальник его 2-го отделения. Затем — правительственный директор в правлении Общества Рязанско-Уральской железной дороги (на 1915) *56*

Кремлев Николай Александрович (1833–1910) — действительный статский советник (1873). Цивилист и педагог. Окончил юридический факультет Казанского университета. Магистр римского (1866) и доктор гражданского (1868) права. Помощник столоначальника канцелярии попечителя Казанского учебного округа (1856), старший учитель законоведения в 1-й и 2-й казанских гимназиях (1857–1862), исправляющий должность адъюнкта (1860), доцент (1867), экстраординарный и ординарный профессор (1868–1883, 1885–1890) кафедры римского права, проректор (1870–1872), декан юридического факультета (1876–1883) и ректор (1872–1876, 1885–1889) Казанского университета. Директор Демидовского юридического лицея в Ярославле (1883–1885). С 1890 — член Консультации при Министерстве юстиции. Приват-доцент кафедры римского права Петербургского университета (1891) *52*

Крестовников Григорий Александрович (1855–1918) — действительный статский советник (1913). Предприниматель. Окончил Московский университет. Председатель Московского биржевого комитета (1905–1915) и Московской торгово-промышленной партии (1905). Затем — один из лидеров Союза 17 октября, член Государственного совета по выборам от торговли (1906–1915, входил в группу центра). Умер в эмиграции *58, 161*

Кривенко Василий Силович (1854–1931) — действительный статский советник (1891), тайный советник (1899). Тесть С. Ф. Гончарова. Писатель, публицист, критик и мемуарист. Учился в Петровском Полтавском кадетском корпусе, 1-м Павловском военном училище и Александровской военно-юридической академии. С 1876 — личный секретарь графа И. И. Воронцова-Дашкова. В 1881 перешел с военной службы на гражданскую. Помощник юрисконсульта Министерства императорского двора (1881), старший секретарь канцелярии (1886) и заведующий канцелярией (1888) министра двора. Член Совета министра двора (1897–1917). В 1897–1900 — председатель Совета Русского театрального общества. Редактор вышедшего в 1899 «Коронационного сборника 1896». В 1900-е занимал руководящие посты в Обществе попечения о бедных и больных детях, Особом присутствии МВД по призрению нищих, Главном управлении Российского общества Красного Креста. В 1906 — член от Литейного участкового комитета Петербургского городского совета Союза 17 октября. Гласный Петербургской (Петроградской) городской думы (1912–1916) и Петербургского (Петроградского) губернского земского собрания (1912–1916). После 1917 — эксперт городского благоустройства Петроградского совета коммунального хозяйства, член Совета Общества взаимопомощи ученых и литераторов *246, 352–353, 358*

Кривошеин Александр Васильевич (1857–1921) — действительный статский советник (1904), в должности гофмейстера (1905), гофмейстер (1909). Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Служил юрисконсультом Северо-Донецкой железной дороги, в Министерстве юстиции, с 1887 — в Земском отделе МВД. Комиссар по крестьянским делам в Царстве Польском (1889), делопроизводитель и столоначальник Земского отдела (1891). Помощник (1896), исправляющий должность начальника (1902) и начальник (1904) Переселенческого управления МВД, товарищ главноуправляющего землеустройством и земледелием (1905), член Государственного совета по назна-

перешел на службу в судебное ведомство. Товарищ прокурора Владимирского (1892) и Московского (1897) окружных судов. Прокурор Вологодского окружного суда (1899), товарищ прокурора Московской судебной палаты (1900). Затем служил в МВД, курский вице-губернатор (1903), минский губернатор (1905), член Совета министра внутренних дел (1906), исправляющий должность вице-директора и директор Департамента полиции (1907), начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции (1907), товарищ министра внутренних дел и командир Отдельного корпуса жандармов (1909–1911). В 1911–1914 — в отставке. Во время Первой мировой войны — помощник по гражданской части главного начальника Двинского военного округа, временный прибалтийский генерал-губернатор (1914–1915). Осенью 1916 исполнял обязанности товарища министра внутренних дел. С января 1917 — в отставке. Умер в эмиграции *54, 200–201, 277, 287, 296, 352, 405, 416*

Курлова Екатерина Григорьевна — дочь Г. Курлова, сестра П. Г. Курлова *54*

Курлова Мария Ивановна, урожд. Вахрамеева — первая жена П. Г. Курлова, дочь крупного ярославского рыбопромышленника *54*

Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) — генерал-майор (1882), генерал-лейтенант (1890), генерал от инфантерии (1900), генерал-адъютант (1902). Военный писатель. Окончил Павловское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник покорения Средней Азии, военной экспедиции французской армии в Алжир и русско-турецкой войны 1877–1878. Заведующий Азиатской частью Главного штаба Военного министерства (1878), командир Туркестанской стрелковой бригады (1879), состоящий при Главном штабе (1883), начальник Закаспийской области и командующий ее войсками (1890), управляющий Военным министерством (1898), военный министр (1898–1904). Во время русско-японской войны 1904–1905 — командующий Маньчжурской армией (февраль–октябрь 1904), главнокомандующий вооруженными силами на Дальнем Востоке (октябрь 1904 — март 1905). Во время Первой мировой войны — командующий Гренадерским корпусом (сентябрь–декабрь 1915), 5-й армией (декабрь 1915 — февраль 1916) и Северным фронтом (февраль–июль 1916), туркестанский генерал-губернатор (1916–1917). Затем — в отставке *76, 78, 105, 113, 130, 132, 138, 140–141, 224–225, 250, 349, 361–363, 368*

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) — действительный статский советник (1901). Брат П. Н. Кутлера. Экономист. Учился на юридическом факультете Московского университета. Служил в Министерстве финансов податным инспектором и ревизором. Управляющий Симбирской казенной палатой (1891), вице-директор (1892) и директор (1899) Департамента окладных сборов, товарищ министра внутренних дел (1904), товарищ министра финансов (1905), главноуправляющий землеустройством и земледелием (1905–1906). С 1906 — в отставке, занимался предпринимательством. Председатель Правления Учетно-ссудного банка (1906), член II и III Государственных дум (кадетская фракция), председатель Общества взаимного кредита деятелей печатного дела (1909) и Совета съездов горнопромышленников Урала (1913). С 1919 работал в Наркомате финансов и в правлении Госбанка *48, 134, 153, 155–156, 170, 179, 183–184, 370, 372, 374–375*

Кутлер Павел Николаевич (1865–1942) — действительный статский советник (1911). Брат Н. Н. Кутлера. Учился в Московской земледельческой Петровско-Разумовской академии. Служил в Министерстве финансов. Податной инспектор и начальник 1-го отделения Московской казенной палаты (1895), управляющий Тамбовской (1904) и Московской (1909) казенными палатами, директор Департамента Государственного казначейства (1914–1917). Репрессирован большевиками *170*

Лазарев — офицер Нижегородского драгунского полка. Убил на дуэли Панютина *26*

Ламздорф Владимир Николаевич (1844–1907) — граф, камергер (1879), действительный статский советник (1881), гофмейстер (1889), действительный тайный советник (1901). Окончил Пажеский корпус. Служил в Собственной его величества канцелярии.

бым отделением Департамента полиции (1905), затем — откомандирован в распоряжение председателя Совета министров графа С. Ю. Витте. С 1906 по 1915 — в отставке. Во время Первой мировой войны — причисленный к МВД (1915), откомандированный в распоряжение председателя Совета министров Б. В. Штюрмера (1916). В 1916 был близок к Г. Е. Распутину. В августе 1916 подвергся аресту по обвинению в вымогательстве. Освобожден во время Февральской революции 1917. Расстрелян большевиками *271, 351–352, 407–411, 413*

Мандельштам Андрей Николаевич (1869–1949) — действительный статский советник (1915). Ориенталист и юрист-международник. Учился на юридическом и восточном факультетах Петербургского университета. Доктор международного права. Один из лучших знатоков турецкого языка. С 1893 служил при канцелярии МИД. В 1898–1911 — 3-й и 2-й драгоман посольства в Турции. В 1905 управлял консульствами в Ускюбе и Монастыре. В 1911–1914 — 1-й драгоман посольства. Осенью 1914, после вступления Турции в Первую мировую войну на стороне Германии, вернулся в Россию. В 1916 уехал в Швейцарию, официально — для научной работы, в действительности — для ведения переговоров с представителями турецкой оппозиции. В апреле 1917 назначен директором Правового департамента МИД, однако в Россию не приехал. Умер в эмиграции *305, 394, 420*

Мандль Леопольд — австрийский журналист *220*

Манжос Александр Алексеевич (1846 — не ранее 1915) — действительный статский советник (1886), камергер (1878). Окончил Александровский лицей. В 1865 поступил на государственную службу. С 1890 — чиновник Министерства финансов, был управляющим Лифляндской (на 1896) и Варшавской (на 1906) казенными палатами, председателем Главной дирекции Земского кредитного общества губерний Царства Польского (на 1915) *170, 189–192*

Мансырева Мария Николаевна (1871 — не ранее 1928), урожд. Стааль — княгиня, младшая дочь генерал-майора Н. А. Стааля, подруга детства В. Б. Лопухина, с 1892 — жена князя С. П. Мансырева, впоследствии — члена IV Государственной думы *189*

Манус Игнатий Порфирьевич (1860–1918) — действительный статский советник (1915). Банкир и публицист. Член совета Сибирского торгового банка и крупнейший акционер Петербургского международного банка. Директор правления Петроградского вагоностроительного завода. В 1915–1916 был близок к Г. Е. Распутину *271*

Манухин Сергей Сергеевич (1856–1922) — действительный статский советник (1894), тайный советник (1899), действительный тайный советник (1915). Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Служил по судебному ведомству. Секретарь при прокуроре Орловского окружного суда (1879–1880), заведующий библиотекой (1881), столоначальник (1882), редактор (1884), чиновник особых поручений 6-го класса (1886) департамента Министерства юстиции, состоящий за обер-прокурорским столом в 1-м департаменте Сената, товарищ обер-прокурора Уголовного кассационного департамента Сената (1890), старший юрисконсульт Консультации при Министерстве юстиции (1893), директор 1-го департамента Министерства юстиции (1895), товарищ министра юстиции (1901), сенатор (1902, с оставлением в предыдущей должности), управляющий министерством и министр юстиции (январь–декабрь 1905), член Государственного совета (1905, с 1906 входил в группу центра). В 1912 руководил расследованием обстоятельств забастовки на Ленских промыслах и ее причин *153, 329, 348*

Мария Антуанетта (1755–1793) — французская королева (1774–1792). Казнена революционерами *276*

Мария Федоровна (Мария-София-Фредерика-Дагмара) (1847–1928), урожд. принцесса Датская — российская императрица (1881–1894), жена Александра III, мать Николая II. В 1894–1917 — вдовствующая императрица. С 1867 — покровительница Московского общества любителей художеств. Попечительница Ведомства учреждений императрицы Марии, Российского общества Красного Креста и Общества спасения на водах. Умерла в эмиграции *25–26, 77, 84, 414*

Участник русско-турецкой войны 1877–1878. В 1878–1883 служил в Болгарии. Адъютант командующего Киевским военным округом (1885) и военного министра (1886). В 1898 перешел в Министерство императорского двора на должность помощника начальника Варшавского дворцового управления, исправляющий должность заведующего канцелярией (1900) и начальник канцелярии (1902–1917) министерства, временно управляющий миссией в Румынии (октябрь 1916 — март 1917, с оставлением в предыдущей должности). Умер в эмиграции *239*

Мосолова Анна Николаевна — см. Шпилевская А. Н.

Мравина (наст. фам. Мровинская, по мужу — Корибут-Дашкевич) Евгения Константиновна (1864–1914) — певица (лирическое сопрано). В 1886–1898 — солистка Мариинского театра *68*

Муравьев Валериан Николаевич (1885–1931) — надворный советник, камер-юнкер (1909). Сын Н. В. Муравьева. Публицист и философ. Окончил Александровский лицей. С 1905 служил в МИД. Состоял при российском посольстве во Франции, 2-й секретарь миссии в Сербии (1910–1911), делопроизводитель 8-го класса 1-го департамента (1912), секретарь Ближневосточного отдела (1914–1916), с началом Первой мировой войны исправляющий должность вице-директора дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего (1914–1916). В сентябре–октябре 1917 — начальник Кабинета министра иностранных дел. Репрессирован большевиками *307–308*

Муравьев Михаил Николаевич (1845–1900) — граф, камергер (1880), действительный статский советник (1887), гофмейстер (1896). Учился в Гейдельбергском университете. В 1864 поступил на службу в МИД и был назначен состоять при миссии в Пруссии. Младший секретарь миссий в Швеции (1866), в Вюртемберге (1867) и Пруссии (1869). В 1872–1873 состоял при посольстве во Франции. Старший секретарь миссии в Швеции (1873), секретарь миссии в Нидерландах (1874). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 был уполномоченным Общества попечения о раненых и больных воинах при главнокомандующем действующей армией. 1-й секретарь посольства во Франции (1880), советник посольства в Германии (1884), посланник в Дании (1893), управляющий МИД и министр иностранных дел (1897) *9, 71–72, 74, 76, 78, 88, 360*

Муравьев Николай Валерианович (1850–1908) — действительный статский советник 1884), тайный советник (1891), действительный тайный советник (1901). Отец В. Н. Муравьева. Криминалист и оратор. Учился на юридическом факультете Петербургского университета, продолжил образование за границей. С 1870 — на службе в судебном ведомстве. Товарищ прокурора Рязанского (1871) и Московского (1873–1877) окружных судов. В 1874 защитил магистерскую диссертацию и стал преподавать на юридическом факультете Московского университета. Прокурор Ярославского окружного суда (1877), товарищ прокурора Петербургской судебной палаты (1879), прокурор в Особом присутствии Сената по делу о цареубийстве 1 марта 1881. Прокурор Петербургской (1882) и Московской (1884) судебных палат, обер-прокурор Уголовного кассационного департамента Сената (1891), государственный секретарь (1892), член Комитета финансов (1892, с оставлением в предыдущей должности), министр юстиции (1894–1905), статс-секретарь его величества (1896), посол в Италии (1905). Умер в Риме *5, 8, 53, 55, 76, 78, 114–116, 125, 143, 153, 172, 297, 307, 76*

Муравьев Николай Леонидович (1866–1940) — граф, действительный статский советник (1906), в должности егермейстера (1909), егермейстер (1913). Окончил Пажеский корпус. С 1887 служил в л.-гв. Преображенском полку. В 1895 перешел на гражданскую службу и занял должность предводителя дворянства Уманского уезда Киевской губернии. Томский (1899), вологодский (1901), таврический (1902) и рязанский (1907) вице-губернатор, полтавский (1908) и московский (1913) губернатор. Сенатор (1916–1917). Умер в эмиграции *281*

Муромцев Михаил Иванович — действительный статский советник (1902), тайный советник (1915). Юрист-международник. Служил в МИД. В начале XX в. — вице-

директор Департамента личного состава и хозяйственных дел. В 1916–1917 — непременный член Совета МИД. Одновременно — преподаватель международного права Учебного отделения восточных языков при 1-м (Азиатском) департаменте. В ноябре 1917 уволен без права на пенсию за неподчинение власти СНК *100, 180–181, 227, 425*

Муромцев Сергей Андреевич (1850–1910) — политический деятель, цивилист и историк римского права. Статский советник. Учился на юридическом факультете Московского университета. В 1875 защитил магистерскую, в 1877 — докторскую диссертации. Приват-доцент (1875), экстраординарный (1877) и ординарный (1878–1884) профессор Московского университета по кафедре римского права. Секретарь юридического факультета (1880) и проректор (1881) Московского университета. В 1884 уволен из него за политическую неблагонадежность. Занимался адвокатской практикой и общественной деятельностью. Товарищ председателя Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты (1890–1905). Гласный Московской городской думы (1881–1908, с перерывами). В 1898–1906 преподавал в Александровском лицее. В 1905 — один из основателей Конституционно-демократической партии, член ее ЦК. Председатель I Государственной думы (апрель–июль 1906). С 1906 — ординарный профессор кафедры гражданского права Московского университета *161, 179, 347, 350*

Мясоедов Сергей Николаевич (1865–1915) — полковник. С 1892 служил в Отдельном корпусе жандармов. Начальник Вержболовского отдела Петербургско-Варшавского жандармского управления железных дорог (1901–1909). С 1909 состоял в распоряжении военного министра В. А. Сухомлинова. В 1912 был безосновательно обвинен А. И. Гучковым в шпионской деятельности. В годы Первой мировой войны состоял при штабе 10-й армии. В марте 1915 военно-полевой суд при Варшавской крепости обвинил его в шпионаже и мародерстве и приговорил к смертной казни через повешение. Впоследствии обвинение в шпионаже не подтвердилось *244, 255–256, 400*

Набоков Владимир Дмитриевич (1870–1922) — коллежский асессор, камер-юнкер (1895–1905). Сын Д. Н. Набокова, брат К. Д. Набокова. Политический деятель и правовед. Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1892 служил в Государственной канцелярии. Младший делопроизводитель 7-го класса (1892–1899). Профессор уголовного права Училища правоведения (1897–1904). С 1901 числился в ведомстве учреждений императрицы Марии, член Попечительного комитета Елизаветинской клинической больницы. В 1905 за свою оппозиционную деятельность лишен звания камер-юнкера и уволен в отставку. С конца 1905 — один из лидеров Конституционно-демократической партии. Член I Государственной думы. В годы Первой мировой войны (1914–1917) находился на военной службе, проходя ее с 1915 в Главном штабе Военного министерства. Активный участник Февральской революции 1917. Управляющий делами Временного правительства, сенатор (1917). Убит в Берлине в момент покушения на П. Н. Милюкова *118, 161, 163, 378*

Набоков Дмитрий Николаевич (1826–1904) — действительный статский советник (1858), гофмейстер (1862), действительный тайный советник (1876). Отец В. Д. и К. Д. Набоковых. Окончив Училище правоведения, с 1845 служил в канцелярии Сената. Симбирский уездный казенных дел стряпчий (1846), товарищ председателя Симбирской палаты гражданского суда (1848), чиновник особых поручений при Департаменте Министерства юстиции (1850), редактор 3-го отделения (1851), временно заведующий 6-м отделением (1852) департамента. Затем перешел в Морское министерство, исправляющий должность вице-директора (1853), вице-директор (1855) и директор (1862) Комиссариатского департамента. Сенатор (1864), статс-секретарь его величества (1866), главный начальник Собственной его величества канцелярии по делам Царства Польского (1867–1876), член Государственного совета (1876), министр юстиции (1878–1885) *118*

Набоков Константин Дмитриевич (1872–1927) — статский советник, камер-юнкер. Сын Д. Н. Набокова, брат В. Д. Набокова. Учился на юридическом факультете Петер-

бернский предводитель дворянства (1897), екатеринославский губернатор (1903), причислен к МВД (1905). Один из основателей Объединенного дворянства, член его Постоянного совета (1906–1917). Член Государственного совета по выборам от земства (1906–1915) и по назначению (1915–1917). Бессменный лидер группы правого центра. Почетный опекун (1908). В ходе Февральской революции 1917 был арестован и доставлен в Государственную думу, вскоре освобожден. Расстрелян большевиками *21, 293, 349, 399*

Нейдгарт (Нейдгардт) Анна Борисовна — см. Сазонова А. Б.

Нейдгарт (Нейдгардт) Ольга Борисовна — см. Столыпина О. Б.

Неклюдов Анатолий Васильевич (1856–1943) — действительный статский советник (1902), камергер (1903), тайный советник (1916). Историк. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1881 служил в МИД, занимая дипломатический пост в Турции. 1-й секретарь миссии в Сербии (1891), Швеции и Вюртемберге (1898), советник посольства во Франции (1904), посланник в Болгарии (1911) и Швеции (1913–1917). В апреле 1917 назначен послом в Испанию, однако в августе подал в отставку. Умер в эмиграции *208–209, 308, 421*

Неклюдов Михаил Иванович (1869 — не ранее 1917) — действительный статский советник (1912). Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Начал службу в 1892 по судебному ведомству. В 1893 перешел в Государственную канцелярию. Исправляющий должность младшего делопроизводителя (1894), младший делопроизводитель (1895) и старший делопроизводитель (1898) Особого присутствия при Государственном совете. С 1899 — в отделении государственной экономии, с 1900 — в отделении промышленности, наук и торговли. Помощник статс-секретаря Государственного совета в отделении государственной экономии (1904). С 1906 — в отделении финансов. Исправляющий должность статс-секретаря (1912) и статс-секретарь (1913–1917) Государственного совета *114*

Неклюдов Михаил Сергеевич — действительный статский советник. Учился на юридическом факультете Петербургского университета. Служил в Государственной канцелярии на должности старшего делопроизводителя (1896–1909) в отделении государственной экономии, затем — в отделении промышленности, наук и торговли. В 1906 участвовал в обеспечении делопроизводства I Государственной думы. В 1909–1910 чиновник МИД, делопроизводитель 1-го департамента. В 1917 — причисленный к вице-консульству в Хакодате (Япония). Будучи в эмиграции, покончил с собой *150, 181, 194, 231, 328–329*

Некрасов Николай Алексеевич (1821–1878) — поэт *42*

Нелидов Александр Иванович (1835–1910) — камергер (1874), действительный статский советник (1875), тайный советник (1883), действительный тайный советник (1894). Отец Г. А. и Д. А. Нелидовых. Коллекционер. Учился на юридическом и восточном факультетах Петербургского университета. В 1855 начал службу в Азиатском департаменте МИД. Младший секретарь миссии в Греции (1856), младший (1861) и старший (1864) секретарь миссии в Баварии. Старший секретарь посольства в Австро-Венгрии (1869), советник посольства в Турции (1874). Во время русско-турецкой войны 1877–1878 — директор дипломатической канцелярии при главнокомандующем действующей армией. Участвовал в работе Берлинского конгресса 1878. Посланник в Саксонии и Саксен-Альтенбурге (1879), посол в Турции (1883), Италии (1897) и Франции (1903–1910). Умер во Франции *172, 194, 206*

Нелидов Георгий (Юрий) Александрович (1874 — не ранее 1940) — статский советник, камер-юнкер (на 1916). Сын А. И. Нелидова, брат Д. А. Нелидова. Генеалог. С 1894 служил в МИД. Управляющий 2-й (газетной) экспедицией при канцелярии (1910), заведующий Отделом печати (1914–1916), чиновник особых поручений при министре (на 1916). Остался в Советской России, в 1923–1934 заведовал Театральной библиотекой в Ленинграде, в 1940 жил в Горьком *206*

Нелидов Дмитрий Александрович (1863–1935) — действительный статский советник (1906), камергер (1901). Сын А. И. Нелидова, брат Г. А. Нелидова. С 1886 служил

служил в канцелярии 1-го департамента Сената. Чиновник особых поручений 6-го класса Министерства юстиции и обер-секретарь 1-го департамента Сената (1878). Пензенский губернский предводитель дворянства (1882–1888). Совещательный член Ветеринарного комитета при МВД (1889), член Консультации при Министерстве юстиции (1890). Обер-прокурор 2-го (1892) и 1-го (1895) департаментов Сената, помощник варшавского генерал-губернатора (1897), сенатор (1899), член Государственного совета (1902, с 1906 входил в группу центра) *23–24, 111, 123, 153, 347–348, 373*

Оболенский Алексей Дмитриевич (1855–1933) — князь, средний сын князя Д. А. Оболенского, брат князей Александра и Николая Д. Оболенских. В должности шталмейстера и действительный статский советник (1896), шталмейстер и тайный советник (1901). Юрист и публицист. Окончил Училище правоведения, в 1877–1881 служил в Министерстве юстиции и канцелярии 1-го департамента Сената. Затем почетный мировой судья (с 1881) и предводитель дворянства (1884–1893) Козельского уезда Калужской губернии. В 1894 перешел в Министерство земледелия и государственных имуществ на пост инспектора по сельскохозяйственной части, с 1895 — управляющий Государственным дворянским земельным и Крестьянским поземельным банками (1895). Товарищ министра внутренних дел (1897), сенатор (1901), товарищ министра финансов (1902), член Государственного совета (1905, с 1906 входил в группу центра), обер-прокурор Синода (1905–1906). Умер в эмиграции *23–25, 31, 152–153*

Оболенский (с 1891 — Оболенский-Нелединский-Мелецкий) Валериан Сергеевич (1848–1907) — князь, брат князей Владимира и Платона С. Оболенских, двоюродный дядя В. Б. Лопухина. Действительный статский советник (1886), в должности шталмейстера (1889), шталмейстер (1896). По окончании юридического факультета Московского университета поступил в МИД чиновником сверх штата при Департаменте внутренних сношений. Переводчик 8-го класса при департаменте (1870), затем — 3-й (1872), 2-й (1873) и 1-й (1877) секретарь канцелярии МИД, вице-директор канцелярии и одновременно управляющий Литографией МИД (1882), директор канцелярии (1886), старший советник (1897) МИД, товарищ министра иностранных дел (1900), член Государственного совета по назначению (1906, входил в группу центра) *10, 25, 73, 88, 386*

Оболенский (с 1882 — Оболенский-Нелединский-Мелецкий) Владимир Сергеевич (1847–1891) — князь, брат князей Валериана и Платона С. Оболенских, двоюродный дядя В. Б. Лопухина. Флигель-адъютант (1881), гофмаршал (1882), генерал-майор Свиты (1891). Учился на юридическом факультете Московского университета. Служил в Кавалергардском полку. Адъютант наследника-цесаревича великого князя Александра Александровича (1874). Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Гофмаршал высочайшего двора, управляющий гофмаршальской частью Министерства императорского двора (1882) *25–26*

Оболенский Дмитрий Александрович (1822–1881) — князь, брат князей М. А., С. А. и Ю. А. Оболенских и княжны В. А. Оболенской, двоюродный дед В. Б. Лопухина. Действительный статский советник (1856), тайный советник (1862), действительный тайный советник (1880). Окончил Училище правоведения. Чиновник канцелярии 2-го департамента Сената (1842) и Департамента Министерства юстиции (1843), казанский губернский уголовных дел стряпчий и товарищ председателя Тульской палаты гражданского суда (1844). Товарищ председателя (1845) и председатель (1851) 1-го департамента Петербургской палаты гражданского суда. В 1853 перешел на службу в Морское министерство, исправляющий должность директора (1853) и директор (1854–1863) Комиссариатского департамента, статс-секретарь его величества (1858). С 1863 — директор Департамента внешней торговли Министерства финансов. Сенатор (1870), товарищ министра государственных имуществ (1870–1872), член Государственного совета (1872) *4, 23*

Оболенский Иван Михайлович (1853–1910) — князь, сын князя М. А. Оболенского, двоюродный дядя В. Б. Лопухина. Действительный статский советник и в должности шталмейстера (1897), шталмейстер (1901), генерал-лейтенант (1903). По окончании

на китайском языке. В 1919–1926 — член РСДРП(б). В 1921 — заместитель заведующего Дальневосточной секцией Коминтерна, преподаватель Коммунистического университета трудящихся Востока в Москве. В 1921–1926 преподавал в Туркестанском восточном университете и Среднеазиатском университете в Ташкенте, в 1926–1929 заведовал лингвистическим отделом РАНИОН в Москве. Репрессирован и расстрелян большевиками *312–314, 319–320, 424*

Поливанов Матвей Михайлович (1837–1897) — двоюродный брат А. А. Поливанова, тесть В. Б. Лопухина. Генерал-лейтенант. Командир Вильманстрандского пехотного полка, затем 2-й бригады 37-й пехотной дивизии *246*

Половцов Александр Александрович (старший) (1832–1909) — действительный статский советник (1865), тайный советник (1873), действительный тайный советник (1885). Муж Н. М. Половцовой, отец А. А. Половцова (младшего), тесть графа А. А. Бобринского. Меценат и коллекционер. Секретарь (1866–1879) и председатель (1879–1909) Русского исторического общества. Окончил Училище правоведения. С 1851 служил в канцелярии Сената, товарищ герольдмейстера (1858), обер-секретарь 1-го отделения 3-го департамента Сената (1858), состоящий за обер-прокурорским столом во 2-м департаменте (1863), обер-прокурор 1-го департамента (1867), сенатор (1873). В 1880–1881 ревизовал Киевскую и Черниговскую губернии. Статс-секретарь его величества (1883), государственный секретарь (1883–1892), член Комитета финансов (1883) и Государственного совета (1892, с 1906 входил в группу правых) *23, 270, 357, 361, 365*

Половцов Александр Александрович (младший) (1867–1944) — действительный статский советник (1917), в должности шталмейстера (1916). Сын А. А. Половцова (старшего). Искусствовед и коллекционер. Окончил Училище правоведения. С 1889 служил в л.-гв. Конном полку, затем в — МИД. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе (1903–1905), генеральный консул в Бомбее (1906–1907). С 1907 — сверхштатный чиновник особых поручений 5-го класса при министре иностранных дел; одновременно занимался предпринимательской деятельностью. Товарищ министра иностранных дел (1916–1917). Умер в эмиграции *270, 282, 289, 297–298, 302, 419*

Половцов Лев Викторович (1867–1936) — действительный статский советник (1914). Окончил Демидовский юридический лицей. Инспектор и приват-доцент этого лицея (1893–1902), затем — начальник законодательного отдела Департамента общих дел МВД, чиновник особых поручений при министре внутренних дел. Директор и председатель совета Петербургского телеграфного агентства. Гласный Боровичского уездного и Новгородского губернского земств, предводитель дворянства Боровичского уезда. В 1905 — один из основателей и лидеров Партии правового порядка, затем — октябрист, с 1910 — член совета Всероссийского национального союза. Член III и IV Государственных дум (фракции октябристов и националистов). Умер в эмиграции *264, 409*

Половцова Анна Александровна — см. Оболенская А. А.

Половцова Надежда Михайловна (1843–1908), урожд. Июнева — приемная дочь барона А. Л. Штиглица. По семейному преданию — внебрачная дочь великого князя Михаила Павловича. Жена А. А. Половцова (старшего), мать А. А. Половцова (младшего). Попечительница Центрального училища технического рисования барона Штиглица в Петербурге *142, 149*

Поляков Федор Петрович (1860–1925) — действительный статский советник (1913), доктор медицины, отоларинголог, почетный лейб-отиатр *142, 149*

Приклонский Михаил Григорьевич (1864–1944) — действительный статский советник (1908), камергер. Окончил Московский университет. Служил в МИД. Делопроизводитель (1898) и начальник 1-го отделения 1-го департамента, затем — генеральный консул в Будапеште, состоящий в ведомстве МИД (1914), управляющий Особым политическим отделом (1916–1917). Умер в эмиграции *222*

Прилежаев Василий Васильевич (1862 — не ранее 1919) — действительный статский советник (1904), тайный советник (1913). Окончил Училище правоведения. Начал

(1879), сенатор (1884), член Комитета финансов (1899–1917) и Государственного совета (1900, после 1906 входил в Кружок внепартийного объединения) *111*

Савинский Александр Александрович (1868–1931) — действительный статский советник (1910), в должности шталмейстера (1911). Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1891 служил в МИД. Чиновник Департамента личных и хозяйственных дел (1892), сверхштатный чиновник (1895), 1-й секретарь (1900) и вице-директор канцелярии МИД, чиновник особых поручений при министре (1904), директор канцелярии (1905), посланник в Швеции (1911) и Болгарии (1913–1915). Умер в эмиграции *97–98, 104, 181, 203–205, 361*

Сазонов (Созонов) Егор Сергеевич (1879–1910) — член Боевой организации Партии социалистов-революционеров (1903), убийца В. К. Плеве. Покончил с собой на каторге *124*

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) — камергер (1898), действительный статский советник (1907), в должности гофмейстера (1910), гофмейстер (1910). Муж А. Б. Сазоновой. Окончил Александровский лицей. С 1883 служил в МИД, 2-й секретарь посольства в Англии (1890), секретарь миссии в Ватикане (1894), советник посольства в Англии (1904), министр-резидент (1906) и посланник (лично) (1907) в Ватикане, товарищ министра (1909) и министр (1910–1916) иностранных дел, член Государственного совета по назначению (1913, входил в Кружок внепартийного объединения), посол в Англии (1917). Умер в эмиграции *13, 16, 32–33, 48, 98–99, 187–188, 194–197, 199, 203–209, 212–215, 219, 221, 223–227, 229–234, 237, 257, 261–262, 269–271, 273, 279, 288, 297, 302–303, 324–328, 331, 387, 390–394, 396–397, 404, 406, 409–411, 417, 424, 426, 428*

Сазонова Анна Борисовна (1868–1939), урожд. Нейдгарт — жена С. Д. Сазонова. Фрейлина. Умерла в эмиграции *48, 188, 205, 327*

Сакович Владимир Андреевич (ум. не ранее 1917) — статский советник (на 1916). Окончил университет. С 1887 находился на государственной службе. С 1897 — чиновник Государственного контроля, старший ревизор Департамента гражданской отчетности *181*

Салтыкова Елизавета Николаевна — см. Оболенская Е. Н.

Самарин Александр Дмитриевич (1868–1932) — зять С. И. Мамонтова, дальний родственник В. Б. Лопухина. Камергер (1906), действительный статский советник (1908), в должности егермейстера (1910). Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1893 — земский начальник 4-го участка Бронницкого уезда Московской губернии. Богородский уездный (1899) и московский губернский (1908–1915) предводитель дворянства. Член Государственного совета по назначению (1912, входил в группу правых), исправляющий должность обер-прокурора Синода (июль-сентябрь 1915), председатель Постоянного совета Объединенных дворянских обществ (1916–1917). После 1917 неоднократно подвергался репрессиям. Умер в ссылке *35, 247, 255, 401–403*

Самарин Юрий Федорович (1819–1876) — философ, общественный деятель, идеолог славянофильства. В 1845–1854 служил в МВД, затем — в отставке. Участвовал в разработке ряда реформ 1860-х. С 1866 — гласный Московской городской думы и губернского земского собрания *27, 354*

Самарины — русский дворянский род *4, 34*

Сапари С. — граф, австро-венгерский дипломат. Посол Австро-Венгрии в России (1913–1914) *222*

Сапеги — польско-литовский дворянский, графский и княжеский род *45*

Сахаров Виктор Викторович (1848–1905) — генерал-майор (1890), генерал-лейтенант (1897), генерал-адъютант (1903). Военный историк. Окончил 3-е Александровское военное училище и Николаевскую академию Генерального штаба. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. С 1878 служил в штабе Гвардейского корпуса. Штаб-офицер для особых поручений при командующем войсками гвардии и Петербургского военного округа великом князе Николае Николаевиче старшем (1880), исправляющий должность начальника штаба (1884) и начальник штаба (1885) 2-й гвардейской кавалерийской дивизии.

Сергеевский Николай Дмитриевич (1849–1908) — действительный статский советник (1896), тайный советник (1904). Криминалист, историк права и публицист. Окончил юридический факультет Петербургского университета и был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре уголовного права. С 1874 — приват-доцент Демидовского юридического лицея в Ярославле. В 1880 защитил магистерскую, в 1888 — докторскую диссертации. Экстраординарный профессор лицея (1880). Приват-доцент (1882), экстраординарный (1884) и ординарный (1888) профессор уголовного права, декан юридического факультета (1887) Петербургского университета. Одновременно являлся адъюнкт-профессором Военно-юридической академии и преподавателем Александровского лицея. В 1890–1892 редактировал журнал «Юридическая летопись». С 1894 — член Консультации при Министерстве юстиции, редактировал «Журнал Министерства юстиции». В 1895 назначен статс-секретарем Государственного совета и управляющим отделением Свода законов Государственной канцелярии. Сенатор (1904), член Государственного совета по назначению (1906, входил в правую группу) *114*

Сергей Александрович (1857–1905) — великий князь, пятый сын императора Александра II, дядя императора Николая II, муж великой княгини Елизаветы Федоровны. Флигель-адъютант (1876), генерал-майор (1887), генерал-адъютант (1891), генерал-лейтенант (1896). Археолог-любитель и коллекционер. Получил домашнее образование под руководством Д. С. Арсеньева. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Почетный председатель Исторического музея (1881). Основатель и председатель Православного палестинского общества (1882–1905). Командир л.-гв. Преображенского полка (1887), московский генерал-губернатор (1891–1905), член Государственного совета (1894), командующий войсками Московского военного округа (1896–1905). Глава Комитета по устройству Музея изящных искусств (1898). Почетный член Академии наук, Академии художеств, Московского археологического общества и Московского общества любителей художеств. Убит эсером И. П. Каляевым *76, 125, 133, 137, 159, 365–366, 369*

Серж Виктор — см. Кибальчич В. Л.

Сиверс Георгий Николаевич (1864–1922) — граф, муж графини О. В. Сиверс. Действительный статский советник (1914), камергер (1913). Окончил Петербургский университет. Ямбургский уездный предводитель дворянства. Почетный мировой судья по Ямбургскому уезду, гласный Петроградского губернского земского собрания. Умер в эмиграции *54*

Сиверс Ольга Васильевна (ум. 1951), урожд. Данилова — графиня, жена графа Г. Н. Сиверса. Умерла в эмиграции *54*

Сиверс Федор Яковлевич (1879–1915) — жених свояченицы В. Б. Лопухина. Офицер л.-гв. Семеновского полка. Участник Первой мировой войны. Погиб на фронте *246*

Симич Божин (ум. не ранее 1946) — сербский и югославский общественный деятель, активный член сербской патриотической организации «Черная рука» *220*

Сипягин Дмитрий Сергеевич (1853–1902) — камергер (1885), действительный статский советник (1890), егермейстер (1894). Окончил юридический факультет Петербургского университета. С 1876 служил в МВД. Кандидат в волоколамские уездные предводители дворянства (1878), волоколамский уездный предводитель дворянства (1881), харьковский вице-губернатор (1886), исправляющий должность курляндского губернатора (1888), курляндский (1890) и московский (1891) губернатор. Товарищ министров государственных имуществ (1893) и внутренних дел (1894). Главноуправляющий канцелярией е. и. в. по принятию прошений, на высочайшее имя приносимых (1895). Управляющий Министерством (1899) и министр внутренних дел (1900). Убит эсером С. В. Балмашевым *22, 48, 77–78, 84, 105, 112, 359, 364, 405*

Скалон Василий Юрьевич (1846–1907) — общественный деятель и публицист. Специалист в области земского самоуправления и народного просвещения. Член (1871–1874) и председатель (1874–1883) Московской уездной земской управы. Участник либерального движения. В 1880–1882 издавал и редактировал газету «Земство». В 1886–1888 — ре-

Соловьев Владимир Сергеевич (1853–1900) — религиозный философ и публицист, сотрудник журнала «Вестник Европы» *338*

Соловьев Юрий (Георгий) Яковлевич (1872–1934) — действительный статский советник (1915), камергер (1913). Окончил Александровский лицей. Служил в МИД, его младший чиновник (1893). 1-й секретарь миссий в Китае (1895), Греции (1898), Черногории (1904). Чиновник особых поручений для дипломатической переписки при варшавском генерал-губернаторе (1905). 1-й секретарь миссии в Румынии (1906). Управляющий Отделом печати МИД (1908). 1-й секретарь миссии в Вюртемберге (1909–1911). Советник посольства в Испании (1912–1917). После Октябрьской революции 1917 стал единственным из заграничных представителей России, который открыто перешел на службу к большевикам *16, 181, 356, 361, 385, 395, 421*

Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910) — граф (1902), действительный статский советник (1864), тайный советник (1869), действительный тайный советник (1878), действительный тайный советник 1-го класса (1906). Окончил Александровский лицей. Служил во II Отделении Собственной е. и. в. канцелярии. Старший чиновник (1863) и товарищ главноуправляющего (1864–1867) II Отделением, статс-секретарь его величества (1864). Государственный секретарь (1867). Государственный контролер (1878–1889), член Комитета финансов (1878–1910), член Государственного совета (1889), председатель департаментов законов (1889) и государственной экономии (1893–1905), председатель Комитета финансов (1893) и Совета министров в отсутствие императора (февраль –октябрь 1905). Кроме того, в 1905 — председатель Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил и Совещания для разработки необходимых в действующем Учреждении Государственного совета изменений. Председатель Государственного совета (1905–1906) *115, 158, 377*

Сперанский Михаил Михайлович (1772–1839) — граф (1839), действительный статский советник (1801), тайный советник (1808), действительный тайный советник (1827). Окончил Главную семинарию при Александро-Невской лавре, после чего был ее преподавателем. Секретарь генерал-прокурора Сената (1797). Статс-секретарь и экспедитор канцелярии Государственного совета (1801), директор Департамента МВД (1803), управляющий 2-й экспедицией МВД (1806–1807), член Комиссии составления законов и товарищ министра юстиции (1808), государственный секретарь (1810–1812). С 1812 по 1816 — в опале. Пензенский губернатор (1816), сибирский генерал-губернатор (1819), член Государственного совета (1821) , председатель Департамента законов Государственного совета (1838), одновременно — начальник II отделения Собственной е. и. в. канцелярии (1826) *10, 110*

Спиридович Александр Иванович (1873–1952) — генерал-майор (1916). Историк. Окончил 1-е Павловское военное училище. С 1893 служил в 105-м Оренбургском пехотном полку, с 1899 — в Отдельном корпусе жандармов, с 1900 — в Московском охранном отделении. Начальник Таврического (1902) и Киевского (1903–1905) охранных отделений. В 1905 был тяжело ранен террористом и прикомандирован к штабу Отдельного корпуса жандармов. Начальник Императорской дворцовой охраны при дворцовом коменданте (1906), ялтинский градоначальник (1916–1917). Умер в эмиграции *277–279, 415*

Стааль Агафоклея Егоровна — см. Орлова-Давыдова А.Е.

Стааль Анна Николаевна — см. Борисова А.Н.

Стааль Егор Егорович (Георг Фридрих Карл) (1822–1907) — барон, отец графини А.Е. Орловой-Давыдовой. Действительный статский советник (1867), камергер (1869), тайный советник (1873), действительный тайный советник (1886). Учился в Московском университете. С 1845 служил в Азиатском департаменте МИД. Участник Крымской войны 1853–1856. Старший секретарь миссий в Греции (1859–1861) и Турции (1862), советник последней (1864). Посланник в Вюртемберге (1871–1884), Баварии (1883–1884), Бадене и Гессене (1883–1884), посол в Англии (1884–1902). С 1902 — член Государственного совета. Умер во Франции *90, 93*

управляющего ею (1892–1896), управляющий Комитетом о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, заведующий Инспекторским отделом канцелярии (1894–1917), управляющий (1896) и главноуправляющий (1897–1917) канцелярией, статс-секретарь его величества (1904), член Государственного совета по назначению (1906) *77–78*

Танеева Анна Александровна — см. Вырубова А. А.

Тарле Евгений Викторович (1875–1955) — историк, академик АН СССР (1927). Приват-доцент Петербургского (Петроградского) университета (1903–1917). В 1917–1930 — профессор Петроградского (Ленинградского) университета. В 1930 арестован по т. н. «Академическому делу», до 1932 — в заключении и ссылке, в 1936 — реабилитирован *151, 391, 393, 397*

Татищев Борис Алексеевич (1876–1949) — статский советник, камергер (1911). Окончил Александровский лицей. Служил в МИД. Начальник политического стола 1-го департамента, 1-й секретарь посольства в Париже, затем — директор 1-го политического отдела МИД и начальник канцелярии министра (1916–1917). Умер в эмиграции *16, 231, 271, 300, 318, 320, 418, 420–422, 424–425*

Татищев Илья Леонидович (1859–1918) — генерал-майор Свиты (1905), генерал-лейтенант и генерал-адъютант (1915). Учился в Пажеском корпусе. С 1877 служил в л.-гв. Гусарском его величества полку. Адъютант командира Гвардейского корпуса (1885) и главнокомандующего войсками гвардии и Петербургского военного округа великого князя Владимира Александровича (1890). Личный представитель императора Николая II при дворе германского императора Вильгельма II (1905–1914). После Февральской революции 1917 — в отставке. Сопровождал семью Николая II в Тобольск и Екатеринбург, расстрелян большевиками. Канонизирован Русской православной церковью за границей *232–233, 396*

Татьяна Николаевна (1897–1918) — великая княжна, дочь Николая II и Александры Федоровны, сестра цесаревича Алексея Николаевича. В 1914–1917 — почетная председательница Комитета для оказания временной помощи лицам, пострадавшим от военных действий. Расстреляна большевиками. Канонизирована Русской православной церковью *286, 399*

Таубе Владимир Владимирович, фон (род. 1876) — барон, надворный советник (на 1916). Окончил Петербургское коммерческое училище. Служил в Министерстве финансов. Помощник контролера (1896) и контролер (1907) отделения кредитных билетов Государственного банка. В 1910 перешел в МИД на должность делопроизводителя 1-го департамента. В конце 1917 — активный участник антибольшевистской забастовки чиновников МИД *15, 319, 425*

Таубе Константин Фердинандович, фон (ум. 1920) — барон, действительный статский советник (1896), тайный советник (1913). Переводчик. С 1877 служил в МИД. Управляющий 1-й (шифровальной) экспедицией при канцелярии МИД (1887–1916) *98*

Таубе Михаил Александрович, фон (1869–1961) — барон, тайный советник (1915). Юрист-международник, историк, генеалог и поэт. По окончании юридического факультета Петербургского университета был оставлен при кафедре международного права. В 1896 получил степень магистра, в 1899 — доктора. Приват-доцент Харьковского (1897) и Петербургского (1899) университетов, экстраординарный (1903) и ординарный (1906) профессор последнего по кафедре международного права. Одновременно с 1892 служил в МИД. Делопроизводитель 2-й экспедиции канцелярии МИД (1893), делопроизводитель 6-го (1902) и 5-го (1904) классов 2-го департамента МИД, его вице-директор (1905). Советник МИД (1907–1911). С 1909 — ординарный профессор, с 1910 — член совета Училища правоведения. В 1911–1915 — товарищ министра народного просвещения. Сенатор (1915), член Государственного совета по назначению (1917, входил в группу правых). Умер в эмиграции *16, 98, 203, 382, 385*

Тергукасов Соломон Исаевич (1862 — не ранее 1917) — действительный статский советник (1909). Окончил Московский университет. С 1887 — чиновник Министерства

В 1902 бежал из ссылки за границу. В начале XX в. — меньшевик, затем — внефракционный социал-демократ. В 1905 вернулся в Россию и стал одним из лидеров Петербургского совета рабочих депутатов. В 1906 снова бежал из ссылки за границу, где находился до 1917. После Февральской революции и возвращения в Россию примкнул к большевикам, став членом ЦК РСДРП(б). С сентября 1917 — председатель Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Руководитель Октябрьского вооруженного восстания. С октября 1917 по февраль 1918 — народный комиссар по иностранным делам. Руководитель советской делегации на мирных переговорах с Германией и ее союзниками. В дальнейшем на партийной и военной работе. В 1929 выслан из страны, убит в эмиграции агентом НКВД *14, 310–319, 344, 421–426*

Трубецкая Вера Александровна (1866–1942), урожд. княжна Щербатова — жена князя Е. Н. Трубецкого *33*

Трубецкая Дарья Петровна — см. Оболенская Д. П.

Трубецкая Любовь Васильевна (1828–1860), урожд. графиня Орлова-Денисова — княгиня, первая жена князя Н. П. Трубецкого *32*

Трубецкая Мария Константиновна (1881–1943), урожд. графиня Хрептович-Бутенева — жена князя Г. Н. Трубецкого *33*

Трубецкая Мария Николаевна — см. Кристи М. Н.

Трубецкая Прасковья Владимировна (1860–1914), урожд. княжна Оболенская — жена князя С. Н. Трубецкого *33*

Трубецкая Софья Алексеевна (1842–1901), урожд. Лопухина — княгиня, вторая жена князя Н. П. Трубецкого, дочь Алексея Александровича Лопухина, тетя В. Б. Лопухина.

Трубецкая Софья Николаевна — см. Глебова С. Н. *28, 32–33, 332*

Трубецкой Григорий Николаевич (1873–1930) — князь, сын князя Н. П. Трубецкого от второго брака, брат князей Е. Н., П. Н. и С. Н. Трубецких, двоюродный брат В. Б. Лопухина. Действительный статский советник (1916), камергер (1912). Юрист-международник, публицист. Окончил историко-филологический факультет Московского университета. С 1896 служил в Азиатском департаменте МИД. Секретарь российского посольства в Турции (1897–1905). Занимался общественной деятельностью, один из лидеров партий мирного обновления, демократических реформ и прогрессистов. Вице-директор 1-го (Азиатского) департамента (1912), советник 2-го (ближневосточного) политического отдела (1914), посланник в Сербии (1914–1917). Во время Первой мировой войны являлся кандидатом на должность русского комиссара Международного управления Константинополем. В 1917 — начальник Дипломатической канцелярии при Ставке верховного главнокомандующего. В октябре 1917 был назначен послом в Англию, однако туда не выехал. В период Гражданской войны — министр вероисповеданий в правительстве А. И. Деникина. Умер в эмиграции *16, 32–33, 206, 239, 261, 295, 332, 409*

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) — князь, сын князя Н. П. Трубецкого от второго брака, брат князей Г. Н., П. Н. и С. Н. Трубецких, двоюродный брат В. Б. Лопухина. Статский советник. Правовед и философ. Окончил юридический факультет Московского университета. Доктор философии (1897). Профессор Демидовского юридического лицея, Киевского (1897) и Московского (1906–1918) университетов. Член ЦК Конституционно-демократической партии (1905–1906), в 1906 — один из создателей и лидеров Партии мирного обновления. Член Государственного совета по выборам от университетов (1907–1908, 1915–1917, входил в группу левых) и ЦК Партии прогрессистов (1912–1914) *4, 12, 32–34, 153, 161, 332, 346–347, 376*

Трубецкой Николай Николаевич (1836–1902) — князь, дядя В. Б. Лопухина. Генерал-майор (1879), генерал-лейтенант (1891). Окончил 1-ю московскую гимназию. С 1856 служил в Полтавском пехотном полку, в 1860–1864 — в Оренбургском казачьем войске. В 1864 прикомандирован к Инспекторскому департаменту Военного министерства для письменных занятий. Состоящий для особых поручений при петербургском генерал-

военно-походной канцелярии командующего войсками Туркестанского военного округа (1880), военный губернатор Семиреченской области и наказной атаман Семиреченского казачьего войска (1882). Ярославский губернатор (1887–1896) *52*

Фриш Владимир Эдуардович (Вольдемар Август) (1863–1931) — действительный статский советник (1902), в должности шталмейстера (1904), шталмейстер (1912). Сын Э. В. Фриша. Окончил Училище правоведения. С 1885 служил в Министерстве юстиции, товарищ прокурора Ярославского (1889) и Петербургского (1890) окружных судов. Ярославский вице-губернатор (1894), помощник петербургского градоначальника (1900), член Совета министра внутренних дел (1905–1915), заведующий продовольственным делом в империи (1909). Сенатор (1915). Умер в эмиграции *182*

Фриш Эдуард Васильевич (1833–1907) — действительный статский советник (1865), тайный советник (1872), действительный тайный советник (1883). Отец В. Э. Фриша. Окончил Училище правоведения. С 1853 служил в канцеляриях департаментов Сената. Начальник 4-го отделения Департамента Министерства юстиции (1862), юрисконсульт Консультации при министерстве (1865), товарищ обер-прокурора (1866) и обер-прокурор (1870) Уголовного кассационного департамента Сената, исправляющий должность обер-прокурора Общего собрания кассационных департаментов Сената (1872–1876), сенатор (1874), товарищ министра юстиции (1876), член Государственного совета и главноуправляющий Кодификационным отделом при нем (1883–1893), статс-секретарь его величества (1887), председатель Департамента гражданских и духовных дел (1897) и Департамента законов (1900), член Комитета финансов (1901–1907), вице-председатель (1906) и председатель (1906) Государственного совета *111, 115, 161*

Фролов Александр Николаевич (1882–1946) — корнет (на 1905), полковник (на 1917) л.-гв. Конного полка. На службе с 1901. Участник Белого движения. Умер в эмиграции во Франции *151*

Халкионова Ольга, урожд. Ляпунова — дочь командира полка, квартировавшего в Ярославле *54*

Харитонов Петр Алексеевич (1852–1916) — действительный статский советник (1887), тайный советник (1899), действительный тайный советник (1913). Окончил Училище правоведения. С 1873 служил в Министерстве юстиции, юрисконсульт Консультации при министерстве (1883). В 1886 перешел в Кодификационный отдел при Государственном совете на должность старшего чиновника. Управляющий Государственной типографией (1891–1893), помощник статс-секретаря (1893), исправляющий должность статс-секретаря (1897) и статс-секретарь (1898) Государственного совета, товарищ государственного секретаря (1904–1906). В конце 1905 составил проект новых Основных государственных законов, переработанный вариант которых вступил в силу в 1906. Сенатор (1906), член Государственного совета по назначению (1906, входил в группу центра), государственный контролер (1907–1916), статс-секретарь его величества (1911) *11, 115–116, 134, 166, 186, 261, 386, 405*

Харламов Николай Васильевич (1860–1925) — камергер (1911), действительный статский советник (1908). Окончил Петербургский университет. С 1885 служил в МВД. С 1910 — управляющий канцелярией варшавского генерал-губернатора, на 1915 — причисленный к Государственной канцелярии и канцелярии Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов (1914–1917), помощник управляющего делами Особой комиссии Верховного совета (1916–1917) *267*

Хвостов Александр Алексеевич (1857–1922) — действительный статский советник (1894), тайный советник (1905), действительный тайный советник (1917). Дядя А. Н. Хвостова. Окончил Александровский лицей. С 1878 служил в Государственной канцелярии, с 1879 — в Министерстве юстиции. Секретарь прокурора Саратовской судебной палаты (1880–1881), товарищ прокурора Саратовского окружного суда (1882). В 1884 перешел в Министерство государственных имуществ на пост временного чиновника особых по-

Циглер фон Шафгаузен Эмилий Карлович (1858–1910) — действительный статский советник (1905). Инженер путей сообщения. Окончил Петербургский институт инженеров путей сообщения. С 1884 — на государственной службе. С 1890 — чиновник Министерства финансов. В 1895–1896 — строитель Всероссийской выставки 1896 в Нижнем Новгороде. В 1899–1908 — директор Департамента железнодорожных дел и председатель Тарифного комитета этого департамента *58*

Цомакион Владимир Сергеевич (ум. 1930) — статский советник. Служил офицером Сумского гусарского полка, затем — чиновником для письма в Инспекторском отделе Собственной его величества канцелярии и в Департаменте личного состава и хозяйственных дел МИД. Смотритель зданий МИД (1901–1916). Умер в эмиграции *326–327*

Чаев Сергей Николаевич (1863 – не ранее 1917) — коллежский асессор. Инженер путей сообщения. Учился в Московском университете и Институте инженеров путей сообщения. Служил в МПС. Проектировал железные дороги и руководил их строительством. В 1903–1917 состоял в ведомстве учреждений императрицы Марии, будучи почетным членом Совета детских приютов. В 1917 — директор правления товарищества «Дом инженеров путей сообщения в Петрограде» и член Комитета по организации экспедиции к Северному полюсу и по исследованию русских полярных стран *335*

Чарыков Николай Валерьевич (1855–1930) — камергер и действительный статский советник (1895), гофмейстер (1908). Историк. Окончил Александровский лицей. С 1875 служил в МИД. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. Чиновник Азиатского департамента. 1-й секретарь российского посольства в Турции (1890), советник посольства в Германии (1895), дипломатический агент в Болгарии (1896), министр-резидент в Ватикане (1897), посланник в Сербии (1900) и Голландии (1904). Товарищ министра иностранных дел (1907). Председатель Комиссии по реформированию штатов центральных учреждений МИД. Посол в Турции (1909), сенатор (1912). Умер в эмиграции *13, 180–181, 187, 385*

Чегодаев (Чегодаев-Саксонский) Алексей Павлович (1875–1949) — князь, коллежский советник, камер-юнкер (1908). Окончил Александровский лицей. С 1896 служил во флоте, с 1898 — в запасе. Добровольцем участвовал в русско-японской войне 1904–1905, вахтенный офицер крейсера «Алмаз». С 1905 — на гражданской службе, начальник отделения канцелярии Комитета министров. Причисленный к канцелярии Совета министров. Служил в МВД. Эриванский (1913–1914) и люблинский (1915–1917) вице-губернатор. Гласный Лаишевского уездного земского собрания Казанской губернии *168*

Чемерзин Борис Александрович (1874 — 1942) — статский советник. Окончил Пажеский корпус. Служил в л.-гв. Егерском полку. Учился на Офицерских курсах восточных языков при Азиатском департаменте МИД, в 1901 перешел на службу в этот департамент. Вице-консул в Болгарии (1904–1909), секретарь миссии в Абиссинии и исполняющий обязанности поверенного в делах (1911–1914), затем — исполняющий обязанности секретаря 6-го класса 4-го политического отдела (дальневосточного) МИД. В 1920-е — помощник управляющего 1-м отделением III Секции (юридической) Главархива. Преподавал в Судостроительном механическом техникуме и в Школе ФЗУ Всесоюзного объединения оптико-механического производства. Член Секции научных работников Ленинграда. В 1930 репрессирован по делу Ленинградской контрреволюционной организации. Умер в блокадном Ленинграде *311, 422*

Череванский Владимир Павлович (1836–1914) — действительный статский советник (1876), тайный советник (1885), действительный тайный советник (1904). Публицист, драматург, востоковед. Учился в Херсонской гимназии. С 1854 служил бухгалтером в Одесском военном госпитале. Участник Крымской войны 1853–1856 и Ахал-Текинской военной экспедиции 1880–1881. С 1864 служил в Государственном контроле. Ревизор (1865) и старший ревизор (1866) Петербургской контрольной палаты, управляющий Туркестанской (1868) и Московской (1883) контрольными палатами, директор канцелярии

Шателен Сергей Андреевич (1873–1946) — действительный статский советник (1913). Сводный брат Б. А. Бахметева. Окончил Училище правоведения. С 1895 служил по Министерству финансов в Отделе торгового мореплавания. Член от министерства в правлении Архангело-Мурманской железной дороги (1905). Чиновник для особых поручений при министре финансов и член Технического совета по Отделу торгового мореплавания Министерства торговли и промышленности (1906), затем — помощник начальника отдела. Директор Департамента таможенных сборов Министерства финансов (1914) и Общей канцелярии министра финансов (1916–1917), товарищ министра финансов (1916–1917). В 1918 — член Союза международных торговых товариществ. Умер в эмиграции *331, 336, 343, 427*

Шауфус (Шаффгаузен-Шёнберг-Эк-Шауфус) Николай Константинович (1846–1911) — генерал-майор (1901), генерал-лейтенант (1906). Военный инженер. Окончил 3-е военное Александровское училище и Николаевскую инженерную академию. С 1869 служил на железных дорогах. Начальник участка пути Рязано-Козловской железной дороги (1869) и службы ремонта пути и зданий (1875) и управляющий (1878) Курско-Киевской железной дорогой. Директор Московско-Курской железной дороги (1892), начальник Николаевской железной дороги (1899) и Управления железных дорог МПС (1905), министр путей сообщения (1906–1909), член Государственного совета (1908, входил в группу правых) *162*

Шаховской Василий Александрович (1833–1897) — князь, действительный статский советник (1883), камергер (1872), тайный советник (1895). Окончил Московский университет. С 1856 служил в МВД. Участник русско-турецкой войны 1877–1878. В 1884–1896 ярославский губернский предводитель дворянства. В 1896 был причислен к МВД *44*

Шаховской Всеволод Николаевич (1874–1954) — князь, в должности гофмейстера (1911), действительный статский советник (1912). Окончил Морской кадетский корпус. Служил на Балтийском флоте, с 1893 — в Гвардейском экипаже. В 1898 перешел в Министерство финансов, столоначальник Отдела по делам торгового мореплавания при Департаменте торговли и мануфактур (1899), столоначальник отдела (1900), чиновник особых поручений 6-го (1902) и 5-го (1903) классов Главного управления торгового мореплавания и портов. Чиновник особых поручений 5-го класса при министре торговли и промышленности (1905), управляющий административной частью Отдела торговых портов Министерства торговли и промышленности (1908). В 1910 перешел в МПС на должность начальника Управления внутренних водных путей и шоссейных дорог. Управляющий Министерством и министр торговли и промышленности (1915–1917). Умер в эмиграции *241–242, 351, 399*

Шаховской Дмитрий Иванович (1861–1939) — князь, политический деятель, историк. Окончил юридический факультет Петербургского университета. Гласный уездного (1889) и губернского (1895) ярославских земств. Участник либерального движения, инициатор создания и один из руководителей «Союза освобождения» и «Союза земцев-конституционалистов». В 1905–1917 член ЦК Конституционно-демократической партии. Член I Государственной думы. Один из руководителей кооперативного движения. Министр государственного призрения Временного правительства (май-июнь 1917). В 1918 — один из инициаторов создания «Союза возрождения России» и Всероссийского национального центра. Остался в Советской России, служил в кооперации, занимался литературным трудом. Репрессирован большевиками *161, 348*

Шванебах Петр Христианович (1848–1908) — действительный статский советник (1882), тайный советник (1896). Экономист. Окончил Училище правоведения. Слушал лекции в Лейпцигском и Парижском университетах. С 1867 служил в Министерстве юстиции, с 1870 — в Министерстве финансов. Вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов (1883), в должности гофмейстера двора великой княгини Екатерины Михайловны (1888–1891), товарищ управляющего Государственным

Конституционно-демократической партии, член ее ЦК (1908–1918). Депутат II–IV Государственных дум. Активный участник Февральской революции 1917. Министр земледелия (март-май) и финансов (май-июнь) Временного правительства. Убит матросами *179, 225, 294, 303, 412*

Шипов Дмитрий Николаевич (1851–1920) — камергер и действительный статский советник (1896). Гласный Волоколамского уездного и Московского губернского земских собраний (1877), председатель Волоколамской уездной (1891) и Московской губернской (1893–1903) земских управ. Лидер либерального движения. В 1896–1904 — председатель съездов представителей губернских земских собраний, в 1905 — один из основателей Союза 17 октября, в 1906 — Партии мирного обновления. Член Государственного совета по выборам от земства (1906–1909, входил в группу центра). С 1912 — один из лидеров Партии прогрессистов. Репрессирован большевиками *161, 347, 376–377*

Шипов Иван Павлович (1865–1920) — действительный статский советник (1896), тайный советник (1904). Сын А. А. и П. И. Шиповых. Экономист. Окончил Александровский лицей. В 1885–1891 служил в Министерстве финансов. Помощник начальника (1891) и начальник отделения (1892) канцелярии Комитета министров. В 1894 вернулся в Министерство финансов, вице-директор Особенной канцелярии по кредитной части (1894), директор Общей канцелярии министра (1897), директор Департамента государственного казначейства (1902), министр финансов (октябрь 1905 — апрель 1906), затем — член от Министерства финансов в Совете Государственного банка. Министр торговли и промышленности (1908–1909), член Государственного совета по назначению (1909, входил в Кружок внепартийного объединения). Управляющий Государственным банком (1914–1917) *21, 51, 149, 153, 155, 163, 186, 203, 324–325, 372*

Шипов Павел Иванович (1835–1897) — муж А. А. Шиповой, отец И. П. Шипова. Титулярный советник *51*

Шипова Анна Александровна (1839–1869), урожд. Бизеева — жена П. И. Шипова, мать И. П. Шипова, сестра М. А. Бизеевой *51*

Ширинский-Шихматов Алексей Александрович (1862–1930) — князь, камергер (1896), действительный статский советник (1900), в должности гофмейстера (1903), гофмейстер (1904). Коллекционер. Окончил Училище правоведения. С 1885 служил в МВД, советник Эстляндского губернского правления (1886). В 1890 перешел в Синод, помощник юрисконсульта при обер-прокуроре (1890), прокурор и управляющий канцелярией Московской синодальной конторы (1894), тверской губернатор (1903), сенатор (1904), товарищ обер-прокурора Синода (май-октябрь 1905), обер-прокурор Синода (апрель–июль 1906), член Государственного совета по назначению (1906, входил в группу правых). Умер в эмиграции *162, 164*

Шишкин Николай Павлович (1827–1902) — действительный статский советник (1871), тайный советник (1882), действительный тайный советник (1902). Учился в Александровском лицее. С 1847 служил в канцелярии ярославского губернатора. В 1853 перешел в Азиатский департамент МИД, старший помощник столоначальника (1855), младший столоначальник (1856). Секретарь генерального консульства в Бухаресте (1859), консул в Адрианополе (1861), генеральный консул в Белграде (1863), дипломатический агент и генеральный консул в Сербии (1868), посланник в США (1875), Греции (1880), Швеции и Норвегии (1884). Товарищ министра иностранных дел (1891–1897), управляющий МИД (1896–1897), статс-секретарь его величества (1896), член Государственного совета (1897) *71–72*

Шмидт Петр Петрович (1867–1906) — революционер, отставной капитан 2-го ранга (1905). Окончил Морское училище. Служил на Балтике и на Тихом океане; с 1898 — в запасе флота. Плавал на океанских торговых судах. В начале 1904 мобилизован, с января 1905 — командир миноносца № 253 Черноморского флота. Руководитель восстания на крейсере «Очаков» в Севастополе в ноябре 1905. Расстрелян по приговору суда *142, 372*

Содержание

Научное издание

Владимир Борисович Лопухин

Записки бывшего директора департамента Министерства иностранных дел

Отв. редактор *С. В. Куликов*

Корректор *Г. Засыпкина*
Компьютерная верстка *Л. Философова*
Дизайн обложки *Т. Иванова*

Подписано в печать 14.12.08. Формат 60×84 $^{1}/_{16}$.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура Petersburg
Усл. печ. л. 33,75. Тираж 1000. Заказ № 882

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
тел.: (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru

Отпечатано в типографии «Нестор-История»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
Тел.: (812)622-01-23